ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи
А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,
П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.

№ 10. Октябрь. **1913**

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва.—1913.

Printed in Switzerland

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

Стр.

50 лѣтъ «Русскихъ Вѣдомостей» 5
Сакулинъ, П. Н. Исповѣдь разночинца. (Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Н. Г. Помяловскаго) 11
Евгеньевъ, В. М. Н. А. Некрасовъ и его отецъ 22
Чертковъ, В. А. Отношеніе Л. Н. Толстого къ земледѣльческимъ колоніямъ (по неизданнымъ письмамъ) 46
Дживелеговъ, А. К. Теодоръ Моммзенъ въ 1848 году. (Къ десятилѣтію со дня смерти) 65
Игнатовичъ, И. И. Продовольственный вопросъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ наканунѣ освобожденія. (Окончаніе) 73

II. Воспоминанія:

Морозовъ, Н. А. Во имя братства. (Продолженіе) 108
Селивановъ, А. Поправка къ воспоминаніямъ Н. А. Морозова (письмо въ редакцію) 139
Новорусскій, М. О Шлиссельбургскомъ архивѣ 140
Тимоѳей Заяцъ. Записки. (Продолженіе). Пер. и ред. А. К. Чертковой и Н. Н. Гусева 149

III. Матеріалы:

Павловскій, И. Ф. Кременчугская фабрика сукнодѣлія для евреевъ въ началѣ XIX в. 175
Письма М. Н. Муравьева къ А. А. Зеленому. Сообщ. *Н. І. Шатиловымъ*. Примѣчанія *В. И. Семевскаго*. (Продолженіе) 181
Мельгуновъ, С. П. Изъ исторіи русской печати. (Къ 50-лѣтію «Русскихъ Вѣдомостей»). Письма В. М. Соболевскаго къ В. Ю. Скалону . . 208
Обольяниновъ, Н. А. Одна малоизвѣстная русская политическая карикатура 235

IV. Романъ:

Владиславъ Реймонтъ. 1794 годъ Ч. 1. гл. III. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Историческая повѣсть. Переводъ *Евг. Загорскаго* . . 238

V. Обзоръ журналовъ:

Бродскій, Н. Л. О Некрасовѣ 268
Васютинскій, А. М. I. Новое о Вѣнскомъ Конгрессѣ. II. Люди первой половины XIX в. по мемуарамъ 274
Статьи въ текущихъ журналахъ 278

VI. Критика и библіографія.

Е. Н. Щепкинъ. Проф. Платоновъ «Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в., какъ историческій источникъ. Изд. 2-ое. *В. И. Семевскій*. K. Waliszewski «Le fils de la grande Catherine Paul I-er, empereur de Russie». *В. И. Семевскій*. П. Е. Щеголевъ. «Историческіе этюды». *В. И. Пичета*. В. К. Николай Михайловичъ. Письма Высочайшихъ особъ гр. А. С. Протасовой. *С. Л. Аваліани*. А. Н. Ри-

Стр.

басъ. «Старая Одесса». *Л. Н. Юровскій.* С. Булгаковъ. «Очерки по исторіи экономическихъ ученій». *П. В. Безобразовъ.* Новости византійской исторіи. *А. М. Васютинскій.* Дункеръ. Король Солнце. Любовная идилія Людовика XIV. *В. М. Фриче.* Исторія западной литературы. Подъ редакціей проф. Θ. Д. Батюшкова. *П. Н. Сакулинъ.* Юрій Веселовскій. Этюды по русской и иностранной литературѣ. **Изъ текущей литературы:** *Н. П. Губскій.* Изъ исторіи русской общественности и русской литературы. (По поводу юбилейнаго сборника «Рус. Вѣд.»). *Е. А. Колосовъ.* Зубатовщина. (По поводу книги Морского). *Л. С. Козловскій.* Русскій дворъ нач. XIX в. по воспоминаніямъ доктора Франка. *А. М. Гнѣвушевъ.* Бытъ и нравы нач. XVII в. *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Отвѣтъ М. Н. Покровскому (письмо въ редакцію). Новыя книги . . . 279

VII. Хроника.

Е. Н. Щепкинъ.† Гуго Винклеръ. *И. С. Рябининъ.*† Вл. Лозинскій. *И. И. Поповъ.*† В. Е. Гориновичъ. *И. И. Поповъ.*† П. М. Головачевъ. *М. С. Сергѣевъ*† И. В. Цвѣтаевъ. *А. И. Колмогоровъ.* Юбилей Д. Н. Анучина. Диспутъ Кагарова. Диспутъ Бутенко. Французскій критикъ объ Александрѣ I Д. С. Мережковскаго. 316

VIII. Рисунки.

На отдѣльныхъ листахъ: 1. Группа издателей «Русскихъ Вѣдомостей» 1883 г. 2. В. Ю. Скалонъ. *Въ текстѣ;* 3. Н. С. Скворцовъ; 4. группа: И. Н. Игнатовъ, А. А. Мануиловъ, В. А. Розенбергъ; 5. М. Я. Герценштейнъ и Г. Б. Іоллосъ гимназистами; 6. Карикатура, помѣщенная въ журналѣ «Заноза» въ 1864 г.; 7. Вл. Лозинскій; 8. В. Е. Гориновичъ; 9. П. М. Головачевъ; 10. И. В. Цвѣтаевъ; 11. Д. Н. Анучинъ. **Заставки и концовки** заимствованы изъ изданія 1742 г. Oeuvres diverses de M. de Fontenelle». т. III. «Histoire de l'Academie des Sciences». Рисунки грав. Picart. (Изъ собранія В. П. Обнинскаго).

IX. Объявленія.

Содержаніе вышедшихъ №№ «Голоса Минувшаго».

50 лѣтъ „Русскихъ Вѣдомостей".

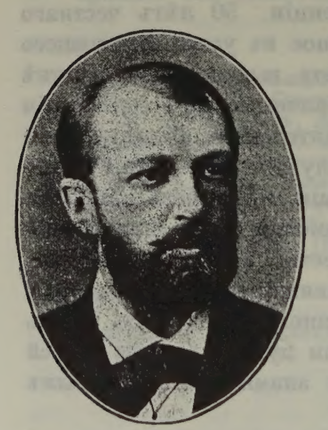
«Русскія Вѣдомости» празднуютъ свой пятидесятилѣтній юбилей. Это праздникъ всей русской печати и въ то же время одинъ изъ немногихъ праздниковъ русской интеллигенціи. 50 лѣтъ честнаго общественнаго служенія — явленіе незаурядное въ условіяхъ нашего политическаго существованія. Маленькая газета, вышедшая въ Москвѣ 3 сентября 1863 года (основана Н. Ф. Павловымъ при содѣйствіи мин. вн. д. Валуева), превратилась во вліятельный общественный органъ, выражавшій долгіе и долгіе годы лучшія стремленія и надежды передовыхъ слоевъ нашей интеллигенціи. Въ періодъ наиболѣе мрачной реакціи 1880—90 гг. «Русскія Вѣдомости» были однимъ изъ немногихъ органовъ повременной печати, честно и благородно проводившимъ свою программу и никогда не ставившимъ меркантильные расчеты выше идейнаго служенія общественному благу. Въ этомъ отношеніи «Русскія Вѣдомости» свято блюли лучшіе завѣты нашей литературы и, можно сказать, донесли это знамя незапятнаннымъ до нашихъ дней.

Теперь, когда общественная жизнь, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, идетъ совсѣмъ инымъ темпомъ, когда стали значительно сложнѣе всѣ общественныя отношенія, когда партійная группировка диференцировала такъ или иначе разнородные общественные элементы, — пожалуй, уже нѣсколько трудно представить себѣ вполнѣ конкретно то огромное значеніе, которое имѣли «Русскія Вѣдомости» въ періодъ мрачнаго безвременья, какимъ отмѣчены 80—90 гг. Это было время, когда общественное мнѣніе гласно могло высказаться только въ печати, несмотря на всѣ тяжелыя, а подчасъ и невозможныя цензурныя условія ея существованія. И естественно, что къ «Русскимъ Вѣдомостямъ», какъ къ единственной газетѣ, «которую взять въ руки не стыдно», по выраженію Салтыкова [1]), тянулись лучшія публицистическія силы. Едва ли

---

[1]) Письмо къ доктору Бѣлоголовому въ 1885 г., приведенное В. А. Розенбергомъ въ историческомъ очеркѣ, помѣщенномъ въ юбилейномъ изданіи «Русскихъ Вѣдомостей».

была газета, которая числила въ своихъ рядахъ такой блестящій списокъ сотрудниковъ. Здѣсь были и Лавровъ, и Салтыковъ, и Михайловскій. Развѣ недостаточно назвать только три этихъ имени, столь дорогихъ каждому русскому интеллигентному читателю, чтобы опредѣлить идейную позицію газеты? Понятно, что «Русскія Вѣдомости» сдѣлались органомъ, наиболѣе ярко отражающимъ общественное мнѣніе. Но этого мало: они сдѣлались органомъ, воспитывающимъ молодыя поколѣнія въ духѣ тѣхъ великихъ гражданскихъ завѣтовъ, которые воодушевляли прошлыхъ борцовъ за правду-истину. Эта роль намѣтилась уже тогда, когда «Русскія Вѣдомости» числились еще въ рядахъ «малой прессы», какъ выражался Г. З. Елисѣевъ во внутреннемъ обозрѣніи «Отечественныхъ Записокъ» за 1875 г.: «Главное достоинство ея (газеты), — писалъ Елисѣевъ, — состоитъ въ томъ, что она постоянно вѣрна себѣ самой и послѣдовательна. Держась твердо умѣренно-либеральныхъ воззрѣній, она никогда не измѣняетъ имъ ни въ ту ни въ другую сторону; она не старается завлекать читателя какимъ-нибудь случайнымъ ультралиберальнымъ и радикальнымъ выходомъ; но зато отъ нея не отдаетъ никогда ни запахомъ постнаго масла, какъ отъ «Современныхъ Извѣстій», ни запахомъ аракчеевщины, какъ отъ «Московскихъ Вѣдомостей», ни тѣмъ отвратительнымъ и большею частью безъ всякой нужды заявляемымъ холопствомъ, букетъ котораго то и дѣло болѣе или менѣе чувствуется во многихъ изъ нашихъ газетъ» [1]).

Н. С. Скворцовъ.

Это будетъ понятно, если мы припомнимъ, что въ это время въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» уже начали работать тѣ, кто впослѣдствіи явились истинными создателями и вдохновителями газеты. Въ началѣ 70 гг. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», редактируемыхъ Н. С. Скворцовымъ, работали уже А. С. Посниковъ, А. И. Чупровъ, В. М. Соболевскій. Въ историческомъ очеркѣ «Русскихъ Вѣдомостей», составленномъ В. А. Розенбергомъ, разсказывается любопытный эпизодъ, интересный не только для исторіи «Русскихъ Вѣдомостей», но и для исторіи общественныхъ настроеній въ 70 гг. Маленькая группа молодыхъ ученыхъ, сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей» (Зиберъ, Чупровъ, Посниковъ, Соболевскій и проф. Ковалевъ) собираются въ 1873 г. въ Гейдельбергѣ на «съѣздъ для рѣшенія вопроса: «Что нужно дѣлать? Чего добиваться въ открывающейся передъ ними общественной дѣятельности». И единодушно

[1]) Цитировано по статьѣ В. А. Розенберга.

выносятъ рѣшеніе: «добиваться конституціи». Политическая свобода — для достиженія демократическаго и соціальнаго обновленія страны. И этотъ девизъ гейдельбергскаго «съѣзда» отнынѣ становится и девизомъ «Русскихъ Вѣдомостей» [1]) и связываетъ на долгіе годы газету съ русскимъ обществомъ.

Въ 1883 г. со смертью Н. С. Скворцова изданіе газеты переходитъ къ тому кружку сотрудниковъ «Р. В.» (см. прилагаемую группу), который сумѣлъ поднять её на такую высоту моральной чистоты и общественнаго вліянія...

«Это единственный порядочный органъ и притомъ со смысломъ издающійся. Очень умѣренный, но честный», писалъ Салтыковъ Бѣлоголовому въ другомъ болѣе раннемъ письмѣ (1881 г.) послѣ перваго свиданія съ Соболевскимъ, предлагавшимъ Салтыкову сотрудничество въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Однако, при всей своей «умѣренности», «Русскія Вѣдомости» никогда не были органомъ только конституціоннымъ. Еще въ маленькихъ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» Елисѣевъ въ томъ же обзорѣ отмѣтилъ «упорное настаиваніе на важности одного изъ существенныхъ и главныхъ вопросовъ нашей жизни» — крестьянскаго вопроса. Одинъ изъ раннихъ правительственныхъ циркуляровъ о непечатаніи «агитаціонныхъ слуховъ и свѣдѣній объ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ» (14 іюня 1881 г.) былъ вызванъ замѣткой, появившейся въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», а именно коллективнаго заявленія 35 крестьянъ бывшихъ гр. Бобринскаго деревень о притѣсненіи ихъ управляющимъ.

По иному и не могло быть — къ «Рус. Вѣд.» съ самаго начала примкнули крупнѣйшіе представители нашей экономической науки. Ихъ авторитетные голоса сдѣлали безконечно много для выясненія необходимыхъ Россіи соціально-экономическихъ реформъ. Здѣсь заслуга «Русскихъ Вѣдомостей» передъ русскимъ обществомъ и передъ всей страной дѣйствительно значительна. Въ силу этого «Русскія Вѣдомости» никогда не были органомъ либерализма, они всегда были окрашены демократическимъ цвѣтомъ, и ихъ симпатіи склонялись къ тому теченію общественной мысли въ Россіи, которое получило у насъ названіе народничества [2]). Та честность и независимость убѣжденій, которыя неуклонно отмѣчали «Русскія Вѣдо-

---

[1]) По словамъ А. С. Посникова (въ воспоминаніяхъ въ юбилейномъ изданіи) начала, выработанныя въ Гейдельбергѣ, по иниціативѣ Скворцова были даже отпечатаны.

[2]) Отмѣчая это народническое направленіе «Р. В.» и указывая на столь извѣстныя корреспонденціи Г. Б. Іоллоса изъ Берлина, С. Я. Елпатьевскій въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ томъ же юбилейномъ изданіи, справедливо замѣчаетъ: «И даже не будетъ парадоксомъ сказать, что «Р. В.» были не очень далеки отъ соціалъ-демократической партіи, опять-таки до возникновенія самостоятельной партіи».

мости» за долгіе годы ихъ тяжелой общественной работы, влекли къ нимъ всѣхъ «рыцарей духа», какъ выражается историкъ газеты. И онъ имѣлъ право употребить этотъ терминъ. Здѣсь и такіе «умѣренные», какъ К. К. Арсеньевъ, и такіе «неумѣренные», какъ Н. К. Михайловскій, встрѣчались и находили объединеніе въ дѣятельной любви къ родинѣ и народу. Эта опредѣленность направленія газеты была такъ устойчива, такъ неизмѣнна, что Михайловскій могъ написать въ 1894 году Соболевскому: «Я не могу себѣ даже представить такое положеніе дѣлъ, при которомъ мои литературныя отношенія къ «Русскимъ Вѣдомостямъ» прекратились бы принципіально» (цитируемъ по статьѣ В. А. Розенберга). Было дѣйствительно что-то общее—та «веревочка дѣйствительности», какъ называлъ это общее Шелгуновъ въ письмѣ къ Соболевскому въ 1894 г., — что обязывало русскую интеллигенцію къ совмѣстной работѣ, что заставляло итти въ «Русскія Вѣдомости» людей всѣхъ партій и направленій. Между редакціей и читателями устанавливаются тѣснѣйшія связи, вытекающія изъ сознанія, что «Русскія Вѣдомости» не только частное предпріятіе, но органъ, отражающій общественное мнѣніе, создающій его и руководящій имъ. Эти связи становятся организующимъ началомъ и помогаютъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» занять въ 90-хъ годахъ столь авторитетное положеніе. Къ ихъ голосу прислушиваются, ихъ голосъ находитъ отраженіе въ другихъ общественныхъ организаціяхъ. Вотъ примѣръ такого взаимнаго обмѣна, ставившаго «Русскія Вѣдомости» въ центръ общественныхъ начинаній. Поднимается вопросъ о мелкой земской единицѣ, и извѣстный общественный дѣятель кн. Д. И. Шаховской пишетъ въ 1902 г. одному изъ редакторовъ «Русскихъ Вѣдомостей» В. Ю. Скалону: «Какъ было бы важно, чтобы «въ Р. В.» до губернскихъ земскихъ собраній появилась статья, разъясняющая вопросъ о мелкой земской единицѣ; мнѣ кажется, газета обязана такъ или иначе это сдѣлать». Статья появляется и находитъ надлежащій откликъ въ земскихъ собраніяхъ. Поднимается вопросъ о фондѣ для осуществленія всеобщаго обученія. Другой земецъ, проф. А. В. Васильевъ, въ 1904 году пишетъ Скалону: «Я держусь того взгляда, что «Рус. Вѣд.» должны рядомъ статей поставить дѣло фонда на *земскую* почву и сдѣлать вопросъ о всеобщемъ обученіи и средствахъ, необходимыхъ для него, однимъ изъ важнѣйшихъ и общимъ на губернскихъ земскихъ собраніяхъ настоящаго года... Обсужденіе этого вопроса можетъ имѣть громадное значеніе для ускоренія дѣла, а вмѣстѣ съ пожертвованіями въ фондъ имѣть *психическое* вліяніе и на наше Мин. Нар. Просвѣщенія. Чтобы добиться обсужденія этого вопроса на губернскихъ земскихъ собраніяхъ желательно воспользоваться съѣздомъ предсѣдателей губернскихъ управъ». Предполагая поднять вопросъ въ Петербургѣ

Издатели „Русскихъ Вѣдомостей“ (съ 1883 г.).

Сидятъ слѣва направо: М. А. Саблинъ, В. Ю. Скалонъ, А. П. Лукинъ, В. М. Соболевскій, А. С. Посниковъ, Д. Н. Анучинъ, В. С. Пагануцци.

Стоятъ: М. Е. Богдановъ, А. И. Чупровъ, П. И. Бларамбергъ, Г. А. Джаншіевъ.
Виситъ портретъ Н. С. Скворцова.

на земскомъ собраніи, А. В. Васильевъ добавляетъ: «Но мое предложеніе можетъ имѣть значеніе только тогда, когда оно будетъ поддержано авторитетнымъ голосомъ «Русскихъ Вѣдомостей» и стараго глубокоуважаемаго земца» (т.-е. Скалона) и т. д. и т. д. Конечно, такихъ примѣровъ можно привести немало. Мы взяли два случайныхъ изъ пачки писемъ, нашедшихся въ архивѣ В. Ю. Скалона [1]).

«Русскія Вѣдомости» являются въ полномъ смыслѣ слова безпартійнымъ общественнымъ органомъ»—говорится въ юбилейномъ, историческомъ очеркѣ. И это дѣйствительно было такъ въ долгіе годы, когда «Русскія Вѣдомости» среди газетъ являлись почти единственными выразителями общественнаго мнѣнія. Но въ годы общественнаго подъема и въ то же время рѣзкихъ, но почти неизбѣжныхъ партійныхъ раздѣленій трудно было сохранить ту позицію всеобъемлющаго безпристрастія, которымъ отличались старыя «Русскія Вѣдомости». У газеты была «своя» политическая программа, свое опредѣленное «credo», которыя должны были оказываться въ конфликтѣ съ тѣми, которыя выставляли другую «политическую программу» и у которыхъ было свое «credo».

И неизбѣжно временами «Русскія Вѣдомости», не становясь партійнымъ органомъ, все же пріобрѣтали партійную, нѣсколько одностороннюю окраску. Наиболѣе рѣзко это сказывалось въ тотъ моментъ, когда газетой сталъ руководить одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ русскихъ журналистовъ, столь трагически и рано погибшій—Г. Б. Іоллосъ.

Но исторія еще не наступила для этой знаменательной эпохи новѣйшей русской исторіи... При всемъ томъ «веревочка дѣйствительности» никогда не обрывалась. И подъ честнымъ знаменемъ «Русскихъ Вѣдомостей» продолжали сходиться всѣ тѣ, кому дороги были «общественное благо и свобода». И мы увѣрены, что будутъ еще сходиться долгіе годы.

У насъ немного органовъ, стойкихъ и проникнутыхъ гражданскимъ чувствомъ служенія общественному благу, не потворствующихъ «вкусамъ толпы» и помнящихъ, что на писателѣ лежитъ большая нравственная отвѣтственность. Среди этихъ органовъ «Русскія Вѣдомости» занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Въ нашемъ отечествѣ есть читатели и будутъ, которые всего дороже цѣнятъ «писательскую добросовѣстность и независимость убѣжденій» (изъ письма А. И. Чупрова В. М. Соболевскому). И пока этотъ читатель существуетъ, будутъ существовать и газеты типа «Русскихъ Вѣдомостей».

Конечно, «Русскія Вѣдомости» не были одиноки. И невольно въ день ихъ пятидесятилѣтія вспоминаешь длинный мартирологъ

---

1) См. также въ отдѣлѣ «матеріаловъ».

русской печати. Съ благодарностью вспоминаешь тѣхъ, которые благородно пали въ борьбѣ за правду и свободу, и съ признательностью обращаешься къ тѣмъ, которые выдержали эту упорную все еще длящуюся борьбу. «Русскія Вѣдомости» пережили самую мрачную эпоху, когда ихъ существованіе не разъ висѣло на волоскѣ. (См. историческій очеркъ В. А. Розенберга и ниже помѣщаемые матеріалы.) Независимый органъ, объединившій въ себѣ лучшія литературныя силы, привлекшій вниманіе читателей и пользующійся огромнымъ авторитетомъ среди нихъ, не могъ не обращать на себя вниманія враговъ свободной прессы. Сколько разъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» грозила опасность окончательнаго закрытія, сколько административныхъ каръ пришлось перенести, сколько цензурныхъ мытарствъ выдержать, сколько тяжелыхъ переживаній должны были перенесть тѣ, кто руководилъ газетой! Пусть читатель заглянетъ ниже въ частныя письма одного редактора къ другому (Соболевскаго къ Скалону), и онъ увидитъ, какъ мучительны были подчасъ эти редакторскія переживанія. И надо было въ сущности много мужества и твердости, чтобы не предаться отчаянію и вынести столько безотрадныхъ лѣтъ. «Русскія Вѣдомости» перенесли ихъ, какъ ни тяжело подчасъ давалась эта «осторожность», боровшаяся постоянно съ чувствомъ возмущенія и невозможности сказать «слово истины» такъ, какъ это требовалъ и долгъ и сознаніе. Иногда все это было труднѣе, чѣмъ погибнуть.

Исповѣдь разночинца.

(Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Н. Г. Помяловскаго, † 5 окт. 1863 г.).

I.

Разночинецъ пришелъ... Въ такихъ словахъ обыкновенно формулируютъ одинъ изъ осязательныхъ результатовъ той соціально-экономической метаморфозы, какая совершалась у насъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Какъ извѣстная сословная группа, разночинецъ существовалъ, конечно, давно, но это было скромное, мало замѣтное существованіе. Спорадически случайнымъ гостемъ появлялся разночинецъ въ рядахъ интеллигенціи уже въ XVIII и первой четверти XIX в., и нужно сказать, что даже въ это время его участіе въ общей идейной жизни страны не оставалось совершенно безплоднымъ, но оно не было настолько яркимъ, чтобы историкъ культуры могъ опредѣленно учесть его слѣдствія. До половины XIX в. доминирующая роль принадлежала дворянской интеллигенціи. Постепенно, однако, внутренніе процессы, происходившіе въ глубокихъ нѣдрахъ народной жизни, существенно измѣнили положеніе разночинца и подняли его удѣльный вѣсъ. Уже во второй четверти XIX в. мы наблюдаемъ значительный притокъ разночинцевъ въ составъ русской интеллигенціи, и разночинецъ Бѣлинскій становится одной изъ центральныхъ личностей эпохи. Условія новаго періода нашей общественности въ еще большей степени открыли дорогу разночинцу. Шестидесятые годы впервые заговорили о немъ, какъ о важной культурной силѣ, стремящейся подчинить своему вліянію умственную жизнь русскаго общества, какъ о новомъ человѣкѣ эпохи, наиболѣе типично выразившемъ ея особенности. Интеллигентъ-демократъ, имѣвшій свою классовую психологію, свои бытовыя традиціи и свои стремленія, пришелъ не на пустое мѣсто, а на опредѣленную почву, которая въ теченіе многихъ десятилѣтій подвергалась культурной обработкѣ руками дворянской интеллигенціи. Наука, искусство, формы культурнаго общежитія были налицо. Дворянская культура—огромный историческій фактъ; его нельзя было просто отвергнуть: въ интересахъ самого разночинца ему нужно было такъ или иначе ассимилироваться съ тѣмъ, чѣмъ

жилъ дворянинъ. Какъ растеніе, пересаженное въ новую почву, должно переболѣть, прежде чѣмъ оно окончательно акклиматизируется въ новыхъ условіяхъ, такъ и разночинецъ долженъ былъ пережить при этомъ сложную борьбу внѣшняго и внутренняго характера. Этотъ соціологическій фактъ нашелъ себѣ многоразличныя отраженія въ литературѣ. Мы имѣемъ какъ показанія со стороны, такъ и признанія самихъ разночинцевъ.

Талантливый беллетристъ, чьи сочиненія становятся теперь общимъ достояніемъ, Николай Герасимовичъ Помяловскій лучше, чѣмъ кто-либо, приближаетъ насъ къ пониманію внутренней жизни русскаго разночинца въ эпоху 60-хъ годовъ. Эта жизнь знакома ему не по слухамъ, не съ чужихъ словъ: онъ самъ былъ типичнымъ разночинцемъ и писалъ только о томъ, что видѣлъ вокругъ себя, что передумалъ и перечувствовалъ самъ. Его произведенія — подлинная и интимная исповѣдь разночинца начала шестидесятыхъ годовъ [1]).

II.

Важнымъ моментомъ въ жизни каждой общественной группы является пробужденіе *классоваго самосознанія*. Только съ этой поры группа и начинаетъ въ сущности свое самостоятельное бытіе, какъ соціальная единица.

Къ шестидесятымъ годамъ XIX в. классовое самосознаніе разночинца достаточно созрѣло, и Помяловскій съ полной отчетливостью выразилъ эту идею въ своихъ произведеніяхъ, особенно въ повѣсти «Мѣщанское счастье» (1861).

Весь сюжетъ этой повѣсти проникнутъ сознательнымъ противопоставленіемъ дворянской и мѣщанской среды, бѣлой и черной кости. «Егоръ Ивановичъ Молотовъ думалъ о томъ, какъ хорошо жить помѣщику Аркадію Ивановичу на бѣломъ свѣтѣ, жить въ той деревнѣ, гдѣ онъ, помѣщикъ, родился, при той рѣкѣ, въ томъ домѣ, подъ тѣми же липами, гдѣ протекло его дѣтство. При этомъ у молодого человѣка невольно шевельнулся вопросъ: «А гдѣ же тѣ липы, подъ которыми прошло мое дѣтство? — Нѣтъ тѣхъ липъ, да и не было никогда». Припомнился ему отецъ-мѣщанинъ, слесарь, жизнь въ темной конурѣ, грязь и бѣдность, и первыя дѣтскія радости, смѣхъ и горе, и молитвы». Вотъ первыя строки повѣсти «Мѣщанское счастье». Онѣ сразу вводятъ читателя in medias res, сразу даютъ опредѣленное соціальное настроеніе. Съ одной стороны, дворянскія гнѣзда, съ вѣковыми парками, съ пахучими липовыми аллеями, съ тихими живописными рѣчками, со всей поэзіей, ко-

---

[1]) Общая характеристика личности и творчества Н. Г. Помяловскаго дана нами въ очеркѣ, напечатанномъ въ «Исторіи р. литературы XIX в.», изд. т-ва «Міръ».

торую такъ художественно умѣлъ передавать несравненный Тургеневъ, самъ вылетѣвшій изъ дворянскаго гнѣзда; это—культурные оазисы среди пустыни крѣпостнической Россіи. Съ другой стороны, темная конура мѣщанина-слесаря, жизнь въ грязи и бѣдности, безъ ласкающихъ впечатлѣній поэтической обстановки, та жизнь, къ которой уже начала подходить литература сороковыхъ годовъ, но описать которую во всей наготѣ и внутренней правдѣ сумѣлъ лишь писатель-демократъ шестидесятыхъ годовъ.

Помяловскій какъ нельзя болѣе наглядно раскрываетъ намъ душевный процессъ, какимъ Егоръ Ивановичъ Молотовъ пришелъ къ своимъ горькимъ думамъ о родовыхъ липахъ, и какъ эти думы превратились у него въ настоящую идеологію разночинца. Авторъ намѣренно такъ строитъ жизнь своего героя, что коллизія между плебействомъ и дворянствомъ была неизбѣжна.

Раннее дѣтство Молотова прошло въ грубой, но трудовой обстановкѣ, затѣмъ судьба дѣлаетъ его воспитанникомъ стараго профессора, хорошаго человѣка, но зауряднаго ученаго, съ отсталымъ міросозерцаніемъ. Егоръ Ивановичъ проходитъ установленные курсы гимназіи и университета. «Новая наука» еще не проникла въ школу, и Молотовъ вынесъ оттуда идеалистическое настроеніе, столь характерное для дворянскаго періода. Студентъ Молотовъ любилъ говорить о широкихъ началахъ, общеміровыхъ идеяхъ и замогильныхъ вопросахъ; «жизнь, природа, человѣчество» — на этихъ предметахъ постоянно вертѣлись его мысли; «онъ смотритъ идеалистомъ»; онъ — «оптимистъ». Не сознавая еще своей связи съ родной соціальной средой, юноша беретъ мѣсто въ домѣ помѣщика Обросимова, казалось, во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго и «передового» человѣка. Молотовъ скоро свыкся съ чужой семьей, наивно считалъ себя въ ней своимъ человѣкомъ. Безъ излишней рефлексіи и тяжелыхъ думъ о смыслѣ своей жизни, онъ непосредственно наслаждается жизнью и въ молодомъ поэтическомъ экстазѣ свое личное существованіе какъ бы сливаетъ съ общимъ процессомъ жизни. Для полноты счастья нашлась и дѣвушка, «кисейная барышня», которая съ дѣтской довѣрчивостью раскрыла передъ нимъ объятія своей нѣжной любви. Казалось, плебею оставалось только благодарить Провидѣніе за ниспосылаемыя блага. «Все передъ нимъ розово и свято, и въ будущемъ ясно». Молотовъ — «веселъ и спокоенъ и живется ему, безъ сомнѣнія, просто и легко».

Но это только такъ казалось. Въ Молотовѣ всегда жилъ разночинецъ, homo novus. Студентомъ онъ былъ идеалистъ и оптимистъ, «хотя, странно», оговаривается авторъ, «онъ всегда остороженъ, аккуратенъ, осмотрителенъ и всегда у него есть деньги». И теперь, въ домѣ Обросимовыхъ, его нельзя было смѣшать съ дворянскимъ юношей: демократическій обликъ виденъ во всемъ. Начать хоть съ

наружности Молотова: большой лобъ, широкія ноздри, крупныя губы, выдавшійся подбородокъ, «большія руки, сильныя и мускулистыя, съ толстыми пальцами и коротко остриженными на нихъ ногтями», ступня ноги тоже большая—все это признаки плебея, а не изнѣженнаго аристократа; онъ «созданъ не дамскимъ кавалеромъ», и манеры его «были не безукоризненны». Молотовъ отличался «застѣнчивостью, робостью и стыдливостью»; какъ истый разночинецъ, онъ былъ сдержанъ въ выраженіи своихъ чувствъ и интимныхъ думъ. Когда Леночка защебетала о прелести поэзіи, Молотовъ уклонился отъ этого разговора. «Онъ боялся фразерства, и потому не проповѣдывалъ новыхъ идей, не кричалъ о прогрессѣ, рѣдко позволялъ себѣ нѣжныя слова и возвышенныя рѣчи». Къ каждому вопросу онъ старался отнестись вдумчиво и самостоятельно. Онъ «не любилъ пѣть съ чужого голоса, проповѣдывать заученное, кидаться изъ стороны въ сторону, находясь подъ вліяніемъ только что прочитанной статейки». Типичная для разночинца психологія. Рано или поздно, Молотовъ долженъ былъ, однако, почувствовать себя постороннимъ тѣломъ въ организмѣ дворянской семьи.

Обросимовъ хорошо сознавалъ цѣнность образованнаго разночинца и много распространяется на тему о выгодѣ имѣть недорогія ученыя руки. Его отношенія къ Молотову въ сущности опредѣлялись «экономическимъ національнымъ закономъ» или, точнѣе можно бы сказать, всеобщимъ (не только національнымъ) соціально-экономическимъ закономъ, обусловливающимъ взаимоотношенія труда и капитала. Нелегко у насъ бѣдному человѣку добиться «права на трудъ», разсуждаетъ авторъ, а когда его добьется, то «работа» превращаетъ его въ «раба». По общераспространенному взгляду, «не трудъ насъ кормитъ — начальство и мѣсто кормятъ; дающій работу — благодѣтель, работающій—благодѣтельствуемый; наши начальники кормильцы». Молотовъ сначала не замѣчалъ дѣйствія этого закона, и авторъ все время какъ бы насторожѣ, онъ ждетъ, неужели Молотовъ не догадается, что онъ — жертва экономической эксплуатаціи. Авторъ старается быть объективнымъ художникомъ, но въ его изложеніе то и дѣло врываются мефистофельскія реплики, какъ вопль «оскопленнаго, старческаго сердца», напитаннаго желчью, завистью и злобой. «Неужели онъ долго еще не разочаруется, долго сохранитъ этотъ ясный, спокойный взглядъ, который такъ досаденъ намъ, старикамъ?»—спрашиваетъ авторъ, недоумѣвающій по поводу беззаботнаго настроенія Молотова: «Мы согласны, что юношеское невѣдѣніе завлекательнѣе нашего старческаго знанія; но все-таки старческое знаніе лучше юношескаго невѣдѣнія». Ожиданія автора сбылись. Глаза Молотова прозрѣли, и онъ лицомъ къ лицу сталъ передъ соціальной проблемой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понялъ и другой «общественный, мало того— общеміровой законъ»: «Теперь плебей узналъ, что его кровь не

освящена столѣтіями, что она черна, течетъ въ упругихъ, толстыхъ, какъ верви, жилахъ и твердыхъ нервахъ, а не подъ атласистой бѣлой кожей, въ голубыхъ нитяхъ и нѣжныхъ»...

Вопросъ объ отношеніи къ Обросимовымъ разрастается у Молотова въ общій вопросъ объ его соціальномъ положеніи. Что онъ такое, гдѣ его настоящее мѣсто, каково его назначеніе? — вотъ о чемъ теперь спрашиваетъ себя Молотовъ. Безоблачное настроеніе исчезаетъ, въ немъ заговорили инстинкты и гоноръ плебея, закипѣла желчь, и онъ съ рѣзкой бранью обрушивается на «негодяевъ, аристократишекъ, баръ-кулаковъ». Обросимовы и въ этотъ критическій моментъ остались неизмѣнно вѣрны своей внѣшней корректности и вѣжливости, но разрывъ былъ неизбѣженъ.

Молотовъ сознал въ себѣ разночинца, взбунтовался противъ культурнаго покровительства и вмѣстѣ культурной эксплуатаціи со стороны дворянина, и тѣмъ самымъ какъ бы возсталъ противъ той дворянской стихіи, которая была привита ему воспитаніемъ. До сихъ поръ его внутренній міръ представлялъ амальгаму началъ плебейскихъ и дворянскихъ; опытъ жизни, какъ могучій реактивъ, произвелъ разложеніе чуждыхъ другъ другу элементовъ. И Молотовъ, уже познавшій злобу и ненависть, покидаетъ усадьбу Обросимовыхъ, чтобы искать своего собственнаго, «мѣщанскаго» счастья. Настоящая, не призрачная жизнь глянула на него «своими широкими прекрасными и страшными очами», и онъ не могъ не зажмуриться «отъ невыносимаго блеску очей ея».

Такимъ образомъ, Помяловскій произвелъ своего рода соціологическій экспериментъ, который долженъ былъ иллюстрировать пробужденіе въ разночинцѣ классоваго самосознанія и отрицанія дворянской культуры [1]). Молотовъ усвоилъ университетскія науки, обязанъ имъ всѣмъ своимъ духовнымъ развитіемъ, но теперь, въ моментъ назрѣвавшаго протеста, онъ болѣзненно сознаетъ свою рознь съ интеллигентомъ-дворяниномъ. Желая въ минуту душевнаго смятенія погадать, онъ наобумъ открылъ первую попавшуюся книгу и прочиталъ: «Несчастіе мужиковъ ничего не значитъ противъ несчастія людей, которыхъ преслѣдуетъ судьба». Это говоритъ лермонтовскій Арбенинъ. Его слова заставили Молотова судорожно скомкать книгу, бросить ее на полъ и вызвали изъ его груди дикій, озлобленный хохотъ. «Онъ въ эту минуту озлобился на поэта, лично на Лермонтова, забывая, что поэтъ не отвѣчаетъ за своихъ героевъ, что бы они ни говорили». Арбенинъ въ его глазахъ «большой баринъ и большой негодяй», совершенно неспособный понимать «несчастье мужиковъ». Тѣ же ноты звучатъ въ рѣчахъ будущей невѣсты Молотова, Нади Дороговой, мѣщанки, получившей инсти-

---

[1]) И самъ Помяловскій говаривалъ: «Гдѣ намъ въ барство лѣзть, не тѣмъ пахнетъ, да и жизнь-то была у насъ не барская; другъ друга не поймемъ».

тутское воспитаніе. Въ школѣ она зачитывалась Тургеневымъ, онъ былъ ея «любимымъ поэтомъ», но когда она вышла изъ періода наивнаго институтства, когда жизнь заставила ее болѣе критически относиться къ вещамъ, она пришла къ заключенію, что книги, которыя она читала до сихъ поръ, писаны «для избранныхъ». «Тамъ,— говоритъ Надя,—люди живутъ не по-нашему, тамъ не тѣ убѣжденія, большей частью живутъ безъ труда, безъ заботы о насущномъ хлѣбѣ. Тамъ всѣ помѣщики—и герой помѣщикъ и поэтъ помѣщикъ... Барина описываютъ съ замѣтной къ нему любовью, хотя бы онъ былъ дрянной человѣкъ; и воспитаніе, и обстоятельства разныя — все поставлено на видъ; притомъ баринъ всегда на первомъ планѣ, а чиновники, попадьи, учителя, купцы всегда выходятъ негодными людьми, безобразными личностями, играютъ унизительную роль, и, смѣшно, часто такъ разсказано дѣло, что они и виноваты въ томъ, что баринъ худъ или страдаетъ».

Вотъ въ какомъ свѣтѣ представляется критически мыслящему разночинцу наша художественная литература, лучшій цвѣтъ дворянской культуры. Помяловскій исправитъ ошибку «поэтовъ-помѣщиковъ» и любовно разскажетъ намъ, какъ въ дѣйствительности живутъ мѣщане и къ чему они стремятся.

III.

Тургеневъ написалъ «Дворянское гнѣздо», Помяловскій пишетъ «*Мѣщанское гнѣздо*». Такъ по всей справедливости можно назвать его повѣсть «*Молотовъ*». Авторъ не только изображаетъ обширную родственную семью мѣщанъ-чиновниковъ съ Дороговымъ во главѣ, но и, подобно Тургеневу, даетъ цѣлую генеалогію этого мѣщанскаго гнѣзда за сто лѣтъ, начиная съ отдаленныхъ предковъ, съ старика, который «шилъ дрянные сапоги», и старухи, которая «пекла дрянные пироги». Исторія этого мѣщанскаго рода оказалась не менѣе поучительной, чѣмъ исторія дворянскаго рода Лаврецкихъ. Сколько понадобилось ума, воли и настоящаго героизма, чтобы устоять въ тяжелой борьбѣ за существованіе и достигнуть нѣкотораго благоденствія и возможности «жить какъ люди»! Авторъ по собственному опыту знаетъ, какой дорогой цѣной покупаются здѣсь каждая копейка и каждая крупица счастья, и считаетъ вполнѣ естественнымъ, что господствующій идеалъ мѣщанства сводится къ матеріальному довольству, къ желанію спокойно отдохнуть и почувствовать свою независимость. Въ Аннѣ Андреевнѣ Дороговой «воплотился идеалъ поколѣнія». «И вотъ къ такимъ-то личностямъ,—говоритъ Помяловскій, — невозможно относиться обличительно, представляя ихъ ограниченный кругозоръ, нельзя досадовать, видя ихъ спо-

койныя лица, выражающія откровенное нежеланіе итти впередъ... Невольно соглашаешься, что такое спокойствіе вполнѣ законно, точно чувствуется, что жизнь и природа, долго работая въ этомъ уголкѣ сословія, хотѣли достигнуть пока ближайшей цѣли, достигли, сложили руки и отдыхаютъ». Уже одно это соображеніе притупляетъ остріе авторской сатиры. Устами Молотова авторъ не можетъ отрицать, что есть «много горькой правды» въ словахъ Нади Дороговой: «надо отыскать добрую старину въ *своихъ* людяхъ. Безъ этого жить нельзя».

Прямо и откровенно говоритъ Помяловскій о психологическихъ мотивахъ своего творчества. «Поэты-помѣщики» были несправедливы къ разночинцу, такъ какъ ихъ явныя или скрытыя симпатіи лежали на сторонѣ людей своего класса: онъ по-своему изобразитъ картину мѣщанской жизни, и разсказъ его будетъ согрѣтъ теплыми чувствами любви и снисхожденія. О мѣщанствѣ Помяловскій, дѣйствительно, говоритъ такъ же, какъ Тургеневъ о дворянскомъ гнѣздѣ, какъ Гоголь о старосвѣтскихъ помѣщикахъ, какъ Гончаровъ о бабушкѣ въ «Обрывѣ».

Это не значитъ, однако, что Помяловскій нарисуетъ намъ мѣщанскую Аркадію, наивную идиллію мѣщанскаго счастья. Онъ помнитъ о своей обязанности быть правдивымъ и объективнымъ; онъ ничего не скроетъ отъ читателя. Мало того, читатель быстро убѣждается, что къ чувствамъ любви и снисхожденія, какія питаетъ авторъ къ изображаемой средѣ, у него невольно примѣшиваются чувства скорби и неудовлетворенности. Мѣщанская жизнь представлена намъ не только со всѣми своими темными сторонами, но и въ процессѣ броженія, какъ соціальная драма. Это—неизбѣжный результатъ приспособленія разночинства къ новымъ культурнымъ условіямъ. Мѣщанство двинулось, устои зашатались, жизнь потребовала искупительныхъ жертвъ, и мѣщанство создало своихъ идейныхъ мучениковъ и даже «лишнихъ людей», что, казалось, было уже настоящей роскошью, позволительной лишь для дворянства. А между тѣмъ это было такъ: среди разночинцевъ 60-хъ годовъ рядомъ съ устойчивыми организаціями, успѣвшими выработать себѣ стройное міропониманіе и увѣренно шедшими къ цѣли, были и надломленныя натуры типа лишнихъ людей.

Въ сравнительно небольшихъ рамкахъ повѣсти «Молотовъ» Помяловскій заключилъ богатое содержаніе. Эпически набросалъ онъ общій фонъ, сотканный изъ сѣрыхъ нитей мѣщанской обыденщины, съ ея матеріальными стремленіями и узкой моралью, съ деспотизмомъ условныхъ традицій и внѣшняго благоприличія. Жизнь «замкнутаго, наглухо застегнутаго въ чиновный мундиръ общества» нарисована настолько ярко и правдиво, что вчужѣ становится жутко. Но рядомъ съ отцами растутъ и дѣти. То семейное разслоеніе, которое Островскій показалъ въ «Грозѣ»

по отношенію къ купечеству, а Тургеневъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ» по отношенію къ дворянству и отчасти къ разночинству, у Помяловскаго мы наблюдаемъ въ средѣ чиновнаго мѣщанства. Надя Дорогова борется за свою нравственную свободу, за свое право самостоятельно рѣшать вопросы любви и брака. Она побѣдила. Ея отцу, Игнату Васильевичу, «страшно стало душить чужую, молодую жизнь, запрещать свѣжимъ людямъ мыслить и вѣровать, и радоваться по-своему». И авторъ съ радостью констатируетъ важный фактъ: «Семья разлагалась. Изъ нѣдръ ея вставали новыя силы — нравственныя, непобѣдимыя».

Надя вырвалась изъ душившей ее семейной обстановки, она— невѣста Молотова, счастье, повидимому, завоевано, но у автора не нашлось красокъ для изображенія этого новаго мѣщанскаго счастья: онъ самъ плохо вѣритъ въ него, обрываетъ повѣствованіе на скорбной исповѣди Молотова и заканчиваетъ повѣсть восклицаніями: «Эхъ, господа, что-то скучно!..»

Да, мѣщанскаго счастья по-настоящему еще нѣтъ. Критически мыслящій разночинецъ еще мучительно ищетъ его. Вся карьера Молотова, богатая всевозможными перипетіями, есть грустная эпопея сознательнаго пролетарія, стремящагося осуществить свое призваніе и рѣшить «коренные вопросы» о Богѣ, душѣ, грѣхѣ и смерти. Молотовъ не былъ мыслителемъ; еще въ юности сквозь его идеализмъ авторъ подмѣтилъ въ немъ «практическіе задатки для будущаго», ему предназначено было рѣшать практическую, житейскую сторону общей проблемы жизни. О «коренныхъ вопросахъ» мало-по-малу онъ вовсе пересталъ думать. «Чего фальшивить и становиться на ходули?—признается онъ.—Деньги всѣмъ нужны. Были когда-то побужденія иныя, высшія, а теперь пріобрѣтать хочется, копить, запасать и потреблять. Не поэтично, но честно и сытно. *Честная чичиковщина* настала, и вотъ сознаю, что я тоже пріобрѣтатель». И аргументація, которой Молотовъ оправдываетъ свою «честную чичиковщину», типично разночинская. Матеріальная обезпеченность даетъ ему культурный уютъ, душевное спокойствіе и удовлетворяетъ его плебейскій гоноръ. «Вотъ такимъ-то образомъ,—заключаетъ Молотовъ разсказъ о своей карьерѣ,—я одѣлъ себя, обулъ, помѣстилъ въ тепло, среди красивой обстановки, добылъ себѣ изящную въ возможныхъ размѣрахъ жизнь, и не стоитъ теперь передъ мной каждый день, каждый часъ мучительный, неотразимый, изсушающій мозги вопросъ: «хлѣба, денегъ, тепла, отдыха!» А затѣмъ, что особенно дорого: «одинъ, замѣть, Надя, безъ чужой помощи, единственно себѣ я обязанъ своимъ комфортомъ... Меня судьба бросила нищимъ; я копилъ потому, что жить хотѣлъ, и вотъ добился же того, что самъ себѣ владыка». Это совсѣмъ не то, что получить готовое наслѣдство отъ папаши. Такъ разсуждалъ

Молотовъ «въ минуты добраго расположенія духа» и былъ «почти счастливъ». Но быть совершенно счастливымъ Молотовъ не можетъ. Какъ ни увѣряетъ онъ себя, что «мы простые люди, люди толпы», что «не всѣмъ быть героями, знаменитостями, спасителями отечества», но и его иногда посѣщали минуты, когда душа «просыпалась», и онъ «ощущалъ страшную скуку и тоску», когда ему становилось невыразимо скучно отъ всей его «благонравной чичиковщины». Счастье Молотова было съ отравой, и когда оно, повидимому, достигло своего апогея, когда онъ держалъ въ своихъ объятьяхъ любимую дѣвушку и готовился ввести ее хозяйкой въ свою комфортабельную квартиру, — «въ это время темное кладбищенство глянуло въ двери».

Воплощеніемъ этого «темнаго кладбищенства» былъ родственникъ Дороговыхъ, сынъ профессора семинаріи, художникъ, Мих. Мих. Черееванинъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ образовъ, созданныхъ литературой шестидесятыхъ годовъ. Это — типъ автобіографическій. Помяловскій выросъ на кладбищѣ при Малоохтенской церкви въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его былъ дьякономъ, и непрестанныя зрѣлища смерти съ малыхъ лѣтъ питали въ немъ «философское направленіе», заставляли задумываться надъ смысломъ человѣческой жизни. Череванинъ зараженъ тѣмъ же «кладбищенствомъ». Онъ носитъ въ своей груди всѣ муки, какія долженъ былъ переживать нашъ разночинецъ въ періодъ интеллектуальнаго и моральнаго кризиса, въ періодъ созданія новаго міровоззрѣнія. Въ душѣ Череванина все взбудоражено и поломано, какъ въ домѣ послѣ землетрясенія. Вѣра утрачена, кумиры ниспровергнуты, совѣсть сгорѣла подъ знойными лучами скептицизма, внутри какая-то «торричеліева пустота», и самыя краски внѣшняго міра пропали подъ темнымъ флеромъ кладбищенства. «Все мнѣ представляется ничтожнымъ до невѣроятности, потому что все на свѣтѣ скоропреходяще и тлѣнно!—говоритъ Череванинъ.—Трудъ, отечество, любовь, совѣсть, свобода, счастье, слава,—все это одни громкія слова». «На свѣтѣ нѣтъ любви, а есть аппетитъ здороваго человѣка, — поучаетъ Череванинъ Молотова:—нѣтъ дѣвы, а есть бабы; вмѣсто поэзіи въ жизни мерзость какая-то, скука и тоска неисходная; ну, луна, пожалуй, и есть, да мнѣ плевать на луну: какого чорта я въ ней не видалъ?» Не лишенный таланта художникъ, Череванинъ не слишкомъ высокаго мнѣнія объ искусствѣ и почти пересталъ заниматься имъ. Если повѣрить ему, онъ знаетъ только «одинъ эгоизмъ, полный, безапелляціонный эгоизмъ», и отрицаетъ всякіе общественные идеалы: «Для кого же, зачѣмъ я буду работать?.. Ужъ не для будущаго ли поколѣнія трудиться?.. Вотъ еще діалектическій фокусъ, пункты помѣшательства, благодумная дичь!» Передъ нами подлинный разночинскій нигилизмъ, вскормленный кладбищенствомъ и борьбой за существованіе. Естественно-

историческій матеріализмъ сыгралъ тутъ свою роль, какъ химическій реактивъ, обладающій сильно-разъѣдающимъ свойствомъ, но еще не принялъ той законченной формы, какая характеризуетъ нигилистовъ базаровскаго типа. «Кладбищенство» еще доминируетъ надъ «нигилизмомъ».

Болѣзненнымъ былъ ростъ русскаго разночинца; кладбищенскія рефлексіи толкали его въ міръ богемы, дѣлали его «лишнимъ человѣкомъ». Но Череванинъ не даромъ называетъ свое кладбищенство «прогрессивнымъ»: въ немъ было здоровое начало—стремленіе найти теоретическую истину и правду жизни. Его несчастье, но вмѣстѣ съ тѣмъ и счастье — въ томъ, что онъ «всегда честно мыслилъ», что онъ смотрѣлъ въ свою душу «не подличая», что онъ никогда не обманывалъ себя. Какъ ни трудно разставаться съ тѣмъ, что крѣпко усвоено съ юности, но Череванинъ не остановится передъ тѣмъ, чтобы «перевоспитаться» въ духѣ новой науки (какъ это было и съ самимъ Помяловскимъ и съ Добролюбовымъ). Онъ видитъ и обличаетъ духовное убожество мѣщанъ; онъ—выше тѣхъ «сопливыхъ» людей, въ жизни которыхъ, однако, «совершается великая тайна акклиматизаціи европейскаго прогресса»; его не удовлетворяетъ и то счастье, на которомъ хочетъ успокоиться Молотовъ: его обнаженные нервы мучительно страдаютъ при видѣ обыденныхъ уличныхъ сценъ, порожденныхъ соціальной неправдой. Точь въ точь какъ самого Помяловскаго мучили «веселенькіе пейзажики», какіе можно было встрѣтить на «днищѣ всего Петербурга». «Несчастія людскія раздражали, не давали покою, это сердило», говорилъ Череванинъ въ объясненіе своего озлобленнаго настроенія. Впереди, гдѣ-то далеко-далеко, передъ нимъ мерцаютъ истина и правда. Читатель напряженно слѣдитъ за настроеніемъ Череванина, смущенно опускаетъ глаза, когда тотъ съ цинизмомъ отчаянія обнажаетъ передъ нимъ свою «торричеліеву пустоту», и, вопреки буквальному смыслу его словъ, преисполняется вѣры, что разночинецъ рано или поздно переболѣетъ своими скорбями, и искомая правда будетъ найдена. Вѣдь и по мнѣнію самого Череванина, «мало только понять новую жизнь, надо жить всѣмъ организмомъ, быть цѣльнымъ, здоровымъ человѣкомъ». Онъ прекрасно знаетъ, что «никто не идетъ назадъ, всѣ — впередъ». Въ Молотовѣ Помяловскій выразилъ ростъ классоваго самосознанія разночинца, а въ Череванинѣ — психологическую основу нигилизма и демократизма разночинской интеллигенціи. Безъ Молотова и особенно Череванина не понять Базаровыхъ и Рахметовыхъ.

Соотношеніе общественныхъ классовъ и самая психологія разночинца неизбѣжно вели послѣдняго къ рѣзкому протесту противъ барства, барскаго романтизма и всей дворянской культуры. Шестидесятники усиленно старались отмежеваться отъ лю-

дей сороковыхъ годовъ и порою рознь принимала весьма острыя формы. Съ теченіемъ времени, однако, конфликтъ долженъ былъ сгладиться. «Злобою сердце питаться устало», да, въ концѣ-концовъ, и самъ разночинецъ не могъ не понять, что у него есть извѣстныя идейныя обязательства по отношенію къ дворянской интеллигенціи, и что будущее нужно строить на основѣ прошлаго. Герценъ былъ безусловно правъ, когда говорилъ: «декабристы — наши отцы, Базаровы — наши дѣти». Череванинымъ и Базаровымъ предстояло стремиться не къ полному упраздненію наслѣдія дворянскаго періода, а къ усвоенію уже накопленныхъ культурныхъ благъ, къ распредѣленію ихъ по принципу соціальной справедливости и къ дальнѣйшему ихъ развитію на основѣ реализма и демократизма. Такъ и понимали очередную задачу времени вожди демократической интеллигенціи — Чернышевскій и Добролюбовъ.

П. Сакулинъ.

Н. А. Некрасовъ и его отецъ.

Въ одной изъ наиболѣе удачныхъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ,—статьѣ г-на Кранихфельда («Міръ Божій», № 12, 1902 г.), высказано довольно правдоподобное на нашъ взглядъ предположеніе, что вину той «загадочности» поэта, о которой твердятъ чуть ли не всѣ его біографы, надо искать въ психическомъ наслѣдствѣ, полученномъ имъ отъ своихъ родителей. «Стоявшіе на двухъ противоположныхъ полюсахъ этическаго отношенія къ міру, родители поэта, оба сильные и «упорные», передали своему сыну основныя черты своихъ различныхъ, чуждыхъ другъ другу характеровъ... Природа съ безпощадною суровостью наказала неразумный союзъ родителей въ ихъ сынѣ, соединивъ въ немъ непримиримыя противорѣчія трезвой положительности съ пламенною, страстною жаждою подвига». Поясняя свою мысль образнымъ примѣромъ, г-нъ Кранихфельдъ ссылается на описанную д-ромъ Синани душевную болѣзнь Глѣба Успенскаго, въ больномъ сознаніи котораго вели борьбу два противоположныя начала, двѣ враждебныя другъ другу личности, порожденныя его раздвоившимся «я». Нѣчто подобное происходило въ мозгу психически здороваго, никакимъ бредовымъ явленіямъ и навязчивымъ идеямъ не подверженнаго, Некрасова: «сынъ своей матери, *Николай* Некрасовъ, одушевленный пламеннымъ и искреннимъ желаніемъ «наполнить жизнь борьбою за идеалъ добра и красоты», долженъ былъ тратить массу энергіи и силъ, чтобы оградить созданный имъ міръ идеала отъ вторженія въ него Николая *Алексѣевича*, сына своего отца, придававшаго несоотвѣтственную цѣнность земнымъ благамъ. Это былъ *Николай* Некрасовъ, который стремился «итти къ униженнымъ, итти къ обиженнымъ, быть первымъ тамъ». Это былъ Николай *Алексѣевичъ*, который въ горькую минуту тяжелыхъ лишеній далъ себѣ клятву «не умереть на чердакѣ», который, сознательно подавляя свои идеальныя стремленія,—по собственному его признанію,—развивалъ въ себѣ практическую жилку».

Быть-можетъ, приведенный взглядъ и не свободенъ отъ нѣкоторой доли преувеличенія, но отрицать важное, нерѣдко даже рѣшающее, значеніе въ установленіи психическаго склада и выработкѣ жизненнаго міросозерцанія за наслѣдственными привычками и предрасположеніями невозможно. Въ данномъ же случаѣ роль

этихъ факторовъ тѣмъ несомнѣннѣе, что ее признавалъ и постоянно подчеркивалъ самъ поэтъ. И въ своей юношеской бесѣдѣ-изліяніи съ Достоевскимъ (см. «Дневникъ писателя», 1877 г., № 12) и въ чуть ли не предсмертномъ разговорѣ съ Гайдебуровымъ (см. «Недѣля», 1878 г., № 1). Некрасовъ съ проникновенною искренностью говорилъ о материнскомъ вліяніи приблизительно то же, что съ такой силою высказалъ въ своей знаменитой поэмѣ «Мать». Мы имѣемъ, главнымъ образомъ, въ виду слѣдующіе общеизвѣстные стихи:

И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты —
О мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

Что касается отцовскаго вліянія, то о немъ поэтъ не говоритъ прямо, однако, характеризуетъ отца и ту домашнюю атмосферу, которая окружала его (см. стихотворенія «Родина», «Несчастные», «Мать», «Затворница»), настолько опредѣленными и рѣзкими чертами, что вполнѣ яснымъ становится, кого онъ винилъ въ томъ, что съ дѣтства «научился терпѣть и ненавидѣть», «постыдно» таить эту ненависть и, поддавшись заразительному въ этихъ случаяхъ примѣру, «бывать иногда помѣщикомъ»....

При такихъ условіяхъ, однимъ изъ наиболѣе важныхъ въ біографіи Н. А. Некрасова вопросовъ долженъ явиться вопросъ объ интеллектуальныхъ и этическихъ свойствахъ его родителей.

Къ великому сожалѣнію, всѣ свѣдѣнія наши о матери поэта ограничиваются тѣми, хотя и въ высшей степени яркими, но по самому существу своему глубоко субъективными данными, которыя онъ сообщаетъ о ней въ цѣломъ рядѣ своихъ стихотвореній. Въ распоряженіи изслѣдователя пока не имѣется ни одного ея письма; даже вопросъ объ ея имени возбуждалъ споры и до сего времени не можетъ считаться рѣшеннымъ [1]). Иначе обстоитъ дѣло

---

[1]) Въ январской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1903 г. К. Оберучевымъ была напечатана метрическая выписка о бракѣ родителей поэта, изъ которой явствуетъ, что мать Некрасова къ моменту вѣнчанія была православною и звали ее Еленой. Однако въ нашемъ распоряженіи имѣется свидѣтельство полкового священника Іоанна Горянскаго, удостовѣренное его подписью и приложеніемъ печати 36-го Егерскаго полка, въ томъ, что «у служившаго въ 36-мъ егерскомъ полку *капитаномъ Алексѣя Сергѣева* сына *Некрасова* и *жены* его *Александры Андреевой* дочери *законноприжитая* дочь *Елизавета* дѣйствительно крещена... въ 1821 году, сентября 6-го числа, подъ № 2-ымъ записана». Свидѣтельство это помѣчено 29 апрѣля 1823 года.

въ отношенiи отца поэта. Его личность можетъ быть освѣщена не только со словъ его сына, но и съ помощью вполнѣ объективнаго матерiала, каковымъ являются письма Алексѣя Сергѣевича Некрасова. Содержанiе и анализъ этихъ писемъ, до сихъ поръ еще не появлявшихся въ печати, и составятъ главный предметъ настоящей статьи. Однако, прежде чѣмъ обратиться къ нимъ непосредственно, не лишнее будетъ вспомнить, какъ охарактеризовалъ своего отца самъ поэтъ.

Образъ А. С. впервые мелькаетъ въ стихотворенiи «Псовая охота», полную же обрисовку получаетъ въ «Родинѣ», «Несчастныхъ» и поэмѣ «Мать». Въ «Псовой охотѣ» и особенно въ «Несчастныхъ» изображена внѣшняя обстановка жизни Некрасова-отца. Его времяпрепровожденiе, какъ можно судить по этимъ стихотворенiямъ, распредѣлялось между охотой, во время которой, пользуясь отсутствiемъ барина, спѣшилъ «забыться рабъ довольный», и послѣохотенными, если можно такъ выразиться, попойками. Въ «Родинѣ» же и поэмѣ «Мать» дается общая оцѣнка его личности. «Угрюмый невѣжда», «губитель» кроткой и прекрасной жены, развратникъ, обратившiй свой домъ въ домъ «крѣпостныхъ любовницъ и псарей», насильникъ, который «всѣхъ собой давилъ» и могъ свободно дышать среди «гула подавленныхъ страданiй»,—страданiй, имъ же созданныхъ, — вотъ какимъ представленъ А. С. въ стих. «Родина». Въ поэмѣ «Мать» краски смягчены, и негодующее отношенiе сохранено лишь въ слѣдующихъ выраженiяхъ: «красивый дикарь», «умѣетъ ли онъ имя подписать», семьянинъ, не чуждый девизу — «любить и бить», при чемъ всѣ эти выраженiя вложены въ уста матери Елены Андр. Некрасовой, звавшей свою дочь возвратиться на родину. Отъ себя же поэтъ говоритъ объ отцѣ такъ:

Твой властелинъ наслѣдственные нравы
То покидалъ, то бурно проявлялъ;
Но если онъ въ безумныя забавы
Въ недобрый часъ дѣтей не посвящалъ,
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ,—
На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы,
Покуда мракъ въ душѣ его царилъ...

«Мракъ» этотъ въ концѣ концовъ разсѣялся:

И вспыхнулъ день! Онъ твой: ты побѣдила,
У ногъ твоихъ—дѣтей твоихъ отецъ...

Однако борьба продолжалась цѣлыхъ двадцать лѣтъ и въ такой мѣрѣ надломила физическiя и нравственныя силы молодой женщины, что ей только и оставалось: «тихо умереть»...

Почти одновременно съ окончательной обработкой поэмы «Мать», Некрасовъ написалъ на тотъ же сюжетъ стих. «Затворница», въ

которомъ никакихъ нотокъ снисхожденія къ отцу не слышно. Вопросъ объ исходѣ борьбы между нимъ и матерью разрѣшается въ совершенно противоположномъ смыслѣ, чѣмъ въ поэмѣ «Мать». Мы читаемъ здѣсь слѣдующее:

Такъ пѣла ты, такъ плакала, родная,
Въ своей тюрьмѣ, судьбѣ не уступая,
Чужимъ скорбямъ безсильная помочь,
А надъ тобой уже висѣла ночь.
И ничего судьба не уступила—
Ты деспота покорствомъ не смягчила...

Слово «деспотъ» здѣсь замѣняетъ гораздо больше рѣзкое «палачъ», какъ это видно изъ неизданнаго письма сестры поэта, Анны Алексѣевны Буткевичъ, къ библіографу Ст. Ив. Пономареву отъ 12 мая 1878 года. Сообщая въ немъ нѣкоторыя подробности о стихотвореніи «Мать», Буткевичъ, между прочимъ, говоритъ: «Обратите вниманіе на противорѣчіе: въ «Затворницѣ» сказано: «Ты палача покорствомъ не смягчила». Въ большой поэмѣ — «У ногъ твоихъ — дѣтей твоихъ отецъ». Въ дѣйствительности первое ближе къ правдѣ, но братъ почему-то измѣнилъ».

Слова Буткевичъ доказываютъ, что къ концу своей жизни,— поэма «Мать» перерабатывалась и дополнялась въ 1877 году, — Некрасовъ сознательно не хотѣлъ представлять отца въ столь черномъ свѣтѣ, какъ раньше. Очевидно, въ періодъ отъ 1846 г. (время написанія «Родины») по 1877 г. въ его отношеніи къ нему произошла какая-то эволюція. Объ этой послѣдней свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя другія данныя. Въ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ Елисѣя Колбасина, совсѣмъ недавно напечатанныхъ въ «Современникѣ» (1911 г., № 8), находимъ слѣдующій любопытный разсказъ, относящійся къ срединѣ 50-хъ годовъ: «Помню, какъ одинъ разъ Вульфъ (Карлъ Ивановичъ Вульфъ—старшій конторщикъ «Современника». В. Е.) принесъ съ почты вмѣстѣ съ другими посылками какой-то небольшой коробокъ, вскрылъ его и подалъ Николаю Алексѣевичу шитую шелками турецкую феску, въ которой лежало запечатанное письмо. Некрасовъ прочиталъ письмо и поблѣднѣлъ, какъ смерть. «Прочтите, это пишетъ виновникъ моей жизни», произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ, сунувъ мнѣ посланіе въ руки. Письмо это было написано слезнымъ и заискивающимъ тономъ. Отецъ, прокутившій большое родовое состояніе, просилъ у сына прислать ему нѣсколько рублей.

«Пошлите изъ конторы этому гнусному сластолюбцу пятьдесятъ рублей,—произнесъ Некрасовъ, обращаясь къ Вульфу,—а феску отдайте, кому хотите, чтобы она не напоминала мнѣ о прежней грязи». Исполнительный Вульфъ схватилъ коробку съ феской и исчезъ за дверью. Весь этотъ день Некрасовъ былъ

въ мучительно печальномъ настроеніи духа и разсказывалъ мнѣ многія главы изъ тяжелой и мрачной повѣсти своей прежней жизни»...

Такимъ образомъ изъ разсказа Колбасина видно, что и черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ было сочинено стих. «Родина», эта, по выраженію того же автора, «задушевная скорбная исповѣдь», которая «не черниломъ, а кровью писалась... въ тотъ моментъ, когда поэтъ отъ горя и бѣдности хотѣлъ броситься въ Неву»,— отношеніе Некрасова къ отцу оставалось попрежнему озлобленно-недоброжелательнымъ, но—характерная подробность! — Некрасовъ не давалъ ему проявиться въ чемъ-либо осязательномъ: просимыя Ал. Сергѣевичемъ деньги все-таки были тотчасъ посланы.

Великая примирительница смерть — Алексѣй Сергѣевичъ умеръ 74 лѣтъ отроду, вскорѣ послѣ подписанія Уставной грамоты, «не выдержавъ, по выраженію его сына, освобожденія» [1]) крестьянъ — смягчила, надо думать, непріязненное чувство поэта къ отцу. Онъ замолчалъ о немъ. Вынужденный же заговорить — сюжетъ поэмы «Мать» требовалъ упоминаній объ Ал. Серг. — нашелъ возможнымъ, какъ мы видѣли, не останавливаться съ прежней настойчивостью на отрицательныхъ сторонахъ его личности. Болѣе того, Некрасову въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, когда мучительный и неизлѣчимый недугъ не переставалъ напоминать ему о приближеніи смерти, стало казаться, что онъ былъ не вполнѣ правъ въ отношеніи отца, пригвождая его въ своихъ стихахъ къ позорному столбу. Результатомъ такихъ настроеній явилось нижеслѣдующее до сихъ поръ неизвѣстное біографамъ признаніе, записанное кѣмъ-то подъ диктовку поэта, очевидно, тогда, когда онъ самъ писать уже былъ не въ состояніи: «въ произведеніяхъ моей ранней молодости встрѣчаются стихи, въ которыхъ я желчно и рѣзко отозвался о моемъ отцѣ. Это было несправедливо, вытекало изъ юношескаго сознанія, что отецъ мой крѣпостникъ, а я—либеральный поэтъ. Но чѣмъ же другимъ могъ быть тогда мой отецъ? Я побивалъ не крѣпостное право, а его лично, тогда какъ разница между нами была, собственно, во времени. Иное дѣло, личныя черты моего отца, его характеръ, его семейныя отношенія—тутъ я очень рано созналъ свое право , и не отказываюсь ни отъ чего, что мною напечатано въ этомъ отношеніи. Разница, повторяю, была между нами во времени, — онъ пользовался своимъ правомъ, которое признавалъ священнымъ:

.....одинъ
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ».

---

[1]) Эти слова взяты нами изъ тѣхъ неизданныхъ автобіографическихъ замѣтокъ, къ сожалѣнію, очень отрывочныхъ и неполныхъ, которыя писались подъ диктовку умиравшаго поэта близкими ему людьми. Время ихъ составленія — 1877 годъ, по всей вѣроятности, его вторая половина.

Было бы совершенно ошибочно думать, что въ приведенномъ отрывкѣ содержится отказъ отъ всего сказаннаго Некрасовымъ объ отцѣ въ его стихотвореніяхъ. Нѣтъ, поэтъ видѣлъ несправедливость съ своей стороны въ томъ, что нападалъ на отца за его крѣпостничество, не учитывая того, что Алексѣй Сергѣевичъ, какъ продуктъ извѣстной среды, какъ сынъ своего времени, не могъ не быть крѣпостникомъ. Нельзя было, хочетъ сказать Некрасовъ, ополчаться на отдѣльныя личности, которыя, хотя и играли глубоко отрицательную роль въ общественной жизни страны, но не по своей винѣ, а по винѣ вскормившаго ихъ и воспитавшаго въ опредѣленныхъ привычкахъ соціальнаго зла, каковымъ въ данномъ случаѣ являлось крѣпостное право. Противъ подобной точки зрѣнія возражать, конечно, невозможно, однако не лишнее будетъ замѣтить, что образъ отца-крѣпостника пріобрѣтаетъ въ некрасовской поэзіи символическій характеръ, воплощая въ себѣ крѣпостничество вообще съ его безшабашнымъ разгуломъ, грубымъ деспотизмомъ, барскою спесью и т. д. Нѣтъ ничего неестественнаго въ томъ, что въ сознаніи поэта мысль о крѣпостномъ правѣ слилась съ представленіемъ о помѣщикѣ-крѣпостникѣ, дававшемъ своимъ примѣромъ наглядныя иллюстраціи къ отрицательнымъ сторонамъ крѣпостничества. На этомъ основаніи нельзя не сдѣлать вывода, что признаніе въ «несправедливости» по отношенію къ отцу имѣетъ лишь относительное значеніе. Въ противоположность ему, вполнѣ безусловнымъ характеромъ отличается заявленіе поэта, что онъ ни отъ чего не отказывается изъ написаннаго имъ касательно личности отца и его роли въ жизни семьи. Всѣ эти соображенія позволяютъ заключить, что отмѣченная выше эволюція въ отзывахъ Некрасова объ отцѣ происходила не отъ измѣненія основного взгляда на него, а лишь благодаря постепенному переходу отъ чувства остраго озлобленія къ болѣе объективному, хотя по существу своему глубоко отрицательному отношенію, съ перемѣщеніемъ центра тяжести отъ недостатковъ, порожденныхъ соціальными причинами, на недостатки личнаго свойства.

Письма А. С. Некрасова къ Н. А—у, о которыхъ мы уже упоминали, не только не стоятъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что говоритъ объ немъ въ своихъ стихахъ сынъ-поэтъ, но до мелочей подтверждаютъ характеристику этого послѣдняго. Вотъ, напримѣръ, небольшое письмо къ сыновьямъ (Николаю и Федору) отъ 18 января 1852 года, поразительная безграмотность котораго, дѣйствительно, могла дать основаніе для вопроса: «умѣетъ ли онъ имя подписать»:

«Любезныя дѣти Генрихъ Станиславычь ѣдетъ въ Петербургъ, онъ вамъ роскажетъ про мое житье-бытье, довольно не завидное это болѣе отъ нездоровья, чемъ отъ другихъ причинъ, не давно у насъ начались дружескія сношеніи, чемъ я очень доволенъ,

надѣюсь, что вы Генриха и его брата примѣтѣ какъ истинно родныхъ, объ Аниңькѣ я мало имѣю свѣденій, но хотѣлъ бы знать о ея здоровьи и прочее, дайтѣ мнѣ совѣтъ, что дѣлать съ нашимъ Кавкаскимъ воиномъ, онъ мнѣ давно ни чего неписалъ Гдѣ теперь онъ можетъ вы знаетѣ, что съ нимъ дѣлается, ябы его рѣшилса звать домой но Ей Богу непонимаю, что онъ здѣсь будетъ дѣлать— какъ вы о семъ думаетѣ, то же мнѣ напишитѣ, Благодарю васъ за Современникъ и северную пчелу, пришлите мнѣ журналъ общеполѣзныхъ свѣдѣній, деньги на это уроманова Григорья — къ Федору я писалъ кой о какихъ затѣяхъ отвѣту нетъ, Затѣмъ целую васъ сердечно, остаюсь много любящей васъ отѣцъ Алексѣй Некрасовъ».

Въ томъ же январѣ (отъ 23-го числа) Алексѣемъ Сергѣевичемъ было послано другое письмо, содержаніе котораго позволяетъ судить объ его умственномъ и нравственномъ уровнѣ. Приводимъ его полностью:

«Любезные друзья Николай Федоръ и Генрихъ Нетъ ли у васъ кого знакомаго во 2-омъ Департаментѣ Сената? тамъ находится въ расмотреніи по частной жалобѣ моей дѣло онезаконномъ духовномъ завѣщаніи, учиненномъ покойною невесткою моею Татьяною Ивановною Некрасовою, по этому дѣлу нужно, что бы Сенатъ положилъ рѣзолюцыю согласно прошенію Моему и приказалъ бы какъ мне, такъ (за смѣртію невестки) крестьянамъ ей доставшимся платить долгъ Ярославскому Приказу за покойнаго брата моего, а ея мужа Титулярнаго Советника Сергея Некрасова, соразмѣрно наслѣдственной каждаго долѣ и согласно нашему раздѣльному Акту, который находиться нынѣ въ росмотреніи Сената.—Нашъ Председатель уголовной Палаты Мясоѣдовъ (общей увсехъ ходатай по дѣламъ) разумѣется изъ любви къ ближнему, склонилъ Жадовскаго не только на предоставленіе невесткинымъ крестьянамъ по незаконному завещанію свободы, но и присужденію платить долгъ приказу мнѣ одному. Будѣ вы не успѣете помочь такому горю, то въ теченіи 12-ти лѣтъ, я буду платить по 263 руб. серебромъ, у Генриха есть во 2-мъ Департаменте знакомой Оберъ Секретарь Господинъ Барановскій, у васъ также нетли знакомыхъ. Просите и дасса вамъ, а что по Сенату узнаете пишите немедленно.— Теперь любезнѣйшіе друзья скажу вамъ, чт' подъ старость я получилъ страсть къ эстампамъ, я бы желалъ имѣть въ своемъ кабинете эстампы Господина Козлова I. Моленіе о чаше 2-е Вакханка 3-е Спасенное знамя (подвигъ унтеръ-офицера Сторичькова), 4-е подвигъ гренадера Кореннаго подъ Лейбцыгомъ, 5-е, дѣло подполковника Суслова, или подвигъ Гребенскихъ казаковъ, 6-е подвигъ Архипа Осипова, рядоваго Кенгинскаго полка, естли это не ахти дорого будетъ стоить, то прошу прислать съ журналомъ общеполѣзныхъ сведѣній; я бы послалъ на это деньги но теперь уменя ихъ нетъ, всѣ они по чужимъ карманамъ, однакожъ скоро возвратяться, тогда я вамъ вышлю столько сколько вы на прихоти мои издѣржите. За Современникъ и Пчелку благодарю, что стоитъ книжка Альбомъ Борагура [1]) говорятъ, она презабавная, читая

[1]) Альбомъ Балагура. Собраніе забавныхъ повѣстей, разсказовъ, сатирическихъ очерковъ, комическихъ сценъ, анекдотовъ, остротъ и разныхъ курьезностей. Спб. 1851. *Ред.*

такую книшку, можетъ бы я расхохотался хоть разъ въ жизни. Одинъ мой знакомый проситъ купить памятную книшку, купите въ переплетѣ,—ну право я вамъ вышлю деньги, не только за это, но за все, чтобы вы не прислали — Сестрица Елена Сергѣевна вамъ усердно кланяется, домашняя сволочь бьетъ челомъ до земли и вопіетъ не забудьтѣ насъ. Затемъ остаюсь много любящей васъ родитель А. Некрасовъ.

Когда вы всѣ соберетесь и составитѣ родственный кружокъ, то напишите мнѣ предлинное письмо, чтобы на весь вечеръ было что читать, да справтесь пожалуйста: Носятъ ли у васъ старики бобровые воротники? Помните какъ вы меня на смешили, когда мой воротникъ къ польту пришили?»

Выводы, которые мы въ правѣ сдѣлать изъ содержанія этого письма, напрашиваются сами собою. Прежде всего бросается въ глаза, что его писалъ крѣпостникъ, готовый рвать и метать по адресу чиновника, способствовавшаго полученію свободы нѣсколькими десятками крестьянъ,—крѣпостникъ, для котораго дворовые люди не болѣе, какъ «домашняя сволочь», а ихъ отношеніе къ членамъ господской семьи формулируется словами: «бить челомъ до земли и вопіять: не забудьте насъ грѣшныхъ». Далѣе изъ приведеннаго письма видно, что А. С. не останавливался передъ жалобами то на «незаконное духовное завѣщаніе, учиненное покойною невѣсткой», то на предсѣдателя Уголовной Палаты, осмѣлившагося крестьянскіе интересы поставить выше дворянскихъ, и т. д. и т. п. Затѣмъ процитированный документъ убѣждаетъ въ томъ, что безденежье А. С. вызывалось иногда не недостаткомъ средствъ, а какими-то операціями съ деньгами, вслѣдствіе которыхъ они то переходили временно въ чужіе карманы, то вновь возвращались къ своему владѣльцу. Для отношенія А. С. къ деньгамъ въ высшей степени характерно его повторное обѣщаніе вернуть истраченныя дѣтьми на его «прихоти» деньги, при чемъ особенно любопытна вторичная формулировка этого обѣщанія: «ну, право, я вамъ вышлю деньги». Невольно создается впечатлѣніе, будто бы авторъ письма имѣлъ какія-то основанія думать, что дѣти ему могутъ и не повѣрить... Интеллектуальное развитіе, въ частности эстетическіе вкусы А. С. опредѣляются перечнемъ эстамповъ, которые онъ желалъ бы имѣть въ своемъ кабинетѣ. За исключеніемъ «Моленія о чашѣ», остальныя картины образуютъ специфическое сочетаніе изъ эротики и квасного патріотизма, столь характерное для дореформенной казармы, подъ гостепріимнымъ кровомъ которой А. С. провелъ свою молодость. Какъ отголосокъ казарменныхъ впечатлѣній, можно разсматривать и стремленіе къ модничанью, выразившееся въ нелѣпо стихотворной фразѣ:

Носятъ ли у васъ старики
Бобровые воротники?
Помните, какъ вы меня насмѣшили,
Когда мой воротникъ къ пальту пришили?

Наконецъ чрезвычайно характерными представляются нижеслѣдующія страницы письма А. С., какъ нельзя лучше, подтверждающія справедливость эпитета «угрюмый», присоединеннаго Некрасовымъ къ слову «невѣжда»: «что стоитъ книжка-альбомъ Борагура; говорятъ она презабавная? читая такую книжку, можетъ бы я расхохотался хоть разъ въ жизни».

Содержаніе остальныхъ 12-ти писемъ А. С. Некрасова къ сыну подтвержаетъ впечатлѣніе отъ первыхъ двухъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ 1853 г. (отъ 24 марта) ярко сказываются крѣпостническія замашки А. С. Отправляя къ сыну въ с. Алешунино, Владимірской губерніи, нѣсколько крѣпостныхъ охотниковъ, Некрасовъ-отецъ, между прочимъ, пишетъ: «Михайлу Антонова немедленно на крестьянской подводѣ возвратить ко мнѣ въ Ярославль; Сергѣя Петрова (по твоему усмотрѣнію) держать при себѣ за кучера или отпустить въ домъ его, состояшій въ Софоновѣ, но пачпорту не давать. Гончихъ кормить, овсянкой и шкворой или одной овсянкой» и т. д. и т. п. Чувствуется, что для А. С. и Михайла Антоновъ и Сергѣй Петровъ, которому «пачпорту не давать», — двуногіе звѣри, немногимъ отличающіеся отъ четвероногихъ. Въ письмѣ отъ 7 янв. 1857 года крѣпостническій душокъ такъ и сквозитъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я недавно завлекся въ одну глупость, вообрази себѣ, что у насъ теперь 9-ть человѣкъ музыкантовъ, которыхъ обучаетъ довольно знающей музыку, отставной унтеръ офицеръ, инструменты изъ Парижа, *Сакса*, изобрѣтенныя недавно для французской гвардіи». Послѣднее обстоятельство, льстившее помѣщичьему самолюбію, было, надо думать, особенно пріятно для тщеславнаго А. С.

Въ письмѣ 5 марта 1852 года А. С. обрисовывается, какъ сутяга: здѣсь онъ сообщаетъ о томъ, что имъ подана на Высочайшее имя жалоба на несправедливое рѣшеніе 8 Департамента Правит. Сената по дѣлу нѣкоего Василія Федорова съ дѣвицами Юрьевыми объ имѣніи въ Саратовской губерніи, и настойчиво проситъ сына похлопотать въ Комиссіи прошеній у штатъ-секретаря Танева, чтобы его «жалоба была принята въ уваженіе». Красною нитью черезъ большинство писемъ Некрасова-отца проходятъ охотничьи изліянія. Охота въ Грешневѣ поставлена была на широкую ногу, истребленіе дичи происходило въ грандіозныхъ размѣрахъ, о которыхъ можно судить хотя бы по слѣдующему отрывку изъ письма А. С. отъ 22 ноября 1856 года: «сдесь все попрежнему; съ 1 Августа началъ я охотиться; охота шла довольно хорошо, зайцевъ по 15-го ноября затравлено 634, лисицъ три, барсукъ — одинъ; теперь снѣгъ покрылъ зеленыя луга, морозъ оковалъ всю природу, охота почти кончилась, нападаетъ скука, завтра ѣду въ Ярославль». Нѣсколькими днями позже къ этому же письму была сдѣлана приписка: «на дняхъ простудилъ високъ, и болитъ горло.

Пороши возобновились превосходные, небывалые давно, но ѣздить на охоту не могу, ѣздятъ Ефимъ съ Яковомъ, борзыхъ есть у насъ 20, гончихъ 24, тѣ и другія отличныя. Я иногда билъ изъ подъ гончихъ по 10 и 6-ти зайцевъ въ полѣ». Въ письмѣ отъ 7 января 1857 года находимъ новыя свѣдѣнія объ охотничьихъ трофеяхъ того же зимняго сезона: «Ефимъ постоянно ѣздитъ на охоту, въ 4 дня затравилъ 36 русаковъ, снегъ почти каждый день пребываетъ новый, это благопріятствуетъ охотѣ». Эти данныя позволяютъ, не рискуя впасть въ преувеличеніе, утверждать, что въ зимнее время зайцы въ мирныхъ грешневскихъ поляхъ погибали сотнями. По воспоминаніямъ сестры поэта, его охотничьи вкусы отличались отъ отцовскихъ: отецъ предпочиталъ охоту съ гончими, сынъ любилъ скитаться съ лягавой по полямъ и лѣсамъ не только въ поискахъ за дичью, но и за непосредственными впечатлѣніями народной жизни. Объ этой разницѣ вкусовъ можно отчасти судить хотя бы по нижеслѣдующей тирадѣ А. С. изъ письма отъ 29 марта 1853 г., писаннаго въ отвѣтъ на просьбу сына выслать людей и лошадей въ Алешунино: «Ябы совѣтовалъ такъ: людей со всеми упомянутыми вѣщами и собаками отправить въ послѣднихъ числахъ Апрѣля, что самое по стараюсь исполнить Затемъ надобно сказать (по извѣстности мнѣ мѣстнаго положенія), что въ Апрелѣ мѣсяцѣ въ Алешунинѣ и около Софонова удовольствія нащетъ охоты будетъ мало, ѣздить въ повозкѣ никуда будетъ невозможно, кругомъ подступитъ вода, и вы должны будитѣ только удить рыбу, а можетъ быть изредка застрелить какую утку. въ мае только начинаетъ сбывать вода, тогда начнется лутчая охота для этихъ и другихъ причинъ я бы совѣтовалъ Апрель пробыть у меня, гдѣ можно тоже охотиться съ пріятностью, особливо при тридцати хорошихъ гончихъ и лихихъ борзыхъ, въ протчемъ помимо искреннего моего желанія видѣть тебя, оставляю все это на твою волю».

По мѣрѣ того, какъ съ возрастомъ здоровье А. С. слабѣло, и охота все чаще и чаще становилась для него недоступнымъ удовольствіемъ, въ его письма вторгается новый мотивъ,—горькія жалобы на свои немощи, старческое брюзжаніе на пользующихъ врачей. Сначала, впрочемъ, А. С. пытался не обращать вниманія на состояніе своего здоровья, какъ это видно, хотя бы изъ слѣдующаго отрывка изъ письма 29 янв. 1854 года:

«Сдоровье мое несовсемъ еще плохо, можно сказать, что въ настоящее время я ни болѣнъ ни сдоровъ, главная бѣда закрытый геморой мучитъ меня по временамъ не выносимо, и болѣе всего теперь нападаетъ на грудь и голову, лѣкарствъ я рѣшительно никакихъ не принимаю». Нежеланіе лѣчиться принесло свои результаты: черезъ три года здоровье А. С. настолько ухудшилось, что онъ писалъ сыну (отъ 7 янв. 1857 года), находившемуся въ то

время за границей: «Годъ отъ году слабею, ревматизмъ и геморой меня мучатъ не выносимо, какъ ты мнѣ посовѣтуешь, а здѣшніе доктора, вѣлятъ мнѣ ѣхать за границу въ Карльзбадъ я рѣшаюсь ѣхать, получа I-е твое письмо, въ которомъ ты назначь гдѣ мы можемъ съѣхаться и видется, а можетъ и пожить въ местѣ, одна бѣда, что мнѣ до Штетина, не хочется ѣхать моремъ, я думаю на Варшаву, въ дилижансѣ, но есть ли изъ Варшавы, въ Прусію желѣзная дорога, еще не получилъ свѣденія».

Поѣздка А. С. за границу такъ и не состоялась, вмѣсто нея Некрасовъ-отецъ отправился въ Москву лѣчиться у Иноземцева; однако, знаменитый профессоръ пришелся ему не по нраву. Въ письмѣ безъ даты, очевидно, относящемся къ лѣту 1857 г., онъ пишетъ сыну: «Любезнейшій сынъ Николай Предпріятіе наше не удалось. Лѣченіе мое у иноземцева вовсе неудачно, самъ онъ не ѣздитъ ко мнѣ, а посылаетъ Г. Сараджева, что ни пропишутъ все не въ попадъ—совѣтуютъ лѣчиться холодною водою, но я слабъ растерялса въ мысляхъ и рѣшится на ето не могу». Въ письмѣ, писанномъ нѣсколькими недѣлями позднѣе (отъ 3 августа 1857 г.), сообщаются новыя свѣдѣнія о здоровьѣ А. С. «Съ 17 іюля я нахожусь въ водолечебномъ заведеніи Крейзера по совѣту Иноземцева, лекарствъ никакихъ не принимаю, лутче мнѣ нисколько нетъ, но уверяютъ меня, что придальнейшемъ леченіи получу облегченіе, пробыть въ этомъ заведеніи думаю до 15-го августа и тогда уѣду домой, денегъ я поистратилъ не мало, жаль, что это безъ всякой пользы, очень бы хотѣлъ ѣхать вѣсною въ Карльзбатъ, но одинъ безъ родного, едвали рѣшусь и потому желалъ бы, что бы ты меня сопровождалъ хоть до Берлина или Карльзбата, одна надежда на тамошнія воды».

Въ болѣзни А. С., о которой онъ упоминаетъ и въ другихъ письмахъ, конечно, сомнѣваться не приходится.

Полагая, что приведенныхъ цитатъ вполнѣ достаточно для характеристики личныхъ свойствъ А. С., его привычекъ и склонностей, перейдемъ къ вопросу о томъ, какъ проявилось въ разсматриваемой перепискѣ его отношеніе къ дѣтямъ вообще, въ частности къ старшему сыну. Въ большей части изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи писемъ содержатся просьбы самаго разнообразнаго свойства. Преобладаютъ сравнительно мелочныя, въ родѣ: «одинъ мой знакомый проситъ купить памятную книжку, купите въ переплетѣ» (23 янв. 1852 г.), или: «въ Алешунинѣ Ефимъ Евсевьевъ строитъ балаганъ, по лѣности его и пьянству онъ не совсѣмъ готовъ, заставь же его поскорѣй кончить, именно къ маю мѣсяцу» (29 марта 1853 г.), или: «пиши почаще съ увѣдомленіемъ о чемъ нибудь новенькомъ, такъ какъ изъ Петербурга многіе роднымъ пишутъ о новостяхъ, ибо мы провинцыалы сдѣсь ничего незнаемъ» (29 янв. 1854 г.) и т. д. Но въ иныхъ случаяхъ, особенно тогда, когда

рѣчь шла о тяжбахъ, А. С. обращался къ сыну съ просьбами болѣе обременительнаго характера. Онъ настойчиво просилъ его похлопотать въ томъ или иномъ присутственномъ мѣстѣ, при чемъ нерѣдко указывалъ лицъ, ходатайство которыхъ могло имѣть значеніе, и съ которыми, по его свѣдѣніямъ, сынъ поддерживалъ дружескія отношенія. Такъ, въ письмѣ отъ 3 марта 1852 года читаемъ: «будѣ у тебя есть такія знакомыя, которыя могли бы похлопотать, чтобы моя жалоба была принята во уваженіе, то это было бы весьма полезно, но естьли просьбу мою не уважутъ, дѣло щитать потеряннымъ навсегда, есть ли молодой Лонгиновъ (твой знакомый) поговорилъ про мою жалобу, своему родителю, успѣхъ, изъ этого не сомнѣнный, потому, что дѣло рѣшено совершенно противу законно. И такъ мой другъ Николай подумай объ этомъ моемъ предложеніи не медля ніодного дня».

Въ другой разъ А. С. вздумалось оказать протекцію въ полученіи мѣста инспектора ярославской врачебной управы нѣкоему Андрею Ивановичу Подгаевскому, и онъ поспѣшилъ взвалить хлопоты по этому дѣлу на плечи сына: это, писалъ А. С. о Подгаевскомъ (отъ 23 сент. 1852 г.), «человѣкъ съ большимъ знаніемъ своего дѣла, который пользуетъ меня, и такъ много помогъ, что я обязанъ ему истинною благодарностью, за его человѣколюбивое о мнѣ попеченіе; по этимъ причинамъ, прошу тебя, какъ сына и друга, принять участія попросить Господина Кѣтчера, чтобъ Андрей Ивановичъ Подгаевскій, назначенъ былъ инспекторомъ Ярославской Врачебной Управы, увѣренъ остаюсь, что примешь мою просьбу вовниманіе, видя мое желаніе сдѣлать для ближняго доброе дѣло, успехомъ въ которомъ поставишь меня въ такое положеніе, что я и твои ко мнѣ просьбы исполнять буду всегда съ большимъ радушіемъ».

Независимо отъ разнообразныхъ просьбъ, А. С. нерѣдко дѣлалъ своему сыну напоминанія о подаркахъ, которые ему было бы пріятно получить отъ него или отъ Федора Алексѣевича, при чемъ эти напоминанія иногда облекались въ наивно-дипломатическую форму, какъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 29 марта 1853 г.: «есть ли вздумаешь что-либо прислать мнѣ изъ Москвы, то присылай полѣзное съ пріятнымъ». А вотъ еще болѣе яркій образецъ подобной, не лишенной комизма дипломатіи, относящейся на этотъ разъ къ младшему сыну: «Что касается до нашего любезнаго Федора, такъ всегда мною любимаго, вообрази, что онъ съ самаго отъ меня выѣзда, едва недавно написалъ мнѣ три строчки, заключающіеся въ извиненіяхъ, что ему нетъ времяни ко мнѣ писать, онъ обѣщалъ мнѣ кой-что прислать и ничего не выполнилъ, можетъ быть не приноравливаетъ ли это все исполнить къ 12 февраля, ко дню моихъ имянинъ, попеняй ты ему»... (29 янв. 1854 г.). Нѣсколько иного рода подходъ содержится въ письмѣ отъ 22 но-

ября 1856 г.; А. С—чу, повидимому, очень хотѣлось получить въ подарокъ отъ сына, бывшаго за границей, вновь изобрѣтенное охотничье ружье, и онъ пишетъ ему: «приятно даже слышать о такомъ ружье, естьли ты гдѣ увидишъ, то мнѣ опиши удобно ли это ружье и какой его вѣсъ». Двумя строчками ниже старикъ признается, что тѣ ружья, которыми онъ до сихъ поръ пользуется, ему тяжелы, и онъ не прочь бы имѣть французское ружье.

Судя по письмамъ А. С., онъ располагалъ довольно значительными средствами. Такъ, въ письмѣ отъ 3 августа 1857 года, сообщивъ о ссорѣ съ родственниками, Буткевичемъ и Долгово-Сабуровымъ, которымъ онъ отказалъ въ деньгахъ, Некрасовъ-отецъ продолжаетъ: «домашніе дѣла идутъ по старому, думали мы съ Федоромъ, какъ бы къ нашему скудному имѣнію, что либо прикупить, да неудалось, а притомъ и денегъ то у обеихъ маловато, десять тысячъ собрать не могли—покуда я живъ то хоть бы немного вамъ прикупить, а то и послѣдніе денжонки пойдутъ въ Аптеки да лекарямъ». Въ письмѣ начала 60-хъ годовъ А. С. разсказываетъ о покупкѣ имъ дома въ Ярославлѣ, который ему обошелся въ 6570 руб. Сопоставивъ эти свѣдѣнія съ данными объ обширной псарнѣ, объ оркестрѣ изъ крѣпостныхъ музыкантовъ, можно, не обинуясь, утверждать, что А. С. бѣдности во всякомъ случаѣ не зналъ и не только не испытывалъ какихъ-либо лишеній, но жилъ, какъ говорится, въ свое удовольствіе.

Только что приведенный документальный матеріалъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о томъ, что Некрасовъ-отецъ не упускалъ случая использовать родственныя отношенія для цѣлей чисто практическаго характера. Въ правѣ ли мы, основываясь на этомъ, думать, что онъ былъ закоренѣлымъ эгоистомъ, никого кромѣ себя не любившимъ? Думается, что подобный выводъ былъ бы поспѣшенъ и не вполнѣ справедливъ. Въ нѣкоторыхъ, правда, очень немногихъ письмахъ прорывается заботливое отношеніе его къ дѣтямъ, особенно къ ихъ здоровью. Письмо о болѣзни старшаго сына вызываетъ съ его стороны длинную, не лишенную искренности тираду (29 янв. 1854 г.): «Нерадостное письмо твое, я получилъ 28 числа сего мѣсяца, болѣзнь твоя тронула меня до глубины души, двадцать разъ я принимался читать твое письмо, но все находилъ одну горесть, Богъ всемогущій одинъ есть свидѣтель моихъ къ тебѣ чувствъ. Что могу сказать въ утешеніе, одна надѣжда на святое провидѣніе. Не ужели оно тебя оставитъ, и лишитъ меня на старости послѣдняго утешенія, какія могутъ быть у меня ращеты въ теперешнемъ твоемъ положеніи, я все готовъ отдать сейчасъ, для помощи тебѣ по первому слову, не жалѣя ничего для средствъ тебѣ полѣзныхъ—ѣхать за границу я бы желалъ, но какъ къ этому приступить въ такія смутныя времена, вовсе не знаю, тамъ у Васъ все это лутше видно, прошу тебя о дѣйствіяхъ со стороны

моей по этому предмѣту мнѣ написать, тогда я дамъ рѣшительный отвѣтъ».

Весьма характерно однако, что, утверждая въ письмѣ отъ 29 марта 1853 г., что извѣстіе о болѣзни «Феди» его «тронуло до глубины души», Некрасовъ-отецъ не торопится снабдить его деньгами, въ которыхъ онъ очень нуждался, откладывая ихъ присылку до того времени, когда получитъ долгъ, хотя вопросъ шелъ только о 100 руб. А изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи писемъ Константина Алексѣевича Некрасова къ отцу и брату Николаю прямо-таки выносишь впечатлѣніе, что временами А. С. относился весьма и весьма безразлично къ участи своихъ дѣтей. Въ письмѣ отъ 12 дек. 1850 года къ отцу К. А. Некрасовъ, извѣщая о томъ, что подалъ въ отставку, проситъ на дорогу, «окопировку» и уплату долга выслать 200 руб. сер. «Въ противномъ случаѣ,—говоритъ онъ,—долженъ буду вновь опредѣлиться хоть въ Гражданскую службу въ Г. Ставрополь, дабы черезъ это средство пріобрѣсти какой-либо капиталъ на проѣздъ и содержаніе, но сила вся въ томъ, что на Кавказѣ нетъ мнѣ счастія, слѣдовательно служить тамъ есть планъ безполезный; почему убѣдительнѣйше прошу Васъ Милой Батюшка пришлитѣ просимое количество денегъ, ибо въ продолженіе 8 лѣтъ служенія на Кавказѣ, шляясь по горамъ, я потерялъ силу въ ногахъ и потому пѣшкомъ итти не могу».

Хотя положеніе К. А. было, повидимому, дѣйствительно, отчаянное, отецъ особаго участія къ его судьбѣ не проявилъ, такъ что черезъ восемь мѣсяцевъ кавказскій неудачникъ долженъ былъ прибѣгнуть къ старшему брату. Приводимъ его письмо къ Н. А. отъ 1-го августа 1851 года полностью:

«Любезный братъ Николай Батюшка пишетъ, что прибытіе мое домой нисколько не доставитъ ему удовольствія и что слабое его здоровье препятствуетъ отвѣчать на мои письма, вслѣдствіе чего совѣтуетъ имѣть переписку съ тобой, поэтому скажи пожалуйста, что я буду дѣлать, когда ни кто изъ родныхъ не хочетъ дать мнѣ не только должнаго совѣта, но даже вспомоществованія, необходимаго въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ болѣе трехъ мѣсяцевъ я нахожусь въ отставкѣ безъ мѣста а къ тому же боленъ и въ этомъ то жалкомъ положеніи не имѣю совершенно никакихъ средствъ платить ни за квартиру ни даже за самые лекарства, и если бы не доброй мой товарищъ нѣкто Константинъ Прутковскій, то можетъ быть давно лежалъ въ могилѣ, — отецъ хоть прислалъ не много денегъ, но кредиторы, какъ коршуны, расхватали всѣ и я остался опять въ самомъ затруднительномъ положеніи.

Если Богъ дастъ поправлюсь здоровьемъ, то намѣренъ переименоваться въ линейные казаки и остаться на всѣгда на Кавказѣ, но и тутъ встрѣтиться много затрудненій. I-ое) быть казакомъ нужно имѣть: домъ, лошадь, оружіе, одѣжду и все это въ приличномъ видѣ. 2-е) навсегда проститься съ родиной, а ѣхать домой не имѣю средствъ, однимъ словомъ какъ на то, такъ и на другое нужны деньги, кто же мнѣ поможетъ, когда никто изъ родныхъ не хочутъ

вникнуть въ мое затруднительное положеніе. И такъ любезный братъ остается одно, или надѣяться на благороднѣйшіе твои чувства, или слѣдовать влеченію судьбѣ, — прошу тебя какъ можно поспѣшнѣе увѣдомить меня о своемъ мнѣніи и ради Бога не лиши пособія, которымъ нуждаюсь по вышеописаннымъ обстоятельствамъ, за что заставишь питать къ тебѣ истинную преданность и уваженіе. Прощай любезный братъ писалъ бы болѣе, но вѣрь что начинаю ослабѣвать.—братъ твой К. Некрасовъ.

Письмо это является, конечно, серьезнымъ свидѣтелемъ не въ пользу А. С. Тѣмъ не менѣе, заключать, основываясь на немъ, о полной атрофіи родительскихъ чувствъ у Некрасова-отца мы бы не рѣшились. Привязанность его къ дѣтямъ едва ли была особенно глубока и сильна, но все-таки она существовала. Его, напримѣръ, тяготила разлука съ ними. Жалобы на скуку и одиночество временами прорываются въ письмахъ А. С., особенно послѣдняго десятилѣтія его жизни, когда, какъ мы знаемъ, здоровье Некрасова-отца пошатнулось, и въ связи съ этимъ многія удовольствія, поглощавшія его досуги въ болѣе ранніе годы, стали недоступными. Такъ, въ письмѣ къ сыну отъ 22 ноября 1856 г. читаемъ: «будетъ ли когда это пріятное время, когда мы въ местѣ поѣдемъ на охоту». Тотъ же мотивъ звучитъ въ письмѣ отъ 25 сентября 1861 г.:

«Любезнѣйшій Николай. Письмо твое отъ 14-го сентября я получилъ 21-го благоразумно ты сдѣлалъ, что уѣхалъ въ Питеръ въ такое дурное время нельзя было ращитовать на то чтобы повеселится на охотѣ, здѣсь продолжаются дожди поэтому я сижу въ Грешневѣ, и выѣзжаю кой когда на часъ времяни поохотиться, однако привыкнувъ быть съ Вами мнѣ одному чрезвычайно скучно».

Еще болѣе грустнымъ настроеніемъ проникнуто послѣднее изъ имѣющихся у насъ писемъ, посланное съ нарочнымъ въ Карабиху и адресованное Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ [1]). Вотъ оно:

«Любезные дѣти! Никто меня бѣднаго старца и посетить не хочетъ, а я крайне нездоровъ болью въ груди и охриплостью, дѣнь ото дня все хуже—докторъ мой уѣхалъ на мѣсяцъ, ѣздитъ г-нъ пирошковъ, но скупъ на визиты—посылаю Вамъ письмо съ нарочнымъ полагая, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, оно Вамъ нужно—будьтѣ здоровы и не забывайтѣ меня мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ, что мнѣ дѣлать въ такой болезни вдругъ меня постигшей. Любящей Васъ Алексѣй Некрасовъ. а погода дурная, кто плохъ здоровьемъ тотъ сиди дома».

Николай Алексѣевичъ, насколько можно судить по разсматриваемой перепискѣ, старался быть внимательнымъ къ отцу. Упрекая часто Федора Алексѣевича въ томъ, что онъ неаккуратенъ въ отвѣтахъ на письма, Некрасовъ-отецъ почти не обращается съ

[1]) Хотя это письмо и не датировано, но мы едва ли ошибемся, предположивъ, что оно писалось въ послѣдній годъ жизни Алексѣя Сергѣевича, не даромъ въ немъ содержится указаніе на внезапную и серьезную болѣзнь.

такими упреками къ старшему сыну. Съ другой стороны, самый фактъ постоянныхъ просьбъ, обращаемыхъ къ этому послѣднему, и частыхъ намековъ на желательность того или другого подарка свидѣтельствуетъ о томъ, что Н. А. много дѣлалъ для своего отца. Само собой разумѣется, что не все просимое отцомъ онъ могъ исполнить, не поступаясь своими убѣжденіями; въ такихъ случаяхъ онъ и не исполнялъ его просьбъ. Такъ, на письмо отъ 23 января 1852 г., въ которомъ выражалось настойчивое желаніе, чтобы сыновья поддержали жалобу А. С. на утвержденіе Уголовной палатой яко бы незаконнаго завѣщанія Татьяны Ив. Некрасовой, согласно которому долгъ Ярославскому Приказу пришлось платить не освобожденнымъ крестьянамъ, а Некрасову-отцу, и «*немедленно*» сообщили ему объ исходѣ своихъ хлопотъ,—вовсе не послѣдовало отвѣта. А. С., вѣроятно, почувствовалъ почему, и въ слѣдующемъ письмѣ объ этомъ дѣлѣ уже не заговаривалъ.

Зато изъ другихъ писемъ видно, что въ предѣлахъ для него возможнаго Н. А. не прочь былъ и побаловать старика; такъ, въ письмѣ Некрасова-отца отъ 3 августа 1857 г. изъ Москвы, гдѣ тогда лѣчился А. С., онъ извѣщаетъ сына о полученіи письма и подарковъ (пальто и своры) и благодаритъ «за память».

Истинно родственныя отношенія между дѣтьми и родителями, выражающіяся, само собой разумѣется, и въ обоюдной тоскѣ во время разлуки, порождаются прежде всего общими умственными интересами. О наличности послѣднихъ у Н. А. съ А. С. и говорить не приходится. Складъ жизни, характеръ дѣятельности, взгляды, убѣжденія,—все это въ такой мѣрѣ было различно, что никакой почвы для мало-мальски идейнаго общенія между ними не было и быть не могло.

Читая письма Некрасова-отца, прямо-таки поражаешься полнѣйшимъ отсутствіемъ въ ихъ содержаніи чего бы то ни было такого, что напоминало бы, что они писаны къ одному изъ крупнѣйшихъ русскихъ поэтовъ и выдающихся журналистовъ. Впрочемъ, нѣтъ! оговариваемся. Въ первомъ изъ писемъ, отправленныхъ за границу (22 ноября 1856), А. С. пишетъ, что не знаетъ, «каково идетъ подписка на «Современникъ», во второмъ письмѣ спѣшитъ сообщить сыну, что хотя г-нъ Вульфъ ему ничего не пишетъ, но онъ знаетъ отъ другихъ, что дѣла и подписка на «Современникъ» идутъ довольно хорошо; въ письмѣ же начала 60-хъ гг. содержится лаконическая благодарность за присылку стиховъ. Вотъ все, касающееся журнальной и поэтической дѣятельности Н. А., что мы могли извлечь изъ 14-ти писемъ его отца, занимающихъ въ общей сложности 43 страницы. Дважды старикъ проявилъ интересъ къ вопросу чисто практическому—«каково идетъ подписка на «Современникъ», одинъ-единственный разъ заговорилъ о стихахъ сына, выполняя чисто формальную обязанность,—благодаря за ихъ присыл-

ку. Но достаточно Н. А—чу было сообщить, что онъ намѣренъ провести лѣто во Владимирскомъ имѣніи, чтобы поохотиться тамъ, какъ отецъ пишетъ ему длиннѣйшее письмо (29 марта 1853), въ которомъ обсуждаетъ всѣ подробности этого предпріятія. Опять-таки достаточно Н. А—чу прислать бумаги, касающіяся вновь пріобрѣтаемаго имѣнія—Карабихи, какъ Некрасовъ-отецъ преисполняется энергіей и дѣятельно начинаетъ распоряжаться. «Самъ я,—пишетъ онъ сыну отъ 12 декабря (годъ не указанъ),—будѣ поправлюсь отъ нападенія хворости то поѣду въ Карабиху, посмотреть, и къ этому времяни не худо бы было выслать опись, чтобы можно видѣть, то, что тебѣ принадлежитъ, на правой твоей сторонѣ есть водяная мельница, кажется она должна принадлежать тебѣ... что найдешь по корабихѣ пиши мнѣ»... Заключается письмо очень характернымъ для А. С., радѣвшаго о матеріальномъ благоденствіи рода Некрасова, а потому готоваго бить тревогу по поводу даже предполагаемыхъ потерей и убытковъ, вторичнымъ упоминаніемъ о злосчастной мельницѣ: «да что въ контрактѣ не сказано про водяную мельницу?» Замѣтимъ, что все это писалось за какой-нибудь годъ до смерти, когда болѣзнь А. С—ча принимала уже, надо думать, угрожающій характеръ. Какъ въ теченіе всей своей жизни, такъ и передъ лицомъ смерти Некрасовъ-отецъ оставался человѣкомъ, всей душой преданнымъ чисто земнымъ потребностямъ и интересамъ. Все, что «о не хлѣбѣ единомъ», для него не существовало. А потому не было и точекъ соприкосновенія съ той стороной жизни сына, въ которомъ наиболѣе полно отразилось умственное и нравственное существо этого послѣдняго. Помимо этого, между отцомъ и сыномъ глухою стѣною стояло крѣпостное право, заядлымъ сторонникомъ котораго былъ А. С. и бороться съ которымъ считалъ себя призваннымъ Н. А. Въ нашемъ распоряженіи имѣется два свидѣтельства, устанавливающія фактъ ссоръ и размолвокъ, происходившихъ между отцомъ и сыномъ на почвѣ діаметрально противоположнаго отношенія къ крѣпостничеству и «рабамъ». Крестьянинъ Сергѣй Семеновичъ Полянинъ (см. статью г-жи Путиловой: «Воспоминанія крестьянъ о поэтѣ и его родныхъ» въ газетѣ «Сѣверный край» за январь 1903 г.), взятый 8 лѣтъ въ домъ Некрасова-отца и служившій тамъ вплоть до освобожденія, расхваливая Н. А. («такой былъ человѣкъ, что и не найдешь теперь скоро»), ссылался на его рѣдкостно хорошее отношеніе къ крѣпостнымъ: «Со всякимъ поговоритъ, посовѣтуетъ что, узнаетъ нужду—поможетъ. Съ человѣкомъ обходился не какъ со скотиной—вѣжливо, тихо и всегда съ шуточкой». Затѣмъ тотъ же Полянинъ, «постоянно бывшій въ домѣ, часто слышалъ, какъ Н. А. спорилъ съ отцомъ за то, что нужно освободить крестьянъ, что нельзя въ неволѣ держать людей; А. С. при этомъ страшно сердился. И уѣхалъ Н. А., поссорившись съ отцомъ. А. С. никогда не вспоминалъ Н. А., и они

долго, года 3—4. не переписывались. Въ 56—57 году Н. А. первый разъ послѣ ссоры пріѣхалъ въ Грешнево, отецъ встрѣтилъ его со слезами и все послѣдующее время былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Н. А.».

Что касатеся хронологическихъ датъ, приводимыхъ въ разсказѣ Полянина, то онѣ, само собой разумѣется, достовѣрными признаны быть не могутъ, хотя—любопытное совпаденіе!—среди писемъ А. С. къ сыну за 1854 годъ имѣется только одно письмо, да и то относящееся къ январю мѣсяцу, а за 1855 годъ нѣтъ ни одного.

О ссорѣ, возникшей на подобной же почвѣ между ея отцомъ и братомъ, разсказываетъ и А. А. Буткевичъ въ одной еще не появлявшейся въ печати замѣткѣ своей, которую мы приводимъ полностью: «По поводу охоты вспоминаю такой случай: въ первые годы, проводя лѣто у отца въ деревнѣ, братъ иногда ѣздилъ съ нимъ на охоту съ борзыми и гончими собаками. Братъ не любилъ этой охоты, а отецъ очень любилъ и всегда радовался, когда ему удавалось увлечь съ собой брата. Въ одной изъ такихъ поѣздокъ кто-то изъ охотниковъ—подъѣзжій или доѣзжій—сдѣлалъ большую ошибку, вслѣдствіе которой собаки упустили звѣря. Отецъ вышелъ изъ себя, въ порывѣ гнѣва наскочилъ на виноватаго и отдулъ его арапникомъ. Братъ, не говоря ни слова, поворотилъ лошадь и ускакалъ домой; вскорѣ воротился и отецъ не въ духѣ и сердитый. Объясненій никакихъ не послѣдовало, но братъ сталъ избѣгать отца,—уходилъ съ ружьемъ и собакой и пропадалъ по нѣсколько дней, охотясь за дичью со своимъ сверстникомъ Кузьмой Орловскимъ и его отцомъ, отлично знавшимъ всѣ мѣста и какую птицу гдѣ нужно искать. Отецъ, видимо, скучалъ,—на охоту не ѣздилъ. Однажды, когда братъ вернулся, отецъ послалъ меня непремѣнно уговорить его, чтобы пришелъ обѣдать. Обѣдъ прошелъ довольно натянуто, но затѣмъ подано было шампанское, за которымъ и послѣдовало объясненіе. Отецъ горячился, оправдывался, что безъ драки съ этими «скотами» совсѣмъ нельзя, что тогда хоть всю охоту распускай, но, тѣмъ не менѣе, далъ слово, что при братѣ никогда драться не будетъ, и сдержалъ его».

Кромѣ духовной отчужденности вообще и различнаго отношенія къ крѣпостному праву въ частности, отца и сына разъединяли воспоминанія прошлаго. Нельзя забывать прежде всего, что болѣзненная страстная любовь Некрасова къ матери, которая не только не исчезла, но даже не тускнѣла въ теченіе всей его жизни, должна была постоянно поддерживать въ его душѣ чувство нѣкотораго недоброжелательства къ отцу, виновнику ея жизненныхъ страданій,—страданій, преждевременно раскрывшихъ передъ ней могилу. Воспоминаніе о матери, въ силу наиболѣе распространенныхъ психологическихъ ассоціацій—по смежности и по контрасту,—неизбѣжно рождало въ сознаніи Н. А—ча мысль объ отцѣ, и эта мысль

полна была «печали и гнѣва»... Въ уже цитированныхъ нами воспоминаніяхъ Елисѣя Колбасина разсказывается, что на изліянія, касавшіяся, главнымъ образомъ, мученицы-матери, Некрасова натолкнуло полученіе отцовскихъ письма и подарка. «Въ разсказахъ того памятнаго мнѣ дня,—говоритъ Колбасинъ,—онъ изобразилъ ее такими яркими, чудесными красками, что она до сихъ поръ рисуется въ моемъ воображеніи, какъ живая. Я тогда же замѣтилъ ему, что онъ можетъ написать о ней цѣлую поэму».

Та роль злого генія, которую сыгралъ въ жизни своей жены А. С—чъ, была уже достаточной причиной для «священнаго озлобленія противъ домашняго тирана-крѣпостника» (выраженіе того же Е. Колбасина) со стороны его сына, но, и помимо нея, у Некрасова были съ отцомъ свои собственные счеты. Общеизвѣстны разсказы о мытарствахъ, испытанныхъ Некрасовымъ въ теченіе первыхъ 2—3 лѣтъ его пребыванія въ Петербургѣ. Вотъ его собственныя слова объ этомъ изъ неизданнаго письма отъ 16 августа 1841 года къ редактору «Пантеона», Фед. Ал. Кони, поддержавшему будущаго знаменитаго поэта въ его первыхъ шагахъ на литературномъ поприщѣ: «я помню, что я былъ назадъ два года, какъ я жилъ... я понимаю теперь, могъ ли бы выкарабкаться изъ сору и грязи безъ помощи Вашей. Я не стыжусь признаться, что всѣмъ обязанъ Вамъ». Спрашивается, кто же толкнулъ Некрасова въ «соръ и грязь», изъ которыхъ впослѣдствіи съ такимъ трудомъ ему пришлось выкарабкиваться, какъ не его отецъ, лишившій 16-лѣтняго юношу всякой поддержки за то только, что онъ, не безъ вліянія матери [1]), предпочелъ университетъ Дворянскому Полку. Ужасы постояннаго недоѣданія, необходимость ютиться по «петербургскимъ угламъ», безъ всякаго сомнѣнія, бросили въ неокрѣпшій организмъ поэта сѣмена неизлѣчимой болѣзни, которая постоянно давала ему себя чувствовать и приблизила его кончину. Ощущенія физическихъ немощей, такимъ образомъ, опять-таки заставляли Некрасова вспоминать отеческое попеченіе А. С—ча, который былъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ столь же равнодушенъ къ судьбѣ старшаго сына, заброшеннаго на чужбину, какъ 15 годами позже былъ равнодушенъ къ «кавказскому воину»—Константину.

Изысканія въ архивѣ ярославской гимназіи показываютъ, что и до отъѣзда Некрасова въ Петербургъ отецъ далъ ему весьма наглядный примѣръ своего нежеланія поступиться даже ничтожной суммой денегъ ради интересовъ сына. Въ этомъ архивѣ хранятся два интересные документа, которые мы и приводимъ полностью. Первый это—рапортъ инспектора ярославской гимназіи Величковскаго ея директору статскому совѣтнику Клименко, помѣченный

[1]) Въ «Замѣткахъ» Чернышевскаго о Некрасовѣ содержится, между прочимъ, вполнѣ опредѣленное указаніе, что мысль о поступленіи въ университетъ внушена была Н-ву его матерью.

8 марта 1835 года: «Исполняя возложенное на меня вами порученіе касательно сбора съ учениковъ гимназіи платы за ученіе и находя напрасными напоминанія нѣкоторымъ изъ нихъ о сообщеніи ихъ родителямъ или родственникамъ требованій по сему предмету гимназическаго начальства, я долженъ былъ войти отъ своего лица въ письменныя отношенія съ ихъ родителями. Относясь такимъ образомъ къ г. Некрасову, другой годъ не вносящему за двухъ дѣтей своихъ платы за ученіе, я получилъ отъ него въ отвѣтъ письмо, которое, представляя при семъ въ подлинникѣ, покорнѣйше прошу, согласно собственному желанію г. Некрасова, снестись съ губернскимъ предводителемъ, дабы онъ распорядился взысканіемъ съ него и доставленіемъ въ гимназію слѣдующей за двухъ дѣтей его двухгодичной платы за ученіе, ассигнаціями 48 рублей [1])». Второй это—подлинное письмо Некрасова-отца, на которое ссылается Величковскій. Вотъ оно: «М. Г. Порфирій Ивановичъ, на письмо Ваше касательно требуемыхъ 48 руб. денегъ за обученіе въ Ярославской Гимназіи дѣтей моихъ, Андрея и Николая, честь имѣю отвѣтить, что по обыкновенному порядку всякія съ дворянъ требованія производятся черезъ ихъ Губернскаго предводителя, безъ разрѣшенія коего, яко попечителя Ярославской Гимназіи, я самъ собою и при всемъ желаніи моемъ уплатить помянутыхъ денегъ теперь не могу. Съ непремѣннымъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ милостиваго государя покорнѣйшій слуга, Алексѣй Некрасовъ. Марта 7 дня 1835 г.».

Нѣтъ надобности распространяться, что въ этомъ письмѣ А. С. обнаружилъ наиболѣе несимпатичныя стороны своей натуры. Такъ и чувствуется, что оно писано человѣкомъ, готовымъ защищать въ юридическомъ отношеніи явно безнадежную позицію, лишь бы отвертѣться отъ уплаты ничтожнѣйшей суммы (48 руб. асс.!) или хоть оттянуть ее на нѣсколько мѣсяцевъ. Скупость, вѣрнѣе сказать, скаредность, довела Некрасова-отца до полнаго забвенія своихъ родительскихъ обязанностей. Въ какое положеніе, въ самомъ дѣлѣ, онъ ставилъ своихъ сыновей, которымъ начальство «многократно» напоминало, что за нихъ не внесена плата, сопровождая, по всей вѣроятности, эти напоминанія угрозами скораго увольненія. Въ результатѣ, само собой разумѣется, страдало дѣтское самолюбіе и создавалось для ни въ чемъ неповинныхъ мальчиковъ - гимназистовъ фальшивое положеніе какъ въ отношеніи начальства, такъ и въ отношеніи товарищей, далеко не всегда умѣющихъ быть деликатными и избѣгать щекотливыхъ вопросовъ. Мало того, такъ какъ, съ одной стороны, легенда объ увольненіи Некрасова за сатирическіе стихи на учителей лишена какихъ бы то ни было объективныхъ основаній, а съ другой стороны, извѣстно,

[1]) Плата за ученіе въ гимназіи тогда была 12 руб. ассигн.

что въ спискѣ переведенныхъ за 1835/6 годъ въ слѣдующіе классы учениковъ имена братьевъ Некрасовыхъ отсутствуютъ,—вполнѣ возможно предположить, что они или были уволены начальствомъ за невзносъ платы за право ученія или же были взяты изъ гимназіи нежелавшимъ поступиться ради нихъ 48 рублями отцомъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ вина А. С—ча представляется довольно серьезной. Лишить сына высшаго образованія было, конечно, непохвально, но, быть-можетъ, не шло въ разрѣзъ съ воззрѣніями значительной части провинціально-помѣщичьяго круга, помѣшать же ему закончить средне-учебное заведеніе—это уже незаурядное нарушеніе отцовскаго долга даже для малокультурной дворянской крѣпостнической среды 30-хъ годовъ.

Все вышеизложенное не только оправдываетъ въ полной мѣрѣ рѣзкіе отзывы Некрасова объ его отцѣ, извлеченные нами изъ его стиховъ, но и позволяетъ поставить ему скорѣе въ заслугу, чѣмъ въ вину, наружно корректное, хотя, безъ сомнѣнія, и лишенное внутренней теплоты отношеніе къ А. С—чу, которое мы констатировали, анализируя письма этого послѣдняго.

И, тѣмъ не менѣе, приходится признать, что Некрасовъ, какъ плоть отъ плоти и кость отъ кости своего отца, не могъ не унаслѣдовать нѣкоторыхъ его свойствъ. Прежде всего онъ унаслѣдовалъ его бурный, временами не знающій удержу темпераментъ. Въ стихотвореніи «Псовая охота» художественно представленъ если не самъ А. С., то, безъ сомнѣнія, очень близкій ему психологическій типъ, какъ разъ въ моментъ пробужденія этого темперамента. Вспомнимъ хотя бы строчки:

Ближе и лай, и порсканье, и крикъ—
Вылетѣлъ бойкій русакъ-материкъ!
Гикнулъ помѣщикъ и ринулся въ поле...
То-то раздолье помѣщичьей волѣ!
Черезъ ручьи, буераки и рвы
Бѣшено мчится: не жаль головы!
Въ бурныхъ движеньяхъ—величіе власти,
Голосъ проникнутъ могуществомъ страсти,
Очи горятъ благороднымъ огнемъ—
Чудное что-то свершилося въ немъ!
Здѣсь онъ не струситъ, онъ здѣсь не уступитъ,
Здѣсь его Крезъ за мильоны не купитъ!
Буйная удаль не знаетъ преградъ,
Смерть иль побѣда—ни шагу назадъ!
Смерть иль побѣда! Но гдѣ жъ, какъ не въ бурѣ
И развернуться славянской натурѣ?

Но «славянская натура» А. С. развертывалась не только во время охоты. Въ нашихъ рукахъ находится листъ, на который были занесены продиктованныя умиравшимъ Некрасовымъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ его отцѣ, которыя этотъ послѣдній самъ сообщилъ сыну.

Между прочимъ, А. С. разсказалъ Н. А—чу слѣдующее: «предки наши были богаты. Прапрадѣдъ вашъ проигралъ семь тысячъ душъ, прадѣдъ—двѣ, дѣдъ (мой отецъ)—одну, я—ничего, потому что нечего было проигрывать, но въ карточки поиграть тоже любилъ»... О страсти А. С—ча къ картамъ сохранились кой-какія воспоминанія и у младшаго его сына, Федора Алексѣевича, который объ одномъ изъ дворовыхъ людей ихъ семьи, Кондратіи Андреевѣ, передавалъ, что онъ во время походныхъ скитаній Н-ва-отца исполнялъ всевозможныя порученія послѣдняго: Некрасовъ его одѣвалъ въ свой костюмъ во время остановокъ въ какомъ-нибудь городкѣ (во время дневокъ), отправлялъ на службу, а самъ, остановившись гдѣ-либо въ гостиницѣ, знакомился съ проѣзжими и велъ съ ними карточную игру. Кондр. Андр. ловко выпутывался изъ всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, благодаря своей сообразительности; единственную непріятность доставляли ему иногда обѣды, на которые его приглашали и на которыхъ ему приходилось сидѣть въ дамскомъ обществѣ. Само собой разумѣется, что, если бы этотъ маскарадъ былъ разоблаченъ, а разоблачиться онъ, само собой разумѣется, могъ легко, несмотря на всю изворотливость Кондратія Андреева, Алексѣю Сергѣевичу не поздоровилось бы отъ начальства. Онъ, конечно, превосходно сознавалъ это, но преодолѣть свое влеченіе «поиграть въ карточки» былъ, очевидно, не въ силахъ.

Насчетъ бурнаго темперамента А. С. приходится поставить его романтическую любовную исторію съ Закревской и въ особенности послѣдующія его похожденія въ родовой деревнѣ, которыя дали его сыну поводъ назвать отцовскій домъ «домомъ крѣпостныхъ любовницъ»...

Судя по тому, что Некрасову передались отъ отца и любовь къ охотѣ, и приверженность къ картамъ, и влеченіе къ женщинамъ, предположеніе наше о томъ, что онъ унаслѣдовалъ бурный темпераментъ А. С—ча можно считать доказаннымъ. Однако къ чести поэта служитъ то, что онъ умѣлъ во многомъ облагородить свои страсти.

Охота, напримѣръ, по справедливому замѣчанію его сестры, вполнѣ подтверждаемому разсказами крестьянъ, охотившихся съ поэтомъ (см. «Сѣверный край», «Петербургскія Вѣд.», январь, 1903 г.), «была для него не одною забавою, но и средствомъ знакомиться съ народомъ... Онъ говаривалъ, что самый талантливый процентъ изъ русскаго народа отдѣляется въ охотники; рѣдкій разъ не привозилъ онъ изъ своего странствованія какого-либо запаса для своихъ произведеній. Такъ, однажды, при мнѣ онъ вернулся и засѣлъ за *Коробейниковъ*, которыхъ потомъ при мнѣ читалъ крестьянину Кузьмѣ. Въ другой разъ засѣлъ на два дня—и явились «*Крестьянскія дѣти*». Орина, мать солдатская, сама ему разсказывала свою ужасную жизнь. Онъ говорилъ, что нѣсколько разъ дѣлалъ крюкъ,

чтобы поговорить съ нею; а то боялся сфальшивить». Съ другой стороны, во время своихъ охотничьихъ странствій Н. А—чъ не упускалъ случая сдѣлать доброе дѣло. Однажды онъ съ егерями и загонщиками, числомъ до 80 человѣкъ, отстоялъ деревню отъ пожара, въ другой разъ отдалъ сторублеваго коня крестьянину, постоянному спутнику своему по охотѣ, при первомъ извѣстіи, что его лошадь околѣла и т. д. и т. п.

Что касается картъ, то объ ихъ роли въ жизни Некрасова писалось достаточно много. Насколько крупную игру велъ поэтъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ его, записаннымъ подъ его диктовку незадолго до его смерти: «Скажу еще объ Абазѣ. Этотъ симпатичный человѣкъ проигралъ мнѣ больше милліона франковъ по его счету, а по моему счету и больше. Одно время я былъ въ выигрышѣ до 600 тыс. Самый большой мой проигрышъ въ одинъ разъ былъ 83 т.». Притягивала Некрасова къ картамъ, конечно, «болѣзненная психологія человѣка, одержимаго страстью къ игрѣ, непреодолимо влекущею его на эту рискованную борьбу между счастьемъ и опытомъ, увлеченьемъ и выдержкой, запальчивостью и хладнокровіемъ, гдѣ главную роль играетъ не выигрышъ, не пріобрѣтеніе, а своеобразное сознаніе своей побѣды» (А. Ф. Кони «На жизненномъ пути», ч. II). Подобнаго рода психологія, само собой разумѣется, не лишена нѣкоторыхъ чисто патологическихъ чертъ; не даромъ А. Ф. Кони называетъ ее «болѣзненной», а потому едва ли было бы въ данномъ случаѣ умѣстно винить за нее поэта, тѣмъ болѣе, что за употребленіе, которое нерѣдко давалось наиграннымъ въ карты деньгамъ, онъ заслуживаетъ скорѣе похвалы. Карточные выигрыши сплошь да рядомъ тратились имъ на покрытіе долговъ «Современника», на оказаніе помощи больнымъ литераторамъ (см. письмо Некрасова къ Добролюбову и т. д. и т. п.).

Что касается отношенія Некрасова къ женщинамъ, то объ нихъ извѣстно сравнительно мало. Стихи, въ которыхъ нашла отраженіе эта сторона жизни поэта, если не считать знаменитыхъ «Ѣду ли ночью по улицѣ темной», очень лиричны, и искать въ нихъ какихъ-либо фактическихъ указаній было бы едва ли правильно. Единственное, о чемъ они позволяютъ судить, это о способности Некрасова глубоко и беззавѣтно отдаваться чувству любви. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ воспоминанія нѣкоторыхъ лицъ, знавшихъ его близко. Вотъ что, напримѣръ, разсказываетъ по этому поводу Колбасинъ: «Такъ какъ зашла рѣчь о жгучей страстности натуры нашего поэта, къ которому ни въ какомъ случаѣ не могъ быть примѣненъ стихъ

И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,

то разскажу слѣдующій эпизодъ его жизни.

«Некрасовъ былъ долго и безнадежно влюбленъ въ одну очень хорошую женщину. Одинъ разъ, когда поэтъ переѣзжалъ съ ней

черезъ Волгу въ довольно многолюдномъ обществѣ, она на страстныя нашоптыванія поэта съ досадой отвѣчала: «Всѣ вы, господа, фразеры, на словахъ готовы на всѣ жертвы, а на самомъ дѣлѣ умѣете только разглагольствовать. Вотъ вы Богъ знаетъ, что говорите, однако, не броситесь изъ-за меня въ воду». При послѣднихъ ея словахъ Некрасовъ со всего размаха бросился изъ лодки въ Волгу почти на срединѣ ея теченія и не умѣя плавать. Съ великимъ трудомъ удалось спасти утопавшаго поэта. Но эта недоступная женщина сумѣла оцѣнить Некрасова и наградила его продолжительной любовью, которая составляетъ самыя свѣтлыя страницы въ мрачной жизни нашего поэта».

Съ другой стороны, однако, приходится признать, что любовнымъ именно увлеченіямъ обязаны своимъ происхожденіемъ и нѣкоторыя наиболѣе темныя страницы ея. Разсказъ того же Колбасина объ отношеніяхъ Некрасова, когда ему было еще 19 лѣтъ отроду, къ одной гувернанткѣ убѣждаетъ насъ, что многое изъ того, о чемъ повѣствуется въ стихотвореніи «Ѣду ли ночью по улицѣ темной», автору его пришлось пережить самому.

Кромѣ серьезныхъ любовныхъ отношеній въ жизни Некрасова извѣстную роль играли кратковременныя связи, при ликвидаціи которыхъ, благодаря внушеніямъ своей великодушной натуры, онъ не останавливался передъ крупными матеріальными жертвами. Въ нашемъ распоряженіи имѣются документальныя доказательства этого.

Охотничьи поѣздки, картежные вечера, романическіе эпизоды ведутъ къ такому строю и образу жизни, при которомъ неизбѣжно возникаетъ потребность въ роскоши, въ комфортѣ. Роскошной, комфортабельной и была жизнь Некрасова въ періодъ 50—70-хъ гг. Барская квартира, барская обстановка, барская ѣда—вотъ тѣ «минутныя блага», въ приверженности къ которымъ такъ горько каялся поэтъ въ своемъ стихотвореніи-исповѣди «Къ неизвѣстному другу»... Но какъ ни властно сковывали они, вмѣстѣ со всѣмъ отцовскимъ наслѣдіемъ, идеалистическіе порывы души Некрасова, все же не въ силахъ были помѣшать ему «наполнить жизнь борьбою за идеалъ добра и красоты». Свободолюбивая поэзія *Николая* Некрасова, «печальника горя народнаго», останется надолго живымъ воплощеніемъ этой борьбы, въ то время какъ память объ *Алексѣевичѣ*, его слабостяхъ и увлеченіяхъ пройдетъ и разсѣется безслѣдно.

В. Евгеньевъ.

Отношеніе Л. Н. Толстого къ земледѣльческимъ колоніямъ.[1])

Съ 80-хъ годовъ у насъ, въ Россіи, привыкли связывать такъ называемое «движеніе на землю» и устройство всякихъ земледѣльческихъ колоній и общинъ съ именемъ Льва Толстого, усматривая въ этомъ явленіи прямое воздѣйствіе его проповѣди «опрощенія» и «хлѣбнаго труда». Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе, знакомые съ отрицательными отзывами Толстого и въ особенности нѣкоторыхъ «толстовцевъ» о подобныхъ предпріятіяхъ, полагаютъ, что въ дѣйствительности онъ не могъ сочувствовать этому движенію, или же, что въ своемъ отношеніи къ нему онъ проявлялъ самое рѣзкое противорѣчіе.

Такое кажущееся противорѣчіе можно у Толстого найти въ связи со многими вопросами. Но оно только кажущееся и происходитъ отъ того, что онъ подходитъ къ однимъ и тѣмъ же явленіямъ съ самыхъ различныхъ сторонъ. Если внимательно вникнуть въ истинный смыслъ его сужденій, то окажется, что въ нихъ не только нѣтъ противорѣчія, но что отзывы его, взятые всѣ вмѣстѣ, другъ друга взаимно пополняютъ и уравновѣшиваютъ. Говорю, разумѣется, только о самомъ Толстомъ. Многіе изъ его такъ называемыхъ «послѣдователей», дѣйствительно, какъ это часто бываетъ съ учениками по отношенію къ своему учителю, усиленно подчеркиваютъ и раздуваютъ какую-нибудь одну сторону его взглядовъ, наиболѣе соотвѣтствующую ихъ индивидуальнымъ особенностямъ, придавая, такимъ образомъ, своей оцѣнкѣ того или иного предмета слишкомъ узкую, «сектантскую» окраску. Но въ самомъ Толстомъ особенно дорого его замѣчательное свойство не только глубоко, но и широко и всесторонне разбирать занимающіе его вопросы, освѣщая ихъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Онъ никогда окончательно не удовлетворяется разъ полученными впечатлѣніями или выводами, но постоянно готовъ безъ малѣйшей предвзятости вновь разсматривать тотъ же самый вопросъ при совершенно новомъ освѣщеніи. А потому для того, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ дѣйствительномъ отношеніи Толстого къ какому-нибудь предмету, недостаточно руко-

[1]) По изданнымъ письмамъ Л. Н. Толстого. *Ред.*

водствоваться отдѣльными его отзывами или даже цѣлыми сочиненіями, написанными имъ въ одномъ настроеніи, а необходимо ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что̀ онъ высказывалъ по этому вопросу въ разное время и по различнымъ поводамъ, тѣмъ болѣе, что его духовное сознаніе никогда не застывало на одной точкѣ, но съ постоянно нарастающимъ напряженіемъ продолжало развиваться до самой минуты его смерти.

Такъ и въ данномъ случаѣ. Достаточно внимательно разобрать и сличить наиболѣе характерные и, на первый взглядъ, какъ будто несогласимые отзывы Льва Николаевича объ общинномъ земледѣліи для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что на самомъ дѣлѣ въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія, и что въ этой области, какъ и въ другихъ, взгляды его въ высшей степени послѣдовательны и цѣльны.

Дѣло земледѣльческихъ колоній основано на двухъ началахъ: на обработкѣ земли своими собственными руками и на кооперативной формѣ хозяйства.

О томъ, что Толстой считалъ земледѣльческій трудъ нравственно обязательнымъ для человѣка, хорошо извѣстно всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ съ его міровоззрѣніемъ. Опредѣленнѣе и сильнѣе всего онъ высказалъ этотъ взглядъ въ своей статьѣ о Бондаревѣ [1]) и въ своей книгѣ: «Такъ что же намъ дѣлать?»

«Бондаревъ, — пишетъ Л. Н. въ одномъ частномъ письмѣ отъ 1895 г.,—говоритъ, что всякій человѣкъ долженъ считать обязанность физическаго труда — прямого участія въ тѣхъ трудахъ, плодами которыхъ онъ пользуется — своей первой, главной, несомнѣнной, священной обязанностью, и что въ такомъ сознаніи этой обязанности должны быть воспитываемы люди. И я не могу себѣ представить, какимъ образомъ честный и думающій человѣкъ можетъ не согласиться съ этимъ».

Описывая выгоды такого образа жизни, Л. Н. говоритъ въ своей книгѣ «Такъ что же намъ дѣлать?»:

«Что же будетъ изъ того, что я буду 10, 8, 5 часовъ работать физическую работу, которую охотно сдѣлаютъ тысячи мужиковъ за тѣ деньги, которыя у меня есть? — говорятъ на это.

«Будетъ первое, самое простое и, несомнѣнно, то, что ты будешь веселѣе, здоровѣе, бодрѣе, добрѣе и узнаешь настоящую жизнь, отъ которой ты прятался самъ, или которая была спрятана отъ тебя.

«Будетъ второе то, что если у тебя есть совѣсть, то не только она не будетъ страдать, какъ она страдаетъ теперь, глядя на трудъ людей (значеніе, котораго мы всегда, по незнанію его, преувеличиваемъ или уменьшаемъ), но ты будешь постоянно испытывать

---

[1]) Предисловіе къ сочиненію Бондарева.

радостное сознаніе того, что съ каждымъ днемъ ты все болѣе и болѣе удовлетворяешь требованіямъ своей совѣсти и выходишь изъ того ужаснаго положенія такого нагроможденія зла въ нашей жизни, что нѣтъ возможности дѣлать добро людямъ; ты почувствуешь радость жить свободно съ возможностью добра; ты пробьешь окно, просвѣтъ въ область нравственнаго міра, который былъ закрытъ отъ тебя. Будетъ то, что вмѣсто вѣчнаго страха возмездія за твое зло, ты будешь чувствовать, что ты спасаешь и другихъ отъ этого возмездія и, главное, спасаешь угнетенныхъ отъ жестокаго чувства злобы и мести».

Что касается другого основного начала общиннаго земледѣлія — кооперативнаго — то Л. Н—чу въ своей практической жизни не приходилось самому принимать участіе въ кооперативныхъ предпріятіяхъ, и онъ мало о нихъ писалъ. Распространенное же мнѣніе о томъ, что онъ имѣлъ предубѣжденіе противъ всякихъ организацій, можетъ внушить предположеніе, что онъ долженъ былъ несочувственно относиться и къ организаціямъ кооперативнымъ. Но на самомъ дѣлѣ у Л. Н—ча не было и не могло быть враждебнаго отношенія къ организаціи вообще. Онъ только отрицалъ организацію преждевременную, предпринимаемую, какъ это часто бываетъ, тогда, когда не имѣется еще соотвѣтствующаго внутренняго содержанія. Когда же обстоятельства для того дѣйствительно назрѣвали, онъ вполнѣ умѣлъ цѣнить своевременную и цѣлесообразную организацію и даже самъ къ ней прибѣгалъ, напр., во время помощи голодающимъ или передъ самой своей смертью, когда собирался устроить ссыпку хлѣба для яснополянскихъ крестьянъ.

А потому нисколько не удивительно, что на запросъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля В. Ф. Тотоміанца, въ 1910 г., о томъ, сочувствуетъ ли онъ кооперативному движенію, Л. Н. отвѣтилъ вполнѣ утвердительно въ слѣдующемъ, уже появившемся въ печати, письмѣ:

«Вы совершенно вѣрно предполагаете, что кооперативное движеніе не можетъ не быть сочувственно мнѣ.

«Хотя я продолжаю и никогда не перестану думать и говорить, что единственное радикальное средство, могущее уничтожить существующее зло борьбы, насилія и задавленности большинства народа нерабочими сословіями, есть обновленіе религіознаго сознанія народа, — я не могу не признавать и того, что кооперативная дѣятельность — учрежденіе кооперативовъ, участіе въ нихъ — есть единственная общественная дѣятельность, въ которой въ наше время можетъ участвовать нравственный, уважающій себя человѣкъ, не желающій быть участникомъ насилія.

«Признаю и то, что кооперація можетъ облегчить дошедшую въ послѣднее время до крайней степени нужду рабочаго народа.

«Не думаю, однако, того, чтобы, какъ это думаютъ нѣкоторые, кооперативное движеніе могло вызвать или утвердить религіозное отношеніе людей къ жизненнымъ вопросамъ. Думаю, наоборотъ, что только подъемъ религіознаго сознанія можетъ дать прочный и плодотворный характеръ кооперативному движенію.

«Во всякомъ случаѣ думаю, что въ наше время это одна изъ лучшихъ дѣятельностей, которымъ могутъ посвятить себя ищущіе приложенія своихъ силъ молодые люди, желающіе служить народу, а ихъ такъ много.

«Если бы я былъ молодъ, я бы занялся этимъ дѣломъ, и теперь не отчаиваюсь попытаться сдѣлать, что̀ могу, среди нашего близкаго мнѣ крестьянства» (13 января 1910 г.).

При всемъ сочувствіи къ кооперативному движенію, выраженномъ Л. Н—чемъ въ этомъ письмѣ, весьма характерна его оговорка о взаимномъ отношеніи между коопераціей и религіей. Слѣдуетъ помнить, что подъ «религіей» Л. Н. разумѣлъ не что-либо «мистическое», а разумное пониманіе человѣкомъ смысла своей жизни, устанавливающее его отношеніе ко всему вещественному и духовному міру и вдохновляющее его дѣятельность. Толстой никогда не становился фанатикомъ никакой частной идеи, никогда не терялъ перспективы въ сравнительномъ значеніи разнообразныхъ жизненныхъ явленій. Напротивъ того, онъ всегда былъ на стражѣ того, чтобы производное и второстепенное не ставили, по человѣческой близорукости, во главу угла, и не уставалъ указывать на то, что искать спасенія отъ всякихъ золъ слѣдуетъ въ той основной духовной области, гдѣ его только и возможно найти.

Если Л. Н. считалъ физическій трудъ нравственно обязательнымъ для человѣка, а къ кооперативному движенію относился съ такимъ одобреніемъ, то само собой разумѣется, что онъ долженъ былъ отъ души сочувствовать и основанному на этихъ двухъ началахъ общинному земледѣлію. Въ подтвержденіе этого приведу выдержки изъ нѣсколькихъ его писемъ [1].

---

[1]) Письма и выдержки изъ писемъ Л. Н. Толстого къ разнымъ лицамъ цитируются здѣсь мною на основаніи даннаго мнѣ ихъ письменнаго разрѣшенія отъ 30 янв. 1909 г., фамиліи же лицъ, къ которымъ были адресованы эти письма, я указываю лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда я увѣренъ, что это не можетъ имъ быть непріятно. Пользуясь этимъ случаемъ для того, чтобы попросить тѣхъ лицъ, фамиліи которыхъ я не обозначилъ, если они ничего не имѣютъ противъ того, чтобы фамиліи ихъ были приведены при дальнѣйшихъ изданіяхъ этой статьи,— сообщать мнѣ о томъ. (Адресъ: Ясенки, Тульск. губ.).

«Я думаю такъ: нельзя достаточно цѣнить то положенiе, въ которомъ вы находитесь, и тотъ опытъ (общиннаго земледѣлiя), который у васъ производится. Мы всѣ, откинувъ кое-что отъ мiрской людской жизни, сдѣлавъ кое-какiя усилiя для участiя въ общемъ трудѣ, поддерживающемъ жизнь людей, очень склонны думать, что мы сдѣлали все, что̀ нужно, что мы чисты передъ людьми и можемъ успокоиться. И потому нельзя достаточно цѣнить того строгаго опыта, который производится въ общинѣ и который показываетъ, какую степень суровости жизни и напряженiя труда надо держать для того, чтобы быть болѣе или менѣе чистымъ отъ людоѣдства (мнѣ очень нравится точность этого выраженiя).

«Я говорю «болѣе или менѣе» потому, что собственность земли и инвентаря нарушаютъ полную чистоту» (Августъ 1889 г. Е. И. Попову).

«Предпринимаемое вами дѣло очень хорошее, и артельное земледѣлiе самое выгодное.

«Но для осуществленiя этого дѣла, кромѣ капитала, умѣнья работать и охоты трудиться, нужно еще высокую степень нравственнаго совершенства. Нужна привычка къ воздержанiю, кротость, терпѣнiе, смиренiе, любовь. Въ этихъ нравственныхъ свойствахъ главный залогъ успѣха, и потому, готовясь къ осуществленiю вашего плана, совѣтую болѣе всего стараться выработать въ себѣ эти свойства» (1893 г.).

«Третьяго дня получилъ американское изданiе Social Gospel. Это органъ людей, ихъ около 100 человѣкъ, соединившихся въ колонiю Georgia, чтобы осуществить жизнь христiанскую и въ экономическомъ смыслѣ.

«Очень это трудно, но нельзя не сочувствовать такимъ попыткамъ» (25 февраля 1898 г. П. И. Бирюкову).

Несмотря на выраженное въ этихъ отрывкахъ сочувствiе общинному принципу, мы опять здѣсь встрѣчаемъ тѣ же осторожныя оговорки. Въ одномъ письмѣ, какъ мы видѣли, Л. Н. вскользь указываетъ на то, что «собственность земли и инвентаря нарушаетъ полную чистоту». Эту же мысль онъ высказалъ еще болѣе опредѣленно въ своемъ дневникѣ въ слѣдующихъ выраженiяхъ: «Думаю объ общинахъ, что для освобожденiя себя отъ пользованiя правомъ чужого труда неразумно и опасно собирать себѣ деньги (орудiе угнетенiя) и на эти деньги покупать несправедливѣйшую собственность — земельную» (11 марта 1889 г.). Въ другомъ приведенномъ выше письмѣ Л. Н. упоминаетъ о необходимости «высокой степени нравственнаго совершенства». Еще въ другомъ — о томъ, что «это очень трудно». Такъ что даже тогда, когда Л. Н. выражаетъ наиболѣе сочувственное отношенiе къ общинному земледѣлiю, онъ ни на минуту не забываетъ, что община, сама по себѣ, есть только форма и, какъ таковая, недостаточна, — что

основа лежитъ въ болѣе глубокой, внутренней области. И этимъ Толстой отличается отъ тѣхъ фанатиковъ-общинниковъ, которые въ своихъ земледѣльческихъ колонiяхъ видятъ начало и конецъ всякой праведной жизни.

Зато обращаясь къ людямъ, подобнымъ духоборамъ, завѣдомо для него жившихъ въ то время на высокой ступени христiанскаго развитiя, Л. Н. не опасается ни того, что общинная форма вовлечетъ ихъ въ компромиссъ, ни того, что она, наоборотъ, окажется выше ихъ совѣсти, и потому онъ на этотъ разъ не стѣсняется безъ всякихъ оговорокъ ярко выставлять передъ ними всѣ выгоды такой организацiи [1]).

«Дорогiе братья и сестры,—пишетъ онъ имъ въ 1900 г.,—устраивая вашу жизнь на чужой сторонѣ послѣ того, какъ вы были изгнаны изъ своего отечества за вѣрность христiанскому ученiю, я вижу ясно, что вамъ со всѣхъ сторонъ выгоднѣе продолжать жить христiанской жизнью, чѣмъ измѣнить этому, начать жить жизнью мiрской. Выгоднѣе жить и работать сообща со всѣми тѣми, которые захотятъ жить такою же жизнью, какъ и вы, чѣмъ жить каждому отдѣльно, собирая только для себя и для своей семьи, не дѣлясь съ другими.

«Выгоднѣе жить такъ, во-первыхъ, потому что, не припасая на будущее, вы не будете тратить безполезно силъ на невозможное для смертнаго человѣка обезпеченье себя и семьи.

«Во-вторыхъ, не будете тратить силъ на борьбу съ другими, чтобы удержать отъ ближнихъ каждый свое имущество.

«Въ-третьихъ, потому что безъ сравненiя больше сработаете и прiобрѣтете, работая общиной, чѣмъ сколько сработали бы, работая каждый отдѣльно.

«Въ-четвертыхъ, потому что, живя общиной, меньше будете тратить на себя, чѣмъ живя каждый отдѣльно.

«Въ-пятыхъ, потому что, живя христiанской жизнью, вы въ окружающихъ васъ людяхъ вмѣсто зависти и недружелюбiя, вызовете къ себѣ любовь, уваженiе и, можетъ-быть, и подражанiе своей жизни.

«Въ-шестыхъ, потому что не погубите того дѣла, которое вы начали и которымъ посрамили враговъ и порадовали друзей Христа.

---

[1]) Во избѣжанiе недоразумѣнiй необходимо здѣсь замѣтить, что Л. Н. при этомъ имѣлъ въ виду то духовное состоянiе, въ которомъ находились преслѣдуемые духоборы во время ихъ переселенiя въ Америку. Съ тѣхъ поръ ихъ настроенiе и взаимныя общественныя отношенiя настолько измѣнились въ сторону подчиненiя единоличной власти своего руководителя въ ущербъ прежнимъ равноправнымъ братскимъ отношенiямъ, что приводимое здѣсь письмо къ нимъ, написанное тринадцать лѣтъ тому назадъ, никакъ нельзя примѣнить къ ихъ теперешнему положенiю.

«Главное же, выгоднѣе вамъ жить христіанской жизнью, потому, что, живя такой жизнью, вы будете знать, что исполняете волю Того, Кто васъ послалъ въ міръ» (15 февраля 1900 г.).

Разсматривая съ общей точки зрѣнія вопросъ объ артельномъ земледѣліи, Л. Н. находитъ у русскаго народа исключительныя историческія данныя для осуществленія земледѣльческихъ общинъ. Въ статьѣ своей «Конецъ Вѣка», написанной въ 1905 году, онъ говоритъ:

«Вездѣ, гдѣ только русскіе люди осаживались..., они устанавливали между собой не насильническое, а основанное на взаимномъ согласіи, мірское, съ общиннымъ владѣніемъ землей, управленіе, которое вполнѣ удовлетворяло требованіямъ мирнаго общежитія... Русскимъ людямъ не нужно выдумывать тѣ новыя формы общежитія, которыя должны были бы замѣнить прежнія. Такія формы общежитія существуютъ среди русскаго народа, всегда были свойственны ему и удовлетворяли его требованіямъ общественной жизни. Формы эти — это мірское, при равенствѣ всѣхъ членовъ міра, управленіе, артельное устройство при промышленныхъ предпріятіяхъ и общинное владѣніе землей... Земледѣльческая жизнь приведетъ къ самому естественному при такой жизни общинному устройству небольшихъ, находящихся въ одинаковыхъ земледѣльческихъ условіяхъ, обществъ. Весьма вѣроятно, что общины эти не будутъ жить обособленно и войдутъ между собою, вслѣдствіе единства экономическихъ, племенныхъ или религіозныхъ условій, въ новыя свободныя соединенія...»

Если въ приведенномъ письмѣ къ духоборамъ Л. Н. говоритъ о ихъ общинномъ устройствѣ безъ малѣйшихъ сомнѣній и оговорокъ, то, повторяю, это потому, что они, какъ онъ хорошо зналъ, переживали въ то время, подъ вліяніемъ направленныхъ противъ нихъ гоненій, особенно напряженный подъемъ духа, связавшій ихъ всѣхъ вмѣстѣ истинно братскимъ отношеніемъ. Благодаря этому, они тогда естественно переросли формы частной собственности. При такихъ условіяхъ отказъ отъ общинной организаціи и возвращеніе къ болѣе эгоистическому устройству явились бы съ ихъ стороны несомнѣннымъ нравственнымъ паденіемъ.

Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что Л. Н. считалъ земледѣльческую общину наивысшей, наиболѣе христіанской формой жизни. Напротивъ того, онъ ясно видѣлъ всѣ слабыя стороны такого устройства и считалъ совершенно иной образъ жизни соотвѣтствующимъ высшему христіанскому идеалу.

Съ этой стороны поучительны два его письма, въ которыхъ онъ довольно обстоятельно высказываетъ свой взглядъ на отношеніе христіанскаго ученія къ общинѣ:

«Какъ вы совершенно вѣрно говорите въ вашей статьѣ и Herron въ своей, христіанская жизнь совершенно невозможна при современной нехристіанской организаціи общества. Противорѣчія между окружающей его обстановкой и его убѣжденіями очень мучительны для человѣка искренняго въ своей христіанской вѣрѣ и потому организація общинъ кажется такому человѣку единственнымъ средствомъ освобожденія себя отъ этихъ противорѣчій.

«Но это иллюзія. Каждая община есть малый островъ среди океана нехристіанскихъ условій жизни, такъ что христіанскія отношенія существуютъ только между членами, но внѣ ея они должны остаться нехристіанскими, иначе не можетъ ни минуты существовать. И потому жизнь въ общинѣ не можетъ избавить христіанина отъ противорѣчій между его совѣстью и его жизнью.

«Я не хочу сказать, что я не одобряю устройство общины, подобной вашему сообществу, или что я не считаю ихъ хорошимъ дѣломъ. Напротивъ, я одобряю ихъ всей душой и очень заинтересованъ вашимъ сообществомъ и желаю ему наибольшаго успѣха.

«Я думаю, что всякій человѣкъ, который можетъ освободить себя отъ условій мірской жизни, не разрывая связей любви — любовь есть главный принципъ, во имя котораго онъ ищетъ новыя формы жизни,— я думаю, что такой человѣкъ не только долженъ соединиться съ тѣми людьми, которые имѣютъ тѣ же вѣрованія, что и онъ, и которые стараются жить согласно съ ними, но что онъ естественно и сдѣлаетъ это. Если бы я былъ свободенъ, я бы сейчасъ же, даже при моемъ возрастѣ, присоединился къ такой общинѣ.

«Я только хотѣлъ сказать, что простое устраиваніе общества не есть разрѣшеніе задачи христіанства, но есть только одно изъ средствъ ея разрѣшенія. Революція, совершающаяся для достиженія христіанскаго идеала, такъ велика, наша жизнь такъ разнится отъ того, чѣмъ она должна бы быть, что для полнаго успѣха этой революціи, для согласованія совѣсти съ жизнью нужна работа всѣхъ людей,—людей, живущихъ въ общинахъ такъ же, какъ и людей мірскихъ, живущихъ въ самыхъ различныхъ условіяхъ. Этотъ идеалъ не такъ быстро и не такъ легко достигается, какъ мы думаемъ и желаемъ. Этотъ идеалъ будетъ достигнутъ только тогда, когда всякій человѣкъ на всей землѣ скажетъ: *Къ чему мнѣ продавать свои услуги и покупать ваши? Если мои больше вашихъ, я долженъ ихъ вамъ.* Ибо если во всемъ мірѣ есть одинъ человѣкъ, кто не думаетъ и не поступаетъ согласно этому принципу и кто будетъ брать и охранять насиліемъ то, что̀ онъ можетъ отнять у другихъ,—никто не будетъ въ состояніи жить истинно христіанской жизнью, какъ въ общинѣ, такъ и внѣ ея.

«Мы не можемъ спастись отдѣльно, мы должны спасаться всѣ вмѣстѣ. И это можетъ быть достигнуто только измѣненіемъ пониманія жизни, т.-е. вѣры всѣхъ людей» (23 марта 1898 г. Къ George Howard Gibson, переведено съ англійскаго).

«Что жъ за бѣда, что распались общины тѣ, которыя распались? Если бы вы считали, что эти общины образецъ того, что должно быть, что они составились для того, чтобы показать людямъ, каково должно быть осуществленіе ученія Христа, Царства Божія на землѣ, тогда бы это было ужасно: распаденіе ихъ показало бы неприложимость, мечтательность ученія Христа и невозможность осуществленія Царства Божія на землѣ. Но такъ вѣдь не смотрѣли на эти общины не только мы со стороны, но и сами участвующіе въ нихъ.

«Вѣдь слишкомъ ясно, что какъ невозможно въ потокѣ мутной рѣки выдѣлить какимъ-нибудь химическимъ процессомъ прудокъ съ чистой водой, такъ невозможно среди всего міра нашего, живущаго для похоти, насиліемъ, жить immolés (незапятнанными), святыми. Вѣдь надо было купить и землю, и корову, и отгородить землю, и запереть корову, надо имѣть отношеніе съ внѣшнимъ міромъ нехристіанскимъ. И въ этихъ-то отношеніяхъ самое важное и нужное. Уйти отъ нихъ нельзя, да и не слѣдуетъ...

«Уйти отъ міра нельзя, и главное дѣло ученика Христа — стараться установить съ этимъ внѣшнимъ міромъ, отъ котораго нельзя и некуда уйти, наихристіаннѣйшія отношенія. И отношенія всегда будутъ такія, что христіанство будетъ смѣшиваться съ язычествомъ, одно вліять на другое, и одно — живое христіанское, если оно есть, дальше и дальше проникать языческое; если же его нѣтъ, и языческое будетъ уничтожать христіанское, то окажется, что предположеніе о христіанствѣ было невѣрное, и то хорошо: по крайней мѣрѣ, не будетъ самообмана.

«Такъ, распаденіе общинъ неважно, потому что это не было даже попыткой осуществленія ученія Христа, а просто образъ жизни извѣстныхъ людей, ставшихъ учениками Христа. На первое время обстоятельства сложились для нихъ такъ, что они избрали этотъ образъ жизни и вели его нѣсколько времени. А когда перестало быть нужнымъ для нихъ вести его, они перемѣнили его, какъ вы сами говорите о теперешнихъ поселеніяхъ, и перемѣнили его не потому, что разочаровались въ истинѣ ученія Христа, а потому, что для слѣдованія этому ученію имъ перестало быть нужно жить въ общинѣ, даже трудно стало» (19 января 1891 г.).

Мы видимъ, что, вполнѣ признавая цѣлесообразность общиннаго земледѣлія, какъ одного изъ проявленій разумной человѣческой дѣятельности, Л. Н. настаивалъ на томъ, что форма эта никакъ не

исчерпываетъ христіанскаго идеала. Неприкосновенность и неумалимость этого идеала онъ всегда ревниво отстаивалъ, будучи глубоко убѣжденъ въ томъ, что допущеніе малѣйшаго послабленія въ признаніи высшихъ и безусловныхъ требованій ученія Христа нарушаетъ все его значеніе.

А потому когда, какъ это иногда бывало, къ нему обращались люди, полагавшіе возможнымъ организовать при помощи тщательно обдуманныхъ правилъ и строго пуританскихъ уставовъ такія общины, которыя являлись бы практическимъ осуществленіемъ на землѣ настоящей христіанской жизни, то Л. Н. всегда самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ учрежденія подъ личиною «христіанства» такихъ обособленныхъ отъ остального міра религіозныхъ группъ или «церквей». И то, что̀ онъ писалъ въ отвѣтъ на попытки вовлечь его въ солидарность съ этими узко-сектантскими предпріятіями, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Приведу для примѣра два такихъ его отвѣта:

«Опредѣленіе поступковъ, которые должно или не должно дѣлать для того, чтобы принадлежать къ извѣстной общинѣ, можетъ заставить человѣка сдѣлать или воздержаться отъ поступка, когда бы онъ могъ поступить и иначе, и когда онъ можетъ поступить иначе въ области равной по своей нравственной обязательности тому поступку, который онъ совершаетъ или отъ котораго воздерживается. Вотъ это-то и опасно.

«Напримѣръ: я сейчасъ могу оставить свою семью и могу остаться въ ней. Если бы для того, чтобы исполнить уставъ, я бы оставилъ семью, я бы не совершилъ нравственнаго поступка, скорѣе напротивъ. Нравственный поступокъ я совершилъ бы тогда, когда я изъ однихъ нравственныхъ мотивовъ не могъ бы поступить иначе, какъ оставить семью» (1889 г.).

«Всѣ мы стремимся къ одному и тому же роду жизни, но всѣ мы задерживаемы въ осуществленіи ея нашими страстями, слабостями, а главное — нашими семейными связями. Это не значитъ, чтобы мы должны были перестать стремиться къ такой жизни, но значитъ то, что мы должны знать тѣ трудности, которыя предстоятъ намъ, и должны, несмотря на эти трудности, не переставая стремиться къ тому же.

«Собраться въ отдѣльную общину признающихъ себя особенными отъ людей міра я считаю не только невозможнымъ (недостаточно еще привыкли къ самоотверженію люди, чтобы ужиться въ такомъ тѣсномъ единеніи, какъ это и показалъ опытъ), но считаю и нехорошимъ: общиной христіанина долженъ быть весь міръ. Христіанинъ долженъ жить такъ, какъ будто всѣ люди — какіе бы они ни были — были такіе же, какъ онъ, готовы не на обиды и своекорыстіе, а на самопожертвованіе и любовь, и тогда только, хоть и не при его жизни, но когда-нибудь осуществится

братская жизнь на землѣ. А устройство малыхъ общинъ избранныхъ—церквей—не улучшаетъ, а часто ухудшаетъ жизнь людей, дѣлаетъ ее болѣе жестокой и равнодушной къ другимъ» (1894 г.).

«Мое мнѣніе объ устройствѣ всякой общины такое, что, какъ бы хороша и справедлива ни была сама по себѣ мысль, положенная въ основу общины, самое устройство, установленіе правилъ для общины—дѣло не только безполезное, но вредное.

«Устраивать жизнь людей можетъ только Богъ; мы же можемъ устраивать каждый только свою жизнь. Соединяются же люди не по какимъ-либо внѣшнимъ правиламъ, а только потому, насколько приближаются къ Богу. Чѣмъ люди ближе къ Богу, тѣмъ они ближе между собой. И потому дѣло всякаго человѣка—всѣ силы употребить на приближеніе къ Богу, и только такое приближеніе къ Богу соединяетъ людей между собой.

«То, что это такъ, видно уже изъ одного того, что никто не имѣетъ власти надъ другимъ, а надъ собой вполнѣ властенъ. Соединить людей какими-либо правилами, законами, какъ это дѣлаютъ правительства и церкви, никакъ нельзя, потому что каждый человѣкъ по-настоящему вѣритъ только тому, что̀ онъ самъ себѣ выработалъ, а если и подчиняется правиламъ, которыя даютъ ему другіе, то всегда не вполнѣ, а въ душѣ или противится или лицемѣритъ.

«Такъ что мое мнѣніе то, что всѣмъ надо, каждому сколько есть силъ, стараться приблизиться къ Богу, а Богъ уже устроитъ свои общины, можетъ-быть, изъ людей на разныхъ концахъ свѣта и не знающихъ ни языка, ни личностей другъ друга, и устроитъ эти свои общины, какъ Онъ самъ знаетъ. Намъ же надо дѣлать только свое дѣло: исполнять Его волю. А волю Его мы всѣ знаемъ: она въ томъ, чтобы мы любили другъ друга.

«Такъ я думаю объ устройствѣ вашей общины, да и всякихъ устройствахъ людскихъ» (16 іюля 1909 г.).

Другая категорія лицъ, которыхъ Л. Н. не поощрялъ въ ихъ желаніи перемѣнить свой образъ жизни на земледѣльческій, состояла преимущественно изъ людей молодыхъ, обращавшихся къ нему за совѣтомъ по этому поводу, но не внушавшихъ ему увѣренности въ томъ, что они внутренно дѣйствительно назрѣли для этой перемѣны или что побужденія ихъ достаточно самоотверженны. Судя по ихъ письмамъ или по личной бесѣдѣ съ ними, Л. Н. со своей удивительной проницательностью тотчасъ же замѣчалъ ихъ недостаточную душевную устойчивость. У нѣкоторыхъ ему бросалась въ глаза ихъ незрѣлость или общая неподготовленность къ такой рѣзкой перемѣнѣ внѣшней жизни. У другихъ ему чувствовалось, что привлекаетъ ихъ, главнымъ образомъ, представляемая ими себѣ новая, лично для нихъ пріятная обстановка жизни. Еще въ другихъ

случаяхъ онъ видѣлъ, что измѣненіе формы жизни было осуществимо лишь при несомнѣнномъ нарушеніи любви къ самымъ близкимъ людямъ, по отношенію къ которымъ существовали неустранимыя нравственныя обязанности. Притомъ въ самомъ тонѣ ихъ обращеній къ нему за совѣтомъ Л. Н. часто усматривалъ признакъ сомнѣнія и, слѣдовательно, не достаточной еще твердости для того, чтобы съ успѣхомъ приступать къ такой рѣшительной ломкѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ старался отговаривать обращавшихся къ нему отъ слишкомъ поспѣшнаго приведенія въ дѣйствіе ихъ плановъ, хорошо зная, что, когда дѣйствительно назрѣетъ время, ничто не сможетъ помѣшать человѣку осуществить несомнѣнныя требованія своей совѣсти. Онъ постоянно указывалъ этимъ людямъ на то, что прежде всего необходимо внутренно совершенствовать себя, что община не есть еще осуществленіе христіанства и что воля Божья, смотря по личнымъ обстоятельствамъ человѣка, можетъ требовать отъ него и совершенно иного образа жизни.

Такія мысли можно встрѣтить въ слѣдующихъ отрывкахъ изъ писемъ Л. Н—ча къ лицамъ именно этой категоріи:

«Я понимаю, что вы желали бы измѣнить свое положеніе и заняться земледѣліемъ. Это желаніе свойственно всѣмъ людямъ, желающимъ жить христіанской жизнью.

«Но я думаю, что не надо считать земледѣльческую жизнь необходимымъ условіемъ христіанской жизни. Жить духовной жизнью, возвышая въ себѣ духъ Божій, сына Божія можно во всякихъ условіяхъ. Когда же условія эти, какъ, напримѣръ, быть солдатами, городовыми, работниками, станутъ несовмѣстимы съ духовными требованіями, тогда христіанинъ самъ собой выходитъ изъ такого положенія. Пока же нѣтъ явнаго противорѣчія, лучше терпѣть и не измѣнять своего положенія.

«Кромѣ того, земледѣльческая жизнь также во многомъ заставляетъ поступать не по-христіански: защищать свои посѣвы, покупать и продавать. Много изъ моихъ друзей пытались жить и живутъ на землѣ, но жизнь ихъ на землѣ хороша или дурна не отъ внѣшняго положенія, а отъ той жизни, которая идетъ у нихъ въ душѣ. А совершенствовать себя—приближаться къ Богу—можно вездѣ» (17 мая 1907 г.).

«Для того, чтобы жизнь была такая, какую вы желаете и желаютъ всѣ разумные люди, — такая, чтобы люди не ѣздили другъ на дружкѣ, а жили бы по-братски, помогая другъ другу,— для этого нужно не устраивать общины, отдѣляясь отъ всѣхъ другихъ людей, а нужно тамъ, гдѣ живешь и съ кѣмъ живешь, стараться жить по душѣ, по-Божьи, по ученію Христа, а не по ученію міра. Общинъ устраивалось много, но всѣ люди въ общинахъ живутъ не лучше, чѣмъ въ міру, а часто даже много хуже...» (21 октября 1910 г.)

«Я полагаю, что выучиться работать можно вездѣ. Перейти же отъ жизни городской, ремесленной, трудовой къ жизни деревенской надо естественнымъ, а не искусственнымъ путемъ, т.-е. не такъ, чтобы этимъ переходомъ огорчить, лишить кого-либо чего-нибудь и сдѣлать кому-нибудь лишнее затрудненіе, а напротивъ, чтобы этотъ переходъ былъ бы вынужденнымъ и облегчалъ бы положеніе связанныхъ съ нами людей: былъ бы не прихотью, а необходимостью. Эту ошибку дѣлали многіе.

«Признаніе и исповѣданіе человѣкомъ христіанской истины въ нашемъ мірѣ неизбѣжно должно привести его изъ болѣе выгоднаго положенія въ менѣе выгодное, изъ положенія начальствующаго, богатаго, въ положеніе подчиненнаго и бѣдное. Но будетъ ли это положеніе ремесленника, земледѣльца или положеніе узника или казнимаго—неизвѣстно.

«Умышленно же стать въ наилучшее изъ этихъ положеній земледѣльца и въ особенности земледѣльца-хозяина, или живущаго у христіанина хозяина, совершенно неправильно. Надо, чтобы это или другое положеніе вытекало изъ самой жизни. А то избрать излюбленное положеніе земледѣльца, купивъ для того землю, инвентарь, т.-е. совершивъ то, что̀ считаешь грѣхомъ, или заставить другого совершать это для того, чтобы жить лучше, есть очевидное противорѣчіе» (15 мая 1893 г.).

«Главное — то, есть ли у васъ сознаніе возможности жить только тѣмъ, чтобы служить людямъ? и не людямъ только, а Богу, т.-е. исполнять то, чего хочетъ отъ васъ Тотъ, Кто послалъ васъ въ эту жизнь? Нѣтъ ли у васъ стремленія въ этой другой, болѣе энергичной, близкой къ природѣ жизни найти для себя больше счастья?» (24 августа 1893 г.)

«Вопросъ для меня только въ томъ, что̀ побудило къ такой перемѣнѣ жизни? Если причиною было желаніе жить болѣе сообразно съ своими вкусами, болѣе для себя лично пріятной жизнью, то не думаю, чтобы онъ нашелъ то, чего ищетъ, и удержался бы въ этой жизни. Если же причина въ томъ, что онъ такую жизнь считаетъ болѣе сообразной съ его религіозными убѣжденіями,— въ томъ, что вообще измѣнился его религіозный взглядъ на жизнь, тогда можно только радоваться за него и быть увѣреннымъ, что онъ найдетъ въ такой жизни то, чего ищетъ» (8 августа 1907 г.).

«Я не измѣнилъ своего мнѣнія о томъ, что наилучшая, наиестественнѣйшая жизнь есть жизнь на землѣ трудами рукъ своихъ. Но, несмотря на всю важность этого рода жизни, есть еще для человѣка, желающаго слѣдовать истинному закону блага, т.-е. христіанскому закону,—есть другое требованіе, стоящее выше требованій жизни на землѣ. Требованіе это состоитъ въ томъ, чтобы не нарушать любви ни съ какимъ человѣкомъ, чтобы увеличивать въ себѣ это сознаніе любви.

«Не знаю, насколько вы исполнили это, но думаю, что ни одинъ человѣкъ вполнѣ не исполнилъ этого, и на это надо напрячь всѣ свои силы. Когда же вы напряжете на это свои силы, то самый вопросъ объ измѣненіи своей жизни уже не будетъ такимъ первостепеннымъ. Будетъ возможность измѣнить жизнь, не нарушая любви,—вы измѣните ее; не будетъ этой возможности,—то вы скорѣе останетесь въ прежнемъ положеніи, только бы не нарушать главнаго закона и главнаго блага человѣка — любви» (12 марта 1908 г.)».

Судя о взглядахъ Л. Н—ча по его частнымъ письмамъ, необходимо имѣть въ виду, что часто для того, чтобы вѣрно понять его мысль, нужно или знать содержаніе того письма, на которое онъ отвѣчаетъ, или же быть настолько знакомымъ съ общимъ его отношеніемъ къ обсуждаемому предмету, чтобы догадываться о вѣроятномъ характерѣ этого предварительно полученнаго имъ письма.

Есть, правда, разрядъ писемъ Л. Н—ча, содержаніе которыхъ такъ тщательно обосновано и изложеніе которыхъ такъ старательно обработано, что можно ихъ разсматривать какъ вполнѣ самостоятельныя и законченныя статьи, болѣе или менѣе исчерпывающія его отношеніе, въ данное время, къ разбираемому вопросу. Въ этихъ случаяхъ Л. Н. обыкновенно начиналъ съ краткаго повторенія вопросовъ или положеній, изложенныхъ въ письмѣ того лица, которому онъ отвѣчалъ. Содержаніе этихъ своихъ писемъ, сознательно предназначавшихся имъ для печати, онъ имѣлъ обыкновеніе много разъ поправлять, пополнять и передѣлывать съ такимъ вниманіемъ и терпѣніемъ, съ какими рѣдкій авторъ работаетъ надъ своими литературными произведеніями. А потому, разумѣется, эти письма-статьи Толстого достаточно точно и полно изложены для того, чтобы быть вполнѣ понятными независимо отъ сличенія ихъ съ другими его писаніями.

Но многія свои письма Л. Н. писалъ вовсе не для опубликованія, а заботясь только о томъ, чтобы непосредственно отвѣтить на душевные запросы обращавшейся къ нему опредѣленной личности. Эти письма неизбѣжно носятъ характеръ какъ бы продолженія раньше начатой бесѣды, и потому посторонній читатель легко можетъ въ нихъ найти много непонятнаго, недоговореннаго и даже какъ будто несоотвѣтствующаго высказанному тѣмъ же Л. Н—чемъ въ другомъ мѣстѣ и въ другое время. Въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ мною писемъ Л. Н—ча возможно, при первомъ взглядѣ, усмотрѣть подобныя несоотвѣтствія, которыя, однако, тотчасъ же исчезаютъ, если принять во вниманіе тѣ отмѣченныя мною обстоятельства, при которыхъ мысли эти были высказаны.

Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Л. Н., не имѣя времени или охоты вдаваться въ подробныя разсужденія и вмѣстѣ съ тѣмъ

не желая оставлять безъ всякаго отклика полученное письмо, отвѣчалъ, высказывая кратко и откровенно то, что̀ онъ думалъ и чувствовалъ подъ впечатлѣніемъ полученнаго письма, предоставляя своему корреспонденту самому додуматься до основаній высказаннаго Л. Н—чемъ мнѣнія. Эти коротенькіе отзывы Л. Н—ча, взятые сами по себѣ и разсматриваемые со стороны, внѣ связи съ тѣми письмами, которымъ они служатъ отвѣтами, представляются иногда весьма голословными и поддаются уличенію въ противорѣчіи съ мнѣніями Л. Н—ча, изложенными въ другихъ его писаніяхъ. Но это только потому, что вѣрно понять эти отзывы Л. Н—ча возможно лишь въ прямой связи съ тѣми разсужденіями и стремленіями его корреспондентовъ, на которыя онъ отвѣчалъ и въ противовѣсъ которымъ онъ иногда выражалъ свою мысль очень рѣзко и даже какъ будто парадоксально, не имѣя времени болѣе подробно распространяться.

Приведу для примѣра два такихъ письмеца Л. Н—ча въ связи съ занимающимъ насъ вопросомъ объ общинномъ земледѣліи.

«Объ общинахъ думаю, что жить по волѣ Божіей можно во всякомъ мѣстѣ и уходить никуда ни въ какія общины не нужно» (21 августа 1909 г.).

«Колоній нѣтъ, а если бы и были, я не совѣтовалъ бы поступать въ нихъ. Чтобы не жить на шеѣ народа, надо жить гдѣ живешь, стараясь какъ можно умѣрять свои потребности и увеличивать въ себѣ любовь къ людямъ. Это въ нашей власти. Измѣнять же формы своей жизни большей частью не въ нашей власти. Вотъ мой совѣтъ» (8 августа 1909 г.).

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ, на первый взглядъ, быть въ болѣе рѣзкомъ противорѣчіи съ приведенными вначалѣ столь сочувственными отзывами Л. Н—ча о земледѣльческихъ общинахъ и съ его заявленіемъ, что онъ самъ охотно поступилъ бы въ такую общину?! Но противорѣчіе это только формальное. Тамъ онъ принципіально высказывался сочувственно о значеніи общиннаго земледѣлія вообще. Здѣсь же онъ считаетъ нужнымъ отговаривать обратившихся къ нему за совѣтомъ двухъ опредѣленныхъ личностей, вѣроятно, духовно недозрѣвшихъ юношей, отъ совершенія слишкомъ крайней внѣшней перемѣны въ ихъ жизни, не будучи еще достаточно для того внутренно подготовленными. Если принять это въ соображеніе, то противорѣчія здѣсь не окажется для того, кто интересуется сущностью дѣла, а не придирается къ словамъ.

Мы видѣли, что о физическомъ трудѣ и общинномъ земледѣліи Толстой сочувственнѣе всего высказывался первое время послѣ своего духовнаго переворота въ началѣ 80-хъ годовъ. Онъ тогда былъ особенно пораженъ несоотвѣтствіемъ человѣческой жизни

съ исповѣдуемымъ людьми на словахъ ученіемъ Христа и обличалъ съ особенной горячностью и силой въ своихъ писаніяхъ эту несостоятельность, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, указывая на вытекающія изъ дѣйствительнаго примѣненія къ жизни христіанскаго ученія нравственныя обязанности каждаго человѣка. Въ число этихъ обязанностей онъ включалъ и «хлѣбный трудъ», т.-е. собственноручное участіе каждаго въ обработкѣ земли и выращиваніи тѣхъ продуктовъ, которыми онъ питается.

Но этотъ земледѣльческій трудъ Толстой считалъ лишь однимъ изъ проявленій истиннаго христіанства или, говоря проще, разумной жизни, и потому-то, какъ мы раньше видѣли, онъ только тогда находилъ возможнымъ одобрять и поощрять, въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, переходъ къ такому труду, когда переходъ этотъ являлся вполнѣ своевременнымъ и умѣстнымъ. А такъ какъ у молодежи бываетъ склонность хвататься за измѣненіе внѣшней формы жизни раньше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ созрѣла для того внутренняя духовная необходимость, то послѣ сочувственныхъ отзывовъ Л. Н—ча о земледѣльческихъ общинахъ—мы у него встрѣчаемъ, въ особенности въ его частныхъ письмахъ, цѣлый рядъ совѣтовъ отрицательнаго характера, вызванныхъ, какъ мы видѣли, индивидуальными условіями обращавшихся къ нему лицъ.

Такого рода условно-отрицательные отзывы о земледѣльческихъ колоніяхъ Л. Н. нерѣдко высказывалъ и устно, какъ видно, между прочимъ, и изъ дневниковъ его секретарей Н. Н. Гусева и В. Ф. Булгакова. Такъ, напр., у послѣдняго мы читаемъ, что Л. Н. въ 1910 г. отговаривалъ желѣзнодорожнаго машиниста лишаться своего заработка ради рискованной попытки заняться земледѣліемъ [1]). Тамъ же разсказывается, что Л. Н. боялся «разочарованія» для молодого человѣка, задумавшаго организовать земледѣльческую колонію изъ босяковъ [2]); и что въ другомъ случаѣ онъ говорилъ, что трудъ можетъ быть нравственнымъ и не будучи физическимъ [3]). Въ дневникѣ Н. Н. Гусева приведены нѣсколько разговоровъ Л. Н—ча объ этомъ же предметѣ. 15 мая 1908 г. Л. Н. указываетъ на ошибочность предположенія, что совершенствовать себя удобнѣе всего въ общинной обстановкѣ [4]). 28 мая того же года онъ говоритъ вообще о затруднительныхъ, въ идейномъ отношеніи, условіяхъ общинной организаціи [5]). Съ другой стороны, 28 января 1909 г. Л. Н. высказывается въ томъ смыслѣ, что община

---

[1]) «У Л. Н. Толстого въ послѣдній годъ его жизни» В. Ф. Булгакова. Изд. Сытина. Стр. 41.

[2]) Тамъ же, стр. 55.

[3]) Тамъ же, стр. 85.

[4]) «Два года съ Л. Н. Толстымъ» Н. Н. Гусева. Изд. «Посред». Стр. 115—444.

[5]) Тамъ же, стр. 154.

можетъ быть удобной формой труда, хотя и не единственная форма хорошей жизни [1]). 19 апрѣля того же года онъ прямо выражаетъ сочувствіе юношѣ, намѣревавшемуся бросить гимназію и начать жить въ деревнѣ [2]). 14 іюля 1908 г. онъ одобрительно разсказываетъ про одного молодого своего интеллигентнаго друга, живущаго у мужика и работающаго всю мужицкую работу [3]).

9 мая 1908 г. Л. Н. въ нѣсколькихъ словахъ резюмируетъ свое отношеніе ко всѣмъ тѣмъ частнымъ случаямъ, когда къ нему обращались за совѣтомъ о перемѣнѣ жизни, и тѣмъ даетъ намъ ключъ для правильнаго пониманія всѣхъ выше приведенныхъ мною его письменныхъ и устныхъ отвѣтовъ на такіе вопросы: «Вамъ приходится,—говоритъ онъ Н. Н. Гусеву,—отвѣчать на письма о желаніи измѣнить жизнь и заняться земледѣльческимъ трудомъ. Я бы отвѣчалъ такъ, что надо измѣнить жизнь только тогда, когда *не можешь* оставаться въ прежнемъ положеніи. Тогда, разумѣется, не будешь и спрашивать» [4]).

Въ этихъ послѣднихъ словахъ Л. Н—ча вся разгадка кажущагося противорѣчія: самъ по себѣ земледѣльческій трудъ нравственно-обязателенъ для человѣка, и съ этой стороны всякія попытки осуществленія такого труда, начиная съ одинокой жизни среди мужиковъ и кончая земледѣльческими общинами и колоніями—могутъ только вызывать сочувствіе. Но приступать къ такой перемѣнѣ жизни слѣдуетъ только тогда, когда не можешь поступить иначе, т.-е. когда это дѣйствительно является несомнѣнной внутренней духовной потребностью. Если же спрашиваешь совѣта, то значитъ внутренняя потребность еще недостаточно назрѣла.

Всѣ приведенные мною здѣсь разнообразные отзывы Толстого объ общинномъ земледѣліи находятъ, какъ мнѣ кажется, полное взаимное примиреніе въ слѣдующемъ его письмѣ, которое написано въ послѣдніе годы его жизни и выражаетъ его наиболѣе взвѣшенныя и окончательно продуманныя сужденія объ этомъ вопросѣ.

«Совершенно согласенъ съ вами въ томъ общемъ значеніи, которое вы приписываете общинѣ, и въ особенности стремленію людей къ соединенію, проявляющемуся въ общинѣ.

«Если я указывалъ на соблазны, присущіе этой формѣ жизни, то это никакъ не показываетъ, чтобы я находилъ самую форму неправильной и неполезной. Невыгодныя стороны и извѣстные

---

[1]) Тамъ же, стр. 243—244.
[2]) Тамъ же, стр. 275.
[3]) Тамъ же, стр. 172—173.
[4]) Тамъ же, стр. 141.

соблазны присущи всякому устройству жизни. Очень можетъ быть, что я съ особенной рѣзкостью указывалъ на эти соблазны потому, что самъ не испыталъ этого рода жизни и сознаю всю несправедливость и ложность той формы жизни, въ которой продолжаю жить.

«Одно, на чемъ я настаиваю, и что̀ мнѣ все яснѣе и яснѣе становится съ годами, эта та опасность ослабленія внутренней духовной работы при перенесеніи всей энергіи — усилія — изъ внутренней области во внѣшнюю.

«Вообще же осуждать общинную форму жизни могутъ только тѣ люди, которые живутъ въ формѣ жизни, болѣе соотвѣтствующей христіанскому и нравственному складу, чѣмъ общинная. Таковой же я не знаю, кромѣ той одной жизни бездомнаго бродяги, которая свойственнѣе всего человѣку, желающему вполнѣ исполнить ученіе Христа.

«И потому я считаю себя не въ правѣ осуждать общинную форму; все же, что̀ я говорилъ объ этомъ, было только указаніе на тѣ соблазны, которые свойственны ей» (18 февраля 1909 г. М. С. Дудченко).

Резюмируя тѣ выводы, къ которымъ привело насъ наше изслѣдованіе объ отношеніи Толстого къ земледѣльческимъ колоніямъ, я думаю, что можно оформить ихъ такъ:

1) Считая земледѣльческій трудъ одной изъ первыхъ нравственныхъ обязанностей человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣня по достоинству кооперативное начало, Толстой отъ души сочувствовалъ общинному земледѣлію.

2) Но ставя во главу угла не какія-либо внѣшнія формы жизни а только то внутреннее духовное начало, которое служитъ единственнымъ разумнымъ основаніемъ для человѣческой жизни,—Толстой противился тому, чтобы земледѣльческое общинное начало возводилось на степень «религіи», исчерпывающей всѣ вопросы жизни.

3) Христіанскій идеалъ полной свободы отъ собственности онъ ставилъ выше земледѣльческаго труда, связаннаго съ земельной собственностью, хотя бы и въ общинномъ владѣніи; и вообще считалъ совершенно немыслимымъ втиснуть ученіе Христа въ форму общинной жизни, обставленной какими бы то ни было правилами и уставами.

4) Переходъ къ новой формѣ жизни, въ томъ числѣ и къ общинной земледѣльческой жизни онъ признавалъ своевременнымъ только тогда, когда внутреннее душевное содержаніе человѣка дѣйствительно дозрѣло до этой новой внѣшней формы и когда эта перемѣна жизни предпринимается не по эгоистическимъ побужденіямъ. Въ противномъ случаѣ желаніе измѣнять внѣшнія условія жизни является,

по его мнѣнію, только соблазномъ, отвлекающимъ человѣка отъ его главной задачи—внутренняго самосовершенствованія.

5) Разсматривая вопросъ съ общенародной точки зрѣнія, Толстой предполагалъ вѣроятнымъ, что въ свое время народная жизнь сложится въ свободную ассоціацію небольшихъ земледѣльческихъ общинъ, связанныхъ между собой экономическими, племенными или религіозными условіями.

Итакъ, разобранные нами отзывы Л. Н. Толстого приводятъ насъ къ общему заключенію, что онъ, несомнѣнно, отъ души одобрялъ движеніе въ пользу общиннаго земледѣлія и земледѣльческихъ колоній, но при томъ условіи, чтобы оно совершалось не искусственно и преждевременно, а естественнымъ путемъ, безъ преувеличенія значенія этого дѣла и безъ нарушенія основныхъ требованій христіанской любви.

В. Чертковъ.

Теодоръ Моммзенъ въ 1848 году.

(Къ десятилѣтію со дня смерти).

Историка Моммзена, автора «Römische Geschichte», сдѣлавшей далекую старину близкой и понятной современному человѣчеству, знаетъ всякій. Моммзенъ-политикъ, болѣе полувѣка перомъ и словомъ служившій Германіи, идеѣ нѣмецкой свободы и нѣмецкаго единства,—извѣстенъ меньше. Между тѣмъ цѣльная натура великаго ученаго можетъ быть понята только тогда, когда всѣ стороны его дѣятельности, всѣ его симпатіи и антипатіи будутъ выяснены съ одинаковой полнотой.

Выступленія Моммзена въ «безумный годъ» поэтому не менѣе интересны, чѣмъ его знаменитые позднѣйшіе «манифесты» о чешско-нѣмецкомъ конфликтѣ въ Австріи, о бурской войнѣ, объ отношеніяхъ прусскаго министерства къ университетамъ. Выступленія 1848 года интересны еще и тѣмъ, что не только показываютъ намъ будущаго геніальнаго историка въ роли публициста, изо дня въ день отзывающагося на бурныя осложненія политической жизни, но порою освѣщаютъ неожиданнымъ свѣтомъ самыя эти событія.

Въ русской литературѣ эта эпоха жизни Моммзена совершенно не затронута.

Весною 1847 года Моммзенъ покинулъ Италію, гдѣ онъ работалъ надъ собираніемъ надписей, и пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы попытаться издать собранный матеріалъ съ помощью Академіи Наукъ. Но ему не посчастливилось. Академія оказалась туга, и молодой ученый,—Моммзену не было въ то время и тридцати лѣтъ, —разочарованный и огорченный, отправился въ родной Шлезвигъ. Тамъ онъ вновь вступилъ преподавателемъ въ Альтонскую женскую гимназію, гдѣ училъ и до поѣздки. Одновременно онъ занимался сводомъ надписей и кое-какими другими литературными работами.

На этомъ его застала вѣсть о февральской революціи въ Парижѣ. Если Нибура іюльская революція свела въ могилу, то февральская потрясла его преемника по изученію Рима совсѣмъ по-другому. Въ Моммзенѣ заговорилъ его бурный темпераментъ и пробудилась любовь къ свободѣ. Онъ весь отдался движенію. Во время мартовскихъ волненій въ Гамбургѣ онъ принялъ участіе въ

уличныхъ манифестаціяхъ, былъ слегка раненъ и только потому не могъ примкнуть къ возстанію нѣмецкихъ патріотовъ Шлезвига противъ Даніи. Зато, когда послѣ побѣды революціи въ Берлинѣ 23 марта 1848 г. Шлезвигъ-Гольштейнъ объявилъ себя отложившимся отъ Даніи, и образовалось временное правительство, Моммзенъ нашелъ дѣло себѣ по душѣ. Съ 15 апрѣля въ Рендсбургѣ началъ выходить органъ революціоннаго правительства «Schleswig-Holsteinische Zeitung», и Моммзенъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ его.

Только недавно сдѣлалось извѣстно, какія статьи изъ напечатанныхъ въ газетѣ принадлежатъ Моммзену. Л. М. Гартманъ, послѣдній біографъ великаго ученаго, самъ крупный историкъ, въ приложеніи къ своей книгѣ о Моммзенѣ перепечаталъ главнѣйшія изъ его статей. Фигура Моммзена-публициста стала передъ нами во весь ростъ.

Время для журналиста было необычайно благодарное. Все рушилось и все возстанавливалось вновь. Шла борьба не на жизнь, а на смерть между феодально-абсолютистскимъ строемъ, получившимъ тяжелый ударъ, но не добитымъ, и либерально-демократической революціей, которая въ упоеніи побѣды забывала укрѣпиться на завоеванныхъ позиціяхъ. Законодательство въ торопливыхъ усиліяхъ старалось поспѣть за ходомъ *семимильныхъ* шаговъ реальныхъ отношеній и вязло въ трясинѣ доктринерства. Журналистикѣ приходилось изучать, критиковать, предостерегать, ободрять, призывать къ борьбѣ, напоминать о долгѣ.

Молодой ученый оказался на высотѣ своего призванія. Ему не хватало той всеобъемлющей ширины, той зрѣлой способности проникать въ самую суть совершающейся эволюціи, какой обладалъ Марксъ, и «Schleswig-Holsteinische Zeitung» не можетъ итти въ сравненіи съ «Neue Rheinische Zeitung», но—теперь мы это знаемъ—Моммзенъ не ошибся въ оцѣнкѣ крупныхъ событій.

Его собственные политическіе взгляды складывались отчасти раньше, отчасти какъ разъ въ это время: революція всегда вызываетъ пересмотръ идеаловъ у чуткихъ людей. Моммзенъ былъ въ это время горячимъ сторонникомъ объединенія Германіи, хотя, какъ увидимъ ниже, еще не установилъ для себя тѣхъ формъ, въ которыхъ оно должно было, по его мнѣнію, совершиться. Онъ горячо привѣтствовалъ принципъ всеобщности выборовъ и требовалъ избирательнаго равенства для выборовъ въ общенѣмецкій парламентъ. Но для своего Шлезвигъ-Гольштейнскаго ландтага онъ почему-то считалъ равное избирательное право неподходящимъ и высказывался за что-то въ родѣ группового представительства. Но что самое главное, онъ видѣлъ—и чѣмъ больше развертывались событія, тѣмъ яснѣе,—что дѣло революціи не прочно, что реакція не разбита окончательно, что необходимо много работать для того,

чтобы помѣшать вернуться старымъ хозяевамъ. Эта нота постепенно дѣлается господствующей въ его статьяхъ, но, къ сожалѣнію, его пророчества, какъ голосъ Кассандры, не были ни услышаны, ни оцѣнены. То же случилось, впрочемъ, и съ пророчествами многихъ другихъ вдумчивыхъ наблюдателей.

24 апрѣля Моммзену приходится призывать къ выборамъ во Франкфуртское Національное Собраніе. Въ блестящей статьѣ онъ совершенно правильно оцѣниваетъ положеніе. Онъ пишетъ:

«Мы вступаемъ въ новую эпоху, въ новыя государственныя учрежденія, въ цѣпь событій, послѣдствія которыхъ невозможно предвидѣть. Государство и церковь, войско и администрація находятся наканунѣ полнаго преобразованія. Души, стиснутыя старой государственной машиной, строчилы-автоматы канцелярій, благочестивые нахлѣбники государственной церкви, строго послушные лейтенанты и майоры, довольные своимъ ограниченнымъ умомъ подданныхъ, заскорузлые горожане, люди собачей вѣрности,—всѣ они отошли въ прошлое и обречены забвенію. Новое время требуетъ новыхъ людей».

И онъ подсказываетъ, кого необходимо выбирать. Объясняя читателямъ, какихъ убѣжденій долженъ держаться ихъ кандидатъ, Моммзенъ высказывается по общимъ вопросамъ, разрѣшить которые предстояло Національному Собранію.

«Представляется въ достаточной мѣрѣ яснымъ, что чистая республика, или смѣлая медіатизація нѣмецкихъ князей имѣютъ, какъ у насъ, такъ и вообще, мало шансовъ. Форма монархіи и раздѣленіе Германіи на существующія теперь государства останется. Какая доля демократизма и централизаціи явится результатомъ дѣятельности Конституанты, никто не сможетъ сказать заранѣе... И пусть не придаютъ слишкомъ большого значенія боевому вопросу: монархія или республика. Опытъ показалъ, что это чаще всего приводитъ лишь къ безконечнымъ и безполезнымъ словопреніямъ. Эти слова не имѣютъ опредѣленнаго значенія. Люди думаютъ, что спорятъ, и только путаются въ недоразумѣніяхъ.

«Поэтому каждый долженъ готовъ быть подчиниться большинству, какъ бы оно ни высказалось: за монархію или республику. Каждый монархистъ долженъ готовъ быть согласиться на республику, если этого захочетъ большинство, и наоборотъ. Мы не хотимъ ни кобленцскихъ эмигрантовъ, ни геккеровскихъ волонтеровъ [1]); мы хотимъ парламентаріевъ».

Предостерегая затѣмъ противъ извѣстнаго сорта людей, Моммзенъ прибавляетъ: «Опасность реакціи въ нѣдрахъ нѣмецкаго парламента вовсе не такъ химерична, какъ представлялось во время дѣятельности Предварительнаго Парламента и Комиссіи Пятидесяти. Не нужно забывать, что въ Предварительномъ Парламентѣ, собственно, была представлена только партія прогресса. А въ Національное Собраніе пришлютъ депутатовъ и Австрія, и Померанія».

---

[1]) Геккеръ незадолго передъ этимъ поднялъ республиканское возстаніе въ Баденѣ.

Сколько правильнаго предчувствія было въ этихъ словахъ, очень скоро показалъ составъ Франкфуртскаго парламента, гдѣ въ изобиліи оказались не только Лихновскіе, но и Шмерлинги, которые были хуже.

Несмотря, однако, на нѣкоторый скептицизмъ, отнюдь не вредный въ такое время, когда отъ восторженныхъ упованій потеряли голову даже зрѣлые политики, Моммзенъ придавалъ огромное значеніе Національному Собранію, какъ парламенту единой Германіи. 29 апрѣля онъ писалъ:

«Мы должны отречься каждый за себя и за свою провинцію отъ суверенитета, ей принадлежащаго, и безусловно подчиниться рѣшеніямъ Національнаго Собранія. Оно является теперь единственнымъ носителемъ нѣмецкой государственной власти... Правовое положеніе Германіи измѣнилось и въ спеціальномъ случаѣ, отъ котораго мы исходимъ, князья и сословныя представительства, съ отмѣною суверенитета отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, утратили и свою правовую почву».

Главной задачей Франкфуртскаго Собранія Моммзенъ считалъ выработку тѣхъ формъ, въ которыя должно отлиться нѣмецкое единство. Онъ и здѣсь не обольщалъ себя большими надеждами. Онъ отлично понималъ, сколько препятствій встрѣтитъ на практикѣ осуществленіе единства, какъ много повредитъ ему династическій партикуляризмъ князей, которые были оглушены революціей, но еще очень сильны и совсѣмъ не склонны считать себя «утратившими правовую почву». 31 мая, когда обнаружился одинъ изъ признаковъ, особенно обострившихъ его опасенія, онъ разразился горячими, но справедливыми сарказмами:

«Единая Германія — это такая, гдѣ каждый нѣмецкій государь можетъ по своей волѣ предпринимать политическіе или военные шаги по отношенію къ заграницѣ, гдѣ Пруссія не считаетъ нужнымъ желать того, чего желаетъ Ганноверъ, и наоборотъ. Единая Германія не исключаетъ того, что нѣмецкій князь отказывается выставить свой контингентъ. Единая Германія не устраняетъ того, что нѣмецкая страна заключаетъ сепаратный миръ... Единая Германія—это коалиція нѣсколькихъ государей и фраза въ качествѣ приложенія. Единая Германія — это періодически повторяющійся сонъ нѣмецкаго Михеля, который выходитъ очень хорошо, если его передать въ стихахъ, плохо въ прозѣ и совсѣмъ не выходитъ, когда его пробуютъ примѣнить на практикѣ».

По поводу одного изъ крупныхъ вопросовъ, съ которыми Франкфуртскому парламенту пришлось встрѣтиться при организаціи единства, Моммзенъ высказался 10 іюня. Рѣчь шла о томъ, какъ должна была быть организована центральная власть. «Deutsche Zeitung» Гервинуса, органъ либеральныхъ профессоровъ, выражающій взгляды умѣренныхъ конституціоналистовъ, праваго центра Національнаго Собранія, выставилъ свою программу. Газета, какъ

и парламентская группа, защищала идею наслѣдственнаго императора, какъ главы объединенной Германіи. И очень характерно для Моммзена, будущаго апологета Юлія Цезаря, восторженнаго поклонника стараго Вильгельма, что онъ объявилъ эту идею чистымъ доктринерствомъ. Онъ самъ не вполнѣ выяснилъ себѣ, какая организація центральной власти въ данный моментъ является наилучшей, и вообще не считалъ возможнымъ окончательное рѣшеніе этого вопроса въ данный моментъ. Во всякомъ случаѣ очень интересны всѣ соображенія, которыя онъ выдвигалъ противъ идеи наслѣдственной имперіи.

«Наши условія не вяжутся съ такой государственной формой,— говоритъ онъ.—Съ природою союзнаго государства невозможно сочетать наслѣдственную имперію. Союзное государство требуетъ не только центральной власти, но и представительства отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ союзъ. И нельзя установить наслѣдственную имперію, не нарушивъ интересовъ этихъ послѣднихъ. Окажется необходимымъ предоставить одному изъ государствъ союза гегемонію, въ которой другія государства будутъ видѣть ущербъ себѣ. Выходъ изъ этого затрудненія заключается развѣ только въ томъ, что территорія того государства, царствующій домъ котораго будетъ увѣнчанъ наслѣдственной императорской короною, будетъ объявлена имперской территоріей и такимъ образомъ, съ одной стороны, будетъ отнято то, что думаютъ дать съ другой: сильная власть... Если кто хочетъ сохранить союзное государство, тотъ не можетъ хотѣть въ одно и то же время наслѣдственной имперіи. И уже во всякомъ случаѣ нельзя доказать, что эта государственная форма наиболѣе отвѣчаетъ нашимъ условіямъ. Наиболѣе соотвѣтствующей нашимъ условіямъ будетъ такая форма союзнаго государства, при которой интересы государствъ и ихъ правительствъ найдутъ удовлетвореніе. Германская имперія внесетъ въ страну съ самаго начала «сѣмена раздора, борьбы, невозможностей всякаго рода, гибели». Такъ какъ невозможно создать нѣмецкой имперіи безъ того, чтобы одно нѣмецкое государство не получило преимущества на счетъ другого, чтобы одни партикулярные интересы не были поставлены надъ другими и съ другой стороны, чтобы прочіе не были низведены еще одной ступенью ниже, то и нельзя говорить, что въ этой государственной формѣ находятъ удовлетвореніе справедливые интересы отдѣльныхъ государствъ».

И тутъ же нѣсколько ироническихъ замѣчаній насчетъ сторонниковъ наслѣдственной имперіи:

«Такое предложеніе могло возникнуть только изъ теоріи, что монархія — лучшая государственная форма. Доктринерство изобрѣтателей и защитниковъ этой теоріи совершенно ясно, и прямо можно сказать, что ихъ наслѣдственная монархія — красивая доктрина, не считающаяся съ нашими условіями... Монархисты — доктринеры, которые думаютъ, что нашли универсальное средство для лѣченія всѣхъ невзгодъ и для установленія наилучшаго порядка».

Эта тирада крайне любопытна для характеристики споровъ и разногласій 1848 года. Недовѣріе къ имперіи объясняется, конечно, прежде всего тѣмъ, что главнымъ кандидатомъ на обще-нѣмецкую императорскую корону въ это время еще являлся императоръ Австріи. И кромѣ предубѣжденій противъ самой Австріи, насквозь пропитанной политическимъ іезуитствомъ и разлагающими завѣтами Меттерниховщины, тутъ дѣйствовали предубѣжденія противъ самой личности Фердинанда, этой слабоумной, безвольной маріонетки, находившейся во власти реакціоннѣйшей изъ всѣхъ европейскихъ камарилій. Правда, уже и въ это время были налицо признаки, что великогерманская точка зрѣнія австрофиловъ теряетъ шансы на практическое осуществленіе, что малогерманская агитація сторонниковъ Пруссіи дѣлаетъ большіе успѣхи. Но для Моммзена въ это время это еще не мѣняло дѣла. Онъ былъ патріотомъ своего шлезвигъ-гольштейнскаго отечества прежде всего и желалъ перемѣнить его только на обще-нѣмецкое отечество, а не на такую Германію, которая создается путемъ поглощенія Австріей или Пруссіей прочихъ государствъ.

Къ Пруссіи его отношеніе было двойственное. Какъ трезвый политикъ, онъ понималъ, что объединеніе съ католической полуславянской Австріей во главѣ невозможно, что Пруссія, самое большое протестантское государство, съ ея крѣпкой административной организаціей и сильной арміей должна играть руководящую роль въ объединенной Германіи. Какую—это было для него неясно. Но онъ очень опредѣленно боялся тѣхъ реакціонныхъ вліяній, въ которыхъ находилась уже въ это время прусская государственность. Съ этой точки зрѣнія очень интересна его статья отъ 29 августа:

«Мы имѣемъ право, — пишетъ Моммзенъ, — высказывать свое неудовольствіе противъ той клики казарменнаго пруссачества (Zopfpreussentum), которая о Германіи знаетъ только то, что она лежитъ внѣ Пруссіи, которая подписывается на «Neue Berliner Zeitung» и доставляетъ объявленія для «Vossische», которая охраняетъ дубинами въ Шарлоттенбургѣ и пулями въ Франкфуртѣ спасительную прусскую косичку, которая нашла своего политика въ Бюловѣ-Куммеровѣ, своего Баярда въ господинѣ Гризгеймѣ и своего Александра въ Принцѣ Прусскомъ и которая въ тѣсной компаніи молитъ Бога о томъ, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ генерала Врангеля и Фридриха Вильгельма IV. Мы отлично знаемъ, что желанія и надежды этой партіи не раздѣляются ни прусскимъ правительствомъ, ни большинствомъ прусскаго народа. Пруссія—страна прогресса и потому должна расшириться до Германіи. Если бы Штейнъ и Гарденбергъ жили въ наше время, они не мѣшкали бы подобно своимъ эпигонамъ. Они сдѣлали бы смѣлый шагъ и такъ или иначе Пруссія осталась бы главою Германіи».

Моммзенъ, конечно никогда не могъ сдѣлаться другомъ прусскихъ реакціонеровъ и готовилъ имъ еще не одинъ ударъ въ бу-

дущемъ, но онъ въ этотъ моментъ едва ли подозрѣвалъ, что кровавый Принцъ Прусскій, глава воинствующихъ контръ-революціонеровъ, сдѣлается императоромъ и всѣмъ своимъ обликомъ станетъ его любимымъ героемъ. Пылкіе нападки на Вильгельма въ 1848 году Моммзенъ загладилъ рядомъ панегириковъ въ Академіи, посвященныхъ императору Вильгельму. Но если Моммзенъ правильно оцѣнивалъ фатальную роль прусской реакціонной клики, и чуткія его предостереженія были какъ нельзя болѣе своевременны, то апелляція къ памяти Штейна и Гарденберга, людямъ смѣлой политики, которые сумѣли бы поставить Пруссію во главѣ Германіи, пока еще звучитъ не совсѣмъ искренне. Моммзенъ самъ не очень хорошо вѣритъ въ свои успокоительныя замѣчанія насчетъ того, какихъ взглядовъ держится прусское правительство, и едва ли былъ твердо убѣжденъ, что шатанія министерства Ауэрсвальда, либеральничавшаго на словахъ, но допускавшаго погромы интеллигенціи и разстрѣлы демократовъ, хорошо характеризуютъ истинныя намѣренія прусской власти. Ему нужно было еще многое пережить, чтобы сдѣлаться безусловнымъ сторонникомъ идеи объединенія подъ прусской гегемоніей.

Сейчасъ онъ былъ молодъ, полонъ революціоннаго жара и болѣлъ, главнымъ образомъ, объ одномъ, чтобы дѣло революціи не провалилось. Но, повидимому, онъ съ горечью приходилъ все къ большему убѣжденію, что работа въ обществѣ и во Франкфуртскомъ парламентѣ идетъ не по-настоящему. Онъ писалъ 10 сентября по поводу появленія шлезвигъ-голштейнской конституціи:

«У насъ есть конституція. Мы радуемся этому, но умѣренно. Ибо эта конституція означаетъ не такъ, какъ въ другихъ государствахъ, конецъ политической борьбы, а въ извѣстной степени является лишь ея началомъ. Въ ней содержится не столько то, что достигнуто, сколько то, чего достигнуть мы поклялись передъ собою и передъ Германіей; не то, что мы должны защищать, а то, что должны еще завоевывать черезъ всѣ случайности опасной войны, что должны вырвать у своихъ наслѣдственныхъ господъ и своихъ наслѣдственныхъ враговъ. Въ извѣстной степени конституція — это наша программа, которую мы потому только провозгласили закономъ, чтобы взять на себя торжественное обязательство нерушимаго ея выполненія. Вообще право слѣдуетъ за фактами, тутъ факты должны слѣдовать за правомъ. Да окажется страна на высотѣ своихъ великихъ задачъ!.. Но и въ другомъ отношеніи государственный основной законъ можетъ быть названъ только началомъ. Демократическіе принципы, которые, несмотря на всѣ трусливыя ограниченія и оговорки, въ общемъ, провозглашаетъ конституція, все-таки только принципы, т.-е. начала, не результаты, а задачи. Немногое достигнуто благодаря тому, что свободное общинное устройство, отдѣленіе суда отъ администраціи во всѣхъ инстанціяхъ, утвержденіе бюджета, положеніе о министрахъ и прочіе политическіе туманные образы—будутъ вписаны въ конституцію. Пока эти демократическія божества останутся на своихъ небесахъ и

не сойдутъ въ городъ и деревни, въ церковь и школу, въ канцелярію и полицейское бюро, — старое полицейское государство, которому политическіе іезуиты безъ труда подыщутъ новое имя, будетъ процвѣтать и впредь... Поэтому задача всѣхъ настоящихъ демократовъ не предаваться отдыху, какъ послѣ оконченной работы, а именно теперь работать, не теряя ни одного часа даромъ. Работайте, пока день. Приближается ночь, когда никто не будетъ въ силахъ работать. Еще стоитъ на небѣ солнце свободы, но уже оно склоняется къ закату. Быть-можетъ, у насъ остаются только немногіе вечерніе часы, чтобы укрѣпить результаты, достигнутые первымъ порывомъ, который едва ли вернется для нынѣшняго поколѣнія. Будемъ же торопиться съ полной реализаціей конституціи».

Какъ ясно чувствуется, что, набрасывая эти строки, Моммзенъ думалъ не только о Шлезвигѣ, но и о Германіи. Быть-можетъ, главнымъ образомъ, о Германіи, ибо къ этому времени онъ выяснилъ себѣ, почему революція не прочна. Еще 9 іюня онъ писалъ:

«Общинная свобода [1]) — базисъ всякой свободы. Безъ нея самая либеральная конституція только особый родъ деспотіи. Но какъ трудно осуществить ее. Легче низвергнуть абсолютнаго монарха, чѣмъ многочисленныхъ ландфогтовъ, бюргермейстеровъ, и какъ они еще тамъ называются, лишить власти, и превратить ихъ изъ служителей разныхъ высокихъ особъ—на это хватитъ всякаго— въ служителей свободнаго народа, для котораго годны лишь лучшіе люди».

Въ сентябрѣ стало ясно, что революція именно этого не сдѣлала. Она оставила на своихъ мѣстахъ и ландфогтовъ, и бюргермейстеровъ, и, что еще хуже, генераловъ. Моммзенъ, какъ и другіе проницательные люди, видѣлъ, что именно отсюда придетъ для завоеваній свободы coup de grâce. И онъ не ошибся.

Послѣднія статьи въ рендсбургской газетѣ Моммзенъ писалъ уже изъ Лейпцига, куда онъ былъ приглашенъ профессоромъ осенью 1848 года. Вскорѣ онъ совсѣмъ прекратилъ тамъ сотрудничество за недостаткомъ времени. Но борьбу за свободу онъ продолжалъ съ прежнимъ пыломъ. Вмѣстѣ со своими друзьями Яномъ и Гауптомъ, которые тоже были профессорами въ Лейпцигѣ, онъ принялъ участіе въ протестѣ противъ разныхъ правонарушеній, допущенныхъ саксонскимъ правительствомъ, и въ апрѣлѣ 1851 года вмѣстѣ съ ними былъ лишенъ каѳедры: случай, повторившій извѣстную исторію семи геттингенцевъ и послужившій образцомъ для другихъ въ Германіи и внѣ Германіи. Карьера Моммзена, какъ и матеріальное положеніе, были надолго разбиты. Но онъ не жалѣлъ объ этомъ. Онъ зналъ, что дѣло стоитъ жертвъ, и съ новымъ жаромъ отдался наукѣ. Наука и вознесла его на вершины славы.

А. Джсивелеговъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о мѣстномъ самоуправленіи.

Продовольственный вопросъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ наканунѣ освобожденія.

(Окончаніе)[1].

III.

Въ числѣ причинъ, не позволявшихъ правительству и дворянству оставаться безучастными зрителями продовольственной нужды помѣщичьихъ крестьянъ и заставлявшихъ ихъ изыскивать наиболѣе удобные пути для ихъ удовлетворенія, одно изъ первыхъ мѣстъ занимало, несомнѣнно, отношеніе самихъ крестьянъ къ продовольственному вопросу. По словамъ Заблоцкаго-Десятовскаго, страхъ передъ народными волненіями на почвѣ неудовлетворенныхъ продовольственныхъ нуждъ имѣлъ немалое вліяніе на помѣщиковъ, заставляя ихъ изощрять свою изобрѣтательность въ дѣлѣ продовольствія своихъ крестьянъ [2]). Опасенія безпорядковъ на продовольственной почвѣ играли, какъ извѣстно, немалую роль и въ продовольственной политикѣ правительства. Если бы не было волненій среди крѣпостныхъ и если бы крестьяне, хотя бы и безсознательно, не держали правительства подъ страхомъ голодныхъ бунтовъ, то правительство, вѣроятно, не шло бы на такія громадныя издержки, какія производились на продовольственную помощь помѣщичьимъ крестьянамъ.

Выше указывалось на распространенное среди крестьянъ убѣжденіе, что помѣщики *обязаны* по закону кормить ихъ въ неурожайные годы и оказывать помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Существовало даже мнѣніе среди крестьянъ, что самое крѣпостное право обусловлено, между прочимъ, соблюденіемъ помѣщиками этой обязанности. Нѣкоторые губернаторы указывали на убѣжденіе крестьянъ, что уклоненіе помѣщиковъ отъ продовольственной помощи должно повлечь за собою взятіе имѣнія въ опеку и даже полную передачу имѣнія въ казну. Такъ, по свѣдѣніямъ московскаго губернатора, крестьяне помѣщицы Окуловой, жалуясь въ 1834 г. на непродовольствіе ихъ, «предполагали, что имѣніе помѣщицы ихъ возьмутъ въ опеку и что по сей причинѣ они будутъ принадлежать казнѣ». Въ 1840 г., по словамъ тамбовскаго губернатора Корни-

---

[1]) См. № 9.

[2]) «Графъ Киселевъ и его время», т. IV, стр. 318.

лова, крестьяне, требуя хлѣба, надѣялись, что если помѣщики не дадутъ имъ требуемаго ими количества, то ихъ возьмутъ въ казну и они будутъ вольными».

Принимая помощь отъ помѣщиковъ, какъ должное, крестьяне не безразлично относились къ различнымъ формамъ ея. Смотря по роду нужды, они просили то хлѣбныхъ, то денежныхъ пособій, лошадей для обработки земли, хлѣба для обсѣмененія яровыхъ и озимыхъ полей и т. д.. Повидимому, они очень неаккуратно возвращали полученныя пособія, ибо помѣщики нерѣдко жаловались на громадныя недоимки по подобнымъ ссудамъ. Такія мѣры, какъ выдача продовольственныхъ пайковъ только работающимъ на барщинѣ, отобраніе хлѣба для выдачи его по частямъ по мѣрѣ надобности и т. под., вызывали живѣйшіе протесты крестьянъ. Ростъ вмѣшательства помѣщиковъ въ общественную и частную жизнь крестьянъ въ цѣляхъ надзора и упорядоченія крестьянскаго хозяйства много способствовалъ развитію той враждебности крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ, которая сильно мѣшала правильному веденію помѣщичьяго хозяйства, создавая атмосферу взаимнаго раздраженія и внушая помѣщикамъ неувѣренность въ безусловномъ повиновеніи крестьянъ — этомъ непремѣнномъ условіи примѣненія крѣпостного труда. Съ большимъ неудовольствіемъ относились крестьяне ко всякимъ попыткамъ тѣмъ или другимъ путемъ переложить на нихъ расходы по продовольствію и обсѣмененію полей. Такія попытки, какъ заведеніе лавокъ съ цѣлью оказанія помощи крестьянамъ изъ прибыли, встрѣчали непріязнь среди крестьянъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ указаній, какъ относились крестьяне къ такимъ мѣрамъ, какъ обложеніе ихъ денежными сборами для образованія продовольственныхъ, вспомогательныхъ и т. под. капиталовъ. Но попытки обезпечить продовольствіе крестьянъ и другіе подобные расходы при помощи общественныхъ запашекъ не пользовались, повидимому, симпатіями крестьянъ. Отрѣзка части крестьянской земли подъ мірскую запашку и необходимость терять время на ея обработку безъ права самостоятельно распоряжаться урожаемъ не могла улыбаться крестьянамъ. Крѣпостные встрѣчали ея введеніе, повидимому, недружелюбно. Въ 1851 г. нижегородскій губернскій предводитель дворянства указывалъ на препятствія къ введенію общественной запашки со стороны крестьянъ; по его словамъ, они не согласились бы на добровольное введеніе ея и подчинились бы лишь прямому велѣнію правительства или помѣщиковъ [1].

---

[1]) «Историч. обзоръ правит. мѣропр.», т. II, стр. 105 — 106. Въ имѣніи Серделевича, Могилевской губ., заведена была общественная запашка; «хитростью крестьянъ его мало-по-малу приведена была въ негодность». *Вакаръ.* «О заведеніи мірской пашни, какъ средства для улучшенія состоянія крестьянъ». «Землед. Журналъ», 1832 г., № 5, стр. 138.

Еще съ большимъ недовѣріемъ и неприязнью встрѣчали крестьяне попытки освободить правительство и дворянство отъ расходовъ на ихъ продовольствіе, предоставивъ самимъ крестьянамъ добывать себѣ средства къ существованію на общественныхъ и т. под. работахъ. Они нерѣдко предпочитали оставаться безъ всякой помощи и заработка, чѣмъ итти на общественныя работы. Перемышльскій уѣздный предводитель дворянства, Н. Щербачевъ, жаловался въ 1840 г., что крестьянъ «никакъ нельзя добровольно отправить на шоссейную работу» [1]). Г. Максимовъ полагаетъ, что въ отрицательномъ отношеніи крестьянъ къ общественнымъ работамъ помимо невыгодности, а иногда и несвоевременности въ смыслѣ заработка, играло роль и «глухое недовольство, скептическое отношеніе ко всякому правительственному мѣропріятію, прямо или косвенно клонившемуся, съ точки зрѣнія крестьянства, къ поддержанію какъ крѣпостного режима, такъ и связаннаго съ нимъ правового режима». Общественныя работы были отнесены крестьянами, по его мнѣнію, именно къ такимъ мѣропріятіямъ. Съ другой стороны, общественныя работы противорѣчили извѣстной крестьянамъ обязанности помѣщиковъ кормить ихъ. «Крестьянамъ, естественно, могло казаться, что они имѣютъ право требовать себѣ такого продовольствія даромъ, а вовсе не обязаны зарабатывать его на общественныхъ или помѣщичьихъ работахъ» [2]). Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, хотя, конечно, крестьяне врядъ ли отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что общественныя работы клонились къ укрѣпленію крѣпостного права.

Считая, что помѣщики *обязаны* помогать своимъ крѣпостнымъ, крестьяне въ случаѣ нужды обращались къ владѣльцамъ съ просьбою о помощи. Отказъ въ ней считался ими нарушеніемъ своихъ правъ, почему они въ такихъ случаяхъ нерѣдко переходили къ требованіямъ помощи, выраженнымъ въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ, переставали повиноваться владѣльцамъ, жаловались на нихъ правительственнымъ властямъ и т. д.

Не одно только сознаніе своего права на продовольственную помощь заставляло крестьянъ выступать съ требованіями обезпечить имъ средства къ существованію и обсѣмененію полей. На путь протестовъ противъ уклоненія помѣщиковъ отъ продовольственной обязанности въ значительной степени гнала крестьянъ тяжелая экономическая нужда, нерѣдко дѣйствительная невозмож-

---

[1]) «Крестьянинъ,—писалъ онъ графу Строганову,—охотно туда не пойдетъ, зная, что владѣльцу будетъ извѣстно, сколько онъ выработаетъ, и потому просится въ другую работу, говоря, что онъ получитъ болѣе выгоды; черезъ сіе заработокъ его покрытъ неизвѣстностью, вернувшись объявитъ, что онъ жилъ только изъ хлѣба». Ц. Архивъ М. Вн. Д. Деп. Хоз., 1839 г., I отд., 1 ст., № 191.

[2]) *Максимовъ*, стр. 53, 54.

ность просуществовать безъ посторонней помощи. Если въ обыкновенные годы предусмотрительные помѣщики оказывали существенную помощь крестьянскимъ хозяйствамъ, то въ годы неурожая положеніе крестьянъ зачастую бывало крайне тяжелымъ. «Сами помѣщики сознаются, что положеніе крестьянъ въ такіе годы бываетъ чудовищнымъ» [1]).

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о положеніи голодающаго населенія въ годы неурожаевъ при Николаѣ I-мъ очень скудны и отрывочны. «По цензурнымъ условіямъ,—говоритъ Ермоловъ,—литература сохранила немного данныхъ о размѣрахъ бѣдствія, которое претерпѣвалось населеніемъ вслѣдствіе неурожая 1833 г., какъ и другихъ неурожаевъ Николаевской эпохи» [2]). Но и по сохранившимся чертамъ можно представить себѣ, что, несмотря на усилія бюрократіи обезпечить продовольствіе населенія и несмотря на отвѣтственность помѣщиковъ за продовольствіе своихъ крестьянъ, въ неурожайные годы населеніе, особенно крѣпостное, фактически было предоставлено въ значительной степени самому себѣ, на жертву голоду, болѣзнямъ и нищетѣ.

Первый сильный общій неурожай, разразившійся надъ населеніемъ въ царствованіе имп. Николая I, былъ въ 1833 г. Неурожай охватилъ пространство въ 50.000 кв. м. съ населеніемъ въ $14^1/_2$ милл. душъ. Населеніе страшно бѣдствовало. «Не дай Богъ,— пишетъ Никольскій, — никому видѣть такихъ бѣдъ, какія испыталъ народъ въ 1833 — 1834 гг. по случаю неурожая хлѣба... Одно воспоминаніе о нихъ ужасно. Бѣдные, не имѣя въ запасѣ хлѣба, бродили по лѣсамъ и собирали гнилушки, рвали сережки съ березы и орѣшника, съ дуба желуди и все это толкли, мѣшали съ мукою и пекли для себя хлѣбъ. Барда съ виннаго завода была лучшею примѣсью къ хлѣбу; но и той было мало, ибо на заводахъ мало курили вина. Домашній скотъ крестьяне кормили липовымъ, дубовымъ и березовымъ листомъ. Ни у помѣщиковъ, ни

---

[1]) Помѣщики Тульской губ. разсказывали Забл.-Десятовскому въ 1841 г., что «въ голодныя зимы положеніе крестьянина и его семьи ужасно. Онъ ѣстъ всякую гадость. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома,— все идетъ въ пищу. Притомъ ему не на что купить соли. Онъ почти отравляется: у него дѣлается поносъ, онъ пухнетъ или сохнетъ; являются страшныя болѣзни. Еще могло бы пособить молоко, но онъ продалъ послѣднюю корову, и умирающему часто, какъ говорится, нечѣмъ душу отвести. У женщинъ пропадаетъ молоко въ груди, и грудные младенцы гибнутъ, какъ мухи. Никто не знаетъ этого потому, что никто не посмѣетъ писать или громко толковать объ этомъ, да и многіе ли заглядываютъ въ лачуги крестьянина? А вѣдь то не секретъ, что голодные годы не суть явленіе рѣдкое; они, напротивъ, появляются періодически». *Заблоцкій-Десятовскій.* «Гр. Киселевъ и его время», т. IV, стр. 301.

[2]) *Ермоловъ.* «Наши неурожаи и продовольственный вопросъ», ч. I, изд. 1908 г., стр. 47.

у крестьянъ сѣна не было; снимали крыши съ избъ и сараевъ, и этою полусгнившею соломою кормили лошадей. Птицъ и свиней почти перевели. Отъ суровой, грубой и неестественной человѣку пищи многіе крестьяне страдали болѣзнью, похожею на водянку или отеки» [1]). По другимъ свѣдѣніямъ крестьяне употребляли въ пищу древесную кору, мякину, смѣшивали съ мукою глину [2]). Въ Саратовской губерніи, въ Балашовскомъ, Сердобскомъ, частью Аткарскомъ и въ нагорной сторонѣ Царицынскаго и Камышинскаго уѣздовъ, многіе изъ крестьянъ, особенно изъ недавнихъ переселенцевъ, ѣли хлѣбъ, спеченный съ половиною или съ $^1/_3$ дубовыхъ желудей, лебеды или мякины. Характерно, что саратовскій губернаторъ Переверзевъ, сообщая приведенные факты, писалъ, тѣмъ не менѣе, что «недостатка въ продовольствіи нѣтъ» [3]). Крестьяне кн. Шаховскаго, Петровскаго уѣзда, Саратовской губ., обратившись къ губернатору съ просьбою о помощи, жаловались, что они, въ числѣ 700 домохозяевъ, употребляли въ пищу гречневую мякину, древесныя произрастанія, но и это было на исходѣ; помощи отъ вотчинныхъ властей они не получали. Уѣздный предводитель подтвердилъ, что «изъ 219 семействъ означенныхъ крестьянъ 125 совершенно не имѣютъ хлѣба и еще съ наступленіемъ зимы питаются гречневою мякиною и мукою изъ дубовыхъ желудей съ примѣсью малой части ржаной, а нынѣ даже и сей хлѣбъ истощился» [4]). Въ имѣніи гр. Разумовскаго, Саратовской губ., въ селѣ Скачихѣ, по описи, составленной уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ 23-хъ селахъ оказалось болѣе 2500 голодающихъ, при чемъ въ списки были внесены не нуждавшіеся въ хлѣбѣ, а лишь кандидаты на голодную смерть. Между тѣмъ управляющій не только не выдавалъ имъ хлѣба, но ухудшалъ ихъ положеніе, переводя несостоятельныхъ плательщиковъ съ оброка на барщину [5]). Во время другого крупнаго неурожая, въ 1839 — 40 гг., тысячи нищихъ, преимущественно помѣщичьихъ крестьянъ, блуждали по дорогамъ, существуя на милостыню. Опять питались мякиною, лебедою, древесною корою и т. п. суррогатами, сѣющими болѣзнь и смерть. Многіе помѣщики, не имѣя возможности прокормить своихъ крестьянъ, бѣжали изъ имѣній. Не менѣе тяжелымъ былъ неурожай 1844 — 1846 гг. для пострадавшихъ отъ него губерній. Витебская и Псковская губерніи лишились $^1/_{10}$ своего населенія изъ-за голоднаго тифа. Отъ без-

---

[1]) «Саратовск. губ. вѣдомости», 1845 г., ноябрь. Цитата заимствована изъ изслѣдованія Никольскаго. «Хозяйственное описаніе Балашевскаго уѣзда, Саратовской губ.». Спб., 1855 г., стр. 65.

[2]) *Романовичъ-Славатинскій.* «Голода въ Россіи...». «Кіевск. Универ. Изв.», 1892 г., № 1, стр. 35.

[3]) Ц. Архивъ М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1833 г., № 401.

[4]) Ц. Архивъ М. Вн. Д. Деп. Хоз., 1833 г., I отд., 1 ст., № 61.

[5]) *Мордовцевъ.* «Наканунѣ воли», стр. 160 — 163. Изд. 1890 г.

кормицы большая часть скота пала, а въ Псковской и Витебской губерніяхъ не осталось и половины коровъ и лошадей [1]). Выше говорилось о бѣдственномъ положеніи бѣлорусскихъ губерній. Въ 1853 г. ген.-адъют. Игнатьевъ, проѣзжая по Могилевской и Витебской губерніямъ, находилъ цѣлыя деревни, въ которыхъ нельзя было отыскать куска хлѣба; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ему давали хлѣбъ, весьма похожій на торфъ, въ другихъ показывали тщательно завернутые куски хлѣба, сохраняемые исключительно для дѣтей. По Витебской губерніи хлѣбъ еще рѣже составлялъ обычную пищу для жителей, которые кормились грибами и разнымъ сырьемъ [2]).

При такой вопіющей нуждѣ, жалобы крестьянъ на отсутствіе продовольственной помощи и настойчивыя требованія ея становятся понятными и безъ наличности сознанія ими *права* на такую помощь. Напротивъ, приходится удивляться, съ какимъ сравнительно терпѣніемъ переносили крестьяне полуголодное прозябаніе и какъ мало было случаевъ волненій среди крестьянъ на этой почвѣ. Собственно говоря, то, что именовалось на правительственномъ языкѣ *волненіями*, были лишь заявленія жалобъ и требованій скопомъ, самое большее — мимолетныя ослушанія помѣщичьей и правительственной власти, тотчасъ прекращавшіяся, какъ только удовлетворяли острую продовольственную нужду. Обращеніе же жалобы въ волненіе зависило отъ усмотрѣнія мѣстнаго начальства, дѣлавшаго донесенія въ центръ. Жалоба скопомъ, предъявленная въ такомъ крупномъ имѣніи, какъ слобода Алексѣевка гр. Шереметева въ Воронежской губ., принята была за волненіе и побудила правительство прибѣгнуть къ сильнымъ репрессіямъ вообще противъ крѣпостныхъ крестьянъ. Жалоба, предъявленная менѣе крупному помѣщику, вызывала лишь разслѣдованіе и удовлетвореніе тѣхъ просьбъ, которыя признавались основательными. Въ голодный 1833 — 34 гг. правительство склонно было въ малѣйшихъ выступленіяхъ крѣпостныхъ крестьянъ съ жалобами на помѣщиковъ видѣть начало голодныхъ бунтовъ. Въ 1839 — 40 гг. то же правительство, опасаясь репрессіями отвлечь населеніе отъ полевыхъ работъ, предписывало снисходительное отношеніе къ волнующимся крестьянамъ. Такимъ образомъ понятіе волненія на продовольственной почвѣ очень относительно. Мы остановимся на тѣхъ нарушеніяхъ обычнаго порядка въ крѣпостныхъ имѣніяхъ, которыя считались волненіями самимъ правительствомъ.

Общее количество волненій, происшедшихъ на продовольственной почвѣ, выяснить очень трудно, ибо установить удѣльный вѣсъ тѣхъ разнообразныхъ причинъ, комплексъ которыхъ производилъ

---

[1]) *Романовичъ-Славатинскій.* «Голода въ Россіи», «Кіевск. Унив. Изв.», 1892 г., № 1, стр. 59.

[2]) *Середонинъ*, т. II, ч. 1, стр. 211.

волненіе среди крѣпостныхъ крестьянъ, почти невозможно по неполнотѣ и пристрастности дошедшихъ до насъ свѣдѣній о крестьянскихъ безпорядкахъ. За время съ 1826 по 1854 гг. насчитывается 30 волненій, въ числѣ причинъ которыхъ играетъ большую или меньшую роль продовольственная нужда. По пятилѣтіямъ эти волненія распредѣляются такимъ образомъ: въ 1826 — 1829 гг. было 2 такихъ волненія, въ 1830 — 1834 гг. — 8; въ 1835 — 1839 — 5; въ 1840 — 1844 гг. — 12; въ 1845 — 1849 гг. — 1 и въ 1850 — 1854 гг. — 2. Свѣдѣнія за послѣднія два пятилѣтія нельзя считать полными. Въ 1847 г., напримѣръ, произошло извѣстное движеніе изголодавшагося крѣпостного населенія Витебской губ. Свѣдѣнія же за 1850—1854 гг. страдаютъ вообще неполнотою вслѣдствіе недостатка архивнаго матеріала за этотъ годъ. Кромѣ этихъ 30 волненій, въ 6 случаяхъ въ числѣ причинъ занимаютъ болѣе или менѣе видную роль послѣдствія неурожаевъ, въ родѣ разоренія крестьянъ, борьбы помѣщиковъ съ накопившеюся изъ-за неурожаевъ недоимкою, переводъ крестьянъ съ оброка на барщину по той же причинѣ и т. под. Эти послѣдствія волненія, не характеризуя самаго отношенія крестьянъ къ продовольственной помощи помѣщиковъ и правительства, могутъ служить для характеристики вліянія неурожаевъ на положеніе крестьянъ въ крѣпостныхъ имѣніяхъ.

Всѣ эти волненія за ничтожными исключеніями находятся въ непосредственной связи съ наиболѣе крупными неурожаями Николаевской эпохи. Такъ, изъ указанныхъ 30 волненій 8 произошли въ 1833 — 34 гг., когда Россію посѣтилъ исключительный по силѣ неурожай, 17 волненій относятся къ 1839—1842 гг., когда отъ неурожая, грянувшаго въ 1839 г. и повторившагося въ еще большей степени въ 1840 г., населеніе не могло оправиться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; въ 1839 г. произошло 5 волненій, въ 1840 г. — 3, въ 1841 г. — 1, въ 1842 г.—8. Итого $^5/_6$, или 83% всѣхъ продовольственныхъ волненій николаевскаго времени такъ или иначе непосредственно связаны съ наиболѣе острыми неурожаями, бывшими, какъ извѣстно, въ 1833—1834 гг. и въ 1839—1840 гг. Остальныя 5 волненій, происшедшихъ въ разные годы (1 — въ 1826 г., 1 — въ 1827 г., 1 — въ 1846 г., 1 — въ 1853 г. и 1—въ 1854 г.), носили большей частью случайный характеръ. Продовольственная нужда, служившая въ большей или меньшей степени причиною этихъ волненій, происходила въ нихъ не отъ неурожаевъ, а отъ другихъ, болѣе глубокихъ и постоянныхъ причинъ, завися отъ экономическаго разоренія, причиненнаго повышенной эксплоатаціей помѣщика и т. под. До нѣкоторой степени исключеніе представляетъ собою волненіе крестьянъ помѣщицы Пономаревой въ 1826 г., гдѣ, помимо слуховъ о волѣ, имѣли вліяніе образовавшіяся отъ ряда неурожайныхъ лѣтъ недоимки, борьба съ ними помѣщицы и, наконецъ, продоволь-

ственная нужда изъ-за неурожая, постигшаго это имѣніе въ 1826 г. [1]).

Волненія крестьянъ 1833 — 34 гг. интересны не только для характеристики отношенія крестьянъ къ продовольственной помощи помѣщиковъ, но и для характеристики вліянія крестьянскихъ волненій на продовольственную политику правительства въ этомъ году. Правительство опасалось голодныхъ бунтовъ и при первыхъ извѣстіяхъ объ энергичныхъ требованіяхъ крестьянъ помочь имъ, обращенныхъ въ болѣе или менѣе буйной формѣ къ помѣщикамъ, забило тревогу. Въ цѣляхъ успокоенія крестьянъ оно, съ одной стороны, расширяло правительственную помощь, а съ другой—усиливало репрессіи противъ крестьянъ. Особенно сильное впечатлѣніе на правительство произвели волненія Воронежской губ. [2]), а изъ нихъ, главнымъ образомъ, вспышка неповиновенія въ громадномъ имѣніи гр. Д. Н. Шереметева, въ слободѣ Алексѣевкѣ, Бирючинскаго уѣзда.

Извѣстіе о волненіи въ алексѣевской вотчинѣ графа Дмитрія Николаевича Шереметева пришло въ Петербургъ въ началѣ сентября. Хотя, по словамъ донесенія губернатора, все волненіе состояло въ шумномъ требованіи хлѣба отъ управляющаго Козлова, при чемъ крестьяне успокоились, когда губернаторъ приказалъ выдать Козлову 14 тыс. руб. изъ 50-тысячнаго капитала графа Шереметева, хранившагося въ мѣстномъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, тѣмъ не менѣе, извѣстіе объ этомъ событіи сильно встревожило министерство внутреннихъ дѣлъ. Причину этого нужно видѣть въ томъ, что въ алексѣевской вотчинѣ состояло въ общемъ 28.000 душъ муж. п. Прокормить такое многочисленное населеніе было дѣломъ труднымъ, требовавшимъ большихъ средствъ и энергіи. Усмирять же такую массу крестьянъ, если бы волненіе стало разрастаться, было не менѣе трудно, не говоря уже о томъ, что примѣръ громадной Шереметевской вотчины могъ заразительно подѣйствовать и на крестьянъ сосѣднихъ вотчинъ. На правительство повліяло и то, что одновременно губернаторъ сообщилъ о волненіи крестьянъ гр. Бутурлина и о небольшомъ броженіи въ имѣніи малолѣтняго Горяинова Павловскаго уѣзда. Приблизительно въ то же время было получено донесеніе воронежскаго губернатора отъ 31 авг. о безпорядкахъ въ имѣніи Подкользиныхъ и Суханова Павловскаго уѣзда. Такимъ образомъ почти одновременно волненія произошли въ Бирючинскомъ (Алексѣевская вотчина), Бобровскомъ (Бутурлинская вотчина) и Павловскомъ уѣздахъ, при чемъ

---

[1]) Ц. Архивъ М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1826 г., № 336. См. описаніе этого волненія въ «Русскомъ Богатствѣ», за 1912 г., № 7, стр. 82 — 91.

[2]) Ц. Архивъ М. Вн. Дѣлъ Хоз. Деп., 1833 г., отд. I, ст. 1, связка 165, ч. I, и Деп. Пол. Исп., 1833 г., № 417 и 420.

въ имѣніи у гр. Шереметева было 28.000 душъ м. п., у гр. Бутурлина болѣе 10 тыс. душъ м. п. Если даже у такихъ крупныхъ и богатыхъ помѣщиковъ возникали продовольственныя затрудненія, повлекшія за собою волненія и неповиновенія среди крестьянъ, то еще большихъ затрудненій и замѣшательствъ могло ждать правительство въ меньшихъ имѣніяхъ. Губернаторъ самъ обратилъ вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ на необходимость облегчить выдачу ссудъ крупнымъ помѣщикамъ, имѣвшимъ болѣе 100 душъ, разъ продовольственныя затрудненія будутъ грозить нарушеніями общественнаго спокойствія. Правительство забило тревогу. Опасенія еще болѣе возросли подъ вліяніемъ сообщенія полтавскаго губернатора, что и тамъ значительные помѣщики находятся «въ крайнемъ затрудненіи», не имѣя «ни наличныхъ денегъ, ни запасовъ» для продовольствія крестьянъ. Въ запискѣ, представленной въ комитетъ министровъ, Блудовъ [1]) выражалъ опасеніе, что въ Полтавской губ. могутъ произойти такіе же безпорядки, какъ и въ Воронежской. Онъ указывалъ, что въ крупныхъ имѣніяхъ «значительное число душъ крестьянъ скорѣе иногда можетъ поставить помѣщика въ затрудненіе къ продовольствію ихъ, нежели имѣніе малолюдное». Полагая облегчить выдачу ссудъ крупнымъ помѣщикамъ при продовольственныхъ затрудненіяхъ, онъ считалъ необходимымъ распространить эту мѣру на губерніи Воронежскую, Полтавскую, Слободско-Украинскую, 3 новороссійскихъ и на Кавказскую область. Таковъ былъ, слѣдовательно, районъ, гдѣ министерство ожидало безпорядковъ. Это предположеніе Блудова было разсмотрѣно комитетомъ министровъ 12 сентября, при чемъ во главу своихъ соображеній о необходимости помогать крупнымъ помѣщикамъ комитетъ ставилъ опасенія крестьянскихъ безпорядковъ. Комитетъ, «усматривая усугубляющіяся затрудненія въ продовольствіи помѣщичьихъ крестьянъ и являющіеся уже признаки вредныхъ отъ таковаго положенія вещей послѣдствій, разсуждалъ, что, къ какимъ бы ни относить оныя причинамъ, т.-е., къ дѣйствительной ли невозможности владѣльцевъ удовлетворить нужды ихъ крестьянъ или же и къ безпечности, при всемъ томъ, однакоже, правительству подлежитъ въ дѣлѣ, *угрожающемъ общественному спокойствію*, принимать мѣры рѣшительныя, долженствующія имѣть исключительно ту цѣль, чтобы отвратить совершенный недостатокъ въ хлѣбѣ тамъ, гдѣ оный дѣйствительно окажется, и *предупредить черезъ то внутренніе безпорядки, не щадя никакихъ издержекъ* и не обращаясь на первый разъ къ помянутымъ причинамъ съ тѣмъ, что объ оныхъ можетъ быть разыскано впослѣдствіи, и что всякое денежное пособіе отъ казны должно быть почитаемо долгомъ того владѣльца, который оное получитъ». На этомъ основаніи комитетъ

[1]) Въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ.

полагалъ, «чтобы въ случаѣ совершенной крайности, когда помѣщичьи крестьяне большихъ имѣній по строжайшему дознанію окажутся въ положеніи, заставляющемъ опасаться совершеннаго недостатка и, можетъ-быть, *нарушенія общаго спокойствія*, мѣстныя начальства уполномочены были оказывать симъ крестьянамъ немедленное надлежащее пособіе... выдачею хлѣба въ натурѣ». Это положеніе комитета министровъ о дополнительныхъ ссудахъ крупнымъ помѣщикамъ, имѣвшимъ болѣе 100 душъ, было 17 сентября утверждено государемъ, при чемъ Николай I собственноручно написалъ: «весьма справедливо, но при этомъ строжайше подтвердить всѣмъ мѣстнымъ властямъ, всѣ буйства укрощать не потворствомъ, а наказуя виновныхъ даже силою». Что подъ силою разумѣлась военная сила, явствуетъ изъ послѣдовавшаго вслѣдъ за тѣмъ высочайшаго повелѣнія предписать по войскамъ, чтобы съ этой стороны гражданскому начальству оказывалось безотлагательное содѣйствіе. Циркулярныя извѣщенія объ этихъ повелѣніяхъ государя немедленно полетѣли въ разные углы имперіи, побуждая мѣстныхъ губернаторовъ ретиво усмирять крестьянъ при малѣйшихъ вспышкахъ волненій, хотя бы и не на продовольственной почвѣ. Повелѣнія Николая I въ 1833 г. объ усмиреніи крестьянъ силою, несомнѣнно, получили тогда распространительное толкованіе. По отвѣтамъ губернаторовъ на указанныя циркулярныя предписанія видно, что они поняли ихъ въ смыслѣ приказанія при всѣхъ подобныхъ безпорядкахъ вызывать военныя команды. Конечно, Николай I разумѣлъ волненія только на почвѣ продовольственной нужды, но его повелѣнія volens-nolens должны были распространиться на волненія, происшедшія по другимъ причинамъ. Послѣ высочайшаго повелѣнія отъ 19 и 21 сентября 1833 г. усмиренія стали суровѣе; они стали сопровождаться вызовами военныхъ командъ, а слѣдовательно, и болѣе тяжелыми наказаніями, ибо продолженіе неповиновенія послѣ ввода военной команды могло повлечь за собою преданіе военному суду. Такимъ образомъ учащенный вызовъ военныхъ командъ послѣ 1833 г. отнюдь не указываетъ на усиленіе крестьянскихъ волненій, а характеризуетъ лишь усердіе губернаторовъ при исполненіи высочайшаго повелѣнія. Въ этомъ отношеніи 1833 г. сыгралъ тяжелую роль въ исторіи крестьянскихъ волненій.

Между тѣмъ опасенія министерства внутреннихъ дѣлъ и Николая I были напрасными. Въ отвѣтныхъ донесеніяхъ губернаторовъ на циркулярныя предписанія по поводу указанныхъ высочайшихъ повелѣній, нигдѣ не говорится о возникшихъ или даже грозившихъ возникнуть безпорядкахъ на продовольственной почвѣ, если не считать Воронежской губ., безпорядки въ которой и вызвали энергичныя мѣры правительства. Но и въ этой губерніи волненія крестьянъ были слабы. Достаточно ознакомиться съ вол-

неніями крестьянъ у гр. Шереметева, гр. Бутурлина и у другихъ помѣщиковъ, чтобы убѣдиться, какъ ничтожны были безпорядки, устрашившіе Николая I и побудившіе его требовать усмиренія крестьянъ военною силою.

Безпорядки, возбудившіе энергичную дѣятельность въ центрѣ, по существу носили совершенно мирный характеръ и были «мгновенными», какъ ихъ потомъ назвалъ высочайше командированный въ Воронежскую губ. флиг.-ад. Протасовъ, нарушеніями порядка и обычнаго повиновенія, выражавшимися въ болѣе или менѣе настойчивыхъ требованіяхъ помощи. Къ активному выступленію съ просьбами, требованіями и т. п. крестьяне вынуждались обыкновенно крайнею необходимостью. При этомъ всюду, гдѣ помѣщики и правительство принимали энергичныя мѣры къ удовлетворенію продовольственной нужды, волненія быстро прекращались.

Быстро было прекращено волненіе крестьянъ въ имѣніи помѣщиковъ Подкользиныхъ и Суханова Павловскаго уѣзда, хотя здѣсь оно нѣсколько осложнилось начавшимся броженіемъ изъ-за иска воли, который крестьяне пытались возбудить противъ своихъ помѣщиковъ.

Нѣсколько продолжительнѣе было волненіе въ обширной Алексѣевской вотчинѣ гр. Дмитрія Николаевича Шереметева. Продовольственная нужда здѣсь была очень значительна, и вотчинному управленію приходилось дѣлать значительныя затраты на ихъ удовлетвореніе. Донесенія о неурожаѣ стали поступать еще съ іюня 1833 года. Тогда же Алексѣевскому вотчинному управленію было предписано раздавать пособіе хлѣбомъ наиболѣе нуждающимся крестьянамъ. На основаніи этого распоряженія было роздано 2500 четвертей, сверхъ ранѣе розданныхъ крестьянамъ 8.780. Но хлѣбные запасы Алексѣевской вотчины быстро истощились. Въ іюнѣ пришлось затратить оброчную сумму на покупку 2000 четвертей, а нужда въ пособіи все увеличивалась. Главное управленіе приказало затронуть капиталъ, хранившійся въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, на покупку еще такого же количества хлѣба. Этихъ затратъ оказалось мало, число нуждающихся въ пособіи разрасталось. Прибѣгли къ хлѣбнымъ и денежнымъ запасамъ другой вотчины гр. Шереметева, гдѣ нужды въ продовольствіи не было. Еще въ іюлѣ было предписано вотчинному управленію Борисовской вотчины, Хотмышскаго уѣзда, Курской губ., отпустить въ слободу Алексѣевку всѣ хлѣбные запасы, образовавшіеся отъ сбора на мельницахъ и отъ господской запашки. Затѣмъ въ августѣ отдано распоряженіе тому же правленію перевести въ Алексѣевку отъ 40 до 50.000 рублей на покупку хлѣба. Въ Алексѣевку былъ посланъ въ качествѣ довѣреннаго лица подпоручикъ Мотавкинъ, который долженъ былъ вмѣстѣ съ управляющимъ Козловымъ и вотчиннымъ правленіемъ руководить продовольственной кампаніей и слѣдить за порядкомъ и

тишиною въ вотчинѣ. Когда, приблизительно 10 августа, вотчинное правленіе предписало Алексѣевскимъ крестьянамъ ѣхать за хлѣбомъ въ Борисовскую вотчину, отстоящую отъ Алексѣевки на 180 верстъ, крестьяне наотрѣзъ отказались выполнить это приказаніе. Они считали доставку хлѣба очень обременительной. Крестьяне требовали, чтобы имъ были выданы деньги взамѣнъ хлѣба, но получили отказъ. По словамъ управляющаго, крестьяне собрались въ большомъ количествѣ около дома и съ буйствомъ и крикомъ предъявляли это требованіе. Съ большимъ усиліемъ удалось Козлову убѣдить крестьянъ подождать распоряженія помѣщика. Крестьяне, впрочемъ, успокоились, когда Козловъ привезъ имъ изъ Воронежа 14.000, выданныхъ ему по распоряженію губернатора изъ шереметевскаго капитала въ 50.000 р., хранившихся въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія. Графъ Шереметевъ не разрѣшилъ выдавать крестьянамъ пособія деньгами, предписавъ, въ случаѣ дальнѣйшихъ ослушаній, прибѣгнуть къ помощи земской полиціи. Мотавкину было поручено произвести разслѣдованіе всѣхъ происшедшихъ въ имѣніи случаевъ ослушаній крестьянъ. Результатомъ такого разслѣдованія была отдача, по распоряженію графа, четырехъ крестьянъ въ смирительный домъ на годъ и наказаніе розгами при полиціи другихъ, менѣе виновныхъ. Домашняя расправа съ неповиновавшимися, повидимому, плохо помогла, и мелкія ослушанія продолжались. 20 сентября гр. Д. Н. Шереметевъ обратился къ самому министру внутреннихъ дѣлъ съ жалобою на крестьянъ и ихъ противодѣйствіе принятымъ продовольственнымъ мѣрамъ. Графъ просилъ какъ губернатора, такъ и министра внутреннихъ дѣлъ принять мѣры къ огражденію спокойствія въ его имѣніи и принудить крестьянъ не мѣшать продовольственнымъ мѣропріятіямъ. Просьба графа была получена въ министерствѣ уже послѣ высочайшей резолюціи 19 сентября и, конечно, немедленно вызвала со стороны Блудова строгое подтвержденіе воронежскому губернатору принять мѣры къ сохраненію порядка въ имѣніи графа Шереметева, «вводя непослушныхъ и строптивыхъ въ повиновеніе, буде нужно, и силою законной власти и строгости». Репрессивныхъ мѣръ, повидимому, не понадобилось. По крайней мѣрѣ, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ гр. Протасова отъ 14 октября не говорится ни о какихъ экстраординарныхъ мѣрахъ для усмиренія крестьянъ гр. Шереметева.

Изъ вышеизложеннаго видно, что волненіе, произведшее на правительство сильное впечатлѣніе, фактически состояло въ отказѣ крестьянъ ѣхать за хлѣбомъ въ другую вотчину и требованіи выдать имъ пособіе деньгами, а не хлѣбомъ.

Броженіе среди крестьянъ гр. Бутурлина было, повидимому, серьезнѣе. Въ этомъ громадномъ имѣніи былъ полный неурожай хлѣба и травъ. Нужда у крестьянъ была очень сильна, а продовольственная помощь помѣщика замедлилась. Въ августѣ въ имѣ-

ніе пріѣхалъ самъ помѣщикъ, но и онъ не сразу помогъ, а, видимо, изыскивалъ на мѣстѣ средства продовольствія крестьянъ и обсѣмененія полей. 17 августа изголодавшіеся крестьяне окружили домъ толпою болѣе чѣмъ въ 1.000 человѣкъ и приступили къ графу съ просьбою немедленно выдать имъ хлѣба. Этого графъ не могъ или не хотѣлъ сдѣлать. Онъ объяснилъ имъ цѣль своего пріѣзда и необходимость обождать, пока онъ предприметъ мѣры для ихъ продовольствія. Крестьянина, смѣлѣе другихъ заявившаго о крайней необходимости *тотчасъ* получить хлѣбъ, онъ приказалъ арестовать. Возбужденная толпа не позволила его взять. Въ этомъ-то и состояло главное преступленіе толпы, воспротивившейся скопомъ распоряженію помѣщика. Однако нашлись благоразумные крестьяне, которые остановили раздраженныхъ односельчанъ. При ихъ помощи сельскіе начальники исполнили графское приказаніе, а крестьяне разошлись по домамъ. Однако крестьяне не очень довѣряли обѣщаніямъ графа озаботиться о ихъ продовольствіи. По отъѣздѣ его, 20 августа, толпа крестьянъ, болѣе чѣмъ въ 500 человѣкъ, энергично приступила къ атаману съ требованіемъ хлѣба. Они кричали, что дольше ждать не могутъ, такъ какъ многіе изъ нихъ умираютъ отъ голода, отказъ же въ хлѣбѣ можетъ повлечь за собою грабежъ въ домахъ тѣхъ, у кого еще сохранился хлѣбъ. 21 августа толпа приступила еще энергичнѣе, настаивая, чтобы имъ дали, если не хлѣба, то хотя бы оффиціальную бумагу, съ которой они могли бы пойти къ губернатору съ просьбою о помощи. Атаманъ выдалъ бумагу за своею подписью и вотчинною печатью, въ которой были изложены всѣ требованія крестьянъ и отказъ ждать графской помощи. Когда къ губернатору явилось 12 человѣкъ съ этой бумагой, то онъ, извѣщенный уже о происшедшемъ самимъ гр. Бутурлинымъ, арестовалъ всѣхъ ходоковъ, предоставивъ самому помѣщику расправиться съ ними; кромѣ того, земскому исправнику предписано было разъяснить крестьянамъ ихъ положеніе, заботы помѣщика о нихъ и отвѣтственность передъ закономъ за неповиновеніе. Гр. Бутурлинъ 30 августа сообщилъ губернатору, что послѣ произведеннаго разслѣдованія онъ приказалъ пересѣчь до 30 чел. и изъ нихъ 12 чел. годныхъ отдать въ рекруты, а негодныхъ назначить въ ссылку на поселеніе въ дальнія губерніи. Изъ 12 арестованныхъ ходоковъ нѣкоторые также были навсегда удалены изъ вотчины, а остальныхъ, по просьбѣ гр. Бутурлина, должны были «обрить, наказать розгами» и водворить опять въ имѣніе. Графъ самъ признавалъ, что суровость наказаній не соотвѣтствуетъ проступку, но считалъ эти репрессіи необходимыми въ виду тревожнаго настроенія въ сосѣднихъ имѣніяхъ, ибо, по его свѣдѣніямъ, «всѣ сосѣдственныя слободы, малороссіянами заселенныя, ожидаютъ съ величайшимъ любопытствомъ, какой будетъ конецъ предпріятіямъ депутатовъ»,

посланныхъ къ губернатору. Эти репрессіи произвели свое дѣйствіе. По крайней мѣрѣ, воронежскій губернаторъ Бѣгичевъ, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 13 октября 1833 г., объяснялъ успокоеніе крестьянъ между прочимъ, «примѣромъ строгости, оказаннымъ помѣщикомъ съ пособіемъ земской полиціи съ зачинщиками безпокойства».

Послѣ описанныхъ безпорядковъ и примѣненныхъ къ крестьянамъ репрессій, волненія въ Воронежской губ. прекратились. Уже 14 октября флигель-адъютантъ Протасовъ донесъ государю, что всѣ уѣзды Воронежской губ. находятся «въ совершенномъ спокойствіи».

Изъ другихъ волненій, происходившихъ на почвѣ неурожая 1833 года., болѣе или менѣе извѣстно еще одно, вспыхнувшее въ имѣніи Окуловой [1]) Подольскаго уѣзда, Московской губ., весною 1834 года. Въ сельцѣ Никольскомъ помѣщицы Окуловой существовала суконная фабрика, поставлявшая сукно въ казну въ опредѣленномъ количествѣ. Крестьяне работали на фабрикѣ. Земли у нихъ было, повидимому, мало, скотоводство незначительно, такъ что даже въ обычные годы у нихъ не хватало хлѣба на продовольствіе, что, по указанію уѣзднаго предводителя Сухово-Кобылина, было довольно обычнымъ явленіемъ для помѣщичьихъ фабричныхъ имѣній. Въ неурожайные 1833 — 34 годы крестьянамъ Окуловой пришлось испытать значительную продовольственную нужду, при чемъ здѣсь играли роль не столько самый неурожай въ имѣніи, сколько трудность найти заработокъ и низкая заработная плата при высокихъ хлѣбныхъ цѣнахъ. Постоянныя фабричныя работы мѣшали крестьянамъ имѣть сторонніе заработки, низкія же цѣны на трудъ плохо обезпечивали положеніе и тѣхъ, кому удавалось ихъ имѣть. Продовольственная помощь если и оказывалась помѣщицею до волненія, то въ крайне недостаточномъ размѣрѣ. Многимъ крестьянамъ поэтому приходилось существовать милостынею. Остальные также испытывали недостатокъ въ хлѣбѣ. Весною 1834 г. среди нихъ вспыхнуло волненіе. Помѣщица потребовала зачѣмъ-то двухъ крестьянъ въ Москву. Крестьяне отказались выдать и, бросивъ фабричныя работы, пошли вмѣстѣ съ ними въ Подольскъ, давъ предварительно передъ образомъ клятвенное обязательство дружно стоять другъ за друга. Въ Подольскѣ крестьяне оказали противодѣйствіе при арестѣ товарищей, такъ что пришлось примѣнить военную силу. Крестьяне не предъявляли никакихъ претензій, кромѣ просьбы о хлѣбѣ. Губернаторъ подозрѣвалъ на основаніи какихъ-то свѣдѣній, что эти просьбы были умышленны, такъ какъ крестьяне, по его словамъ, «предполагали, что имѣніе помѣщицы ихъ возьмутъ въ опеку и что по сей причинѣ они будутъ

---

[1]) Ц. Архивъ М. Вн. Д. Дѳп., Пол. Исп., 1834 г., № 342.

принадлежать казнѣ». Подтвержденіе такихъ тайныхъ расчетовъ крестьянъ онъ видѣлъ въ томъ, что при разслѣдованіи въ каждомъ крестьянскомъ домѣ нашли въ среднемъ почти по 1 чтв. ячменя и овса и «слѣдовательно, имѣя сей хлѣбъ, они совершенно голодными быть не могли». Тѣмъ не менѣе, губернаторъ принялъ серьезныя мѣры къ немедленному удовлетворенію продовольственной нужды крестьянъ. Лично прибывъ въ имѣніе, онъ приказалъ купить муки для раздачи крестьянамъ. Желая доставить помѣщицѣ средства для продовольствія, онъ предложилъ ей ходатайствовать передъ комиссіею по снабженію войскъ сукнами о скорѣйшей выдачѣ ей денегъ, если таковыя ей слѣдовало получить; съ тою же цѣлью онъ разузнавалъ, нѣтъ ли у Окуловой сукна для поставки въ казну, чтобы такимъ образомъ получить лишнія деньги на продовольствіе крестьянъ. По словамъ губернатора, сама Окулова изъявляла полную готовность снабжать крестьянъ хлѣбомъ, но не умѣла сдѣлать этого. Она медлила съ продовольственною помощью, полагая, напримѣръ, что пріисканная ею работа для крестьянъ вполнѣ достаточна для обезпеченія ихъ существованія, упуская совершенно изъ вида, «что нынѣ за работы платится дешевле прошлогодняго, тогда какъ хлѣбъ въ цѣнѣ удвоился».

На ряду съ заботою губернатора о продовольствіи крестьянамъ пришлось испытать на себѣ сильныя репрессіи. Примѣняя къ нимъ высочайшее повелѣніе отъ 19 сентября 1833 г., московскій генералъ-губернаторъ распорядился ввести въ имѣніе военную команду, а затѣмъ крестьянъ предали военному суду. Губернаторъ утвердилъ приговоръ и немедля привелъ его въ исполненіе [1]). Наказаніе производилось въ присутствіи крестьянъ, собранныхъ изъ селеній въ районѣ 15 верстъ. Этихъ репрессій было достаточно, чтобы ввергнуть крестьянъ въ рабское повиновеніе, особенно, когда острая продовольственная нужда въ то же время была удовлетворена. По словамъ бурмистра, въ крестьянахъ пробудилось такое усердіе, что пятеро бѣжало дѣлать то, что приказывалось одному. Крестьяне принялись за брошенныя было фабричныя работы.

Во всѣхъ описанныхъ волненіяхъ возникшіе среди крестьянъ безпорядки служили побудительной причиной для принятія мѣстными и центральными властями энергичныхъ продовольственныхъ мѣръ. Не только самые безпорядки, но иногда одни опасенія ихъ заставляли мѣстныя и центральныя власти позаботиться о продовольствіи крестьянъ. Примѣромъ этого могутъ служить мотивы, по которымъ была оказана продовольственная помощь крестьянамъ

---

[1]) По этому приговору два крестьянина были наказаны кнутомъ и сосланы на каторгу въ Сибирь; семь человѣкъ понесли наказаніе плетьми, а затѣмъ четырехъ изъ нихъ сослали въ Сибирь на поселеніе и трехъ отдали въ арестантскія роты; наконецъ пятьдесятъ человѣкъ были предоставлены попечительному исправленію самой помѣщицы.

кн. Шаховского, въ селѣ Успенскомъ (Ардымъ тожъ), Петровскаго уѣзда, Саратовской губ.

Здѣсь въ 1834 г. положеніе крестьянъ было безвыходнымъ. Просьбы о помощи, обращенныя къ вотчиннымъ властямъ, не имѣли результата; крестьяне обратились къ губернатору, указывая, что даже гречневая мякина, смѣшанная съ «древесными произрастаніями», которою питались около 700 душъ, уже на исходѣ, и имъ грозятъ «гибельныя послѣдствія голода». Указаніе уѣзднаго предводителя дворянства, что крестьяне не только находятся въ крайней нуждѣ, но въ имѣніи «явно показывается духъ ропота», воздѣйствовало на губернатора сильнѣе всякихъ крестьянскихъ просьбъ. Недавно бывшіе въ этомъ имѣніи безпорядки внушили ему опасеніе, что подъ вліяніемъ голода они вспыхнутъ вновь. Поэтому съ цѣлью «не допустить крестьянъ до несчастныхъ послѣдствій голода и вмѣстѣ предотвратить дальнѣйшій ропотъ, неимовѣрность коего вселяютъ опасеніе происходившіе уже въ имѣніи семъ нѣкоторые безпорядки въ истекшемъ году», приказалъ немедленно закупить на 1.000 р. хлѣба и раздавать его наиболѣе нуждающимся. Сумма эта была взята изъ средствъ, отпущенныхъ въ распоряженіе комиссіи народнаго продовольствія, и немедленно же было сообщено объ этомъ завѣдующимъ Саратовскимъ имѣніемъ князя Шаховского съ требованіемъ вернуть затраченныя деньги и принять соотвѣтственныя мѣры къ продовольствію крестьянъ. Въ то время самъ владѣлецъ имѣнія кн. Як. Фед. Шаховской находился за границей, а завѣдывали его имѣніемъ кн. Н. Л. Шаховской, сенаторъ И. С. Горголи и генералъ-майоръ Розенъ. Подъ вліяніемъ требованія губернскаго начальства они приняли рядъ мѣръ. Въ имѣніе былъ посланъ для распоряженій управляющій имѣніемъ князя П. Ф. Шаховского, губернатору были немедленно возвращены 1000 рублей и дано распоряженіе использовать съ тою же цѣлью находившіеся въ вотчинной конторѣ 4.000 рублей.

Выше не разъ отмѣчалось тревожное настроеніе правительства въ 1833 г., опасавшагося взрыва голодныхъ бунтовъ. Оно побудило Николая I сдѣлать вышеприведенное повелѣніе о подавленіи крестьянскихъ волненій силою, что повлекло за собою усиленіе репрессіи противъ волновавшихся крестьянъ. Эти же опасенія заставили правительство съ тревогою слѣдить за всѣми вспышками неповиновенія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Губернаторамъ было предписано еженедѣльно доносить государю о спокойствіи въ имѣніяхъ. Для немедленнаго возстановленія обычныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками принимались энергичныя мѣры. Нѣкоторыя суровыя усмиренія крестьянъ, происходившія въ 1833 г., приходится поэтому объяснить не силою самыхъ волненій и упорствомъ крестьянъ, а исключительно нежеланіемъ правительства дать развиться крупнымъ безпорядкамъ. Примѣромъ того, какъ

отражалось тревожное настроеніе правительства на судьбѣ крестьянъ, волновавшихся въ 1833 г., можетъ служить волненіе въ имѣніи помѣщицы Денисьевой [1]). Это волненіе началось еще весною 1833 г. Крестьяне волновались по поводу иска воли, который они пытались возбудить еще въ 1832 г. Они считали, что должны принадлежать казнѣ на томъ основаніи, что Денисьева была когда-то дворовой дѣвушкой ихъ прежняго господина, графа А. К. Разумовскаго. Надѣясь сдѣлаться вольными, принявъ на себя уплату долга гр. Разумовскаго, крестьяне упорно отказывались повиноваться помѣщицѣ. Въ имѣніе была введена воинская команда, ихъ заставляли работать подъ конвоемъ, но все это мало помогало. Преданіе группы крестьянъ уголовному суду также не устрашило ихъ. Напротивъ, неповиновеніе и упорство возрастали. Волненіе затянулось до осени 1833 г., когда такъ опасались голодныхъ бунтовъ. Въ Саратовской губ. продовольственная нужда была велика. Правительству приходилось помогать многимъ помѣщикамъ не только мелкимъ, но и крупнымъ. При такомъ положеніи дѣла власти, естественно, съ тревогой относились къ каждому извѣстію о волненіи крестьянъ, опасаясь, что примѣръ неповиновенія однихъ заразительно подѣйствуетъ на другихъ. Въ Петербургѣ были очень недовольны дѣйствіями губернатора Переверзева, находя ихъ слишкомъ мягкими. Въ концѣ октября Переверзеву было сдѣлано даже строгое внушеніе. Результатомъ, конечно, было усиленіе репрессій: часть крестьянъ была предана военному суду, къ другимъ щедро примѣнялись розги, аресты и т. п. Эти мѣры оказали воздѣйствіе, и въ декабрѣ крестьяне, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ возвращенныхъ ходоковъ, признавшихъ искъ о волѣ безнадежнымъ, принесли повинную и принялись за обычныя господскія работы. Военно-судное дѣло, въ концѣ-концовъ, окончилось сравнительно благополучно для крестьянъ: 9 человѣкъ понесли наказаніе палками по 25 ударовъ, а одинъ по поимкѣ подлежалъ преданію военному суду.

IV.

Другой циклъ продовольственныхъ волненій помѣщичьихъ крестьянъ группируется около неурожая 1839 — 1840 гг. За четыре года (съ 1839 по 1842 г.) извѣстно семнадцать волненій, при чемъ 5 изъ нихъ приходятся на 1839 годъ, 3 — на 1840 г., 1 на — 1841 и 8 произошло въ 1842 г. Волненія 1842 г., впрочемъ, объясняются не только неурожаемъ 1839—1840 гг., но и указомъ 2

[1]) Ц. Архивъ М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1833 г., № 401; *Мордовцевъ* «Наканунѣ воли», стр. 176 — 205

апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ; поэтому правильнѣе выдѣлить ихъ въ особую группу.

Неурожай 1839 — 1840 гг. былъ значительно слабѣе неурожая 1833—1834 гг. Онъ выразился, собственно, лишь въ посредственномъ урожаѣ ржи въ 1839 г. и полномъ неурожаѣ ея въ 1840 г. Яровые же хлѣба какъ въ 1839 г., такъ особенно въ 1840 г. уродились хорошо. Продовольственныя затрудненія возникали почти исключительно изъ-за отсутствія у населенія ржи, ибо во многихъ мѣстахъ не было собрано даже сѣмянъ. Вопросъ объ обсѣмененіи озимыхъ полей въ 1840 г. очень серьезно озабочивалъ правительство и дворянство. «Всего страшнѣе, — писалъ Николай I князю Паскевичу, — что ежели озимыя поля не будутъ засѣяны, то въ будущемъ году будетъ уже рѣшительный голодъ» [1]). Рожь приходилось сберегать на посѣвъ, а населеніе кормилось до урожая 1841 г. овсомъ, ячменемъ и всевозможными суррогатами. Помѣщики не могли доставлять имъ рожь для продовольствія и замѣняли ее яровыми хлѣбами. Неурожай 1839 — 1840 гг. поразилъ, сравнительно съ неурожаемъ 1833 — 1834 гг., небольшую площадь. Въ 1839 г. весьма скудный урожай былъ въ губерніяхъ Воронежской, Екатеринославской, Енисейской, Калужской, Кіевской, Костромской, Московской, Оренбургской, Подольской, Тверской, Харьковской, Черниговской, Рязанской, Тамбовской, Тульской, Херсонской, Полтавской. Въ 1840 г. неурожай особенно сильно поразилъ губерніи Калужскую, Тамбовскую, Рязанскую и въ особенности Тульскую [2]). Эта мѣстность была «житницею», откуда хлѣбъ поставлялся въ другія губерніи, а потому неурожай въ этихъ губерніяхъ тяжело отражался на продовольствіи населенія другихъ губерній, гдѣ принуждены были покупать хлѣбъ. Несмотря на сравнительно меньшій неурожай 1839 — 40 гг., сравнительно съ 1833 — 34 гг., онъ очень тяжело отозвался на помѣщичьихъ крестьянахъ. Нельзя забывать, что населеніе не успѣло еще оправиться послѣ неурожая 1833 — 1834 гг., тѣмъ болѣе, что въ промежуточные годы въ губерніяхъ, особенно сильно пострадавшихъ въ 1839 — 1840 гг., цѣны на хлѣбъ были очень низки, а потому населеніе и при урожаѣ терпѣло значительные убытки. Помѣщики не успѣли еще расплатиться съ долгами, сдѣланными во время продовольственной кампаніи 1833 — 1834 гг., какъ нужно было напрягать всѣ силы для прокормленія крѣпостныхъ крестьянъ въ 1839 — 1840 гг. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ продовольственная нужда населенія была громадна. Именно къ этимъ годамъ относятся тѣ ужасныя картины голоданія крѣпостныхъ

---

[1]) Кн. Щербатовъ. «Кн. Паскевичъ-Эриванскій», т. IV, стр. 439, а также «Имп. Николай I въ его письмахъ къ кн. Паскевичу», «Р. Архивъ», 1897 г кн. I, стр. 28.

[2]) *Варадиновъ.* «Исторія М. Вн. Дѣлъ», т. III, стр. 440, 523.

крестьянъ, которыя привелъ Забл.-Десятовскій въ своей извѣстной запискѣ 1841 года. На этой-то почвѣ и вспыхивали волненія крестьянъ въ 1839, 1840 и 1841 гг.

Въ 1839 г. извѣстны волненія въ четырехъ имѣніяхъ: въ имѣніи Искрицкаго Суражскаго уѣзда, Черниговской губ., въ имѣніи Козлова Подольскаго уѣзда, Московской губ., среди крестьянъ помѣщицы Кубитовичъ Мосальскаго уѣзда и помѣщицы Пауль Козельскаго уѣзда, Калужской губ.

Наиболѣе типичнымъ для продовольственныхъ волненій въ помѣщичьихъ имѣніяхъ было волненіе крестьянъ въ имѣніи В. А. Пауль [1]) Козельскаго уѣзда, Калужской губ. Продовольственныя затрудненія въ с. Леоновѣ и дер. Громоздовой, принадлежащихъ помѣщицѣ В. А. Пауль, связаны не только съ неурожайными 1839 и 1840 гг.; они существовали въ этомъ имѣніи уже давно, изъ года въ годъ, обусловленные, повидимому, малоземельемъ, безпорядочною барщиною и вообще безтолковымъ управленіемъ помѣщицы; посторонніе же заработки были незначительны и не могли обезпечивать существованія крестьянъ. До 1834 г. они принадлежали помѣщику, камергеру Петру Базилевскому. По словамъ Пауль, пріобрѣвшей это имѣніе отъ Базилевскаго въ 1834 г., крестьяне найдены были ею въ самомъ плачевномъ положеніи. На 118 тяглъ было только 45 лошадей; рогатаго скота совершенно не имѣлось. Они терпѣли сильную нужду въ продовольствіи, питались подаяніемъ, распродавали послѣдній скотъ и забросили полевыя работы. Яровыя и озимыя поля, конопляники найдены были помѣщицею Пауль въ значительной степени невоздѣланными. Конечно, эти явленія помѣщица объясняла лѣностью и дурными привычками крестьянъ. Но для Пауль выгодно было представить положеніе крестьянъ у Базилевскаго въ худшемъ видѣ, чтобы доказать, что крестьяне разорились не отъ ея управленія, а, напротивъ, ихъ экономическое положеніе у нея значительно улучшилось. Она указывала, что неповиновеніе крестьянъ въ 1839 г. было обычнымъ явленіемъ въ этихъ селеніяхъ еще до нея. По ея словамъ, пріѣхавъ въ имѣніе послѣ покупки, она узнала, что, по просьбѣ Базилевскаго, туда прибылъ членъ уѣзднаго суда для приведенія крестьянъ въ повиновеніе. Пріобрѣтя имѣніе, Пауль тотчасъ должна была дѣлать крупныя затраты для того, чтобы хоть немного поднять крестьянское хозяйство и сдѣлать крестьянъ полезными работниками для себя. По ея словамъ, она прирѣзала къ каждому крестьянскому клину по 30 дес. земли, прекратила взысканіе оброка въ 2500 рублей, дала крестьянамъ 105 лошадей, 50 штукъ крупнаго скота и до 200 штукъ мелкаго, наконецъ, помогала имъ при обсѣмененіи полей. Однако, судя по тому состоянію, въ которомъ застали крестьянъ неоднократныя

---

[1]) Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1839 г., № 254.

разслѣдованія 1839 и 1840 гг., помощь помѣщицы была очень недостаточной, и экономическое положеніе крестьянъ оставалось крайне печальнымъ.

Въ селѣ Леоновѣ и деревнѣ Громоздовой было всего 227 м. п. душъ, которые числились въ 118 тяглахъ. Крестьяне эти занимались земледѣліемъ и выдѣлкою клещей для хомутовъ, какъ подсобнымъ промысломъ. Въ прошеніи, поданномъ губернатору въ 1839 г., крестьяне, жалуясь на бѣдность, объясняли ее крайнею недостаточностью земельныхъ надѣловъ. По словамъ самой Пауль, она даже прирѣзала крестьянамъ земли, но зато она отняла отъ крестьянъ большую часть конопляниковъ подъ посѣвъ табака. По словамъ вице-губернатора, «крестьяне, лишенные возможности снять такое же количество, какъ и прежде, коноплей и видя, что американскій табакъ, какъ растеніе, несвойственное климату Калужской губ., растетъ дурно, съ неудовольствіемъ смотрѣли на это нововведеніе». Существовавшая въ имѣніи барщина мѣшала крестьянамъ обработать даже то количество земли, какое имѣлось у нихъ. Самая господская запашка не была велика, занимая лишь 100 десятинъ, т.-е. менѣе 1 десятины на тягло, при 60 десятинахъ луга. По разслѣдованію временнаго отдѣленія земскаго суда въ 1839 г., «бѣдность крестьянъ проистекала отъ безпорядочнаго распоряженія сельскими работами. Г. Пауль, обращая хозяйственное вниманіе на обработку господской земли, въ весеннее и лѣтнее время употребляетъ крестьянъ на барщину поголовно, не давая имъ дней для себя, лишивъ ихъ тѣмъ возможности своевременно заняться обработкою своихъ участковъ земли и уборкою съ оныхъ хлѣба». Крестьяне еще весною 1840 г. жаловались, что ежедневныя господскія работы разорили ихъ. Правда, староста показывалъ лѣтомъ 1840 г., что крестьяне работаютъ братъ на брата [1]), но то былъ, вѣроятно, результатъ стремленія помѣщика упорядочить барщинныя работы послѣ того, какъ были раскрыты его злоупотребленія поголовной барщиной. Безпорядочное распредѣленіе господскихъ работъ мѣшало и стороннимъ заработкамъ крестьянъ. По тому же разслѣдованію временнаго отдѣленія, г-нъ Пауль, которому помѣщица вполнѣ довѣрила управленіе имѣніемъ, «въ удобное время никого не отпускалъ для заработковъ на сторону». Крестьяне, правда, имѣли подсобный промыселъ: они выдѣлывали клещи для хомутовъ. Но, по словамъ крестьянъ, этотъ промыселъ давалъ имъ ничтожный заработокъ. Въ 1839 г., напримѣръ, они вырабатывали въ недѣлю 1 руб. 50 коп. асс., «чего для пропитанія семействъ... по дороговизнѣ хлѣба безъ особаго пособія весьма недостаточно». Скотоводство крестьянъ было въ крайне плачевномъ

---

[1]) Система барщины, при которой господскія работы производились ежедневно половиннымъ количествомъ тягольныхъ работниковъ въ имѣніи.

состояніи, такъ что оно также не могло стать источникомъ ихъ существованія. Пауль, по словамъ мѣстнаго земскаго исправника, управлялъ имѣніемъ, какъ «арендаторъ», а не такъ какъ «всѣ русскіе дворяне». Губернаторъ называлъ его управленіе «непорядочнымъ». Въ вину Паулю ставилось, что управленіе имѣніемъ онъ довѣрялъ такимъ лицамъ, какъ солдатъ, дворовый человѣкъ, староста и десятскій; эти лица имѣли право распоряжаться крестьянами и наказывать ихъ по своему произволу; крестьяне никогда не могли быть увѣрены въ своей судьбѣ, такъ какъ Пауль слушалъ и вѣрилъ навѣтамъ каждаго изъ своихъ подданныхъ. Особеннымъ довѣріемъ и властью пользовалась у него дворня. Этотъ фактъ слѣдуетъ отмѣтить, ибо неувѣренность помѣщиковъ въ личной безопасности среди враждебнаго имъ крѣпостного населенія, иногда диктовала имъ стремленіе образовать изъ дворни нѣчто въ родѣ опричины, служащей для ихъ личной охраны. Чтобы привязать дворню къ себѣ, такіе помѣщики склонны были смотрѣть сквозь пальцы на злоупотребленія дворовыхъ по отношенію къ крестьянамъ, основательно полагая, что отъ приложенія принципа divide et impera выиграетъ онъ одинъ. Лихвинскій городничій Лисенко, которому было поручено лѣтомъ 1840 г. установленіе порядка въ имѣніи Пауль, указалъ, что дворовые въ этомъ имѣніи «распоряжаются каждый по произволу своему и имѣютъ право, не докладывая господину, освобождать отъ работъ крестьянъ, но болѣе того ихъ наказывать, не давая въ томъ никому отчета, и крестьяне до такой степени напуганы, что при видѣ двороваго человѣка прячутся въ коноплю и кропиву». Дворовые позволяли себѣ даже охотиться съ ружьемъ за домашней крестьянской птицей.

Можно себѣ легко представить, какъ тяжело долженъ былъ отразиться неурожай 1839 — 40 гг. на крестьянахъ Пауль. И безъ того существующіе только при поддержкѣ помѣщицы крестьяне с. Леонова и дер. Громоздовой должны были окончательно разориться. На ихъ бѣду неурожай въ этомъ имѣніи послѣдовательно повторялся въ 1839 г. и въ 1840 гг. Уже въ 1839 г. крестьяне заявляли, что терпятъ крайній недостатокъ въ продовольствіи, что лично подтвердилъ и губернскій предводитель дворянства. По изслѣдованію, произведенному временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда въ ноябрѣ или декабрѣ 1839 г., положеніе крестьянъ въ это время было крайне тяжелымъ [1]).

---

[1]) «При осмотрѣ временнымъ отдѣленіемъ крестьянскихъ дворовъ, ихъ амбаровъ и сараевъ, при понятыхъ стороннихъ людяхъ, кромѣ 4-хъ дворовъ, нигдѣ запаснаго хлѣба не оказалось, и хотя найденъ хлѣбъ въ скудномъ количествѣ у нѣкоторыхъ печеный изъ покупной муки на выработанныя деньги, но и тотъ смѣшанный съ конопляными выжимками, а у другихъ оказался хлѣбъ въ маленькихъ кускахъ, полученный отъ подаянія черезъ испрашиваніе милостыни. Во всѣхъ вообще домахъ, кромѣ 4-хъ, замѣтна со-

Несмотря на крайнюю нужду, до ноября 1839 г. въ имѣніи все было спокойно. Къ ноябрю терпѣніе крестьянъ истощилось. Не получая отъ помѣщицы продовольствія, они отказались повиноваться, пока имъ не будетъ оказана денежная помощь. Часть крестьянъ отправилась въ Калугу къ самому губернатору. Послѣдній, выслушавъ ихъ, счелъ должнымъ прочесть имъ лекцію о незаконности отлучки изъ имѣнія безъ разрѣшенія помѣщицы и отправилъ ихъ обратно въ имѣніе въ сопровожденіи полицейскаго чиновника со строгимъ подтвержденіемъ мѣстной полиціи добиться безусловнаго повиновенія крестьянъ. Однако въ то же время онъ негласно потребовалъ отъ помѣщицы обезпечить продовольствіе крестьянъ подъ угрозою опеки; въ случаѣ отказа помѣщицы земская полиція должна была принять самостоятельныя мѣры къ продовольствію крестьянъ. Помѣщица не выказала усердія въ исполненіи требованія администраціи. У нея даже не оказалось хлѣба для раздачи крестьянамъ, и земскій исправникъ принужденъ былъ раздать хлѣбъ изъ запаснаго магазина по мѣркѣ на душу, а всего 50 чет. ржи. Части крестьянъ, 93 человѣкамъ, было предписано итти на сторонніе заработки, а часть должна была остаться въ имѣніи для исполненія господскихъ работъ. Помѣщица согласилась лишь выдавать крестьянамъ, работающимъ на барщинѣ, по 2 фунта печенаго хлѣба на человѣка въ день, и предложила крестьянамъ заработокъ у себѣ въ имѣніи, а именно, рубку дровъ съ платою за каждую сажень по 1 рублю и по 7 р. за вывозку ея въ с. Бѣлевъ за 15 верстъ отъ с. Леонова. Но всѣ эти мѣры очень мало устраивали крестьянъ. Помѣщичьяго пайка въ 2 фунта только на занятыхъ барщиною было, конечно, недостаточно для прокормленія ихъ семействъ. Проработавши на барщинѣ при такомъ условіи нѣкоторое время, крестьяне отказались отъ нея изъ-за недостатка хлѣба. Плата за рубку и возку дровъ не окупала даже ихъ расходовъ по этой работѣ; на каждой сажени привезенныхъ въ Бѣлевъ дровъ крестьянамъ пришлось бы терять 3 рубля. Съ большою неохотою уходили крестьяне и на сторону, жалуясь, что по наступившему зимнему времени имъ трудно найти заработокъ. Пришлось арестовать 9 человѣкъ болѣе непокорныхъ, сдѣлать новыя внушенія, чтобы назначенные на сторонніе заработки двинулись изъ имѣнія. Но, въ концѣ-концовъ, земскій судъ предоставилъ имъ право оставаться въ имѣніи и заниматься выдѣлкою клещей, если бы они нашли это болѣе выгоднымъ для себя. Положеніе крестьянъ было тѣмъ труднѣе, что, по увѣренію ихъ, и этотъ заработокъ

вершенная нищета, недостатки въ необходимой для зимняго времени одеждѣ, рогатаго и мелкаго скота большая часть домохозяевъ совершенно не имѣетъ, на каждое тягло не болѣе какъ по одной только лошади; 2 семейства съ малолѣтними находятся въ болѣзненномъ состояніи безъ всякаго пособія и средствъ къ пропитанію».

по своему размѣру не могъ обезпечить ихъ продовольствія, почему сторонняя помощь имъ была необходима. Тѣмъ не менѣе, постепенно порядокъ въ имѣніи наладился, конечно, не безъ примѣненія розогъ земской полиціей. Часть крестьянъ разошлась на сторонніе заработки, часть кое-какъ перебивалась у себя въ имѣніи; помѣщица съ своей стороны увеличила размѣръ продовольственной помощи барщинникамъ до 3-хъ фунтовъ въ день на человѣка, выдавая также овесъ для лошадей. Въ имѣніи все-таки полнаго спокойствія не было; помѣщикъ чувствовалъ себѣ неспокойно среди враждебно настроенныхъ крестьянъ и постоянно тревожилъ власти жалобами на ихъ неповиновеніе. По словамъ помѣщицы, неповиновеніе и вражда крестьянъ дошли до такихъ размѣровъ, что лѣтомъ въ 1840 г. она, опасаясь за личную безопасность, принуждена была выѣхать съ дѣтьми изъ имѣнія. Хотя часть жалобъ Пауль была признана мѣстными властями совершенно неосновательными, среди крестьянъ, несомнѣнно, шло броженіе. Зимою 1839—40 гг. они подали губернатору прошеніе, гдѣ ходатайствовали о взятіи имѣнія въ казенное вѣдомство на основаніи «крайняго недостатка въ поземельныхъ владѣніяхъ и отъ того претерпѣваемой бѣдности». Оно осталось безъ движенія. Въ ту же зиму, по словамъ Пауль, крестьяне послали двухъ ходоковъ въ Петербургъ для подачи просьбы [1]).

Весною 1840 г. между помѣщикомъ и крестьянами произошло столкновеніе. Въ виду жалобъ крестьянъ на непродовольствіе, губернаторъ поручилъ уѣздному предводителю повліять на помѣщицу и заставить ее помочь крестьянамъ. Сначала помѣщица запротестовала, считая достаточнымъ тѣхъ 3 фунтовъ печенаго хлѣба, которые она выдавала работающимъ на барщинѣ, но затѣмъ, уступая доводамъ предводителя, согласилась выдавать крестьянамъ на каждую м. и ж. пола душу по 1 пуду муки въ мѣсяцъ для прокормленія и отдать для обсѣмененія яровыхъ полей овесъ и коноплю, отобранные отъ крестьянъ еще осенью 1839 г. Условіемъ такой помощи помѣщица ставила прекращеніе жалобъ на нее. Крестьяне наотрѣзъ отказались прекратить жалобы и просить прощенія. Уговоры и порка 8 крестьянъ не произвели впечатлѣнія; приставъ, арестовавъ 14 человѣкъ, отправилъ ихъ въ Козельскъ, а остальныхъ отпустилъ по домамъ, учредивъ особый присмотръ за ними. Небольшое замѣшательство было въ имѣніи и лѣтомъ 1840 года. Крестьяне отказались принимать хлѣбъ, раздававшійся въ то время помѣщицей, предпочитая снимать свою недозрѣлую рожь и питаться ею. Крестьяне мотивировали свой отказъ тѣмъ, что помѣщица обвѣшивала ихъ, выдавая меньшее количество противъ обѣщан-

---

[1]) Крестьяне подали 2 всеподданнѣйшихъ прошенія, гдѣ жаловались на притѣсненія помѣщика и просили о продовольствіи.

наго. Помѣщица запротестовала противъ ранней жатвы, опасаясь за обсѣмененіе озимыхъ полей. По распоряженію администраціи снятіе кормовой ржи было пріостановлено, чему крестьяне подчинились.

Въ общемъ крестьяне очень мирно переносили тяжелую продовольственную нужду, о чемъ свидѣтельствовали всѣ чиновники, которымъ приходилось бывать въ имѣніи. Постоянныя жалобы помѣщицы то на неповиновеніе, то на буйство оказывались большею частью ложными.

Приведя факты, рисующіе экономическое положеніе крестьянъ Пауля и ихъ поведеніе въ неурожайное время, губернаторъ говорилъ въ своемъ донесеніи отъ 7 сентября 1840 г.: «все сіе въ совокупности показываетъ, что крестьяне г-жи Пауль не бунтуютъ, какъ она старается доказать во всѣхъ своихъ бумагахъ, но, будучи выведены изъ терпѣнія непорядочнымъ управленіемъ мужа помѣщицы, болѣе достойны состраданія, нежели преслѣдованія. Я убѣжденъ въ этомъ кромѣ донесенія мѣстной полиціи чрезъ личныя объясненія въ бытность мою въ Козельскѣ съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и нѣкоторыми дворянами». Онъ не находилъ нужнымъ принимать особыхъ мѣръ противъ крестьянъ Пауль, «ибо они покорны волѣ владѣлицы и исполняютъ приказанія управляющаго ея безпрекословно».

Всѣ чиновники сходились на признаніи тяжелой продовольственной нужды въ имѣніи, недостаточной помощи помѣщицы и безпорядочнаго управленія имѣніемъ.

Весною 1840 г., какъ указывалось, уѣздный предводитель дворянства настоялъ, чтобы помѣщица съ 1-го іюня выдавала на каждую душу мужского и женскаго пола по 1 пуду муки въ мѣсяцъ; въ виду недостатка ржи было разрѣшено выдавать муку изъ 3 частей овсяной и 1 части ржаной. Однако оказалось, что помѣщица не въ состояніи оказать такой помощи. Даже печеный хлѣбъ, который выдавался крестьянамъ на барщинѣ, пекся изъ крестьянскаго овса и конопли, отобранныхъ отъ крестьянъ осенью 1839 г., якобы для обезпеченія посѣва ярового хлѣба. Предводитель распорядился тогда раздать крестьянамъ отобранное отъ нихъ, а помѣщицѣ было выдано пособіе изъ губернскаго продовольственнаго капитала въ размѣрѣ 10 р. асс. на душу, т.-е. 648 р. на покупку ржи. Однако и послѣ того продовольствіе крестьянъ не было обезпечено. Изъ хлѣба, купленнаго на выданное пособіе, помѣщикъ выдавалъ нуждающимся крестьянамъ «съ обвѣсомъ и угрозами» по 13 фунт. на 10 дней, что не удовлетворяло крестьянъ, требовавшихъ добросовѣстной выдачи по пуду въ мѣсяцъ на каждую душу муж. и жен. пола, какъ было обѣщано, или же вовсе отказывавшихся отъ помощи. Пособіе скоро истощилось, а другихъ средствъ у помѣщика не было; ассигно-

ванные помѣщицѣ на покупку муки двѣ или три тысячи рублей, по ея увѣренію, были потеряны приказчикомъ, чему, впрочемъ, мѣстныя власти не вѣрили. Изъ крайней нужды крестьяне начали жать рожь въ половинѣ іюля и даже продавать ее. Какъ указывалось, по просьбѣ помѣщицы это было немедленно запрещено. По словамъ Лисенко, въ крестьянскомъ быту замѣчалась чрезвычайная бѣдность; не говоря уже о коровахъ и овцахъ, въ рѣдкомъ домѣ имѣлась курица. Въ скотѣ чувствовался крайній недостатокъ. Часть крестьянскихъ яровыхъ полей осталась незасѣянной за недостаткомъ сѣмянъ. Полевыя работы производились съ трудомъ, ибо не хватало лошадей; просьба же крестьянъ дать имъ лошадей для обработки полей не была удовлетворена. Къ довершенію безвыходнаго положенія крестьянъ, помѣщикъ, борясь съ воображаемыми имъ бунтами, отослалъ на шоссейныя работы въ Малоярославецъ 40 лучшихъ работниковъ, большею частью домохозяевъ, считая ихъ главными бунтовщиками. При наличности въ имѣніи лишь 100 тяглъ, такая убыль рабочихъ силъ была крайне тяжела для крестьянъ. Изъ оставшихся дома, по указанію Лисенко, «едва ли окажется 30 исправныхъ работниковъ».

Въ 1840 г. неурожай въ имѣніи былъ еще сильнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году. Рожь не родилась и самъ-другъ; послѣ посѣва продовольствія не могло хватить даже на 1 мѣсяцъ. Ярового было мало, такъ какъ его и посѣяно было недостаточное количество. Дождливая погода помѣшала уборкѣ какъ крестьянскаго, такъ и господскаго сѣна. Правда, у помѣщика сборъ хлѣбовъ былъ довольно удовлетворителенъ. Для крестьянъ, впрочемъ, благополучіе помѣщика значило мало. Пауль не только не принимала никакихъ мѣръ для организаціи ихъ продовольствія въ надвигавшемся голодномъ году, но начала даже продавать свой хлѣбъ. Губернаторъ запретилъ вывозъ господскаго хлѣба изъ имѣнія. Кромѣ того, онъ возбудилъ вопросъ о взятіи имѣнія Пауль въ опеку. Министръ внутреннихъ дѣлъ согласился съ мнѣніемъ губернатора, и Калужское Губернское Дворянское Собраніе, къ началу 1841 г., сдѣлало соотвѣтствующее постановленіе.

Въ апрѣлѣ 1841 г. сенатъ утвердилъ постановленіе Дворянскаго Собранія, и такимъ образомъ крестьяне получили относительную свободу. Опекунамъ, занятымъ хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ, трудно было постоянно вмѣшиваться во внутреннюю жизнь крестьянъ, и послѣдніе были въ значительной степени предоставлены самимъ себѣ. Хозяйственное управленіе было поручено двумъ крестьянамъ, опекуны ограничивались лишь письменными приказами. Нельзя сказать, чтобы такая самостоятельность нанесла вредъ крестьянамъ. При сдачѣ имѣнія въ опеку по описи у крестьянъ было 64 лошади, разнаго крупнаго и мелкаго скота 123 штуки, птицъ — 122 штуки. Въ 1847 же году, когда имѣніе было возвращено Паулю,

у крестьянъ уже была 151 лошадь, 561 штука крупнаго и мелкаго рогатаго скота и 521 штука птицы. Не такъ выгодна была опека для помѣщика. Во многихъ отношеніяхъ доходность имѣнія понизилась, что вполнѣ понятно, разъ крестьяне не находились подъ прессомъ карательной руки помѣщика. Это разореніе имѣнія дало поводъ помѣщику вновь засыпать различныя учрежденія жалобами на опекунское управленіе.

Взятіемъ имѣнія въ опеку не закончились злоключенія крестьянъ Пауль. Осенью 1841 года Николай I повелѣлъ «послать надежнаго штабъ-офицера дѣло сіе подробно разслѣдовать и донести» лично ему. Результатомъ этого разслѣдованія было преданіе самого Пауль [1]) военному суду въ ноябрѣ 1841 года. Военный судъ, тянувшійся до 1846 года, оправдалъ Пауля, и по его постановленію крестьяне, въ свою очередь, были преданы военному суду за неповиновеніе; въ 1848 году состоялся приговоръ, которымъ крестьяне были вполнѣ оправданы.

Кромѣ волненія крестьянъ Пауль, въ Калужской губерніи въ 1840 году извѣстно еще одно волненіе, распространившееся на многія имѣнія Жиздринскаго и Мосальскаго уѣздовъ. Исходнымъ пунктомъ его послужили событія въ имѣніи помѣщицы Засѣцкой [2]) Мосальскаго уѣзда. Это волненіе, возникшее, главнымъ образомъ, на почвѣ слуховъ о вызовѣ правительствомъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Бессарабію, находилось въ непосредственной связи съ неурожаемъ 1839 и 1840 гг. Хотя нѣтъ указаній на какія-либо особыя продовольственныя затрудненія въ указанныхъ уѣздахъ, тѣмъ не менѣе, крестьяне живо чувствовали на себѣ вліяніе неурожайнаго года. По словамъ жандармскаго полковника Ахвердова, крестьяне Жиздринскаго и Мосальскаго уѣздовъ, Калужской губерніи, добывали себѣ средства къ существованію въ значительной степени посторонними заработками по городамъ. Въ 1839 г. эти заработки такъ сократились, что имъ пришлось остаться дома. Въ результатѣ они проѣдали послѣднія крохи безъ всякихъ надеждъ впереди, ибо всходы весною 1840 года не обѣщали ничего хорошаго. Крѣпостная масса, тяготившаяся всегда крѣпостнымъ игомъ, усиленно жаждала выхода изъ своего положенія, жадно восприняла распространившіеся весною 1840 г. слухи о томъ, что правительство особымъ указомъ приглашаетъ желающихъ переселиться въ Бессарабію, даруя имъ свободу отъ крѣпостного состоянія. Говорили, что шедшимъ добровольно будетъ выдана награда, будутъ даны разныя льготы и денежныя пособія, несогласныхъ же

---

[1]) В. А. Пауль въ то время уже умерла, и имѣніе перешло во владѣніе ея мужа.

[2]) Ц. Архивъ М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1840 г., № 231; «Матеріалы для исторіи крѣп. права», стр. 46; Забл.-Десятовскій. «Гр. Киселевъ и его время», т. IV, стр. 324, 326 — 327.

переселяться повезутъ насильно. Указъ объ этомъ вышелъ якобы уже 2 года тому назадъ, т.-е. въ 1838 г., но священники его утаивали. Распространеніе этихъ слуховъ началось приблизительно въ апрѣлѣ со времени возвращенія изъ бѣговъ крестьянина помѣщицы Засѣцкой, Данилы Герасимова. Очень вѣроятно, что, побывавъ на югѣ въ новороссійскихъ степяхъ, онъ принялъ за правительственный указъ воззваніе одной изъ новороссійскихъ помѣщицъ, приглашавшей селиться на ея свободныхъ земляхъ съ обѣщаніемъ различныхъ льготъ. Забл.-Десятовскій, по крайней мѣрѣ, говоритъ, что подобное воззваніе было, дѣйствительно, обнаружено въ Калужской губерніи при волненіи крестьянъ Засѣцкой, и оно-то, по его словамъ, и сыграло роль въ событіи 9 мая въ селѣ Сильковичахъ. Еще задолго до 9 мая среди помѣщичьихъ крестьянъ той мѣстности ходилъ слухъ, что въ этотъ день, когда въ селѣ Сильковичахъ бывала большая ярмарка и въ немъ сходились крестьяне изъ окружающихъ имѣній, кто-то будетъ объявлять указъ о вызовѣ переселенцевъ въ Бессарабію. Дѣйствительно, въ этотъ день, послѣ обѣдни, когда большинство собравшихся крестьянъ было уже пьяно, дворовый человѣкъ помѣщика Нарышкина, Ив. Барышевъ, одѣтый въ казакинъ, обшитый мишурными галунами, началъ разсказывать, что послѣдовалъ указъ, которымъ призываютъ помѣщичьихъ крестьянъ къ переселенію въ Кишиневъ со свободою изъ помѣщичьяго владѣнія, что онъ присланъ оттуда по волѣ правительства для приглашенія. Въ нѣсколько минутъ толпа, окружавшая его, сдѣлалась многочисленной; дабы слова его были болѣе слышны, поставили его на возвышеніе и онъ, «держа въ рукахъ бумагу, провозглашалъ свободу и призваніе къ переселенію». Приставъ Горцевичъ арестовалъ Барышева и увелъ въ вотчинную контору. Толпа бросилась къ конторѣ, избила дополусмерти пристава, разграбила контору, взявъ деньги и вещи, а самого Барышева, освободивъ, съ торжествомъ посадила на стулъ и понесла по улицѣ. На радостяхъ было, конечно, немало выпито. Попировавъ, крестьяне мирно разошлись по домамъ, не замѣтивъ даже, что бурмистръ завелъ Барышева въ свою квартиру. Напоивъ его до безчувствія, бурмистръ вывезъ Барышева изъ села тайкомъ и представилъ начальству. Горцевича также спасли, хотя и въ истерзанномъ видѣ. Власти реагировали на это событіе цѣлымъ градомъ репрессій. Николай I повелѣлъ предать Барышева военному суду, заранѣе назначивъ для него ссылку въ крѣпостные арестанты въ Бобруйскъ. Къ дѣлу было привлечено много народу. По 27 мая было арестовано 168 чел. изъ крѣпостныхъ разныхъ помѣщиковъ. Однихъ арестовывали, другихъ выпускали. Аресты сильно устрашили крестьянъ. Для караула при арестованныхъ была выслана инвалидная команда изъ 20 человѣкъ и 15 егерей, кромѣ 50 невооруженныхъ безсрочно отпускныхъ. Были командированы особые чиновники для разъясненія ложности

слуховъ; губернаторъ, лично выѣхавшій въ Сильковичи, также внушалъ крестьянамъ не вѣрить имъ; должны были разослать даже печатныя объявленія съ опровერженіемъ слуховъ. Для задержки бѣглецовъ разставлены были всюду кордоны.

Всѣ эти мѣры подѣйствовали, и уже 31 мая губернаторъ могъ сообщить, что слухи о вызовѣ въ Бессарабію ослабѣваютъ.

Движеніе, охватившее не одно, а нѣсколько имѣній, произошло въ 1840 г. также въ Моршанскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи. Волненіе, возникшее здѣсь въ имѣніи кн. Голицына [1]), въ селѣ Сосновкѣ, на почвѣ недовольства продовольственной помощью помѣщика, перекинулось въ другія крѣпостныя имѣнія, забросивъ зерно броженія даже въ среду казенныхъ крестьянъ. Правда, происходившіе при этомъ безпорядки были быстро прекращены. Но на фонѣ терпѣливаго голоданія крѣпостной массы это движеніе выдѣляется, какъ признакъ общности настроенія крѣпостныхъ крестьянъ, готовыхъ къ протесту противъ размѣровъ и формы оказываемой имъ продовольственной помощи.

Продовольственная нужда въ 1839 — 1840 гг. въ Тамбовской губерніи была очень значительна. Изъ имѣній неслись жалобы крестьянъ, что помѣщики не снабжаютъ ихъ хлѣбомъ. Тамбовскій губернаторъ Корниловъ перечисляетъ 8 такихъ имѣній, при чемъ говоритъ лишь объ одномъ случаѣ, когда жалоба не подтвердилась. Это броженіе среди крестьянъ осложнялось слухами о дарованіи воли крѣпостнымъ тѣхъ помѣщиковъ, которые не дадутъ требуемаго крестьянами количества хлѣба. Правда, пособія, назначенныя правительствомъ тамбовскимъ помѣщикамъ, а также надежды, возлагаемыя на хорошій ростъ яровыхъ и травъ, нѣсколько успокаивали населеніе, но все же весною 1840 г. были неоднократные случаи неповиновеній, крестьянскихъ жалобъ и требованій, предъявляемыхъ къ помѣщикамъ. Такъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, командированный въ Тамбовскую губ., кн. Долгоруковъ, упоминаетъ о волненіи въ одномъ Данковскомъ имѣніи. Крестьяне разбили амбаръ, выбрали хлѣбъ и самовольно смѣнили сельскихъ начальниковъ. Въ Моршанскомъ уѣздѣ примѣръ волненія подали крестьяне кн. Голицына въ селѣ Сосновкѣ, гдѣ было 1330 душъ. Въ Сосновкѣ крестьяне были довольно состоятельны; нѣкоторые изъ нихъ занимались извозомъ, имѣя 4 — 5 лошадей. Въ неурожайный 1839 годъ помѣщикъ оказывалъ помощь крестьянамъ, хотя и не въ томъ размѣрѣ, какъ это дѣлалось казеннымъ крестьянамъ [2]). Управляющій выдавалъ на каждую душу мужского

---

[1]) Ц. Архивъ М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1840 г., № 232; «Матеріалы для ист. крѣп. права», стр. 45, 46.

[2]) Предписаніемъ министерства Государственныхъ имуществъ отъ 25 января 1840 г. и министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 20 и 22 мая положено было выдавать нуждающимся крестьянамъ казеннаго вѣдомства, мѣщанамъ и отставнымъ солдатамъ по 30 фунтовъ хлѣба или по 5 гарнцевъ ржи на душу.

и женскаго пола по 4 гарнца ржи, 1 четверику овса и 1 четверику мякины. Скотъ былъ также на господскомъ кормѣ, за исключеніемъ занятаго извозомъ. Выдача эта производилась съ октября 1839 г., но въ апрѣлѣ 1840 г. пріостановилась изъ-за оскудѣнія господскаго запаса. Въ маѣ крестьянамъ стали попрежнему выдавать хлѣбъ, но крестьяне сочли себя обиженными за то, что имъ не возмѣстили пропускъ выдачи за апрѣль. 6 мая крестьяне потребовали прибавки хлѣба; получивъ отказъ, они бросили господскія работы, а затѣмъ въ количествѣ 100 человѣкъ ушли въ Моршанскъ жаловаться на управляющаго за его отказъ въ продовольствіи. Крестьяне жаловались, что выдаваемаго пайка имъ не хватаетъ на мѣсяцъ и просили выдавать въ томъ же размѣрѣ, какъ выдаютъ солдатамъ. Прибывшая въ имѣніе земская полиція арестовала было нѣкоторыхъ крестьянъ, но крестьяне отбили ихъ. Въ имѣніе была направлена военная команда и выѣхалъ исполняющій должность губернатора, генералъ Лешернъ. Онъ призналъ жалобы крестьянъ основательными и приказалъ выдавать на каждую наличную душу муж. и жен. пола всѣхъ возрастовъ по 1 четверику ржи въ мѣсяцъ; арестованные до того крестьяне были имъ освобождены согласно требованію толпы. Все воздѣйствіе на крестьянъ ограничилось поркою нѣсколькихъ изъ нихъ, особенно рѣзко настаивавшихъ на выдачѣ имъ солдатскаго пайка. Сдѣланныя уступки успокоили крестьянъ, и порядокъ въ Сосновкѣ возстановился.

«Сосновская дача», установленная генераломъ Лешерномъ, сдѣлалась быстро извѣстной во всемъ Моршанскомъ уѣздѣ. Своимъ размѣромъ она превышала паекъ, установленный правительствомъ для казенныхъ крестьянъ, и, конечно, его не достигала продовольственная помощь, оказываемая помѣщиками своимъ крестьянамъ Среди крестьянъ началось броженіе. Не только помѣщичьи, но и казенные крестьяне, стали требовать «сосновской дачи». Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики не увеличили пайка до ея размѣра, произошли безпорядки, и крестьяне отказывались итти на работы. Губернаторъ Корниловъ лично посѣтилъ нѣкоторыя имѣнія, внушая крестьянамъ повиновеніе помѣщикамъ и необходимость довольствоваться тою помощью, которая имъ оказывалась. На ряду съ этимъ были приняты, конечно, «рѣшительныя мѣры», и безпорядки быстро прекратились. Корниловъ отмѣнилъ распоряженіе Лешерна и разрѣшилъ управляющему села Сосновки, согласно съ его просьбою, выдавать крестьянамъ вмѣсто ржи соразмѣрное количество ярового хлѣба. Мотивы такого рѣшенія были вынуждены отчасти необходимостью. Предыдущіе 3-лѣтніе неурожаи истощили запасы помѣщичьяго хлѣба и оставшійся озимый хлѣбъ необходимо было сберечь для обсѣмененія озимыхъ крестьянскихъ и господскихъ полей. Корниловъ указывалъ, что въ виду этого невозможно было

заставлять помѣщиковъ выдавать крестьянамъ зерновую рожь, ибо сохраненіе запасовъ зерноваго хлѣба для посѣва должно было составлять главную заботу правительства.

Въ 1840 г. гр. Строгановъ, управлявшій въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, секретно далъ инструкцію тамбовскому губернатору Корнилову въ случаѣ подобныхъ безпорядковъ (т.-е. волненій на продовольственной почвѣ), «употреблять преимущественно полицейскія исправительныя мѣры, кромѣ, однакоже, главныхъ зачинщиковъ неповиновенія», если только безпорядки не будутъ связаны съ другими важнѣйшими преступленіями. Привлекать къ суду многихъ крестьянъ опасались, «дабы не подвергать имѣніе еще большему разоренію излишнимъ въ настоящее рабочее время отвлеченіемъ крестьянъ отъ ихъ занятій». При помощи розогъ съ крестьянами расправлялись быстро, не отвлекая ихъ отъ работъ. Наѣздъ же слѣдственной комиссіи, земскаго суда и различныхъ чиновниковъ, допросы крестьянъ, аресты виновныхъ, а въ случаѣ преданія крестьянъ военному суду постой военной команды, не только отвлекали рабочія силы отъ господскихъ и крестьянскихъ работъ, но и разоряли имѣнія. Такимъ образомъ экономическія соображенія научили правительство воздѣйствовать на крестьянъ не только тяжестью кулака; напротивъ, стали опасаться злоупотреблять имъ.

Въ 1840 г. извѣстно еще одно волненіе въ селѣ Вышгородѣ помѣщика Нарышкина [1]), Рязанской губ.

Волненія, происходившія въ 1840 г., конечно, не исчерпываются описанными случаями. Губернаторы не считали нужнымъ сообщать въ министерство внутреннихъ дѣлъ о маловажныхъ, по ихъ мнѣнію, случаяхъ неповиновенія крестьянъ, да и самъ гр. Строгановъ, не склоненъ былъ обращать вниманія на всѣ случаи замѣшательства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Такъ, онъ докладывалъ въ началѣ августа, что въ Тамбовской губерніи «народъ продолжаетъ оставаться совершенно спокойнымъ», въ то время какъ въ рапортѣ флигель-адъютанта кн. Васильчикова за этимъ утвержденіемъ шло характерное добавленіе: «если и бываютъ иногда нѣкоторыя частныя безпокойства, то таковыя, впрочемъ, самыя маловажныя, происходятъ въ отказѣ крестьянами итти на господскую работу, требуя продовольствія. Всѣ сіи случаи разбираются въ ту же минуту мѣстными начальниками и вслѣдъ за симъ возстановляется въ сихъ имѣніяхъ порядокъ». Губернаторъ же нѣсколькими днями позднѣе увѣрялъ, что Тамбовская губернія «пользуется совершеннымъ спокойствіемъ. Помѣщики вездѣ кормятъ крестьянъ своихъ

---

[1]) Ц. Архивъ М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1841 г., № 234; «Матеріалы для ист. крѣп. права», стр. 59, 60; *Повалишинъ*. »Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные», стр. 249 — 255.

и со стороны сихъ послѣднихъ никакого ропота или волненія не видно» [1]).

Въ ряду продовольственныхъ волненій волненія 1842 г. занимаютъ, какъ было указано, совершенно особое мѣсто. 1842 годъ какъ и предыдущій 1841 относятся къ болѣе или менѣе благополучнымъ годамъ николаевскаго царствованія. Въ 1841 г. только въ 5-ти губерніяхъ и одной области урожай признавался скуднымъ, а въ 1842 г. въ 4-хъ губерніяхъ жатва была недостаточной и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ замѣчался мѣстный недостатокъ продовольствія. Однако и въ указанномъ году извѣстно 8 волненій, связанныхъ съ продовольственными затрудненіями въ помѣщичьихъ имѣніяхъ [2]). Объяснять эти волненія исключительно вліяніемъ предыдущихъ неурожаевъ 1839 — 40 гг. не приходится, хотя, несомнѣнно, продовольственная нужда, какъ результатъ послѣдовательныхъ двухлѣтнихъ неурожаевъ, чувствовалась мѣстами очень сильно. Эти волненія въ значительной степени объясняются ложными слухами среди крѣпостныхъ въ 1842 г. по поводу указа 2 апрѣля объ обязанныхъ крестьянахъ. Какъ извѣстно, въ связи съ выходомъ этого указа, въ народѣ распространились слухи о дарованіи воли, при чемъ во многихъ мѣстахъ народные толки считали принесеніе жалобъ на помѣщиковъ непремѣннымъ условіемъ ея полученія. Этимъ объясняется обиліе жалобъ крестьянъ и сравнительно большое количество волненій въ 1842 г. Въ частности, населенію, находившемуся еще подъ вліяніемъ неурожаевъ 1839—40 гг., естественно было жаловаться прежде всего на недостатокъ продовольствія, тѣмъ болѣе, что крестьяне были убѣждены въ отвѣтственности помѣщиковъ за непродовольствіе крѣпостныхъ, вплоть до лишенія ихъ права владѣть ими. По этимъ соображеніямъ количество волненій на продовольственной почвѣ въ 1842 г., превышающее ихъ количество въ такіе неурожайные годы, какъ 1833—34 гг. и 1839 — 40 гг., нужно объяснять не столько неурожаями предыдущихъ лѣтъ, сколько вліяніемъ слуховъ по поводу указа 2 апрѣля 1842 года. Одни уже слухи о волѣ и о благожелательномъ отношеніи правительства къ крестьянскимъ жалобамъ на помѣщиковъ придавали смѣлость крестьянамъ, до того покорно сносившимъ

---

[1]) Въ этой же Тамбовской губерніи, по указанію Заблоцкаго-Десятовскаго, «во время пребыванія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ Тамбовѣ, нѣсколько тысячъ помѣщичьихъ крестьянъ шли въ городъ, но были остановлены мѣстнымъ начальствомъ и своротчены въ сторону обѣщаніемъ удовлетворить ихъ просьбы». Забл.-Десятовскій. «Гр. Киселевъ и его время», т. IV, стр. 302.

[2]) Въ губерніяхъ: Костромской, Новгородской, Нижегородской, Пензенской, Полтавской и Саратовской. Кромѣ того, въ Смоленской губ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне самовольно отлучались и толпами въ 15—40 человѣкъ являлись въ Смоленскъ къ губернатору, жалуясь на недостатокъ продовольствія.

продовольственную нужду, подавать соотвѣтствующія жалобы на помѣщиковъ и подкрѣплять ихъ отказами отъ повиновенія.

Послѣ 1842 г. продовольственныхъ волненій въ царствованіи Николая I почти неизвѣстно. За всѣ послѣдующія 12 лѣтъ (съ 1841 по 1854 г.) извѣстно лишь четыре волненія, гдѣ продовольственная нужда играла болѣе или менѣе значительную роль въ рядѣ причинъ, вызывавшихъ броженіе среди крестьянъ. Совершенно особое мѣсто занимаетъ крупное массовое волненіе на продовольственной почвѣ въ концѣ 40-хъ годовъ,—волненіе, охватившее крѣпостное населеніе 3-хъ уѣздовъ и приковавшее къ себѣ вниманіе не только мѣстныхъ, но и центральныхъ властей. Это было извѣстное движеніе витебскихъ крестьянъ въ 1847 году, снявшихся съ родныхъ мѣстъ въ поискахъ за волею и продовольственною помощью [1]). Оно было серьезнымъ предостереженіемъ для правительства, но само по себѣ носило чисто мѣстный характеръ и, не поддержанное остальною крѣпостною массою, быстро замерло подъ давленіемъ правительственныхъ репрессій.

Бросая общій взглядъ на продовольственныя волненія крестьянъ при Николаѣ I, можно сказать, что характеръ ихъ съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнился, отразивъ на себѣ измѣненіе отношенія крѣпостныхъ къ своему положенію и къ помѣщикамъ. Волненія 1833—34 гг. были крайне разрознены и незначительны, при чемъ формы ихъ были чрезвычайно мирны. Въ волненіяхъ 1839 и 40-хъ годовъ на ряду съ прежними встрѣчаются новыя черты, новыя настроенія. Крестьяне становятся болѣе требовательными, не удовлствоtoday тѣми крохами, которыя кидали имъ помѣщики во время голодовокъ. На ряду съ повышенною требовательностью замѣчается ростъ враждебности къ помѣщикамъ, что дѣлалось въ то время уже бытовымъ явленіемъ крѣпостной жизни. «Отношеніе помѣщичьихъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ,—писалъ тамбовскій губернаторъ Корниловъ гр. Строганову въ іюнѣ 1840 г.,—измѣняются видимо и постепенно становятся жестки и непріязненны; впрочемъ,—успокаивалъ Корниловъ,—это измѣненіе не достигло еще той степени зрѣлости, чтобы безъ крайнихъ и неожиданныхъ причинъ можно было ожидать общаго возмущенія» [2]). Наиболѣе же тревожнымъ и важнымъ для правительства фактомъ были элементы солидарнаго выступленія крѣпостныхъ, выставлявшихъ, несмотря на внѣшнюю разобщенность имѣній, одни и тѣ же требованія, одинаково реагировавшихъ на создавшееся положеніе. Крестьянъ объединяетъ уже не только продовольственная нужда,

---

[1]) См. статьи И. Игнатовичъ: «Крестьянскія волненія», въ «Великой реформѣ», подъ ред. Джививелегова, Мельгунова и Пичета, т. III, 55 — 56, и «Борьба крестьянъ за свое освобожденіе» въ сборникѣ «Освобожденіе крестьянъ», изд. «Жизнь для всѣхъ», 1911 г., стр. 31 — 33.

[2]) Ц. Архивъ М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1840 г., № 232.

но и воспріимчивость къ слухамъ о волѣ, которые все чаще и чаще волновали крѣпостную массу.

«Мысль о свободѣ между помѣщичьими крестьянами,—писалъ тотъ же Корниловъ гр. Строганову,—не есть случайная, происходящая отъ какихъ-либо постороннихъ обстоятельствъ или внушенія неблагонамѣренныхъ людей, *а общая, постоянная*, которая проистекаетъ изъ самаго круга закономъ постановленныхъ правъ и обязанностей помѣщика и отношеній его къ крестьянамъ и развилась постепенно дѣйствіемъ времени, выражается при всякомъ случаѣ и при всякомъ необыкновенномъ случаѣ. Такимъ образомъ при холерѣ крестьяне обвиняли своихъ помѣщиковъ, что они отравляютъ ручьи и источники; во время бывшихъ въ прошедшемъ году пожаровъ, что они умышленно и нарочно зажигаютъ свои собственныя деревни, которыя должны поступить въ казну и которыхъ они не хотятъ отдать государю; наконецъ при настоящихъ обстоятельствахъ, когда умы всѣхъ поражены были опасеніемъ голода, они стали требовать хлѣба и надѣялись, что если помѣщики имъ не дадутъ требуемаго количества, то *ихъ возьмутъ въ казну и они будутъ вольными*. Это стремленіе можетъ быть совершенно уничтожено не иначе, какъ развѣ только съ измѣненіемъ правъ помѣщика и крестьянина: удержать его въ предѣлахъ общественной тишины и спокойствія есть дѣло мѣстнаго начальства.»

Такимъ образомъ всѣ эти продовольственныя волненія не представляли непосредственной опасности для правительства. Опасны же они были, какъ и всѣ волненія этой эпохи, лишь какъ симптомы растущаго народнаго раздраженія. Съ этой точки зрѣнія съ ними и считалось правительство. Несмотря на ничтожные размѣры продовольственныхъ волненій, крестьяне, сами того не зная, своими единичными, разрозненными выступленіями направляли правительственную политику въ продовольственномъ вопросѣ, заставляя правительство и дворянство, изъ страха передъ возможностью болѣе крупныхъ волненій, не только принимать энергичныя продовольственныя мѣры въ частныхъ случаяхъ, но и измѣнять соотвѣтственнымъ образомъ продовольственную организацію въ цѣломъ. Въ этомъ отношеніи удѣльный вѣсъ продовольственныхъ волненій опредѣляется не фактической силою ихъ, упорствомъ крестьянъ, распространенностью волненій и ихъ количествомъ, а силою страха правительства и помѣщиковъ передъ возможностью народнаго возстанія, хотя бы на почвѣ голода.

V.

Ознакомившись съ отношеніемъ правительства, дворянства и крестьянъ къ продовольственному вопросу въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, можно сдѣлать нѣкоторые выводы, насколько выгодна была

для нихъ та организація продовольственной помощи, которая существовала въ крѣпостное время.

Переложеніе на помѣщиковъ заботъ о продовольствіи крѣпостныхъ, несомнѣнно, должно было приносить значительныя финансовыя облегченія правительству. Но въ то же время непосильность продовольственной обязанности для дворянства и крестьянскія волненія изъ-за недостаточной помощи при продовольственной и сѣмянной нуждѣ заставляли правительство вмѣшиваться въ организацію продовольствія помѣщичьихъ крестьянъ и принимать на себя въ той или другой формѣ все большую и большую часть расходовъ по продовольствію крѣпостныхъ крестьянъ. Возраставшія затраты правительства на продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ имѣли тенденцію постепенно сдѣлать обязанность помѣщиковъ кормить крестьянъ ненужною фикціею.

Затрачивая громадныя средства на продовольствія помѣщичьихъ крестьянъ, правительство было стѣснено въ распоряженіи ими и организаціи продовольственной помощи существованіемъ крѣпостного права. Между правительствомъ и крѣпостными крестьянами стоялъ помѣщикъ, неприкосновенность власти котораго правительство считало своею обязанностью охранять всѣми доступными средствами. Во имя охраны престижа помѣщичьей власти, правительство должно было отказываться отъ должнаго контроля надъ расходованіемъ суммъ, раздаваемыхъ въ пособіе помѣщикамъ, въ добросовѣстности которыхъ имѣло полное основаніе сомнѣваться; во имя той же охраны оно не могло вмѣшиваться въ организацію продовольственной помощи крестьянамъ внутри имѣнія.

Обязанность помѣщиковъ продовольствовать крестьянъ постепенно дѣлалась вредной съ точки зрѣнія общественнаго спокойствія и порядка, давая лишній поводъ къ нарушенію крестьянами повиновенія помѣщичьей власти. Во имя поддержанія безусловнаго повиновенія крестьянъ ихъ владѣльцамъ, правительство приходило къ сознанію необходимости или отстранить помѣщиковъ отъ продовольственной помощи ихъ крѣпостнымъ или скрывать отъ крестьянъ ея обязательность для помѣщиковъ.

Такимъ образомъ финансовыя соображенія и интересы общественнаго спокойствія и порядка толкали правительство на путь самостоятельной продовольственной помощи крѣпостнымъ крестьянамъ и освобожденія помѣщиковъ отъ обязанности продовольствовать своихъ крестьянъ. Но на этомъ пути правительство встрѣчало препятствіе въ видѣ крѣпостного права, безъ нарушенія котораго нельзя было свободно организовывать продовольственную помощь населенію. Поэтому продовольственныя затрудненія, съ которыми приходилось энергично бороться правительству въ царствованіе императора Николая I, должны были постепенно убѣждать правительство, что крѣпостное право служитъ препятствіемъ правиль-

ной постановкѣ продовольственнаго дѣла въ Россіи, устранить которое необходимо для цѣлесообразнаго разрѣшенія продовольственнаго вопроса.

Съ другой стороны, организація продовольственной помощи крѣпостнымъ крестьянамъ была крайне невыгодна и дворянству. Возможность избавиться отъ разорительной обязанности кормить крестьянъ во время неурожаевъ и оказывать имъ помощь въ несчастныхъ случаяхъ могла до нѣкоторой степени мирить помѣщиковъ съ уничтоженіемъ крѣпостного права.

Мало выигрывали и крестьяне отъ существованія обязанности помѣщиковъ оказывать имъ продовольственную помощь. Дворянство, не имѣя средствъ или не желая продовольствовать крестьянъ, разсчитывало на правительственную помощь. Правительство, со своей стороны, требуя отъ помѣщиковъ исполненія продовольственной обязанности, старалось ограничивать свою помощь крѣпостнымъ крестьянамъ случаями только крайней необходимости. Въ результатѣ крѣпостные крестьяне сплошь и рядомъ оказывались предоставленными всѣмъ ужасамъ голоднаго существованія, не получая ниоткуда помощи. При такихъ условіяхъ — продовольственныхъ злоупотребленіяхъ помѣщиковъ и неопредѣленности продовольственной помощи вообще — потеря помѣщичьей помощи съ уничтоженіемъ крѣпостного права дѣлалась для крестьянъ мало чувствительной. Тѣ блага, которыя крестьяне должны были получить съ уничтоженіемъ крѣпостного права, были неоцѣнимы въ сравненіи съ неопредѣленною и нерѣдко недостаточною помощью помѣщиковъ своимъ крестьянамъ при неурожаяхъ и въ несчастныхъ случаяхъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что затрудненія, испытываемыя правительствомъ, дворянствомъ и крестьянствомъ при продовольственной организаціи въ крѣпостное время, заставляли всѣ три заинтересованныя стороны видѣть въ уничтоженіи крѣпостного права первый шагъ къ правильному разрѣшенію продовольственныхъ затрудненій. Съ этой точки зрѣнія продовольственный вопросъ необходимо долженъ считаться однимъ изъ важныхъ факторовъ, подготовившихъ паденіе крѣпостного права.

И. Игнатовичъ.

Во имя братства[1]).

(Продолженіе).

ГЛАВА XIII.

Неожиданный мною тріумфъ.

За дверью лѣстницы раздавались звуки рояля, и знакомый музыкальный голосъ пѣлъ тамъ хорошо извѣстную мнѣ пѣсню:

Горный потокъ,
Чаща лѣсовъ,
Голыя скалы —
Вотъ мой пріютъ!

Я стоялъ нѣсколько минутъ передъ дверью, взявшись за ея ручку, прислушиваясь къ голосу Алексѣевой. Впервые какъ-то машинально употребилъ я здѣсь пріемъ, который впослѣдствіи нѣсколько разъ спасалъ меня отъ ареста. Прежде чѣмъ войти въ квартиру кого-либо изъ моихъ друзей или знакомыхъ, я сначала прикладывалъ ухо къ щели ихъ дверей и прислушивался, что тамъ дѣлается. Черезъ минуту или двѣ почти всегда раздавался какой-нибудь голосъ или звукъ, по которому я могъ опредѣлить, находятся ли въ квартирѣ ея хозяева или сидитъ засада.

Наконецъ я позвонилъ и быстро вбѣжалъ въ ея комнату весь загорѣлый отъ своего путешествія и уже переодѣтый въ обычный

---

[1]) См. № 9.

костюмъ. Она радостно вскочила со своего мѣста и бросилась ко мнѣ. Мы дружески и нѣжно поцѣловались нѣсколько разъ.

— Разсказывайте же, что у васъ новаго? — спросилъ я, наконецъ, послѣ того, какъ разсказалъ ей все о своемъ путешествіи, кромѣ своихъ фантастическихъ романовъ.

— Прежде всего,—сказала она, лукаво улыбаясь,—одна очень важная новость: я теперь тоже съ вами!

И она таинственно посмотрѣла на меня.

Я тотчасъ же понялъ, что дѣло идетъ не о ея настоящемъ пребываніи вмѣстѣ со мною, а о томъ, что она была принята, наконецъ, въ наше тайное общество, и я былъ ужасно радъ этому. Теперь передъ ней не надо будетъ ни о чемъ умалчивать!

— А вы, однако, какой скрытный! Даже и виду не подали, когда васъ приняли: я ничего и не подозрѣвала.

— Но вѣдь это былъ не мой секретъ! Своего у меня не было и не будетъ никогда отъ васъ.

— Да, понимаю. Это хорошо.

Она о чемъ-то задумалась.

— И Саблинъ тоже принятъ, — прибавила она.

— Всѣ наши цѣлы?

— Наши всѣ, но въ Петровскомъ всѣ оставшіеся арестованы. Получены извѣстія, что и въ провинціи вездѣ аресты, погибла значительная часть ушедшихъ въ народъ. Мы очень опасались за васъ. Ужасно рада, что вы возвратились благополучно.

Я осмотрѣлъ кругомъ комнату. Ея стѣны были теперь сплошь уставлены полками съ книгами.

— Что это за книги?

— Это перенесли сюда студенческую библіотеку, потому что Блиновъ тоже уѣхалъ и не оставилъ на лѣто за собой квартиры.

Это была та самая библіотека, въ которую нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я такъ таинственно попалъ [1]). Я сильно проголодался по чтенію и съ завистью смотрѣлъ на полки. Такъ, кажется, и проглотилъ бы ихъ залпомъ, читалъ бы день и ночь, пока не перечиталъ бы всѣ. Въ комнату одинъ за другимъ начали собираться всѣ мои друзья, и Кравчинскій, и Шишко, и Клеменцъ, и хорошенькая черноглазая Таня Лебедева, недавно вышедшая изъ института, и Наташа Армфельдъ. Квартира Алексѣевой попрежнему служила центромъ собраній, благодаря обаятельности ея хозяйки, хотя и ясно было, что она не безопасна: вѣдь здѣсь уже былъ обыскъ, а на кого разъ направилось око начальства, того оно уже никогда не оставитъ въ покоѣ!

Я каждому долженъ былъ разсказывать вновь и вновь свои приключенія. Явно было, что я сдѣлался теперь героемъ дня.

---

[1]) См. разсказъ: «Въ началѣ жизни».

Вѣдь не каждый день возвращаются изъ путешествій по народу! Насъ было такъ мало!

— Ну, а какъ относились къ книгамъ? — спросилъ Кравчинскій. — Ты знаешь я теперь тоже пишу сказку для народа подъ названіемъ «Мудрица Наумовна». Приходи ко мнѣ вечеромъ, я тебѣ прочту готовые отрывки.

— Знаешь, съ книжками совсѣмъ бѣда вышла! Все населенье той мѣстности оказалось почти поголовно безграмотнымъ, большинство книгъ пришлось принести назадъ.

— А какъ же другіе, ходившіе въ этихъ самыхъ губерніяхъ, распространили очень много? Вѣрно, тебѣ неудачно попадались встрѣчные?

Я былъ очень сконфуженъ за себя и огорченъ его словами.

Значитъ мое хожденье вышло неудачное, — думалось мнѣ. — Но что же я могъ сдѣлать? Не совать же было книги каждому встрѣчному, безграмотному? Однако вотъ другіе въ тѣхъ же мѣстахъ, очевидно, сумѣли найти и грамотныхъ людей... Значитъ, я просто неспособенъ къ дѣятельности пропагандиста.

Мысль эта подавляюще подѣйствовала на меня. Все, что дѣлали другіе, казалось мнѣ въ то время необычно хорошо и чрезвычайно важно, а когда я самъ дѣлалъ то же, что и они, тогда все сдѣланное мною казалось такимъ ничтожнымъ. Но какъ же это они могли найти тамъ столько грамотныхъ, интересующихся?—ломалъ я себѣ голову.

Я не могъ этого понять тогда и понялъ только потомъ уже на судѣ. Оказалось, что большинство не дорожило такъ нашими книжками, какъ я. Бродячіе пропагандисты раздавали ихъ всякому встрѣчному, или даже прямо разбрасывали по дорогѣ, въ надеждѣ, что тотъ, кому онѣ нужны, найдетъ ихъ самъ и прочтетъ. А въ результатѣ невидимо для нихъ эти книжки разрывались на простыя цыгарки, потому что ни одна изъ брошенныхъ на удачу не возбудила о себѣ потомъ даже жандармскаго дознанія!

Но мнѣ въ то время даже и въ голову не приходило такихъ мыслей.

И вотъ я показался себѣ такимъ ничтожнымъ!

Я думалъ, что меня всѣ въ нашей средѣ должны теперь презирать. И, однакоже,—какъ оказалось вскорѣ,—меня не только никто не презиралъ за принесенныя назадъ книги, но всѣ даже и не отмѣтили этого обстоятельства и замѣтили въ моихъ разсказахъ одно благопріятное! Мой старикъ - кузнецъ, исписавшій крестами свою избу, казался всѣмъ чрезвычайно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, и Кравчинскій, услышавъ о немъ, сейчасъ же записалъ его адресъ и захотѣлъ непремѣнно побывать у него и самъ. Онъ задумчиво и молча началъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ, не участвуя въ общемъ разговорѣ остальныхъ, а черные глаза молоденькой Тани

Лебедевой, сидѣвшей въ самомъ углу, съ обожаніемъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ и, очевидно, не могли оторваться отъ него.

— Онъ счастливый!—думалось мнѣ.—У него все выходитъ такъ необыкновенно. Вотъ и она это чувствуетъ и понимаетъ. И мнѣ очень захотѣлось быть такимъ же интереснымъ и такъ же ходить изъ угла въ уголъ, чтобъ какая-нибудь дѣвушка такъ же смотрѣла и на меня.

Одна очень юная барышня, лѣтъ шестнадцати, которую я видѣлъ въ первый разъ (какъ оказалось потомъ, Панютина, дочка какого-то генерала, умершаго за годъ или за два передъ этимъ), вдругъ подошла ко мнѣ.

— Я и мои сестры тоже принимаемъ участіе... Весной мы тайно набирали книжки для народа въ типографіи Мышкина. Она арестована въ началѣ лѣта. Мышкинъ теперь уѣхалъ за границу, а насъ не тронули. Приходите къ намъ, если можно сегодня же вечеромъ.

— Непремѣнно зайду!

Она написала мнѣ свой адресъ на бумажкѣ.

— Смотрите, не потеряйте!

— Не потеряю!

— И не забудьте прійти!

— Не забуду!

Когда я пришелъ къ нимъ вечеромъ, оказалось, что у нихъ уже было нѣсколько знакомыхъ, пришедшихъ исключительно, чтобъ видѣть меня, только что возвратившагося «съ большимъ успѣхомъ» изъ народа.

«Триста верстъ прошелъ въ народѣ», кто-то шопотомъ сказалъ другому, и я понялъ, что это говорили обо мнѣ, и что триста верстъ казалось имъ чѣмъ-то необычно громаднымъ.

Все это очень мнѣ льстило, мой конфузъ за принесенныя назадъ книжки совершенно растаялъ передъ такимъ явнымъ удивленіемъ къ моему путешествію со стороны этой новой для меня и очень юной компаніи.

Но мое счастье достигло наивысшей степени только черезъ два дня, когда я пришелъ къ Михайлову, тому самому, который любилъ вставлять въ своей разговоръ французскія и латинскія слова съ дурнымъ ихъ произношеніемъ [1]).

— Поздравляю! Поздравляю съ огромнымъ успѣхомъ!—встрѣтилъ онъ меня со своими, какъ всегда, нѣсколько театральными манерами.—Слышалъ уже, все слышалъ!

— Въ чемъ же огромный успѣхъ?

— Какъ въ чемъ!? Вы устроили новый опорный пунктъ для возстанія! Вы триста верстъ прошли въ видѣ рабочаго въ народѣ

---

[1]) См. «Въ началѣ жизни».

подъ глазами все высматривающихъ властей! Обошли въ видѣ крестьянина двѣ губерніи!

У меня какъ бы сразу открылись глаза. То, что мнѣ казалось такимъ незначительнымъ, безполезнымъ, принимало для моихъ друзей, находящихся въ отдаленіи, грандіозные размѣры! Имъ казалось, что этотъ мой кузнецъ, наставившій кресты отъ чертей по всѣмъ щелямъ своей избы и обѣщавшій принимать такихъ, какъ я, — необыкновенное и важное открытіе, какой-то удивительный крестьянскій самородокъ, а само мое путешествіе въ видѣ рабочаго, съ запрещенными книжками въ котомкѣ, среди ста новыхъ и всякихъ сельскихъ соглядатаевъ и доносчиковъ представлялось имъ не менѣе опаснымъ, какъ если бъ я прошелъ поперекъ среди людоѣдовъ всю центральную Африку! Таково было тогда представленіе о недреманномъ окѣ правительства.

— Я, — продолжалъ далѣе Михайловъ, усадивъ меня, — даже вдохновился, когда услышалъ о всемъ, что вы сдѣлали, и написалъ стихи, посвященные вамъ. Позвольте вручить!

И, вынувъ изъ стола листокъ бумаги, онъ подалъ мнѣ стихотвореніе, подъ заголовкомъ котораго, дѣйствительно, полными буквами стояло посвященіе мнѣ.

Вождь народа.

Непреклонная гордость во взглядѣ,
Неподдѣльная страстность въ рѣчахъ,
Простота въ небогатомъ нарядѣ,
Блескъ ума и развитья въ очахъ, —
Всѣ черты несдающейся силы,
Неспособной пассивно страдать,
Неспособной лишь рѣчью унылой
На невзгоду тоску выражать!
Полонъ страстнымъ желаньямъ отчизнѣ
Величавую будущность дать,
Уничтожить все вредное въ жизни
И народное благо создать,
Онъ не могъ равнодушно-лѣниво
Выжидать измѣненья судьбы
Тѣхъ бѣднягъ, что несутъ терпѣливо
Крестъ тяжелой, ужасной нужды.
Онъ не могъ выносить угнетенья
И покорно несть рабства ярмо,
Преклоняться предъ грубымъ стѣсненьемъ
И лелѣять безправья клеймо.
И, презрѣвъ мелочныя заботы,
Не страшась тираническихъ грозъ,

Онъ ушелъ въ міръ нужды и работы,
Въ міръ отчаянья, горя и слезъ.
И училъ онъ страдающихъ братьевъ
И надеждой сердца наполнялъ,
Вмѣстѣ съ нимъ они слали проклятья
Тѣмъ, кто все у нихъ въ жизни отнялъ.
Дни летѣли. Кипѣла работа,
Но не дремлетъ гнетущая власть,
Ее давитъ одна лишь забота,
Какъ бы внизъ съ высоты не упасть.
У тирановъ повсюду есть уши,
Типъ Іуды съ земли не исчезъ,
Есть на свѣтѣ продажныя души,
Властелины жъ богаты, какъ Крезъ.
И въ тюрьму вождь народа былъ посланъ
Для спокойствія сильныхъ земли.
Онъ погибъ. Но друзья его послѣ
По дорогѣ открытой пошли...
. . . .

Когда я прочелъ это стихотвореніе, у меня въ буквальномъ смыслѣ закружилась голова отъ счастья, но, съ другой стороны, было очень стыдно. Я чувствовалъ, что не заслужилъ ничего подобнаго. Я не зналъ даже, какъ поступить, что сказать, что обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ? Нѣсколько минутъ послѣ прочтенія я продолжалъ дѣлать видъ, что еще внимательно читаю, но въ головѣ былъ полный хаосъ, и я не знаю самъ, какимъ способомъ мой языкъ какъ-то совершенно неожиданно для меня заговорилъ.

— Какіе хорошіе стихи! Но это не похоже на меня.

— Почему не похоже?

— Да вотъ вначалѣ вы говорите: «Непреклонная гордость во взглядѣ...» Никогда не будетъ у меня никакой гордости.

— Будетъ, будетъ! — восторженно говорилъ онъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, съ тѣми же своими театральными манерами, къ которымъ я давно уже привыкъ, зная, что подъ ними скрывается очень искренняя, простая и отзывчивая душа.

— Но мнѣ и не хочется гордости. Это самомнѣніе. Мнѣ хочется больше быть другомъ народа.

— Нѣтъ! Вамъ надо быть не только другомъ народа, но и его вождемъ! Друзей у него много, нужны вожди, и когда вы имъ будете, вы и станете такимъ, какимъ я здѣсь описываю.

Я не хотѣлъ продолжать спора, я былъ такъ счастливъ въ глубинѣ души.

Мнѣ уже посвящаютъ стихотворенія! Значитъ, я дѣйствительно *могу* сдѣлать что-нибудь особенное, выдающееся! Этого уже ждутъ отъ меня... И я не обману ихъ ожиданья!

Я нарочно сказалъ Михайлову, что меня ждутъ въ другомъ мѣстѣ, и, выйдя на улицу, тотчасъ же вынулъ его стихотвореніе и перечитывалъ его, идя, самъ не зная куда, и десятки разъ наслаждаясь каждой строкой, пока не почувствовалъ, что знаю уже все наизусть, и мнѣ болѣе нѣтъ нужды смотрѣть на бумажку, чтобъ безъ конца повторять куплеты.

Стихотвореніе это сначала было пущено Михайловымъ въ нашу публику въ рукописномъ сборникѣ, а потомъ, черезъ два года, съ нѣкоторыми варіаціями со стороны переписчиковъ попало сначала въ Домъ Предварительнаго Заключенія въ Петербургѣ, гдѣ я тогда сидѣлъ, а изъ него уѣхало за границу вмѣстѣ съ различными стихотвореніями политическихъ заключенныхъ и было напечатано среди нихъ въ Женевскомъ сборникѣ «Изъ-за Рѣшетки» въ 1878 году.

Походивъ по улицамъ нѣсколько часовъ, я, опьянѣлый отъ счастья, пришелъ, наконецъ, къ Армфельду, который въ этотъ день былъ одинъ, такъ какъ его мать и сестра уѣхали въ ихъ имѣнье въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы. Благодаря этой близости къ имѣнью и недостаточной помѣстительности ихъ деревенскаго дома, они не уѣзжали всѣ вмѣстѣ и на все лѣто изъ своего городского дома, а поочередно оставались въ немъ, то тотъ, то другой. Постоянно же жилъ въ деревнѣ только старшій его братъ со своей женой, хозяйничавшій въ имѣньѣ, раздѣляя доходы съ матерью, сестрой и младшимъ братомъ, съ которымъ я теперь и видѣлся первый разъ послѣ моего возвращенья изъ народа.

— Ну, а какъ поживаетъ Лиза Дурново? — спрашиваю я его, спѣшно разсказавъ о своемъ путешествіи.

— У нея послѣ твоего ухода вышла настоящая ссора съ матерью. Мать требовала, чтобъ революціонеры не переодѣвались въ губернаторскомъ домѣ, и очень негодовала на тебя, что ты это сдѣлалъ. Лиза говорила ей, что ты не хотѣлъ этого, что она сама упросила тебя, но мать не успокоилась, и на слѣдующій день все разсказала губернатору. Губернаторъ же любитъ свою племянницу больше, чѣмъ кого другого на свѣтѣ, и, перепугавшись за нее, тоже потребовалъ отъ Лизы полнаго прекращенья ея необыкновенныхъ знакомствъ. Лиза два дня плакала и потомъ прибѣжала ко мнѣ съ просьбой отвести ее къ твоимъ товарищамъ, чтобъ они ее скрыли у себя, переодѣли въ крестьянское платье и тоже пристроили въ народѣ.

— И что же ее пристроили?

— Я ее отвезъ въ Петровскую Академію, гдѣ и помѣстилъ у одной курсистки. Тамъ она жила почти цѣлую недѣлю, а тѣмъ вре-

менемъ въ губернаторскомъ домѣ была страшная тревога. Мать пріѣхала ко мнѣ, умоляя ее найти, привезти домой или указать ея мѣсто пребыванія. Я отвѣчалъ, что самъ его не знаю, но надѣюсь найти черезъ знакомыхъ, имени которыхъ не имѣю права назвать. Она тутъ же написала Лизѣ письмо, прося меня немедленно передать черезъ моихъ знакомыхъ, а я тотчасъ же самъ поѣхалъ съ нимъ въ Петровскую Академію.

— Но они могли выслѣдить ее черезъ тебя!

— Нѣтъ! Они не сдѣлали этого. Но черезъ меня началась ежедневная переписка Лизы съ матерью и губернаторомъ, и въ результатѣ они согласились на все, чего требовала Лиза. Ей было предоставлено принимать, кого хочетъ, не спрашивая разрѣшенія у старшихъ и не подвергая своихъ гостей никакому ихъ надзору. Но эти пріемы должны происходить лишь въ тѣ часы, когда губернаторъ занимается по службѣ, для того, чтобъ въ случаѣ бѣды никто не могъ сказать, что это происходило съ его вѣдома.

— Значитъ, она теперь опять у нихъ?!

— Да, она возвратилась домой и вчера временно уѣхала съ матерью въ деревню, такъ какъ губернаторъ получилъ отпускъ.

— А долго пробудутъ они въ деревнѣ?

— Лиза говоритъ, что до начала сентября. Она очень просила тебя не забывать о ней и, когда она возвратится, непремѣнно повидаться.

До поздней ночи сидѣлъ я у Армфельда, строя съ нимъ различные планы для будущаго и разспрашивая о товарищахъ по нашему кружку, большинство которыхъ разъѣхалось теперь изъ города на лѣто. Когда онъ ушелъ отъ меня изъ мезонина внизъ ночевать, уступивъ мнѣ здѣсь свою обычную постель, я долго ходилъ взадъ и впередъ при свѣтѣ керосиновой лампы. Потомъ я подошелъ къ окну, въ которое свѣтила луна, и осмотрѣлъ освѣщенныя ея зеленоватымъ свѣтомъ желѣзныя крыши нижнихъ пристроекъ подъ моимъ окномъ, соображая, что въ случаѣ прихода жандармовъ я могу выскочить изъ окна и перебраться черезъ эти крыши въ прилегающій къ дому сосѣдній садъ, откуда уже видно будетъ, куда уйти, такъ какъ мнѣ не въ первый разъ перескакивать черезъ заборы.

Потомъ я опять началъ ходить взадъ и впередъ все еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ посвященныхъ мнѣ стиховъ и воображая себя теперь вождемъ возставшаго народа. И вновь фантастическіе образы зароились въ моемъ воображеніи, меня снова охватило чувство безпредѣльнаго счастья, любви ко всему человѣчеству и готовности сейчасъ же пожертвовать жизнью за великую идею гражданской свободы и за своихъ друзей. Но ко всему этому прибавилось еще какое-то новое восторженное настроеніе, и я почувствовалъ, что у меня слова слагаются въ риѳмованныя фразы.

Неужели это то, что поэты называютъ вдохновеніемъ?—мелькнула у меня мысль. Неужели и я тоже могу писать стихи?

Я взялъ карандашъ и началъ писать въ своей записной книжкѣ:

«То не вѣтеръ въ темномъ лѣсѣ надъ вершинами гудетъ,
То не волны на прибрежье вѣтромъ по морю несетъ,
То идетъ толпа народа, по пути она растетъ
И о волѣ, о свободѣ пѣснь призывную поетъ:
«Собирайтеся, ребята, вмѣстѣ съ нами заодно,
Ужъ настало время сбросить рабства тяжкое ярмо!
Мы навстрѣчу угнетенью темной тучею пойдемъ,
Нашу волю дорогую мы добудемъ и умремъ!»

Мое чувство счастья и восторга, казалось, еще болѣе увеличилось, когда я написалъ эти строки. Значитъ, и на меня можетъ находить вдохновеніе, какъ на поэтовъ! Значитъ, и я тоже могу писать стихи! Да, очевидно, могу!

Я началъ оканчивать далѣе свою поэму и писалъ часовъ до трехъ. Но и остатокъ ночи не могъ заснуть.

Сознанье себя поэтомъ, казалось, дѣлало меня чѣмъ-то особеннымъ, лучшимъ, чѣмъ я былъ до сихъ поръ. На слѣдующій день я, переписавъ свои стихи начисто и пересиливъ свое смущенье, побѣжалъ къ Михайлову, единственному изъ знакомыхъ мнѣ поэтовъ, чтобъ провѣрить себя. Сдѣлавъ необычное усилье надъ собой, я подалъ ему свое произведеніе. Неужели онъ осмѣетъ меня, если мои стихи ни на что не годны? Что, если все, что я чувствовалъ вечеромъ, было не вдохновенье, а самообманъ?

Но Михайловъ не разочаровалъ меня. Дочитавъ до конца это мое первое стихотвореніе, изъ котораго я теперь помню только приведенное начало, онъ сказалъ:

— Недурно! Вы сможете писать стихи. Недостаетъ только нѣкоторой обработки, которая пріобрѣтется практикой. Вотъ напримѣръ: вмѣсто «Нашу волю дорогую мы добудемъ и умремъ», надо сказать: «Нашу волю дорогую мы добудемъ *иль* умремъ», потому что если добудемъ, то ужъ не зачѣмъ умирать!

— Я хотѣлъ тутъ сказать, что мы добудемъ своей смертью. Мнѣ всегда кажется, что мы ее добудемъ именно такъ, не для себя, а для другихъ.

— Тогда у васъ не ясно выражено! — сказалъ Михайловъ. — Но для перваго раза у васъ очень хорошо. Продолжайте разрабатывать этотъ свой талантъ,—прибавилъ онъ съ патетическимъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

Но у меня не было тогда никакого времени для разработки. Жизнь моя проходила какъ въ вихрѣ, благодаря массѣ новыхъ впечатлѣній, которыя приносилъ каждый день, да и разнообразіе интересовъ мѣшало мнѣ сосредоточиться на чемъ-нибудь. Прежній

страстный интересъ къ естественнымъ наукамъ тоже по временамъ давалъ себя знать. Предпослѣднiй вечеръ описываемаго теперь небольшого лѣтняго пребыванiя въ Москвѣ былъ ознаменованъ именно его пробужденiемъ.

ГЛАВА XIV.

Опять тревоги.

Я пришелъ къ Алексѣевой, но не засталъ ее дома. Оставшись одинъ въ ея пустой квартирѣ, я взглянулъ на ея стѣны, сплошь уставленныя книжными полками студенческой библiотеки, перенесенной къ ней во время моего путешествiя. Осмотрѣвъ заголовки стоящихъ тамъ книгъ, я вынулъ одинъ изъ номеровъ тогдашняго научнаго журнала «Знанiе» и началъ читать въ немъ переводную статью какого-то нѣмецкаго ученаго «О полетѣ насѣкомыхъ». Предметъ сразу захватилъ меня. Тамъ описывались опыты надъ схваченными за ножки мухами и другими, прикрѣпленными къ мѣсту, насѣкомыми, крылья которыхъ даютъ отблески отъ лучей падающаго на нихъ свѣта. Эти отблески всегда идутъ отъ крыла по двумъ направленiямъ: одинъ отъ крыла при его поднятiи, другой при опусканiи, такъ что, хотя взмахи крыльевъ и слѣдуютъ такъ быстро другъ за другомъ, что ихъ нельзя отмѣтить глазомъ, но по направленiю свѣтовыхъ отблесковъ легко можно опредѣлить, что при поднятiи крыла его переднiй край приподнимается надъ заднимъ краемъ, а при опусканiи крыла наоборотъ, такъ что можно даже точно опредѣлить уголъ между тѣмъ и другимъ движенiемъ крыльевъ и убѣдиться, что крылья насѣкомыхъ всегда дѣйствуютъ по закону удара косыхъ плоскостей, т.-е. какъ винтовыя поверхности.

Я живо прочелъ эту статейку, которая возбудила во мнѣ мысли о возможности полета человѣка на крыльяхъ, устроенныхъ такимъ образомъ, или его подъема вверхъ вмѣсто воздушныхъ шаровъ на двухъ винтахъ, вложенныхъ въ одну ось и вращающихся въ противоположныя стороны, но я не могъ долго предаваться своимъ мыслямъ. Возвратилась Алексѣева, а вслѣдъ за нею пришло нѣсколько другихъ знакомыхъ, и разговоръ ихъ помѣшалъ продолженiю.

Говорили объ арестахъ среди московскихъ рабочихъ, объ арестѣ Цакни, о томъ, что «III отдѣленiе» сильно встревожилось, и по улицамъ вездѣ рыскаютъ шпiоны. Одинъ студентъ Устюжаниновъ, съ которымъ я познакомился еще весной въ сапожной мастерской, устроенной нами для обученья уходящихъ въ народъ, былъ особенно встревоженъ. Это былъ невзрачный вологжанинъ, съ черной, какъ вороново крыло, густой бородой, доходившей

почти до самыхъ его глазъ, и съ узкимъ невысокимъ лбомъ подъ негустыми, тоже черными волосами. Онъ былъ всегда молчаливъ, даже боязливъ, его считали прямо трусливымъ и неособенно цѣннымъ въ качествѣ пропагандиста. А на дѣлѣ, какъ оказалось потомъ, онъ пользовался среди московскихъ рабочихъ огромнымъ вліяніемъ и замѣчательно хорошо умѣлъ съ ними сходиться въ народныхъ трактирахъ.

Аресты теперь коснулись именно его знакомыхъ, и ему приходилось особенно сильно скрываться.

— Если меня арестуютъ, — сказалъ мнѣ онъ, отведя въ сторону,—то примите на себя моихъ рабочихъ. Особенно обратите вниманіе на Союзова, это—замѣчательно цѣнный человѣкъ. Я познакомилъ его уже съ Панютиными, но онѣ —дѣвочки, и если меня не будетъ, то вы позаботьтесь о немъ, чтобы не пропалъ и не отсталъ отъ движенія.

— Зачѣмъ вамъ погибать?—утѣшалъ я его.—У меня есть достаточно знакомыхъ въ Москвѣ, чтобы укрыть васъ.

Въ это время вошелъ Кравчинскій.

— Скверное дѣло!—сказалъ онъ. — Около этого дома снуютъ подозрительныя личности. Надо скорѣе расходиться, господа, и уходя, смотрите всѣ хорошенько за собою.

Устюжаниновъ нервно заерзалъ на своемъ мѣстѣ. Онъ порывисто подошелъ къ окну и началъ быстро повертывать въ немъ голову направо и налѣво.

— Отойдите, отойдите скорѣе отъ окна!—почти крикнулъ ему Кравчинскій.—Вѣдь васъ видно съ улицы, вы обращаете на себя всеобщее вниманье!

Устюжаниновъ отскочилъ отъ окна и спрятался въ противоположномъ углу комнаты въ тѣни.

— Кто же куда идетъ? У кого есть безопасное мѣсто для ночлега?

— У меня есть нѣсколько мѣстъ и одно для нѣсколькихъ человѣкъ сразу,—отвѣчаю я.

— Гдѣ для нѣсколькихъ?—спрашиваетъ Шишко.

— Въ вокзалѣ Рязанской желѣзной дороги, въ квартирѣ инженера Печковскаго.

— Въ вокзалѣ—это очень хорошо,—замѣтилъ Шишко,—пойдемте вмѣстѣ, а то мнѣ негдѣ ночевать. Я думалъ здѣсь.

— И я пойду тоже,—сказалъ Саблинъ.

— И я,—прибавилъ изъ своего угла глухимъ голосомъ Устюжаниновъ.

Я былъ въ восторгѣ, что могу укрыть сразу столько человѣкъ. Я пригласилъ и Кравчинскаго, но у него была своя собственная безопасная квартира.

Мы вышли поодиночкѣ, условившись сойтись на Никитскомъ бульварѣ и итти далѣе вмѣстѣ. Я пошелъ по улицѣ сначала въ одинъ конецъ, затѣмъ по другому тротуару возвратился назадъ. Прямо противъ оконъ Алексѣевой стоялъ и смотрѣлъ въ нихъ усатый человѣкъ въ темномъ пальто и широкополой шляпѣ. Яркій свѣтъ фонаря падалъ на него сбоку. Его лицо было въ тѣни шляпы, но, взглянувъ внизъ, я увидалъ изъ-подъ его пальто узкій красный шнурочекъ, вшитый въ шовъ его синихъ штановъ.

— Переодѣтый жандармъ!—пришло мнѣ въ голову.—Очевидно, дѣло плохо!

Я прошелъ мимо него, повидимому, не возбудивъ подозрѣнья, сдѣлалъ съ беззаботнымъ видомъ нѣсколько десятковъ шаговъ и, увидѣвъ парочку незнакомыхъ барышень, шедшихъ мнѣ навстрѣчу, сдѣлалъ видъ, будто заглядываю имъ подъ широкія соломенныя шляпки, какъ я видалъ дѣлаютъ нахалы, а самъ, вмѣсто того, бросилъ быстрый взглядъ назадъ.

Человѣкъ въ шляпѣ уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ моемъ направленіи и стоялъ въ нерѣшительности, смотря мнѣ вслѣдъ, а тѣмъ временемъ изъ подъѣзда Алексѣевой вынырнула длинная тонкая фигура Устюжанинова, который почти бѣжалъ въ противоположномъ направленіи, безпрестанно оглядываясь назадъ.

— Замѣтилъ ли его шпіонъ?—пришло мнѣ въ голову, но оглянуться второй разъ назадъ у меня не было никакого благовиднаго повода, и я съ беззаботнымъ видомъ прошелъ не оглядываясь вплоть до поворота въ боковой переулокъ, гдѣ, дѣлая загибъ, могъ бросить, наконецъ, косвенный взглядъ назадъ.

Никто не шелъ за мною, но и усатой фигуры не было видно. Можетъ-быть, онъ замѣтилъ оглядки Устюжанинова и пошелъ за нимъ? Или снова стоитъ плотно у стѣны противъ Алексѣевой, и мнѣ не его видно? Я поспѣшилъ къ бульвару, пользуясь изрѣдка встрѣчными дамами, чтобъ оглядываться бы на нихъ, но за мной явно никто не слѣдилъ.

Подойдя къ бульвару, я еще издали замѣтилъ на условленной скамьѣ Шишко, Саблина и Устюжанинова. Остановившись, какъ бы въ нерѣшительности, куда итти, я осмотрѣлся кругомъ: если шпіонъ шелъ за кѣмъ-либо изъ нихъ, то онъ долженъ остановиться здѣсь, чтобъ опредѣлить, куда они пойдутъ далѣе. Но здѣсь никого не было.

Значитъ, тотъ, въ синихъ штанахъ съ кантикомъ, прозѣвалъ Устюжанинова,—пришло мнѣ въ голову. Подойдя къ товарищамъ, я пошелъ съ ними далѣе, каждую минуту прося Устюжанинова не оглядываться безъ повода, но ничто не помогало. Онъ явно не могъ сдержать своихъ импульсовъ. За сотню шаговъ всякій могъ бы указать на него пальцемъ и сказать: вотъ человѣкъ, который сильно опасается какого-то преслѣдованія.

Такъ мы дошли до Рязанскаго вокзала и, пройдя въ толпѣ пассажировъ во дворъ, вошли чернымъ ходомъ въ квартиру Печковскаго, гдѣ прислуга хорошо меня знала, какъ бывшаго жильца, который возвратится и на слѣдующую зиму. Наша ночная компанія никого изъ прислуги не удивила, такъ какъ тамъ уже привыкли къ моимъ «ученымъ экскурсіямъ». Не заставъ дома никого изъ хозяевъ, мы расположились спать въ моей прежней комнатѣ, кто на диванѣ, кто прямо на полу, и я, конечно, выбралъ себѣ послѣдній способъ.

Ночь прошла безъ всякихъ приключеній. Лакей Печковскихъ приготовилъ намъ чай и завтракъ, и я тутъ же въ присутствіи всѣхъ товарищей по ночлегу сказалъ ему:

— Этимъ моимъ друзьямъ часто приходится пріѣзжать въ Москву съ дачъ и ночевать поближе отъ вокзала. Мы съ Печковскимъ сказали имъ, чтобъ останавливались здѣсь, и если кто съ ними пріѣдетъ, то пусть тоже.

— Слушаю!—сказалъ лакей.

Такимъ образомъ ночевка нуждающимся была обезпечена. Вокзалъ же съ толпами своихъ прохожихъ и многими сквозными выходами представлялъ прекрасное мѣсто, чтобъ замести за собой слѣды при входѣ на квартиру.

На слѣдующее утро, въ восторгѣ, что мнѣ пришлось доставить такое вѣрное и постоянное убѣжище моимъ преслѣдуемымъ друзьямъ, я побѣжалъ, оставивъ ихъ здѣсь, прежде всего къ квартирѣ Алексѣевой, чтобъ посмотрѣть, слѣдятъ ли еще за ней.

Было часовъ десять утра. Много прохожихъ сновало взадъ и впередъ по тротуару, противъ ея дома. Но уже издали, нѣсколько наискось отъ ея оконъ и подъѣзда подъ ними, я увидѣлъ ту же самую усатую фигуру, въ коричневомъ пальто, въ черной мягкой шляпѣ и въ предательскихъ синихъ штанахъ съ красными кантиками, виднѣющимися изъ-подъ пальто. Фигура явно наблюдала за ея входомъ и окнами, не обращая ни малѣйшаго вниманія на проходящихъ по эту сторону.

Я поглядѣлъ на одно изъ ея оконъ, гдѣ въ условленномъ мѣстѣ былъ выставленъ подсвѣчникъ, знакъ, что ночь прошла благополучно.

— Значитъ, еще не арестована!—подумалъ я и побѣжалъ къ Кравчинскому, придерживаясь выработанной мною системы осматривать улицы за собою подъ видомъ не очень частыхъ оглядокъ на проходящихъ дамъ или проѣзжающихъ навстрѣчу экипажей или подъ видомъ бросанья незамѣтныхъ взглядовъ назадъ при поворотахъ на боковыя улицы. Если хотѣлось взглянуть еще разъ на что-либо подозрительное, то я дѣлалъ видъ, что остановился въ раздумьи, не зная, тутъ ли повернуть, и какъ бы читая названіе улицы на углу дома.

Эта система уже болѣе не оставляла меня во всѣ дальнѣйшіе періоды заговорщицкой дѣятельности и, благодаря ей и еще нѣкоторымъ пріемамъ, о которыхъ читатель узнаетъ далѣе, я не только никогда не приводилъ за собою ни къ кому сыщиковъ, но очень часто самъ водилъ ихъ, какъ выражаются, за носъ и избавлялся отъ ихъ наблюденій различными, придумываемыми мною для каждаго отдѣльнаго случая, пріемами.

Пройдя нарочно не по главной улицѣ, а окольнымъ путемъ, завернувъ съ нея по переулку въ другую, параллельную, и убѣдившись, что никто не наблюдаетъ сзади за мною, я вошелъ къ Кравчинскому и засталъ его за писаньемъ «Мудрицы Наумовны».

Онъ радостно обнялъ меня и, весь въ увлеченіи отъ своей творческой работы, не давая мнѣ выговорить ни одного слова, принялся читать мнѣ написанное имъ въ эту ночь стихотвореніе, которое онъ хотѣлъ вставить въ свою сказку. Но съ первыхъ же куплетовъ я увидѣлъ, что—увы!—въ его стихахъ не было того, что является главнымъ въ лирической поэзіи: выдержаннаго отъ начала до конца настроенія, согласія между сюжетомъ и формой, и музыкальности стиха. Мнѣ очень было трудно сказать ему это, но онъ уже по одному моему разочарованному виду при окончаніи чтенія понялъ, что его стихи мнѣ не нравятся.

— Что, плохи? Говори прямо! Мнѣ надо знать! — сказалъ онъ.

— На меня они не производятъ впечатлѣнія. Твоя проза куда лучше.

— Что же въ нихъ нехорошо?

Я ему сказалъ о недостаткѣ музыкальности. Онъ подумалъ и, взявъ свой листокъ, тутъ же разорвалъ его на клочья и бросилъ въ корзину на полъ.

— Пожалуйста, прости!—поспѣшилъ я сказать.—Но я выразилъ тебѣ откровенно, какъ и надо, только мое личное впечатлѣніе. Можетъ-быть, другимъ стихи твои понравятся.

— Нѣтъ, ты правъ! — сказалъ онъ печально. — Я теперь самъ вижу, что указанныя тобою мѣста не музыкальны, и настроенье въ разныхъ строкахъ зависитъ отъ подгонки содержанія подъ пришедшія въ голову риѳмы. А мнѣ-то ночью казалось, что я—поэтъ, что каждая строка выливается такъ удачно изъ моей головы.

— Да, это часто бываетъ. Но, можетъ-быть, у тебя другой разъ выйдетъ хорошо!

— Нѣтъ! — отвѣтилъ онъ. — Музыкальность сказалась бы хоть въ нѣсколькихъ куплетахъ и подѣйствовала бы на тебя, и ты бы сейчасъ же указалъ прежде всего хорошія мѣста, а потомъ уже недостатки. Я тебя знаю.

Я былъ очень огорченъ, что не нашелъ въ его стихахъ ни одного куплета для похвалы, и въ то же время растроганъ до глубины души его довѣріемъ къ моему поэтическому вкусу. Его спо-

собность сразу же отказываться отъ случайныхъ неправильныхъ представленій, проявлялась въ немъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Въ немъ совершенно не было того мелкаго самолюбія, которое заставляетъ многихъ въ спорѣ, особенно публичномъ, и по общественнымъ вопросамъ, отстаивать разъ высказанное умозаключеніе, хотя бы кто-нибудь изъ присутствующихъ сразу же показалъ ему явную ошибку.

Кравчинскій, сказавъ что-либо невѣрное, никогда не выкручивался ни путемъ нападенья на противника, чтобъ сбить нить разговора на другую тему, ни переведеньемъ чисто идейнаго спора на личности, по образцу той корчмарки въ народѣ, которая не хотѣла мнѣ дать сдачи съ моего двугривеннаго...

А какъ многіе у насъ въ политическихъ спорахъ поступали и теперь поступаютъ именно по ея рецепту! Онъ же, благодаря способности увлекаться своей идеей до забвенія всего окружающаго и потому часто впадавшій въ односторонность, сейчасъ же признавалъ ошибку открыто и при всѣхъ, какъ только кто-нибудь указывалъ ему на нее, и этимъ сразу обнаруживалъ главный признакъ истинно геніальнаго творческаго ума. Однажды, желая устранить возраженье, что при всеобщемъ обязательномъ физическомъ трудѣ и полномъ «опрощеніи интеллигенціи» не мыслимъ дальнѣйшій прогрессъ науки, требующій для умственной дѣятельности такой же спеціализаціи, какъ и въ отрасляхъ физическаго труда, онъ написалъ въ одну ночь цѣлый трактатъ, гдѣ необыкновенно убѣдительно доказывалъ, что дальнѣйшій прогрессъ науки и искусства пойдетъ въ будущемъ, какъ и въ отдаленномъ прошломъ— путемъ народнаго творчества. Подумайте только, — говорилъ онъ въ заключеніе, — народное творчество безсознательно для личности создало такую великую вещь, какъ *языкъ*, съ его удивительными грамматическими формами, оно создало такія произведенія, какъ Одиссея, Иліада! Развѣ можетъ быть послѣ этого сомнѣніе, что предоставленное самому себѣ оно также создастъ также и высшую науку?

— Но вѣдь это же народное творчество,—возразилъ кто-то изъ присутствовавшихъ при чтеніи имъ своей статьи, — создало не одинъ идеальный, а цѣлый рядъ совершенно случайныхъ языковъ, вслѣдствіе чего различные народы и до сихъ поръ не понимаютъ другъ друга и потому, считая себя чужими, ведутъ между собою кровопролитныя войны! А вмѣсто единой по своей сущности науки, оно создало рядъ различныхъ религій, тоже борющихся огнемъ и мечемъ между собою, оно выработало цѣлыя системы различныхъ демонологій, сотни чертей и ангеловъ, водяныхъ и русалокъ. Это путь совсѣмъ невѣрный и опасный!

Кравчинскій всталъ, прошелся среди общаго молчанья нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а потомъ печально взялъ свою

рукопись и со словами: да, вы правы!—разорвалъ ее на клочки, совершенно такъ же, какъ сдѣлалъ теперь со своимъ прочитаннымъ мнѣ стихотвореніемъ.

— А моя сказка тебѣ, дѣйствительно, нравится?

— Да, въ ней очень много остроумнаго и комичнаго. Мнѣ очень хочется поскорѣе видѣть ее въ печати, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе она произведетъ въ народѣ. Но я прибѣжалъ къ тебѣ теперь не по этому поводу, — поспѣшилъ я перевести разговоръ на предметъ моего прихода, къ которому я, какъ часто бываетъ въ жизни, никакъ не могъ приступить, благодаря тому, что голова собесѣдника была полна другими вопросами. — Я опять видѣлъ сейчасъ противъ квартиры Алексѣевой вчерашняго сыщика въ синихъ штанахъ. Нѣтъ сомнѣнья, что слѣдятъ за ней!

— Что же ты мнѣ сразу этого не сказалъ? — встревоженно вскочилъ онъ со своего мѣста.

— Да, ты же сразу заговорилъ о сказкѣ!

— А свѣчка была поставлена у Алексѣевой сегодня утромъ?

— Поставлена.

— Пойдемъ скорѣе! Я тоже хочу видѣть этого шпіона,—воскликнулъ онъ сразу, позабывъ всѣ свои литературныя дѣла.

Мы быстро вышли и направились къ Алексѣевой.

— Я пойду впереди тебя на нѣсколько десятковъ шаговъ. Я его узнаю по синимъ штанамъ, а ты смотри, обратитъ ли онъ на меня вниманіе и, если онъ не пойдетъ за мной, подойди ко мнѣ въ первомъ переулкѣ.

Онъ прошелъ мимо субъекта, который взглянулъ на него мелькомъ, но даже и не посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Повернувъ за уголъ этого квартала, я увидѣлъ Кравчинскаго неподалеку отъ угла улицы.

— Ну, что? — спросилъ онъ.

— Никакого вниманія не обратилъ на тебя,—отвѣтилъ я.

— Это хорошо. Ну, а теперь походимъ съ полчаса по улицамъ и пойдемъ въ обратномъ порядкѣ. Я посмотрю, какъ онъ отнесется къ тебѣ.

Однако при обратномъ проходѣ оказалось, что субъекта уже не было.

— Вѣрно, пошелъ докладывать по начальству! — замѣтилъ я.

— Или просто сбѣжалъ съ поста, чтобы побывать у знакомыхъ,— прибавилъ Кравчинскій. — Всѣ они, наемщики, таковы! Скорѣе правъ я, потому что, кажется, никто не поставленъ ему на смѣну.

Мы прошли еще разъ по улицѣ. Никакого соглядатая, очевидно, больше не было. Мы отправились къ Алексѣевой.

У нея противъ обыкновенія никого не было. Тревожное настроеніе, охватившее въ послѣдніе дни большинство, благодаря недавнимъ арестамъ товарищей, заставляло многихъ остерегаться

ходить другъ къ другу безъ нужды, и они оставались дома въ выжидательномъ положеніи. Кромѣ того, утромъ уже разнесся слухъ, что я видѣлъ вчера сыщика противъ дома Алексѣевой.

— Вамъ надо временно уѣхать куда-нибудь изъ Москвы,— сказалъ ей Кравчинскій.—Да и тебѣ тоже,—прибавилъ онъ, обратившись ко мнѣ.

— Но куда?—спросила Алексѣева.

— Надо поискать какого-нибудь помѣщика, у котораго вамъ обоимъ можно было бы погостить съ мѣсяцъ, а потомъ будетъ видно, что дѣлать. Мнѣ говорилъ профессоръ изъ Петровской академіи, Петрово, что его родственникъ въ Курской губерніи очень хотѣлъ бы познакомиться съ нашими. Я сейчасъ же съѣзжу къ нему.

Онъ, не подходя къ окну, осмотрѣлъ черезъ него улицу.

— Субъекта нѣтъ, выходъ, повидимому, свободенъ.

— Но все же лучше не уходите вмѣстѣ,—сказала Алексѣева, опасавшаяся теперь серьезно за нашу цѣлость.

— Я выйду вслѣдъ за тобой чрезъ полминуты,—сказалъ я Кравчинскому,—и буду смотрѣть, не сопровождаютъ ли тебя.

— Если никого нѣтъ, то опереди и, не говоря ни слова, проходи мимо. А затѣмъ я пойду за тобой и буду смотрѣть, нѣтъ ли кого.

Такъ мы и сдѣлали. Убѣдившись, что никого нѣтъ ни за кѣмъ, мы пошли вмѣстѣ, но около Тверского монастыря встрѣтили встревоженнаго, спѣшащаго куда-то Шишко.

— Сейчасъ арестовали Устюжанинова на улицѣ, на моихъ глазахъ, когда я шелъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи на свиданье съ рабочими.

Итакъ, предчувствіе не обмануло Устюжанинова. И не потому ли, что онъ такъ неловко оглядывался за собою?—пришло мнѣ въ голову. Но я не могъ никогда получить отвѣта на этотъ вопросъ, такъ какъ болѣе уже не видалъ его. Онъ, какъ и многіе другіе изъ моихъ товарищей, не вынесъ тоски одиночнаго заключенія и черезъ полтора года умеръ въ немъ отъ скоротечной чахотки.

ГЛАВА XV.

Снова на окнѣ.

Отчего, несмотря на много лѣтъ, отдѣляющихъ меня теперь отъ того прошлаго, я помню изъ него такъ ясно многое? И когда я сосредоточиваюсь на немъ въ своемъ новомъ уединеніи въ Двинской крѣпости, мнѣ кажется порой, что въ моихъ ушахъ еще звучатъ давно умолкшія слова, въ воображеніи рисуются давно минувшія сцены, и порой изъ забвенія воскресаютъ даже мимолетныя выраженія

давно увядшихъ въ темницахъ дорогихъ лицъ. Я думаю, все то произошло потому, что и въ періоды прежнихъ моихъ заточеній, когда мнѣ приходилось безъ конца шагать взадъ и впередъ по моей крошечной кельѣ, не видя по годамъ ни одного живого лица, не имѣя въ рукахъ ни одной книги, я часто вспоминалъ все это и выгравировывалъ пережитое въ своей памяти до такой степени, что мнѣ кажется, будто я не разъ писалъ въ умѣ ту или другую главу этого моего разсказа.

Какъ самыя мелкія звѣзды становятся видимыми во тьмѣ глубокой осенней ночи, такъ мельчайшія подробности прежней жизни выступаютъ теперь передо мною и мнѣ легко ихъ писать, потому что онѣ какъ будто только сейчасъ были пережиты.

Мнѣ вспоминается, во всей ея тихой красотѣ, лунная ночь, послѣдняя ночь, которую мы съ Алексѣевой просидѣли наединѣ у окна, въ одной изъ курскихъ гостиницъ, послѣ нашего бѣгства изъ Москвы. Опять намъ свѣтила луна надъ крышами противоположныхъ домовъ, и яркія звѣздочки смотрѣли къ намъ въ окно съ голубой лазури.

Москва, съ ея шпіонами и тайными засадами, казалась намъ покинутой не вчера, а когда-то давно-давно. Все кругомъ насъ было новое, никто насъ здѣсь не знаетъ, никто не ищетъ, никто не хочетъ заточить въ одиночную камеру безъ свѣта и воздуха, и намъ было хорошо отдыхать душой въ этомъ новомъ положеніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ намъ было и грустно. Мы вспоминали всю вереницу лицъ, прошедшихъ передъ нашими глазами два-три мѣсяца тому назадъ съ воодушевленными лицами и съ однимъ общимъ восторженнымъ лозунгомъ на устахъ: «въ народъ, въ народъ!»

— Какъ быстро все это промелькнуло! — грустно сказала Алексѣева. — Большинство ихъ уже арестовано въ разныхъ мѣстахъ, другіе скрываются, какъ мы; третьи уже уѣхали за границу; мало, очень мало осталось уцѣлѣвшихъ и еще дѣятельныхъ... Какъ вы думаете, не погибло все?

Сильно впечатлительная, легко приходящая въ энтузіазмъ при всякомъ, даже незначительномъ успѣхѣ, и легко падающая на время духомъ при неудачахъ, она теперь была въ разочарованномъ состояніи, и ей казалось, что и весь міръ долженъ находиться теперь въ такомъ же настроеніи, по причинѣ этихъ повсемѣстныхъ арестовъ нашихъ друзей и товарищей.

Я не могъ ей сразу отвѣтить на ея вопросъ. То, что я видѣлъ въ народѣ, показывало мнѣ, что если бъ правительство не помѣшало намъ въ то лѣто походить по деревнямъ со своими книжками и раздать ихъ безграмотнымъ или полуграмотнымъ прохожимъ «на цыгарки», то къ осени мы всѣ безъ исключенія возвратились бы въ свои учебныя заведенія. И мы продолжали бы свои научныя занятія въ полномъ убѣжденіи, что новый богъ,

котораго мы создали себѣ въ современномъ крестьянинѣ вмѣсто стараго, библейскаго, еще не въ состояніи осуществить наши идеалы и немедленно создать во всей ея красотѣ новую жизнь, въ которой люди узнаютъ другъ въ другѣ своихъ сестеръ и братьевъ, и каждый будетъ сейчасъ же готовъ отдать свою жизнь за ближняго.

Но вѣдь я никогда и не надѣялся исключительно на простой народъ, а больше всего на себя и на своихъ друзей, хотя насъ было и немного. Вѣдь сила не въ числѣ, а въ героизмѣ, думалось мнѣ.

— Разъ наше дѣло справедливо, оно уже не можетъ погибнуть, — отвѣтилъ я ей, — хотя, можетъ-быть, крестьяне теперь еще и не готовы. Я даже не разъ уже думалъ, что при телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ общихъ возстаній, въ родѣ крестьянской войны, какая была въ средніе вѣка въ Германіи, теперь не можетъ быть. Ихъ подавятъ въ самомъ началѣ, и выйдутъ «отдѣльныя вспышки», какъ хотѣлъ Коваликъ. Я думаю, что надо начинать съ центровъ, со столицъ, съ заговоровъ, и, между прочимъ, ближе сойтись съ рабочими.

— А вотъ мы съ вами мечтали именно о партизанской борьбѣ въ деревняхъ, — сказала она, грустно улыбаясь.

— Я и теперь мечтаю о ней по временамъ, но считаю это за простыя мечты. Больше всего мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ рабочими, и, когда я возвращусь въ Москву, я приму тамъ наслѣдство, которое оставилъ мнѣ Устюжаниновъ передъ своимъ арестомъ, и познакомлюсь съ ними. А больше всего я попрежнему мечтаю о введеніи у насъ республики въ родѣ Соединенныхъ Штатовъ въ Америкѣ.

— Вы — идеалистъ! — сказала она, пожимая мою руку, лежавшую въ ея рукѣ. — И вы не выживете, если разочаруетесь.

— Я никогда не разочаруюсь.

— Но какъ же не разочароваться во многомъ? Вѣдь эти аресты повсюду происходятъ только потому, что нѣкоторые изъ первыхъ арестованныхъ, ради спасенія своей собственной жизни, начали болтать на допросахъ и выдавать своихъ товарищей. И особенно много такихъ оказалось какъ разъ среди сочувствовавшихъ намъ и соглашавшихся на все крестьянъ и рабочихъ!

— Но вѣдь мы идемъ не изъ одной дружбы къ товарищамъ или простому народу, а для осуществленія своихъ собственныхъ идеаловъ свободы, равенства и братства, и потому, что сами не хотимъ жить рабами. Если наши товарищи или современные крестьяне и рабочіе и окажутся вдругъ недостойными этихъ идеаловъ, то сами наши идеалы не станутъ отъ того хуже. Вотъ почему я не разочаруюсь ни отъ какихъ неудачъ и всегда буду трудиться для осуществленія нашихъ идеаловъ, все равно съ товарищами или одинъ.

— «Одинъ въ полѣ не воинъ»! — быстро сказала она мнѣ. Это было заглавіе чрезвычайно популярнаго въ то время романа Шпильгагена.

— Только потому не воинъ, — отвѣтилъ я, — что Лео Гутманъ основывалъ осуществленіе своихъ идеаловъ на сочувствіи къ нему короля.

— А мы — на сочувствіи учащейся молодежи изъ привилегированныхъ сословій! Клеменцъ правду говоритъ, что какъ только будетъ дана конституція и свобода слова и науки, такъ симпатіи интеллигенціи соціализму прекратятся совсѣмъ.

Она простилась со мною, встала съ окна и пошла, періодически освѣщаемая полосами луннаго свѣта изъ оконъ, въ другую комнату къ своему, закашлявшему во снѣ, мальчику. Я смотрѣлъ ей вслѣдъ и думалъ: какъ грустно, что мы обречены, что личное счастье не для насъ! Мнѣ такъ хотѣлось бы прижать ее къ своему сердцу и расцѣловать. Мнѣ тогда только что кончилось девятнадцать лѣтъ, хотѣлось и личной жизни и личнаго счастья; но я серьезно относился къ любви и къ своей дѣятельности и прогналъ съ усиліемъ воли возникавшее чувство. Моя мысль снова направилась къ тому, о чемъ мы говорили, оно было такъ мнѣ близко!

Теперь, — думалось мнѣ, — наше движенье неизбѣжно пойдетъ въ томъ направленіи, въ которомъ я и мечталъ его видѣть. Глупое начальство своими арестами сдѣлаетъ то, чего никто другой не могъ бы сдѣлать помимо его. Насильно закрывъ начатую нами дорогу, оно заставитъ насъ именно и пойти по настоящей—въ центры, въ города, въ заговоры.

Я, какъ въ дѣтствѣ, простился съ луной и звѣздами, сошелъ съ окна и, не закрывая его, легъ на диванчикъ за столикомъ, прикрывшись своимъ легкимъ пальто. Но, очевидно, луна не хотѣла еще разставаться со мною: ея лучи падали прямо на меня и, открывъ глаза, я могъ все еще видѣть ее съ моего дивана. Въ моей головѣ начали возникать обычныя грезы, и даже слагалось стихотвореніе на тему н шего разговора...

ГЛАВА XVI.

Я оказываюсь простымъ мальчикомъ.

Наша тройка бойко подкатила къ помѣщичьей усадьбѣ. Пыльные и уже загорѣлые отъ іюльскаго палящаго солнечнаго зноя, мы были радушно встрѣчены ея молодымъ хозяиномъ въ бѣлой украинской рубашкѣ, расшитой по воротнику и рукавамъ всевозможными узорами, и его красивой женой, слабаго изнѣженнаго тѣлосложенія и одѣтой совсѣмъ не по-деревенски, а очень изящно

въ лекомъ платьѣ съ тонкими кружевами. Они уже были извѣщены телеграммой своего родственника, что интересные гости, которыхъ они желали имѣть, пріѣдутъ къ нимъ въ этотъ самый день.

Оба съ любопытствомъ вглядывались въ насъ. Получивъ привѣты черезъ насъ отъ своего родственника и однофамильца Петровó и его семейства, они повели насъ въ приготовленныя намъ комнаты, гдѣ мы быстро умылись, и, напившись чаю съ хозяевами, пошли осматривать ихъ имѣнье, обыкновенную помѣщичью усадьбу съ большимъ фруктовымъ садомъ, прямо за которымъ находилась рѣчка, превращенная запрудой въ большое озеро. У открытаго шлюза плотины вертѣлось мельничное колесо, съ котораго каскадами низвергались внизъ струи воды. Хозяева познакомили насъ съ мельникомъ, сводили въ свой дубовый лѣсокъ и на ручей съ водопадами, по берегамъ котораго росли кусты ежевики со спѣлыми ягодами. Познакомивъ насъ затѣмъ со своей, пришедшей изъ лѣса, сестрой Марусей, хорошенькой гимназисткой лѣтъ шестнадцати, они просили насъ быть, какъ дома, безъ церемоніи, потому что время рабочее, и хозяинъ будетъ свободенъ только за обѣдомъ и по вечерамъ.

Все это мнѣ очень понравилось, и на слѣдующій же день я широко воспользовался предоставленной мнѣ свободой.

Въ то время деревенскимъ властямъ и въ голову не приходило слѣдить за гостями въ помѣщичьихъ усадьбахъ. Ни о какихъ паспортахъ не было и помину, и мы съ Алексѣевой могли считать себя здѣсь также безопасными, какъ если бъ находились за границей. Это чувство, послѣ всякихъ московскихъ соглядатаевъ и третье-отдѣленскихъ западней, цѣликомъ наполнило меня. Я чувствовалъ себя какъ бы только что пріѣхавшимъ на каникулы послѣ долгихъ утомительныхъ занятій. Мнѣ хотѣлось съ радостью бѣгать, прыгать черезъ канавы и выдѣлывать всякія мальчишества.

— Давайте скатываться по этому откосу къ берегу ручья!— сказáлъ я всей компаніи, когда хозяева привели насъ на одинъ изъ своихъ холмовъ, весь покрытый пестрыми цвѣтками ромашки.

Всѣ засмѣялись, какъ будто считая мои слова за шутку. Но я продолжалъ настаивать.

— Увѣряю васъ, что это очень интересно, надо только прижать руки плотно къ бокамъ и катиться по откосу, какъ бревно, въ концѣ даже трудно будетъ остановиться. Я часто это дѣлалъ, когда былъ мальчикомъ.

— Мальчикáмъ другое дѣло, — замѣтилъ хозяинъ. — Но кататься по землѣ взрослымъ!

Ему было лѣтъ двадцать шесть и, насколько помню, онъ былъ отставной поручикъ, принявшійся за хозяйство послѣ женитьбы въ Петербургѣ, годъ или два назадъ. Повидимому, онъ боялся скомпрометировать свое достоинство передъ Алексѣевой и собственной

супругой, которая, судя по большому количеству французскихъ романовъ въ усадьбѣ, была большой любительницей ихъ.

Но его сильной и живой сестрѣ, Марусѣ, мое предложеніе, очевидно, очень понравилось.

— Давайте, давайте вмѣстѣ! — воскликнула она.

И мы тутъ же, при общемъ смѣхѣ, рядомъ другъ съ другомъ, докатились до самаго ручья, едва остановившись, чтобы не попасть въ воду.

Всѣ смѣялись, но никто не захотѣлъ намъ подражать, опасаясь потерять свое достоинство или выколоть себѣ глаза, хотя въ мягкой низкой травѣ это было совершенно невозможно.

Послѣ такого перваго дебюта я взлѣзъ съ Марусей, тотчасъ же подружившейся со мною, на крутой обрывъ берега. Потомъ, оставивъ остальныхъ, объявившихъ, что въ такой зной совершенно невозможно гулять, и ушедшихъ въ домъ, мы оба лазили еще на плотину снизу, отъ воды, и подъ мельничное колесо, окатившее насъ струей холодной воды. Затѣмъ и Маруся убѣжала отъ жары домой, а я пошелъ на мельницу, гдѣ разспросилъ мельника о мѣстныхъ деревенскихъ дѣлахъ и людяхъ и осмотрѣлъ всѣ ея жернова и шестерни. Увидавъ, что тутъ больше нечего дѣлать, я пошелъ въ садъ, никѣмъ незамѣченный, влѣзъ на самую вершину ели, росшей недалеко отъ дома, и началъ наблюдать съ нея, какъ съ колокольни, живописныя окрестности.

— Николай Александровичъ! Гдѣ вы? О-б-ѣ-ѣ-дать! — послышался съ балкона голосъ хозяина.

— Здѣ-ѣ-ѣ-сь!—крикнулъ я изъ густыхъ вѣтвей своей вершины.

Петрово въ изумленіи оглядѣлся кругомъ. По моему голосу было ясно, что я недалеко, а между тѣмъ меня нигдѣ не было.

— Гдѣ же вы? — повторилъ онъ.

— Да здѣсь, близко!

— Гдѣ онъ? — обратился съ недоумѣніемъ Петрово къ высыпавшимъ на балконъ своей супргѣ, сестрѣ Марусѣ и Алексѣевой.

— Вонъ онъ! — вскрикнула въ восторгѣ Маруся, показывая пальцемъ на густую вершину ели, гдѣ я сидѣлъ.

— Господи!—воскликнулъ хозяинъ. — Сидитъ на деревѣ, какъ птица! Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ, что наши современные революціонеры такіе! Я все же представлялъ ихъ солиднѣе.

Алексѣева смѣялась, но по ея лицу за обѣдомъ я могъ замѣтить, что ей было обидно и даже, пожалуй, стыдно за меня.

— Не лазайте здѣсь больше на деревья и не катайтесь по травѣ! — сказала она мнѣ, когда мы случайно остались одни. — Я уже хорошо познакомилась съ нашей хозяйкой. Это она просила своего мужа показать ей революціонеровъ, пригласивъ кого-либо въ гости, но она это сдѣлала не изъ сочувствія, а изъ любо-

пытства. А онъ простой либералъ (такъ назывались тогда не активные конституціоналисты).

Я обѣщалъ ей держать собя солидно, но въ душѣ моей было горько.

Почему это,—думалось мнѣ,—непремѣнно требуютъ, чтобъ ученые, революціонеры, общественные дѣятели, ходили непремѣнно въ цилиндрахъ и выступали всегда такъ важно, какъ будто бы у нихъ на каждой ногѣ по нѣскольку мозолей? Чтобъ немного поправить впечатлѣніе, я въ одинъ изъ слѣдующихъ вечеровъ, когда на темномъ, безлунномъ небѣ выступили милліоны звѣздъ, сталъ называть присутствующимъ главныя изъ нихъ. Маруся стала повторять за мной и заучивать ихъ названія.

— Откуда вы ихъ знаете? — спросилъ меня недовѣрчиво Петрово.

Я ему отвѣтилъ, что знаю ихъ еще со второго класса гимназіи, когда началъ лазить съ картой неба на крыши, чтобъ изучать звѣзды.

— Но вы могли ихъ всѣ перепутать по картѣ!

Я взглянулъ на него съ изумленіемъ.

Какъ же можно перепутать?—думалось мнѣ. — Очевидно, онъ самъ никогда не пробовалъ ничего подобнаго и совсѣмъ не знаетъ самыхъ простыхъ вещей въ астрономіи. Значитъ, ко всему, что я сталъ бы говорить о небѣ, онъ отнесется только съ недовѣріемъ и больше ничего!

На слѣдующій день, и опять съ той же цѣлью поправить дурное впечатлѣнье отъ сидѣнья на деревѣ, я хотѣлъ показать ему свое знакомство съ геологіей и сталъ показывать характеръ нѣкоторыхъ геологическихъ обнаженій на берегу рѣчки, но и тутъ опять наткнулся на то же самое скептическое замѣчаніе.

— Откуда вы знаете? Вѣдь вы еще не учились въ университетѣ, а въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ этого не проходятъ.

— Но я уже самъ прочелъ много спеціальныхъ курсовъ и изслѣдованій по геологіи и, кромѣ того, практически изучалъ подмосковныя отложенія и нашелъ въ нихъ порядочно интересныхъ окаменѣлостей, которыя хранятся въ Геологическомъ кабинетѣ Университета.

Въ отвѣтъ опять тотъ же скептическій взглядъ, полный недовѣрія...

Въ видѣ послѣдней попытки, я, пользуясь, кажется, прохожденіемъ мимо насъ коровы, перечислилъ ему разряды позвоночныхъ животныхъ, какъ будто съ цѣлью показать, что у насъ, въ Россіи, есть представители большинства ихъ, но и здѣсь вышло то же самое, что со звѣздами. На основаніи какого-то заранѣе сложившагося предубѣжденія противъ меня, онъ не хотѣлъ допустить мысли, что я могу что-нибудь знать, чего онъ самъ не

знаетъ и, когда я говорилъ что-нибудь, онъ думалъ, что я говорю, какъ попало.

Здѣсь впервые обнаружилась для меня трудность, не будучи солиднымъ по виду и офиціально дипломированнымъ человѣкомъ, заслужить какое-нибудь признаніе среди нашего мало образованнаго общества.

Всякій разъ, когда я сталкивался въ то время съ молодыми спеціалистами въ естественныхъ наукахъ, я тотчасъ же заинтересовывалъ ихъ собой и своими мыслями. Слыша, какъ я со смысломъ произношу спеціальные термины разрабатываемой ими науки и говорю о ея новѣйшихъ и старыхъ теоріяхъ, они сейчасъ же забывали мою молодость и недипломированность и начинали говорить со мною какъ равные съ равнымъ. А когда я говорилъ то же самое въ такъ называемомъ среднеобразованномъ, а въ сущности совершенно необразованномъ, обществѣ, по возврасту старше меня, то выходило, что они не хотѣли даже и слушать меня. И когда я при какомъ-нибудь поводѣ говорилъ имъ свои мысли, они мнѣ просто отвѣчали:

— Ваши собственные выводы и мысли не имѣютъ значенія. Вы бы лучше разсказали, что объ этомъ думаютъ серьезные ученые!

Образовывалась какая-то непроницаемая стѣна... Только тѣ, кто былъ одного со мною возраста или еще моложе меня, слушали меня тогда со вниманіемъ. Такимъ образомъ въ этой усадьбѣ мнѣ въ первый разъ пришла въ голову новая мысль: мнѣніе моихъ друзей, что учиться надо для науки, а не для дипломовъ, не всегда справедливо. Если вы хотите только изучить науку для себя, то дипломъ вамъ, дѣйствительно, ни на что не нуженъ. Но если вы хотите, чтобы ваши научныя мнѣнія съ довѣріемъ принимались обычными людьми, то дипломъ вамъ будетъ очень полезенъ, именно благодаря почти полному невѣжеству нашихъ среднеобразованныхъ людей. Когда противъ васъ въ публичномъ спорѣ выступитъ дипломированный, всѣ будутъ слушать его, а не васъ, хотя бы ваши знанія и были во сто разъ больше, а вашъ оппонентъ уже забылъ все то, что зналъ, и просто говорилъ, что попало на языкъ.

Только въ томъ случаѣ, если у васъ уже будутъ самостоятельныя научныя работы, признанныя спеціалистами, вы избавитесь отъ этого недовѣрія и даже какъ будто получите нѣкоторый плюсъ: репутацію человѣка, пробившаго себѣ дорогу къ знанію собственными усиліями безъ постороннихъ помочей.

Но тогда мнѣ было только двадцать лѣтъ, у меня не было еще никакихъ печатныхъ трудовъ, и такое отношеніе ко мнѣ со стороны Петрово было мнѣ до глубины души обидно. Внутреннее сознаніе, что по существу я правъ, что я говорилъ ему только то, что хорошо знаю, сильно смягчало эту обицу.

— Онъ такъ думаетъ обо мнѣ, потому что ему *нравится* такъ думать... Ну и пусть дѣлаетъ себѣ удовольствіе и воображаетъ, что я ничего не знаю, тогда какъ ничего не знаетъ именно онъ. Вѣдь отъ его мнѣнія я не буду глупѣе! Даже лучше, если о васъ думаютъ хуже, чѣмъ вы есть на дѣлѣ, потому что довѣрившіеся вамъ не разочаруются въ васъ потомъ. Многіе люди стараются казаться другимъ лучше, чѣмъ они есть. Имъ вѣрятъ, потомъ разочаровываются и, разъ обманутые, теряютъ вѣру во всѣхъ людей вообще и дѣлаются несчастными. Во мнѣ, по крайней мѣрѣ, никто не разочаруется, потому что я никому не хочу казаться лучшимъ, чѣмъ я есть.

И полный этими новыми мыслями я въ тотъ же вечеръ рѣшилъ не слушаться болѣе совѣтовъ Алексѣевой, не стараться насильно показывать всѣмъ, что и я кое-что знаю, и отшвырнуть прочь всякую «непреклонную гордость во взглядѣ», какъ выразился Михайловъ въ посвященномъ мнѣ стихотвореніи. Надо вести себя совсѣмъ естественно,—рѣшилъ я,—и на слѣдующій же вечеръ, во время общей прогулки, далъ полную волю своей прирожденной потребности въ быстрыхъ движеніяхъ.

Я вскарабкался на обрывъ, перепрыгнулъ нѣсколько разъ черезъ ручей, прошелъ при всѣхъ, цѣпляясь за доски, подъ струями мельничнаго колеса, а потомъ, когда вмѣстѣ съ закатомъ солнца всѣ пошли домой, я остался сидѣть и мечтать одинъ на берегу широкой запруды.

Мало-по-малу догорала алая заря, и засвѣтился, какъ блѣдная точка, на западѣ неба, желтоватый Арктуръ, а почти прямо надъ моей головой уже сіяла красавица нашихъ лѣтнихъ ночей серебристая Вега. Бѣловатые клочья тумана стали подниматься надъ широкой гладью воды и, тихо гонимые едва замѣтнымъ вѣтеркомъ, шли, какъ привидѣнья безконечной процессіей къ виднѣвшейся невдалекѣ мельницѣ, уже прекратившей свою работу. Все кругомъ было полно глубокаго покоя. Не доходило до меня ни одного человѣческаго голоса, и въ сонной тишинѣ, располагающей къ сновидѣніямъ наяву, эти безчисленные клочья тумана, поднимавшіеся завитушками очень близко другъ къ другу, по временамъ напоминали мнѣ своими очертаніями маленькихъ дѣтей, идущихъ по водѣ на мельницу въ полупрозрачныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ.

Вотъ откуда, — думалось мнѣ, — появилась идея о таинственныхъ существахъ, духахъ воды, русалкахъ, особенно любящихъ мельницу.

Мнѣ очень захотѣлось сдѣлаться мельникомъ гдѣ-нибудь на уединенной мельницѣ и жить въ этой обстановкѣ, устроивъ на ней тайную типографію. Я вспомнилъ, что и типографія у меня уже есть, та самая, которую я вмѣстѣ съ Клеменцемъ, Саблинымъ и Писаревымъ зарылъ въ лѣсу Ярославской губерніи и мѣсто ко-

торой я всегда могъ найти по сдѣланнымъ нами тогда мѣткамъ на деревьяхъ.

— Непремѣнно въ эту же осень отправлюсь за нашей типографіей въ лѣса Даниловскаго уѣзда и приспособлю ее къ дѣлу, устроивъ себѣ такую же мельницу! Какъ будетъ хорошо сидѣть на ея плотинѣ, какъ теперь, въ глубокой тишинѣ лѣса, при лунномъ свѣтѣ, и наблюдать движеніе этихъ блѣдныхъ клочьевъ тумана! Вотъ въ лѣсу раздастся голосъ совы: у-лю-лю, у-лю-лю. Но я буду знать уже, что это — сигналъ приближающихся товарищей. Они идутъ по едва замѣтнымъ тропинкамъ дремучаго болотистаго лѣса, гдѣ водятся волки и медвѣди, и несутъ мнѣ и моимъ товарищамъ по мельницѣ новую бумагу для нашихъ тайныхъ изданій, въ которыхъ я тоже помѣщаю свои статьи, разсказы и стихи революціоннаго содержанія. Я отвѣчаю имъ такимъ же совинымъ крикомъ одинъ разъ. Это означаетъ, что на мельницѣ все благополучно, и вотъ они показываются на полянкѣ, облитой луннымъ свѣтомъ, между деревьями. Вотъ они уже близко, я вижу на ихъ плечахъ тюки съ бумагой, ввожу ихъ въ свою мельницу. Они разсказываютъ мнѣ все, что случилсь новаго, и они уходятъ въ ту же ночь, захвативъ вмѣсто своихъ прежнихъ тюковъ новые съ уже отпечатанными книгами.

— Никол-а-а-й Алекса-а-а-ндровичъ!—вдругъ ворвался въ мои мечты звонкій голосъ Маруси. — Довольно вамъ сидѣть у мельницы! Идите ужинать!

И вотъ я снова въ ихъ компаніи... Самый юный и незамѣтный человѣкъ изъ всѣхъ, кромѣ Маруси! Словъ моихъ никто не слушаетъ въ оживленномъ общемъ разговорѣ. Меня постоянно перебиваютъ, и я, увидѣвъ, наконецъ, что имъ самимъ больше хочется разсказывать, чѣмъ слушать мои разсказы, по обыкновенію, замолкаю и предаюсь слушанью того, что они говорятъ. Я воспринимаю разсказанное ими и наблюдаю за собесѣдниками, стараясь живо представить себѣ, какъ слова каждаго по своей интонаціи и по содержанію естественно вытекаютъ изъ его психологическихъ особенностей... Вотъ здѣсь Петрово немного рисуется передъ Алексѣевой, вотъ здѣсь онъ искренно увлекся и говоритъ отъ души. Вотъ здѣсь Алексѣева непроизвольно повторяетъ чьи-то, слышанныя ею слова, а вотъ это она сказала совсѣмъ, совсѣмъ вѣрно!.. И яркая мысль невольно отчеканивается въ памяти. Да, кто слушаетъ, всегда больше выноситъ изъ разговора, чѣмъ тотъ, кто говоритъ самъ! Если я могу теперь написать всѣ эти воспоминанія, то только потому, что я много чаще слушалъ другихъ, чѣмъ говорилъ самъ. Я говорилъ только тогда, когда сюжетъ самъ по себѣ затрагивалъ меня, и никогда не говорилъ о чемъ угодно, съ простой цѣлью показать, что и я тоже могу болтать языкомъ во рту не хуже кого другого.

Такъ прошло нѣсколько дней. Я мало-по-малу углубился въ чтеніе, такъ какъ въ домѣ было десятка два книгъ по общественнымъ наукамъ, какъ разъ тѣхъ самыхъ, распространеніемъ которыхъ пять лѣтъ тому назадъ занималось наше только что возникавшее тогда тайное общество пропаганды, получившее затѣмъ въ публикѣ названіе «чайковцевъ». Разъ, полулежа на землѣ въ тѣни кустовъ сирени и читая объемистый томъ «Азбуки соціальныхъ наукъ» Флеровскаго, который я взялъ утромъ у Петрово, я услышалъ его шаги по ту сторону кустовъ. Онъ шелъ со своей женой и не замѣчалъ меня за листьями.

— Теперь ты видишь сама, какіе это люди! — говорилъ онъ ей. — Алексѣева еще ничего, представляетъ нѣкоторый интересъ, ну а онъ! Ты сама можешь понять изъ моихъ разговоровъ съ нимъ, которые я заводилъ исключительно для тебя, что въ немъ рѣшительно ничего нѣтъ интереснаго! Ему учиться надо, а онъ пошелъ самъ учить народъ! И даже дѣлаетъ видъ, что знаетъ и звѣзды, и происхожденіе нашихъ земель, а когда съ нимъ спорятъ, начинаетъ выдумывать всякія ученыя имена въ полной увѣренности, что здѣсь нѣтъ учебника, по которому можно было бы его провѣрить. Взялъ у меня сегодня «Азбуку соціальныхъ наукъ»! Еще азбуки не знаетъ, а спроси его, навѣрное, уже дастъ отвѣтъ на все, что въ ней. Ты сама понимаешь, что при такихъ людяхъ успѣха быть не можетъ.

Они прошли мимо и вошли въ комнаты дома, изъ оконъ которыхъ имъ сейчасъ же можно было увидѣть, что я лежалъ по другую сторону куста, близъ котораго они шли, и слышалъ ихъ разговоръ. Чувствуя, что выйдетъ неловкость, я быстро всталъ, и раньше, чѣмъ они прошли мимо оконъ, я, скользнувъ за уголъ, пошелъ по саду и легъ на низменномъ берегу широкаго озера, образованнаго тутъ запруженной для мельницы рѣкой. Я такъ былъ заинтересованъ предметомъ книги, что, сѣвъ подъ тѣнь кустовъ, сейчасъ же забылъ о слышанномъ разговорѣ, который при томъ же не принесъ мнѣ ничего новаго, и принялся за дальнѣйшее чтеніе.

Долго ли, коротко ли я читалъ, уже не могу припомнить. Вдругъ легкій шорохъ за спиной заставилъ меня оглянуться. Всего на шагъ отъ моего лица огромная, стального цвѣта, чешуйчатая змѣя, высоко приподнявъ крючкомъ свою голову, подползала прямо ко мнѣ. Нѣсколько секундъ мы, какъ очарованные, неподвижно смотрѣли въ глаза другъ другу; потомъ я быстро вспрыгнулъ на ноги и отскочилъ на нѣсколько шаговъ, оглядываясь кругомъ, нѣтъ ли палки. Но ничего не было, и гадюка, зашипѣвъ, скрылась, извиваясь, обратно въ чащу береговыхъ кустовъ.

Я побѣжалъ къ дому за палкой и, встрѣтивъ всю компанію, разсказалъ имъ приключеніе.

— Господи! что вы за ребенокъ еще!—воскликнулъ хозяинъ.— Ну, кто же лежитъ съ книгой подъ кустами на берегу, гдѣ всегда водятся змѣи!

Это приключенiе было, какъ выражаются французы, coup de grâce моей репутацiи въ смыслѣ общественнаго дѣятеля... Бѣдный «вождь народа!» Какъ перемѣнилось въ нѣсколько дней твое положенiе! Съ твоей высоты ты сразу низринулся глубоко внизъ! Взамѣнъ московской радикальной юной молодежи, смотрѣвшей на тебя съ обожаньемъ за твои похожденiя въ народѣ, слушавшей съ трогательнымъ вниманiемъ каждое твое слово, ты очутился теперь въ кругу людей, которые чистосердечно считали тебя полнѣйшимъ ничтожествомъ, называли юношей, не представляющимъ изъ себя «рѣшительно ничего интереснаго!» и вдобавокъ еще ты едва не попалъ на зубы болотной гадюкѣ изъ-за твоего увлеченiя научной книгой!

Даже и у Алексѣевой, и у той подъ общимъ впечатлѣнiемъ моей несолидности, начали какъ будто открываться на меня глаза и возникать противъ воли мысль: да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ совсѣмъ еще мальчикъ, хотя ему теперь уже и двадцать лѣтъ!

Правда, она не говорила никому ничего подобнаго, но мнѣ это инстинктивно чувствовалось. Вѣдь и она безъ курса космографiи и геологiи въ рукахъ не могла провѣрить, знаю ли я хоть что-нибудь въ этихъ наукахъ.

Мы съ ней вѣдь только мечтали о будущемъ братствѣ народовъ, а это можетъ дѣлать и ребенокъ.

Мнѣ очень захотѣлось бѣжать отсюда обратно въ Москву. Но какъ было оставить Алексѣеву одну? Вѣдь я считалъ себя ея вѣрнымъ рыцаремъ. Бросить было безчестно, и я рѣшилъ исполнить свой долгъ до конца и прожить здѣсь, несмотря на установившуюся теперь антипатiю ко мнѣ нашего хозяина, столько времени, сколько будетъ нужно для нея.

Но, къ счастью, это нравственно тяжелое для меня положенiе жить въ гостяхъ у человѣка, явно нерасположеннаго ко мнѣ, скоро само собой прекратилось.

Въ одинъ прекрасный день вдали зазвенѣли колокольчики, и изъ подкатившей тройки выскочилъ—кто бы вы думали?—мой лучшiй въ мiрѣ другъ—Кравчинскiй! Можете себѣ представить мою радость!

Кравчинскiй сейчасъ же очаровалъ всѣхъ. Его оригинальная, высокая, смуглая фигура, съ блестящими черными глазами, съ небольшой курчавой бородкой и огромнымъ лбомъ подъ шапкой курчавыхъ черныхъ волосъ, и легенды, ходившiя о его необычайной физической силѣ, всесторонней образованности и приключенiяхъ въ народѣ,—все это соединялось вмѣстѣ, чтобъ всегда и вездѣ дѣ-

лать его центральной фигурой общаго вниманія. Петрово оставилъ для него даже надзоръ по хозяйству и потомъ черезъ день, встрѣтившись со мною, сказалъ съ довольнымъ видомъ:

— Вотъ, наконецъ, познакомился я и съ настоящимъ вашимъ дѣятелемъ!

Я поспѣшилъ передать это Кравчинскому, какъ только мы остались наединѣ, разсказавъ ему такъ же, какъ я самъ, наоборотъ, разочаровалъ здѣсь всѣхъ, кромѣ Маруси.

— Пустяки!—сказалъ онъ.—Не стоитъ обращать вниманія! Они по натурѣ хорошіе люди, ты поживи здѣсь еще немного. Это нужно. Я тебѣ долженъ признаться, что я пріѣхалъ сюда не для того только, чтобы посмотрѣть на ваше житье. Я отправленъ на самомъ дѣлѣ въ Одессу. Ты знаешь, тамъ полный разгромъ. Все наше одесское отдѣленіе арестовано и съ нимъ Волховской, самый цѣнный человѣкъ, котораго необходимо освободить, во что бы то ни стало. Вотъ я и ѣду туда попытаться.

— Возьми и меня съ собою! Я также могу быть полезенъ въ такихъ предпріятіяхъ.

— Знаю. Я тебя выпишу отсюда, какъ только понадобишься. Ты слыхалъ о Волховскомъ?

— Читалъ въ газетахъ, когда шелъ процессъ нечаевцевъ.

— Послѣ этого процесса онъ, единственный изъ всѣхъ выпущенныхъ, не поѣхалъ отдыхать, а явился въ наше петербургское отдѣленіе съ вопросомъ: «Нельзя ли устроить какую-нибудь пакость правительству?» Это намъ очень понравилось, и мы тогда же условились, что онъ будетъ организовать молодежь въ Одессѣ.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣтилъ я,—хотя мнѣ здѣсь и не особенно легко жить, но я останусь еще, сколько нужно, только непремѣнно выпиши меня!

Къ намъ подошла наша молодая хозяйка въ своемъ изящномъ костюмѣ.

— Я сегодня слышала онъ Николая Александровича, что вы написали очень интересную сказку. Она не съ вами?

— Со мной въ чемоданѣ.

— Не можете ли прочесть намъ вслухъ по вашей рукописи?

— Конечно, съ большимъ удовольствіемъ!

— Я придумала устроить это такъ: мы будемъ васъ слушать, сидя въ оврагѣ, на камняхъ нашей рѣчки, подъ кустарникомъ, тамъ, гдѣ она образуетъ водопадики между скалъ.

— Это вы очень хорошо придумали, — отвѣтилъ Кравчинскій, любившій романтическую обстановку.

Онъ побѣжалъ за своей тетрадью.

Мы пошли въ оврагъ и разсѣлись на камняхъ около него.

Содержаніе сказки было отчасти тенденціозное, отчасти юмористическое о глупостяхъ, надѣланныхъ становымъ при розыскѣ

пропагандиста революціи въ народѣ. Она была написана, дѣйствительно живо и образно, и мы не разъ прерывали чтеніе своимъ смѣхомъ. Но едва онъ успѣлъ кончить, какъ горничная прибѣжала доложить, что пріѣхалъ мѣстный исправникъ и ждетъ въ домѣ.

— Откуда онъ?—съ безпокойствомъ поспѣшно спросилъ Петрово.

Дамы тоже встревожились.

— Кучеръ говоритъ, что изъ деревни ѣдетъ къ себѣ домой въ городъ.

Петрово нѣсколько успокоился.

— Очевидно, возвращается изъ поѣздки по должности. Онъ часто ко мнѣ заѣзжаетъ и, конечно, останется обѣдать. Какъ мнѣ васъ назвать ему?

— У меня паспортъ на имя Ѳедорова Александра Александровича.

— Такъ я васъ и назову!

— А васъ,—онъ обратился къ Алексѣевой,—конечно, назову вашимъ собственнымъ именемъ. Васъ вѣдь не разыскиваютъ. Да и васъ,—обратился онъ ко мнѣ,—я лучше назову ему прямо и, если что случится, скажу, что даже и не подозрѣвалъ, будто васъ въ Москвѣ разыскиваютъ.

— Не лучше ли назвать меня иначе? — спросилъ я.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ онъ рѣшительно. — Можете быть увѣренными, что васъ здѣсь никто не ищетъ и даже никто не подумаетъ, что васъ могутъ искать въ Москвѣ!

И онъ поспѣшилъ домой, сказавъ, что если исправникъ пріѣхалъ случайно, то онъ вызоветъ насъ, а иначе надо придумать, что намъ дѣлать.

Однако черезъ полчаса онъ самъ возвращался къ намъ уже вмѣстѣ съ исправникомъ и, представивъ его намъ, какъ своего новаго гостя, предложилъ всѣмъ прогуляться передъ обѣдомъ.

Алексѣева была названа ему извѣстной пѣвицей и по его просьбѣ сейчасъ же надъ нашимъ ручьемъ въ ущельи понесся ея удивительный голосъ:

Бурный потокъ,
Чаща лѣсовъ,
Голыя скалы,—
Вотъ мой пріютъ!

Исправникъ былъ въ полномъ восторгѣ, всю прогулку онъ ухаживалъ за нею, лазилъ на обрывы доставать ей малину и ежевику и послѣ обѣда, уѣзжая, непремѣнно просилъ насъ всѣхъ троихъ побывать и у него въ городѣ и обѣщалъ провезти насъ по всѣмъ его окрестностямъ и интереснымъ мѣстамъ.

Но наше торжество продолжалось недолго. Черезъ день раннимъ утромъ прискакалъ къ намъ, весь въ пыли, одинъ изъ знакомыхъ Петрово и сразу заговорилъ всѣмъ намъ:

— Господа, уѣзжайте немедленно! Исправникъ, возвратившись домой, обратилъ вниманіе, что фамилія М—ъ та же самая, какъ въ присланномъ ему уже давно спискѣ нѣсколькихъ революціонеровъ, которыхъ Третье Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи считаетъ самыми опасными и которыхъ приказало разыскивать по всей Россіи. Посмотрѣвъ имя, отчество и описаніе наружности, онъ убѣдился, что они тѣ же самыя, и что примѣты другого здѣшняго гостя похожи на еще болѣе опаснаго—Кравчинскаго. Онъ вчера же послалъ телеграмму въ Третье Отдѣленіе, спрашивая, арестовать ли всѣхъ троихъ или только мужчинъ.

— Но какъ же вы такъ скоро узнали это?

— Жена исправника разсказала мнѣ все еще вчера вечеромъ, но мнѣ было совершенно невозможно скакать къ вамъ ночью.

— Намъ надо сейчасъ же уѣзжать!—сказалъ Кравчинскій нашему растерявшемуся хозяину.—У васъ есть лошади?

— Лучше взять въ деревнѣ! Тамъ есть крестьянинъ, постоянно занимающійся ямщичествомъ. У него тарантасъ и тройка хорошихъ лошадей.

— Такъ пошлите сказать, что насъ по телеграммѣ вызываютъ въ Харьковъ,—сказалъ Кравчинскій,—что съ моимъ отцомъ сдѣлался ударъ, и мы не постоимъ за деньгами, если только онъ успѣетъ доставить насъ къ поѣзду!

Мы быстро сложили наши вещи и черезъ полчаса уже мчались въ облакахъ пыли по дорогѣ въ Курскъ.

Не знаю, какъ другіе, а я былъ радъ неожиданной перемѣнѣ! Тяжело мнѣ было жить въ этой усадьбѣ послѣ невольно подслушаннаго мною разговора, въ которомъ была высказана обо мнѣ главою дома такая нелестная характеристика! Тяжело было получать пріютъ и ежедневныя одолженія отъ человѣка, который удовлетворилъ уже мною свое любопытство и у котораго въ результатѣ не появилось ко мнѣ никакой симпатіи. Кромѣ того, продолжительное бездѣйствіе было для меня невыносимо. Я былъ способенъ дѣлать все, что угодно, но не имѣлъ ни малѣйшей способности *ждать*.

* * *

Въ Курскѣ мы разстались. Алексѣева съ Кравчинскимъ поѣхали искать убѣжище у знакомымъ въ Одессѣ. Ихъ поѣздъ отходилъ ранѣе моего. Долго-долго смотрѣлъ вслѣдъ его и долго-долго, пока онъ былъ виденъ, мелькалъ, поднимаясь и опускаясь въ окнѣ одного изъ вагоновъ, бѣлый платочекъ Алексѣевой.

Это было наше послѣднее прости. Мнѣ было очень грустно въ этотъ разъ. Я какъ будто предчувствовалъ, что болѣе уже не увижу ее на свободѣ.

И, дѣйствительно, мы снова встрѣтились съ ней лишь черезъ три съ половиной года въ мрачномъ коридорѣ дома предварительнаго заключенія, когда насъ обоихъ вели на судъ...

У Петрово въ усадьбѣ, какъ мнѣ кто-то сообщилъ потомъ, былъ тотчасъ же сдѣланъ обыскъ. Жандармы пріѣхали цѣлымъ отрядомъ, чтобъ арестовать насъ всѣхъ троихъ, но, не найдя никого, разочарованные уѣхали обратно. Обитатели въ усадьбѣ и крестьяне въ деревнѣ были подвергнуты допросамъ, но такъ какъ мы не вели тамъ никакой пропаганды и не распространяли никакихъ книжекъ, то всѣ они были оставлены, хотя и подъ подозрѣніемъ, но на свободѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Морозовъ.

Поправка къ воспоминаніямъ Н. А. Морозова.

(Письмо въ редакцію).

Въ августовской книжкѣ «Голоса Минувшаго» въ интересной автобіографической статьѣ Н. Морозова «Во имя братства» вкралась ошибка. На 101 стр. внизу сообщается, что Наталья Армфельдъ была дочерью артиллерійскаго генерала. На самомъ дѣлѣ отцомъ ея былъ весьма извѣстный и очень популярный въ Москвѣ заслуженный профессоръ и докторъ медицины Александръ Осиповичъ Армфельдъ, незадолго передъ смертью занимавшій должность инспектора классовъ Николаевскаго Сиротскаго Института при Моск. Воспитательномъ Домѣ, гдѣ онъ и скончался въ казенной квартирѣ. Затѣмъ уже послѣ его кончины семья Армфельдъ поселилась близъ Арбата, о чемъ совершенно вѣрно говоритъ Морозовъ. Я могу въ дополненіе сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о семьѣ Армфельдъ, которую я хорошо зналъ. Самъ профессоръ былъ превосходный человѣкъ, замѣчательно умный и симпатичный, но считался большимъ оригиналомъ. Разсказывали, что, даже умирая, онъ съ обычнымъ ему присущимъ юморомъ острилъ и, находясь въ агоніи, спокойно объявилъ объ этомъ по-латыни врачу, который при немъ находился. Жена его была также чрезвычайно интеллигентной личностью. Она находилась въ хорошихъ отношеніяхъ со многими выдающимися представителями литературы и вся семья вращалась въ средѣ московской аристократіи. Старшая дочь, Ольга Александровна, вышла замужъ за извѣстнаго ученаго и путешественника Алексѣя Петровича Федченко, котораго сопровождала во всѣхъ его ученыхъ экспедиціяхъ въ Туркестанѣ, помогала ему въ его изслѣдованіяхъ по ботанической части. Ей даже принадлежитъ обработка ботанической коллекціи, собранной въ Туркестанѣ. Говорили послѣ смерти Федченко, который трагически погибъ на одномъ изъ швейцарскихъ ледниковъ, куда онъ ѣздилъ со спеціальной цѣлью сравнить швейцарскіе ледники съ туркестанскими, но безъ жены, что, если бы жена его сопровождала по обыкновенію мужа, то послѣдній не погибъ бы, что она, благодаря своему громадному росту и силѣ, сумѣла бы спасти мужа отъ гибели.

Сынъ Армфельда, Николай, о которомъ упоминаетъ Морозовъ, былъ также въ высшей степени симпатичный человѣкъ. Помнится, что по окончаніи курса въ гимназіи, а, можетъ быть, и не окончивъ курса, онъ ѣздилъ въ Гейдельбергъ слушать лекціи въ тамошнемъ университетѣ. Не тамъ ли онъ окончательно и рѣшилъ посвятить себя революціонной дѣятельности? Онъ умеръ вскорѣ послѣ своей поѣздки за границу.

А. Селивановъ.

О Шлиссельбургскомъ архивѣ.

I.

Это было ровно 25 лѣтъ тому назадъ.

Я уже успѣлъ освоиться съ мыслію о «каторгѣ безъ срока», и также съ тѣмъ глухимъ и мертвымъ застѣнкомъ, который назначили мнѣ вмѣсто этой каторги...

Это вѣчное заточеніе, по мысли его изобрѣтателей, мы должны были проводить въ тиши абсолютнаго уединенія и безмолвія. А потому, примѣняясь къ офиціальной терминологіи, его можно было бы назвать «каторгой бездѣлья и безсмыслія». Изъ нашего быта самымъ тщательнымъ образомъ было изгнано все, что могло бы осмыслить наше существованіе и дать хоть суррогатъ дѣла, на которомъ можно было бы испробовать свои силы. А силы были молодыя и, въ буквальномъ смыслѣ слова, еще не початыя. И потому одной изъ первыхъ реакцій живого организма на мертвящій и отупляющій режимъ была жгучая жажда дѣла. Хоть какого-нибудь дѣла, которому можно было бы отдать цѣликомъ все свое опустѣлое вниманіе и все свое праздное, безконечное время.

Поэтому легко себѣ представить, съ какимъ азартомъ я ухватился за совершенно неожиданное свѣдѣніе, которое сообщилъ намъ при свиданіи мѣстный священникъ,—единственное лицо, кромѣ жандармовъ, имѣвшее доступъ въ нашу тюрьму. Онъ сказалъ мнѣ, что на его попеченіи въ одной изъ крѣпостныхъ башенъ хранится старинный архивъ. Съ содержаніемъ его бумагъ онъ, конечно, не знакомъ, но такъ какъ онъ живетъ здѣсь уже около 30 лѣтъ, то знаетъ, что всѣ наиболѣе цѣнныя историческія бумаги вывезены отсюда въ Государственный Архивъ.

Оставшіяся бумаги, какъ неважныя, находятся въ большомъ пренебреженіи. Голуби летаютъ и гнѣздятся въ томъ же помѣщеніи, гдѣ хранятся эти свидѣтели петровской старины. Но заботиться о нихъ (особенно теперь!) здѣсь рѣшительно некому.

И дѣйствительно. Крѣпость была сдана военнымъ министерствомъ въ аренду мин-ву вн. дѣлъ, точнѣе—департаменту полиціи,

а еще точнѣе—жандармскому вѣдомству. Но это вѣдомство имѣло слишкомъ много заботъ о настоящемъ, и не имѣло ни малѣйшаго интереса къ прошлому этой крѣпости. Самъ же священникъ, теперь уже покойный, хотя и пописывалъ кое-что для печати, но для занятій надъ архивными бумагами не имѣлъ ни малѣйшей подготовки и склонности.

Для меня же этотъ архивъ показался настоящимъ кладомъ. Во-первыхъ, у меня будетъ серьезное занятіе. А во-вторыхъ, я льстилъ себя мыслію, что кое-что извлеку оттуда и, можетъ-быть, сумѣю убѣдить священника взять мои извлеченія и передать, хотя бы отъ своего имени, въ редакцію «Русской Старины», которая въ то время пользовалась широкой извѣстностью. Но послѣднее я затаилъ про себя. Главное, это—новый оригинальный и притомъ единственный трудъ. Да еще такой трудъ, который давалъ мнѣ возможность проникнуть въ исторію этого знаменитаго двухвѣкового застѣнка! И, можетъ-быть, открыть въ архивныхъ бумагахъ какіе-нибудь слѣды нашихъ предшественниковъ, томившихся здѣсь въ тяжкихъ оковахъ и угасшихъ въ неизвѣстности. Я попросилъ священника передать мнѣ часть этихъ бумагъ на просмотръ, и онъ обѣщалъ это.

II.

Въ одинъ прекрасный день, возвратившись послѣ краткой прогулки въ свой пустой и полутемный (матовыя стекла!) каменный мѣшокъ, я нашелъ на своей кровати большую кипу ветхихъ и сѣрыхъ архивныхъ бумагъ, слежавшихся въ плотную массу. Очевидно, ихъ взяли изъ кладовой цѣлой случайной пачкой и, не пересматривая, принесли мнѣ. Стража пріучена была не вступать съ нами въ разговоры, и мнѣ представлено было самому догадываться, что это за бумаги. Понятно, я тотчасъ же бросился къ нимъ съ жаромъ человѣка, который умиралъ отъ тоски и который больше года уже не видывалъ никакой рукописной бумажки.

Увы! Я тотчасъ же разочаровался. Фигурное съ завитушками письмо петровскаго времени—переходнаго времени между славянской и гражданской печатью—было неудобочитаемо. Иныя буквы и цѣлыя слова глядѣли по-нашему. Небольшая часть ихъ имѣла совсѣмъ другой видъ. А нѣкоторые писаря особенно щеголяли своими изысканными выкрутасами, и ихъ рукопись, въ общемъ очень разборчивая, пестрѣла красивыми арабесками, но буквально ничего не говорила ни уму ни сердцу. Чернила прекрасно сохранились. Бумага, толстая и плотная, сѣро-сине-зеленаго цвѣта, сохраняла свой почти натуральный цвѣтъ, потому что бѣлою она никогда не была. Углы и концы листовъ были значительно потре-

паны. Но въ общемъ рукописи не были попорчены и не носили слѣдовъ крысиной, либо голубиной работы.

Первая неудача меня не смутила. Я, конечно, зналъ, что въ старину писали не такъ, какъ пишемъ теперь мы. И теперь, погрузившись въ эту историческую грамоту, скоро овладѣлъ ею.

Рукописи лежали другъ на другѣ безъ всякаго порядка. Большая часть ихъ была въ форматѣ $^1/_2$ листа, но нѣкоторыя сложены въ четвертушку. Иной документъ ограничивался одной страничкой этой четвертушки. Иной занималъ цѣлый листъ. А нѣкоторые тянулись на нѣсколько листовъ. Большая часть относились, дѣйствительно, къ петровскому времени. Но попадались также и бумаги временъ Екатерины II и даже Александра I. Очевидно, ихъ не разъ перебирали и перекладывали и не разъ нарушали всякую хронологію. Это значительно облегчало мои занятія грамотой. И я могъ легко прослѣдить эволюцію современнаго письма почти за двухсотлѣтній періодъ времени, изучая ее въ обратномъ порядкѣ, черезъ Александра и Екатерину къ Петру I.

Овладѣвши грамотой, я погрузился въ изученіе содержанія бумагъ. Большая часть ихъ касалась чисто мѣстной жизни и была продуктомъ здѣшней *гварнизонной*, какъ тогда писали, канцеляріи. Это—либо дѣла хозяйственныя, т.-е. переписка съ военной коллегіей относительно содержанія гарнизона, о необходимыхъ постройкахъ, огородахъ, о матеріалахъ и зерновыхъ продуктахъ, либо—дѣла судебно административныя, такъ какъ канцелярія, очевидно, сама вершала такія дѣла, если не была для нихъ передаточной инстанціей.

Съ возникновеніемъ новой столицы, съ ея укрѣпленіемъ и быстрымъ возрастаніемъ, Шлиссельбургъ тотчасъ очутился въ положеніи отдаленнаго пригорода, и притомъ заброшеннаго пригорода. О немъ чаще всего забывали совсѣмъ. А между тѣмъ кругомъ было пусто, безработно и, конечно, голодно. Пути и товары устремились и потянулись къ новому центру. И шлиссельбургскій гарнизонъ долженъ былъ каждую доску (въ такую-то долю вершка), каждый куль овса и каждый мѣшокъ хлѣба получать изъ Петербурга. И притомъ подолгу выжидать то денежной ассигновки, то присылки натурой. Отсюда—постоянныя ляментаціи, жалобныя слезницы, періодическія повторенія, что «мы гладомъ гибнемъ», и вообще—безконечная переписка.

Для монографіи мѣста и для обрисовки его хозяйственной жизни въ эпоху петровскаго перелома эти бумаги дали бы живой и весьма обильный матеріалъ. Но меня въ то время больше всего интересовали указы самого Петра, надъ которыми значилось: *во всенародное извѣстіе*. Большею частію это были рукописныя копіи, и всѣ они, навѣрное, давно извѣстны историкамъ. Любопытно только, что печатныхъ экземпляровъ далеко не хватало для всѣхъ.

И одно изъ ближайшихъ къ Петербургу присутственныхъ мѣстъ должно было довольствоваться рукописными копіями именныхъ указовъ. Помнится, впрочемъ, что были здѣсь и два либо три печатные подлинные указа, и притомъ съ собственноручной подписью, такъ какъ подъ ними размашисто было изображено: Piter.

III.

Сейчасъ, когда я пишу эти строки, предо мною два ветхихъ старыхъ листка, на которыхъ тогда я набрасывалъ карандашомъ названія нѣкоторыхъ прочитанныхъ бумагъ. И предо мной живо встаетъ эта давняя картина.

Глухая осень. Долгіе-предолгіе нудные вечера. Мертвая, совершенно могильная тишина. Ниоткуда ни звука! Только изрѣдка слышатся глухіе шаги надъ головой, какіе-то ухающіе, таинственные, почти беззвучные. Шаговъ коридорнаго, который ходитъ въ мягкихъ валенкахъ и часто подсматриваетъ въ глазокъ, абсолютно неслышно. Голодное, вѣчно напряженное ухо жаждетъ хоть какихъ-нибудь звуковъ. Но ихъ все нѣтъ, и нѣтъ, и нѣтъ! А передъ глазами сѣро-зеленая, словно оберточная бумага, крупнаго, не нашего формата, и съ ея страницъ живо и картинно выплываетъ древняя жизнь этого маленькаго островка, обильно политаго кровью и слезами многихъ поколѣній.

Я самъ вѣдь, волею судебъ, превращенъ въ архивную крысу. Моя политическая смерть уже совершилась. Я устраненъ самымъ реальнымъ образомъ изъ міра живыхъ людей, моихъ современниковъ,—и устраненъ, повидимому, навѣки. Имя мое уже вписано неизгладимо въ архивъ, а тѣло мое предано пожизненному храненію въ то же самое мѣсто, гдѣ такъ же подъ ключомъ, какъ и оно, хранятся эти сѣрыя, древнія бумаги.

Между нами невольно устанавливается какое-то духовное родство. Я самъ, живой и мертвый въ одно и то же время, стою прочнымъ звеномъ въ непрерывной цѣпи жизни Шлиссельбурга. Обо мнѣ въ текущій моментъ, на исходѣ XIX вѣка, въ крѣпостной канцеляріи пишутся бумаги, совершенно подобныя тѣмъ, какія писались въ этой канцеляріи въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Эти бумаги точно такъ же гдѣ-то тамъ складываются и накапливаются. А еще лѣтъ черезъ сто либо полтораста придетъ къ нимъ проницательный историкъ и откопаетъ гдѣ-нибудь мое имя,—уже одно только имя! И это имя онъ поставитъ въ одинъ общій нераздѣльный списокъ съ именами тѣхъ, которыхъ я могу встрѣтить самъ въ этихъ архивныхъ бумагахъ.

Да вотъ, кстати, тутъ какъ тутъ краснорѣчивый историческій документъ:

«Списокъ *колодниковъ*, польскихъ, русскихъ и шведскихъ, содержащихся въ шлиссельбургской крѣпости въ 1707 году».

Какое удивительное и длительное преемство! И какая прочная неразрывная симпатія между мной и этими «товарищами» по заключенію, сгнившими въ этихъ стѣнахъ 180 лѣтъ тому назадъ!

Къ великому моему сожалѣнію, списокъ этотъ у меня не сохранился. Въ свое время я передалъ его въ редакцію «Былого» для напечатанія. Но журналъ былъ заваленъ болѣе свѣжимъ матеріаломъ и напечатать его не успѣлъ. Туда же были переданы и точно такъ же пропали три документа относительно генералъ-аудитора Крейца, который, не знаю за какія вины, попалъ туда, кажется, въ 1709 году, погибалъ тамъ «голодною смертію» и умолялъ властей, чтобы ему позволено было ходить по городу съ солдатомъ (подъ карауломъ) и собирать подаянія. Другихъ свѣдѣній о заключенныхъ я не встрѣчалъ, но думаю, что найти ихъ тамъ было можно.

Что же касается указовъ Петра I, то ихъ было довольно много, и самаго разнообразнаго содержанія. Извѣстно, что Великій Преобразователь не скупился на эти указы и не стѣснялся, написавши одинъ указъ, вслѣдъ за нимъ писать другой, такъ какъ въ первомъ «было неосмотря поступлено». Тутъ были указы, напр., «о строеніи въ Москвѣ каменныхъ зданій»; о «бородачахъ, которые будутъ бороды пристригать ножницами не вплоть, и такихъ причитать за бородачей».

Одинъ изъ этихъ указовъ я списалъ цѣликомъ. Правда, онъ довольно извѣстенъ, но онъ заслуживаетъ того, чтобы его перепечатать для вящшаго запоминанія. Какъ многія безсмертныя творенія, онъ не утратилъ своего значенія и въ настоящее время. Гораздо больше. Онъ особенно важенъ для переживаемаго нами момента, и потому его слѣдовало бы внести во всѣ учебники законовѣдѣнія, а во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ вырѣзать на мраморной доскѣ.

Буквально этотъ указъ гласитъ слѣдующее:

«Понеже ничто такъ ко управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданъ; понеже всуе законы пишутся, когда ихъ не хранить, или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть: и изловчаются всякія мины чинить подъ фортецію правды; того ради симъ указомъ яко печатью всѣ уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзалъ инымъ образомъ всякія дѣла вершить».

Бываютъ эпохи, когда забывается самая элементарная политическая азбука, хотя бы она была увѣковѣчена въ высокоавторитетныхъ указахъ. Тогда всякое стремленіе къ тому, чтобы упрочить «крѣпкое храненіе правъ гражданъ», считается опаснымъ признакомъ революціоннаго либо оппозиціоннаго образа мыслей.

IV.

Изъ мелкихъ судебныхъ дѣлъ я списалъ и теперь позволю себѣ привести цѣликомъ два прошенія. Привожу ихъ буквально съ сохраненіемъ отчасти ихъ орѳографіи.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій Императоръ и Самодержецъ всероссійскій, Петръ Великій, отецъ отечества и Государь всемилостивѣйшій. Въ нынѣшнемъ 722 году, сего Генваря 9 дня, будучи въ Шлютербургской гварнизонной канцеляріи, бурлакъ Максимъ Михайловъ, сынъ Осиповъ, который нынѣ живетъ при Шлютербурхѣ, бранилъ меня, называлъ глупцомъ и дуракомъ, и тѣмъ меня онъ, Максимъ, обезчестилъ. Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества, вели ево, Максима Осипова въ Шлюртербурхскую гварнизонную канцелярію сыскать и противъ сего моего челобитія допросить. А буде онъ, Максимъ, запретца, я при допросѣ ево уличу явно свидѣтелями, и подопросу о безчестьи моемъ свой Императорскаго Величества милостивый указъ учинить.
Вашего Императорскаго Величества нижайшій рабъ—барабанщикъ Александръ Щипачевъ.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій Императоръ и Самодержецъ всероссійскій, Петръ Великій, отецъ отечества и Государь Всемилостивѣйшій. Съ прошлаго 721 году 3 декабря мѣсяца содержуся я нижепоименованный въ Шлютербурхскомъ гварнизонѣ подъ карауломъ, по челобитію шлютербурхскаго гварнизоннаго батальона солдата Михаила Маврина, и помираю голодною смертію.
Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества да повелитъ державство Ваше, о освобожденіи меня нижепоименованнаго изъ подъ караулу свой Императарскаго Величества милостивый указъ учинить дабы мнѣ, будучи подъ карауломъ, голодной смертью не помереть.
Вашего Императорскаго Величества нижайшій рабъ крестьянинъ Иванъ Яковлевъ.

Теперь намъ кажется курьезнымъ обращеніе къ суду въ такой именно формѣ. Но я привелъ эти прошенія отнюдь не для курьеза. Всякій понимаетъ теперь, что такая форма обращенія унаслѣдована отъ глубокой древности, отъ того именно времени, когда государь производилъ судъ самолично. Но при Петрѣ I съ подобными прошеніями на самомъ дѣлѣ обращались, конечно, не лично къ нему самому. И особенно Петру было совсѣмъ не до того, чтобы просматривать такія челобитья и чинить по нимъ «милостивые указы».

Формы выраженія въ юридическихъ актахъ мѣняются съ перемѣной политическихъ условій и отношеній. Но мѣняются съ большимъ запозданіемъ. Чаще всего форма переживаетъ содержаніе и продолжаетъ удерживаться еще долгое время послѣ того, какъ жизнь совершенно измѣнилась, и установились новыя отношенія, не имѣющія никакого сходства съ прежними. Пережившая форма становится тогда полнымъ анахронизмомъ и постепенно начинаетъ казаться для всѣхъ странною, забавною и ненужною.

Обо всемъ этомъ совсѣмъ не стоило бы говорить, если бы формамъ выраженія въ политическихъ отношеніяхъ до сихъ поръ не

придавалось столько неподобающаго значенія. Пусть жизнь переросла форму. Пусть изъ нея ушло всякое содержаніе. Пусть осталась одна только архаическая оболочка, напоминающая о временахъ давно минувшихъ. Но очень многіе продолжаютъ цѣпляться за подобныя формы и послѣ этого. Въ свою очередь, очень многіе тратятъ силы и энергію на борьбу съ однѣми только формами.

Въ частности форма петровскихъ временъ, хотя и сильно урѣзанная, вѣдь продолжаетъ сохраняться въ мелкихъ судебныхъ отношеніяхъ и въ наше время. Подавая прошеніе мировому судьѣ, мы обращаемся именно къ нему, а отнюдь не на высочайшее имя, какъ это дѣлалось при Петрѣ. Но когда мировой судья оштрафуетъ насъ *на 25 коп.*, онъ долженъ сдѣлать это не иначе, какъ по указу Его Императорскаго Величества. И разбирая въ одинъ день больше 50-ти дѣлъ, онъ долженъ столько же разъ сдѣлать ссылку на высочайшее имя.

Недавно въ Петербургѣ одинъ мировой судья попалъ подъ слѣдствіе за то, что осмѣлился упразднить архаическую формулу и вершилъ дѣла, не произнося каждый разъ установленной фразы. Возможно, что онъ понесетъ дисциплинарное взысканіе и незыблемость старинной формулы будетъ вновь подтверждена.

V.

Теперь я очень жалѣю, что тогдашнее мое архивное увлеченіе очень скоро остыло. Тогда еще слишкомъ живы были во мнѣ отголоски жизни. Слишкомъ сильно было стремленіе къ ней и слишкомъ велика была жажда воплощать немедленно въ дѣло свои книжныя пріобрѣтенія. Ознакомившись съ первой партіей бумагъ, я пригласилъ священника и поставилъ вопросъ ребромъ: возьмется ли онъ отправлять въ редакцію «Русской Старины» тѣ извлеченія, которыя я сдѣлаю для него изъ этого архива. Онъ отказался категорически, и мой вопросъ, конечно, былъ слишкомъ наивенъ. Впослѣдствіи я понялъ, что выносить отъ насъ что бы ни было считалось тяжкимъ преступленіемъ.

Впереди предо мной стояла безконечность и полная безвыходность. Работать надъ разработкой архива съ тѣмъ, чтобы свои труды сложить въ тотъ же архивъ, въ ту же башню, опять на сто лѣтъ,—развѣ это не хуже всякой сизифовой работы? Даже священникъ не хотѣлъ или не могъ меня обнадежить. А безнадежность — плохой стимулъ для работы и еще болѣе негодный совѣтникъ при ея исполненіи. Понятно, что мой интересъ къ архиву при такихъ обстоятельствахъ скоро пропалъ. Пересмотрѣнную кипу я возвратилъ жандармамъ и на ихъ вопросъ, нужно ли еще, отвѣтилъ, что когда понадобится, я спрошу. Но это не понадоби-

лось больше никогда. Года черезъ 2—3 послѣ этого я случайно видалъ, что ожидавшая меня связка архивныхъ бумагъ еще лежала у вахмистра въ коридорѣ въ шкапу. Потомъ, вѣроятно, онъ вернулъ ее опять въ башню.

У меня же вскорѣ завелись новые, неожиданные для меня интересы. Разрѣшили намъ мастерскія, и я быстро сдѣлался сначала башмачникомъ, а потомъ столяромъ. И однимъ изъ первыхъ продуктовъ моего столярнаго искусства былъ большой шкапъ для коридора тюрьмы, который заказалъ мнѣ смотритель, по образцу уже имѣвшагося тамъ. Осматривая свой образецъ снаружи и внутри, я и видѣлъ въ послѣдній разъ недосмотрѣнную мною часть шлиссельбургскаго архива.

VI.

Послѣ этого прошло чуть не 20 лѣтъ. Я жилъ уже на свободѣ. А въ Шлиссельбургѣ, на которомъ проклятье застѣнка тяготѣло уже 200 лѣтъ, строили новую усовершенствованную тюрьму.

Газеты сообщали, что гдѣ-то тамъ, не то въ подземельѣ, не то въ замурованной стѣнѣ, откопали архивныя бумаги. Строители были уже совсѣмъ новичками для этого мѣста. Старожилъ священникъ, съ которымъ я имѣлъ дѣло, успѣлъ помереть. Естественно, что сенсація отъ этой «находки» была огромная. Вѣроятно, въ 1907 г. этотъ архивъ мирно покоился въ той же самой башнѣ, изъ которой въ 1888 году часть его приносилась ко мнѣ въ камеру. А такъ какъ теперь онъ оставался безпризорнымъ и не имѣлъ рѣшительно никакой описи, то предоставлялось каждому выдумывать что угодно о цѣнности неожиданной находки.

Вѣроятно, и въ правительственныхъ сферахъ не нашлось лицъ, которыя были освѣдомлены ранѣе объ этомъ архивѣ, или могли навести о немъ какія-нибудь точныя историческія справки. Поэтому приказано было доставить этотъ архивъ въ Петербургъ [1]), а здѣсь, какъ водится, пригласили для его разборки нѣсколькихъ спеціалистовъ, для того, чтобы сдѣлать работу, которая когда-то такъ улыбалась мнѣ.

Судя по газетамъ, работа длилась больше года и благополучно была доведена до конца. Бумаги, покоившіяся въ Шлиссельбургѣ, повелѣно было разсортировать по разнымъ архивамъ Петербурга. Я теперь забылъ имена лицъ, которыя участвовали въ разборкѣ этихъ бумагъ, и не слыхалъ, извлекли ли они изъ нихъ что-нибудь для публикаціи. Думаю только, что, какъ матеріалъ для монографіи Шлиссельбурга, эти бумаги теперь почти потеряны. Разбитыя и

---

[1]) Въ Археологическій Институтъ. *Ред.*

разрозненныя, онѣ едва ли будутъ такъ удобны для изученія, какъ были бы въ томъ случаѣ, если бы хранились всѣ вмѣстѣ.

Все хорошо, что хорошо кончается. Но было бы еще лучше, если бы эти бумаги были описаны, при нашемъ содѣйствіи, на 20 лѣтъ раньше и тогда же могли быть предоставлены въ пользованіе историку.

Но въ законѣ, писанномъ сто лѣтъ назадъ, предусмотрѣны только *каторжныя* работы. Архивныя же работы для заключенныхъ не предусмотрѣны. Жизнь пробила брешь въ законахъ и заставила организовать въ тюрьмахъ различныя мастерскія. Но сколько времени нужно для того, чтобы пробить брешь дальше и доказать, что на ряду съ другими мастерскими въ тюрьмахъ можно организовать точно такъ же чертежныя, рисовальныя, литературныя, лабораторныя, научныя, а то и архивныя работы?

И вѣдь всякій понимаетъ, что цѣнность всѣхъ этихъ работъ неизмѣримо выше простого ремесла. А ихъ психологическое значеніе для заключенныхъ едва ли въ комъ-нибудь можетъ возбуждать сомнѣніе.

Наше правительство — самый рѣшительный врагъ какихъ бы то ни было эгалитарныхъ тенденцій въ жизни. Но когда дѣло идетъ объ организаціи тюремнаго быта, оно становится самымъ горячимъ послѣдователемъ того утопическаго народничества, которое подъ «трудомъ» разумѣло только физическій ручной трудъ. Поэтому оно силится посадить за этотъ трудъ всѣхъ заключенныхъ безъ различія, не считаясь съ ихъ способностями, ни съ предварительной подготовкой, ни даже съ физическими силами.

М. Новорусскій.

Записки Тимоѳея Зайца.

(Продолженіе) [1].

XIV. Новая жизнь.

1875-го года 23-го марта кончилась старая жизнь Тимоѳея Артемовича Зайца и началась новая. Я началъ размышлять о Богѣ. Видѣлъ я всѣ вышеописанныя мерзости, видѣлъ, что мой отецъ дѣлалъ, что я, что господа, что попы, становой, урядникъ и жиды. И понялъ я, что всѣ мы живемъ не человѣческой жизнью и не по Божьему закону, а по своимъ собственнымъ понятіямъ и прихотямъ.

Теперь я опишу, что я началъ отвергать и къ чему стремиться и чему людей учить. Первая обязанность: бросить водку; второе — трубку и нюхательную табакерку; третье — обряды и обычаи угощать другъ друга; четвертое — ругательство; пятое — воровство; шестое — ложное свидѣтельство; седьмое — убійство и всякаго рода зло. Вотъ семь грѣховъ главныхъ, какъ я думаю. Сколько ни есть на свѣтѣ людей, эти семь грѣховъ вредятъ каждому человѣку, и всякій человѣкъ можетъ отъ нихъ избавиться. Каждый человѣкъ пусть броситъ навсегда, по гробъ жизни, водку, пиво, всѣ мерзости, которыя мы раньше дѣлали. Тогда наша молитва будетъ безпрепятственно доходить до истиннаго живого Бога...

И тотъ человѣкъ, который рѣшитъ воздержаться отъ семи главныхъ грѣховъ, тотъ можетъ во Христа креститися и во Христа облекатися. Пустому — пустое, а полному — полное.

XV. Разговоръ съ протоіереемъ и архіереемъ.

1875-го года 23-го марта я отказался отъ попа и не пошелъ къ исповѣди, оставилъ мірскіе обряды и обычаи, пересталъ у попа руку цѣловать, потому что попъ такой же грѣшный, какъ и я, но въ церковь сталъ еще чаще ходить, купилъ лампадъ въ церковь къ образамъ и сталъ стараться вести честную жизнь.

И приходитъ ко мнѣ въ избу попъ и спрашиваетъ: «А почему же это ты къ исповѣди не идешь?»

— Не пойду я больше къ вашей исповѣди.

— Почему не пойдешь?

---

[1]) См. № 8.

— Я тогда ходилъ къ попу исповѣдываться, какъ дѣлалъ разныя мерзости, какія и вы дѣлаете. А теперь я не хочу и мерзостей дѣлать, и къ попу на исповѣдь ходить. Я передъ Богомъ желаю каяться.

Съ тѣмъ попъ и ушелъ. А черезъ два дня пріѣхалъ становой и арестовалъ меня и забралъ всѣ мои книжки. Просидѣлъ я въ волости 5 дней; приходили туда ко мнѣ попы вразумлять меня но я имъ отвѣчалъ то же, что и раньше. Потомъ перевезли меня въ уѣздъ и посадили при полиціи въ камеру. Приходили и туда попы вразумлять меня, и жандармы водили меня въ церковь, а я говорилъ попамъ про мерзости нашей жизни. Держали меня въ камерѣ два мѣсяца, апрѣль и май, и пустили домой, и становой отдалъ мнѣ книги, которыя отнялъ.

А 23-го іюля опять пріѣхалъ становой; призвалъ меня къ себѣ и спрашиваетъ: «Ну, что же ты, Заяцъ, обратишься къ попу? Если будешь такъ, какъ всѣ люди, то будешь тутъ жить, а если не обратишься, то сошлютъ въ Сибирь».

— Воля Божья! какъ вамъ угодно, а я къ попу ужъ не пойду.

Выслушалъ это становой и приказываетъ сотскому и старостѣ: «Берите лошадей и забирайте Зайца съ женой и дѣтьми! сослать его на поселеніе!»

И забрали все мое семейство и повезли въ уѣздъ къ протоіерею. А протоіерей говоритъ сотскому: «На что же ты мнѣ привелъ зайцевыхъ жену и дѣтей? Мнѣ одного Зайца нужно». И сталъ меня допрашивать протоіерей: «На какомъ основаніи ты избираешь себѣ путь?» Я ему разсказалъ, онъ записалъ и велѣлъ уѣзжать. А сотскій спрашиваетъ: «Куда же мнѣ дѣвать его?»

— Откуда взялъ, туда и вези, мнѣ онъ не нуженъ.

И на другой день привезли меня домой. А 6-го августа требуютъ меня въ Сквиру къ исправнику; исправникъ даетъ мнѣ проходную въ Кіевъ въ духовную консисторію. Пришелъ я въ консисторію, показалъ бумагу, и меня подъ конвоемъ отправили за 15 верстъ въ монастырь, который стоитъ въ лѣсу. Пробылъ я тамъ 6 дней, ходилъ въ монастырь и молился Богу. Архимандритъ увѣщавалъ меня исповѣдаться и причаститься святыхъ таинъ. Я отвѣчалъ: «Я уже исповѣдывался до 40 лѣтъ, довольно съ меня, а теперь ужъ мнѣ нѣтъ нужды ходить къ попу исповѣдываться».

Архимандритъ: «Ну, здѣсь не попы, здѣсь монахи».

Я: «Монаховъ-то я еще не знаю, а поповъ то ужъ очень хорошо знаю».

А тутъ пріѣзжаетъ изъ консисторіи старшій писарь, беретъ меня въ карету и везетъ въ Кіевъ, въ Михайловскій монастырь, въ архіерейскій домъ. Вышелъ архіерей; я стою, а руку не цѣлую.

— Что ты за человѣкъ?—спрашиваетъ архіерей.

— Я деревенскій мужикъ, хохолъ.

— Чего жъ тебѣ надо? Зачѣмъ ты пришелъ въ городъ?

— Меня исправникъ прислалъ съ бумагой въ консисторію.

— За что?

— За то, что я попа не хочу.

— А почему жъ ты попа не хочешь?

— Потому что попъ довелъ уже меня до крайней нищеты. Насъ у отца было три сына и двѣ дочери. Пока мы были малы, такъ у отца были и волы, и лошади, и овцы; а какъ мы выросли и сталъ

насъ отецъ женить и замужъ выдавать, то попродалъ онъ и воловъ, и лошадей, и овецъ и деньги отдалъ попамъ за свадьбу и кабатчикамъ за водку. И всѣ деньги ушли, а на подарки пришлось уже занимать. А какъ меня отецъ женилъ, такъ про себя-то уже я хорошо знаю: за вѣнчанье попъ взялъ 12 рублей; въ церковь 1 рубль и дьячку 1 рубль; водки взялъ на 30 рублей; подарковъ требуется: двѣ пары сапогъ — 4 рубля; ножи, кольца и ленты — 1 рубль; свинью купить 10 рублей; попъ выдаетъ свидѣтельство къ другому попу—1 рубль, хлѣбецъ, курица и полбутылки водки; за невѣсту выкупъ тоже 1 рубль; послѣ свадьбы къ выводу—1 рубль, хлѣбецъ, курочка и полбутылки водки. А если справлять свадьбу въ трактирѣ, то кабатчику нужно дать хлѣбъ, курицу, полотенце и цвѣтокъ, и онъ за все это дастъ полштофъ водки, а хозяинъ ужъ самъ долженъ взять на 3 рубля водки и справить свадьбу.

Мой отецъ, чтобы поженить трехъ сыновей и выдать двухъ дочерей, распродалъ все, что только было, и деньги отдалъ попу, дьячку, въ церковь и за водку; хлѣбъ и свиней поѣдали хохлы и водку пили по 6 дней—такіе же точно пьяницы были, какъ я и мой отецъ и мать. Такъ послѣ послѣдней свадьбы отецъ и мать остались въ однихъ рубашкахъ и 160 рублей задолжали. Нужно бы старому человѣку послѣ этой свадьбы радоваться, что всѣхъ дѣтей поставилъ на ноги, а отецъ съ матерью повѣсили головы и ходили, какъ крученыя овцы. Баринъ бьетъ, чтобъ барщину обрабатывалъ, трактирщики ходятъ за долгами, а денегъ нѣтъ. И отецъ совсѣмъ одурѣлъ, заболѣлъ и умеръ. А у меня нѣтъ денегъ попу дать, чтобъ схоронилъ отца. Пошелъ я къ попу, а попъ требуетъ 3 рубля, да дьячку 50 копеекъ, да въ церковь 1 рубль. А я даю ему всего только 1 рубль. Попъ меня обругалъ и прогналъ. Взялъ я боченокъ и пошелъ за водкой, и прошу трактирщика: «Дай мнѣ въ долгъ водки, а какъ будутъ деньги, я тебѣ отдамъ». А трактирщикъ ругаетъ меня: «Ты мнѣ отдашь, какъ твой отецъ отдалъ, что на тотъ свѣтъ занесъ. Чтобъ его кости изъ гроба выкидало! Чтобъ онъ пропалъ, какъ мои деньги пропали!» И выгналъ меня трактирщикъ и не далъ водки. Ночуетъ отецъ другую ночь. Что тутъ дѣлать, головка ты моя бѣдная? Отецъ умеръ черезъ меня, а мнѣ приходится черезъ отца умирать.

Иду я опять къ попу: «Батюшка! умилосердитесь! схороните моего отца, ужъ нельзя и въ хату войти, смердитъ, ужъ третій день лежитъ».

Попъ спрашиваетъ: «А деньги есть?»

— Есть одинъ рубль. Ходилъ, ходилъ по всему селу, никто взаймы не даетъ.

Попъ: «А ты и по душу не звонилъ?»

— Да нѣтъ денегъ.

Попъ: «Вотъ такъ дѣти! для отца жалѣютъ! имъ все равно, что отцова душа на томъ свѣтѣ въ смолѣ кипѣть будетъ».

Выругалъ меня попъ, взялъ 1 рубль и говоритъ: «А два когда отдашь?»

— Когда будутъ, тогда и отдамъ.

Попъ: «Ну, иди, зови дьячка.»

Прихожу я къ дьячку: «Идите, попъ приказалъ, поможете моего отца схоронить».

— А 50 копеекъ есть?

— Нѣтъ.

— Ну, займи гдѣ-нибудь.

— Да гдѣ я займу? Я для попа все село обходилъ, никто не далъ.

— Когда жъ ты отдашь?

— Когда будутъ.

И похоронилъ я отца по-бѣдному, за одинъ рубль: и безъ водки, и въ церковь не вносилъ, и чернымъ сукномъ не накрывалъ, и по душу не звонилъ, и поминковъ не было.

Легче на базарѣ лошадь или какую вещь выторгуешь, чѣмъ съ попомъ сойдешься насчетъ свадьбы или похоронъ.

И только что я отца схоронилъ, а тутъ какъ разъ ребенокъ родился. Головушка ты моя бѣдная! изъ огня да въ полымя! И попу за крестины нужно, и водки нужно: водой не справишь. А выйдетъ шесть недѣль, нужно женѣ итти въ церковь къ выводу, опять давай деньги.

Вотъ что я сказалъ архіерею чигиринскому.

Архіерей меня выслушалъ и говоритъ: «Чадо мое! послушай ты меня: иди ты домой на жительство и будь вѣренъ во всемъ, какъ ты увѣровалъ прежде, и съ этого дня никто съ тебя ни одного гроша не возьметъ.

— Нѣтъ ужъ, будетъ! къ попу больше не пойду! потому что это не законъ, а пагуба для души.

Архіерей: «Такъ тебя сошлютъ въ Турцію».

— Лучше я пойду въ Турцію, а къ попу не пойду.

Съ тѣмъ и пошелъ архіерей въ другіе покои, а я остался съ писаремъ.

XVI. Исторія Ивана Козловскаго.

А писарь сдалъ меня іеромонаху Евстратію Голованскому. А Голованскій далъ мнѣ келью, и я ходилъ по монастырямъ и пещерамъ и все видѣлъ своими глазами, молился Богу и охотно цѣловалъ образа и мощи, а архіерея и монаховъ въ руку не цѣловалъ.

Купилъ я себѣ 4 Евангелія на хохлацкомъ языкѣ, сижу себѣ въ кельѣ и читаю. Сколько бодрости, радости и утѣшенія! Первый разъ читаешь ученіе и страданіе Христа. Разъ читаю я 10 главу отъ Іоанна, идетъ человѣкъ съ сумкой на плечахъ. Увидалъ меня черезъ окошко, что я читаю книжку, и спрашиваетъ: «А гдѣ къ тебѣ пройти?» Я всталъ, отворилъ дверь, а онъ посмотрѣлъ, что за книжка, и спрашиваетъ у меня: «Для чего ты тутъ и что ты за человѣкъ?»

Я отвѣчаю: «Я поповъ не хочу, обряды и обычаи отвергаю и къ исповѣди не хочу ходить».

А онъ меня насильно ухватилъ за руку и поцѣловалъ въ руку. А тутъ стали звонить, я началъ креститься и говорю: «Слава Тебѣ, Боже! слава Тебѣ, Боже!» А онъ спрашиваетъ: «Что такое?» Я отвѣчаю: «А развѣ ты не слышишь, что звонятъ?»

— Да вѣдь сказалъ, что ты все отвергаешь?

— Это я только поповъ и обычаи водку пить, и трубку курить отвергаю, а въ церковь ходить и креститься—это все свято, этого я не могу отвергать.

Иванъ: «Ты ошибаешься. Если ты хочешь спасенія души, то спасеніе не въ церкви, а въ смиреніи и въ терпѣніи; а въ гордости и въ высокомѣріи—погибель для души».

И началъ онъ мнѣ толковать и указалъ въ Евангеліи такія мѣста, которыя отвергали мои понятія. И я уже въ церковь не пошелъ, а остановился въ недоумѣніи. Вытаращилъ я на Ивана глаза и думаю: что это за человѣкъ? Ушелъ Иванъ, а я сталъ разбирать отмѣченныя имъ мѣста.

Утромъ опять пришелъ Иванъ, опять говорилъ то же самое, принесъ мнѣ Библію въ двухъ частяхъ и убѣждалъ меня:

— Что бы съ тобой ни случилось, все переноси съ терпѣніемъ.

У насъ вотъ что было. На самый Троицынъ день направилъ попъ противъ меня людей; приходятъ староста, сотскій, присяжные и волостные судьи, а простыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, безъ числа со всего села, отъ стараго до малаго. И староста говоритъ мнѣ: «А что же ты, Иванъ, своей избы вѣтками не обтыкалъ? у всѣхъ людей избы пообтыканы, а у тебя гдѣ? или въ лѣсу вѣтокъ не стало или на пруду цвѣтовъ? А куда жъ ты, Иванъ, образа подѣвалъ?»

— А развѣ у меня такъ много образовъ было? было два старыхъ, такъ я ихъ схоронилъ. А новые всѣ цѣлы: одинъ лошадей пасетъ, другой за водой пошелъ, а третій въ люлькѣ спитъ, вотъ и всѣ мои образа.

Судья замахалъ руками, топнулъ ногой и закричалъ:

— Постой, староста! ты съ нимъ не сговоришься! я ужъ вижу, къ нему нужно съ другой стороны заходить. Иванъ, куда ты иконы подѣвалъ?

— Иконы я сжегъ.

Тутъ вдругъ поднялась вверхъ изъ толпы чья-то рука: «Молчите! молчите!» Всѣ затихли, и едва слышенъ съ печи старый, хриплый голосъ,—моя тетка стоитъ на печи на колѣняхъ, подняла вверхъ руки и говоритъ: «Люди добрые! простите меня, Господи, что я буду говорить! я ужъ вѣкъ изжила и все видѣла и слышала еще отъ старыхъ людей, что только между людьми слышно, а того, что Иванъ говоритъ, никогда не слыхала. Всякія хлопоты я на своемъ вѣку переносила, а того, что Иванъ выдумалъ, нельзя и переносить. Какъ это можно: въ церковь не ходить, иконы пожечь и не креститься. Люди добрые! Иванъ считаетъ: старые образа—это мать и отецъ, а новые—это его дѣти».

Судья: «Эге-ге! это онъ слышалъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ. Мы какъ придемъ въ волость судить, и соберутся люди со всѣхъ селъ, такъ писарь вынесетъ книжку такую большую, и изъ нея всякую всячину читаетъ и толкуетъ, какъ судить; а объ томъ, что Иванъ выдумалъ, нигдѣ нѣтъ ни слова. Водку пить—какой грѣхъ? она тоже изъ святого хлѣба. Попы народъ ученый, такъ они бы раньше Ивана сказали, что грѣхъ. И солдаты разсказываютъ, что на праздники или на смотры самъ царь велитъ солдатамъ давать по чаркѣ водки. Ну, табакъ—онъ здоровому ничего не помогаетъ, а какъ нападетъ кашель или зубы заболятъ, то—пусть ужъ со мной никто не споритъ—какъ покуришь, сразу перестанешь кашлять и въ грудяхъ перестаетъ хрипѣть, и легче станетъ. А то достанешь изъ трубки мокраго табаку, приложишь къ зубу — сразу пройдетъ. Это ужъ мы хорошо знаемъ. Ну, подумайте: Богъ далъ Троицу, а у него изба не обтыкана, а въ избу войдешь — образовъ нѣтъ. Да къ тебѣ не то что люди — къ тебѣ и собака не заглянетъ въ твою избу, потому что это уже не изба, а просто сарай».

Я: «Какъ я женился, такъ у меня и на свадьбѣ не было столько народа, какъ нынче пришло: полная изба, да еще на дворѣ больше, чѣмъ въ избѣ. Въ прежніе годы, когда я обтыкалъ вѣтками и иконы были, я, бывало, на Троицу беру жену, оставляю свою избу и иду въ кабакъ и сижу цѣлый день у Шмылейбы. У Шмылейбы и изба не обтыкана, и иконъ нѣтъ, а народу всегда полонъ кабакъ, а моя изба затыкана и иконы были, а всю Троицу стоитъ пустая. Такъ и сегодня: ваши избы всѣ затыканы, и иконы есть, а въ избахъ нѣтъ никого, пустыя стоятъ, а моя изба не затыкана, и иконъ нѣтъ, а людей, слава Богу, полна изба, да еще и на дворѣ, и на улицѣ стоятъ цѣлый день . . . .

. . . .

«Люди добрые! подумайте: какая вамъ отъ того польза, что вы свои избы къ празднику повыметите, повычищаете, вѣтками позатыкаете и ладаномъ накурите, а сами оставляете свои избы пустыми и идете въ кабацкую вонь? Вы сами видите, что въ кабакѣ вездѣ налито, намочено, изъ гусей, изъ куръ кишки валяются, а у порога куча вонючаго навоза. И вы побросаете свои чистыя и убранныя избы и всѣ, отъ стараго до малаго, идете въ такой вонючій и отвратительный домъ, напьетесь водки и къ кабацкой вони прибавляете еще своей вони: одинъ блюетъ, другой рыгаетъ, третій безъ чувствъ лежитъ и подъ себя гадитъ и въ штаны пускаетъ. Кто еще можетъ ногами плутать и не одурѣлъ совсѣмъ и чувствуетъ стыдъ, тотъ на корточкахъ ползетъ за кабакъ и тамъ гадитъ да молитъ; еще баба—та хоть на землю мочитъ, а мужикъ прямо на стѣну, какъ собака. А послѣ праздника всѣ, кто идетъ около кабака, отворачиваются и затыкаютъ носъ отъ общественной вони. Вотъ у животныхъ — у нихъ и праздника нѣтъ, и вони нѣтъ».

Все это я сказалъ своему обществу. Судья поднялъ голосъ: «Староста! что насъ міръ избралъ въ селѣ порядки производить или безпорядки? Долго ли Иванъ будетъ намъ бобы разводить? Вѣдь это не у насъ только такъ дѣлается, а вездѣ».

И староста приказалъ заковать меня въ желѣзное путо и крикнулъ: «Сотскій! розогъ». И народъ началъ расходиться; одни смѣются, другіе плачутъ; осталось одно сельское начальство, а изъ простыхъ—нѣсколько пьяницъ воровъ. Протянули меня, двое сѣло на голову, а двое на ноги, и стали сѣчь въ двѣ розги. Но я сталъ выбиваться, а одинъ пьяница калѣка — его звали Бурлакъ, изъ пьяницъ пьяница, у него губы были съ обѣихъ сторонъ разрѣзаны до самыхъ ушей, какъ у сома, такъ что онъ, какъ хотѣлъ говорить, то скидавалъ съ себя шапку, бралъ себя одной рукой за волосы, а другой за бороду и тянулъ то внизъ, то вверхъ, — этотъ пьяница и говоритъ старостѣ: «Положите Ивану на спину палку и привяжите руки къ палкѣ, тогда не вырвется». Такъ и сдѣлали, и начали сѣчь и сѣкли такъ, что я кричалъ, кричалъ, да и затихъ и пересталъ двигаться. Начальство испугалось и перестало сѣчь. А Бурлакъ наклонился ко мнѣ, послушалъ, снялъ шапку, взялъ себя одной рукой за волосы, другой за бороду, потянулъ то вверхъ, то внизъ, какъ гармонію, и говоритъ: «Иванъ затаилъ у себя духъ, его еще можно бить». Но староста ударилъ Бурлака

въ шею и оттолкнулъ его: «Ты намъ хочешь хлопотъ надѣлать». И перестали меня бить.

А въ избѣ у меня повыбивали окна и развалили печь. Тѣмъ и кончился Троицынъ день.

А Бурлакъ, когда еще былъ молодымъ, такъ его поймали ночью около лошадей, положили ему въ ротъ веревку и на затылкѣ завязали и закрутили закрыткою, чтобъ не кричалъ, а на спину положили палку, чтобы не вырвался, завязали назадъ руки и били, и веревка ему перерѣзала губы до самыхъ ушей. Потому-то онъ и старосту научилъ, какъ меня держать и бить.

Таковъ былъ разсказъ Ивана Козловскаго изъ Волынской губерніи.

XVII. Жизнь безъ попа и безъ обрядовъ.

Продержали меня въ монастырѣ два мѣсяца, отъ 6 августа до 6 октября, и отпустили домой. Принесъ я изъ Кіева книжекъ и листковъ о пьянствѣ и о куреніи табаку, и о томъ, чтобы не ругаться матернымъ словомъ, и картины, показывающія, какъ будетъ на томъ свѣтѣ праведнымъ и грѣшнымъ душамъ.

И разсказалъ я женѣ о бесѣдѣ съ Иваномъ Козловскимъ, и прочиталъ ей отмѣченныя имъ мѣста изъ Библіи и изъ Евангелія: «Не страшитесь знаменій небесныхъ»... И поснималъ я иконы и сжегъ въ печкѣ.

И сталъ я думать о томъ, какъ... вмѣстѣ съ попомъ откинуть и обряды, и обычаи, и угощеніе другъ друга водкой, виномъ и пивомъ.

И началъ я учить своихъ слушателей такъ: если умретъ человѣкъ, то не надо ничего: ни водки, ни закусокъ, а сдѣлать только то, что необходимо для мертваго тѣла: мы должны охотно, безъ всякаго угощенія, выкопать яму, сдѣлать гробъ, прочитать Евангеліе, — не для мертвеца, а для тѣхъ, которые около мертвеца находятся, — отнести мертвеца на кладбище, засыпать землей и разойтись по домамъ.

А для совершенія брака мы должны сойтись на собраніе, прочитать Евангеліе для всѣхъ слушателей и дать наставленіе молодымъ людямъ, которые вступаютъ въ бракъ: вступившіе въ бракъ должны проводить жизнь честную и смирную и любить другъ друга до скончанія тлѣнной жизни. Нельзя, чтобы мужъ послѣ брака засматривался на другую жену, а жена—на другого мужа. И вступившіе въ бракъ должны помнить одного Бога и жить по волѣ Бога и стараться соединить всѣ свои чувства, мысли и силы воедино. А родится ребенокъ, то дѣлать для него все необходимое: присматривать за нимъ, купать, обтирать—и только.

А водка, и вино, и подарки, и угощеніе, и прежніе обычаи и обряды, и всѣ отцовскія понятія и выдумки — должны быть отброшены навсегда.

А случится намъ въ жизни какое горе или несчастіе, то мы не должны спѣшить къ Богу съ поклонами или съ молитвой и давать кому не слѣдуетъ денегъ, или кормить кого пищей для того, чтобы Богъ насъ избавилъ отъ горя. Богъ не насылаетъ на людей горя или несчастья, а мы сами навлекаемъ ихъ на себя своимъ неразуміемъ, своею порочною жизнью и своимъ нерадѣніемъ о самихъ себѣ. Когда мы вѣрили въ попа, то вѣрили и во всѣ по-

повы на насъ налоги, которые мучили насъ. А если мы пожелаемъ вѣрить въ одного живого Бога, то намъ не слѣдуетъ безпокоиться объ умершихъ душахъ, а слѣдуетъ заботиться о живыхъ, чтобы они не гибли отъ холода и голода. И прежде всего мы должны исправить передъ Богомъ свою скверную жизнь на лучшую и честную...

Мы привыкли на всякое горе Богу жаловаться, и сначала бѣжимъ къ попу и даемъ ему денегъ, чтобы онъ помолился Богу о нашемъ горѣ; а отъ попа бѣжимъ къ цыгану, къ ворожеѣ и къ знахарю, чтобы они угадали наше горе, откуда оно нашло на насъ. И мы къ своему горю прибавляемъ себѣ еще другое горе. А лучше мы не будемъ со своимъ горемъ обращаться ни къ попу, ни къ знахарю, а будемъ спѣшить исправить нашу дурную и неразумную жизнь, — и наше горе и несчастье исчезнутъ отъ насъ безъ нашего моленія и поклоненія, и безъ ворожбы. Намъ-то главное нужно понять, чтобы то, что отъ Бога, то принимать, а то, что отъ поповъ, отвергать навсегда, потому что мерзости наши губятъ насъ и души наши навѣки.

XVIII. Почему грѣшно пить водку и курить табакъ.

Богъ создалъ человѣка и далъ ему ноги ходить, руки работать, глаза смотрѣть, носъ дышать, губы ѣсть и воду пить, уши слушать, желудокъ—содержать въ себѣ пищу и питье до времени, а въ свое время извергать вонъ, но извергать уже другимъ отверстіемъ, а не губою; одно отверстіе извергаетъ пищу, а другое—питье. И ясно видно, что все это отъ Бога, и отвергать этого нельзя. А люди выбрали—для желудка водку и вино, для ушей кольца, для носа табакерку,—всѣ эти вещи, ясно видно, что не отъ Бога, а людскія выдумки.

Если бы Богъ позволилъ человѣку табакъ нюхать и трубку курить, то онъ сдѣлалъ бы человѣку гдѣ-нибудь на затылкѣ противъ носа дыру, чтобы было куда табаку вылѣзать, чтобы около носа было чисто. А то человѣкъ кладетъ въ носъ табакъ—и назадъ у него табакъ носомъ же понемногу вылазитъ и зеленитъ подъ носомъ, а жена и дѣти смотрятъ, что у отца подъ носомъ табакъ зеленитъ и течетъ, на усы капаетъ, и переносятъ эту гадость, и боятся сказать отцу, чтобы утерся.

Какъ намъ будетъ отвратительно, если по болѣзни человѣкъ блюетъ и пища возвращается назадъ губою. А если бы у насъ въ желудкѣ не было другого отверстія и трехдневная пища постоянно возвращалась назадъ губою, какъ табакъ носомъ, то намъ и совсѣмъ было бы гадко и отвратительно. Пора намъ опомниться и устыдиться нашего дурного изобрѣтенія. По нашему темному пониманію, человѣкъ можетъ лучше устроить, чѣмъ Богъ.

Человѣкъ строитъ избу, дѣлаетъ отверстія для оконъ, для дверей, строитъ печи и проводитъ трубу, чтобы проходилъ дымъ, чтобы не кашляли его жена и дѣти, и никто не можетъ сказать, что это онъ дѣлаетъ плохо. А если бы человѣкъ не проводилъ изъ печи трубы и дымъ шелъ бы прямо въ избу, такъ убѣжалъ бы изъ избы.

Но вотъ мужикъ зажжетъ трубку и тянетъ дымъ въ ротъ, но не глотаетъ, а изо рта ртомъ же выпускаетъ, а жена и дѣти кашляютъ отъ этого дыма. И изъ этого ясно видно, что Богъ не

дозволяетъ человѣку курить. Если бы Богъ дозволилъ человѣку курить, такъ онъ сдѣлалъ бы ему гдѣ-нибудь на лбу или посреди головы отдушину для выхода дыма.

И этотъ дымъ, и водка, и вино такъ затуманили нашу голову и разстроили наши чувства, что мы не можемъ различать, что для насъ позволено и что вредно.

XIX. Арестъ. Наказаніе розгами.

1876-го года 25-го декабря приходитъ ко мнѣ дьячекъ съ крестомъ и началъ пѣть: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ»... Но я ему не дозволилъ пѣть, и онъ на меня началъ плевать, а я наплевалъ на него и сказалъ ему: «Ты больше ко мнѣ не ходи, потому что ты мнѣ теперь не нуженъ».

Послѣ новаго года, 6-го января, приходитъ ко мнѣ въ избу попъ, дьячекъ и два хохла: одинъ хохолъ носитъ ведро воды, въ которое попъ кропило макаетъ, а другой носитъ мѣшокъ и забираетъ по избамъ подаянія: хлѣбъ, яйца, пшено, кто что дастъ, а еще одинъ мужикъ ѣдетъ въ телѣгѣ, съ лошадью и возитъ добычу. А дьячекъ принесъ съ собою кусочекъ мѣлу писать на дверяхъ Іордань (крестъ). Вошли въ избу всѣ разомъ и затянули: «Во Іорданѣ крещающуся тебѣ, Господи». А у меня была полна изба людей, читали Библію и Евангеліе и толковали по своему разуму. Попъ началъ святить избу, а я говорю ему: «Оставь, не святи», а онъ знай себѣ святитъ. Я схватилъ рукой за кропило; попъ держитъ кропило тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ, а я взялъ посерединѣ, а мужикъ, тотъ, что воду носитъ, взялъ за самый верхъ: я и попъ держимъ тихо, а хохолъ мотаетъ кропиломъ во всѣ стороны, хочетъ вырвать его у меня изъ рукъ, но не можетъ, и началъ меня по матушкѣ ругать. Я бросилъ кропило и выпихнулъ хохла на дворъ, а попъ и дьячекъ остались въ избѣ, и людей полна изба, и всѣ въ недоумѣніи, не знаютъ, что изъ этого выйдетъ. Люди всѣ сѣли, садится и попъ съ дьячкомъ около стола. И спрашиваю я у попа: «Скажи ты мнѣ: на что это ты святишь избы?»

Попъ: «А я, что ли, одинъ свячу! По всему свѣту люди святятъ, вотъ и я свячу».

Я: «Ну и святи себѣ, но тамъ, гдѣ тебя принимаютъ, а я уже не хочу, чтобъ ты мнѣ избу святилъ».

И продолжали мы бесѣду съ попомъ до самаго вечера. Имя попа — Иванъ Крыжановскій, а дьячка — Викторъ Збановскій, а хохловъ, которые съ ними ходили, Иванъ Пилипчукъ и Александръ Рыбачукъ.

А на другой день становой приставъ Барановскій арестовалъ меня за кропило и посадилъ подъ строгій караулъ и велѣлъ приготовить розги. Просидѣлъ я въ карцерѣ 6 дней, и становой не билъ меня и отпустилъ на волю. Но черезъ нѣсколько дней волостного помощникъ, староста и сотскій собрали людей такихъ, которые попу нравятся, а попъ напоилъ ихъ водкой и научилъ, что дѣлать. Вечеромъ взяли меня подъ арестъ, запутали въ желѣзное путо, и волостного помощникъ началъ бить меня по лицу и говорить мнѣ: «Вотъ, пришла отъ царя бумага, что если ты не обратишься назадъ къ попу и къ церкви, то чтобы тебя тупымъ ножомъ на куски порѣзать и выбросить собакамъ». А я ему отвѣчалъ:

«Если пришелъ попу такой приказъ, то это дѣло вашей совѣсти, а моя совѣсть не допускаетъ меня обратиться къ прежней жизни. Лучше пусть ужъ меня собаки ѣдятъ, а къ попу и въ церковь вашу я не могу опять ходить».

Григорій Емельяновичъ Пилипчукъ и Дмитрій Черненькій, волостного помощникъ, схватили меня за волосы и начали бить по головѣ и по лицу и въ бокъ ногами, такъ что у меня въ одномъ глазу начала горѣть свѣчка. И повели меня въ избу къ Ивану Архиповичу Коцюбѣ, и тамъ опять били, а потомъ дали мнѣ книжку читать. Только что я взялъ въ руки книжку, а помощникъ опять началъ бить по лицу. А къ ночи поставили около избы караулъ, чтобы не пускать въ нее ненужныхъ имъ людей, вывели меня въ сѣни, сорвали съ меня штаны, сѣли двое на голову, а двое на ноги и начали въ двѣ розги сѣчь. Высѣкли и говорятъ: «А будешь ходить въ церковь? будешь креститься и исповѣдываться?»

Я отвѣчалъ: «Кто желаетъ, тотъ пусть ходитъ, а я не желаю».

Опять начали сѣчь и опять спрашиваютъ: «Ну, что, пойдешь въ церковь? будешь креститься?»

«Въ гробъ пойду, а въ церковь не пойду».

Въ третій разъ начали сѣчь, но тутъ ужъ я потерялъ сознаніе и не знаю, что со мной дѣлали и что мнѣ говорили.

И приволокли меня въ избу, и начали мнѣ въ ротъ водку лить. И я пролежалъ всю ночь въ избѣ, а когда начало свѣтать, привели мою жену и тоже 3 раза высѣкли розгами и наливали въ ротъ водки. А потомъ стали приводить моихъ слушателей, мужчинъ и женщинъ и тоже сѣкли розгами раза по два и по три, пока человѣкъ не согласится выпить водки и взять трубку въ зубы; кто отказывался, опять сѣкли. Одна баба была беременна, такъ мужъ просилъ, чтобъ подержали ему его жену, и шесть человѣкъ держали ее, на аршинъ отъ земли, а мужъ самъ, своею рукою, сѣкъ розгою, а потомъ взялъ ее веревкой за шею и повелъ домой. Потомъ она родила ребенка, но онъ сейчасъ же умеръ, а ее мужъ держалъ на веревкѣ, чтобы не ходила на собранія.

А на другой день волостного помощникъ и другіе пьяницы снова напоили насъ водкой и повели въ церковь. Попъ исповѣдалъ насъ и приказалъ людямъ: «Сохрани васъ, Боже, называть ихъ штундами, не смѣйтесь надъ ними». И поставили въ селѣ обходъ,— день и ночь караулили насъ, чтобъ мы не сходились другъ ко другу.

А я лежалъ цѣлый мѣсяцъ больной, а послѣ одинъ братъ привезъ меня ночью на вокзалъ, и я поѣхалъ въ Кіевъ и подалъ жалобу генералъ-губернатору. Вскорѣ пріѣхалъ въ село слѣдователь, разслѣдовалъ дѣло и посадилъ помощника волостного въ тюрьму, а остальные перепугались. И мнѣ стало легче. А Григорій Емельяновичъ Пилипчукъ, который говорилъ, чтобъ меня тупымъ ножомъ на куски рѣзать и собакамъ бросать, на Пасху загулялъ, и водка его ночью задушила на смерть [1]).

---

[1]) Болѣе подробно избіеніе Т. А. и другихъ штундистовъ описано имъ въ письмѣ отъ 4 сентября 1900 года къ И. М. Трегубову.

XX. Опять въ монастырь на увѣщаніи. Монахъ подъ арестомъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1877-го года становой меня арестовалъ и подъ конвоемъ доставилъ въ Кіевъ въ Михайловскій монастырь на увѣщаніе. Привелъ меня жандармъ въ монастырь. Смотрю я на ту келью, гдѣ я раньше сидѣлъ два мѣсяца, какъ былъ первый разъ на увѣщаніи, и вижу, что келья эта кѣмъ-то занята, кто-то сидитъ у окошка, смотритъ на меня и рукой мнѣ махаетъ. Я бокомъ смотрю на него и спѣшу за жандармомъ. Сдалъ меня жандармъ іеромонаху Евстратію Голованскому, а Голованскій далъ мнѣ келью и плететъ не очень хитрую сѣть: «По этой части ходи и по огороду ходи, а на ту часть не ходи». А того не знаетъ, что я видѣлъ въ кельѣ человѣка, который махалъ мнѣ рукою.

И я до вечера немножко соснулъ, а вечеромъ пошелъ въ ту келью, гдѣ кто-то сидѣлъ.

Прихожу я, смотрю—человѣкъ какой-то у окна сидитъ, а келья заперта. Я вырвалъ замокъ и вошелъ въ келью и спрашиваю: «Кто ты такой, и чего ты тутъ сидишь?» А онъ мнѣ отвѣчаетъ: «А развѣ ты меня не узналъ? Когда ты въ прошломъ году былъ на увѣщаніи, то и я тебя увѣщалъ. Я—монахъ изъ Ѳеофаньевскаго монастыря».

— Я былъ на увѣщаніи въ прошломъ году, но я тебя не помню. Ты что же, поповскаго рода?

— Нѣтъ, я хохолъ Кіевской губерніи, Таращанскаго уѣзда, села Попружны, Осинской волости. Когда перестали господамъ барщину отрабатывать и вышла воля, нашъ міръ собрался на сходъ, и рѣшили всѣ послать одного парня въ Кіевъ въ монастырь, чтобы онъ поступилъ въ монахи и молился Богу за царя и за наше общество. И рѣшили послать меня: «онъ съ малыхъ лѣтъ малый хорошій и грамотный, мы всѣ его хорошо знаемъ; у него хоть отца нѣтъ, такъ старшій братъ будетъ хозяйствовать, и мать около него голову приклонитъ, до самой смерти». И всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Алексѣя! Алексѣя! Помогай ему Богъ на все доброе!»

«И привезли меня въ Михайловскій монастырь, и я сдѣлался послушникомъ. Работа-то не очень тяжелая, да никому нельзя угодить, всякій на тебя ругается. Сталъ я смотрѣть, что монахи дѣлаютъ и какая ихъ жизнь, и увидѣлъ я, что ихъ жизнь непохожа на нашу. Въ деревняхъ люди живутъ, каждый имѣетъ свою жену и дѣтей, а монахи всѣ, отъ стараго до малаго, не женаты. А я уже не ребенокъ, знаю, гдѣ раки зимуютъ. Рака ты не ищи въ лѣсу, а ищи его въ водѣ; а монаха ночью не ищи въ монастырѣ или въ кельѣ, а ищи его въ городѣ. Монахи, которые повыше чиномъ, тѣ себѣ женщинъ приводятъ въ кельи; а послушники боятся приводить, потому что ночью обходъ провѣряетъ; такъ они зажгутъ у себя въ кельяхъ лампы, завѣсятъ окна, запрутъ кельи, возьмутъ длинную веревку, привяжутъ въ саду ко грушѣ, спустятся по веревкѣ за ограду—въ городъ—и пошли гулять на всю ночь, а утромъ опять тѣмъ же порядкомъ назадъ въ келью. А кто не знаетъ, тотъ думаетъ, что монахъ всю ночь стоитъ на колѣняхъ и Богу молится, потому что всю ночь свѣтъ горитъ.

«А всѣхъ лучше тѣмъ монахамъ, которые исповѣдуютъ. Тѣмъ всего легче: онъ накроетъ бабѣ голову епитрахилью; если баба ста-

рая, то исповѣдуетъ, а если молодая, такъ позоветъ къ себѣ на ночь въ келью.

«И мнѣ монашеская жизнь сразу показалась очень отвратительна. И сталъ я волноваться и при случаѣ кое-что между монахами говорить. И переселяютъ меня изъ Кіева за 15 верстъ въ Ѳеофаньевскій монастырь въ лѣсу, гдѣ жилъ митрополитовъ духовникъ. Я его еще не видалъ и пошелъ туда съ радостью, думаю—можетъ, тамъ хоть такого разврата нѣтъ.

«Я слышалъ, что схимникъ изъ пищи ничего не ѣстъ, только одну просвиру съѣстъ за день да стаканъ воды выпьетъ—такъ и живетъ Божьимъ духомъ. Прихожу я въ монастырь, призываетъ меня схимникъ къ себѣ и назначаетъ мнѣ работу: чтобъ я ходилъ утромъ на большую дорогу, по которой богомольцы ходятъ въ Кіевъ, и уговаривалъ ихъ прежде заходить въ Ѳеофаньевскій монастырь Богу помолиться.

«Выслушалъ я такія пустыя и глупыя слова схимника и думаю: для чего это ему нужно? И смотрю я на него: какія у него толстыя руки, шея, лицо, а животъ и въ штаны не влѣзаетъ, даже на человѣка не похожъ, какой въ вышину, такой и въ ширину. И подумалъ я: эге! не Божьимъ духомъ ты живешь, а тебя, видно, весь міръ не накормитъ.

«Принялъ я отъ схимника благословеніе и пошелъ по указанному пути. Выхожу я на дорогу, а богомольцы идутъ въ Кіевъ, а какіе поуставали, тѣ сидятъ. И сталъ я ихъ уговаривать: «Идите, люди добрые, вотъ этой дорожкой въ лѣсъ; тамъ есть монастырь, помолитесь Богу и пойдете себѣ въ Кіевъ въ добрый часъ». Переглянулись богомольцы другъ съ другомъ, поцѣловали у меня руку и пошли прямо въ лѣсъ. Я сталъ уговаривать другихъ богомольцевъ; смотрю—а эти не пошли въ лѣсъ, а повернули мимо лѣса прямо въ Кіевъ. Сталъ я и задумался.

«А подъ лѣсомъ есть село, и мужики выѣхали сѣять просо и гречиху. Шли мимо нихъ богомольцы, и они имъ что-то разсказали, и богомольцы послѣ ихъ словъ уже не пошли въ лѣсъ, а повернули прямо въ Кіевъ.

«Смотрю я, а хохлы повыпрягали воловъ и сошлись всѣ въ одну кучу, человѣкъ 20. Подхожу и я къ этой кучѣ съ монашескимъ настроеніемъ и привѣтомъ, перекрестился и говорю: «Слава Богу, сотрудники Божіи». Никто не отвѣчаетъ. Одни отвернулись, а другіе смотрятъ на меня исподлобья. И говорю я имъ: «Благословите, сотрудники Божіи, воды напиться». Одинъ хохолъ съ сердцемъ отвѣчаетъ мнѣ, — а самъ дрожитъ, и губы у него трясутся: «Иди себѣ въ свое мѣсто, не искушай насъ, ради Бога. Лучше бы я червивую собаку увидѣлъ, чѣмъ монаха».

Я говорю имъ: «Что же я вамъ сдѣлалъ злого, и чѣмъ я васъ обидѣлъ? Я попросилъ у васъ воды напиться и сказалъ вамъ христіанскій привѣтъ, а вы мнѣ ничего не отвѣтили. Дадите—спасибо вамъ, а не дадите—тоже спасибо».

Хохолъ: «Дѣло, братъ, не въ водѣ, въ водѣ тебѣ никто не откажетъ. А дѣло вотъ въ чемъ: за что насъ Богъ вами наказываетъ? Сколько въ нашемъ селѣ разврату, бабы плачутъ, сколько сраму и смѣха, отъ Бога грѣхъ, а отъ людей смѣхъ. А все черезъ монаховъ. Понаѣдаются чужого хлѣба, да и бѣгаютъ по лѣсу, какъ жеребята. Сколько вы намъ женщинъ развратили! Милостивъ Богъ, что онъ васъ не покараетъ».

«Выслушалъ я это и говорю: «Люди добрые! не грѣшите вы на меня! я только вчера изъ Кіева пришелъ и сегодня первый разъ по этой дорогѣ прохожу. Я и въ Кіевъ недавно пришелъ, я хохолъ такой же, какъ и вы».

Хохолъ: «Кабы ты былъ такой же, какъ и мы, то ты и работу такую же, какъ мы, работалъ, а то ты распустилъ рясу, да и ходишь безъ всякаго дѣла. А вѣдь такъ грѣхъ. У насъ дѣти, по 8, по 10 лѣтъ, и то не гуляютъ, а свою работу дѣлаютъ. А вы всю жизнь баклуши бьете».

Я: «Ну вотъ, вы мнѣ не вѣрите, а я вамъ правду говорю, что я не самъ пошелъ въ монахи, а меня міръ послалъ въ монастырь за всю громаду и за царя Богу молиться. А я ужъ, люди добрые, и за себя самого не могу молиться. Я уже видѣлъ, какъ въ Кіевѣ монахи Богу молятся; вотъ я и думалъ: перейду изъ Кіева къ Ѳеофанію, можетъ, тамъ нѣтъ такого разврата.

«Когда я это сказалъ, хохлы стали ласково на меня смотрѣть, и вижу — многіе хотятъ со мной говорить. И одинъ изъ нихъ говоритъ: «Ну, если ты правду говоришь и насъ не обманываешь, то храни тебя Господи. Ты еще человѣкъ молодой, брось ты монашество, ты еще можешь хозяйствомъ заниматься, и дома Богу молиться; это Богу будетъ въ 10 разъ угоднѣе, чѣмъ здѣсь или въ Кіевѣ. Здѣсь не спасеніе, а чистая погибель; мы здѣсь живемъ и все видимъ и знаемъ. Ты, землякъ, не вѣришь мнѣ, такъ повѣрь Богу: если бы нашелся кто за 50 верстъ отсюда и захотѣлъ помѣняться со мною, такъ все, что ни есть изъ хозяйства, все бы ему отдалъ, въ одной бы рубашкѣ остался, вотъ какъ ты меня видишь, и пошелъ бы, чтобы грѣха избѣгнуть: тамъ бы у меня хоть жена да дѣти свободно ходили межъ людьми, никто бы не искушалъ. Кабы не монахи, такъ нигдѣ бы не было такъ хорошо жить, какъ у насъ: земли довольно, и лѣсъ подъ носомъ, а въ лѣсу все есть: и дрова, и груши, и грибы, — все въ лѣсу найдешь, чего душа захочетъ, и бабамъ и дѣтямъ работы довольно, но черезъ лукавыхъ монаховъ нельзя здѣсь добрымъ людямъ жить. У насъ всего можно держать: воловъ, коровъ, лошадей, овецъ и свиней можно въ лѣсу пасти, и жолуди — настоящая выгода для скотины, но жены ужъ ни за что не удержишь, — монахи подманятъ, хоть ты тутъ что. У насъ одинъ человѣкъ задумалъ отучить жену отъ монаховъ. Нанялъ онъ двухъ косарей; пошли они въ поле косить, а жена дома осталась и не знаетъ, что мужъ ея задумалъ. Вынесла она косарямъ обѣдать и говоритъ имъ: «Садитесь, обѣдайте, а я пойду въ лѣсъ, дровъ насбираю, можетъ, грибовъ гдѣ найду на ужинъ». И пошла, а мужъ съ косарями за нею слѣдомъ, думаютъ поколотить хорошенько монаха. И подошли потихоньку къ ихъ логовищу; такъ монахъ, подлая тварь, услыхалъ и давай бѣжать, даже корни подъ нимъ затрещали. А ряса его осталась — подъ бабой была постелена, а въ карманахъ была бутылка водки, булка и 10 рублей денегъ. Мужикъ взялъ рясу и пошелъ съ косарями прямо въ монастырь. Приходитъ къ игумену, показываетъ ему рясу и разсказываетъ, что было. Выслушалъ игуменъ и говоритъ ему: «Какъ ты смѣешь такими безпорядками и глупостями осквернять монастырь?! Если бы ты поймалъ кого изъ нашей братіи налицо, тогда другое дѣло, а то въ городѣ много жуликовъ, или какой хохолъ — это скорѣе всего». Мужикъ говоритъ ему: «Если бы городской жуликъ или хохолъ, такъ на немъ и одежда была бы хохлацкая, а не мо-

нашеская». А игуменъ говоритъ: «Это какой-нибудь жуликъ укралъ рясу у нашей братіи».

«А хохолъ ему: «Я не одинъ тамъ былъ, насъ было трое, и мы хорошо видѣли не жулика или хохла, а монаха. Жуликъ или хохлы — стриженые, а у этого косы висѣли до пояса».

«Игуменъ разсердился и крикнулъ: «Вонъ пошли. Ахъ вы, слѣпая чернь! Вы враги всякой правды!» Такъ и пошелъ мужикъ ни съ чѣмъ».

«Выслушалъ я разсказъ этихъ людей и сказалъ имъ: «Ну, братья, будьте здоровы. Пришелъ теперь конецъ моему монашескому сану; больше вы меня не увидите». И пошелъ.

«Прихожу я къ схимнику и говорю ему: «Я не хочу больше монахомъ быть». Схимникъ всталъ на ноги, взялъ крестъ въ руки, перекрестилъ меня трижды и говоритъ: «Любимое дитя мое, что ты говоришь? Богъ съ тобою! Въ своемъ ли ты умѣ?»

Я: «Конечно, я теперь въ своемъ умѣ, а утромъ я, вѣрно, былъ не въ своемъ умѣ, да еще пошелъ на дорогу людей дурить и насильно тащить туда, куда они не хотятъ. Богомольцы свои труды несутъ, такъ пусть они кладутъ или отдаютъ ихъ тому, кому хотятъ. Мы не должны къ себѣ насильно людей тащить».

«Сказалъ я все это схимнику, и схимникъ далъ мнѣ двоихъ послушниковъ. И привели меня назадъ въ Кіевъ въ Михайловскій монастырь и посадили въ келью и заперли на замокъ. Кормятъ меня здѣсь очень плохо, такъ что хочется постоянно ѣсть и пить. Поручили меня увѣщавать іеромонаху Евстратію Голованскому; и вотъ разъ посходились ко мнѣ самые главные монахи, полна келья, и Евстратій говоритъ:

«Ну, что это ты, Алексѣй, выдумалъ? и что тебя побудило возстать противъ христіанской религіи, принятой не однимъ, а всѣми государствами и указывающей истинный путь, проложенный Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и сохраняемый предками нашими многіе вѣка? Духъ же ясно говоритъ, что въ послѣднее время отступятъ нѣкоторые отъ вѣры. Трудно тебѣ одному итти противъ рожна. Разумѣй же, что я тебѣ говорю, и покайся, пока есть время, и помни слова, написанныя въ священномъ писаніи: «Но есть изъ васъ нѣкоторые невѣрующіе; и въ это время многіе изъ учениковъ его отошли отъ него и уже болѣе не ходили за нимъ.

«Я отвѣчалъ ему: «Я понялъ, что ты мнѣ сказалъ, и хочу покаяться, пока есть время. Ты правду говоришь, что духъ ясно говоритъ; разумѣй же и ты, что я буду говорить. Духъ есть жизнь, а не обманъ; мы должны правдиво передъ людьми жить, а мы вѣшаемъ крестъ себѣ на груди, и люди видятъ это, а что дьяволъ въ нашей груди, такъ этого люди не видятъ. Но наступаетъ время, что духъ ясно говоритъ, и никому другому, а намъ, монашествующимъ, и не въ одномъ государствѣ, а во всѣхъ государствахъ: что монахи принадлежатъ къ тѣмъ людямъ, которые вкрадываются въ дома и обольщаютъ женщинъ. Я испыталъ это на себѣ, и я бы даже не повѣрилъ себѣ, если бы я одинъ занимался этимъ обманомъ; но я вижу, что, сколько ни есть насъ въ Кіевѣ, мы всѣ, отъ стараго до малаго, днемъ, передъ людьми, какъ будто бы слѣдуемъ за Христомъ, а ночью мы всѣ слѣдуемъ за бабами и обольщаемъ и развращаемъ добрые нравы людей. Люди живутъ по-Божь-

ему, съ женами и дѣтьми, обрабатываютъ землю, пріобрѣтаютъ пищу для себя и для животныхъ; и вотъ наберетъ человѣкъ хлѣба и денегъ и несетъ за 100, за 200, за 500 и за 1000 верстъ, трудится, не щадитъ своихъ силъ, терпитъ холодъ и голодъ и жару ради Бога и ради своей души; приходитъ въ монастырь усталый, изнемогшій отъ далекой ходьбы, падаетъ на колѣни, поднимаетъ вверхъ руки и умиленнымъ взоромъ смотритъ на небо, а изъ глазъ катятся слезы. А по окончаніи молитвы онъ хочетъ встать на ноги, но не можетъ, ползетъ на колѣняхъ къ стѣнѣ, достаетъ зашитыя въ рубашкѣ или въ штанахъ деньги, даетъ мнѣ съ поклономъ, цѣлуетъ мои руки и проситъ, чтобъ я помолился о здравіи его и его сродниковъ Богу и чтобъ помянулъ передъ Богомъ ихъ имена, а потомъ чтобъ помолился за упокой его родителей, о прощеніи ихъ грѣховъ, и провозгласилъ вѣчную память. И даютъ, кто сколько можетъ: отъ 5 копеекъ и до 10 рублей и даже до 50 рублей. А иной даетъ мнѣ пятачекъ изъ такой сухой руки, что только кожа да кости, а самъ весь согнутый, горбатый, даже не похожъ на мужика или на бабу; а у меня рука—какъ изъ лебяжьяго пуху для дѣтей подушечка, и я такой гладкой рукой беру изъ такой сухой руки чужіе труды. У богомольца и глазъ не видно, одни ямы на лбу; а у меня глазищи здоровые, какъ луковицы, а кровь во мнѣ такъ и играетъ, а умъ у меня разстроенъ и всѣ мои чувства и мысли направлены къ разврату, какъ у откормленной скотины.

«А Евстратій увѣщаетъ меня: «Алексѣй! послушай ты архіерейскаго совѣта, и если ты не желаешь монашествовать, то поищи себѣ, гдѣ ты пожелаешь, приходъ и будешь сельскимъ священникомъ.

«Змѣиная ты голова, — говорю я ему, — ты хочешь меня искусить, какъ змѣй Адама и Еву искусилъ въ раю. Выскочу я изъ огня и вскочу въ воду — все жизни нѣтъ, а смерть. Нѣтъ, довольно ужъ мнѣ монашествовать, лучше пойду землю пахать, а собачьей жизнью не хочу жить, да еще и хуже собачьей: собаки только лѣтомъ людямъ огороды топчутъ, а монахи и лѣто и зиму шляются и вредъ людямъ дѣлаютъ».

Таковъ былъ разсказъ Алексѣя Родака изъ села Попружны.

XXI. Монастырская жизнь. Явленіе бѣсовъ іеромонаху.

Сижу я въ кельѣ и читаю евангеліе; вдругъ за дверями кто-то проговорилъ: «Іисусе, Сыне Божій, помилуй насъ». Я поспѣшно отворяю двери, — а это Евстратій Голованскій и говоритъ мнѣ: «А почему ты мнѣ не отвѣчаешь: аминь?»

— Если бы ты вошелъ ко мнѣ въ избу и сказалъ бы: помогай Богъ, то я бы тебѣ отвѣтилъ: «Добраго здоровья», а на это я не умѣю отвѣчать.

«Евстратій: «Если я за дверями произнесу имя Іисуса Христа, то ты отвѣчай: аминь, а дверей не отворяй, я самъ отворю, у насъ такъ водится. Вотъ я пришелъ къ тебѣ сказать, чтобы ты досталъ себѣ посуду: горшокъ на борщъ и миску на кашу, и ступай на кухню, тамъ тебѣ дадутъ, а хлѣбъ на хлѣбнѣ будешь получать. Ну, оставайся со Христомъ».

И пошелъ, а я молчу, потому что не знаю, что ему отвѣчать; а по-хохлацки: «Бувайте здоровы!» и отвѣтъ: «Идите здоровы!»

Досталъ я себѣ посуду и пошелъ на кухню. Прихожу я на кухню: «Помогай Богъ!» — Никто не отвѣчаетъ. А поваръ взялъ горячее весло, то, которымъ въ котлѣ мѣшалъ борщъ, и приложилъ мнѣ къ шеѣ. Я ухватился за шею: «Ай-ай-ай! что такое?» А другой монахъ набралъ въ пригоршни сметаны и залѣпилъ мнѣ сметаной глаза и все лицо. Сметана течетъ у меня по свитѣ, а я глаза прочистилъ, чтобы было видно, а лба и носа и бороды и свиты не обтиралъ и пошелъ прямо къ архіерею. Монахи меня не пускаютъ къ архіерею, а я все-таки лѣзу, и монахи около меня измазались въ сметану, а меня повалили на землю, изваляли въ пыль и вытолкали въ шею. А я съ крикомъ началъ ходить по всей обители и показывать себя монахамъ. И сейчасъ же между монахами произошло движеніе: произвели дознаніе, что это и кто это сдѣлалъ, и доказали на повара и на его помощника и начали ихъ изъ монастыря выгонять. А я такъ измазанный вышелъ въ городъ и хотѣлъ итти къ губернатору, но жандармы поймали меня и привели назадъ въ монастырь и отдали монахамъ.

Приходилъ ко мнѣ въ келью Евстратій, и къ себѣ кликалъ, я ходилъ, и мы бесѣдовали о Богѣ, о Христѣ. Одинъ разъ онъ предлагаетъ мнѣ вопросъ: чѣмъ христіанская вѣра крѣпнетъ и чѣмъ слабѣетъ? И говоритъ: «Въ одной ниткѣ нѣтъ силы, она легко рвется, а 1000 нитокъ имѣютъ мощь и силу, а милліоны нитокъ — безмѣрную крѣпость. Вотъ ты отъ насъ отдѣляешься — ты подобенъ одной ниткѣ, упалъ — и некому поднять тебя, и ты долженъ преждевременно погибать» и прочее.

Мой отвѣтъ: «Я этого ничего не понимаю, а я знаю одно, что я жилъ развратно и скверно, хотя я и жилъ съ тысячами и съ милліонами людей, но моя жизнь была гнилая и пустая, не имѣла христіанской крѣпости; и потому я желаю исправить свою скверную и гнилую жизнь и укрѣпить себя правдой и добрыми дѣлами, а не множествомъ развратнаго народа».

И много другихъ вопросовъ предлагалъ онъ мнѣ, и я отвѣчалъ тѣми же словами и держался своего обѣщанія исправлять жизнь.

Разъ призвалъ меня Голованскій къ себѣ въ келью и разсказываетъ мнѣ: «Сижу я ночью около стола, вдругъ начало вѣтромъ двигать столъ и посуду. Я въ недоумѣніи: что такое? Взялъ въ руки крестъ, и мнѣ бѣсы открылись лично, полна келья, и послышался хриплый голосъ: «Ты насъ тяжко обижаешь, ты постишься и проводишь ночи въ молитвахъ, ты много скорбишь о народѣ, переносишь обиды, и ты своимъ смиреніемъ налагаешь на насъ несносное бремя, мы отъ скорби явились тебѣ лично: не мучь насъ своимъ подвигомъ!» И я произнесъ имя Іисуса Христа: «Да запретитъ вамъ Господь прикоснуться ко мнѣ!» Проговорилъ молитву: «Да воскреснетъ Богъ». И бѣсы сразу исчезли движеніемъ вѣтра. А видомъ они были — какъ ратники въ Севастопольскую войну».

«Я: «Ну, я съ тѣхъ поръ какъ живу на свѣтѣ, постоянно боюсь бѣсовъ. Какъ придетъ вечеръ, то я перекрещу на ночь все: и дѣтей, и окна, и двери, и трубу, и гдѣ лягу перекрещу, такъ хоть потрудишься много, пока все перекрестишь, зато спишь спокойно всю ночь, ужъ бѣсы не безпокоятъ ни днемъ ни ночью. А наяву-то я бѣсовъ никогда не видалъ; это я отъ тебя перваго слышу, чтобы бѣсы являлись лично. Богъ ихъ знаетъ — если бы не крестъ, что бы эти бѣсы надъ человѣкомъ сдѣлали. Перекрестишься—и бѣсы

исчезнутъ. Это мы съ тобой оба хорошо знаемъ, чѣмъ отгонять бѣсовъ, чтобы не мучили человѣка. А ты вотъ научи меня, чѣмъ мнѣ отгонять тотъ родъ, который мнѣ сталъ являться лично съ 23-го марта 1875-го года?

«Являлися ко мнѣ въ мою йзбу всѣ мои знакомые: четыре попа и протоіерей, становой, тысяцкій, волостной старшина, писарь, староста, сотскій и все общество, имѣютъ при себѣ для защиты разныя орудія: кресты, книги, сабли, розги, желѣзное путо и веревки; и били, и мучили, и посадили въ карцеръ, и не давали ѣсть. Къ тебѣ бѣсы являлись, чтобъ ты не постился—это не бѣда: они тебя не тронули; а ко мнѣ попы являлись и посадили въ карцеръ, чтобъ я постился—вотъ это бѣда была. Къ тебѣ бѣсы являлись такого вида, какъ ратники, а ко мнѣ являлись—прямо попы да урядники. Вотъ ты теперь и научи меня, чѣмъ этотъ родъ изгоняется?

«Пусть разсуждаетъ всякій, кто какъ понимаетъ, а я понимаю такъ. Больше половины своей жизни я прожилъ, самъ знаю, не по Божьему повелѣнію, а по бѣсовскому: я лгалъ, обманывалъ, воровалъ, лжесвидѣтельствовалъ, и пьянствовалъ, и трубку курилъ, и бѣсовъ боялся, и Богу молился, и никто меня тогда не арестовывалъ и не судилъ, и я еще въ обществѣ былъ первымъ человѣкомъ. Но какъ мнѣ Богъ далъ, что я увидѣлъ самъ свои мерзости, и они стали противны моей совѣсти, и я ихъ бросилъ ради Бога и ради своей души, — меня арестовали и били и судили, разорили мое хозяйство и сослали меня въ чужую сторону. Теперь я могу по себѣ понять, что еще съ незапамятныхъ временъ всѣ, кто бросалъ свою скверную жизнь, какъ доказываетъ исторія, подвергались мученію... Съ давнихъ временъ и до сихъ поръ ни за что такъ строго не наказываютъ, какъ за Бога.

«Іисусъ Христосъ несъ крестъ, но никого не билъ—не то что розгой, а даже пальцемъ никого не ударилъ; онъ проповѣдывалъ: «покайтеся!» и кто хотѣлъ, тотъ каялся, а кто не хотѣлъ, тотъ не каялся. А Христосъ пошелъ себѣ въ другую сторону и тамъ проповѣдывалъ то же самое...

XXII. Какъ монахи морили голодомъ Алексѣя. Подложное письмо.

И началъ я заботиться о голодномъ монахѣ; я ходилъ вольно, а онъ сидѣлъ подъ замкомъ. А я ночью пойду, вырву замокъ и дамъ ему хлѣба, воды и печеной картошки, потому что ему монахи не давали довольно, а морили голодомъ и жаждою за его выговоры и за смѣлое обличеніе монаховъ, за то, что онъ доказалъ имъ всѣмъ въ лицо ихъ кіевскіе подвиги и открылъ всю наготу и срамъ ихъ жизни. Смотрятъ главные монахи—что такое? ѣсть они Алексѣю не даютъ, и келья его заперта, а онъ толстый и веселый. И подстерегли монахи, что я ему ношу пищу, и перевели Алексѣя въ подвалъ и заперли на замокъ, такъ что никакъ туда не пройдешь, потому что надъ подваломъ большой домъ и еще другія двери запираются, кромѣ тѣхъ.

И за нѣсколько дней такъ изморили человѣка голодомъ, что кричалъ «караулъ» и плакалъ: «Дайте мнѣ хлѣба! Дайте хлѣба!»

Что тутъ дѣлать, головка ты моя бѣдная! Подошелъ я къ подвалу, осмотрѣлъ и нашелъ, гдѣ окно. Взялъ я ножъ и вырѣзалъ стекло, но дыра малая, а стѣна толстая, аршина въ полтора, и тамъ темно. Хочу я увидѣть Алексѣя; боюсь, чтобъ онъ не сдался монахамъ. Привязалъ я къ палкѣ кусокъ хлѣба, картофель и бутылку воды, подалъ Алексѣю и опять заложилъ стекло, какъ ничего и не было. И перестал Алексѣй кричать, а я продолжалъ носить ему пищу. Я подавалъ ему бумаги; и онъ писалъ письма, а я носилъ въ ящикъ. А монахи думали, что Алексѣй уже помираетъ, что пересталъ кричать.

Приходитъ разъ ко мнѣ въ келью монахъ: «Ты—Заяцъ?»

— Я.

— На письмо.

А письмо написано скорописью, а я скорописью не умѣю читать. Несу я его къ Алексѣю; подалъ ему въ дыру, онъ прочиталъ и говоритъ: «Это письмо отъ твоей жены». Но мнѣ не слыхать, что онъ тамъ изъ подвала читаетъ. Вижу я, въ сторонѣ стоитъ куча монаховъ; я подошелъ къ нимъ и прошу, чтобы прочитали мнѣ письмо. И одинъ изъ нихъ прочиталъ мнѣ слѣдующее:

«Мужъ мой! прошу я тебя: одумайся и обратися и будемъ жить такъ, какъ всѣ люди живутъ. Потому что мнѣ здѣсь горе жить: меня били, и дѣтей бьютъ, и хлѣба у насъ нѣтъ и дровъ. И чужія дѣти нашимъ дѣтямъ носы поразбивали въ кровь. А пойди чего взаймы просить, такъ никто не хочетъ дать; говорятъ: я тебѣ не дамъ, потому что ты не нашей вѣры. А я вижу, что намъ такъ невозможно жить, такъ я пошла въ церковь и исповѣдалась и дѣтей исповѣдала, и теперь намъ хорошо, и что нужно, люди даютъ взаймы. Обратися и ты, мужъ мой, и будемъ хозяйствовать».

Выслушалъ я и догадался, въ чемъ дѣло, да и говорю монахамъ: «Хорошо, что мнѣ жена сказала, что она обратилась въ православіе; я теперь и знать не хочу ни ея, ни дѣтей и не пойду къ нимъ никогда. Да и зачѣмъ итти? я лучше нигдѣ не найду, чѣмъ тутъ. Тамъ, гдѣ я жилъ, нужно было работать: сѣять, жать, косить, молотить, потомъ лучшее продай да заплати подати, а ѣсть нечего. А въ монастырѣ ничего не работая и подушное не плати, сиди себѣ да лежи, и есть что ѣсть: борщъ съ грибами, съ рыбой, каша съ масломъ. Чего мнѣ еще нужно? зачѣмъ я къ женѣ пойду? Не пойду, потому что лучше нигдѣ не найду».

И монахи сильно огорчились моимъ отвѣтомъ и разсказали другимъ монахамъ. И одинъ монахъ приходитъ ко мнѣ въ келью и говоритъ: «Не вѣрь этому письму, оно подложное, его Голованскій самъ написалъ».

Призываетъ меня къ себѣ Голованскій.

— А что, тебѣ тамъ письмо пришло?

— Пришло.

— Что же тебѣ жена пишетъ? дѣти здоровы?

— Не нужно мнѣ теперь ни жены, ни дѣтей. Я ихъ теперь и знать не хочу, если они обратились назадъ до попа. Я къ нимъ не пойду. Да и зачѣмъ я къ нимъ пойду? Тамъ работай, а ѣсть нечего; а тутъ лежи и ѣшь.

Голованскій: «Что ты за человѣкъ, что ты не жалѣешь ни жены, ни дѣтей! Здоровый дьяволъ въ тебя вселился и изгналъ изъ тебя всю жалось. Ты ужъ не можешь сокрушаться, у тебя уже

милость отнята, ты уже поѣлъ своихъ дѣтей. Собака, животное, и та своихъ дѣтей жалѣетъ, беретъ ихъ въ зубы и несетъ, куда имъ хочется».

А въ то самое время, какъ ко мнѣ пришло будто бы отъ жены письмо, чтобы меня ошеломить, другое Голованскій написалъ становому, и становой пріѣхалъ въ село, чтобы ошеломить мою жену. Пріѣзжаетъ и говоритъ сотскому: «Приведи ко мнѣ Тимоѳея Зайца».

Староста говоритъ: «Зайца нѣтъ дома, онъ въ Кіевѣ».

Становой: «Я получилъ письмо изъ Кіева, чтобы сдѣлать обыскъ, нѣтъ ли его дома, потому что онъ бѣжалъ изъ Кіева».

Приходятъ староста и сотскій къ моей женѣ: «А куда Заяцъ ушелъ?»

— А развѣ вы не знаете, гдѣ онъ? Вѣдь вы и сами знаете, что онъ въ Кіевѣ.

— Да вотъ становой пріѣхалъ и говоритъ: «Ищите Зайца, онъ здѣсь, онъ убѣжалъ изъ Кіева».

И становой потревожилъ людей и уѣхалъ. А люди въ недоумѣніи; одни говорятъ, что это правда, что Заяцъ убѣжалъ, а другіе не вѣрятъ.

А жена сѣла на машину, да въ Кіевъ. Приходитъ въ монастырь, спрашиваетъ монаховъ: «Здѣсь Заяцъ?» А Голованскій узналъ, что моя жена пріѣхала, набралъ съ собой монаховъ и сталъ мою жену изъ монастыря гнать: «Зачѣмъ ты сюда пришла? въ монастырѣ женщинамъ нельзя быть. Убирайся отсюда къ себѣ домой».

Я и говорю ему: «Ну, теперь я тебѣ повѣрю, что тебѣ по ночамъ черти являются. А я вотъ, славу Богу, отъ чертей свободенъ; такъ меня не черти мучаютъ, а попы да монахи. Тебѣ хорошо, что къ тебѣ черти являются; ты возьмешь въ руки крестъ, они и исчезнутъ; ну, а что жъ мнѣ-то дѣлать съ монахами? Вотъ теперь жена говоритъ, что она письма не писала, ты самъ его написалъ, а становой въ селѣ весь народъ на ноги поднялъ. А развѣ такъ можно дѣлать? Добро бы еще я людей мутилъ и лгалъ и обманывалъ—такъ вѣдь я—мужикъ, а ты называешься послѣдователемъ Іисуса Христа. А Христосъ людей не мутилъ и не обманывалъ, говорилъ одну правду и приводилъ людей къ миру. А тебя теперь я по этому письму хорошо узналъ, что ты принадлежишь къ тому самому бѣсовскому роду, который изгоняется молитвой и постомъ. Ты мою жену гонишь изъ монастыря: что же, своей жены въ монастырѣ нельзя держать, а чужихъ можно?»

Проводилъ я жену на вокзалъ, и она уѣхала. А я подалъ архіерею прошеніе слѣдующее: «Я желаю взять съ собой жену и дѣтей сюда въ монастырь и тутъ жить, потому что дома нечего ѣсть, а тутъ есть, что ѣсть». И Голованскій прочиталъ мнѣ рѣшеніе архіерея: «Если ты обратишься въ православіе, то тебѣ дадутъ въ твоемъ обществѣ земли и пару воловъ и сто рублей денегъ и сейчасъ же отпустятъ домой».

Я отвѣчалъ: «Нѣтъ, не хочу. Что жъ, приму я православіе, возьму сто рублей, приду домой; либо ребенокъ родится, либо умретъ, — сразу всѣ деньги и отдай попу, а кабатчику за водку ужъ и нѣтъ. А самъ какъ былъ голый и голодный, такъ и будешь.

Не хочу я вашего православія, лучше ужъ вы живите безъ меня, а я буду жить безъ васъ; отстаньте вы отъ меня, потому что я васъ уже не послушаю».

XXIII. Проклятіе.

Осенью на Михайла въ Михайловскомъ монастырѣ годовой праздникъ. Призываетъ меня вечеромъ наканунѣ праздника Голованскій къ себѣ и говоритъ: «Вотъ, пришла бумага отъ губернатора, чтобъ ты завтра утромъ приходилъ въ церковь. Смотри, не опоздай».

— Я ужъ тебѣ сказалъ разъ навсегда, что я въ твою церковь не пойду.

— Не хочетъ коза итти на торгъ, такъ ведутъ.

На другой день утромъ приходятъ жандармы въ мою келью, ведутъ съ собой Алексѣя и говорятъ мнѣ: «Ну, старикъ, идемъ съ нами».

Вышелъ я изъ кельи и иду къ воротамъ, а жандармы меня ведутъ въ монастырь; я не хочу итти, а жандармы насильно меня пихаютъ. Я взялъ и легъ на землю. А народу кругомъ—Богъ знаетъ сколько. Приходитъ квартальный: «Чего это ты, старикъ, лежишь?»

Я всталъ на ноги и говорю: «Меня ведутъ въ монастырь, а я не хочу».

— А почему же ты не хочешь?

— У меня денегъ нѣтъ: у меня попы все хозяйство забрали.

— А за что у тебя попы хозяйство забрали?

— За то, что насъ было у отца три сына и двѣ дочери; насъ отецъ поженилъ и выдалъ замужъ, такъ ему пришлось продать все хозяйство и деньги отдать попамъ за вѣнчаніе и кабатчикамъ за водку. А послѣ отецъ и мать умерли, такъ я продалъ все, что у меня было, и деньги отдалъ попамъ за похороны, а самъ остался голый. Такъ попы и кабатчики довели меня до крайней нищеты, и теперь у меня нѣтъ денегъ въ церковь ходить.

Квартальный вынимаетъ кошелекъ и даетъ мнѣ денегъ: «На тебѣ денегъ, ступай въ церковь».

Я: «Нѣтъ, теперь ужъ если бы у меня и свои были деньги, а не то что чужія, я бы и то не пошелъ въ церковь».

Квартальный: «Ведите его въ церковь!»

Я взялъ и опять легъ на землю. Тутъ явился Голованскій и какіе-то начальники и говорятъ мнѣ: «Что ты лежишь?»

— Да вотъ, въ церковь меня ведутъ.

— Такъ почему жъ ты не идешь?

Я имъ повторилъ то же, что и квартальному. А начальство говоритъ жандармамъ: «Возьмите его!» Я опять въ третій разъ легъ на землю. А жандармы взяли меня двое за голову, а двое за ноги, подняли выше себя и понесли въ монастырь. И поставили меня около архіерея, а Алексѣй самъ пришелъ пѣшкомъ. Стоимъ мы съ нимъ оба и смотримъ, повытаращили глаза на архіерея. А архіерея приготовили къ службѣ. Посадили его на что-то высокое, выше всѣхъ, а кругомъ него стояли 12 монаховъ въ золотыхъ ризахъ, и у каждаго монаха подъ ногами подушка. Я еще этого никогда не видалъ.

Подходитъ ко мнѣ квартальный, беретъ за руку и говоритъ: «Крестись». А я ему отвѣчаю: «Я рукой не крещусь». А онъ началъ меня насильно крестить, но я руку держу твердо, такъ что квартальный меня не перекрестилъ Онъ разсердился, бросилъ мою руку,

приложилъ свою губу къ моему уху и началъ меня потихоньку по матушкѣ ругать. А въ церкви въ это время была тишина, только квартальный и я боролись и представляли какую-то комедію, а начальство и монахи и народъ смотрѣли на насъ. А народу была полна церковь, еще и на дворѣ стояли. Вдругъ полиція стала распихивать народъ посреди церкви на сажень чистаго мѣста. И выходитъ Голованскій на это мѣсто, и трясется всѣмъ тѣломъ, никакъ не можетъ начать приготовленной имъ рѣчи, такъ что весь народъ въ недоумѣніи, никакъ не могутъ понять, чего это монахъ такъ трясется?

Наконецъ разинулъ Евстратій ротъ и заговорилъ:

«Люди добрые! послушайте, что я буду говорить», и показываетъ на насъ пальцемъ: «вотъ эти люди были православные, какъ и всѣ мы, но ихъ обольстилъ дьяволъ, и они теперь боятся церкви и Христа и сдѣлались штундистскими попами и обольщаютъ народъ, ругаются надъ нашею святынею, такъ что на образахъ нашихъ святымъ шиломъ глаза повыкололи и много другихъ насмѣшекъ подѣлали надъ нашими святыми. Люди добрые! отвратимъ отъ нихъ глаза и слухъ; будь они трижды прокляты. Анаѳема, анаѳема, анаѳема! проклятъ, проклятъ, проклятъ! Плюйте на нихъ и не слушайте ихъ».

И кончилось проклятіе. И гдѣ-то впереди одинъ монахъ произнесъ: «Благослови, владыко». И началась служба. Мы оба стояли спокойно, и никто насъ больше не трогалъ. А послѣ обѣдни начальство и монахи стали расходиться, а народъ не выходитъ изъ церкви, а еще и со двора идутъ и спрашиваютъ: «Куда того человѣка дѣли, что жандармы на рукахъ принесли въ монастырь?» И я началъ говорить людямъ, что попы насъ обманываютъ, но тутъ прибѣжали жандармы, взяли меня за руки и повели въ мою келью. А весь народъ изъ монастыря идетъ за мной, пока жандармы не разогнали всѣхъ съ крикомъ: «куда вы! не смотрите на него, а плюйте на него».

А я какъ пришелъ, сейчасъ же началъ стричь Алексѣю косы: я думалъ, что его опять посадятъ и запрутъ на замокъ. Стригу, спѣшу изо всей силы.

Но Алексѣя уже больше не запирали, и мы съ нимъ вольно обо всемъ говорили. А на другой день послѣ Михайлы посходилися монахи, Алексѣевы друзья, увидѣли своего товарища коротко, до самой кожи, остриженнаго, и раздѣлились на три части: одни начали смѣяться и представлять разныя штуки, на что теперь Алексѣй похожъ; другіе ничего не говорятъ, хорошо это или плохо, а только смотрятъ; а третьи простираютъ руки и поднимаютъ головы къ небу, молятся Богу и плачутъ и горюютъ, что это такое Богъ посылаетъ. А тѣ монахи, которые смѣялись, приходятъ поздно ночью на кухню, гдѣ спалъ Алексѣй, взяли въ руки ножи и стали объ котелъ точить, обступили Алексѣя и говорятъ: «Если ты не обратишься назадъ и не будешь, какъ мы, то мы рѣшились—пусть сами пропадемъ, а тебя зарѣжемъ».

И начали около Алексѣева живота взмахивать ножами. Увидѣлъ Алексѣй свою послѣднюю минуту, задрожалъ весь и началъ, лежа на спинѣ, бросаться то въ ту, то въ другую сторону, отъ одного ножа къ другому, и кричитъ изо всей силы: «Ратуйте [1]),

[1]) Т.-е. «спасите».

кто въ Бога вѣруетъ!» На крикъ сбѣжались монахи изъ другихъ келлій, и Алексѣй промежъ ножей выскочилъ на дворъ и сталъ кричать. Прибѣжали городовые и взяли Алексѣя въ участокъ, и онъ ночевалъ въ части, а на другой день опять привели въ монастырь и разслѣдовали дѣло. У Алексѣя пропало 7 рублей денегъ. Обо всемъ этомъ квартальный составилъ протоколъ. И протоколъ этотъ гдѣ начался, тамъ и кончился.

А меня съ тѣхъ поръ никто больше не увѣщавалъ; живу я, а монахи кормятъ и проклинаютъ: «Чтобъ его душа непрощеная была! И кто только его тутъ держитъ? Корми его даромъ, непокорнаго дармоѣда».

Разъ монахи сѣли обѣдать, а воры обокрали монастырь, украли деньги, кресты, чаши и прочія золотыя вещи. Поставили стражу днемъ и ночью, и черезъ недѣлю тотъ воръ опять пришелъ въ двѣнадцатомъ часу, когда монахи обѣдали. Но архіерейскій мальчикъ увидалъ его и прибѣжалъ въ столовую, и монахи его изловили, побили и въ грязь измазали. Явилась полиція и взяли его въ свои руки.

А квартальный, тотъ, что мнѣ давалъ денегъ и креститься заставлялъ на Михаила, говоритъ монахамъ: «А что вы еще вашего штунда держите? вы бы его завели въ подвалъ и дали бы ему 50 розогъ и подержали бы его тамъ мѣсяцъ, пока не согласится, а потомъ выпустили».

А я говорю: «А развѣ Богъ не видитъ и въ подвалѣ?»

А квартальный говоритъ солдату: «Солдатъ, ударь его въ морду». И этотъ солдатъ ударилъ меня очень сильно. Я закричалъ, заплакалъ и побѣжалъ въ городъ, но жандармы поймали: «А куда это ты бѣжишь?» Къ губернатору, разскажу ему, какъ квартальный дерется.

Но жандармы не пустили меня и привели назадъ въ монастырь.

XXIV. Изгнаніе нечистаго духа изъ поляка.

Пріѣхалъ изъ-за границы въ Кіевъ полячокъ, имѣлъ такую болѣзнь, что упадетъ на землю, страшно закричитъ, бьется объ землю, пускаетъ пѣну и цѣлый часъ не приходитъ въ себя. У него были деньги, и онъ ходилъ въ Кіевѣ по монастырямъ и разспрашивалъ, кто бы могъ ему помочь. Но во всемъ Кіевѣ не нашлось лучшаго обманщика, чѣмъ Голованскій и Никодимъ ему на помощь. И препоясалъ Голованскій свои чресла обманомъ и вооружился жаждою денегъ и началъ изгонять изъ полячка нечистаго духа.

И я много разъ говорилъ поляку: «Не вѣрьте вы обманщикамъ: деньги они возьмутъ, а болѣзни ничего не помогутъ». Но обманщики такъ увѣрили его, что никакая тварь въ мірѣ его не отговоритъ отъ нихъ. Выманили у него всѣ деньги, а болѣзнь какая была, такая и осталась. И правда, что змѣиная голова не поможетъ, а только хуже ужалитъ. Несчастный упадетъ на землю, пуститъ пѣну, и болѣзнь его то поставитъ прутомъ, то поднимаетъ и кидаетъ объ землю; и какъ падаетъ, то страшно закричитъ и бьется цѣлый часъ. И сухой такой, что только кожа да кости. И эта болѣзнь многихъ людей приводила въ трепетъ при видѣ его страданій, многіе сокрушаются и плачутъ и просятъ Бога, чтобъ онъ послалъ ему скорую помощь. А онъ очнется отъ болѣзни, цѣлуетъ у Евстратія руки, падаетъ въ землю и цѣлуетъ ноги и со сле-

зами проситъ: «Помогите, помогите, отецъ святой духовный, ради Христа!»

А пустой человѣкъ стоитъ надъ нимъ, распустилъ рясу, развѣсилъ широкіе рукава, расширилъ бороду, надулъ губы, и смотритъ, кого бы ему еще проглотить, потому что этого одного ему мало. А гордость изъ него такъ во всѣ стороны и пышетъ.

И подумать: зачѣмъ бы такому здоровому человѣку обманывать такого больного и несчастнаго и выманивать у него всѣ деньги до копейки? И когда вышли у полячка всѣ деньги, онъ сталъ упрекать своихъ исцѣлителей. Тогда Евстратій сталъ выгонять его изъ монастыря. И вотъ, наконецъ, онъ понялъ, что монахи ничего не могутъ помочь болѣзни, только деньги всѣ выманятъ. И началъ онъ проклинать не одного Евстратія, а весь городъ. И написалъ домой письмо, чтобы прислали денегъ, и уѣхалъ съ плачемъ, больной какъ и былъ. И говорилъ, что и дѣтямъ закажу, чтобъ не ѣздили въ Кіевъ.

Кіевскіе исцѣлители, іеромонахи Евстратій и Никодимъ, своею силой кого хотятъ—благословляютъ, кого хотятъ—проклинаютъ. Но отъ нихъ благословеніе ничего не помогаетъ и проклятіе ничего не вредитъ.

XXV. Освобожденіе Зайца и Алексѣя изъ монастыря.

1878 года 15-го февраля вмѣстѣ выдали проходныя и мнѣ и Алексѣю. И пошли мы оба ко мнѣ домой. Какъ услышали люди, что я вернулся, насходились ко мнѣ полная изба, и стали мы читать Евангеліе и пѣть псалмы. Настала для насъ великая радость. А тутъ является староста, сотскій и понятые, и староста говоритъ: «Насъ прислалъ попъ; своихъ людей мы знаемъ, а чужіе откуда?» И я указалъ старостѣ, что это люди изъ Капустинецъ, а это изъ Таращей. Взялъ я проходныя, которыя выдали намъ въ Кіевѣ, и отдалъ старостѣ, а староста отнесъ ихъ попу. Потомъ приходятъ опять, и староста говоритъ: «Попъ сказалъ: пускай капустинскіе идутъ себѣ въ Капустинцы, а таращанскіе—въ Таращу, а свои пусть ужъ читаютъ». И мы оба съ Алексѣемъ пошли въ его село, въ Попружны. Тамъ тоже собрался народъ. Увидѣли они своего богомольца, котораго міръ освободилъ отъ всѣхъ мірскихъ обязанностей и послалъ въ Кіевъ Богу молиться, — увидѣли они его не монахомъ и не въ монашеской одеждѣ, а съ короткими волосами,—прямой хохолъ, какъ и былъ; и міръ раздѣлился на нѣсколько толковъ.

Одни говорятъ, что изъ нашего рода не можетъ быть монахъ угодный Богу. «Люди добрые! гдѣ вы видѣли, чтобъ изъ хохла были мощи? Лучше бы мы эти деньги, что истратили на Алексѣя, отвезли бы въ Кіевъ да отдали монахамъ, а монахи молились бы Богу за царя и за весь нашъ міръ, долго бы молились, такъ что и конца бы не было. И было бъ въ 15 разъ Богу угоднѣй. Монахи народъ ученый, они знаютъ, какъ Богу молиться. А теперь только нашего и есть, что истратились, и все пропало даромъ».

А другіе говорятъ: «Ну, толкуйте тамъ! Вы думаете, что монахи особеннаго рода и всѣ, сколько ихъ ни есть, будутъ святыми? Нѣтъ, не будутъ. Только тѣ будутъ святыми, которые угодятъ Богу, а которые не угодятъ, тѣ не будутъ и святыми. Тотъ монахъ бу-

детъ святой, который постится цѣлый день, до самаго вечера ничего не ѣстъ, а на ночь надѣваетъ на голое тѣло изъ власяницы свиту, и эта власяница его цѣлую ночь жаритъ и щиплетъ за тѣло, а онъ стоитъ на колѣняхъ, цѣлую ночь терпитъ и Богу молится. Вотъ этотъ монахъ будетъ святымъ, а который такъ не будетъ дѣлать, то и святымъ не будетъ».

Третьи: «Это правда. Какъ и изъ нашего брата есть человѣкъ честный, который трудится, такъ у него все есть: и деньги, и хлѣбъ, и скотина, и все, что нужно, а кто не трудится, у того нѣтъ ничего.

Четвертые: «Э! что васъ слушать-то, пусть бы лучше умные люди говорили, а вы бы молчали. Нѣшто это Богу угодно, что у человѣка есть деньги, а онъ ихъ никому не даетъ? Деньги нужно въ церковь дать на поминъ усопшихъ заказать, чтобъ попъ помолился; это будетъ угодно Богу.

Пятые: «Ну, что тутъ разсуждать-то! Раньше другіе говорили про насъ: хорошо попружанская громада сдѣлала, что послала одного парня въ монахи за всѣхъ Богу молиться; тогда было радостно слушать, а теперь, какъ услышатъ сосѣди, что нашего монаха изъ Кіева выгнали да еще и косы остригли, то хоть и не ходи къ нимъ—засмѣютъ. Ужъ это я вѣрно знаю».

Шестые: «Люди добрые! одинъ грѣхъ: думали, что хорошо сдѣлали, а оно вышло нехорошо».

Седьмые: «Кабы у насъ добрый міръ былъ, такъ вздули бы его хорошенько, руки назадъ связали, да и отвели бы назадъ въ монастырь, пусть онъ тамъ и остается. Его не шутки шутить послали, а послали Богу молиться, а не баклуши бить».

Восьмые: «Міръ честной! зачѣмъ грѣшить? можетъ-быть, самъ Богъ такъ положилъ, что изъ нашего рода монахъ не можетъ быть угоднымъ Богу».

Девятый: «Постойте, братцы, я хочу вамъ разсказать, что я слышалъ. У меня ночевалъ одинъ іерусалимецъ, такъ онъ разсказывалъ, что когда даешь деньги на церковь, то давай изъ своего труда, чтобъ не краденыя были; а краденыя—положи передъ какимъ святымъ—сразу упадутъ на землю, или купи на эти деньги свѣчку и поставь передъ святымъ—какъ ни зажигай, а свѣчка гаснетъ и гаснетъ».

Десятый: «А вѣдь это, можетъ-быть, и правда, потому что старые люди разсказываютъ такую исторію. Шли богомольцы въ Кіевъ, а попъ несъ работникамъ въ поле обѣдать. И говоритъ попъ богомольцамъ: «А куда это васъ Богъ несетъ, старцы Божіи и старушки?

— Въ Кіевъ идемъ Богу молиться.

— Да что жъ вы такъ далеко идете? развѣ церковь не все равно, что близко, что далеко? Ступайте въ мою церковь, а я отнесу работникамъ обѣдать, да и будемъ молиться.

«И воротились богомольцы въ село, сѣли у церкви и дожидаются попа. А попъ несъ обѣдать, вдругъ откуда-то прилетѣла воронъ цѣлая стая, черныя и пѣгія, и начали надъ попомъ кружиться и каркать. Смотритъ попъ на воронъ, а ихъ все больше и больше со всѣхъ сторонъ слетается и всѣ въ одинъ голосъ кричатъ. И начали вороны летать то вверхъ, то внизъ, а потомъ какъ кинутся всѣ сразу на попа,—такъ его облѣпили, что и не видно, и рвутъ все, что на немъ надѣто: и рясу, и штаны, и шапку, и рубаху; а потомъ забрали всѣ кусочки себѣ въ клювы и въ когти и не каркаютъ, а тихо полетѣли прямо на восходъ солнца.

«А попъ остался голый и, недолго думая, побѣжалъ въ лѣсъ, нарвалъ травы и обмотался весь ею: и руки, и ноги, и голову, такъ что не узнаешь, что это человѣкъ, а прямо вязка сѣна. Взялъ онъ въ руки большую палку, чтобъ воронъ отгонять и пошелъ въ село. А собаки увидали такое чудовище: гамъ! гамъ! гамъ! и насбѣжалась собакъ цѣлая стая. И люди тоже стали сбѣгаться со всего села: никто никогда не видалъ такого чуда. И спрашиваютъ люди другъ у друга: что это такое? но никто не знаетъ. Многіе взяли въ руки большіе палки и кирпичи и смотрятъ, куда пойдетъ это чудовище. А чудовище направляется по большой дорогѣ прямо къ церкви, а не доходя до церкви повернуло за ограду къ попу. А у попа собаки большія, толстыя да злыя; окружили они чудовище около ограды и не даютъ ему шагу ступить. А попадья съ дѣтьми выскочила изъ избы и кричитъ изо всей силы: «Люди добрые! спасите, спасите меня! моего попа дома нѣтъ, а ко мнѣ какое-то чудовище лѣзетъ».

«Увидалъ попъ испугъ его жены и дѣтей, воротился и направился въ церковь. Богомольцы увидали — бѣжать. А попъ бѣгомъ прямо на колокольню, заперъ за собой дверь, размоталъ голову и руки, выставилъ голову въ окно и кричитъ: «Люди добрые! не бойтесь меня: я вашъ попъ, но я тяжко согрѣшилъ передъ Богомъ: я пересѣкъ дорогу богомольцамъ и не допустилъ ихъ помолиться въ Кіевѣ. А теперь я каюсь передъ Богомъ и передъ вами».

Вотъ какую небылицу разсказываютъ старики.

XXVI. Въ чемъ истинная жизнь и истинная вѣра.

И оставилъ я Алексѣя и пошелъ домой. А черезъ годъ опять видѣлся съ нимъ; въ то время онъ уже много народу склонилъ на свою сторону, и я былъ у нихъ на собраніи.

И началъ я выбирать изъ писанія по моему понятію полезные главы и стихи и указывать своимъ слушателямъ новую жизнь по ученію Іисуса Христа. Я говорилъ имъ: «Христосъ нашъ пастырь и учитель и наставникъ, а мы всѣ равные братья и сестры. Оставимъ мы Бога на небѣ въ покоѣ; оставимъ и всѣ обряды и таинства— крещеніе, поклоненіе, устную молитву и всякія приношенія за упокой души и за здоровье тѣла—все это мы должны замѣнить передъ Богомъ честною и богоугодною жизнью, то-есть добрыми дѣлами. Если мы оставляемъ передъ Богомъ болтать языкомъ устную молитву, то мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ освободить нашъ языкъ и отъ всякаго сквернословія. Мы должны имѣть воздержаніе и трезвость и всѣ на насъ нападенія, обиды и невзгоды переносить терпѣливо, безъ ропота. Мы должны строго и зорко слѣдить и смотрѣть каждый за самимъ собой, потому что доброе теряется, а худое умножается.

Предкамъ нашимъ хорошо было спасаться: тогда, въ прошлыя времена, самъ Богъ являлся и показывалъ народу истинный путь, а также ангелы и пророки указывали, какъ видно изъ Библіи. А послѣ Богъ послалъ самого Іисуса Христа проповѣдывать волю Божію, а для тѣхъ, кто не вѣрилъ въ него, самъ Богъ говорилъ съ неба: «Это Сынъ мой возлюбленный, его слушайте», какъ сказано въ Евангеліи. Но въ наше время голоса съ неба не слыхать, и ангеловъ Богъ пересталъ посылать, а Христа убили, и мы остаемся одни. Что же намъ, несчастнымъ, дѣлать?

Однако предки наши слышали голосъ Бога, но не дѣлали по повелѣнію Божьему, а поступали противъ Бога. Адамъ съѣлъ яблоко; Каинъ убилъ Авеля; Моисей убилъ египтянина; Ааронъ надѣлалъ лишнихъ боговъ; Авраамъ обманулъ царя, сказалъ, что Сарра его сестра, а не жена, и у Авраама ребенокъ былъ отъ рабыни; Іаковъ обманулъ отца и укралъ благословеніе; Давидъ взялъ Уріеву жену, а Урія велѣлъ убить; Юдифь отрѣзала голову Алаферну; Елисей просилъ Бога, чтобъ медвѣдица пожрала дѣтей; Ной пьянствовалъ и впалъ въ блудъ; въ Вефилѣ пророкъ обманывалъ пророка и медвѣдь задушилъ одного пророка; Авессаломъ гонялся за отцомъ; судіи напали на Сусанну въ саду. Пора намъ опомниться и отвергнуть всѣ обманы, убійства и прелюбодѣйства, описанные въ Библіи...

Іисусъ Христосъ училъ: «не убивай», а Петръ апостолъ отсѣкъ ухо рабу первосвященника, а потомъ умертвилъ Ананію и Сапфиру за утайку денегъ; Павелъ ослѣпилъ волхва; Іуда продалъ Христа; два ученика просили съ неба огонь, чтобъ попалить людей за непослушаніе. А всѣ они были очевидцы Христа.

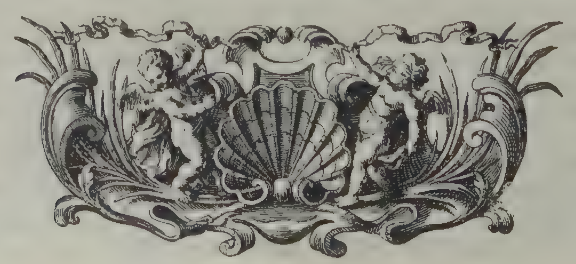
И отъ этихъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, видѣвшихъ Бога и Христа, убійство такъ и передавалось изъ родъ въ родъ и дошло до насъ... А Христосъ говоритъ: «Я не пришелъ погублять людей, а спасать»; чтобъ они не убивали, а любили другъ друга; въ убійствѣ смерть, а въ любви жизнь. Хотя мы голоса съ неба не слышимъ, но чувства и совѣсть наши мучатъ насъ и показываютъ намъ нашу дурную жизнь и наши скверные пороки.

Проповѣдниковъ много: и славянскіе попы, и польскіе ксендзы, и еврейскіе раввины, и татарскіе муллы, и старообрядцы, и нѣмецкіе пасторы и другихъ много сектъ безъ конца. Что же намъ, несчастнымъ, дѣлать? Около кого бы намъ лучше голову преклонить? А съ неба голоса не слышно, которая вѣра лучше, и ангела Богъ не посылаетъ, какъ въ давнее время Петру въ тюрьмѣ явился ангелъ, и желѣзныя двери сами отворились и Петръ съ ангеломъ убѣжали. Тогда хорошо было спасаться, а въ наше время какъ посадятъ въ тюрьму, такъ никуда не выскочишь, и ангелъ не является...

И я думаю, что теперь сколько ни есть на свѣтѣ вѣръ, ни въ одну нельзя вѣрить, потому что всякій свою вѣру хвалитъ и ставитъ выше всѣхъ другихъ... И выходитъ, что нельзя выбрать ни одной вѣры, а лучше всего слушать голоса совѣсти и — *чего себѣ не желаешь, того не желай и ближнему*. И эта вѣра будетъ всѣхъ лучше и правильнѣй...

Пер. и ред. А. К. Чертковой и Н. Н. Гусева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

La chimie.

Кременчугская фабрика сукнодѣлія для евреевъ въ началѣ XIX вѣка.

(По архивнымъ даннымъ).

Министръ внутреннихъ дѣлъ кн. А. Б. Куракинъ представилъ въ 1809 году на высочайшее усмотрѣніе докладъ объ учрежденіи двухъ фабрикъ сукнодѣлія для снабженія сухопутныхъ и морскихъ войскъ сукнами. «Уваженіе государственныхъ нуждъ,—писалъ онъ въ этомъ докладѣ,—и соревнованіе въ общественной пользѣ вѣрноподданныхъ вашихъ, подаетъ и въ настоящемъ дѣлѣ ту пользу, которой предварительно ожидать можно; уже отъ дворянства и нѣкоторыхъ фабрикантовъ начали вступать отзывы о готовности ихъ завести вновь и распространить старыя суконныя фабрики, иныя съ помощью предназначенной ссуды, а другія безъ оной, собственнымъ коштомъ. Среди таковыхъ благовидныхъ началъ, обращая непрерывно попеченіе мое на приведеніе оныхъ къ предположенной цѣли, я непрестанно держусь тѣхъ мыслей, что сія вѣтвь толикой важной государственной промышленности должна распространиться елико можно раздробительнѣе на сей конецъ. Въ упомянутомъ докладѣ заводителямъ суконныхъ фабрикъ опредѣлены разныя награды, денежныя и прочія пособія, «разрѣшена купцамъ и другого званія людямъ покупка на условіяхъ, въ семъ намѣреніи равно для умноженія колоній и пріобрѣтенія иностранныхъ фабрикъ суконныхъ мастеровъ, вызываются оныя изъ чужихъ земель, къ чему по имѣющимся у меня отзывамъ, многіе объявили желаніе и нѣкоторые уже прибыли».

«Между сими мѣрами къ умноженію выдѣлки солдатскихъ суконъ служащими, поставилъ я также, въ виду помощи казеннымъ и частнымъ фабрикамъ, работниковъ изъ евреевъ, кои по высочайшему конфирмованному Вашимъ Величествомъ въ 9-ый день декабря

1804 г. положенія по присоединеннымъ отъ Польши губерніямъ, изъ помѣщичьихъ селъ и деревень, корчмамъ и шинковъ въ города, мѣстечки и другія земли въ теченіе нынѣшняго и двухъ слѣдующихъ годовъ перевести должно».

«И хотя народу сему взамѣнъ таковыхъ переселеній предоставлены разныя выгоды и преимущества въ заведеніи суконныхъ и другихъ фабрикъ, въ пріобрѣтеніи земель и тому подобное со льготами и денежною ссудою, чѣмъ желательно нѣкоторые зажиточные и воспользуются, но большая часть ихъ столь бѣдны, что, не имѣя теперь надежнаго средства къ пропитанію, пристанища, ни покрова, сами собою ничего на пользу свою предпринять, изъ настоящихъ мѣстъ никуда двинуться не могутъ и предварительно во всемъ требуютъ уже помощи, слѣдовательно, и предстоитъ теперь правительству забота, чтобы съ соблюденіемъ казенной пользы указать евреямъ симъ путь къ перемѣщенію и всегдашнему пропитанію благонадежный».

Такъ, кн. Куракинъ, проектируя учрежденіе фабрикъ, помимо государственной цѣли развитія суконодѣлія, имѣлъ въ виду представить бѣднѣйшимъ евреямъ средство къ существованію. Онъ предполагалъ открыть двѣ фабрики и обѣ въ Малороссіи, одну въ Черниговѣ, а другую въ Кременчугѣ. Императоръ Александръ I на докладѣ князя Куракина написалъ: «Учредить для опыта одну изъ сихъ двухъ фабрикъ; выборъ же мѣста для помѣщенія оной предоставить министру внутреннихъ дѣлъ сдѣлать это по удобности. Александръ. 11 марта 1809 года».

Одну изъ проектированныхъ фабрикъ кн. Куракинъ учредилъ въ Кременчугѣ, и если остановился на этомъ городѣ, то потому, что и въ то время въ немъ было много евреевъ. Въ Полтавской губерніи въ то время было 1.343.029 душъ обоего пола, въ томъ числѣ евреевъ 2.032 душъ, мѣщанъ и 82 купца, всего 2.114 душъ. Изъ этого числа 530 душъ, т.-е. $^1/_4$ часть всего населенія губерніи жила въ Кременчугѣ, чему способствовало положеніе на большой рѣкѣ и развитіе торговли.

Организація этой школы, или, какъ она называлась, «училищная фабрика для евреевъ», была возложена на малороссійскаго генералъ-губернатора и полтавскаго губернатора. Первымъ былъ въ то время кн. Я. И. Лобановъ-Ростовскій, а вторымъ А. Θ. Козачковскій. Министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ разъяснить евреямъ пользу этой школы и привлекать для занятія въ ней евреевъ, не имѣющихъ капитала, совершенно праздныхъ, не знающихъ «никакого хозяйства и ремесла» и по бѣдности своей не имѣющихъ возможности переселиться и «никакого рода состоянія избрать не могутъ». Евреевъ же состоятельныхъ предписывалось привлекать къ открытію таковыхъ фабрикъ съ субсидіей отъ казны. Кн. Куракинъ былъ убѣжденъ, что евреи, какъ способные, по его мнѣнію, къ художествамъ и ремесламъ скоро успѣютъ въ этомъ дѣлѣ, но въ этомъ вскорѣ, какъ увидимъ, пришлось разочароваться...

Училищная фабрика въ Кременчугѣ была оборудована на 40 еврейскихъ семействъ. Всѣ они жили въ казенныхъ зданіяхъ. Въ 1809 и 1810 годахъ евреевъ было достаточно и немало среди нихъ было семействъ. Кременчугскій равинъ и еврейскій кагалъ обратили вниманіе администраціи на помѣщеніе нѣсколькихъ семействъ въ одной комнатѣ.

Они взглянули съ точки зрѣнія нравственности и, конечно, были правы. Вице-губернаторъ Бояриновъ самъ разрѣшилъ евреямъ приспособить помѣщенія, какъ они пожелаютъ, устроивъ перегородки и т. п.

Всѣ евреи съ ихъ семьями пользовались содержаніемъ отъ казны, взрослымъ выдавали «кормовыхъ» по 12 к. въ сутки, а малолѣтнимъ по 6 к. Получали еще деньги и на одежду. Евреи, поступившіе на фабрику, переименовывались въ «казенныхъ мастеровыхъ суконщиковъ» и пока были на фабрикѣ, освобождались отъ всѣхъ податей и военнаго постоя. Послѣ обученія, а для этого считалось достаточнымъ пробыть на фабрикѣ одинъ годъ, евреи должны были выбрать для своего поселенія городъ или мѣстечко въ Малороссіи и заняться суконодѣліемъ. Они получали въ теченіе мѣсяца, пока устроятся, кормовыя деньги и сто рублей на обзаведеніе.

Для обученія евреевъ суконодѣлію былъ выписанъ мастеръ изъ Глушковской фабрики. По распоряженію военнаго министра было командировано еще семь человѣкъ мастеровъ изъ Павловской и Екатеринославской фабрикъ. Былъ еще на фабрикѣ челночный мастеръ, подмастерье, дѣлатель скраблъ, кардъ и др. Надо сказать, что фабрика была оборудована учащимъ персоналомъ хорошо. Мастеръ получалъ 450 р. асс. жалованья, три подмастерья по 175 р., такое же жалованье получалъ и дѣлатель скраблъ и кардъ, сновальщикъ 175 р., кузнецъ, столяръ и токарь по 150 р. Словомъ, на жалованье учащаго персонала казна издерживала 3.290 р. асс. въ годъ.

На этой фабрикѣ по штату должно быть 40 семействъ, но такого числа никогда не было. Было изготовлено 40 становъ, стоимостью каждый станъ по 82 р. 1¼ к., а постройка всѣхъ становъ обошлась въ 5.204 р. 77½ к. Такое количество становъ не было въ дѣйствіи за все время существованія фабрики. Евреи ткали сукно (суровье), которое и продавалось кременчугскому комиссаріату[1]).

Въ началѣ существованія фабрики занятія евреевъ шли успѣшно, о чемъ доносилъ полтавскому губернатору помощникъ инспектора фабрики. Онъ писалъ, что 9 семействъ «совсѣмъ выучились суконодѣлію и могутъ быть отпущены изъ фабрики, ибо немного остается знаніе ихъ усовершенствовать, а прочіе должны еще остаться»[2]).

Евреямъ уплачивали за работу «половинки» сукна, т.-е. 40 аршинъ, отъ 5 до 10 р., смотря, изъ какой шерсти оно было выткано,

---

[1]) Вотъ статистическія данныя о числѣ евреевъ на Кременчугской фабрикѣ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1809 г., т.-е. спустя два мѣсяца послѣ открытія фабрики, было 30 семействъ, всего 153 души обоего пола, считая женъ, дѣтей и родственниковъ, но изъ этого числа малолѣтнихъ было 63 души, 1 старикъ и 23 женщины. Въ 1810 г., въ февралѣ мѣсяцѣ было 40 семействъ, но изъ нихъ на станахъ работало всего 18 человѣкъ, на скраблахъ и кордахъ 18, занимались пряжей 40,—словомъ, работало всего 93 человѣка. Въ апрѣлѣ того же года было 232 души, изъ нихъ на разныхъ работахъ было 148 души, остальныя по малолѣтству и по старости не могли работать. Въ 1811 году было много меньше, 180 душъ, изъ нихъ работающихъ только 70. Въ 1813 г. 108 душъ обоего пола, изъ нихъ на работахъ было 37 человѣкъ. Въ 1814 г. было 37 человѣкъ. Въ 1816 году—63 души, мужского пола 33, а женскаго—30. Въ 1817 году было еще меньше: всего 55 души обоего пола и работало всего 2 стана. Такъ постепенно сокращалось количество евреевъ на фабрикѣ.

[2]) Губернаторъ Козачковскій въ концѣ 1809 г. приказалъ роздать евреямъ въ награду 37 р. 50 к. и ихъ получили 66 чел., выдавали отъ 15 к. до 2 р. 50 к. на душу.

изъ мытой, не мытой, пряденой или не пряденой. Евреямъ вообще не нравилась работа на фабрикѣ, ихъ тянуло больше къ торговлѣ. Въ силу этого, вскорѣ по открытіи фабрики, начинается ихъ бѣгство.

Съ 1809 г. по 1811 годъ, т.-е. за два года, убѣжало 149 душъ (81 мужчинъ и 68 женщинъ). Помощникъ инспектора фабрики Стрижевскій доносилъ что евреи, цѣлыми семьями «въ ночное время, въ окна отъ улицъ изъ казармъ своихъ бѣжали» [1]).

Причиной бѣгства, помимо несочувствія евреевъ этому дѣлу, было преобразованіе училищной фабрики, что было сдѣлано по инціативѣ малороссійскаго генералъ-губернатора князя Я. И. Лобанова - Ростовскаго. Имъ былъ внесенъ проектъ учредить здѣсь прядильную фабрику, оставивъ только 10 становъ, а остальные должны были прясть пряжу и этой пряжей снабжать нѣмецкія колоніи въ Полтавѣ, Кременчугѣ и Константиноградѣ. За эту работу платили: за 1 ф. пряжи 5 к., за основу—8 к., за ческу 1 ф. шерсти—3 к., за стрижку верховъ—24 к. отъ пуда, а за тканье суровья — 27 к. отъ аршина. Вырабатываемой платой за пряжу евреи и должны были содержать себя, а кормовыя деньги съ 1 января 1811 г. болѣе не выдавались. Вотъ это прекращеніе выдачи кормовыхъ денегъ и усилило бѣгство евреевъ. Проектъ Лобанова-Ростовскаго былъ одобренъ комитетомъ по мануфактурной части и высочайше учрежденъ [2]).

Кременчугскому еврейскому обществу не понравилось прекращеніе выдачи кормовыхъ денегъ, выдаваемыхъ каждому члену семьи, а въ семействѣ еврея - работника было немало помимо женъ и дѣтей и родственниковъ и всѣ они получали эти деньги, а теперь съ изданіемъ этого закона необходимо было на прокормленіе заработать.

На защиту евреевъ выступилъ еврейскій кагалъ. Онъ порѣшилъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1811 г. донести полтавскому губернатору Бравину о томъ, что евреи не получаютъ кормовыхъ денегъ, какъ это имъ обѣщалъ губернаторъ Козачковскій и потому теперь бѣдствуютъ; они не могутъ прокормить себя, а дѣти ихъ «впадаютъ въ болѣзни». На все это еврейское общество взираетъ «соболѣзнуя» и по своему закону снабжаетъ евреевъ пропитаніемъ и, если бы оно такъ не поступало, то евреи, живущіе на фабрикѣ, вслѣдствіе нынѣшней дороговизны давно уморены были бы отъ голода.

Еврейскій кагалъ пошелъ еще дальше, онъ этимъ хотѣлъ воспользоваться въ своемъ интересѣ и доносилъ губернатору, что съ этого времени, въ виду этой помощи евреямъ, живущимъ на фабрикѣ, онъ лишенъ возможности платить въ казну подати и рекрутскія деньги. Въ заключеніе кагалъ ходатайствовалъ передъ генералъ-губернаторомъ о разрѣшеніи отпуска евреямъ за недѣлю до праздника (было весной, значитъ, къ празднику Пасхи), чтобы они могли заработать, дабы «какъ по еврейскому закону слѣдуетъ

---

[1]) «Наружнаго караула,—замѣчаетъ онъ,—при сей фабрикѣ не было и учреждать его не предназначено, потому что сюда поступали по желанію».

[2]) По этому закону: рѣшено: 1) оставить на будущее время то число становъ, которое нынѣ находится въ дѣйствіи, примѣрно, отъ 10 до 15 могли всегда существовать; 2) дальнѣйшее умноженіе становъ оставить и вмѣсто этого учредить прядильню, для которой рабочихъ заимствовать изъ евреевъ и изъ другихъ классовъ людей, — все это на попеченіе генералъ-губернатора для того, чтобы эта прядильня снабжала всѣ ткацкіе станы иностранныхъ суконщиковъ.

приготовить особую пищу». Объ этомъ рѣшеніи еврейскаго кагала губернаторъ Бравинъ донесъ кн. Я. И. Лобанову-Ростовскому, отъ котораго кагалъ получилъ должное внушеніе. «Генералъ-губернаторъ,—писалъ Бравинъ,—приказалъ объявить еврейскому кагалу свое неудовольствіе видѣть оный участникомъ въ соблазнѣ людей развращенныхъ, каковые евреи при прядильной кременчугской школѣ находящіеся, ибо положеніе сихъ людей, какъ и то, что требуютъ отъ нихъ, ему извѣстны и согласны съ пользой ихъ, но лѣнь и ослушность, подстрекаемая извѣстными бездѣльниками, развращая ихъ, лишаетъ ихъ внять приказаніямъ. Къ приведенію того въ желаемый порядокъ возьмутся строгія мѣры надъ ними и ослушивающими и что то дѣло его, генералъ-губернатора, а ни чье-либо, о чемъ и предупреждаетъ кагалъ для собственнаго его охраненія!» Такую внушительную натацію получилъ кагалъ за вмѣшательство въ дѣла фабрики и за попытку освободиться отъ *налоговъ*, мотивируя отказъ благотворительностью своимъ собратіямъ.

Кн. Лобановъ-Ростовскій не былъ доволенъ поведеніемъ евреевъ на фабрикѣ. Вотъ интересное письмо его помощнику инспектора Стрижевскому. «Къ искорененію лѣности, къ коей привыкли всѣ евреи при прядильной фабрикѣ находящіеся, увѣренъ я, что единое и сущее средство, быть-можетъ, строгое взысканіе обязанности ихъ, къ чему потребны не слова, а сильныя дѣйствія, каковы суть тѣлесныя наказанія, кои я давно разрѣшилъ вамъ употреблять съ помощію полиціи; нынѣ же, чтобъ еще лучше изобличить негодное сихъ людей свойство и что и сущей пользы своей не рады, если хоть мало потрудиться о ней должно, предписываю за заработку ихъ производить плату какъ значитъ ниже сего, именно—за полтора фунта основы 12 к., за фунтъ утока 5 копеекъ, за полпуда спущенныхъ верховъ шерсти 12 к. и поелику сей платой могутъ они, если потрудятся, вырабатывать въ день всякій больше двѣнадцати копеечной суммы, прежде ими получаемой, то всякое новое неудовольствіе и домогательство ихъ должно быть признано утвержденіемъ праведнаго заключенія моего, что обращаться должно съ ними соотвѣтственно нерадѣнію ихъ и какъ съ ослушниками, согласно чему рекомендую вамъ неослабно и . . . . предоставляю вамъ расположить разборку шерсти на престарѣлыхъ и малолѣтнихъ съ платою отъ вѣса, который бы соотвѣтствовалъ цѣнѣ шестикопеечной на каждаго въ сутки изъ упомянутыхъ людей и симъ положеніемъ руководствоваться до установленія предпологаемыхъ для основъ машинъ! Князь Лобановъ-Ростовскій, апрѣля 13 дня, 1811 года. Полтава».

Этимъ распоряженіемъ генералъ-губернаторъ повысилъ нѣсколько цѣну за пряжу на 3 к. за фунтъ, что указываетъ на сознаніе имъ недавно установленную цѣну недостаточной.

Прядильная школа при фабрикѣ падала съ каждымъ годомъ, такъ какъ евреи убѣгали и пришлось администраціи пополнять «колодниками», какъ звали въ то время арестантовъ, и эти колодники должны были отрабатывать здѣсь украденное ими. Такіе колодники содержались въ то время въ рабочихъ домахъ. Зданія фабрики опустѣли за отсутствіемъ евреевъ, что и побудило полтавскаго губернатора Тутолмина передать нѣкоторыя зданія военному вѣдомству, что и состоялось 14 декабря 1816 г. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 16 апрѣля 1817 г., фабрика была закрыта по предписанію генералъ-губернатора князя Н. Г. Репнина. Еще въ 1812 г. директоръ

департамента мануфактуръ и торговли, сенаторъ Карнѣевъ, посѣтившій эту фабрику, нашелъ ее безполезной. Кн. Н. Г. Репнинъ, ознакомившись съ нею, былъ такого же мнѣнія и вошелъ съ ходатайствомъ объ ея закрытіи. Въ моментъ закрытія училищной фабрики евреевъ было 9 человѣкъ, которыхъ приказано было отпустить на волю и они, по словамъ помощника инспектора фабрики, обратились «къ пріисканію себѣ мѣстъ въ обществахъ для причисленія въ первобытное состояніе».

Но кременчугскій кагалъ согласился принять только 4-хъ. Князь Репнинъ приказалъ губернатору внушить кременчугскому еврейскому обществу, что «обязанность добрыхъ гражданъ—вспомоществовать единовѣрцамъ своимъ, особенно уваженія заслуживающихъ». На фабрикѣ осталось еще три арестанта—мужчина и двѣ женщины, но пока шла переписка о нихъ, куда ихъ отправить, они успѣли убѣжать.

Казенные долги евреевъ были прощены. На евреяхъ, бывшихъ на фабрикѣ, было долга 9.516 р. 56 к., да на бѣжавшихъ изъ фабрики—8.741 р. 24½ к. Генералъ-губернаторъ кн. Репнинъ предложилъ кременчугскому еврейскому обществу уплатить эти долги, но оно отказалось, и кн. Репнинъ больше не настаивалъ; но еврейское общество, какъ увѣдомила кременчугская полиція, обезпечиваетъ на будущее время «свою отвѣтственность на случай несостоятельности ихъ къ платежу податей и другихъ общественныхъ повинностей». Долгъ же, числившійся на бѣжавшихъ евреяхъ, какъ поступившихъ незаконно, рѣшено было взыскать по отысканію ихъ; если же въ теченіе двухъ лѣтъ они не будутъ отысканы, то сложить, и всякую переписку о нихъ прекратить.

Всѣ инструменты и другія вещи были сданы городской полиціи, а пять домовъ были переданы кременчугской городской думѣ съ условіемъ занятія ихъ, въ видахъ облегченія, военнымъ постоемъ. Всѣхъ евреевъ, бывшихъ на фабрикѣ со времени ея учрежденія, было 40 семействъ и 5 холостыхъ (въ разные годы), а считая женъ, дѣтей, родственниковъ было 232 души. Фабрика просуществовала восемь лѣтъ съ небольшимъ. Цѣль правительства не была достигнута, не было достигнуто ни развитіе суконодѣлія, ни устройство при помощи этой училищной фабрики фабрикъ суконодѣлія въ Малороссіи. Причина эта—несочувствіе евреевъ къ этому занятію, ихъ влекло къ коммерческой дѣятельности, особенно въ Кременчугѣ, населенномъ, какъ мы уже говорили и сто лѣтъ назадъ, сравнительно съ другими городами Полтавской губерніи наиболѣе евреями, да и торговля здѣсь, благодаря судоходной рѣкѣ, была и въ то время, какъ и нынѣ, болѣе обширной, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ пунктѣ Полтавской губерніи.

И. Ф. Павловскій.

Письма М. Н. Муравьева къ А. А. Зеленому.

(Продолженіе) [1].

Вильно, 16-го іюня 1863 года.

Давно я вамъ не писалъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, крѣпко много дѣла, такъ что не успѣваю.

Съ сею почтою согласно съ желаніемъ вашимъ сообщилъ военному министру объ возвращеніи Длотовскаго въ министерство и о назначеніи на исполненіе его должности генерала Ковалевскаго. Жаль мнѣ очень Длотовскаго, онъ славный человѣкъ и отлично хорошо управлялся. Я васъ особо отъ сего, офиціально извѣщаю и прошу объ испрошеніи ему аренды въ 2500 р.

Прошу васъ также объ исходатайствованіи аренды генералъ-адъютанту Бистрому, о коемъ я особо представляю Государю.

Дѣло уничтоженія мятежа идетъ весьма удовлетворительно; даже и въ Ковенской губерніи пошло на ладъ. Надѣюсь, что очень скоро и съ нею справимся.

Теперь войскамъ уже мало дѣла; они нужны только для удержанія введеннаго военно-гражданскаго управленія и уничтоженія остающихся еще мѣстами разбойничьихъ бродячихъ шаекъ. Главныя дѣйствія войскъ теперь въ Ковенской губерніи и частью въ Гродненск. по сосѣдству съ Царствомъ Польскимъ, ибо вся брань и неурядица идетъ оттуда. Хорошо бы, ежели въ Петербургѣ скорѣе бы справились съ управленіемъ Царства Польскаго; доколѣ тамъ будетъ намѣстникомъ Великій Князь, толку не будетъ; ибо дѣла тамъ всякій день идутъ хуже и хуже. При такомъ управленіи Царства Польскаго и Литва будетъ долго копошиться, и не скоро можно будетъ привести ее въ порядокъ.

Я слышу, что въ Петербургѣ большіе возгласы противъ 10% налога съ доходовъ [2]). Это одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ

---

[1]) См. № 9.

[2]) Циркуляромъ 13 іюня 1863 г. велѣно было вносить этотъ сборъ съ имѣній въ семидневный срокъ, въ противномъ случаѣ начальникамъ уѣздовъ предоставлялось право продавать движимое имущество, скотъ, лошадей и хлѣбные запасы. *Цыловъ*, 294—296. Самъ Муравьевъ признаетъ неуравнительность этого сбора въ своихъ запискахъ: «Обвиняли меня въ неуравнительности и возвышенности раскладки и никто не хотѣлъ понять, что во время самаго разгара мятежа, т.-е. въ іюнѣ и іюлѣ 1863 г., нельзя было въ нѣсколько недѣль составить правильную раскладку и оцѣнку доходовъ помѣщичьихъ имѣній... Они не хотѣли понять, что раскладка сдѣлана была по указаніямъ самихъ помѣщиковъ, т.-е. что взята въ основаніе оцѣнка десятины, объявленная помѣщиками при составленіи уставныхъ грамотъ: такимъ образомъ владѣльцы, стараясь увеличить свои доходы угнетеніемъ крестьянъ, сами поплатились при обложеніи 10% сборомъ тѣхъ доходовъ. «Русск. Стар.», 1882 г., № 11, стр. 429—430. *Ред.*

по укрощенію мятежной бодрости въ краѣ, и теперь всѣ смирились. Въ Ковенской губерніи внесли мнѣ въ двѣ недѣли до 350 тыс. руб. Поляки отъ жиру бѣсились, у нихъ много денегъ. Жаль, что здѣшніе русскіе помѣщики, живущіе въ Петербургѣ, не понимаютъ, что положенный съ ихъ имѣній 5% сборъ и потомъ уменьшенный до 3% [1]) не есть контрибуція, но справедливое пожертвованіе для воспособленія правительству къ огражденію ихъ же имѣній отъ покушенія мятежниковъ, т.-е. помѣщиковъ польскаго происхожденія, съ которыхъ взыскивается 10%, а у тѣхъ, которые лично участвовали въ мятежѣ, сверхъ того секвеструются еще имѣнія. Я надѣсь, что этими сборами хоть отчасти покроются расходы казны.

Теперь одна изъ главнѣйшихъ моихъ заботъ—быть готовымъ на случай войны, но признаюсь, что я не полагаю, чтобы въ нынѣшнемъ году европейскія державы рѣшились бы начать войну; развѣ только будетъ высланъ всякій сбродъ на наше Балтійское прибережье для поддержанія мятежниковъ въ Самогитіи, но теперь уже слишкомъ поздно, ибо приближается осень и при томъ мятежъ уже утихаетъ. Впрочемъ, увидимъ скоро, какъ дѣло это обрисуется.

Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, отъ всей души дружески васъ обнимаю.

Искренно вамъ преданный *М. Муравьевъ.*

P. S. Въ Палатахъ Государ. Имуществъ здѣшней, Гродненской и Ковенской еще много чиновниковъ Поляковъ, прошу васъ ускорить замѣщеніе ихъ русскими, это совершенно необходимо.

23-го іюня 1863.

Давно я не имѣю отъ васъ писемъ, любезный Александръ Алексѣевичъ; на послѣднее письмо мое отъ 12 или 14 іюня я еще не имѣю отвѣта. Пелагея Васильевна мнѣ сказала, что вы нездоровы, искренно сожалѣю, ежели это причина вашего молчанія.

Дѣла здѣсь идутъ успѣшно; Виленская губернія почти совсѣмъ утихла. Крестьяне начали хорошо дѣйствовать, караулы вездѣ учреждены. Въ Ковенской губерніи дѣла тоже скоро должны улучшиться, ибо я принялъ рѣшительныя мѣры, чтобы военные начальники дѣйствовали съ большимъ толкомъ и разумѣніемъ. Генералъ Мейдель не умѣетъ управиться съ тремя ввѣренными ему уѣздами; онъ въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ писалъ только реляціи, а краемъ не управлялъ.

Въ Гродненской губерніи тоже любили писать реляціи и дѣлать экспедиціи, часто вовсе не нужныя; но управлять краемъ и предупреждать соединеніе и формированіе мятежныхъ скопищъ считали дѣломъ не нужнымъ, ибо реляціи о пораженіи шаекъ выгоднѣе, въ особенности когда ихъ представляютъ многотысячными, тогда какъ они едва превышаютъ 400 или 500 человѣкъ и весьма рѣдко достигаютъ до 1000 человѣкъ. Теперь и въ Гродненской губерніи начали устраивать порядокъ; со введеніемъ онаго

---

[1]) Циркулярами 5 и 6 іюля 1863 г. сборъ съ имѣній благонадежныхъ помѣщиковъ «изъ русскихъ и остзейскихъ уроженцевъ» съ 10% былъ пониженъ до 5% чистаго дохода, а циркуляромъ 17 іюля до $2^1/_2$%, а тамъ, гдѣ «по огромному количеству земли, приносящей ничтожный доходъ» этотъ послѣдній сборъ будетъ обременителенъ, разрѣшено было представлять на усмотрѣніе генералъ-губернатора объ уменьшеніи его до $1^1/_2$%. *Цыловъ*, 297—301.

и самыя шайки уменьшились. Прилагаю при семъ копію съ полученной мною секретной записки о Волковыскомъ уѣздѣ [1]). Изъ этого можете видѣть, какъ съ устройствомъ гражданскаго порядка уничтожается и самый мятежъ.

Секретную записку эту доложите Государю, но не передавайте никому, ибо въ Петербургѣ много есть агентовъ польскаго возстанія.

Покуда я съ ними здѣсь справляюсь, надобно, чтобы въ Петербургѣ объ этомъ не оглашать. Замѣтилъ должно, что вь числѣ главныхъ дѣятелей по мятежу въ Гроднѣ два брата Понсета (?) (двоюродные братья жены Милютина), а третій братъ сидитъ въ крѣпости въ Динабургской.

Въ мятежѣ тоже замѣшанъ Быховецъ, отецъ полковника генеральнаго штаба Быховца, который отпущенъ теперь сюда въ отпускъ для свиданія съ отцомъ, но я его требую къ себѣ изъ Гродно и отправлю въ Петербургъ.

Надобно обратить вниманіе на Академію Генеральнаго Штаба; она наиболѣе снабжаетъ мятежныя шайки офицерами, это не дѣлаетъ чести ея начальнику.

Третьяго дня я писалъ къ князу Долгорукову о нѣкоторыхъ лицахъ, служащихъ въ Петербургѣ и имѣющихъ сношенія съ здѣшними мятежниками. При Гротѣ находятся Огрызко [2]) и Наржимскій, люди очень неблагонадежные.

Здѣсь я съ Поляками справлюсь, лишь бы мнѣ не мѣшали, но кажется, что хотятъ вмѣшиваться въ военно-судное дѣло. Я получилъ требованіе отъ Долгорукова, чтобы прислать дѣло о графѣ Старжинскомъ. Ежели они хотятъ распоряжаться изъ Петербурга, то мнѣ здѣсь нечего дѣлать, пускай присылаютъ другого на мое мѣсто. Вѣроятно, это сдѣлано въ угодность польской партіи, которая здѣсь хлопотала объ Старжинскомъ, но не успѣла.

Прошу васъ доложить объ этомъ Государю. Вопросъ о Старжинскомъ слишкомъ важенъ для ввѣреннаго моему управленію края. Ежели въ отношеніи Старжинскаго вы будете снисходительны. тогда лучше бы и не начинать укрощать Литву, а оставить ее въ рукахъ мятежниковъ. По точной силѣ законовъ онъ подлежитъ строгому наказанію, но я полагаю послать его въ Сибирь на житье, безъ лишенія правъ состоянія, въ уваженіе того, что само правительство нѣкоторымъ образомъ ему дозволяло самовольничать, притомъ отправить его, минуя Петербургъ [3]).

---

[1]) При письмахъ Муравьева ея нѣтъ. *Ред.*

[2]) Іосафатъ Огрызко, служившій въ министерствѣ финансовъ, доставленъ былъ въ Вильну въ концѣ 1864 г. «по особому сильному настоянію» Муравьева. О личномъ раздраженіи Муравьева противъ Огрызко за то, что тотъ помѣшалъ его сыну Николаю сдѣлаться опекуномъ надъ малолѣтнимъ Демидовымъ, см. *Dybowski* Pamięci Józefata Ohryzki Biblioteka Warszawska, 1907 II, 253. Огрызко въ 1866 г. сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу на 20 лѣтъ. «Русск. Стар.», 1883 г., т. XXXVII, 132—3, 672—8. Портретъ его см. въ книгѣ «Grabiec. Rok 1863», Pozn. 1913, стр. 315. Обстоятельныя свѣдѣнія объ Огрызко см. въ названной статьѣ Дыбовскаго. Здѣсь напечатана записка самого Огрызки о томъ, какъ вымогали отъ него показанія. Изъ этой статьи видно, что нужно относиться съ крайней осторожностью къ книжонкѣ *Гогеля* «Іосафатъ Огрызко и петерб. революц. ржондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа». Вильна. 1866. *Ред.*

[3]) Гр. Старжинскій былъ при имп. Николаѣ отправленъ по политическому дѣлу на Кавказъ рядовымъ, въ 1856 г. амнистированъ и съ 1861 г. и справлялъ обязанности гродненскаго предводителя дворянства. Онъ представлялъ

Я увѣренъ, что Государь не дозволитъ сторонняго вмѣшательства въ дѣла, которыя по закону предоставлены моему распоряженію. Впрочемъ, нѣкоторые думаютъ, что лучше управлять изъ Петербурга, пусть возьмутъ на себя все управленіе краемъ, я имъ оное уступлю съ величайшимъ удовольствіемъ, ибо пріѣхалъ сюда потому, что это было угодно Государю и нужно для Россіи.

Съ будущей почтой я вамъ буду писать о размѣщеніи простолюдиновъ по казеннымъ волостямъ. Милютинъ, руководствуясь телеграммами моими, испросилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы не отдавать въ солдаты взятыхъ здѣсь мятежниковъ, опасаясь, что они вредны будутъ для арміи. Но онъ не сообразилъ, что здѣшніе простолюдины, т.-е. городскіе обыватели и однодворцы, поступаютъ всегда въ солдаты по рекрутскому набору и служатъ весьма хорошо, по крайней мѣрѣ, у меня изъ 90.000 войска очень мало побѣговъ изъ солдатъ, а все уходили офицеры и юнкера. При томъ я просилъ отсылать для пополненія въ полки не мятежниковъ, а тѣхъ конскриптовъ, которые состояли по спискамъ мятежныхъ шаекъ и которые вездѣ въ околицахъ и деревняхъ ожидаютъ прибытія шайки для укомплектованія оной; сами общества просятъ избавить ихъ отъ этихъ людей. Подобныхъ людей судить не за что, а въ солдатахъ они будутъ полезны и замѣнятъ рекрутовъ, между тѣмъ это дало бы мнѣ средство избавиться отъ элемента, пополняющаго мятежныя шайки.

Пора окончить мое письмо, прошу васъ изъ этого письма доложить то, что найдете нужнымъ, Государю.

Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, дружески васъ обнимаю, душевно вамъ преданный

М. Муравьевъ.

Письмо отъ 4-го іюля 1863 года, Вильно.

Дѣла здѣсь идутъ довольно хорошо. Поляки начинаютъ упадать духомъ, толкуютъ уже объ адресахъ и помилованіи. Трауръ въ Вильнѣ снимаютъ и вездѣ шьютъ цвѣтныя платья.

Изъ мятежныхъ шаекъ многіе бѣгутъ, такъ что, повидимому, при дальнѣйшихъ энергичныхъ дѣйствіяхъ и съ строгимъ приведеніемъ въ исполненіе данной инструкціи значительно уменьшатся мятежныя покушенія въ здѣшнемъ краѣ; а если бы въ Царствѣ

проекты о соединеніи Литвы съ Царствомъ Польскимъ, былъ принятъ государемъ и зимою 1862 г. сопровождалъ его въ Москву. Въ февралѣ 1863 г., послѣ начала возстанія, онъ, по словамъ Муравьева, написалъ письмо государю и министру внутреннихъ дѣлъ, «въ которыхъ обвинялъ правительство въ допущеніи... демократическихъ началъ и въ возстановленіи крестьянъ противъ владѣльцевъ, также въ принятіи строгихъ мѣръ къ гоненію польскаго начала въ краѣ и въ употребленіи вооруженной силы противъ онаго..., объявляя, что засимъ онъ не считаетъ себя обязаннымъ служить правительству въ качествѣ предводителя дворянства и слагаетъ съ себя это званіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ о томъ всѣмъ гродненскимъ уѣзднымъ предводителямъ, дабы и они послѣдовали его примѣру, что и было ими исполнено». Муравьевъ арестовалъ его и предалъ военному суду, который приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ. Подъ давленіемъ изъ Петербурга Муравьевъ вынужденъ былъ смягчить приговоръ и приговорилъ Старжинскаго къ годовому заключенію въ крѣпости и ссылкѣ затѣмъ на жительство въ отдаленныя губерніи. Отбывъ заключеніе въ Бобруйскѣ, Старжинскій былъ высланъ въ Воронежскую губ. «Русск. Стар.», 1882 г., № 11, стр. 410 — 414. *Ред.*

Польскомъ было лучшее управленіе, то, конечно, скоро бы покончилъ здѣсь съ мятежомъ.

Вотъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, въ краткихъ словахъ положеніе края; но для достиженія цѣли правительству необходимо, чтобы слѣдственныя комиссіи шли успѣшно и соотвѣтствовали бы принятой правительствомъ системѣ.

Къ сожалѣнію, военный министръ, не спросивъ предварительно моего согласія (самъ я его объ этомъ просилъ), назначилъ въ Вильно безъ моего вѣдома по Высочайшему повелѣнію предсѣдателя генералъ-маіора Веригина. Я этого человѣка знаю, онъ бюрократъ, можетъ быть полезный въ Петербургѣ подъ наблюденіемъ, но здѣсь по его тенденціямъ и образу мыслей рѣшительно вреденъ, а въ особенности въ должности предсѣдателя комиссіи.

Онъ едва пріѣхалъ сюда, какъ заявилъ мнѣ вчера и сегодня свой образъ мыслей, клонящійся къ совершенному ослабленію начатаго направленія, для явныхъ притомъ потворствъ мятежникамъ, начиная съ Сѣраковскаго [1]), котораго пора уже судить и покончить съ нимъ какъ съ начальникомъ шайки. Веригину же хотѣлось бы дѣло завозить справками, и розысками, и служебною перепискою. Веригинъ рѣшительно здѣсь вреденъ и самъ, чувствуя, что у меня долго не усидитъ на мѣстѣ, а потому изъявилъ нежеланіе вступать въ должность предсѣдателя; я радъ сему случаю и далъ ему предписаніе отправиться обратно въ Петербургъ, и обо всемъ пишу военному министру, прося его не назначать предсѣдателей комиссіи безъ моего согласія.

Я полагаю, что Веригина слѣдовало бы вовсе уволить, ибо неприлично въ настоящее время выкидывать подобныя штуки ко вреду службы. Отъ этого и шли у насъ такъ дурно дѣла, что много на службѣ подобныхъ Веригину.

Я вамъ телеграфировалъ объ Веригинѣ и просилъ по соглашенію съ военнымъ министромъ доложить объ немъ Государю. Прошу васъ скорѣе избавить меня отъ Веригина и увѣдомить по телеграфу. На мѣсто его я полагалъ бы пригласить генерала-маіора Глѣбова (члена кодификаціонной комиссіи при военномъ министерствѣ). Я его не знаю, но слышу много хорошаго. Впрочемъ, выберите сами, кого найдете лучшимъ, на васъ вполнѣ полагаюсь, но надобно скорѣе назначить предсѣдателя, ибо, какъ вы знаете, и Веселовскій плохъ и слишкомъ сблизился съ здѣшнимъ направленіемъ все спускать и угодничать предъ поляками.

Сдѣлайте дружбу, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, уладьте мнѣ это дѣло; это теперь одно изъ самыхъ важныхъ для усмиренія края.

Пишу сегодня коротко, на-дняхъ же извѣщу васъ обо всемъ подробно.

Прощайте, дружески васъ обнимаю, искренно любящій и преданный Вамъ

Михаилъ Муравьевъ.

---

[1]) О Сѣраковскомъ въ нашемъ журналѣ будетъ помѣщена особая замѣтка. *Ред.*

27-го іюля 1863 года, Вильно.

Вручитель сего ротмистеръ князь Шаховской [1]), который вамъ разскажетъ, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, во всей подробности о положеніи края. Онъ везетъ къ Государю всеподданнѣйшее письмо здѣшняго дворянства, которое въ настоящее время имѣетъ не малое въ политическомъ отношеніи значеніе [2]).

Прошу васъ принять Шаховского подъ свое покровительство и попросить, кого слѣдуетъ, заявить Государю мое ходатайство сдѣлать его флигель-адъютантомъ. Это полезно для значенія въ здѣшнемъ краѣ, ибо увидятъ вниманіе Государя, и при этомъ князь Шаховской вполнѣ этого достоинъ, ибо онъ неустанно работалъ и содѣйствовалъ успѣху управленія. Прошу васъ также лично доложить объ этомъ Государю и просить Его отъ меня не оставить Шаховского безъ сей почетной награды.

Еще прошу васъ при случаѣ доложить Государю, что все пойдетъ здѣсь хорошо, ежели только въ Царствѣ Польскомъ будетъ лучшее управленіе; оттуда безпрестанно набѣгаютъ шайки, такъ что я велѣлъ уже ходить отрядамъ за границу и уничтожать ихъ въ Царствѣ Польскомъ, но тамъ нѣтъ стройнаго гражданскаго управленія и потому мятежъ не можетъ быть подавленъ.

Пишу вамъ коротко, ибо Шаховской передастъ вамъ все на словахъ. Пожалуйста, устройте его флигель-адъютантомъ. Я надѣюсь, что Государь доволенъ адресомъ здѣшняго дворянства; это будетъ имѣть большое вліяніе и на прочія губерніи. Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, искренно душевно васъ обнимаю,

душевно вамъ преданный.

М. Муравьевъ.

---

[1]) Ротмистръ кавалергадскаго полка кн. Шаховской былъ на всѣ руки: «принялъ въ свое вѣдѣніе тайную полицію, обыски, городъ (Вильну) вообще», являлся къ Муравьеву съ корректурами «Виленскаго Вѣстника» и съ проектами реформъ по театру. Послѣ того, какъ привезъ въ Петербургъ адресъ виленскаго дворянства, былъ произведенъ во флигель-адъютанты. «Русск. Стар.», 1883 г., т. 40, стр. 194, 396, 593—4. *Ред.*

[2]) Адресъ виленскаго дворянства, поданный Муравьеву 27 іюля, былъ подписанъ 230 лицами; затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣдовали голоса дворянства другихъ сѣверо-западныхъ губерній; позднѣе поступали и дополнительные листы съ подписями. Есть извѣстіе, что число всѣхъ подписавшихся дворянъ доходило до 12.000. Но въ иностранныхъ газетахъ, и въ томъ числѣ въ Journal des Débats, печатался документъ революціоннаго «литовскаго департамента», препровожденный кн. Чарторыскому, въ которомъ было сказано, что ««подписи подъ адресами собирались военными начальниками уѣздовъ съ неимовѣрною жестокостью.., такъ что самъ Литовскій департаментъ, своимъ циркуляромъ, разрѣшилъ подписываться подъ этими адресами», чтобы «сохранить странѣ самыхъ энергическихъ и самыхъ знатныхъ людей». По польскимъ свѣдѣніямъ число подъ этими протестами противъ адресовъ государю достигло 279.000; протесты были напечатаны въ варшавской революціонной газетѣ «Niepodległość». Одинъ изъ усердныхъ поклонниковъ Муравьева признаетъ, что «виленскому дворянству была *подана мысль* о представленіи всеподданнѣйшаго адреса, въ коемъ оно сознало бы свои заблужденія и просило помилованія». Въ Витебской губ. былъ возбужденъ вопросъ о дворянскомъ адресѣ еще при генералъ-губернаторѣ Назимовѣ, въ мартѣ 1863 г., но тогда подъ нимъ удалось собрать лишь 17 подписей. «Русск. Стар.», т. XXXVI, 418, 1883 г., т. XL, 393, 395—396, 585—586; «Историч. Вѣстн.», 1883 г., № 10, стр. 82; *Барсуковъ.* «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XX, 253—255; Bol. Limanowski. Historya powstania narodu polskiego 1863 i 1864 R. Wydanie drugie, Lwów. 1909 г., стр. 365—366, 442. *Ред.*

1-го августа 1863 года, Вильно.

Пишу вамъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, коротко, потому что вамъ все передастъ на словахъ Иванъ Михайловичъ [1]). Благодарю васъ очень за ваше дружеское содѣйствіе; я дѣлаю здѣсь все, что возможно, дабы выполнить, какъ слѣдуетъ, свою обязанность; но въ Петербургѣ при всемъ томъ довольно имѣю противниковъ, и, повидимому, въ томъ числѣ князя Василія Андреевича [2]). Я, конечно, этимъ пренебрегаю, ибо весь стыдъ противодѣйствія обращается на него, но, тѣмъ не менѣе, непріятно бороться въ Петербургѣ, когда и здѣсь есть съ кѣмъ воевать. Пожалуйста, дайте ему это почувствовать. Иванъ Михайловичъ вамъ передастъ о бывшей съ княземъ Долгоруковымъ перепискѣ.

Я еще не получалъ бумагъ объ обязательномъ выкупѣ крестьянъ; ежели правительство рѣшается распространить эту мѣру на юго-западный край, то я нахожу даже необходимымъ подчинить этой мѣрѣ и Бѣлорусскія губерніи [3]), я избѣгалъ сего только потому, опасаясь возбудить неурядицу въ Россіи.

Половцевъ у меня былъ, много онъ разсказывалъ, но мало путнаго, я, впрочемъ, еще прежде его пріѣзда приказалъ, чтобы всѣ возникнувшія дѣла о Горецкихъ мятежникахъ были представлены мнѣ. Надѣюсь, что виновные не избѣгнутъ заслуженнаго наказанія. Не упущу я изъ виду и князя Любомирскаго [4]), котораго давно знаю за человѣка весьма неблагонадежнаго. Хорошо вы сдѣлали, что покончили съ Горецкимъ Институтомъ, это было скверное гнѣздо [5]).

У насъ здѣсь видимая политическая перемѣна; партія благонамѣренныхъ явно присоединилась въ большомъ составѣ къ правительству. Событіе о нанесенной ранѣ Губ. Пред. Домейко [6]) еще

---

[1]) Вѣроятно, Ив. Мих. Гедеоновъ, сенаторъ, ср. «Русск. Стар.», 1883 г., № 12, стр. 624. *Ред.*

[2]) Долгоруковъ, шефъ жандармовъ. *Ред.*

[3]) Въ своихъ запискахъ Муравьевъ говоритъ: «Министръ внутреннихъ дѣлъ (Валуевъ) долго не допускалъ обязательнаго выкупа крестьянами земель въ Западныхъ губерніяхъ» («Русск. Стар.», т. XXXVI, стр. 430). 31 авг. 1863 г. Муравьевъ писалъ Валуеву: «Вы пишете мнѣ, что не раздѣляете мыслей о распространеніи на Бѣлоруссію указа 1-го марта 1863 г. (объ обязат. выкупѣ); но признаюсь, что я теперь еще болѣе убѣдился въ необходимости этой мѣры. Въ Бѣлоруссіи польскіе помѣщики едва ли не болѣе намъ враждебны, чѣмъ въ литовскихъ губерніяхъ: совершенно необходимо, и при томъ сколь возможно скорѣе, освободить крестьянъ отъ всякой отъ нихъ зависимости». «Русск. Стар.», т. XXXVII, стр. 147. *Ред.*

[4]) Могилевскій губернскій предводитель дворянства. *Ред.*

[5]) Горыгорецкій институтъ былъ переведенъ въ Лисино, Царскосельскаго у., Петербургской губ. «Русск. Стар.», 1883 г., т. 39, стр. 624.

[6]) 29 іюля варшавскій ремесленникъ Беньковскій, войдя въ квартиру Домейко, нанесъ ему кинжаломъ 7 ранъ на рукѣ, не опасныхъ для жизни. Жондъ публиковалъ, что Домейко наказанъ за измѣну польскому дѣлу, а въ особенности за составленіе адреса. «Р. Стар.», 1882, № 11, стр. 419—420, «Ист. Вѣстн.», 1892 г., № 12, стр. 622—626. По этому дѣлу, кромѣ Беньковскаго, повѣшено было еще 6 человѣкъ, въ томъ числѣ (по польскимъ источникамъ) 4 человѣка, совершенно невинныхъ въ этомъ дѣлѣ, что, по словамъ польскаго историка, признавалъ и самъ Муравьевъ. Limanowski. Historya powstania narodu polskiego 1863 i 1864 R., стр. 365 — 366. Авторъ «Виленскихъ очерковъ», Мосоловъ, говоритъ, что эти 4 человѣка еще не совершили убійства, казнены же они были только потому, что при нихъ оказались кинжалы, «и всѣ они сознались въ полученіи денегъ въ счетъ наградъ за преступленія». «Русск. Стар.», 1883, № 11,

болѣе ожесточило партію благонамѣренныхъ, такъ что они сами указываютъ теперь людей неблагонадежныхъ, тогда какъ прежде, конечно, сами были заодно съ ними. Я учредилъ особую слѣдственную комиссію надъ убійцами; надѣюсь, я съ ними покончу.

Въ Виленской губерніи все тихо и смирно, въ Ковенской еще не уладились дѣла; но и тамъ идетъ лучше. Согласно съ желаніемъ вашимъ я отпустилъ Длотовскаго; мнѣ его очень жаль, ибо онъ былъ очень дѣятеленъ и полезенъ. Пожалуйста, исходатайствуйте ему награду или аренду. Онъ вполнѣ этого достоинъ. На его мѣсто я назначилъ Ковалевскаго.

Не придумаете ли вы мнѣ одного надежнаго генерала въ Полевой Аудиторьятъ, а другого на мѣсто Веселовскаго въ слѣдственную комиссію; сдѣлайте дружбу, поговорите объ этомъ съ гр. Гейденомъ и сообщите мнѣ скорѣе, кого бы вы полагали.

Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, искренно, дружески васъ обнимаю,

душевно вамъ преданный

М. Муравьевъ.

Управляющій Гродненской палатой Гос. Имуществъ *Гавриловъ*— человѣкъ слабый и готовый по неразумѣнію потворствовать Полякамъ. Онъ рѣшительно вреденъ. Прошу его смѣнить, также и совѣтниковъ.

Вообще весь составъ управленія Государ. Имуществами требуетъ перемѣны людей; прошу ускорить присылкой Русскихъ; нужны люди въ Ковнѣ и въ Вильнѣ.

1 августа.

14-го августа 1863 года, Вильно.

Поспѣшаю васъ увѣдомить, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, что вчера проѣзжалъ здѣсь въ Петербургъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ и надѣлалъ всѣмъ грубостей и дерзостей.

Его встрѣчали на желѣзной дорогѣ Комендантъ, Командующій всѣми войсками въ Виленской губерніи, Генералъ Дрентельнъ, губернаторъ и полицмейстеръ, т.-е. всѣ власти города, я же остался по случаю нездоровья, о чемъ и поручено было доложить Его Высочеству.

Великій Князь, выйдя изъ вагона, никому даже не поклонился и не поздоровался съ Преображенскимъ карауломъ, вбѣжалъ въ особую приготовленную ему комнату и ни съ кѣмъ не говорилъ въ продолженіе получаса своего тамъ пребыванія. Когда ему Губернаторъ подалъ рапортъ и сказалъ свое имя, то Великій князь отвѣтилъ ему: *съ чѣмъ имѣю честь васъ поздравить*. Вотъ единственная рѣчь Его Высочества. Всѣ военные оскорблены Его грубымъ и презрительнымъ пріемомъ. Гвардія не привыкла къ такому обра-

стр. 396—402. Снимокъ съ печатнаго приговора надъ Домейко революціоннаго трибунала и объявленіе революціоннаго начальника г. Вильны объ его исполненіи см. Grabiec. «Rok 1863 г.», стр. 407. Рескриптъ государя Муравьеву по поводу виленскаго адреса и покушенія на жизнь Домейко см. въ «Русск. Арх.», 1897 г., № 11, стр. 392—393. Официальныя свѣдѣнія о покушеніи см. въ брошюрѣ *Цылова* «Сигизмундъ Сѣраковскій и его казнь». Вильна, 1867 г., стр. 35—43. *Ред.*

щенію, да и никто изъ порядочныхъ людей не можетъ равнодушно переносить дерзостей Его Высочества.

Я очень радъ, что тамъ не былъ, а то вышла бы весьма непріятная исторія; я бы ему не спустилъ, тѣмъ болѣе, что онъ здѣсь заслужилъ своими дѣйствіями въ Варшавѣ полное презрѣніе не только всѣхъ Русскихъ, но и самихъ поляковъ. Онъ гнѣвается, что я не ожидалъ Его на желѣзной дорогѣ; но я не могъ этого сдѣлать потому, во-первыхъ, что дѣйствительно нездоровъ и сильно кашляю и никуда по этой причинѣ не выѣзжаю, а во-вторыхъ, что, зная грубое и дерзкое обращеніе Его Высочества, я не желалъ подвергнуться публичному отъ него афронту, ибо онъ во всѣхъ отношеніяхъ неучъ и дерзкій сумасбродъ, при томъ мнѣ не о чемъ было съ нимъ и толковать; наши системы дѣйствія такъ противоположны, что ни въ чемъ бы согласиться не могли, и неминуемо произошло бы непріятное столкновеніе. *Отойди отъ зла и сотвори благо.* Константинъ Николаевичъ есть такое зло для края и Россіи, что надобно для блага Государя и Государства, чтобы онъ скорѣе удалился отсюда, въ противномъ случаѣ мы не хорошо кончимъ съ Польшею [1]).

Пишу вамъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, сіи нѣсколько строкъ, чтобы поставить васъ въ извѣстность о проѣздѣ и дерзкихъ выходкахъ Его Высочества, и для доведенія при случаѣ объ этомъ до свѣдѣнія Государя. При томъ полезно, чтобы это было извѣстно и въ Петербургѣ.

Дѣла управленія идутъ успѣшно. Взяты варшавскіе агенты и убійцы. Захвачены и высшіе распорядители, проникшіе изъ Царства Польскаго для возбужденія здѣсь вновь мятежа. Я надѣюсь скоро съ ними покончить, но останавливаюсь самъ потому, что много открываютъ сообщниковъ, наиболѣе однакожъ поляковъ, присланныхъ изъ Варшавы. Все это идетъ отъ *пресловутаго* управленія Константина Николаевича. Доколѣ онъ будетъ въ Варшавѣ, толку не будетъ. Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, искренно дружески васъ обнимаю. Написалъ бы болѣе, но положительно некогда, душевно вамъ преданный

М. Муравьевъ.

Вильно, 20-го августа 1863 года.

Пишу вамъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, нѣсколько строкъ, ибо вручитель сего Булычевъ вамъ все передастъ на словахъ.

Сегодня я послалъ отвѣтъ князю Долгорукову на вопросъ объ проѣздѣ Константина Николаевича; очень жаль, что Государя вмѣшали въ это дѣло. Я далъ на все отвѣтъ самый положительный и все объяснилъ, какъ было. Надобно правду сказать, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ предерзкая тв...; его надобно крѣпко учить и держать въ рукахъ, а то онъ и въ Петербургѣ много надѣлаетъ дѣлъ; его, кажется, Россія раскусила и оцѣнила.

---

1) Грубо-враждебно отзывается Муравьевъ о вел. кн. Константинѣ Николаевичѣ и въ своихъ запискахъ, но такъ какъ они печатались при жизни великаго князя, то эти отзывы были исключены. О томъ, какъ генералъ Г., единомышленный съ Муравьевымъ во взглядахъ на польское возстаніе, отказался подать руку в. к. Константину Николаевичу во дворцѣ государя, см. въ книгѣ *Е. Н. Водовозовой* «На зарѣ жизни». Спб. 1911 г., стр. 435. *Ред.*

Дѣла здѣсь идутъ хорошо, край болѣе и болѣе успокаивается. Одно сосѣдство съ Царствомъ Польскимъ портитъ все дѣло, ибо тамъ нѣтъ никакого устройства.

Не знаю, кому поручить здѣсь управленіе, ибо здоровье мое крѣпко плошаетъ. Предположеніе объ Амурскомъ [1]), кажется, не свершится, я полагаю, что хорошъ былъ бы на этомъ мѣстѣ *Тимашевъ* и даже *Потаповъ*, подумайте и скажите мнѣ свое мнѣніе; пора назначить мнѣ преемника.

Пишу вамъ коротко, ибо Булычевъ—живая грамота—все вамъ сообщитъ.

Душевно дружески васъ обнимаю, искренно вамъ преданный

М. Муравьевъ.

25-го сентября 1863 года, Вильно.

Письмо ваше, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, отъ 21-го сентября получилъ и поспѣшаю вамъ отвѣтствовать. Я удивляюсь, что Н. А. Милютинъ такъ мало понимаетъ меня, что могъ думать, что я, по причинѣ личности, не буду ему содѣйствовать въ устройствѣ столь необходимаго для Россіи дѣла твердаго обезпеченія быта сельскаго поселенія въ Царствѣ Польскомъ и въ западномъ краѣ нашемъ.

Я ему сегодня написалъ мой взглядъ на этотъ предметъ и готовность содѣйствовать благому дѣлу. Пускай онъ только скорѣе приступитъ къ дѣлу, ибо время дорого; надобно немедленно крестьянъ вырвать изъ-подъ страшнаго гнета польскихъ землевладѣльцевъ и уничтожить гминныхъ войтовъ, которые суть настоящіе дѣятели и проводники революціонныхъ намѣреній, удерживающіе сельское населеніе подъ игомъ помѣщиковъ. Надобно тоже измѣнить порядокъ очиншеванія крестьянъ.

Я послалъ уже особую комиссію изслѣдовать всѣ эти вопросы въ Августовской губерніи [2]) и надѣюсь скоро быть въ возможности рѣшить всѣ эти предметы. Желательно бы, чтобы Милютинъ не медлилъ своимъ пріѣздомъ въ Варшаву; на пути онъ, вѣроятно, остановится въ Вильнѣ, чтобы со мною объясниться по этому дѣлу. Дѣла въ здѣшнемъ краѣ идутъ, благодаря Богу, успѣшно, вездѣ водворяется спокойствіе, духовенство смирилось; дворянство мин-

---

[1]) Т.-е. о назначеніи въ Вильно на мѣсто М. Н. Муравьева гр. Ник. Ник. Муравьева-Амурскаго. *Ред*

[2]) Одна гмина крестьянъ Августовской губ. прислала Муравьеву 6 авг. 1863 г. съ депутаціею адресъ, за подписью нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, съ просьбою принять ихъ въ свое управленіе и оградить отъ повстанцевъ; были затѣмъ и другія подобныя депутаціи. Въ сентябрѣ государь приказалъ Муравьеву принять всю эту губернію въ свое управленіе. Онъ отправилъ туда войско подъ начальствомъ генерала Бакланова, одного изъ наиболѣе свирѣпыхъ исполнителей приказовъ Муравьева, не даромъ его называли «людоѣдомъ»; онъ находилъ даже, что Муравьевъ дѣйствуетъ «слабенько». Впрочемъ, самъ Баклановъ въ своихъ запискахъ старается представить себя въ иномъ видѣ. Муравьевъ приказалъ въ Августовской губ. «постепенно уничтожить гминное управленіе владѣльцевъ и назначать на мѣсто ихъ гминными войтами крестьянъ по собственному ихъ выбору»; введены были и «независимые отъ помѣщиковъ крестьянскіе суды, съ правомъ рѣшать дѣла до 100 р. с.». «Русск. Стар.», 1882 г., т. XXXVI, 415, 425, 428, XXXVIII, 227, XL, 402—404; *Цыловъ*, 66, записки Бакланова, «Русск. Стар.», 1871 г., т. IV, *Барсуковъ*, XX, 257—258, «Изъ записокъ Никотина», «Русск. Стар.», 1903 г., № 2 и 3. *Ред.*

ское тоже представило мнѣ всеподданнѣйшее на имя Государя письмо съ сознаніемъ своей вины и съ испрошеніемъ всемилостивѣйшаго прощенія. На-дняхъ представитъ такой же адресъ и Гродненское дворянство. Теперь я озабоченъ покореніемъ и устройствомъ Августовской губерніи; надѣюсь въ Октябрѣ мѣсяцѣ и съ ней справиться, и тогда проситься на отдыхъ: здоровье мнѣ сильно измѣняетъ, и въ особенности глаза, которые очень плохи. По возвращеніи Государя изъ Крыма буду проситься на покой. Теперь здѣсь можно управиться, лишь бы не ослаблять пружины. Надобно держать крѣпко поляковъ и продолжать начатую систему дѣйствій. Теперь надобно думать о будущемъ устройствѣ сего края мѣрами законодательными; для этого мое пребываніе въ Петербургѣ необходимо. Здѣсь я полагаю, что и гр. Амурскій управится, ежели нельзя назначить Тимашева.

Вы мнѣ пишете о встрѣчаемыхъ затрудненіяхъ въ переселеніи шляхты. Я полагаю, что эта мѣра необходима для очищенія нашихъ западныхъ губерній отъ этого сквернаго элемента; что же касается до Царства Польскаго, то я вполнѣ раздѣляю мнѣніе ваше, что нѣтъ надобности выносить оттуда соръ и заразу въ Россію. Объ Царствѣ Польскомъ вопросъ совершенно иной. Оно никогда не будетъ намъ прочно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей, населенныхъ жмудинами и Русскими, т.-е. Августовской губерніи и части Люблинской. Остальную Польшу надобно держать за собою въ видѣ военной позиціи и для огражденія нашихъ западныхъ губерній отъ революціонной заразы.

Теперь весь вопросъ въ скорѣйшемъ усмиреніи Царства, чтобы будущей весною не вмѣшались въ наши дѣла иностранныя державы.

Сомнѣваюсь, чтобы удалось это исполнить графу Бергу. Дѣло крѣпко испорчено Вел. Кн. Константиномъ Николаевичемъ; нужно время, чтобы это исправить, а до весны не такъ далеко. Онъ цѣлый годъ портилъ дѣло и давалъ возможность усиливаться мятежу; зараза глубоко проникла во всѣ слои общества; конечно, справиться можно, но для этого надобно принять болѣе рѣшительныя мѣры, не ограничиваясь одной Варшавою.

Напишите мнѣ, когда ожидаютъ возвращенія Государя, чтобы я могъ къ тому времени проситься на покой. Теперь здѣсь главное всѣ сдѣлано, можетъ справиться съ дѣломъ и другой; я не прочь отъ работы, но глаза крѣпко измѣняютъ, надобно дать имъ отдыхъ.

Я для устройства Литвы и въ Петербургѣ могу быть полезенъ, ибо надобно дѣло направлять изъ Петербурга и не допускать ослабленія въ дѣйствіяхъ.

Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, дружески васъ обнимаю. Искренно, душевно вамъ преданный

М. Муравьевъ.

P. S. Прилагаю при семъ копію съ моего письма къ Милютину [1]).

---

[1]) Этой копіи при письмахъ Муравьева нѣтъ. См. Leroy-Beaulieu. Un homme d'état russe (N. Milutine), P. 1884, p. 202—204. *Ред.*

Октября 23-го дня 1863 года. № 9552. Вильно.

Милостивый Государь

Александръ Алексѣевичъ!

Отношеніемъ отъ 13 сего Октября за № 4004 Ваше Превосходительство, имѣя въ виду Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее по положенію Комитета Гг. Министровъ 7-го Сентября сего года о томъ, чтобы расходы, сдѣланные изъ продовольственнаго капитала, были возмѣщены изъ суммъ, опредѣленныхъ къ сбору съ имѣній западнаго края на покрытіе издержекъ по укрощенію мятежа, просите моего увѣдомленія, не признаю ли я возможнымъ и справедливымъ весь экстренный расходъ по командированію чиновниковъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ въ подчиненныя мнѣ западныя губерніи, или, по крайней мѣрѣ, большую часть этого расхода, обратить на счетъ доходовъ съ секвестрованныхъ имѣній, или вообще на сборъ съ имѣній западнаго края, установленный на покрытіе издержекъ по усмиренію мятежа. Имѣя въ виду, что всѣ расходы, которые Правительство, а въ лицѣ онаго и вся Россія несетъ для подавленія крамолы и мятежа въ западномъ краѣ, должны быть по справедливости отнесены на имущество виновныхъ, то-есть, римско-католическаго духовенства, помѣщиковъ, шляхты и чиновниковъ польскаго происхожденія, изъ коихъ большая часть или принимали дѣятельное и непосредственное участіе въ мятежѣ, или моральнымъ сочувствіемъ и матеріальными тайными пособіями поддерживали мятежныя дѣйствія, или, наконецъ, во время настоящихъ смутъ въ краѣ приняли въ отношеніи содѣйствія Правительству отрицательное положеніе, я уже распорядился, какъ извѣстно Вашему Превосходительству, объ обращеніи на имѣнія поименованныхъ выше лицъ и сословій всѣхъ издержекъ и убытковъ, понесенныхъ какъ Правительствомъ, такъ и частными лицами, отъ настоящаго мятежа. Такимъ образомъ отнесены мною на счетъ виновниковъ мятежа:

1) Пополненіе всѣхъ разграбленныхъ мятежниками мірскихъ капиталовъ и сельскихъ магазиновъ. 2) Возвращеніе отнятыхъ мятежниками у сборщиковъ податей денегъ, внесенныхъ крестьянами для уплаты оброковъ. 3) Удовлетвореніе за ограбленныя мятежниками почты, уѣздныя казначейства и другія мѣста храненія разнаго рода суммъ. 4) Укомплектованіе казачьихъ полковъ лошадьми, павшими отъ усталости и изнуренія, вслѣдствіе безпрестанныхъ поисковъ и погони за мятежниками. 5) Вознагражденіе поселянъ и лицъ другихъ сословій за разграбленное у нихъ мятежниками имущество, сожженные дома и разоренное хозяйство. 6) Пособіе тѣмъ семействамъ, члены которыхъ, оставаясь вѣрными данной ими присягѣ, сдѣлались жертвою мести разбойничьихъ мятежныхъ шаекъ.

Всѣ эти суммы, убытки и потери большею частью взысканы и употреблены по назначенію, и въ настоящее время уже дѣлается распоряженіе разложить на помѣщичьи имѣнія пополненіе расходовъ изъ продовольственнаго капитала и сельскихъ магазиновъ на содержаніе конной и пѣшей сельской стражи, учрежденной для уничтоженія тѣхъ же мятежниковъ и для усмиренія самихъ помѣщиковъ и землевладѣльцевъ, а равно покрытіе издержекъ на

рубку лѣса по линіи желѣзной дороги, проходящей черезъ губерніи ввѣреннаго мнѣ края и требовавшей, для общаго спокойствія, огражденія отъ покушенія мятежниковъ прервать сообщеніе и тѣмъ самымъ лишить правительство принять скорыя и рѣшительныя мѣры къ усмиренію края.

Этотъ способъ наказанія всѣхъ тѣхъ, которые болѣе или менѣе участвовали въ мятежныхъ дѣйствіяхъ, произвелъ весьма удовлетворительные результаты, ибо убѣдилъ здѣшнихъ помѣщиковъ и дворянство, что Правительство, дѣйствуя неуклонно и съ энергіей къ подавленію безумныхъ революціонныхъ попытокъ, не остановится и на будущее время въ возмѣщеніи всѣхъ какъ казенныхъ издержекъ, такъ и частныхъ убытковъ, на счетъ тѣхъ, которые были тому прямою или косвенною причиною.

Хотя до настоящаго времени здѣшніе помѣщики, католическое духовенство, дворяне и чиновники польскаго происхожденія внесли уже довольно значительные платежи, независимо отъ 10% сбора, достигающаго въ шести Высочайше ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ съ дополнительными взысканіями до 2.700.000 руб. сер. [1]), но, несмотря на то, я нахожу полезнымъ и весьма справедливымъ обратить на тѣ же сословія не только всѣ расходы по командированію чиновниковъ въ здѣшній край изъ внутреннихъ и другихъ губерній, но и на усиленіе ихъ содержанія. Только при такихъ мѣрахъ край этотъ можетъ быть усмиренъ совершенно, ибо никакія моральныя убѣжденія и мѣры не въ состояніи подавить въономъ общаго политическаго недуга, охватившаго все среднее и высшее сословіе польскаго происхожденія и систематически развивавшагося безнаказанно въ продолженіе болѣе пяти лѣтъ.

Опытъ достаточно доказалъ, что для прочнаго умиротворенія здѣшняго края необходимы двѣ мѣры: съ одной стороны, возвышеніе самостоятельнаго быта сельскаго населенія, которое служитъ здѣсь главною опорою и оплотомъ правительства отъ крамольныхъ покушеній здѣшняго польскаго дворянства, а съ другой стороны, убѣжденіе всѣхъ прочихъ сословій рѣшительными и неуклонными мѣрами, что каждое малѣйшее нарушеніе законнаго порядка, кромѣ личной отвѣтственности за оное, подвергнетъ какъ нарушителей, такъ и лицъ, равнодушно взирающихъ на это нарушеніе, денежному взысканію и пополненію всѣхъ убытковъ и издержекъ, происшедшихъ по этому случаю; крамольники смирятся, когда будутъ знать и испытаютъ на самомъ дѣлѣ, что всякое нарушеніе стоитъ имъ очень дорого и уменьшаетъ ихъ матеріальное благосостояніе. Таковъ мой взглядъ на этотъ предметъ, и въ безошибочности этого взгляда я убѣдился несомнѣнными фактами.

Основываясь затѣмъ на изложенныхъ выше соображеніяхъ, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сообщить мнѣ свѣдѣнія о всѣхъ расходахъ, произведенныхъ по вѣдомству

---

[1]) Кромѣ сборовъ съ имѣній, дома помѣщиковъ въ губернскихъ городахъ велѣно было 17 іюня 1863 г. обложить однопроцентнымъ сборомъ *съ капитальной стоимости* съ запрещеніемъ полякамъ возвышать цѣны на квартиры. Тѣ же дома, которыхъ владѣльцы-поляки выказали политическую неблагонадежность, разрѣшено было 28 октября 1863 г. облагать удвоеннымъ и утроеннымъ однопроцентнымъ сборомъ. *Цыловъ* 296—7, 302—3. Несеквестрованныя имѣнія помѣщиковъ, высылаемыхъ на жительство въ отдаленныя великороссійскія губерніи, велѣно было 5 авг. 1863 г. обложить усиленнымъ сборомъ свыше 10%, «смотря по степени неблагонадежности ихъ владѣльцевъ». Ibid., 301—2. *Ред.*

Министерства Государственныхъ Имуществъ по случаю настоящаго мятежа, по полученіи которыхъ, какъ отъ Васъ, такъ и отъ прочихъ вѣдомствъ, я не замедлю сдѣлать распоряженіе о пополненіи оныхъ,—не изъ суммъ 10% сбора, который, какъ весьма справедливо полагаетъ Г. Министръ Финансовъ, долженъ быть причисленъ къ общимъ государственнымъ доходамъ, а изъ дополнительнаго сбора по раскладкѣ съ лицъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ происходившимъ въ краѣ мятежнымъ дѣйствіямъ, ибо Правительство (кромѣ) исчисленныхъ выше расходовъ по здѣшнему краю несетъ еще и другіе огромные расходы по случаю польскаго мятежа.

Я полагаю также, что издержки казны на выселеніе изъ здѣшняго края шляхетскихъ околицъ во внутреннія губерніи, должно-быть, отнесены также на дополнительный сборъ съ лицъ польскаго происхожденія; и потому покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, если послѣдуетъ на то Высочайшее соизволеніе, почтить меня увѣдомленіемъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ Вамъ почтеніи и преданности.

Михаилъ Муравьевъ.

Прошу Васъ увѣдомить меня о послѣдующемъ отъ васъ распоряженіи, по докладѣ сего письма Государю, дабы я могъ снестись и съ прочими Министрами по сему предмету. Часть дополнительныхъ этихъ сборовъ можетъ быть сдѣлана и въ будущемъ году.

Вильно, 30-го октября 1863 г.

Давно я вамъ не писалъ, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, глаза плохи, трудно писать. Теперь Государь уже возвратился, а потому время окончательно озаботиться о будущемъ управленіи здѣшнимъ краемъ. Я дѣлалъ, что могъ, чтобы исполнить волю Государя; край теперь находится въ удовлетворительномъ положеніи; всѣ враждебныя намъ сословія смирились, а крестьяне почувствовали свою самостоятельность и вполнѣ преданы Правительству; я принялъ уже возможныя мѣры къ упроченію ихъ независимости отъ помѣщиковъ; помѣщики сами убѣдились, что для ихъ собственной безопасности необходимо обезпечить крестьянъ, а потому, повидимому, цѣль учрежденія повѣрочныхъ комиссій достигается [1]), по крайней мѣрѣ, я объ этомъ особенно озабочиваюсь, ибо вы тогда только будете владѣть прочно этимъ краемъ, когда сельское населеніе будетъ внѣ вліянія помѣщиковъ.

Я представляю Государю краткое донесеніе о ходѣ дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ прошу о назначеніи мнѣ преемника. Понимаю, что вопросъ трудный къ разрѣшенію, но необходимо, однакожъ, теперь покончить это дѣло; ибо, при всемъ желаніи моемъ, положеніе здоровья моего не дозволяетъ мнѣ здѣсь долго оставаться. Необходимо назначить мнѣ преемника, который бы нѣкоторое время побылъ здѣсь при мнѣ, какъ я объ этомъ прежде писалъ. Вопросъ этотъ представляется въ двухъ видахъ: назначить

---

[1]) Срав. весьма благопріятный отзывъ о дѣятельности этихъ комиссій въ книгѣ: «Воспоминаніе Н. И. Воронова по Западному краю». Владим. 1907, стр. 188. Авторъ этихъ воспоминаній человѣкъ недалекій, но честный. Ср. о немъ ст. *Н. Іорданскаго.* «Изъ недавняго прошлаго». «Голосъ Минувшаго», 1913 г., № 5.

мнѣ товарища по управленію гражданскому и военному, который могъ бы заступить мою должность въ случаѣ болѣзни и отсутствія, или настоящаго вмѣсто меня преемника съ полными правами. Я на оба эти способа совершенно согласенъ, и прошу только скорѣе рѣшить вопросъ. Въ первомъ случаѣ надобно избрать человѣка, не оканчивающаго еще свою карьеру; онъ могъ бы даже нѣкоторое время остаться здѣсь при мнѣ, подъ моимъ руководствомъ; но вопросъ: кого назначить?

Во второмъ случаѣ, т.-е. назначеніе окончательно генералъ-губернатора вмѣсто меня; останавливается выборъ на графѣ Амурскомъ.

Я пишу теперь Государю и прошу замѣнить меня, ибо я дѣйствительно утомленъ, и зрѣніе совсѣмъ плохо. Доложите все это Его Величеству; я отъ дѣла не отказываюсь, но мнѣ нуженъ теперь отдыхъ, пускай назначитъ товарища, который имѣлъ бы въ виду быть черезъ нѣкоторое время генералъ-губернаторомъ, ежели встрѣчаютъ затрудненіе вдругъ меня замѣнить.

Теперь положеніе края таково, что, при данномъ уже направленіи, при продолженіи принятой системы въ краѣ, все будетъ спокойно, лишь бы высшее Правительство не ослабло въ мѣрахъ энергическихъ. Ежели полякамъ оказано будетъ хотя малѣйшее послабленіе, тогда все сдѣланное для умиротворенія края погибнетъ, и едва ли другой разъ удастся его смирить.

Вотъ почему выборъ товарища мнѣ, хотя для временнаго управленія, и въ особенности назначеніе настоящаго генералъ-губернатора должны быть сдѣланы съ крайнею осмотрительностью. По положенію здоровья моего далѣе самыхъ первыхъ чиселъ декабря здѣсь оставаться не могу, и потому надобно скорѣе рѣшить вопросъ и прислать сюда моего преемника, самому же мнѣ ѣхать въ Петербургъ для разъясненія дѣлъ невозможно, ибо некому поручить управленіе; Скворцову (?) нельзя, ибо онъ рѣшительно не способенъ. Подумайте объ этомъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, и пріѣзжайте сюда, ежели можно, хотя дня на два или на три, тогда переговоримъ обо всемъ и увидимъ, какъ дѣло устроить.

Это тѣмъ удобнѣе, что вы уже будете знать мысли Государя, и тогда здѣсь все уладимъ; при томъ необходимо заняться и о будущемъ устройствѣ здѣсь государственныхъ крестьянъ и вообще хозяйства.

Сколько ни думалъ, я нахожу, что это лучшій способъ рѣшить дѣло. Рѣшитесь на сіе для пользы Россіи и испросите у государя соизволеніе пріѣхать сюда, или пускай назначитъ Амурскаго, и чтобы онъ немедленно пріѣзжалъ. Буду съ большимъ нетерпѣніемъ ожидать отъ васъ отвѣта; дайте мнѣ знать по телеграфу, какъ рѣшено будетъ.

Здѣсь дѣла идутъ хорошо, край окончательно умиротворяется, все приходитъ въ порядокъ. Крѣпко жаль, что берутъ у меня гвардію [1]); это славное войско: вездѣ, гдѣ оно было употреблено на дѣла военныя или гражданскія, все вмигъ смирялось и возстановлялся порядокъ. Напрасно многіе полагаютъ, что гвардія для труднаго дѣла не полезна; опытъ указалъ противное; это славное

---

[1]) 1-я пѣхотная дивизія (полки: Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій), смѣнившая въ концѣ іюня 2-ю дивизію (Павловскій, Финляндскій, Московскій полки). «Ист. Вѣстн.», 1883, № 10, стр 98—99. *Ред.*

во всѣхъ отношеніяхъ войско, съ гвардіею можно все преодолѣть. Духъ въ ней отличный, какъ въ офицерахъ, такъ и въ солдатахъ, скажите это Государю. Если бы гвардейскую дивизію оставить здѣсь, то можно бы въ короткое время усмирить мятежъ въ Люблинской, а можетъ быть и въ Плоцкой губерніяхъ. Едва шесть батальоновъ гвардіи вступили въ Августовскую губернію, и тамъ въ три недѣли подавлены были мятежи, и тамошніе жители получили такое довѣріе къ гвардіи, что не только къ офицерамъ, но и къ солдатамъ обращались для разбора своихъ жалобъ и дѣлъ. Прошу васъ, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, скорѣе уладить назначеніе мнѣ преемника, теперь самая удобная для этого пора. Новый начальникъ привыкнетъ къ дѣлу къ началу весны, т.-е. къ эпохѣ, въ которую можно ожидать войны, и, слѣдовательно, должно быть готовыми къ отпору и въ здѣшнемъ краѣ.

Завтра я посылаю представленіе о наградахъ гвардіи. Тамъ будетъ нѣсколько арендъ; прошу васъ поддержать мое ходатайство [1]); независимо отъ сего прошу васъ исходатайствовать по прилагаемой при семъ запискѣ аренду по чину генералу Лошкареву, который былъ мнѣ самый усердный и дѣятельный сотрудникъ, и я ему особенно обязанъ въ успѣхѣ устройства административныхъ дѣлъ по управленію краемъ и мѣроположеніяхъ по укрощенію мятежа; онъ, къ сожалѣнію, долженъ меня оставить и отправиться на должность въ Москву, ибо уже болѣе шести мѣсяцевъ институтъ остается безъ директора.

Убѣдительно прошу васъ исходатайствовать ему аренду по чину, вы меня искренно и много этимъ обяжете, представьте объ этомъ прямо отъ меня Государю.

Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ васъ дружескаго подробнаго отвѣта и увѣдомленія обо всемъ.

Искренно, душевно вамъ преданный, дружески васъ обнимаю.

М. Муравьевъ.

Письмо начато 1-го ноября и окончено 3-го ноября 1863. Вильно.

P. S. Письмо измазано чернилами отъ того, что плохо вижу.

P. S. Я вамъ писалъ о пріѣздѣ сюда въ томъ случаѣ, ежели Государь встрѣтитъ затрудненіе назначить мнѣ преемника, но ежели Его Величество согласенъ на назначеніе Амурскаго, то я просилъ бы только скорѣе окончить дѣло, и чтобы онъ заблаговременно сюда пріѣхалъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ края. *Я полагаю,* что на сей разъ лучше будетъ назначить графа Амурскаго. Онъ край этотъ знаетъ, и при томъ знаетъ военное и гражданское дѣло. Мнѣ кажется, что онъ и самъ съ удовольствіемъ готовъ принять здѣшнее Генералъ-Губернаторство. 3-го ноября.

17-го ноября 1863 г., Вильно.

Вручитель сего, Н. Григ. Лошкаревъ, передастъ вамъ словесно, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, о настоящемъ положеніи дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ, которыя идутъ весьма удовлетворительно;

---

[1]) Въ особенности прошу объ арендѣ генералу Дрентельну. *Прим. Мурав.*

онъ также скажетъ вамъ о состояніи моего здоровья, а въ особенности зрѣнія, которое ежедневно замѣтнымъ образомъ уничтожается.

Государю угодно, чтобы я продолжалъ управленіе здѣшнимъ краемъ; я Его волю исполню, о чемъ нынѣ же всеподданнѣйше доношу Государю, но не знаю, надолго ли станетъ еще моихъ физическихъ силъ. Я очень понимаю необходимость по возможности долѣе заниматься мнѣ управленіемъ здѣшнимъ краемъ; но что же мнѣ дѣлать, когда зрѣніе отказывается. Впрочемъ, я Русскій, люблю Государя и Россію, и потому буду тянуть тяжелое, возложенное на меня бремя до истощенія силъ. Я далъ въ этомъ слово и сдержу его.

Надѣюсь, что Богъ поможетъ мнѣ еще уничтожать здѣсь всегда крамольный польскій элементъ, я объ этомъ теперь особенно забочусь, и скоро представлю свои соображенія.

Меня къ искреннему моему сожалѣнію оставляетъ теперь Лошкаревъ; онъ былъ мнѣ самымъ полезнымъ и лучшимъ сотрудникомъ; я его не удерживаю, потому что ему дѣйствительно необходимо возвратиться въ Институтъ. Благодарю Васъ очень за исходатайствованіе ему аренды; онъ вполнѣ достоинъ этой награды. Мнѣ безъ него здѣсь еще труднѣе будетъ.

Я пишу Д. А. Милютину и прошу его о назначеніи ко мнѣ помощникомъ, вмѣсто Фролова, генералъ-лейтен. Хрущова, попросите его, чтобы онъ постарался это устроить; а мнѣ теперь болѣе, нежели когда-нибудь, нуженъ дѣятельный и способный помощникъ; я, впрочемъ, указалъ Милютину и на Длотовскаго, и на Козлянинова [1]); но это желательнѣе въ случаѣ невозможности назначить Хрущова. Я надѣюсь, что мнѣ въ этомъ моемъ ходатайствѣ не откажутъ.

Здѣсь гр. Амурскій провелъ цѣлый день; всѣ получили объ немъ самое невыгодное понятіе, какъ о пустомелѣ и хвастунѣ, но я надѣюсь, что болтовня происходитъ отъ продолжительнаго бездѣйствія; а когда примется за дѣло, то другое будетъ, лишь бы жена его не повредила дѣлу, ибо онъ намѣренъ и ее сюда привезти. Я полагаю, что этого допускать не должно: здѣсь тогда Польша воскреснетъ со всѣми подлыми искательствами и интригами.

Когда мнѣ назначатъ Хрущова вмѣсто Фролова, котораго можно отпустить въ безсрочный отпускъ, тогда мнѣ можно будетъ пріѣхать въ концѣ декабря въ Петербургъ для окончательныхъ мѣроположеній объ устройствѣ края, тогда увидимъ, какъ и кому удобнѣе будетъ ввѣрить это дѣло.

Временное мое прибытіе въ Петербургъ необходимо по многимъ причинамъ, ибо надобно рѣшить много государственныхъ общихъ вопросовъ, касающихся сего края. Тогда только и мнѣ можно будетъ дѣйствовать здѣсь съ успѣхомъ. Ожидаю пріѣзда сенатора Милютина изъ Варшавы, чтобы рѣшить окончательно крестьянскій вопросъ и многіе иные въ здѣшнемъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ. Здѣсь не будетъ прочнаго спокойствія, пока въ Царствѣ Польскомъ не утвердится прочно наше владычество и управленіе. Это вопросъ весьма важный; будемъ его обсуживать, основываясь на данныхъ, которыя имѣемъ въ рукахъ, ибо на мѣстѣ все это виднѣе, нежели въ Петербургѣ. Я просилъ васъ ускорить исходатайствованіе прибавки 5% содержанія чиновникамъ мин. государ. имуществъ: это

---

[1]) Командиръ 5-ой Кавалерійской Дивизіи. *Прим. Мур.*

совершенно необходимо. Въ вашемъ вѣдомствѣ болѣе, нежели въ другихъ, необходимо замѣнить безъ замедленія польскихъ чиновниковъ русскими. Вообще составъ чиновниковъ Палаты Госуд. Имуществъ въ сихъ губерніяхъ очень неудовлетворителенъ; по большей части все еще поляки въ должностяхъ второстепенныхъ. Пришлите сюда поскорѣе русскихъ; поистинѣ нельзя винить управляющихъ Палаты, что у нихъ идутъ дѣла не успѣшно; теперь надобно болѣе дѣйствовать на мѣстахъ въ уѣздахъ, а поляковъ посылать нельзя, потому что они вредны. Сегодня у меня былъ управляющій Ковенскою Палатою и со слезами говорилъ о безвыходномъ его положеніи, ибо не имѣетъ кого послать, всѣ чиновники по большей части поляки. Сдѣлайте дружбу, прикажите прислать въ Ковенскую и Гродненскую Палату побольѣе русскихъ; въ Гроднѣ есть еще и окружные изъ поляковъ, надобно ихъ всѣхъ выгнать, ибо они рѣшительно вредны.

Лошкаревъ вамъ все болѣе обстоятельно разскажетъ.

Еще имѣю до васъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, убѣдительнѣйшую просьбу; нельзя ли уговорить и командировать ко мнѣ, хотя на короткое время, Влад. Ив. *Вешнякова*[1]); я съ отъѣздомъ Лошкарева остаюсь совсѣмъ безъ помощника. Глаза плохи и вообще здоровье далеко неудовлетворительно, и надобно оставаться безъ сотрудника. Ежели можно, командируйте его; вы этимъ меня много обяжете и успокоите.

Оканчиваю письмо моей искренней благодарностью за ваше дружеское содѣйствіе и участіе. Напишите мнѣ подробно о послѣдствіяхъ моихъ писемъ и что сдѣлаетъ Д. А. Милютинъ.

Душевно вамъ искренно преданный

М. Муравьевъ.

P. S. Я бы очень желалъ, если бы назначили съ высочайшаго соизволенія Ник. Григ. Лошкарева состоять при мнѣ съ полнымъ содержаніемъ и отчисленіемъ отъ Института. Поговорите объ этомъ съ Ив. Мих. Гедеоновымъ, какъ бы это устроить.

Г-ну Министру Государственныхъ имуществъ Алек. Алексѣев. Зеленому отъ 5-го декабря 1863 года № 5004 г. Г-дъ Вильно.

Милостивый Государь

Александръ Алексѣевичъ!

Пославъ сего дня конфиденціальное письмо къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ изложеніемъ соображеній моихъ о томъ вредѣ, который можетъ быть причиненъ общественному спокойствію въ нашихъ внутреннихъ областяхъ отъ размѣщенія въ нихъ неблагонадежныхъ дворянъ и помѣщиковъ ввѣреннаго мнѣ края польскаго происхожденія и о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ, по моему мнѣнію, принять для отвращенія этого вреда [2]), я считаю нужнымъ со-

---

[1]) В. И. Вешняковъ (1830—1906), окончивъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, служилъ въ минист. государств. имуществъ, авторъ статей по исторіи крестьянъ въ журналѣ этого министерства (1857—61), въ 1883—93 г. былъ товарищемъ министра госуд. имущ., съ 1885 г. сенаторъ, въ 1893 г. назначенъ членомъ Государств. Совѣта. *Ред.*

[2]) Письмо это напечатано въ «Русск. Стар.», 1883, г. № 4, стр. 193—195. *Ред.*

общить при семъ Вашему Превосходительству для свѣдѣнія копію съ этого письма, на случай могущихъ быть по сему важному предмету сужденій въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, буде признаете полезнымъ, доложить означенное письмо, при удобномъ случаѣ, Государю Императору.

Пользуясь симъ случаемъ, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Михаилъ Муравьевъ.

11-го декабря 1863 года, Вильно.

Съ отъѣзда вашего я еще не писалъ къ вамъ, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, все ожидая окончательнаго увѣдомленія о назначеніи мнѣ помощника. Вчера я получилъ отъ Д. А. Милютина о семъ увѣдомленіе съ вопросомъ, что сдѣлать съ Фроловымъ. Я ему сегодня отвѣчаю и прошу, согласно желанію Фролова, сдѣлать его сенаторомъ. Похлопочите, чтобы это совершилось, и попросите Д. Н. Замятина, чтобы онъ не противился сему; тогда все это хорошо уладится, и скоро можетъ быть назначенъ на мѣсто помощника генералъ Крыжановскій, который, я надѣюсь, что не откажется мнѣ помогать въ управленіи какъ гражданскомъ, такъ и военномъ, доколѣ я самъ буду въ возможности лично заниматься дѣлами. Я вполнѣ увѣренъ, что онъ не поскучаетъ этимъ, ибо дѣла много, мы вмѣстѣ пойдемъ къ одной цѣли, и за симъ, когда я оставлю край, не потерпитъ отъ того управленіе онымъ; я же, какъ обѣщалъ Государю, останусь здѣсь до нельзя, т.-е. до того времени, пока буду въ силахъ работать.

Дѣла управленія идутъ успѣшно; знаменитый разбойникъ, ксендзъ Мацкевичъ, взятъ, и шайка разсѣялась [1]). Казенные крестьяне въ Поневѣжскомъ и Вилькомирскомъ уѣздахъ и шляхта крѣпко присмирѣли: большая часть подстрекателей изъ среды ихъ взяты и высылаются на водвореніе въ Самарскую губернію. Хотя теперь и неудобное время для переселенія, но дѣлать нечего, это совершенно необходимо; надобно окончательно очистить край до весны отъ мятежныхъ элементовъ.

Впрочемъ, не найдете ли вы возможнымъ оставлять переселенцевъ на зиму на перепутьѣ въ Тверской или Владимірской губерніяхъ; такимъ образомъ оставляли на зиму въ Томской губерніи русскихъ, переселившихся въ Амурскій край. Такъ какъ въ общей массѣ будетъ отправлено зимою не болѣе 500 семействъ, то я полагаю, что эта мѣра удобоисполнима.

---

1) Ксендзъ Ант. Мацкевичъ, по отзыву Муравьева, «человѣкъ необыкновенно ловкій, дѣятельный, умный.., пользовался большимъ вліяніемъ въ народѣ». По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, съ 25 мая по 7 октября онъ имѣлъ въ Ковенской губ. пять стычекъ съ правительств. войсками. Схваченъ въ то время, когда, послѣ окончательнаго пораженія, пробирался за границу, и по приговору военнаго суда повѣшенъ въ Ковнѣ. «Русск. Стар»., 1882, № 11, стр. 420—421, 1883, № 11, стр. 596—599; *Цыловъ*, 309—310, Limanowski, 444—446, «Ист. Вѣстникъ», 1883, г. № 11, стр. 363—4; «Колоколъ» 10 іюня 1863 г., стр. 1359, воспоминаніе шт.-кап. Озерскаго о взятіи кс. Мацкевича см. въ «Сѣверной Пчелѣ», 1863 г., 15 декабря; *Struś*. Szkice z powtania 1863 roku. Kraków. 1889, 109—128. *Ред.*

Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда и дружескихъ съ вами совѣщаній я отправилъ къ Валуеву всѣ возможныя свѣдѣнія и предположенія объ устройствѣ крестьянъ и о пособіи русскимъ помѣщикамъ; не знаю, что сдѣлалъ Валуевъ, напишите о послѣдствіяхъ. Здѣсь же все идетъ хорошо, и по сію пору ни отъ кого не получилъ жалобъ. Вѣроятно, нѣмцы любятъ кричать и выть въ Петербургѣ; тамъ много охотниковъ возставать противъ принимаемыхъ мѣръ къ упроченію этого края за Россіею. Многіе изъ нашихъ правительственныхъ магнатовъ хуже и опаснѣе поляковъ, ибо они носятъ только личину русскихъ, а объ пользѣ ея мало заботятся. Имъ нужна популярность въ Европѣ, и за похвалу французскаго газетчика готовы все сдѣлать, хотя бы ко вреду Россіи.

Я лицъ не называю, вы ихъ такъ же хорошо знаете, какъ и я.

Душевно, искренно благодарю васъ, любезный Александръ Алексѣевичъ, за ваше дружеское посѣщеніе меня, много цѣню вашъ дружескій привѣтъ. Вы, конечно, увѣрены въ полной съ моей стороны взаимности. Прошу васъ еще разъ удостовѣрить Государя, что я исполню его волю и останусь здѣсь такъ долго, какъ только дозволитъ мнѣ мое здоровье; буду работать для него и для Россіи до послѣднихъ силъ моихъ. Присылайте сюда скорѣе русскихъ чиновниковъ; необходимо имѣть на мѣстахъ въ уѣздахъ, въ особенности въ Ковенской губерніи, для наблюденія за государ. крестьянами. Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, дружески васъ обнимаю и еще разъ благодарю за посѣщеніе.

Искренно, дружески вамъ преданный

М. Муравьевъ.

А. А. Зеленому отъ 12-го декабря 1863 года № 5123 изъ г. Вильно.

Милостивый государь

Александръ Алексѣевичъ!

Въ дополненіе къ письму моему отъ 5-го сего декабря за № 5004, имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Превосходительству посланное мною сего дня Министру Внутреннихъ Дѣлъ конфиденціальное письмо [1]), въ которомъ я изложилъ дополнительныя соображенія мои о мѣстахъ, въ которыя могли бы быть, по моему мнѣнію, средоточены высылаемые изъ западнаго края политическіе преступники и лица, изобличаемыя въ политической неблагонадежности.

Примите, Ваше Превосходительство, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Михаилъ Муравьевъ.

21-го декабря 1863 г., Вильно.

Милостивый государь

Александръ Алексѣевичъ!

Въ бытность вашу въ Вильно я сообщилъ Вамъ о сдѣланномъ мною конфиденціальномъ сношеніи съ Губернаторами Могилевскимъ [2])

---

[1]) Оно напечатано въ «Русск. Стар.», 1883, № 4, стр. 195—199. *Ред.*

[2]) Могилевскимъ губернаторомъ въ это время былъ Александръ Петр. Беклемишевъ, въ 1849 г. привлекавшійся къ слѣдствію по дѣлу петрашевцевъ и быв-

и Витебскимъ, дабы они старались внушить помѣщикамъ тѣхъ губерній о пользѣ уступки крестьянамъ дополнительнаго платежа $^{1}/_{5}$ части по заключеннымъ выкупнымъ договорамъ.

Какъ только это сдѣлалось извѣстнымъ, я постоянно получалъ отъ нихъ увѣдомленія о готовности помѣщиковъ на это пожертвованіе. Нынѣ окончательно получено по телеграфу отъ Могилевскаго губернатора и по почтѣ отъ Витебскаго, списокъ съ донесенія котораго при семъ прилагаю, что почти всѣ помѣщики, заключившіе выкупные договоры съ крестьянами въ прежнее время, единогласно и съ удовольствіемъ отказались отъ требованія съ крестьянъ дополнительнаго платежа, дабы утвердить правительство въ той мысли, что они готовы исполнить всѣ благія его распоряженія, предпринимаемыя для спокойствія края.

Къ сожалѣнію, кажется, только нѣкоторыя русскіе не оправдали этого ожиданія, впрочемъ, въ семьѣ не безъ урода.

Такимъ образомъ, мѣра обязательнаго выкупа, необходимая для Бѣлорусскаго края и встрѣтившая столь сильное противодѣйствіе въ нѣкоторыхъ высшихъ петербургскихъ сановникахъ, объявлена повсемѣстно крестьянамъ и приводится въ исполненіе безъ малѣйшаго нарушенія порядка. Надѣюсь, что за симъ и самая оппозиція, бывшая по сему дѣлу, прекратится.

Въ настоящее время остается только желать, чтобы ускорили разрѣшеніемъ тѣхъ облегченій помѣщикамъ здѣшняго края, о которыхъ я сообщилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ 27 минувшаго ноября, ибо, дѣйствительно, необходимо, чтобы правительство оказало имъ справедливое вниманіе.

Сообщая Вамъ объ этихъ вопросахъ, весьма важныхъ для прочнаго устройства и будущаго спокойствія всего Сѣверо-западнаго края, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, если признаете удобнымъ, довести о семъ до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Михаилъ Муравьевъ.

P. S. [1]). Прилагаю при семъ копію и отношеніе моего по сему поводу къ Министру Внутреннихъ дѣлъ. Я его прошу ускорить разрѣшеніемъ просимаго мною справедливаго вознагражденія помѣщиковъ. Не оставьте съ своей стороны поддержать это мое ходатайство, ибо это теперь совершенно справедливо въ отношеніи помѣщиковъ, сдѣлавшихъ добровольную уступку 20%, невзирая на то, что выкупные акты были уже составлены.

Правительству надобно быть всегда справедливымъ, въ настоящемъ же случаѣ не должно этимъ медлить.

Я буду ожидать отъ васъ увѣдомленія о ходѣ этого дѣла.

Искренно, душевно вамъ преданный

М. Муравьевъ.

шій въ то время убѣжденнымъ фурьеристомъ. О дѣятельности его по крестьянскому дѣлу въ Могилевской губ. см. воспоминанія мирового посредника Захарьина (Якунина) въ книгѣ «Тѣни прошлаго». Спб. 1885 г. (въ статьѣ «Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссіи») или въ «Историч. Вѣстн.», т. XV и XVI. *Ред.*

[1]) Въ этомъ офиціальномъ письмѣ только P. S. написанъ Муравьевымъ собственноручно. *Ред.*

30-го декабря 1863 г. № 5553. Въ г-дѣ Вильно.

Милостивый Государь

Александръ Алексѣевичъ!

Послѣ сообщенныхъ мною Вашему Превосходительству копій съ конфиденціальныхъ писемъ моихъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало бы, по моему мнѣнію, принять въ предотвращеніе развитія въ Россіи польской пропаганды черезъ высылаемыхъ во внутреннія губерніи неблагонадежныхъ лицъ западнаго края, я получилъ 19 сего декабря отвѣтъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, посланный 17-го сего Декабря за № 4699 [1]).

Препровождая къ Вашему Превосходительству списокъ съ этого письма, я вмѣстѣ съ симъ считаю нужнымъ приложить и копію съ отвѣта моего на означенное письмо для свѣдѣнія вашего [2]), покорнѣйше прося Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и преданности.

Михаилъ Муравьевъ.

Вильно, 3-го января 1864 года.

Пользуюсь отъѣздомъ Сергѣя Сергѣевича [3]), чтобы написать вамъ нѣсколько строкъ, любезный Александръ Алексѣевичъ; здѣсь дѣла идутъ хорошо, и послѣдніе слѣды мятежа уничтожаются въ Ковенской губерніи. Пользуясь порошею, вездѣ гоняются за остатками скрывающихся кое-гдѣ мятежниковъ; надѣюсь, что въ январѣ переловятъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ, болѣе извѣстныхъ начальниковъ бандъ, которые не успѣли еще уйти за границу.

Слышу, что въ Петербургѣ сильно возстаютъ противъ принятыхъ мною мѣръ, а въ особенности по предмету устройства быта крестьянъ; но тамъ не понимаютъ положенія здѣшняго края и того, что мы должны, главнѣе всего, имѣть въ виду утвержденіе русскаго владычества и основать его на прочномъ устройствѣ сельскаго населенія. Я дѣлаю для сего все, что могу, сохраняя, сколько возможно, права владѣльцевъ. Пускай меня ругаютъ, но со временемъ увидятъ необходимость принятыхъ мною мѣръ для пользы Россіи. Крикуновъ много, но по большей части непонимающихъ дѣла и бездушныхъ.

Въ приказахъ уже есть назначеніе Крыжановскаго, надѣюсь, что онъ скоро сюда пріѣдетъ [4]). Глаза мои становятся хуже; буду еще тянуть до нельзя, но, вѣроятно, не долго, ибо очень плохо вижу.

Теперь обращаюсь и я съ личною моею просьбою. Въ 8-мѣсячное мое отсутствіе дѣла мои крѣпко потерпѣли, доходы съ земли поступали плохо, а между тѣмъ надобно будетъ въ январѣ заплатить до *36-ти* тысячъ рублей долгу, сдѣланнаго при покупкѣ дома. О снисхожденіи просить не рѣшаюсь, но надѣюсь, что мнѣ не отка-

---

[1]) Напечатанъ въ «Русск. Стар.», 1883, № 4, стр. 199—202. *Ред.*

[2]) Напечатанъ въ «Русск. Стар.», 1883, № 4, стр. 202—204. *Ред.*

[3]) С. С. Шереметевъ, зять *М. Н. Муравьева*, женатый на его дочери Софіи Михайловнѣ. *Гр. С. Шереметевъ*. «Г. М. Н. Муравьевъ и его дочь». Спб 1892 г., стр. 7.

[4]) Г.-ад. Крыжановскій, назначенный помощникомъ командующаго войсками виленскаго военнаго округа, пріѣхалъ въ Вильну въ концѣ января 1864 г. *Ред.*

жутъ въ ссудѣ сей суммы на 10 лѣтъ съ уплатою въ годъ, т.-е. каждый годъ, по 3.600 р. Мнѣ это крайне необходимо, ибо безъ того надобно будетъ приступить къ продажѣ имѣнія.

Ежели вы найдете возможнымъ доложить объ этомъ Государю, то меня очень одолжите. Я полагаю, что въ этой суммѣ не затруднятся. Впрочемъ, поступите, какъ признаете за лучшее, и увѣдомьте меня, дабы я могъ сдѣлать заблаговременно нужныя распоряженія по устройству своихъ дѣлъ. Я увѣренъ, что Государь милостиво приметъ это мое ходатайство.

Сергѣй вамъ лично перескажетъ о здѣшнихъ дѣлахъ; надѣюсь, что скоро можно будетъ все окончательно здѣсь устроить. Я теперь вызвалъ сюда губернаторовъ для окончательнаго устройства крестьянскихъ дѣлъ, надѣюсь, что и это скоро уладимъ. Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, дружески обнимаю васъ и буду ожидать отъ васъ отвѣта.

Искренно, душевно вамъ преданный.

М. Муравьевъ.

7-го января 1864 г. № 108 въ г-дѣ Вильно.

Господину Министру Государственныхъ Имуществъ.

При отношеніи отъ 31 декабря я имѣлъ честь препроводить къ Вашему Превосходительству списокъ лицъ ввѣреннаго главному управленію моему края, принимавшихъ участіе въ мятежѣ 1863 года и имѣнія коихъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 5 минувшаго августа, подлежатъ конфискаціи.

Обращаясь нынѣ къ продажѣ сихъ имѣній, считаю необходимымъ высказать Вашему Превосходительству мнѣніе мое, пріобрѣтенное путемъ опыта, что для прочнаго устройства здѣшняго края и ручательства, что бывшіе здѣсь безпорядки болѣе не возобновятся, слѣдуетъ стремиться къ возможному уменьшенію числа владѣльцевъ польскаго происхожденія и водворенію русскаго элемента, а потому я полагалъ бы:

1) Стараться какъ можно болѣе имѣній передать въ руки русскихъ уроженцевъ [1]).

Такимъ только способомъ можно достигнуть водворенія въ здѣшнемъ краѣ значительнаго числа владѣльцевъ русскаго происхожденія, которые, представляя собою въ извѣстной мѣстности плотную массу, пріобрѣтутъ возможность противодѣйствовать злоумышленнымъ намѣреніямъ польскихъ помѣщиковъ отторгнуть отъ России

---

[1]) Въ запискѣ, представленной государю Муравьевымъ 14 мая 1864 г., онъ предлагалъ обязать лицъ, высланныхъ изъ края за политическія преступленія, продать ихъ секвестрованныя и просроченныя въ кредитныхъ учрежденіяхъ имѣнія русскимъ. Но государь тогда рѣшительно отвергъ эту мысль. Однако 10 декабря 1865 г., уже при преемникѣ Муравьева, Кауфманѣ, польскимъ землевладѣльцамъ во всемъ западномъ краѣ было запрещено продавать свои имѣнія лицамъ польскаго происхожденія, что, вызвало среди поляковъ вполнѣ понятное негодованіе. «Русск. Стар.», 1883 г., т. XXXVII, 136 — 7, 300. Записка 14 мая 1864 г. напечатана въ «Русск. Арх.», 1885 г., кн. 6, стр. 186—187; ср. «Русск. Стар.», 1884 г., № 6, стр. 578. «Воспоминаніе Н. И. Воронова по западному краю», Владиміръ 1907 г., 140. Но еще ранѣе, 5 марта 1864 г. государь утвердилъ правила о выдачѣ ссудъ при покупкѣ русскими имѣній въ западномъ краѣ, и назначена для этого особая сумма; нѣсколько лицъ воспользовались этимъ немедленно и пріобрѣли довольно значительныя имѣнія при содѣйствіи правительства. «Русск. Стар.», 1883 г., № 12, стр. 613—614. *Ред.*

Сѣверо-Западныя губерніи ея. Въ противномъ случаѣ русскіе владѣльцы неизбѣжно сохранятъ характеръ политическаго бездѣйствія, въ которое они были поставлены до сихъ поръ своею малочисленностью.

2) Изъ препровожденнаго къ Вашему Превосходительству списка лицъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ, Вы изволите усмотрѣть, что лишь самое незначительное число значится самостоятельными владѣльцами; большая же часть изъ нихъ суть дѣти при живыхъ родителяхъ, и потому не пользуются правомъ независимыхъ владѣльцевъ. Этого обстоятельства не слѣдуетъ считать случайнымъ: вникая въ систему возстанія, нельзя не замѣтить, что родители умышленно оставались въ своихъ имѣніяхъ съ цѣлью снабжать шайки, въ которыхъ находились ихъ дѣти, деньгами, продовольствіемъ и другими средствами, разсчитывая при этомъ избѣжать всякой отвѣтственности за поступки дѣтей своихъ.

Вслѣдствіе сего и во избѣжаніе затрудненія при выдѣлѣ изъ имѣнія части виновныхъ подвергать продажѣ имѣнія тѣхъ владѣльцевъ, дѣти которыхъ принимали участіе въ мятежѣ съ тѣмъ, однакоже, чтобы изъ вырученныхъ отъ продажи имѣнія денегъ выдѣлялась часть, причитающаяся на долю виновныхъ, для обращенія въ казну, а остальныя деньги возвращались бы родителямъ. Мѣра эта не влечетъ за собою потери состоянія родителей, а только обязываетъ обратить оное въ деньги или кредитныя бумаги. Между тѣмъ подобная отвѣтственность заставитъ родителей внимательнѣе слѣдить на будущее время за благонадежностью своихъ дѣтей.

3) Обязать лицъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ за вредное вліяніе ихъ на общество, въ отдаленныя великороссійскія губерніи, продать въ теченіе года свои имѣнія, на основаніи правилъ, указанныхъ въ X отдѣлѣ проекта положенія о льготахъ и денежныхъ ссудахъ, предоставляемыхъ при покупкѣ частныхъ и конфискованныхъ имѣній въ Западныхъ губерніяхъ.

Помѣщики эти, принадлежа обыкновенно къ самымъ вліятельнымъ лицамъ въ губерніи, способствовали возмущенію, если не открыто, то всѣми зависящими отъ нихъ нравственными и матеріальными средствами и пребываніе ихъ въ здѣшнемъ краѣ будетъ всегда вредно для Правительства и общественнаго спокойствія; и

4) Правила обязательной продажи распространить и на имѣнія, неподлежащія конфискаціи, но на которыя наложенъ секвестръ.

Сообщая Вашему Превосходительству сіи соображенія, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ увѣдомить меня о Вашемъ, Милостивый Государь, по сему предмету отзывѣ.

Въ заключеніе не могу не присовокупить, что до тѣхъ поръ, пока польскіе помѣщики останутся въ настоящемъ числѣ, нельзя здѣшній край считать совершенно успокоеннымъ и избавленнымъ отъ элементовъ возмущенія.

Нѣкоторымъ могутъ показаться настоящія мѣры стѣснительными, но прежде всего слѣдуетъ думать о Россіи и заботиться объ устраненіи въ будущемъ возможности мятежа, и потому никакихъ примиреній не должно допускать съ польскимъ элементомъ, а надо привести его въ то положеніе, чтобы онъ не былъ вреденъ спокойствію и цѣлости Россіи.

Генералъ отъ Инфантеріи *М. Муравьевъ*

14-го января 1864 года.

Отвѣтъ А. А. Зеленаго на письмо М. Н. Муравьева отъ 7-го января 1864 года, за № 108.

Милостивый Государь

Михаилъ Николаевичъ!

Въ отношеніи отъ 7-го января № 108 Ваше Высокопревосходительство изволите излагать мнѣніе Ваше, что для прочнаго устройства ввѣреннаго Вамъ края и ручательства, что бывшіе въ немъ безпорядки болѣе не возобновятся, слѣдуетъ стремиться къ возможному уменьшенію числа землевладѣльцевъ польскаго происхожденія и водворенія русскаго элемента, а потому полагаете:

1) Стараться какъ можно болѣе имѣній передать въ руки русскихъ уроженцевъ.

2) Подвергать продажѣ имѣнія тѣхъ владѣльцевъ, дѣти которыхъ принимали участіе въ мятежѣ, съ условіемъ, чтобы изъ вырученныхъ отъ продажи имѣній денегъ выдавалась часть, причитающаяся на долю виновныхъ, для обращенія въ казну, а остальныя деньги возвращались бы родителямъ.

3) Обязать лицъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ за вредное вліяніе ихъ на общество въ отдаленныя великороссійскія губерніи, продать, въ теченіе года, свои имѣнія, на основаніи правилъ, указанныхъ въ X отдѣлѣ проекта положенія о льготахъ и денежныхъ ссудахъ, предоставляемыхъ при покупкѣ частныхъ и конфискованныхъ имѣній въ Западныхъ губерніяхъ.

4) Правила обязательной продажи распространить и на имѣнія, неподлежащія конфискаціи, но на которыя наложенъ секвестръ.

Изъ предшествовавшей переписки Вашему Высокопревосходительству извѣстно, что я не только вполнѣ сознаю правильность мнѣнія, изложеннаго въ 1-мъ пунктѣ, но считаю его единственнымъ и почти обязательнымъ для Правительства, чтобы упрочить первенство и владычество Россіи въ западныхъ губерніяхъ, и собственно въ этихъ видахъ составленъ во ввѣренномъ мнѣ Министерствѣ проектъ положенія о льготахъ и денежныхъ ссудахъ, предоставляемыхъ русскимъ при покупкѣ частныхъ и конфискованныхъ имѣній западныхъ губерній. Проектъ, по изъявленіи Вами согласія на него, внесенъ уже мною съ Высочайшаго соизволенія въ Западный Комитетъ.

Сознавая также всю пользу отъ приведенія въ исполненіе мнѣнія Вашего, изложеннаго въ 3-мъ и 4-мъ пунктахъ и предполагая испросить Высочайше соизволеніе внести въ Западный Комитетъ предположенія Ваши въ дополненіе къ представленному мною проекту положенія о покупкѣ конфискованныхъ имѣній, считаю долгомъ просить Васъ разъяснить нѣкоторыя относящіяся къ сему вопросу обстоятельства.

Въ пунктѣ 2-мъ отношенія Вашего Вы изволите говорить, что изъ препровожденнаго ко мнѣ списка лицъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ, видно, что лишь самое незначительное число значится самостоятельными владѣльцами и что во избѣжаніе затрудненія при выдѣлѣ изъ имѣнія части, принадлежащей виновнымъ, подвергать продажѣ имѣнія тѣхъ владѣльцевъ, дѣти которыхъ принимали участіе въ мятежѣ и проч.; а такъ какъ на основаніи

представленнаго мною проекта положенія о покупкѣ конфискованныхъ имѣній предполагается подвергать продажѣ всѣ конфискованныя имѣнія, то необходимо знать, какъ поступалось съ такими имѣніями, коихъ не настоящіе владѣльцы, а наслѣдники приговорены судомъ, между прочимъ, къ конфискованію ихъ имуществъ, и нельзя ли съ достовѣрностью предположить, что большая часть такихъ имѣній, дѣти владѣльцевъ которыхъ участвовали лично въ мятежѣ, а родители, оставаясь въ имѣніяхъ, снабжали шайки деньгами и прочими средствами, подвергнуты за сіе секвестру, и если бы это совпадало, то вопросъ разрѣшался бы проще и удобнѣе, подходя подъ общую категорію секвестрованныхъ имѣній. То же самое нужно знать и объ имѣніяхъ владѣльцевъ, названныхъ въ 3-мъ пунктѣ, ибо трудно предположить, чтобы лица, высланныя изъ края за участіе въ политическихъ безпорядкахъ, продолжали бы распоряжаться своими имѣніями и чтобы главное мѣстное начальство не распорядилось бы наложеніемъ секвестра на такія имѣнія. Хотя вопросъ о продажѣ секвестрованныхъ имѣній еще не разсмотрѣнъ Западнымъ Комитетомъ, но, имѣя въ виду крайнюю необходимость рѣшенія этого вопроса, мною составлено предварительное соображеніе, которое при семъ имѣю честь препроводить къ Вашему Высокопревосходительству, покорнѣйше прося почтить Вашимъ по немъ заключеніемъ.

Считаю долгомъ присовокупить, что содержаніе отношенія Вашего отъ 7-го января № 108 я доложу Государю Императору завтрашняго же числа, и по полученіи разрѣшенія Его Величества и просимыхъ мною отъ Васъ дополнительныхъ свѣдѣній не замедлю внести въ Западный Комитетъ.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

1-го февраля 1864 года, Вильно.

Очень благодарю Васъ, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, за дружеское письмо Ваше отъ 9-го января; вы весьма хорошо сдѣлали, что оставили безъ послѣдствія предположеніе мое о ссудѣ; конечно, это могло бы произвести неблагопріятные толки; со временемъ можно будетъ это уладить [1]).

Обращаюсь теперь къ дѣламъ здѣшняго края. Все по сію пору идетъ хорошо, спокойствіе вездѣ водворено; ожидаю весны, но думаю, что и тогда ничего важнаго здѣсь не произойдетъ, развѣ нѣсколько ничтожныхъ разбойничьихъ бандъ въ Ковенской губерніи. Къ сожалѣнію, многіе изъ Государственныхъ крестьянъ Ковенской губерніи, которые болѣе зажиточны и дѣти коихъ обучались въ гимназіяхъ, явно сочувствуютъ мятежному движенію, и надобно

[1]) Въ началѣ 1861 г. Мих. Ник. Муравьеву, бывшему тогда министромъ государственныхъ имуществъ, было пожаловано, по представленію министра двора и удѣловъ гр. Адлерберга, 21.817 дес. земли въ Ставропольскомъ у., Самарской губ. («Будущность», изд. кн. П. В. Долгоруковымъ, № 7, 4 февраля 1861 г., гдѣ извѣстіе это перепечатано изъ «Сенатскихъ Вѣдомостей». Муравьевъ, какъ министръ государственныхъ имуществъ, выбралъ для себя лучшія земли. (*Бар. А. И. Дельвигъ*. «Мои воспоминанія», т. III, М. 1913 г., стр. 237). Очевидно въ виду всего этого Зеленый нашелъ неприличнымъ ходатайство Муравьева о крупной ссудѣ. По словамъ Дельвига, Муравьевъ «не пользовался репутаціей безкорыстнаго человѣка, какимъ слылъ и былъ его старшій братъ Николай» (Муравьевъ-Карскій) (III, 236).

было употребить примѣры строгости, чтобы смирить ихъ. Необходимо скорѣе устроить правильное управленіе ими на мѣстахъ, въ видѣ мировыхъ учрежденій, какъ мы съ вами объ этомъ уже уславливались; ожидаю отъ васъ присылки предположенія по этому предмету.

Съ симъ вмѣстѣ препровождаю къ вамъ дополнительное мое предположеніе о порядкѣ продажи имѣній въ здѣшнемъ краѣ и вообще объ увеличеніи русскаго заселенія. Конечно, многіе будутъ оспаривать эти мѣры, но онѣ крайне необходимы, ибо пора оградить Россію отъ польской крамолы и сумасбродства. Предшествовавшія ошибки Правительства слишкомъ дорого стоятъ Россіи; пора постановить ясно вопросъ, быть ли здѣсь Россіи или нѣтъ. Многіе изъ нашихъ государственныхъ людей не имѣютъ духа выразить откровенно своего мнѣнія и дѣйствуютъ двусмысленно, опасаясь потерять европейскую популярность, забывая Россію. Пора, наконецъ, намъ опомниться и убѣдиться, что здѣшній край искони былъ русскимъ и долженъ имъ оставаться, что польскій элементъ здѣсь есть пришлый и долженъ быть окончательно и рѣшительно подавленъ; теперь настоящее время съ онымъ покончить, въ противномъ случаѣ Россія безвозвратно лишится Западнаго края и обратится въ *Московію*, т.-е. въ то, во что желаютъ поляки и большая часть Европы привести Россію. Неужели это можно допустить? Но, къ сожалѣнію, есть много русскихъ, которые сочувствуютъ полякамъ, и потому такія колебанія въ дѣйствіяхъ правительства и несоглашеніе въ системахъ управленія южныхъ и сѣверо-западныхъ провинцій.

Здѣсь былъ Ахматовъ [1]), мы съ нимъ согласились на многія мѣры по устройству православнаго духовенства, это совершенно необходимо.

Съ генераломъ Крыжановскимъ я ближе познакомлюсь, мнѣ нравится въ немъ рѣшимость, характеръ и энергія, надѣюсь, что дѣло хорошо пойдетъ; я ему поручилъ объѣхать Ковенскую губернію; ожидаю отъ него обстоятельныхъ донесеній.

Прощайте, любезный Александръ Алексѣевичъ, дружески Васъ обнимаю и ожидаю отъ васъ отвѣта вообще и ради дѣлъ. Какъ слышно, положеніе Юго-западныхъ губерн. не утѣшительно.

Душевно вамъ преданный

М. Муравьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

1) Оберъ-прокуроръ Св. Синода. *Ред.*

Изъ исторіи русской печати.

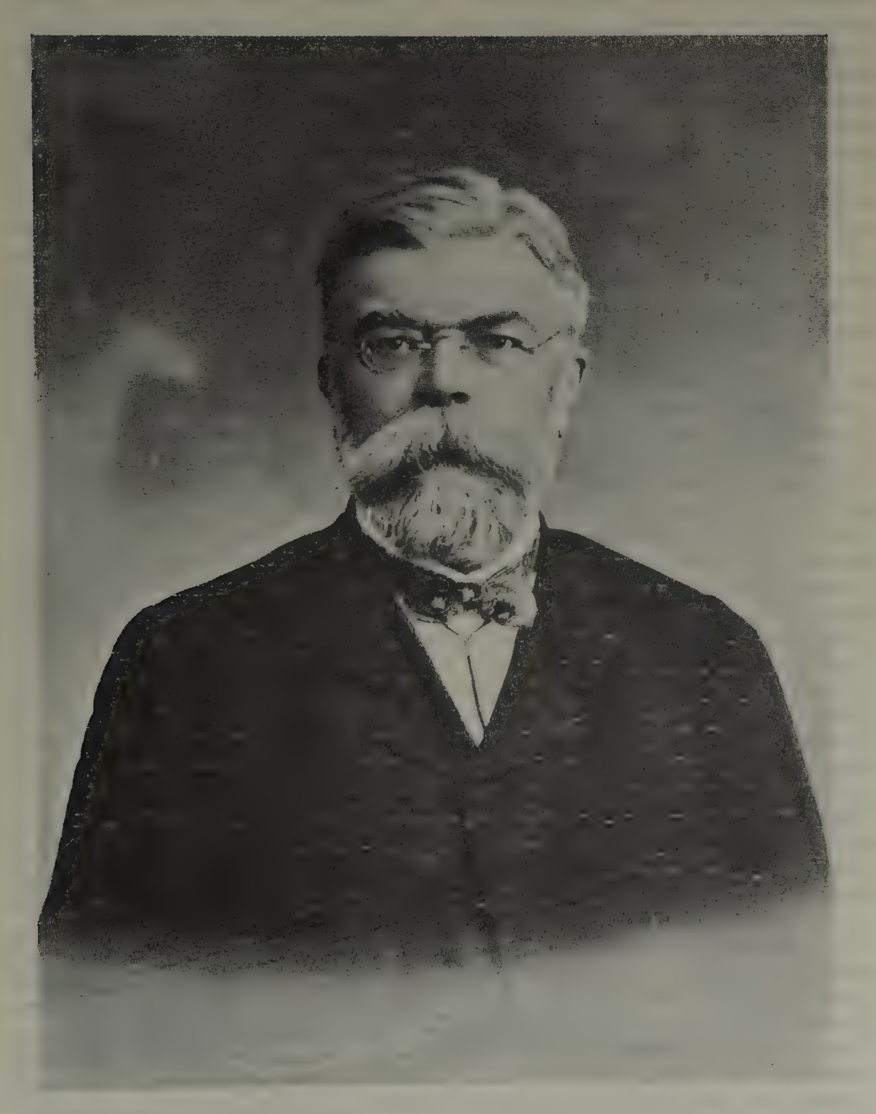
(Къ 50-лѣтію *«Русскихъ Вѣдомостей»*).

Въ нашемъ распоряженіи довольно значительный архивъ Василія Юрьевича Скалона — извѣстнаго земскаго дѣятеля, писателя и одного изъ редакторовъ «Русскихъ Вѣдомостей» (1899 — 1905 гг.) [1]). Архивъ заключаетъ многолѣтнюю преписку ряда видныхъ общественныхъ дѣятелей съ В. Ю. Скалономъ. Здѣсь, между прочимъ, письма крупныхъ земцевъ Линдфорса, Гордѣенка и др., касающіяся такого интереснаго періода въ исторіи земства, какъ конецъ 70 гг. и начала 80 гг., т.-е. въ періодъ, занимающій въ настоящее время преимущественное вниманіе историковъ общественно - политическихъ движеній въ Россіи. Это было время столь спорнаго нынѣ «земскаго союза», когда В. Ю. Скалонъ состоялъ предсѣдателемъ Московской уѣздной земской управы (1877—1883 г.) и затѣмъ редакторомъ знаменитаго въ свое время органа «Земство» (1880 — 82 г.). Скалонъ стоялъ въ центрѣ этого земскаго движенія: имъ совмѣстно съ Муромцевымъ и Чупровымъ были составлена, между прочимъ, извѣстная «Записка о внутреннемъ состояніи Россіи весной 1880 г.», подписанная 20-ю именитыми жителями Москвы и представленная гр. Лорисъ - Меликову. Естественно, что и переписка со Скалонъ затрагиваетъ волнующіе общество вопросы и вноситъ небезынтересные штрихи въ характеристику конституціонныхъ настроеній въ земскихъ сферахъ. Въ будущемъ году исполняется пятидесятилѣтній юбилей земскихъ учрежденій — къ этому времени «Голосъ Минувшаго» предполагаетъ дать статью о Скалонѣ, какъ о редакторѣ «Земства», органа, существовавшаго недолго, но пользовавшагося значительнымъ авторитетомъ. Вліяніе «Земства» было настолько ощутительнаго, что значительно позже въ 1902 г., т.-е. черезъ 20 лѣтъ, когда поднялся вопросъ объ утвержденіи В. Ю. Скалона однимъ изъ редакторовъ «Русскихъ Вѣдомостей», это утвержденіе долго не могло быть получено, ибо власть имущіе все вспоминали, что Скалонъ былъ редакторомъ такого вреднаго органа, а между тѣмъ въ это время Скалонъ достигъ генеральскихъ чиновъ по службѣ въ Крестьянскомъ банкѣ.

Въ этой статьѣ мы и познакомимъ читателей съ перепиской по земскому дѣлу. Сейчасъ мы вспоминаемъ другой пятидесятилѣтній юбилей, — юбилей «Русскихъ Вѣдомостей», съ которыми В. Ю. Скалонъ былъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ за долгіе

---

[1]) Архивъ переданъ намъ вдовой В. Ю. Натальей Николаевной Скалонъ, за что приносимъ ей глубочайшую благодарность.

В. Ю. СКАЛОНЪ.

годы своей публицистической работы. Здѣсь появлялись его «земскія хроники», къ которымъ прислушивались рѣшительно всѣ земскіе дѣятели, которые служили для «Русскихъ Вѣдомостей» въ теченіе многихъ лѣтъ такимъ же украшеніемъ, какъ знаменитыя корреспонденціи Г. Б. Іоллоса изъ Берлина, статьи по экономическимъ вопросамъ А. С. Посникова, А. И. Чупрова и ихъ позднѣйшихъ преемниковъ. Эти земскія хроники почти всегда бывали одними изъ наиболѣе инкриминируемыхъ въ газетѣ, а это значитъ при переводѣ на житейскій языкъ при условіяхъ существованія русской печати — наиболѣе важными статьями по своему общественному значенію.

В. Ю. Скалонъ сталъ принимать постоянное участіе въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1872 г. Въ 1883 г. Скалонъ вошелъ въ составъ товарищества, издававшаго газету.

Съ отъѣздомъ Скалона въ Петербургъ (1885 г.) ближайшимъ помощникомъ Соболевскаго становится Посниковъ, игравшій чрезвычайно большую роль въ самой организаціи «Русскихъ Вѣдомостей»: онъ первый сталъ работать въ «Русск. Вѣд.» (1869 г.), онъ привлекъ къ газетѣ самаго Соболевскаго и затѣмъ цѣлый рядъ виднѣйшихъ сотрудниковъ (Іоллоса, Герценштейна, Якушкина, Мануилова, Розенберга, Игнатова, изъ которыхъ трое послѣднихъ являются теперешними руководителями газеты [1]). Къ 1896 г. Посниковъ, однако, оставляетъ газету. Вторымъ редакторомъ дѣлается П. И. Бларамберъ, не получающій утвержденія по той причинѣ, что жена его числилась «неблагонадежной». Тогда вторымъ редакторомъ дѣлается Д. Н. Анучинъ, къ которому вскорѣ вслѣдствіе смерти М. А. Саблина переходитъ завѣдываніе хозяйственными функціями (1898 г.). И къ этому времени Соболевскій настоятельно требуетъ во имя товарищескаго дѣла переѣзда Скалона въ Москву для привлеченія его къ непосредственному прямому участію въ редактированіи газеты. Переѣздъ совершается, и Скалонъ такимъ образомъ становится однимъ изъ фактическихъ руководителей газеты, хотя утвержденіе его было получено, какъ мы уже упоминали, весьма нескоро: Скалону припомнили не только «Земство», но и его «дружбу» съ финляндцами — инкриминировалось, напр., помѣщеніе его портрета въ одной изъ финскихъ газетъ. Скалонъ попалъ въ число редакторовъ газеты въ наиболѣе, пожалуй, тяжелое время, когда, съ одной стороны, постепенно начиналось общественное пробужденіе, требовавшее особаго вниманія со стороны такого органа, какимъ были «Русскія Вѣдомости», а съ другой—и цензура особенно бдительно начинала смотрѣть за пробивающимися ростками подъ вліяніемъ весны, повѣявшей, если не въ правительственныхъ еще кругахъ, то въ общественной средѣ. Съ каждымъ годомъ положеніе редактора большой общественной газеты становилось отвѣтственнѣе. Архивъ Скалона заключаетъ большую переписку товарищей по изданію «Русскихъ Вѣдомостей», дающую, конечно, богатѣйшій матеріалъ для исторіи самихъ «Русскихъ Вѣдомостей». Послѣднія заняли въ исторіи русской журналистики слишкомъ видное мѣсто, и поэтому каждый штрихъ долженъ войти въ исторію русской общественности и русской литературы. Еще не пришло, конечно, время для опу-

---

[1]) См. историческій очеркъ В. А. Розенберга (стр. 56) въ юбилейномъ изданіи «Русск. Вѣд.».

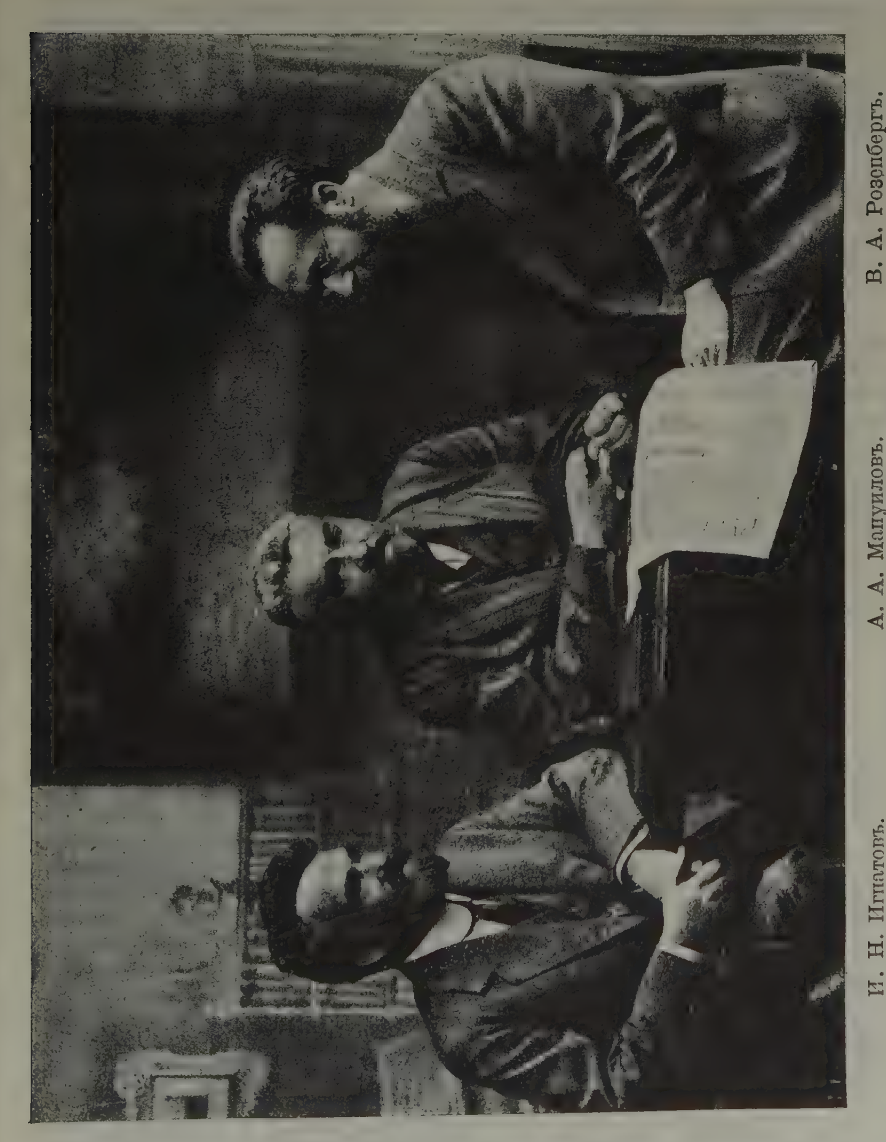
бликованія этой въ значительной степени интимной переписки. Но въ ней есть матеріалы, которые нельзя не привести въ юбилейныя даты «Русскихъ Вѣдомостей». Тамъ лежитъ нѣсколько сотенъ писемъ Василія Михайловича Соболевскаго, направленныхъ къ одному изъ ближайшихъ его друзей. Эти письма включаютъ въ себѣ интереснѣйшіе штрихи для характеристики замѣчательной личности В. М. Соболевскаго, волею судебъ не дожившаго нѣсколькихъ мѣсяцевъ до пятидесятилѣтняго празднованія существованія его любимаго дѣтища. Эти письма вскрываютъ тѣ глубокія внутреннія переживанія редактора, поистинѣ стоявшаго на славномъ посту. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи только письма, адресованныя Скалону; у насъ нѣтъ писемъ самаго Скалона, въ отвѣтъ часто на которыя идутъ письма Соболевскаго; у насъ нѣтъ и отвѣтовъ Скалона. По нѣкоторымъ выдержкамъ, приводимымъ ниже, читатель увидитъ, какой огромный общественный интересъ, какое огромное общественное значеніе могло бы представить опубликованіе всей этой переписки. Будемъ надѣяться, что тѣ, кому попадетъ, несомнѣнно, богатѣйшій архивъ В. М. Соболевскаго, не замедлятъ это сдѣлать. Тѣ матеріалы изъ этого архива, которые въ свое время опубликовывалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» В. А. Розенбергъ, показываютъ, что въ перепискѣ В. М. Соболевскаго заключается кладезь для исторіи русской литературы. По-иному и не могло быть: редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей» занималъ слишкомъ замѣтное мѣсто въ русской общественной жизни. Какъ много могутъ дать эти редакторскіе архивы, показываютъ только что опубликованные V томовъ «Архива М. М. Стасюлевича». Въ приводимыхъ ниже отрывкахъ изъ писемъ В. М. Соболевскаго читатель найдетъ не одни только матеріалы для личной характеристики, это будетъ въ значительной степени глава и довольно яркая изъ исторіи русской цензуры.

Тяжела доля русской печати, тяжела была и доля «Русскихъ Вѣдомостей». Приходилось почти всегда существовать подъ Дамокловымъ мечомъ. Въ краткомъ историческомъ очеркѣ В. А. Розенберга можно найти довольно выпуклое перечисленіе тѣхъ административныхъ каръ, которыя пришлось вынести «Русскимъ Вѣдомостямъ» [1]). Во всѣ времена средствомъ воздѣйствія на печать считалась система денежныхъ взысканій, наносящихъ матеріальный ущербъ изданію. Часто дѣйствительно это средство достигало цѣли. Въ наше время «чрезвычайной» и «усиленной» охраны господствуетъ, какъ извѣстно, система штрафовъ. Въ старое время ихъ замѣняло запрещеніе розничной продажи. «Русскія Вѣдомости» подвергались этому запрещенію въ 1870, 1871, 1873, 1874, 1878, 1884, 1886, 1887, 1895, 1896, 1905 гг. Періоды запрещенія розничной продажи захватывали иногда долгіе мѣсяца, напр., $1^1/_2$ года. За запрещеніемъ розничной продажи шли предостереженія. «Русскія Вѣдомости» ихъ получили въ 1874 г. за «враждебное сопоставленіе различныхъ классовъ населенія и въ частности оскорбительное отношеніе къ дворянскому сословію»; въ 1878 г. за статью о крестьян-

---

[1]) Къ юбилейному изданію «Р. В.» приложенъ и полный списокъ понесенныхъ газетныхъ каръ. В. А. Розенбергомъ нѣсколько лѣтъ назадъ было составлено весьма любопытное синехронистическое изображеніе запретительныхъ мѣръ по отношеніи къ «Русск. Вѣд.», поднесенное В. М. Соболевскому въ день его тридцатилѣтняго юбилея. В. М. Соболевскій предполагалъ дать его для воспроизведенія въ «Гол. Мин.», но преждевременная кончина В. М. помѣшала этому.

скомъ малоземельѣ и чрезмѣрности крестьянскихъ платежей; въ 1898 г. за сборъ пожертвованій въ пользу духоборовъ. Вслѣдъ за этимъ газета была остановлена совсѣмъ на два мѣсяца. Объ этой остановкѣ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ

И. Н. Игнатовъ. А. А. Мануиловъ. В. А. Розенбергъ.
(Теперешніе руководители газеты.)

въ юбилейномъ сборникѣ «Русскихъ Вѣдомостей», между прочимъ, Д. Н. Анучинъ. Остановка была мотивирована неисполненіемъ требованій генералъ-губернатора. Небезынтересныя свѣдѣнія находятся по этому поводу и въ письмѣ Соболевскаго къ Скалону:

...«Дорогой Василій Юрьевичъ, по поводу принятой противъ «Русск. Вѣд.» мѣры, могу сообщить тебѣ слѣдующее:

«А) Редакція «Русскихъ Вѣдомостей» не получала никакого требованія ген.-губернатора, и слѣдовательно и не могла уклониться отъ его исполненія. Было получено отношеніе отъ *оберъ-полицмейстера*, безо всякой ссылки на законъ или на приказаніе ген.-губернатора, и заключавшее въ себѣ предложеніе: 1) сообщить имена лицъ, приславшихъ пожертвованія въ пользу духоборовъ (больныхъ и нуждающихся); 2) представить въ канцелярію об.-п-ра пожертвованныя деньги. Ни то ни другое требованіе не могло быть исполнено: пожертвованія были анонимныя, а деньги были уже препровождены по назначенію, т.-е. Л. Н. Толстому. Вотъ что я узналъ, вернувшись изъ-за границы. Я немедленно снялъ нотаріальныя копіи съ письма об.-полицмейстера; а съ подлинникомъ его Д. Н. Анучинъ былъ у ген.-губернатора, но безуспѣшно, такъ какъ Его Высочество, повидимому, считаетъ требованіе об.-полицмейстера *тождественнымъ* съ требованіемъ ген.-губернатора, хотя бы съ этимъ требованіемъ ген.-губернаторъ самъ и не обращался. Въ виду такой точки зрѣнія въ Москвѣ приходится обратиться за разъясненіемъ въ Петербургъ, т.-е. писать мин. вн. дѣлъ, съ препровожденіемъ къ нему оправдательныхъ документовъ. Я и хотѣлъ это сдѣлать немедленно; но отложилъ въ виду полученнаго отъ тебя письма къ Анучину и предстоящаго твоего пріѣзда на наше общ. собраніе. Если ты пріѣхать не думаешь, телеграфируй мнѣ немедленно.

«В) Столь же шатко и обвиненіе редакціи въ «сборѣ пожертвованій». Редакція ни разу не объявляла отъ себя о пріемѣ пожертвованій, а только *оповѣщала* о поступившихъ въ контору пожертвованіяхъ. Въ частности о пожертвованіяхъ въ пользу духоборовъ упоминалось въ отчетахъ о пожертвованіяхъ, а именно, въ девяти №№ газеты, начиная съ 13 апрѣля прошлаго 1897 года. Никогда по поводу этихъ пожертвованій и пріема ихъ редакціей не было со стороны правит. лицъ никакихъ замѣчаній или запросовъ. Въ числѣ жертвователей были лица извѣстныя, напр., И. И. Янжулъ, имя котораго и опубликовано съ его согласія. Такъ что редакція не имѣла никакихъ основаній думать, что приходитъ публично на помощь больнымъ и нуждающимся духоборамъ (редакція принимала пожертвованія только въ пользу этой категоріи лицъ духоборческой секты), да и вообще духоборовъ, — считается предосудительнымъ или даже недозволительнымъ съ точки зрѣнія правительства. О духоборахъ, о ихъ положеніи и т. д. неоднократно печатались статьи въ газетахъ, включая и «Русскія Вѣдомости», и ни разу ни одна изъ этихъ статей не вызвала какихъ-либо указаній со стороны главн. управл. или министерства вн. дѣлъ. Стало-быть, и въ данномъ случаѣ, принявъ пожертвованіе и показавъ о немъ въ газетѣ, редакція не могла считать себя совершающей что-нибудь недозволительное съ точки зрѣнія правительства, но и не имѣла никакихъ поводовъ колебаться при пріемѣ пожертвованій и оповѣщеній о нихъ въ газетѣ *въ десятый разъ*. Теперь, post-factum намъ говорятъ, что этого не слѣдовало дѣлать, такъ какъ секта духоборовъ *признана* безусловно или особенно вредной; но гдѣ же объ этомъ было опубликовано и почему въ

такомъ случаѣ періодическія изданія не были предупреждены обычнымъ порядкомъ о томъ, что говорить о духоборахъ вообще не слѣдуетъ?

«Вотъ въ какомъ видѣ представляется дѣло: если правда, что насъ покарали именно за это, то «Русскія Вѣдомости»—очевидно, жертва «судебной ошибки», выражаясь вѣжливо, а въ дѣйствительности — неблаговидной махинаціи со стороны тѣхъ лицъ московской администраціи, которыя, будучи *матеріально* заинтересованы, какъ слышно, въ томъ, чтобы навредить «Русскимъ Вѣдомостямъ», воспользовались удобнымъ случаемъ и представили все дѣло въ ложномъ свѣтѣ какъ великому князю, такъ министру вн. дѣлъ. Въ виду этого, какія бы ни были послѣдствія, добьемся ли мы какого-нибудь смягченія, если не отмѣны кары, — или нѣтъ, — оставлять дѣло безъ офиціальнаго разъясненія нельзя и слѣдуетъ провести его чрезъ всѣ возможныя инстанціи, если оно не кончится въ нашу пользу въ мин. вн. дѣлъ.

«Я хотѣлъ было разсказать всю исторію въ послѣднемъ вышедшемъ № газеты, напечатавъ въ немъ подлинное отношеніе об.-полицмейстера и т. д., въ видѣ поправки къ извѣстію *Телеграфнаго Агентства;* но рѣшилъ это не дѣлать, чтобы раньше не раздражать властей».

Въ дополненіе къ письму В. М. Соболевскаго и къ разсказу Д. Н. Анучина, быть-можетъ, слѣдуетъ привести и письмо послѣдняго Скалону, написанное на другой день послѣ свиданія съ в. кн. Сергѣемъ Александровичемъ:

...«Вчера, въ пятницу, я былъ у м. ген.-губ. и излагалъ ему (съ №№ «Р. В.») обстоятельства дѣла, мнѣ была указана невозможность допущенія въ печати извѣстій о подобныхъ пожертвованіяхъ въ пользу такой вредной секты. На мое замѣчаніе, что это допускалось ранѣе болѣе года и въ «Р. В.» и въ нѣкоторыхъ другихъ («Биржевкѣ»), «ничего не было отвѣчено (кажется, объ этомъ не было извѣстно). Просьба моя о снисхожденіи была отклонена, хотя было признано, что кара «очень тяжелая»; тѣмъ не менѣе, ранѣе двухъ мѣсяцевъ дѣлать что-либо категорически отклонено. Уходя я встрѣтился съ г. прав. канц. Истоминымъ, который сказалъ мнѣ, что онъ удивляется, какъ «такая осторожная газета, какъ «Р. В.», могла опубликовать о подобномъ фактѣ». Въ отвѣтъ на это я показалъ рядъ №№ газеты, гдѣ ранѣе печаталось о подобныхъ пожертвованіяхъ, начиная съ пожертв. И. И. Янжула въ апрѣлѣ (кажется) 1897 г., и что это не вызывало никакихъ замѣчаній и запрещеній на будущее время. Повидимому, это нѣсколько удивило и вызвало замѣчаніе: «значитъ, не обращали вниманія!» «Зачѣмъ же Вы, терпя столько времени, не запрещая пріема пожертвованій хотя бы секретнымъ циркуляромъ, вдругъ караете такъ строго за то, что не обращало ранѣе никакого вниманія?» На это не послѣдовало никакого отвѣта. Въ публикѣ думаютъ, что это только предлогъ, а что есть что-либо болѣе важное, и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, расказываютъ всякій вздоръ».

Нельзя не отмѣтить попутно одинъ мелкій штрихъ, характеризующій отношеніе подписчиковъ къ карѣ, постигшей «Русскія Вѣдомости». За первый мѣсяцъ остановки газеты только 400 че-

ловѣкъ потребовало возвращенія денегъ или перевода въ другую газету (изъ письма Д. Н. Анучина Скалону, 10 мая 1898 г.).

По возобновленіи «*Р. В.*» попали подъ цензуру. Это было совершенно «каторжное положеніе», по выраженію историка «Русскихъ Вѣдомостей». По буквѣ закона цензоръ не имѣлъ права вычеркнуть ни одного слова, но могъ пріостановить цѣлый выпускъ. Конечно, фактически это сводилось къ торгашеству съ цензоромъ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» эту тяжелую обязанность выполнялъ П. М. Шестаковъ. Вѣроятно, когда-нибудь П. М. Шестаковъ подѣлится съ читателями своими интереснѣйшими въ этой области воспоминаніями. Въ нашемъ распоряженіи пока одно маленькое письмо Шестакова, характеризующее пріемы цензорской критики. Онъ пишетъ Скалону:

...«Г—у не нравится заголовокъ фельетона. Говоритъ, что представители труда — не только одни рабочіе. По его мнѣнію, лучше бы озаглавить такъ: «на конгрессѣ рабочей партіи».

Кромѣ того, онъ проситъ выбросить изъ фельетона слово: «импозантномъ».

Естественно, что когда «Р. В.» при Сипягинѣ вышли изъ тисковъ «цензурной каторги», это событіе въ редакціонномъ кружкѣ праздновалось какъ настоящій праздникъ. «Перспектива подвергаться вновь предостереженіямъ, пріостановкамъ и прочимъ прелестямъ административнаго, сердечнаго попеченія да еще въ сипягинское время, — пишетъ Розенбергъ, — не казалось страшнѣе»... Чтобы понять, что такое цензоръ въ газетѣ, надо въ сущности обратиться къ провинціальной прессѣ, на судьбѣ которой особенно отражались, конечно, тѣ гиперболическіе размѣры, до которыхъ въ захолустьѣ подчасъ доходилъ цензорскій произволъ. Нижеподписавшійся, А. В. Зарембa и П. М. Шестаковъ, совмѣстно работавшіе въ началѣ уже нынѣшняго столѣтія во внутреннемъ отдѣлѣ «Русскихъ Вѣдомостей», отбирали для будущаго историка русской печати нѣкоторые номера провинціальныхъ газетъ, представляющихъ собой въ сущности бѣлые листы, вмѣсто текста, зачеркнутаго красными чернилами цензора. (№№ эти хранятся въ архивѣ «Русскихъ Вѣдомостей»). Напр., № *Закаспійскаго Обозрѣнія*, 6 апрѣля 1901 г., гдѣ вмѣсто статьи «открытое письмо юристамъ» бѣлое мѣсто; или № отъ 9 февраля той же газеты, гдѣ цензоръ вычеркнулъ статью «къ постройкѣ новыхъ казармъ на Скобелевской площади»; или № отъ 21 марта, гдѣ запрещена перепечатка изъ *Сибирскаго Вѣстника* статьи «гр. Л. Н. Толстой передъ судомъ Мережковскаго». *Приднѣпровскій Край*, 19 марта 1902 г., представляетъ собою собраніе почти однихъ лишь заголовковъ статей. Въ *Пермскомъ Краѣ* 29 іюля 1901 г., сплошь пунктиръ; въ *Казбекѣ*, 31 іюля 1901 г., статьи замазаны типографской краской или вмѣсто текста напечатаны объявленія о продолженіи подписки. *Курская Газета* не можетъ выйти 18 апрѣля (1 мая), 1901 (?) года, потому, что весь матеріалъ, приготовленный для номера, пришлось выбросить; редакція поэтому предпочла вовсе не выпускать газеты въ этотъ день и т. д. Все это случайно сохранившіеся нумера, такихъ искалѣченныхъ экземпляровъ, конечно, была масса, хотя замѣна вычеркнутаго текста пунктиромъ строго запрещалась (особымъ циркуляромъ въ 1901 г.). Такую вольность позволяли себѣ газеты отъ отчаянія, въ ожиданіи своей невольной близкой смерти.

И это все при томъ, что изъ главнаго управленія по дѣламъ печати, какъ изъ рога изобилія, искони сыпались особые циркуляры, по которымъ печать лишалась возможности говорить о самыхъ насущныхъ вопросахъ. Общую характеристику этихъ циркуляровъ читатель можетъ найти въ извѣстной статьѣ В. А. Мякотина—«Одна страница изъ новѣйшей исторіи русской печати», напечатанной въ сборникѣ «Въ защиту слова» [1]). Нечего уже говорить о томъ, что запрещается касаться важнѣйшихъ вопросовъ, внутренней и внѣшней политики различныхъ правительственныхъ предположеній, происшедшихъ фактовъ и т. д.

Запретительныя распоряженія простираются иногда на самые мелочные факты. Едва ли не лучшей характеристикой существовавшаго строя, не допускавшаго никакой самостоятельной инціативы со стороны общественныхъ группъ, служитъ циркуляръ 26 марта 1904 г. «Въ Московскихъ газетахъ, — гласитъ онъ,—появилась статья о необходимости празднованія 750-лѣтняго юбилея Москвы», между тѣмъ какъ «возбужденіе вопросовъ объ юбилеяхъ, имѣющихъ государственное значеніе, вовсе не подлежитъ частной инціативѣ, а потому никакія статьи въ этомъ смыслѣ не должны быть печатаемы».

А вотъ особый циркуляръ 21 августа 1901 г., изданный по поводу статьи «*Русскихъ Вѣдомостей*», обсуждавшей циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ о земскихъ изданіяхъ. Въ концѣ этой статьи говорилось о предположеніяхъ Саратовской губернской земской управы возбудить ходатайство объ отмѣнѣ означеннаго циркуляра, при чемъ «Русск. Вѣд.» отъ себя осмѣлились высказать пожеланіе, чтобы эти начинанія Саратовской управы «увѣнчались полнымъ успѣхомъ». Казалось бы, пожеланіе самое безобидное. Какъ бы въ отвѣтъ шлется грозное посланіе такого содержанія: «министръ внутреннихъ дѣлъ, усмотрѣвъ въ высказанномъ «Русскими Вѣдомостями» одобреніи дѣятельности управы, направленной къ отмѣнѣ только что изданнаго циркуляра, подстрекательство къ неисполненію распоряженій правительства, изволилъ приказать предупредить редакторовъ «*Русск. Вѣдомостей*» относительно недопустимости появленія въ будущемъ въ этой газетѣ подобнаго рода статей». Эти циркуляры иногда ставили редакторовъ въ полную почти невозможность вести газету. Напр., забастовки петербургскихъ ткачей въ 1896 г. вызываютъ появленіе новыхъ циркуляровъ (8 іюня и 18 іюля), запрещающихъ печатать статьи, трактующія о безпорядкахъ на фабрикахъ и заводахъ, объ отношеніи рабочихъ къ хозяевамъ, а циркуляръ 4 января 97 г. не допускаетъ никакихъ статей, никакихъ замѣтокъ и обсужденій о заработной платѣ, о продолжительности рабочаго дня и т. д. Однимъ словомъ, рабочаго вопроса для Россіи не должно существовать. И по этому поводу Соболевскій пишетъ Скалону 14 января:

> ...«Еще одинъ вопросъ изъятъ изъ обращенія: ничего нельзя печатать по рабочему вопросу!.. Что сей сонъ значитъ? Вѣдь въ такомъ широкомъ смыслѣ о многомъ совсѣмъ нельзя будетъ и говорить, о чемъ говорилось на многихъ столбцахъ не только въ «Русск. Вѣд.». Это все штуки В-е и К-ого. Если имъ нужно накрыть стыдливой вуалью работы своихъ комиссій, то можно

---

[1]) Болѣе или менѣе полный перечень этихъ циркуляровъ былъ опубликованъ М. К. Лемке въ «Вѣстникѣ Права», сентябрь, 1905 г. «Въ мірѣ усмотрѣнія». (Ст. 140 и 156 устр. о ценз. и печ.).

бы было хоть специализировать свои требованія объ изъятіи изъ печати того, что имъ желательно скрыть. А то — о рабочемъ вопросѣ вообще не говорить! Штука сказать! Нельзя ли будетъ разъяснить что-нибудь по этому поводу и повліять на появленіе какого-нибудь комментарія къ такому странному циркуляру? А пока до свиданія. Какъ видишь, пишу не въ особенно веселомъ настроеніи... Нервы испорчены»...

Скалонъ обратился за разъясненіемъ къ одному лицу, близкому министру финансовъ. Можемъ привести его небезынтересный отвѣтъ.

...«Запрещеніе послѣдовало по иниціативѣ м. в. д., въ виду напечатанія въ «Лучѣ» послѣднихъ статей о нормированіи рабочаго дня, появленіе которыхъ почти совпало съ забастовками на здѣшнихъ мануфактурахъ.

«Сколько могу догадаться, нельзя писать ни о нормированіи рабочаго дня, ни о стачкахъ, ни объ улучшеніи положенія фабричныхъ рабочихъ, по скольку статьи объ улучшеніи совпадаютъ съ требованіями рабочихъ (повышеніе расцѣнокъ и т. под.).

«Стачки здѣсь прекратились, но онѣ начались въ московскомъ районѣ.

«По-моему, во избѣжаніе непріятностей, лучше воспрещеніе толковать покамѣстъ въ болѣе широкомъ, чѣмъ въ узкомъ смыслѣ. Трудно предвидѣть усердіе гл. упр. по дѣламъ печати»...

Разъясненіе, которое хотѣлъ получить редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей», послѣдовало нескоро, — 14 іюня 1901 г. Его стоитъ сопоставить съ только что процитированнымъ письмомъ лица, занимавшаго въ министерствѣ финансовъ видный постъ. Въ этомъ циркулярѣ министерство дѣлаетъ поясненіе, что редакціи повременныхъ изданій, повидимому, «истолковали» распоряженія по рабочему вопросу въ томъ смыслѣ, что имъ не дозволено печатать не только статей по рабочему вопросу, но и никакихъ свѣдѣній о происходящихъ на фабрикахъ и заводахъ безпорядкахъ, а равно и о всякихъ нарушеніяхъ общественнаго порядка и спокойствія. Между тѣмъ при изданіи указанныхъ циркуляровъ не имѣлось въ виду столь распространительное толкованіе ихъ и оглашеніе свѣдѣній о безпорядкахъ не возбраняется, но при непремѣнномъ условіи, чтобъ всѣ такія свѣдѣнія излагались въ строгомъ согласіи съ дѣйствительностью». Соотвѣтствіе съ дѣйствительностью, конечно, надо понимать въ смыслѣ согласія съ офиціальными данными. И распоряженіемъ московскаго генералъ-губернатора той же даты, что и приведен. выше циркуляръ 14 іюня, предписывается всѣ газетныя сообщенія направлять оберъ-полицмейстеру или губернатору. А вскорѣ слѣдуетъ циркуляръ (23 января 1902 года), окончательно воспрещающій сообщать фактическія свѣдѣнія о безпорядкахъ на фабрикахъ. Черезъ мѣсяцъ другой циркуляръ 26 февраля 1902 года, отрицающій даже существованіе «класса рабочихъ». Циркуляръ этотъ былъ изданъ по поводу панихиды 19 февраля у памятника Александра II въ Москвѣ, на которой присутствовали рабочіе нѣкоторыхъ московскихъ фабрикахъ. «Этому совершенно мѣстному торжеству,—говорится въ циркулярѣ,—нѣкоторые органы печати пытались придать характеръ знаменательнаго событія, имѣющаго очень значительную общественную цѣнность и служащаго выраженіемъ пробужденія общественнаго сознанія въ трудящихся массахъ, и какъ бы указывали на офиціальное признаніе существующаго у

насъ особаго класса рабочихъ. Такое объясненіе упомянутаго событія представлялось по существу невѣрнымъ и крайне тенденціознымъ, отнюдь не должно было допускаемо въ подцензурной печати. Не слѣдуетъ дозволять обобщенія этого отдѣльнаго факта и сообщенія ему характера всероссійскаго событія».

Трудно было вести газету при этомъ безчисленномъ количествѣ циркулярныхъ запрещеній. Каждый моментъ можно было перейти грани дозволеннаго. Въ 1902 г. предписывается не рисовать въ благопріятномъ свѣтѣ положеніе духоборовъ въ Америкѣ, и тотчасъ же «Р. В.» попадаютъ въ прекрасное положеніе:

...«Г. сообщаетъ по телефону,—пишетъ Соболевскій,—что «Р. В.» грозитъ еще непріятность: готовится докладъ главному управленію (?) или главн. управленіемъ (?) въ связи со статьей о духоборахъ. Были сообщены краткія свѣдѣнія объ урожаѣ нынѣшняго года въ духоборческихъ деревняхъ, переданныя Сулержицкимъ съ указаніемъ источника. Что-то это странно! если не рѣшено вообще съ нами покончить...

«Изъ того же источника передаютъ о готовящемся предостереженіи «Спб. Вѣдомостямъ» (объ этомъ мнѣ уже говорилъ Иванчинъ-Писаревъ) и о предстоящей пріостановкѣ «Сѣвернаго Края» на продолжительное время».

Чтобы понять атмосферу, въ которой приходилось работать, мало учесть существованіе официальныхъ административныхъ предписаній. Въ дополненіе къ циркулярамъ шли личныя предписанія и распоряженія путемъ вызова редакторовъ въ цензурные комитеты, въ главное управленіе по дѣламъ печати, а кромѣ того, и къ высшимъ административно-полицейскимъ властямъ. Въ «Голосѣ Минувшаго» № 6 въ некрологѣ В. М. Соболевскаго А. Н. Максимовымъ разсказанъ былъ уже одинъ любопытнѣйшій эпизодъ о вызовѣ Соболевскаго къ ген.-губерн. Долгорукову по поводу замѣтки, гдѣ упоминался прадѣдъ московскаго сатрапа. В. Г. Короленко въ «Русск. Вѣд.» разсказалъ въ свое время другой эпизодъ, связанный съ запрещеніемъ въ 1886 г. отмѣтить двадцатилѣтіе крестьянской реформы. Въ отвѣтъ на нелѣпое запрещеніе Соболевскій съ большимъ гражданскимъ мужествомъ предпочелъ не выпустить совсѣмъ номера, чѣмъ говорить въ этой день о джутовыхъ мѣшкахъ и т. п. «Русскія Вѣдомости» молчаніемъ чествовали память 19 февраля. Но какъ справедливо замѣчаетъ В. А. Розенбергъ, не всегда можно было молчать. Авторъ проводитъ любопытный отзывъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Ѳеоктистова по поводу запрещенія «Р. В.» въ 1887 г розничной продажи. Ѳеоктистовъ мотивировалъ кару такимъ словомъ: «Скверная газета, скверно говоритъ, скверно и молчитъ». Тогда «Русскія Вѣдомости» промолчали по поводу смерти Каткова. Но былъ моментъ еще худшій для газеты. Правительство иногда требовало опредѣленныхъ выступленій отъ прессы. Когда дѣло шло сравнительно о безобидныхъ вопросахъ, какъ, напр., въ 1902 г., когда предписывалось предувѣдомить «въ той или иной формѣ», что русскіе подданные должны «воздерживаться отъ произнесенія рѣчей на юбилейныхъ празднествахъ въ Болгаріи» — было нетрудно найти выходъ. Но иногда передъ газетой ставился ребромъ вопросъ о нарушеніи чести или о прекращеніи существованія. Такъ было въ августѣ 1902 года. Разскажемъ этотъ случай словами самаго Соболевскаго.

...«Посылаю это, какъ увидишь, очень важное и срочное письмо нарочнымъ, не полагаясь на почту.

«Только что вернулся изъ цензурнаго комитета, гдѣ Назаревскій предъявилъ мнѣ для прочтенія собственноручное письмо къ нему Звѣрева.

«Письмо заключаетъ въ себѣ приглашеніе, хотя и не прямое, редакторовъ высказать въ газетахъ свое сужденіе по поводу извѣстія о покушеніи на губернатора Оболенскаго. Письмо написано приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Хотя и существуетъ запрещеніе сообщать подробности о политическихъ преступленіяхъ и о личности ихъ совершившихъ, но это не значитъ, что повременныя изданія не могутъ высказывать свои сужденія по поводу оглашенныхъ фактовъ. По мнѣнію автора письма, факты, подобные только что оглашенному Рос. Аг-вомъ покушенію, *должны* (курсивъ мой) находить себѣ въ печати настоящую оцѣнку. Такимъ образомъ *предлагается* высказать свое мнѣніе печатно. Подобныхъ предложеній еще никогда не получалось отъ высшей администраціи по дѣламъ печати. Думаю, что настоящее письмо вызвано появленіемъ статей о покушеніи въ *Нов. Вр.* и въ *Моск. Вѣд.* Не знаю, есть ли у тебя эти газеты. Какъ бы то ни было, передъ «Русскими Вѣдомостями» — если другія газеты, въ чемъ я почти не сомнѣваюсь, исполнятъ предложеніе, — стоитъ дилемма: или съ своей стороны присоединиться къ другимъ — или же рисковать подвергнуться обвиненію въ явномъ нежеланіи подчиниться ясно выраженному предложенію администраціи и, пожалуй, въ сочувственномъ отношеніи къ самому факту, по поводу котораго предлагаютъ высказать сужденіе: вѣдь оно въ сущности уже продиктовано гг. Суворинымъ и Грингмутомъ...

«Для меня пока что не представляется нравственно возможнымъ иной отвѣтъ на это, кромѣ *молчанія*. Не говоря уже о томъ, что невозможно судить о фактѣ, не зная ни его обстановки, ни мотивовъ, вызвавшихъ покушеніе, ни даже личности покушавшагося, одно то обстоятельство, что *сужденіе* будетъ не добровольное, а *предписанное* — для редактора, не утратившаго чувства стыда, было бы полнымъ малодушіемъ — несмываемымъ ни для себя ни въ глазахъ общества пятномъ на всю жизнь — исполнить подобное неслыханное до сихъ поръ въ прошлой русской печати наглое требованіе. Пока поэтому никакихъ послѣдствій этого на столбцахъ газеты не предвидится. Но вѣдь очень скоро наступитъ моментъ, когда мы будемъ поставлены къ стѣнѣ. Первымъ изъ такихъ моментовъ будетъ появленіе во *всѣхъ* другихъ газетахъ желательныхъ начальству статей; вторымъ — выясненіе дѣла слѣдствіемъ и судомъ, когда исчезнетъ послѣдній поводъ молчать: незнаніе подробностей обстоятельствъ дѣла, т.-е. послѣ суда. И тогда станетъ ребромъ вопросъ, возможно ли дальнѣйшее существованіе газеты (порядочной) при данныхъ условіяхъ, т.-е. при невозможности высказать свое дѣйствительное мнѣніе прямо и откровенно, или же пойти на унизительное и для меня, по крайней мѣрѣ, нравственно невозможную «отписку» ради страха Іудейска.

«Не случись это сейчасъ, лѣтомъ, когда я *фактически* не могу снять свою подпись съ газеты и заявить о моемъ выходѣ изъ редакторовъ, для меня лично вопросъ очень просто

рѣшался бы въ .... [1]) смыслѣ. Я это и сдѣлаю по возвращеніи Д. Н., безъ согласія котораго, конечно, не могу передать ему редакторскія обязанности формально, т.-е. замѣной моей подписи другой. Оставаться редакторомъ при этомъ *новомъ* порядкѣ, когда не позволено даже *молчать* о вопросахъ, которыхъ не считаешь нужнымъ или удобнымъ обсуждать, это значитъ, повторяю, сознательно подвергать себя опасности потерять доброе имя, званіе честнаго человѣка, которое дороже всякихъ общественныхъ положеній и земныхъ благъ.

«Мнѣ необходимо знать немедленно твое мнѣніе по вопросу о томъ, что дѣлать и какъ поступить сейчасъ. Не вызывалъ тебя въ Москву телеграммой, такъ какъ ты только что уѣхалъ на отдыхъ. Мнѣ нужно знать: 1) согласенъ ли ты съ моей точкой зрѣнія по отношенію къ такому казусу; 2) не находишь ли нужнымъ вызвать телеграммой находящихся въ Россіи товарищей.

«Мнѣ кажется, что не дальше какъ черезъ нѣсколько дней можетъ возникнуть вопросъ о возможности продолжать изданіе газеты. Новый путь, на который вступаетъ цензурное вѣдомство и о которомъ со словъ Шаховского уже думалъ Сипягинъ, дѣлаетъ этотъ вопросъ вполнѣ естественнымъ, серьезнымъ и неотложнымъ.

«Итакъ, отвѣть немедленно и опредѣленно или, если сочтешь нужнымъ, пріѣзжай самъ на день въ Москву. Послѣднее для меня было бы очень пріятно, потому что могутъ быть еще и еще непредвидѣнные сюрпризы и дилеммы, которые, насколько возможно предугадать, не мѣшало бы обстоятельно обсудить заранѣе.

«Прилагаемый пакетъ только для отвода глазъ посланнаго».

Не говоритъ ли этотъ уже историческій документъ ярче всѣхъ словъ и комментаріевъ, какъ тяжело было честному редактору въ лабораторіи газетной работы? Но къ циркулярамъ офиціальнымъ и полуофиціальнымъ надо присоединить еще всякаго рода запросы, требовавшіе немедленнаго отвѣта и ставившіе редактора въ тяжелое моральное затрудненіе. Появляется въ газетѣ какое-либо сообщеніе и сейчасъ же отъ заинтересованнаго вѣдомства поступаетъ запросъ, откуда редакціей получено было извѣстіе. Не сообщить— значитъ подвергнуться карѣ, сообщить не позволяетъ моральный кодексъ. А. С. Посниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ томъ же юбилейномъ сборникѣ «Русскихъ Вѣдомостей», разсказываетъ, между прочимъ, объ одномъ такомъ случаѣ при Скворцовѣ.

«Главное управленіе по дѣламъ печати потребовало, согласно желанію военнаго министерства, сообщить фамилію корреспондента, напечатавшаго фактъ, оказавшійся безусловно неподлежащимъ оглашенію. Когда послѣ ряда всевозможныхъ хитроумныхъ «отписокъ» Скворцову ничего не оставалось болѣе, какъ только открыть фамилію писавшаго, онъ съ изумительной находчивостью воспользовался исключительной случайностью, спасшей не на шутку струхнувшаго автора сообщенія: какъ разъ въ это время редакція получаетъ свѣдѣніе о смерти своего постояннаго корреспондента именно изъ той мѣстности, откуда было прислано это, такъ взволновавшее военное министерство сообщеніе. Скворцовъ пользуется печальной случайностью и сообщаетъ главному управленію фамилію скончавшагося, бывшаго будто бы авторомъ злополучной корреспонденціи.

---

[1]) Не разобрано.

«Не всегда былъ такой подходящій случай».

...«Какъ и слѣдовало ожидать, — сообщаетъ Соболевскій въ одномъ изъ писемъ, — послѣдняя «земская хроника» обратила на себя благосклонное вниманіе и губернатора одной изъ центральныхъ губерній». Редакція получила конфиденціальную просьбу сообщить, *откуда* (не отъ кого) въ ея руки попала записка, существующая въ единственномъ рукописномъ экземплярѣ. Желаютъ только знать: изъ *Петербурга* или изъ *Москвы* сообщена была копія.

Какъ быть? и не найдешь ли ты возможнымъ отвѣтить на эти вопросы. Въ противномъ случаѣ, къ намъ обратятся съ офиціальнымъ запросомъ»...

И приходилось выдумывать, отписываться. А тамъ, конечно, все до времени ставилось за счетъ.

...«Не можешь ли ты придумать или сдѣлать что-нибудь по слѣдующему дѣлу, — пишетъ Соболевскій въ 1896 г.—Гл. упр. по дѣламъ печати требуетъ на основаніи 130 ст. Уст. Ценз. сообщеніе имени и адреса лица, доставившаго извѣстіе объ измѣненіи редакціи ст. ст. Ул. о Нак. о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ. Отвѣтъ долженъ быть данъ *немедленно*. Отозвались пока необходимостью навести справки. Я жду одного понужденія и прошу тебя немедленно повидаться съ Б—комъ. Быть-можетъ, онъ самъ найдетъ какой-нибудь выходъ изъ этого. Къ П—ву, давшему когда-то разрѣшеніе согласиться на него, въ данномъ случаѣ обратиться неловко, такъ какъ рѣчь идетъ не о такомъ извѣстіи, которое можно сообщить на основаніи устнаго слуха, а о явно переписанномъ документѣ. Во всякомъ случаѣ такъ или иначе нужно дать объясненіе. Меня предупредили, что на этотъ разъ отписками прикрыться не придется и что въ случаѣ отказа... дать требуемыя свѣдѣнія будутъ приняты мѣры. Не говоря о томъ, что изъ-за (пустяшныхъ) извѣстій г-на Би—ка я совсѣмъ не желаю подвергаться отвѣтственности. На его обязанности лежитъ при сообщеніи извѣстій быть хоть сколько-нибудь въ курсѣ степени ихъ конфиденціальности. Такъ и дѣлаютъ серьезные корреспонденты, сообщая часть извѣстій только «къ свѣдѣнію». Пожалуйста, не откладывай принятія мѣръ и телеграфируй о результатѣ. Можетъ-быть, въ данномъ случаѣ и не нужно скрывать источника! Но Б—къ долженъ знать».

Въ данномъ случаѣ, очевидно, ничего не удалось «придумать», и «Русскія Вѣдомости» понесли кару въ видѣ запрещенія розничной продажи за отказъ назвать имя сообщившаго свѣдѣніе о предполагаемомъ измѣненіи въ Уложеніи о наказаніяхъ о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ. Теперь какъ-то даже не вѣрится, что по такому пустяшному поводу возможно было попасть въ прекарное положеніе. И любопытно, что А. И. Чупровъ, ѣздившій объясняться по этому поводу съ Горемыкинымъ, услышалъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что тотъ самъ поступилъ бы такъ же, какъ редакція «Русск. Вѣд.». (Сообщено автору В. А. Розенбергомъ со словъ Чупрова). И, тѣмъ не менѣе, газета пострадала.

Естественно, что письма В. М. Соболевскаго къ своему товарищу по редакціи переполнены сообщеніями о бесѣдахъ съ начальствующими лицами, о слухахъ, касающихся «Р. В.», и т. д.

Все это надо было непосредственно учитывать, чтобы пройти Сциллу и Харибду цензурнаго вѣдомства.

...«Новостей никакихъ, – сообщаетъ Соболевскій 19 августа 1902 г.—Вчера видѣлся съ П... и Ч..., обѣдали у меня. Оба—безпаспортные въ смыслѣ права пребыванія въ Москвѣ и немедленно же уѣхали дальше. О Звѣревѣ ничего хорошаго не говорятъ. Глупо придирается даже къ тому, что въ печатаемомъ и уже отпечатанномъ изданіи Герцена значится «Николай» и требуетъ вставки: «императоръ»....

...«Изъ бесѣды Д. Н. съ З—вымъ нельзя вывести никакого заключенія ни въ пользу, ни во вредъ. Обыкновенныя частныя замѣчанія, лишнія, очевидно, вытекающія изъ личной точки зрѣнія собесѣдника и даже изъ его философскихъ воззрѣній.

«Такъ, напримѣръ, почему-то подчеркнуты совсѣмъ невинныя статьи о чествованіи Огюста Конта въ Парижѣ... Не обошлись и безъ указаній на «сгущеніе красокъ» по поводу голода (?!) и т. п.....

«Вообще не нравится «общій духъ». Хоть это утѣшительно. А то я боялся, что похвалятъ редакторовъ «Р. В.» и еще орденъ дадутъ. Конечно, все это нельзя принимать за чистую монету и нужно помнить, что какъ бы ни разговаривали, а «выйдетъ приказаніе — отдерутъ и прости!» Не люблю я вообще этихъ разговоровъ съ начальствами. Аксаковъ и Катковъ едва ли ими занимались, а Салтыковъ всегда говорилъ, что редактору лучше всего сидѣть въ редакціи и работать»...

...«Что-то у васъ дѣлается? Здѣсь всѣ ждутъ, что будетъ что-то новое, но откуда сіе — никому неизвѣстно. Очень доволенъ, что, повидимому, опять можно печатать засѣданія уѣздныхъ «комитетовъ», значитъ — туча, повисшая изъ-за нихъ, прошла благополучно?» *(24 октября 1902 г.)*

...«На-дняхъ въ Москвѣ былъ Звѣревъ и я видѣлся съ нимъ,— пишетъ Соболевскій черезъ 2 года. — Бесѣдовали довольно мирно. Кромѣ указанія, мало обоснованнаго, на недостатокъ патріотизма въ нашихъ военныхъ обозрѣніяхъ никакихъ реприкандовъ не было»... *(9 іюля 1904 г.)*.

...«Сегодня *(21 августа 1904 г.)* вызвали меня въ цензурный комитетъ, гдѣ рѣчь шла о помѣщеніи какихъ-то военныхъ статей безъ разрѣшенія или же такихъ, которыя были помѣщены безъ цензуры, несмотря на предложенія военнаго цензора послать корректуру въ общую цензуру...

Я объяснилъ Н—му по первому пункту, что такихъ случаевъ не было никогда; по второму, что требованіе военнаго цензора непримѣнимо къ газетѣ, выходящей безъ предварительной цензуры, съ чѣмъ согласенъ и Назаревскій. Онъ подчеркнулъ, между прочимъ, что разговоръ этотъ онъ велъ со мной только на основаніи *дошедшихъ до него слуховъ* о протестахъ военныхъ цензоровъ...

...«Получилъ извѣстіе «изъ достовѣрнаго источника», что министромъ внутреннихъ дѣлъ назначается опять Горемыкинъ. Ужс и не знаю, что это для насъ — хуже или лучше. Думаю, что Плеве по отношенію къ прессѣ былъ опредѣленнѣе, равно какъ и въ своихъ взглядахъ на «внутренніе» вопросы. Это, однако, уже чуть ли не десятый министръ, переживаемый «Русскими Вѣдомостями». Что-то будетъ»... *(13 авг. 1904 г.)*.

Такія замѣчанія можно найти почти въ каждомъ письмѣ. Какъ мы говорили, Д. Н. Анучинъ проводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ также небезынтересные разсказы о своихъ бесѣдахъ или вѣрнѣе «объясненіяхъ» въ Петербургѣ. Приходилось бесѣдовать Д. Н. Анучину и со своимъ бывшимъ коллегой по университету Н. А. Звѣревымъ, занимавшимъ одно время постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Подробности этихъ интересныхъ для потомства бесѣдъ испарились изъ памяти, какъ указываетъ авторъ воспоминаній. У насъ есть письмо Д. Н. Анучина, написанное Скалону непосредственно послѣ бесѣды, мы его приводимъ, какъ дополненіе къ воспоминаніямъ Д. А. Анучина и письмамъ В. М. Соболевскаго. Письмо датировано іюнемъ 1902 г.

...«Поѣхалъ я въ Питеръ въ среду и пришлось пробыть до воскресенья и вернуться только сегодня. Видѣлся съ Н. А. Звѣревымъ, который относительно тебя [1]) сказалъ, что наведетъ справки, а вообще указалъ, что мы обращаемъ на себя вниманіе: иностр. корреспонденціями — выставляющими въ наилучшемъ свѣтѣ соціалъ-демократовъ, рабочую партію и пр., въ которыхъ де только и благо, и, наоборотъ, въ невыгодномъ — остальныя партіи, при чемъ отмѣтимъ еще одну корр. изъ Пар. объ Ог. Контѣ; на подборъ статей и извѣстій о голодѣ и пр., чтобы рисовать въ мрачномъ цвѣтѣ положеніе; на статейку о недозволеніи разныхъ чтеній (Некрасова и пр.), съ очевиднымъ намѣреніемъ выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ мѣстное учебное начальство и т. п. Я его просилъ устроить мнѣ свиданіе съ г. мин., противъ чего онъ сначала возставалъ, ибо де мин. занятъ, еще не осмотрѣлся и проч., но потомъ снизошелъ, хотя придется де ждать до субботы. Согласился ждать. Въ субботу я снова былъ у него, и онъ объявилъ мнѣ, что меня примутъ въ воскресенье утромъ, въ $9^1/_2$ ч., на дачѣ. При этомъ онъ сообщилъ также, что познакомился съ дѣломъ о тебѣ, сообщилъ глухо объ отзывахъ, особенно, что ты редактировалъ «Земство», но затѣмъ согласился со мною, что это было вѣдь очень давно. Въ концѣ-концовъ, онъ заявилъ, что съ его стороны препятствій не будетъ, а равно, вѣроятно, и со стороны г. министра. Съ мин. я бесѣдовалъ минутъ 20—25. Относительно тебя онъ сказалъ, что ему извѣстны твои взгляды, какъ по земскому, такъ, отчасти, и по финансовому дѣлу, но что онъ не находитъ со своей стороны препятствій, хотя полагаетъ, что въ качествѣ редактора ты можешь подвести газету, если будешь проводить свои убѣжденія. Относительно газеты вообще онъ замѣтилъ, что она ему хорошо извѣстна, и онъ иногда съ удовольствіемъ читалъ ея передовыя, корреспонденціи и прочія, но что это не мѣшаетъ ему смотрѣть уже давно на этотъ органъ, какъ на вредный съ правит. точки зрѣнія, по проводимымъ въ ней тенденціямъ, взглядамъ, освѣщенію иностр. событій, подбору фактовъ изъ русской жизни и т. д. Въ частности относительно циркуляровъ онъ признаетъ, что многіе изъ нихъ неясны (это призналъ и Н. Ан., замѣтивъ, что теперь они пересматриваются, и имѣется въ виду удержать только существенное, а остальное отмѣнить, о чемъ и дано будетъ знать органамъ печати). Такъ, напр., невозможно требовать отъ газетъ, чтобы онѣ сообщали о

[1]) Дѣло касается утвержденія Скалона однимъ изъ редакторовъ.

голодѣ лишь провѣренныя свѣдѣнія, ибо таковыми онѣ не могутъ располагать, но, съ другой стороны, и явно тенденціозный подборъ фактовъ также не можетъ быть терпимъ. Жизнь разнообразна; рядомъ съ темными фактами нельзя не упомянуть и о болѣе свѣтлыхъ. Надо остерегаться вносить уныніе, возбуждать страсти и т. п., особенно въ трудное время, когда, напр., такъ увлекается юношество (хотя строгія кары на него также не могутъ считаться панацеей). Наши стремленія, очевидно, парламентаризмъ, господство 3-го сословія, самаго безпочвеннаго и наименѣе симпатичнаго. Я позволилъ себѣ замѣтить, что мы стоимъ, собственно, за расширеніе компетенцій земства и скорѣе нашъ идеалъ — законность и земскій соборъ. Содѣйствіе земства, замѣтилъ мин., желательно, ибо въ такой странѣ нельзя разсчитывать только на «лѣнивое» чиновничество, но отъ расширенія функцій земства до ограниченія воли монарха лежитъ пропасть. Что кас. зем. собор., то ими могли увлекаться славянофилы; у насъ же это неискренно, и даже выставляется только какъ ступень. По этому поводу онъ сообщилъ о нѣкоторыхъ мечтахъ въ этомъ родѣ при Игнатьевѣ. Вообще же былъ скорѣе любезенъ, вспомнилъ объ Ал. Ив. Чуп. и замѣтилъ, что насъ, старыхъ людей, исправлять мудрено, и на это онъ и не разсчитываетъ, но рекомендуетъ осторожность. Если мы до сихъ поръ удержались безъ большихъ каръ, то это надо приписать тому, что во главѣ редакціи стоятъ люди съ тактомъ, умѣло ведущіе дѣло. Я ему указалъ еще на нѣкот. случаи и циркуляры, но онъ ничего по поводу этого не замѣтилъ, а въ концѣ, принявъ болѣе серьезный видъ, сказалъ: пишите тамъ о земствѣ и проч., но не касайтесь основн. законовъ, вопроса объ ограниченіи и пр., потому что въ противномъ случаѣ будете «прикрыты». Н. Андр. сказалъ мнѣ, что ѣдетъ въ Москву побесѣдовать со здѣшн. ком., съ нѣкоторыми членами котораго онъ недостаточно еще знакомъ, и вообще поговорить о ходѣ дѣла. Съ этимъ, можетъ-быть, связано, какъ сообщилъ мнѣ В. Мих., появленіе въ ред. Бартенева, который просилъ дать ему нѣсколько №№ «Р. В.», у него не сохранившихся, но о которыхъ можетъ зайти рѣчь съ Н. Андр., а затѣмъ просилъ также, нельзя ли ему дать на всякій случай свѣдѣнія о составѣ редакціи и сотрудниковъ. Говорилъ онъ съ Пет. Мих. Шестаковымъ, который сказалъ, что передастъ редактору; покуда ничего по этой части не сообщено, да и мудрено вспомнить всѣхъ сотрудниковъ, а имѣющіеся налицо главные, вѣроятно, и такъ извѣстны. Кажется, о всемъ существенномъ сообщилъ. Особенно важнаго, кажется, нѣтъ и остается только: «осторожность, осторожность, осторожность, господа». А въ остальномъ — признано, что мы неисправимые старикашки».

Въ воспоминаніяхъ Д. Н. Анучина проводятся, между прочимъ, и слова Плеве при одномъ свиданіи въ началѣ 1900 гг. «Можете писать о земствѣ, что вамъ угодно, но если заговорите о необходимости конституціи, я васъ закрою». Эта угроза въ дѣйствительности была гораздо болѣе конкретнѣе, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Вотъ, напр., выдержка изъ одного письма В. М. Соболевскаго:

...«Разсказывалъ еще Н. В. Д—въ со словъ Ухтомскаго, что въ бесѣдѣ съ нимъ о печати вообще П(ле)ве сказалъ, что «Р. В.»

такъ явно идутъ противъ пр—ва и особенно противъ его, П—ве, видовъ, что при первомъ поводѣ ихъ нужно уничтожить».

Но и раньше «Русскимъ Вѣдомостямъ» грозила опасность прекращенія существованія. Съ ними хотѣли «покончить» въ 1891 г. во время голода за «упорство» во «вредномъ и предосудительномъ направленіи». Чуть было не закрыли «Р. В.» и въ 1895 г. (см. статью В. А. Розенберга въ юбилейномъ изданіи, стр. 35). При такихъ условіяхъ было очень трудно осуществлять свою идейную программу. И, тѣмъ не менѣе, газета это дѣлала, пользуясь различными предлогами. О конституціи писать и говорить нельзя, но можно сдѣлать намеки, воспользовавшись полемикой. Вотъ путь, по которому приходилось итти!

...«Посылаю корректуру твоей «Москвы»,—писалъ однажды Соболевскій Скалону.—По совѣщаніи... рѣшили ее отложить, ибо въ такомъ видѣ нашли помѣщеніе рискованнымъ. Разсужденіе о земскомъ соборѣ въ этой статьѣ похоже—и можетъ быть истолковано въ этомъ смыслѣ — на предложеніе созвать его... Но мнѣ кажется, что въ иной редакціи эта историческая справка могла бы быть проведена безъ всякихъ опасеній.

«Рисковано только посвящать этому *всю статью* и лучше бы было устроить полемику съ «Московскими Вѣдомостями».

И никогда, несмотря на всѣ трудности, «Р. В.» не забывали о своемъ знамени идейнаго служенія, помнилъ о немъ всегда и ихъ старый редакторъ. Въ 1902 г. утомленный онъ уѣзжаетъ въ Ниццу и оттуда пишетъ:

...«Порадовалъ меня очень № отъ 19 февраля. Прочелъ его отъ строчки до строчки съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ. Это не значитъ, что мнѣ не нравились остальные №№ «Русскихъ Вѣд.». Но въ этомъ № случайно содержалось то, чѣмъ на мой взглядъ живы мы и чѣмъ особенно дорожатъ читатели. Въ этомъ № есть Богъ, а вѣдь, какъ извѣстно, онъ всѣмъ до такой степени нуженъ, что, если бы его не было, его нужно было бы выдумать. Вотъ этого-то Бога такъ рѣдко приходится въ настоящее время показывать читателямъ, что какъ только является для этого малѣйшій поводъ, такъ и душа радуется. А почему бы его и не показывать? Вѣдь онъ есть во всѣхъ насъ, есть и во всѣхъ нашихъ сотрудникахъ... Онъ и проявляется по мѣрѣ силъ и возможности. Изъ-за него я дорожу такими отдѣлами, какъ земская хроника, какъ научныя обозрѣнія, какъ литературные обзоры. Можетъ-быть, все это подчасъ и покажется кому-нибудь скучнымъ; но въ этомъ для всякаго видно стремленіе что-нибудь сказать нужное и полезное, — стремленіе стать съ читателемъ въ отношеніи болѣе приличныя, чѣмъ погоня за подпиской во что бы то ни стало...

«А отчего бы въ самомъ дѣлѣ не постараться показывать почаще читателямъ Бога. Вѣдь это можно при всякихъ журнальныхъ порядкахъ. Вѣдь есть же и вопросы такіе, которые дѣйствительно дороги многимъ и при помощи которыхъ можно будить хорошіе инстинкты и напоминать, что газета не о хлѣбѣ единомъ печется...

«Я, какъ видишь, не только не уѣхалъ отъ «Русск. Вѣд.», а продолжаю жить въ тѣснѣйшемъ общеніи съ ними. Этому способствуетъ и то, что съ момента отъѣзда, несмотря на пребываніе въ самыхъ глухихъ углахъ итальянской Ривьеры, я почти непрерывно видѣлся съ москвичами. Въ Пельи недѣлю прожили

Щепкины — М. П. съ женой; заѣзжалъ тамъ же ко мнѣ Карышевъ, а два дня послѣднихъ моего пребыванія тамъ я провелъ съ А. И. Чупровымъ. Онъ очень поправился, бодръ духомъ, намѣренъ усердно работать для «Русскихъ Вѣдомостей». Долженъ сказать, изъ бесѣдъ со всѣми ими, а также и съ здѣшними ницскими членами русской колоніи, — людьми, которые не имѣютъ надобности говорить мнѣ комплименты, я слышу отзывъ о «Русскихъ Вѣдомостяхъ», свидѣтельствующій о томъ, что во всякомъ сучаѣ ими дорожатъ, какъ единственнымъ, по общему мнѣнію, серьезнымъ и порядочнымъ органомъ. Это — фактъ, и какъ бы ни приводили иногда въ смущеніе колебанія подписки въ сторону минуса (не очень ли ужъ мы занимаемся этой статистикой?), главное еще не погибло: къ намъ относятся съ уваженіемъ и не видятъ въ насъ только промышленнаго предпріятія. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія, мнѣ кажется, не слѣдуетъ увлекаться изобрѣтеніемъ приманокъ въ родѣ прибавленій, премій, рекламныхъ объявленій и т. п. Право же это намъ не къ лицу и никто этого отъ насъ не ждетъ. Ждутъ же отъ насъ именно того Бога, который чувствуется въ такихъ №№, какъ юбилейные 19 февраля. Не къ лицу намъ и увеселительный элементъ. Вѣдь на этомъ поприщѣ мы можемъ изобразить изъ себя играющаго теленка. Не умѣемъ мы веселиться и веселить, и никто отъ насъ этого не ждетъ. Очень нравятся, напротивъ, такіе «скучные» отдѣлы, какъ «новости науки», «библіографія» и, повторяю, земская хроника. Отъ послѣдней желаютъ побольше близости къ злобамъ дня земства, къ чему и слѣдуетъ стремиться. Вотъ противъ прибавленій, т.-е. учащеннаго выпуска лишнихъ полулистовъ ради такихъ отдѣловъ, никто, также я, ничего бы не имѣлъ...

«О себѣ скажу, что поѣздка начинаетъ, видимо, приносить хорошіе плоды. Является надежда, что вернусь годнымъ на что-нибудь лучшее, чѣмъ проявленіе того «безнравственнаго состоянія», какимъ остроумно назвалъ мою болѣзнь Остроумовъ. Одно только это заглушаетъ отчасти упреки совѣсти за уклоненіе отъ дѣла, которое я позволилъ себѣ, вынужденный къ тому полнѣйшимъ отчаяніемъ, до котораго я дошелъ послѣднее время въ Москвѣ. Я серьезно думалъ, что не буду въ состояіи опять приняться за работу и считалъ себя «homme fini».

«Вотъ мнѣ и хотѣлось бы знать, не очень ли дорого это обходится друзьямъ, столь внимательно освободившимъ меня отъ газеты? Могу ли я, если это понадобится, продлить мое бездѣлье на болѣе долгій срокъ, — напр., прожить за границей до начала мая? Какъ вы это думаете устроить? Не можетъ ли Павелъ Ивановичъ [1]) помочь вамъ именно въ это время, т.-е. прожить въ Москвѣ, напр., апрѣль? Какъ вообще распредѣляютъ теперь занятія? Не очень ли тяжко приходится редакторамъ? Какъ распредѣляются ночныя работы между тобой и Д. Н. Анучинымъ? Замѣняетъ ли васъ по временамъ кто-нибудь? Напиши мнѣ, пожалуйста, обо всемъ этомъ обстоятельно и откровенно. Ты поймешь, что все это не можетъ не тревожить меня».

Нельзя не отмѣтить, что на ту статью 19 февраля [2]), которая понравилась Соболевскому, обратило вниманіе и начальство — въ

[1]) П. И. Бларамбергъ.

[2]) Эти ежегодныя «идейныя» статьи 19 февраля съ 1814 г., почти всегда принадлежали В. А. Розенбергу.

особомъ циркулярѣ она была признана «неумѣстной»... Во время своихъ ежегодныхъ отлучекъ Соболевскій почти непрестанно говоритъ о необходимости проявленія въ газетѣ своего «Бога». Онъ постоянно вдохновляетъ товарищей. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ начала 1900 гг.:

...«Не было ни одного №, ни одной строчки за все это время въ «Р. В.», подъ которыми я мало-мальски затруднился бы подписаться обѣими руками. Словно я тамъ сидѣлъ и выпускалъ нумера. Это очень важно для дѣла и для насъ всѣхъ, и въ этомъ я вижу залогъ его прочнаго существованія, пока хватитъ нашихъ силъ. Каждому изъ насъ можетъ представиться необходимость временно удалиться отъ дѣла, а при этомъ первостепенной важности вопросъ о единообразіи взглядовъ на его веденіе до мельчайшихъ подробностей. Но это мало. Тебѣ и Д. Н. пришлось вести газету въ исключительно трудное время—я думаю самое трудное за все время ея существованія. И вотъ я вижу, что все велось именно такъ, какъ слѣдовало, и лучше вестись не могло. Рядъ статей весьма ко времени (о печати, о школѣ, объ университетѣ, объ общихъ задачахъ государства и общества), все это, я увѣренъ, было отмѣчено нашими читателями, и они поняли, что «Р. В.» держали свое знамя съ достоинствомъ и не виляли, какъ другіе. На меня все это дѣйствовало отрадно и главное способствовало физическому отдыху, прибавляя къ нему и новое нравственное удовлетвореніе. Мои впечатлѣнія раздѣляли и здѣшніе, заграничные читатели. Еще на-дняхъ статья Обнинскаго вызвала похвалы, точно такъ же, какъ и прежнія статьи, касавшіяся университетскихъ дѣлъ и злобъ дня. Даже многія изъ нихъ считались «смѣлыми» въ глазахъ здѣшнихъ избалованныхъ свободой прессы читателей. Совѣстно мнѣ, правда, было чужими руками загребать жаръ похвалы и отсутствовать въ такое трудное время и утѣшать себя только мыслью, что останься я дома,—все это окончательно разрушило бы мои и безъ того совершенно разстроенные нервы и проку отъ моего присутствія съ вами никакого бы не было.

Итакъ, «за все, за все тебя благодарю»...

... «Русскія Вѣдомости» слѣдуютъ за мной всюду,—пишетъ Соболевскій въ другомъ письмѣ,—и радуютъ меня содержаніемъ. Много хорошихъ постороннихъ статей, свидѣтельствующихъ о желаніи многихъ порядочныхъ людей имѣть съ нами сношенія. Но въ общемъ тонѣ замѣтокъ осторожность, свидѣтельствующая для меня о томъ, что со стороны непорядочныхъ сферъ на прессу оказывается нѣкоторое показательное давленіе. Объ этомъ я сужу еще болѣе по другимъ газетамъ, чѣмъ по «Русск. Вѣд.»...

«...Я еще и еще убѣждаюсь, что какими скучными насъ ни считаютъ, и это правда, но здоровую пищу читателю мы даемъ внѣ всякой конкуренціи съ другими, можетъ-быть, болѣе «веселыми» газетами. Право же не я одинъ, но и многіе невольно чувствуютъ, что по мѣрѣ возможности наша газета все же служитъ вѣрнымъ отраженіемъ русской жизни и не искажаетъ ее такъ, какъ это дѣлаютъ другія. Если мы не подчеркиваемъ нашего направленія, то для всякаго ясно — почему мы этого не дѣлаемъ и не можемъ дѣлать. Другіе этимъ занимаются, но прямо въ ущербъ истинѣ. Во всѣхъ этихъ подчеркиваніяхъ сквозитъ ложь,

хотя бы въ послѣдней статьѣ Суворина — о загорающейся зарѣ. Не говоря уже о томъ, что это — неправда и не можетъ быть правдой, — главное-то въ томъ, что никто не вѣритъ радости по этому поводу автора, а съ гадливостью вспоминаетъ, какъ тотъ же г. Суворинъ всю свою литературную дѣятельность направлялъ къ тому, чтобы загрязнить и замазать всякіе мельчайшіе признаки того, что для русскаго общества могло бы казаться зарей. Что онъ провозглашалъ и внушалъ: полную безпринципность и примиреніе со зломъ и существующимъ порядкомъ вещей, и даже не съ точки зрѣнія реакціонеровъ, а исключительно въ видахъ благополучнаго существованія его, Суворина, и его газеты. Надъ чѣмъ онъ не издѣвался и чего только не топталъ въ грязь всякій разъ, какъ это было выгодно и пріятно сильнымъ міра сего. А теперь какая-то заря... Не увидимъ мы ее именно потому, что ее представляетъ Суворинъ. Что-нибудь тутъ неладно, и заря эта загорается въ какомъ-нибудь скверномъ мѣстѣ... Кому-то понадобилось, чтобы заговорили о зарѣ — и вотъ Суворинъ — къ услугамъ. Право же такіе прямолинейные м. . . . . . ., какъ Мещерскій—менѣе вредны, чѣмъ «старые литераторы» въ родѣ Суворина... И ему никто не вѣритъ. А намъ, «Русскимъ Вѣдомостямъ», наводящимъ скуку и умалчивающимъ, вѣрятъ и вѣрятъ потому, что мы не вѣримъ сами и не обманываемъ общество какими-то загадочными обѣщаніями того, во что общество не вѣритъ и не имѣетъ основаній вѣрить»........

«... Невеселое и трудное время переживаете вы въ редакціи, а я здѣсь одновременно съ Вами и, можетъ, больше чѣмъ вы ежедневно читаю еще болѣе мрачныя вѣсти о Россіи. Жутко здѣсь одному воспринимать эти впечатлѣнія. Издали все это представляется въ еще болѣе тревожномъ видѣ... Думаю, что и не кончится это скоро чѣмъ-нибудь путнымъ. Отъ русскихъ газетъ, которыхъ я здѣсь читаю три, включая «Р. В.», вѣетъ совсѣмъ не весеннимъ воздухомъ. Чувствуется какая-то подавленность, нерѣшительность; висятъ, очевидно, попрежнему надъ прессой какія-то запрещенія. Все это—полуслова, намеки, сквозь которые чувствуется неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и неопредѣленность точки зрѣнія. Да и можетъ ли она у насъ быть опредѣленной при теперешнихъ условіяхъ? Можно ли во что-нибудь и кому-нибудь вѣрить? Все, что говорится сверху — это какія-то судорожныя, помимовольныя, вынужденныя изо дня въ день внѣшними силами проявленія мысли и воли. Хаосъ полный во всемъ, начиная съ положенія дѣлъ правительства и кончая настроеніемъ общества. Очевидно, событія подъ Мукденомъ теперь главная опредѣляющая сила, но куда она броситъ насъ, бѣдныхъ русскихъ, это вопросъ. Сами же мы держать курсъ и итти твердымъ шагомъ, очевидно, не можемъ. Теперь наши судьбы рѣшаютъ другіе и если еще не дѣлятъ нашихъ ризъ, то только потому, что ризы-то нестоящія. Кому, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ голоднаго русскаго мужика, нужна эта «территорія», занимающая зачѣмъ-то чуть не четверть земного шара. Каждая квадратная сажень здѣсь стоитъ дороже и приноситъ больше пользы ее владѣльцу, чѣмъ наша квадратная верста въ любомъ нашемъ пустынномъ захолустьѣ... И возможность чего-нибудь новаго въ родѣ новыхъ политическихъ порядковъ въ этомъ огромномъ царствѣ голодныхъ мужиковъ разныхъ національностей,—

здѣсь весьма подъ сомнѣніемъ и вызываетъ пока только вопросы и изумленіе: какъ все это у насъ, молъ, возможно. Очень хорошо увидали изъ хода этой войны, что мы попрежнему ни для кого не страшны? Коллосъ на глиняныхъ ногахъ невѣжества и нищеты, а пораженіе наше на войнѣ можетъ быть неожиданностью развѣ для слѣпой нашей военной и штатской бюрократіи: здѣсь это никого, повидимому, не удивляетъ, такъ какъ люди привыкли здѣсь давно къ неизбѣжности однихъ и тѣхъ же послѣдствій отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ... А если въ императорской Франціи этихъ причинъ было достаточно много для неизбѣжности разгрома со стороны нѣмцевъ, то во сколько же ихъ больше въ . . . . Россіи, не имѣющей за собою даже запаса историческихъ уроковъ, какіе имѣла уже въ достаточномъ количествѣ Франція при Наполеонѣ III. Почему мы такъ увѣрены, что мы до чего-то доросли,—ей Богу не понимаю. Ничего-то у насъ нѣтъ за душой: ни настоящей исторіи, ни настоящихъ людей»...

А вотъ одно изъ заключительныхъ уже позднѣйшихъ писемъ, датированное 20 января 1906 г. (Соболевскій рѣдко помѣчалъ письма, почему точное опредѣленіе ихъ иногда представляетъ значительное затрудненіе).

«... Газету читаю съ удовольствіемъ...

«Повидимому «свобода печати» исчезла, какъ сонъ. А давно ли, кажется, все это было наяву? Иностранныя газеты думаютъ, что вышло недоразумѣніе и что русскіе не такъ поняли «свободу», какъ ее понимать нужно, и что Витте и Дурново это также поняли и все очень хорошо знаютъ и сдѣлаютъ все какъ нельзя лучше и что не позволятъ русскимъ сдѣлаться поголовно анархистами и что съ ними другимъ народамъ можно будетъ дѣло имѣть и даже деньги имъ въ долгъ давать за хорошіе проценты. Ну, и отлично»...

Приведенныя письма показываютъ, что, несмотря на всѣ тяжелыя обстоятельства, иногда приводившія въ отчаяніе честнаго русскаго гражданина и писателя, В. М. Соболевскій все же чувствовалъ глубокое удовлетвореніе отъ изданія газеты, которая заняла въ русскомъ обществѣ мѣсто свободной, общественной «каѳедры политической мысли и гражданственности», какъ выражается одинъ изъ читателей «Русскихъ Вѣдомостей» въ анкетѣ, выдержки изъ которой напечатаны въ статьѣ Н. М. Іорданскаго въ томъ же юбилейномъ сборникѣ. И онъ по праву могъ гордиться дѣломъ, въ которое имъ и его товарищами было вложено столько души, мысли и энергіи. Читатель цѣнилъ это. Газету преслѣдовало не только цензурное вѣдомство, но и все другое разнообразное начальство. На мѣстахъ запрещалось выписывать «Русскія Вѣдомости», учителей, фельдшерицъ и т. д., прогоняли со службы за то, что они получали оппозиціонную газету (примѣры смотри въ анкетѣ), отбирали при обыскѣ и т. д. Однимъ словомъ, было время, когда выписывать газету для лицъ подначальныхъ было своего рода гражданскимъ подвигомъ. Одинъ изъ читателей разсказываетъ, между прочимъ, маленькій эпизодъ, дѣлающій яркій штрихъ въ характеристикѣ «Русскихъ Вѣдомостей».

«Въ 1879 г. во время производства у меня жандармскаго обыска, товарищъ прокурора самарскаго окружнаго суда, увидавъ на этажеркѣ кучу №№ «Русск. Вѣд.», спросилъ: «Это вы выписываете «Русск. Вѣд.»?» — «Да,

я». — «Ага!» Производившій обыскъ жандармскій офицеръ спросилъ: «Вѣдь это, кажется, газета довольно благонамѣренная?» — «Конечно, — отвѣтилъ товарищъ прокурора,—*благонамѣренная; но только обратили ли вы вниманіе, что гдѣ бы мы ни производили съ вами обыскъ, непремѣнно находили «Русск. Вѣд.». Это, батюшка, тихій омутъ, гдѣ черти-то и водятся»*.

И, тѣмъ не менѣе, «Р. В.» выписывались, читались и комментировались въ кружкахъ молодежи. Они воспитывали поколѣнія русскихъ гражданъ въ сознаніи долга общественнаго служенія. И при всей своей «умѣренности» газета сыграла огромную роль въ исторіи именно освободительнаго движенія уже нашихъ дней. Между газетой и читателемъ устанавливается то единеніе, которое служитъ залогомъ успѣха общаго дѣла, достиженія той задачи, которая была поставлена на Гейдельбергскомъ интимномъ «съѣздѣ» 1873 г. нѣсколькихъ сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей» (см. выше статью: «50 лѣтъ «Р. В.»). Чтобы реально представить себѣ это единеніе между читателемъ и газетой, приведемъ одно небольшое письмо подписчицы «Р. В.», 10 марта 1905 года, къ В. Ю. Скалону:

«Можетъ показаться, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, но за послѣднее время такъ много было впечатлѣній въ одномъ направленіи, что я считаю нравственнымъ долгомъ о нихъ разсказать...

Я живу круглый годъ подъ Москвой, такъ что приходится видѣть много разнообразнаго народа — крестьянъ, фабричныхъ, etc. Очень много приходится ѣздить по деревнямъ разныхъ губерній по моему дѣлу — собиранію пѣсенъ. Безъ преувеличенія могу сказать, что вездѣ на первомъ планѣ — *земельный вопросъ*. Конечно, важно и многое другое, и это сознается, но передъ земельнымъ вопросомъ блѣднѣетъ все. Его безобразная постановка представляется въ разныхъ видахъ: напр., въ Новг. губ. вся лучшая земля, лѣса принадл. удѣльн. вѣд., а болото и камень, вмѣсто пашни, крестьянамъ, хотя надѣлъ часто большой — 5 дес. на душу. Тутъ прямо *не по силамъ* обработка земли, и всѣ бѣгутъ изъ деревни. Въ Полтавск. и вообще въ черноземной полосѣ огромныя частныя и удѣльныя помѣстья — въ 600 дес. помѣстье считается мелкимъ, много въ 2, 3, 5 тыс. дес. — доводятъ крестьянъ, кот. «куренка выгнать некуда», до ярости. Первое слово крестьянина при задушевномъ разговорѣ «земля» и связанныя съ нею страданія.

Мое глубокое убѣжденіе, что въ Россіи наибольшее вліяніе будетъ имѣть та партія, которая развяжетъ этотъ Гордіевъ узелъ. Народъ въ газетахъ ищетъ рѣшенія земельнаго вопроса и дажа подлый фельетонъ вчерашняго вечерняго Новаго Времени «Свобода» читается взасосъ. Вѣдь этотъ вопросъ и для фабричныхъ рабочихъ, связанныхъ съ землей, имѣетъ огромное значеніе.

Такъ вотъ я къ чему веду: необходимо «Русск. Вѣд.» открыть у себя особый отдѣлъ о земел. вопросѣ и употребить всѣ усилія, чтобы выяснить всю его важность и пониманіе интеллигенціей этой важности. А то вонъ въ Харьковѣ вся интеллигенція дрожитъ за себя и еще болѣе этимъ отдѣляется отъ народа. Вѣдь, дѣйствительно, единственное возможное рѣшеніе вопроса — это, чтобы земля принадлежала тому, кто ее обрабатываетъ своими руками, поливаетъ своимъ потомъ и кровью, и чтобы мирнымъ путемъ экспропріировался тотъ, кто лежитъ, какъ собака на сѣнѣ. Интересно бы въ «Русск. Вѣд.» разъяснить постепенно, какія есть различныя рѣшенія вопроса — вѣдь разрѣшены же статьи въ родѣ Генри Джорджа и др. У васъ есть такіе знатоки по этому вопросу: А. А. Мануиловъ, Н. А. Каблуковъ и многіе другіе! Я глубоко убѣждена, что откладывать разработку этого вопроса было бы *вредно*, въ особенности благодаря нелѣпымъ легендамъ, распускаемымъ злыми людьми о стремленіи интеллигенціи вернуть крѣпостное право! Удивительная дичь!

«Русск. Вѣд.» очень читаются, говорятъ, «онѣ не врутъ, какъ другія, правильная газета». Только бы нужно стремиться къ простотѣ языка. Ну, простите за правду».

На почвѣ этого единенія «читателей съ газетой» въ мѣстныхъ земскихъ кругахъ въ г. Кинешмѣ возникла даже мысль въ 1900 гг. издавать въ Москвѣ особый ««Кинешемскій Листокъ Русскихъ Вѣдомостей». Предлагая такой проектъ, одинъ изъ мѣстныхъ земцевъ указываетъ В. Ю. Скалону на возможность изданія «дешовой

газеты, воспитывающей въ читателяхъ пониманіе общественныхъ задачъ», мотивируя это «предстоящей реорганизаціей земства и введеніемъ мелкой земской единицы». Проектъ изданія не осуществился, но онъ настолько любопытенъ въ исторіи русской журналистики и въ частности для «Русскихъ Вѣдомостей», что приведемъ его здѣсь цѣликомъ:

I. Издатели газеты «Русскія Вѣдомости» по соглашенію съ группой Кинешемскихъ подписчиковъ издаютъ въ Москвѣ «Кинешемскій Листокъ Русскихъ Вѣдомостей».

II. Листокъ выходитъ ежедневно въ размѣрѣ «Костромского Листка». Общая часть его заполняется исключительно матеріаломъ, появляющимся въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» того же дня.

Мѣстный отдѣлъ заполняется сообщеніями, относящимися къ жизни Кинешмы, верхняго поволжья и Кинешемско-Ивановскаго фабричнаго района.

Мѣстный отдѣлъ строго сохраняетъ направленіе всей газеты и заполняется преимущественно явленіями земской и городской жизни, свѣдѣніями о дѣятельности обществъ, вопросами народнаго образованія и народнаго здравія.

III. Редакторъ мѣстнаго отдѣла, проживая въ Кинешмѣ, получаетъ и оцѣниваетъ сообщенія, слѣдитъ за мѣстной жизнью и отсылаетъ накопленные матеріалы въ Московскую редакцію. Этимъ путемъ обезпечивается полнота мѣстнаго отдѣла и солидность сообщеній, проходящихъ черезъ руки знакомаго съ мѣстною жизнью редактора.

IV. Денежная сторона дѣла обставляется слѣдующимъ образомъ: издатели «Русскихъ Вѣдомостей» по соображеніи расходовъ изданія и нормальной стоимости листка сообщаютъ Кинешемской группѣ подписчиковъ, при какомъ числѣ выпусковъ они считаютъ возможнымъ предпринять изданіе.

Получивъ это сообщеніе, группа подписчиковъ увѣдомляетъ издателей, можно ли разсчитывать на желаемое число выпусковъ.

Въ случаѣ благопріятнаго отвѣта группа подписчиковъ принимаетъ на себя гарантію предположенной распространенности листка, подпиской на все указанное количество экземпляровъ. Недостающее число подписокъ является убыткомъ группы, а излишнее число — ея доходомъ. За печатаніе излишнихъ оттисковъ или непечатаніи части условленныхъ скидывается съ гарантированной суммы или накидывается на нее по дѣйствительной стоимости печатанія.

Такое условіе заключается только въ томъ случаѣ, если издатели «Русскихъ Вѣдомостей» не пожелаютъ вести «Кинешемскій Листокъ» за свой собственный рискъ.

Въ 1905 г. это «единеніе», какъ мы указывали, нѣсколько разстроилось. «Русскія Вѣдомости» нѣсколько разошлись со значительной частью русской интеллигенціи, столь близко примыкавшей къ старымъ «Русскимъ Вѣдомостямъ». Причина этого расхожденія, конечно, заключалась не только въ томъ, что «нѣкоторые изъ былыхъ друзей — людей иного политическаго темперамента пошли иной дорогой». Причины эти были и болѣе сложны и болѣе глубоки. Расхожденіе стало замѣчаться и въ преддверіи 1905 года, еще въ то время, когда, смѣло можно сказать, идейное расхожденіе не кристаллизировалось. Повторялось то, что почти всегда бываетъ при смѣнѣ общественныхъ настроеній. Выступаютъ новыя поколѣнія, не пережившія всѣхъ мучительныхъ перипетій стараго режима, бодро смотрящія впередъ съ слишкомъ радужными надеждами на открывающіяся перспективы. Дѣтямъ иногда отцы только кажутся устарѣвшими. Такъ было въ свое время въ періодъ общественнаго пробужденія «эпохи великихъ реформъ» между Герценомъ и Чернышевскимъ. Ихъ сердца бились одинаково, ихъ мысли звучали однотонно и, тѣмъ не менѣе, они по роковому недоразумѣнію разошлись, и Герценъ казался Чернышевскому «отсталымъ». Такъ было отчасти и съ «Русскими Вѣдомостями». Начинавшійся общественный подъемъ требовалъ отъ га-

зеты, выдержавшей такой тяжелый гнетъ долгой жизненной борьбы, иногда непосильныя жертвы,—жертвы въ то еще время, пожалуй, только вредныя. Я лично хорошо помню начало банкетной эры въ Москвѣ, когда на первомъ банкетѣ, въ ноябрѣ 1904 г. по поводу сороколѣтія судебныхъ установленій, собраніе въ значительномъ своемъ большинствѣ, можно сказать, требовало отъ присутствовавшихъ редакторовъ напечатанія на слѣдующій день резолюціи банкета. Общественное мнѣніе не считалось съ дѣйствительными обстоятельствами. И легко себѣ представить, какіе трудные моменты должны были переживать старые руководители газеты, подвижнически боровшіеся за свободу слова. А каковы были тогда дѣйствительныя обстоятельства могутъ показать всѣ тѣ же запретительные циркуляры, о которыхъ, конечно, общественное мнѣніе и не знало. Повѣяло весной, и нахлынувшая общественная волна вызываетъ цѣлый рядъ циркуляровъ, открывшійся циркуляромъ 6 ноября 1904 г., который предписывалъ газетамъ не возбуждать никакихъ вопросовъ о народномъ представительствѣ; черезъ мѣсяцъ (3 декабря)—новый циркуляръ, предписывающій не печатать отчетовъ, сообщеній, статей какихъ-либо, касающихся измѣненія нашего государственнаго строя, адресовъ, постановленій, заявленій и рѣчей, имѣвшихъ мѣсто въ земскихъ, городскихъ или сословныхъ собраніяхъ, а равно въ собраніяхъ ученыхъ и иныхъ обществъ, частныхъ лицъ (т. н. банкетахъ) и т. п. Отмѣтимъ заодно, что длинная цѣпь запретительныхъ циркуляровъ тянется и черезъ весь 1905 г.

Циркуляръ 23 февраля запрещаетъ говорить о съѣздѣ земскихъ дѣятелей, о съѣздѣ присяжныхъ повѣренныхъ въ Петербургѣ (29 марта), о съѣздѣ представителей биржевыхъ комитетовъ; циркуляръ 6 апрѣля запрещаетъ перепечатывать изъ «Новостей» «Программы союза освобожденія», изъ той же газеты проектъ учрежденія Государственной Думы и не оглашать по этому поводу ничего изъ дѣлъ совѣта министровъ (23 іюня) и т. д. 9 іюня 1905 г. мы встрѣчаемся съ чрезвычайно характерной попыткой со стороны бюрократіи замолчать извѣстное явленіе,—попыткой, произведенной почти наканунѣ 17 октября.

Циркуляръ 9 іюня указываетъ, что нѣкоторыя газеты допустили совершенно произвольные выводы о заключающихся будто бы въ словахъ Государя (произнесенныхъ при пріемѣ 6 іюня земскихъ и городскихъ дѣятелей) указаніяхъ на расширеніе Высочайшаго Рескрипта отъ 18 февраля на имя министра внутреннихъ дѣлъ въ смыслѣ созыва народныхъ представителей на началахъ, существующихъ въ конституціонныхъ государствахъ Западной Европы, когда какъ въ этихъ словахъ Государя совершенно ясно выражено лишь, что предуказанный созывъ выборныхъ людей ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ, и не содержится рѣшительно ни малѣйшихъ указаній на возможность какихъ-либо измѣненій въ основныхъ законахъ Имперіи. Циркуляръ воспрещаетъ «оглашеніе въ печати всякаго рода произвольныхъ выводовъ и толкованій, не вытекающихъ изъ прямого и яснаго смысла словъ Государя».

Въ сущности подобные циркуляры въ 1905 г. являются уже слишкомъ запоздавшими, они идутъ, такъ сказать, въ хвостѣ общественнаго движенія. Приходится запрещать уже сообщенія не о рѣчахъ по поводу необходимыхъ измѣненій въ государственномъ строѣ, а о стачкахъ, уличныхъ безпорядкахъ (28 ноября 1904 г., 8, 12 января 1905 г., 3 мая и т. д.). Между прочимъ, запрещается сообщать о докладѣ присяжныхъ повѣренныхъ по поводу событій 9 и 11 января.

Но если это такъ было для 1905 года, то совсѣмъ иное положеніе было въ 1904 г. «Смѣлость» для газеты подчасъ должна была

явиться самопожертвованіемъ. И трудно было требовать самопожертвованія отъ тѣхъ, которые, какъ мы видѣли изъ писемъ В. М. Соболевскаго, не очень еще довѣряли весеннимъ прелюдіямъ. И при всемъ томъ, когда надо было рисковать, «Русскія Вѣдомости» рисковали. 14 октября 1904 года появилась знаменитая передовая статья «Р. В.», гдѣ *впервые* въ легальной прессѣ было высказано требованіе созыва народныхъ представителей. «Статья эта произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе и не должна быть забыта въ исторіи нашей русской общественности», пишетъ въ анкетѣ одинъ изъ читателей «Р. В.». Статья эта была написана Василіемъ Юрьевичемъ Скалономъ. Я помню, какимъ торжественнымъ моментомъ явилось въ самой редакціи помѣщеніе этой статьи, я помню какъ мы, сотрудники «Русскихъ Вѣдомостей», собравшись на лѣстницѣ, встрѣтили долгими аплодисментами появившагося въ обычные часы Василія Юрьевича...

И въ дальнѣйшемъ были моменты, когда «Р. В.» съ рискомъ для себя выступали открыто съ своими заявленіями, когда они считали это необходимымъ. 7 іюля 1905 г. «Р. В.» получили новое предостереженіе за «вредное направленіе», выразившееся въ напечатаніи статьи «къ вопросу объ организаціи будущаго представительства». Это былъ проектъ «Основного закона Россійской Имперіи», въ главныхъ положеніяхъ выработанный однимъ изъ кружковъ «Союза освобожденія», а затѣмъ значительно переработанный комиссіей іюльскаго «земскаго съѣзда», и окончательно редактированный С. А. Муромцевымъ,—однимъ изъ ближайшихъ друзей В. Ю. Скалона [1]).

И, тѣмъ не менѣе, «Русскія Вѣдомости» упрекали въ осторожности. «И вашу газету, несмотря на ея старческую легендарную осторожность, пробрали совершающіяся мерзости», пишетъ, напр., Скалону 7 октября 1904 г. одинъ изъ видныхъ земцевъ. Но какъ тяжело переживалась подчасъ эта осторожность, диктуемая опасеніями, долгимъ печальнымъ опытомъ, показываетъ приводимое ниже замѣчательное письмо В. М. Соболевскаго (1 декабря 1904 г.).

..Вижу, что «Русскія Вѣдомости» сдѣлали непоправимую ошибку, чтобы не сказать болѣе: сегодня въ «Русской Правдѣ» напечатано заявленіе 65 гласныхъ и постановленіе думы [2]). То же должны были сдѣлать и мы, и вчера слѣдовало пригласить по этому поводу наличныхъ товарищей и сообща рѣшить дѣло. Пройдетъ ли это для «Русской Правды» безнаказанно или нѣтъ—вопросъ второстепенный. Нужно подумать, чѣмъ можемъ мы, хотя бы и съ нѣкоторымъ рискомъ для газеты, хоть отчасти возстановить ея репутацію въ глазахъ общества и читателей. Думаю, что сегодня губернаторъ пришлетъ разрѣшенныя гранки. Но если этого и не будетъ, мы должны, по моему мнѣнію, не только напечатать заявленіе и постановленіе думы цѣликомъ и не «петитомъ», а на первомъ мѣстѣ, сопроводивъ его редакціонной статьей. Можно бы сдѣлать это, включивъ «заявленіе» и постановленіе думы въ передовую статью, при чемъ отмѣтить важное значеніе такого акта именно со стороны *мо-*

---

[1]) Проектъ этотъ былъ напечатанъ въ № 180 «Р. В.» за 1905 г., въ настоящее время перепечатанъ въ только что вышедшей вторымъ изданіемъ книгѣ И. П. Бѣлоконскаго «Земское движеніе» и въ юбилейномъ изданіи «Русск. Вѣд.».

[2]) Заявленіе касалось вопроса о свободахъ и народномъ представительствѣ.

сковской думы и т. д. Можно указать, что этимъ открывается и указывается способъ дѣйствій другихъ общественныхъ собраній, думъ, сословныхъ собраній и т. д.

Что-нибудь въ этомъ родѣ намъ написать безусловно необходимо, чтобы хоть сколько-нибудь поддержать престижъ газеты въ глазахъ публики и читателей.

Я совсѣмъ боленъ и въ такой мѣрѣ разстроенъ, что не могу выйти изъ дома и едва ли буду въ редакціи. Что касается лично меня, я думаю, что оставаться далѣе отвѣтственнымъ лицомъ по веденіи газеты при теперешнихъ общихъ условіяхъ и въ частности тѣхъ особенныхъ условій, при которыхъ издаются «Русскія Вѣдомости»—невозможно. Прятаться за другихъ, за интересы многихъ участниковъ по изданію было бы столь же недостойно, какъ и выставлять ради этихъ интересовъ на позоръ свое имя. И въ данномъ случаѣ я не успокаиваю свою возмущенную совѣсть ссылками на другихъ. Въ томъ, что произошло, я виню только себя,—виню за то, что не настаивалъ вчера на напечатаніи нашего отчета о думскомъ засѣданіи, и думаю, что сдѣлалъ непоправимый для себя ложный шагъ, обязывающій меня отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ газетѣ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ днемъ положеніе ея будетъ становиться все болѣе труднымъ, а вопросъ о совмѣщеніи «осторожности» съ достоинствомъ газеты все болѣе неразрѣшимъ.

Глубоко убѣжденъ, что никто изъ товарищей не потребуетъ отъ меня пожертвованія единственнымъ для каждаго изъ насъ дорогимъ достояніемъ—добрымъ именемъ и никто изъ насъ не поставитъ его на карту ради благъ земныхъ»...

И Соболевскій былъ правъ—товарищи, «ради благъ земныхъ», не забывали о долгѣ. Онъ находилъ скорѣе прямую поддержку. Въ архивѣ Скалона сохранилось характерное письмо одного изъ старыхъ сочленовъ и редакторовъ газеты П. И. Бларамберга, который съ явнымъ преувеличеніемъ «осторожности» газеты въ такихъ выраженіяхъ, между прочимъ, побуждаетъ товарищей къ болѣе смѣлымъ выступленіямъ въ позднѣйшее время (11 марта 1906 г.).

...«Да, грѣха нечего таить, сказывается старчество и со столбцовъ «Русск. Вѣд.» вѣетъ холодомъ и чопорностью, какъ со страницъ академическаго журнала «Вѣстн. Европы». По существу наши статьи и содержательны и солидны, но тонъ ихъ убійственно олимпійскій, какой-то безучастный, словно идетъ дѣло не о Россіи и россійскихъ ужасахъ, а о какой-то далекой Кахинхинѣ или Сандвичевыхъ островахъ. Надо поднять тонъ. Время теперь безусловно боевое, ну, значитъ, и тонъ долженъ быть боевой—иначе намъ смерть. Или намъ суждено рука объ руку сойти со сцены вмѣстѣ со старымъ режимомъ?»...

И какую бы позицію не занимали «Русскія Вѣдомости» въ бурные годы общественнаго возбужденія, къ чести ихъ надо сказать, что они не послѣдовали примѣру тѣхъ своихъ собратій, которые въ декабрѣ 1905 года заявляли себя радикальными выходками, а въ январѣ 1906 г. или измѣняли позицію или въ дѣйствительности заговорили о «джутовыхъ мѣшкахъ».... И это не прощено было «Русскимъ Вѣдомостямъ»... Но еще въ концѣ 1905 г. «Р. В.» должны были пережить трудный моментъ.

«22-го декабря 1905 года московскій генералъ-губернаторъ, адм. Дубасовъ, распорядился послать сильный полицейскій нарядъ въ редакцію и контору «Русскихъ Вѣдомостей», заарестовалъ крупную сумму денегъ, находившихся въ распоряженіи конторы, и пріостановилъ изданіе «Русскихъ Вѣдомостей» на все время дѣйствія въ Москвѣ чрезвычайной охраны. Другими словами, — говоритъ историкъ газеты, — газета была прекращена *навсегда*, потому что чрезвычайная охрана продержалась въ Москвѣ 2½ года,— срокъ, совершенно достаточный для того, чтобы самая сильная газета не была въ состояніи воскреснуть. Къ счастью, летаргія продолжалась лишь нѣсколько дней. Скорый на рѣшенія адмиралъ убѣдился, что вина за московское возстаніе не можетъ быть возложена на «Русскія Вѣдомости», и разрѣшилъ выходъ газеты».

М. Я. Герценштейнъ и Г. Б. Іоллосъ гимназистами.

Д. Н. Анучинъ въ своихъ воспоминаніяхъ подробно касается этого инцидента. Только заступничество тогдашняго предводителя дворянства кн. П. Н. Трубецкого спасло «Русскія Вѣдомости». Дубасовъ узналъ, что «Р. В.» издаются давно и что направленіе ихъ «хоть и либеральное, но приличное» и разрѣшилъ дальнѣйшій выпускъ газеты. Однако изъ конфискованныхъ денегъ, состоящихъ изъ различныхъ пожертвованій, 8000 р. не были возвращены...

«Русскія Вѣдомости», запечатлѣвшія въ дальнѣйшемъ кровью своихъ сочленовъ М. Я. Герценштейна и Г. Б. Іоллоса и тюремнымъ заключеніемъ, погубившимъ В. Е. Якушкина, свою связь съ русскимъ обществомъ и съ выразительницей ея надеждъ первой Государственной Думой, вписали тѣмъ самымъ себя лишній разъ въ скорбныя страницы лѣтописи русскаго прошлаго.

С. Мельгуновъ

Одна малоизвѣстная русская политическая карикатура.

Карикатура въ Россіи, благодаря нашимъ цензурнымъ условіямъ, совершенно не получила правъ гражданства, и лишь временами, по переходящимъ причинамъ, немного оживала. Отъ XVIII ст. не осталось ни одного карикатурнаго рисунка, кромѣ старыхъ лубочныхъ сюжетовъ. Въ началѣ XIX ст. была сдѣлана художникомъ Венеціановымъ попытка издавать «Журналъ карикатуръ на 1808 г.», но на первомъ же №, по личному приказанію Александра I, онъ былъ прекращенъ. Во время Отечественной войны, 1812—14 гг., появилась масса карикатуръ Теребенева, Венеціанова, Иванова, но всѣ они, хотя и интересны съ исторической стороны, но очень однообразны въ своемъ узко-націоналистическомъ осмѣиваніи Наполеона и французовъ.

Затѣмъ слѣдуетъ опять большой перерывъ до 40 гг., когда, кромѣ лубочныхъ перепечатокъ французскихъ карикатуръ московскаго издателя В. Логинова, появился въ 1846 г. чисто карикатурный журналъ «Ералашъ», издававшійся художникомъ Неваховичемъ и состоявшій исключительно изъ его собственныхъ рисунковъ, очень художественно исполненныхъ, но безъ всякаго текста. Этотъ крайне интересный и мало извѣстный журналъ, издававшійся въ теченіе 4 лѣтъ (1846—1849 гг.), весь наполненъ очень характерными портретами - карикатурами на всѣхъ извѣстныхъ петербургскихъ общественныхъ дѣятелей, литераторовъ, художниковъ, представителей бо- и деми - монда и т. д., но, къ сожалѣнію, очень многіе изъ изображенныхъ лицъ теперь не могутъ быть узнаны и опредѣлены, и ждутъ своего изслѣдователя.

Періодъ Крымской кампаніи 1853—55 г. вызвалъ опять массу націоналистическихъ карикатуръ на союзниковъ, Наполеона III, Непира и пр., сборники Невскаго—«Зеркало для англичанъ», Анненскаго, Степанова и другихъ, но опять-таки большая часть изъ нихъ очень однообразны и скучны.

Эпоха реформъ 1855—66 гг. ознаменовалась, съ уменьшеніемъ цензурныхъ строгостей и придирокъ, появленіемъ настоящихъ «обличительно-карикатурныхъ» журналовъ, сыгравшихъ немалую роль въ исторіи общественнаго движенія 60 гг.

Въ 1859 г. стала выходить знаменитая «Искра», въ 1862 г.—«Гудокъ», «Арлекинъ» и др. мелкіе журналы, всѣ очень недолговѣчные, въ 1863 г.—журналъ «Заноза», издававшійся поэтомъ М. Розенгеймомъ и, несмотря на упрочившуюся репутацію «Искры», пріобрѣвшій сразу до 5.000 подписчиковъ.

Но почти одновременно съ появленіемъ сатирическихъ журналовъ, начались и цензурныя репрессіи противъ нихъ: такъ, уже въ 1862 г.

одинъ изъ самыхъ интересныхъ отдѣловъ «Искры»—«Намъ пишутъ», содержащій сообщенія о жизни и дѣятельности въ провинціи—былъ

закрытъ цензурой. «Заноза» съ самаго перваго № стала подвергаться гоненію со стороны цензуры: предполагавшаяся въ приложеніе № I

«Карта Европы», пропущенная сначала, была конфискована, хотя ничего не представляла особо опаснаго: на ней изображены руководители иностранной политики въ видѣ характерныхъ типовъ: такъ, на Англіи—Пальмерстонъ съ надписью—«Собакевичъ», на Франціи—Наполеонъ III—«Загорѣцкій», на Пруссіи—военный генералъ—«Скалозубъ», на Россіи—кн. Горчаковъ, съ подписью—«Молчалинъ».

Выпущенная при № 9 за 1863 г. карикатура на всѣхъ тогдашнихъ публицистовъ, редакторовъ и издателей газетъ и журналовъ, и цензурный комитетъ, съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ во главѣ, такъ называемой «Це — дурный концертъ»,—прекрасные портреты—карикатуры, тоже были конфискованы, хотя съ опозданіемъ, такъ что большое количество успѣло разойтись по рукамъ. Послѣ этого придирки еще усилились, даже заставили съ № 10 снять прежнюю виньетку съ заглавнаго листа, вполнѣ безобидную, съ портретомъ Гоголя (очень плохимъ) и поклоненіемъ золотому тѣльцу, въ чемъ увидѣли чуть не оскорбленіе Величества.

Окончательно погубила «Занозу» карикатура, предназначавшаяся въ приложеніи къ № 4 1864 г.—«Разнохарактерные танцы», изображавшіе тогдашнихъ министровъ и государственныхъ людей въ очень смѣшномъ видѣ. Снимокъ съ этого очень рѣдкаго листка приложенъ при этомъ № журнала, онъ былъ такъ тщательно конфискованъ, что даже Лемке, когда писалъ свои «Очерки по исторіи русской цензуры», не могъ найти ни одного экземпляра для описанія и ограничивается ссылкой на статью о Розенгеймѣ въ «Русской Старинѣ» 1887 г., гдѣ описаніе этой карикатуры тоже, очевидно, сокращено цензурой.

На приложенномъ снимкѣ изображены: въ первой парѣ—«Полонезъ»—вице-канцлеръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ; его дама—или министръ императорскаго двора, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, или канцлеръ, графъ Нессельроде. Во второй парѣ—«Мазурка»—знаменитый виленскій генералъ-губернаторъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, и за даму—намѣстникъ Царства Польскаго, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ. Кто изображенъ въ слѣдующей, третьей парѣ—«Вальсъ»—несмотря на крайне характерныя лица, опредѣлить не удалось; надѣемся, что кто-либо изъ читателей «Голоса Минувшаго» узнаетъ изображенныхъ лицъ и сообщитъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №№.

Внизу въ первой парѣ—«Кадриль французская»—министръ финансовъ, статсъ-секретарь Михаилъ Христофоровичъ, откалываетъ легкій канканъ передъ дамой — графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ бывшимъ впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія. Въ слѣдующемъ медальонѣ—«Трепакъ»—въ присядку пляшетъ министръ юстиціи, Дмитрій Николаевичъ Замятинъ, передъ женщиной—Россіей, которая говоритъ ему—«Прочь, прочь отойди». Наконецъ послѣдній медальонъ изображаетъ министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря Петра Александровича Валуева, расшаркавшагося въ «Лансье» передъ дамой,—государственнымъ контролеромъ, Валеріаномъ Алексѣевичемъ Татариновымъ. Послѣ попытки выпустить эту карикатуру репрессіи противъ «Занозы» были еще усилены; предписано было всѣ рисунки представлять окончательно законченными, и затѣмъ непропущенные статьи и рисунки не возвращать, а сразу же уничтожать. Издатель «Занозы», Розенгеймъ, увидавъ, что при такихъ условіяхъ нечего разсчитывать на успѣшное веденіе сатирическо-карикатурнаго журнала, передалъ изданіе Арсеньеву, у котораго оно вскорѣ совсѣмъ прекратилось.

Н. Оболъяниновъ.

1794 годъ.

Владислава Реймонта.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПОСЛѢДНІЙ СЕЙМЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

Историческая повѣсть, переводъ *Евг Загорскаго*, единственный разрѣшенный авторомъ.

ГЛАВА III.

Поднялся радостный визгъ и лай собачонокъ, и пара бѣлыхъ ручекъ протянулась къ нему съ привѣтомъ.

— Панъ Северъ! Наконецъ-то! Ну, ну! — кричала прелестная блондинка.

— Вашъ покорный слуга, — отвѣтилъ онъ, стараясь быть непринужденнымъ и любезнымъ. — А вы всегда, какъ ранняя зорька, панна Тереня!

Но панна Тереня схватила на руки собачку, отступила нѣсколько шаговъ и, окинувъ его сверкающимъ взоромъ, стала серьезно журить:

— Такова ваша субординація? Только сегодня являетесь къ начальству? Приходится посылать за вами нарочныхъ! Вамъ пріятнѣе проводить время Богъ знаетъ съ кѣмъ, чѣмъ съ нами? Иза вамъ за это еще задастъ!

Заремба улыбнулся такъ грустно, что дѣвушка вдругъ забезпокоилась.

— А, можетъ-быть, вы больны? — тихо спросила она. — Правда, вы такой блѣдный и худой? Что съ вами? — Она приподнялась на цыпочки и заглянула ему въ глаза.

— Я здоровъ, благодарю васъ. Пани камергерша дома? — холодно произнесъ онъ, едва скрывая нетерпѣніе.

Панна Тереня, обиженная его тономъ, гордо взглянула въ отвѣтъ.

— Прошу садиться. Камергерша сейчасъ выйдетъ.

Церемоннымъ жестомъ она указала на стулъ и, прижимая къ груди ворчавшую собачку, нахмуренная подошла къ окну. Но эта гримаса недовольства на розовомъ съ ямочками личикѣ, затаившемъ улыбку и веселье, дѣлала ее еще прелестнѣе.

Головка съ золотыми локонами, перевязанными голубой лентой, большіе голубые глаза съ золотистыми рѣсницами, короткій носикъ съ розовыми ноздрями, блестящіе зубки, малиновыя губы, точеная бѣлая шея, кружевная шаль на плечахъ, скрѣпленная подъ грудью коралловой брошкой, короткое свѣтлое платьице съ голубыми полосками, бѣлые, шитые гладью чулочки, бѣлыя туфельки съ раскрашенными на нихъ маргаритками,— все это дѣлало ее похожей на саксонскую фарфоровую куколку. Къ тому же она была подвижна, какъ бѣлка, весела и смѣшлива. И теперь, хоть и была обижена на него, но корчила такія гримасы, что онъ не могъ не заговорить.

— За что же я въ такой немилости?

Она расхохоталась и, подбѣжавъ къ нему, заговорила горячо:

— Потому что вы совсѣмъ не думаете ни обо мнѣ, ни объ Изѣ, ни о полковникѣ, ни о комъ!

— Я только что хотѣлъ васъ спросить, что новаго въ Козенцѣ?

— Новаго? У меня есть женихъ! — выпалила она, горячо цѣлуя своихъ собачекъ.

— А какой масти? — шутилъ онъ. — Помнится, вы раньше безумно любили вороныхъ, затѣмъ гнѣдыхъ, теперь, можетъ-быть, пришла очередь саврасыхъ?

— Богъ съ ними, съ лошадьми! Теперь я предпочитаю моего Мартина.

— Убей меня Богъ! если я знаю такую лошадь.

— Вы забываете даже друзей.

— Друзей? Неужели это Мартинъ Закшевскій? Да? Ну, въ такомъ случаѣ вы другъ другу подъ масть! Оба пестроголовые и хохлатые! — засмѣялся Заремба, но ему эта новость была не по вкусу. — Но если вы, панна Тереня, переходите въ гвардію, то вѣдь командованіе кэниговскими уланами перейдетъ къ паннѣ Кларцѣ? Каково должно быть отчаяніе поручиковъ! Гдѣ же въ настоящее время Мартинъ?

— Теперь онъ въ замкѣ при королѣ.

Это извѣстіе обрадовало его, и онъ шутя добавилъ:

— Поздравляю васъ съ повышеніемъ.

Онъ поднялся, чтобы выйти въ садъ.

Она преградила ему дорогу.

— Вы смѣетесь надо мной!

— Я очень радъ за васъ, — поспѣшилъ онъ отвѣтить и, чтобы успокоить ее, поцѣловалъ ей руку. — Только пригласите меня на свадьбу.

— Какъ же! Пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ!—вдругъ она стала жаловаться. — Подкоморій написалъ Мартину, что мы можемъ еще подождать!

— Конечно, можете! Такіе птенцы желторотые оба! Вамъ еще гувернеръ нуженъ.

— А мнѣ бы хотѣлось скорѣе уже жить въ Варшавѣ, — призналась она, сажая собачекъ на клавесинъ. — Мнѣ порядкомъ надоѣлъ Козенецъ и эти полковыя клячи, съ которыми я должна играть въ карты. Вѣдь я за послѣднюю зиму ни разу не танцовала! Ну, собачки, смѣлѣе, смѣлѣе! — хохотала она, колотя собачьими лапами по клавишамъ. — И только на Пасху, когда изъ Радома проходили гусары, наша мамзель, у которой тамъ былъ очень красивый кузенъ, уговорила папу устроить для нихъ балъ. Впрочемъ, изъ этого чуть было ничего не вышло, потому что бурмистръ не желалъ дать зала во дворцѣ.

— И хорошо сдѣлалъ, — рѣшительно заявилъ Заремба, открывая окно.

Изъ сада хлынула волна теплаго воздуха, запаха цвѣтовъ и радостнаго пѣнія птицъ.

— Но мамзель добилась своего. Панъ Стоковскій занялъ фабрику, приказалъ ее украсить елками, папа далъ оркестръ, и мы танцовали до утра.

— Съ гусарами? Ну ужъ кавалеры!

— Были вѣдь и всѣ наши. Папа приказалъ, и пришлось имъ явиться. Было очень весело. Одинъ только панъ Секлюцкій устроилъ гусарамъ скандалъ, за что и посидѣлъ на гауптвахтѣ. Подѣломъ ему, пусть не мѣшаетъ другимъ веселиться! Биби! Мими! — и она бросилась со смѣхомъ ловить собачекъ, которыя, вырвавшись у нея изъ рукъ, съ визгомъ прятались подъ диванъ.

Только при помощи Севера ей удалось извлечь ихъ оттуда.

— Мими лѣнтяйка, а Биби отвратительный проказникъ,— она сердилась на визжавшихъ собачекъ и покрывала ихъ въ то же время пламенными поцѣлуями. — Теперь вы бы не узнали Козенца. Оружія тамъ больше не дѣлаютъ, фабрики закрыты, фабрикантовъ разогнали на всѣ четыре стороны, даже кофейня Доротки

теперь не существуетъ. Нѣтъ больше баловъ, маевокъ, вечеринокъ, молодежи у насъ совсѣмъ не видно.

— Вѣроятно, молодые люди слишкомъ часто получали отказъ въ вашемъ домѣ.

— Ей-Богу, ни одинъ не сватался, — горячо отвѣтила она.— Совсѣмъ не то, они устроили клубъ, все время тамъ сидѣли, устраивали какія-то тайныя собранія, какія-то присяги, наконецъ на это обратили вниманіе папы, и папа долженъ былъ ихъ обуздать.

— Кто это такое? — перебилъ онъ ее, указывая въ садъ на какого-то господина въ бѣломъ кителѣ, съ открытой головой, гулявшаго по тѣнистой аллеѣ, испещренной солнечными бликами; онъ опирался на трость и ежеминутно отдыхалъ. Слѣдомъ за нимъ шелъ мальчикъ въ ливреѣ, неся красный пледъ.

— Камергеръ Рудскій. Вы развѣ не знаете мужа Изы?

— Прогуливается для укрѣпленія желудка? — Заремба разсматривалъ его съ любопытствомъ.

— Докторъ Лафонтенъ говоритъ, что камергеръ мнителенъ, но мнѣ кажется, что у него ножки разъѣзжаются въ стороны, какъ будто онъ потерялъ копытца. Я совѣтовала Изѣ, чтобы она велѣла его перековать, — она разразилась смѣхомъ.

— Не поможетъ. Копыта у него, кажется, содраны до живого мяса,—онъ засмѣялся съ какой-то горькой ироніей.—Много испытавшій господинъ!..

— Онъ еще служилъ «бѣлымъ ракомъ»! Папа разсказывалъ...— она захохотала, какъ безумная.

— Пережитокъ саксонской эпохи! Достопримѣчательный человѣкъ!

— Но я его обожаю. Добрый и такой снисходительный! Вотъ увидите.

— Навѣрно, онъ подливаетъ любовное зеліе, если такъ нравится дамамъ.

Панна Тереня поняла и шепнула очень серьезно:

— Вѣдь ее заставили. Она очень несчастна, очень!

Ему хотѣлось сказать что-то злое, но, взглянувъ на ея опечаленное личико, онъ удержался и только вздохнулъ.

— Иза васъ очень жалѣетъ. Я все знаю, — шепнула она таинственно.

Сердце Зарембы сжалось такой судорогой боли, что онъ вскочилъ съ мѣста и, ища шляпу, безсвязно бормоталъ:

— Я долженъ итти... Вы скажите, панна Тереня, что я ждалъ... приду завтра...

Тереня стояла испуганная, не понимая, что съ нимъ происходитъ.

Но въ это мгновенье въ залъ вошла Иза.

Они молча поздоровались, пронизывая другъ друга пытливыми взглядами.

Панна Тереня, дѣлая видъ, что собираетъ разбросанныя ноты, поглядывала на нихъ искоса и нетерпѣливо ждала какихъ-нибудь горячихъ словъ, взрыва чувствъ. Наконецъ, не выдержавъ, крикнула:

— Что же вы, въ молчанку играете?—и разсмѣялись.

Камергерша, взглянувъ на нее съ благодарностью, стала съ очаровательной улыбкой непринужденно говорить о разныхъ текущихъ дѣлахъ, ни однимъ словомъ не упоминая о балѣ. Она была сегодня красивѣе, чѣмъ когда-либо, она была невѣроятно хороша. Легкимъ облачкомъ скользилъ иногда румянецъ по ея щекамъ, порой каріе глаза загорались золотыми искрами, и неотразимымъ очарованіемъ дышали налитыя кровью губы. Она великолѣпно владѣла собой, ничѣмъ не проявляя, какъ дорого ей стоитъ это искусственное спокойствіе. Только изрѣдка, на одно мгновеніе глаза ея заволакивались дымкой и потухала улыбка. Она безсознательно подымалась съ мѣста, подходила къ клавесину, брала нѣсколько аккордовъ или выглядывала изъ окна въ садъ, но, увидѣвъ мужа, снова овладѣвала собой и продолжала непринужденно бесѣдовать.

Заремба былъ все время насторожѣ, какъ солдатъ на передовомъ посту. Онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ ея словомъ и движеніемъ, отвѣчая съ должной любезностью на ея вопросы, онъ пытался иногда даже острить съ воодушевленіемъ разсказывалъ о военныхъ приключеніяхъ, желая вызвать на ея губахъ улыбку, и, достигнувъ своей цѣли тайно торжествовалъ. Ни одно воспоминаніе не возмутило этой искусственной гармоніи, ни одинъ намекъ не сорвался съ горячихъ губъ. Въ душѣ его все пылало, какъ въ аду, но онъ держалъ себя съ ней такъ, какъ заранѣе рѣшилъ, — былъ сдержанъ и нѣсколько холоденъ.

Они бесѣдовали, какъ люди чуждые, почти безразличные другъ другу. Но ихъ утомляла эта пустая игра, и все чаще наступали минуты молчанія. Тогда изъ глазъ ея сверкали молніи, губы дрожали, какъ бы желая что-то сказать, изъ груди вырывался короткій, быстрый вздохъ, а онъ уже терялъ власть надъ собой, готовъ былъ упасть передъ ней на колѣни и, обезумѣвъ отъ душевной муки, схватить ее въ свои объятія.

Но знойные сны разсѣивались отъ вида собачки или голоса, доносившагося изъ сада, дѣйствительность, издѣваясь, заглядывала въ глаза, и снова начиналась вѣжливая бесѣда и французскія слова звучали складно, принужденно и галантно. Наконецъ панна Тереня, окончательно соскучившись, выпалила безъ всякаго стѣсненія:

— Сидятъ и изрекаютъ слова, какъ въ театрѣ! — И она стала передразнивать ихъ, дѣлая соотвѣтствующія гримасы: — Oui, madame! Non, monsieur! То улыбочка, то глазки, то вѣеромъ по-

машутъ, то ротикъ закроютъ и нѣжно поглядываютъ. Замѣчательно играете, но я вамъ хлопать не буду, мнѣ эта комедія уже наскучила. Биби! Мими! За мной! Побѣгаемъ за кошками въ саду! Ха, ха, ха! — расхохоталась она, видя, какъ они сконфузились.

Камергерша гнѣвно сдвинула брови, Северъ всталъ, взволнованный.

— Тереня, останься! Это настоящее enfant terrible!

— И мнѣ уже пора... Меня ждутъ... Да, можетъ-быть, и тебѣ мѣшаю...

— Еще минутку, прошу тебя! За мной должна пріѣхать графиня Камелли, мы ѣдемъ на обѣдъ къ послу. Онъ устраиваетъ обѣдъ для дамъ и епископовъ по случаю именинъ престолонаслѣдницы Маріи Ѳедоровны. У него бываютъ оригинальныя идеи!

— А вотъ какъ разъ въѣзжаетъ на мостъ экипажъ епископа Массальскаго,—закричала Тереня, высовываясь изъ окна, — и весь биткомъ набитъ цвѣтами.

— Везетъ Сиверсу. Это удивительно нѣжная и поэтическая натура. Онъ безумно любитъ пѣніе и цвѣты, въ особенности розы. И всѣ стараются ему въ этомъ угождать, у кого только есть какой-нибудь новый сортъ розъ, сейчасъ же посылаетъ ему. Княгиня Радзивиллъ подарила ему великолѣпную коллекцію. Не правда ли, какъ это мило?

— И похвально!—отвѣтилъ онъ, не умѣя скрыть презрительной улыбки.

— Самъ король выписываетъ для него гвоздики изъ Голландіи. Даже мой отецъ, который, какъ тебѣ извѣстно, не любитъ издержекъ, прислалъ ему изъ Горы какія-то достопримѣчательности.

— Когда же дядя пріѣдетъ?

— Обѣщалъ быть на-дняхъ, все уже готово къ его пріѣзду. Онъ очень интересуется твоей судьбой, — добавила она дружелюбно.

— Я подчинился его волѣ и хочу исправить всѣ прежнія глупости,—признался онъ и сталъ разсказывать о своемъ желаніи вернуться на службу.

— А если не удастся, то отецъ придумаетъ для тебя какое-нибудь почетное занятіе, — сказала она, принявъ горячее участіе въ его дѣлахъ.

— Гдѣ же въ настоящее время находится кастелянша? Какъ ея здоровье?

— Нехорошо. Вѣчно тоскуетъ по идеалу, который ей грезится. Доктора полагаютъ, что это обыкновенная хандра. Она пріѣдетъ вмѣстѣ съ отцомъ.

— Вниманіе! Сюда летитъ postillon d'amour князя!—крикнула панна Тереня.

Дверь открылась, и ливрейный лакей внесъ на серебряномъ подносѣ прекрасный букетъ, письмо и ларчикъ, украшенный драгоцѣнными камнями.

Камергерша поднялась, вся красная отъ гнѣва.

— Отдай тому, кто принесъ! Прочь!—крикнула она, отворачиваясь отъ Севера, который вѣжливо отошелъ къ окну.

Тереня подбѣжала къ ней и стала о чемъ-то горячо просить. Та оттолкнула ее и такъ сердито поглядѣла на лакея, что онъ тотчасъ же исчезъ.

— У меня къ тебѣ просьба!—голосъ ея звучалъ очень искренно и мило.

Онъ былъ такъ хорошо настроенъ, что напередъ обѣщалъ все исполнить.

Просьба состояла въ томъ, чтобы поѣхать завтра съ ними на пикникъ за городъ.

— Съ удовольствіемъ. Но кто его устраиваетъ? Я здѣсь почти никого не знаю.

— Молодежь, главнымъ образомъ, Фонъ-Блюмъ, поклонникъ Терени.

— Иза!.. Панъ Северъ еще подумаетъ, что это правда!

— Да, я скажу Мартину,—подразнилъ онъ ее,—пусть слѣдитъ за вами.

— Мартина не будетъ, онъ долженъ ѣхать съ королемъ въ Понѣмунь.

— Тѣмъ хуже для васъ, панна Тереня, потому что я самъ буду наблюдать за вами.

— А я васъ нисколько не боюсь,—она засмѣялась и побѣжала за собачками по комнатѣ.—Мартинъ повѣритъ только мнѣ.

Лакей доложилъ о пріѣздѣ гетманши Ожаровской и графини Камелли.

— Меня ужъ здѣсь нѣтъ! Не люблю итальянщины! Собачка, бѣжимъ!

И Северъ хотѣлъ уйти, но камергерша его удержала.

— Останься, познакомишься съ двумя прекрасными дамами.

Онъ не успѣлъ отвѣтить, какъ вошли дамы, и графиня Камелли, едва переступивъ порогъ, стала торопливо говорить:

— Привожу тебѣ необыкновенную новость!—Глаза ея сверкали, лицо горѣло, голосъ дрожалъ отъ волненія.—Маратъ убитъ! Майнцъ подчинился прусскому королю! — выкрикнула онъ съ паѳосомъ и, выдержавъ паузу, добавила: — Революціи нанесенъ смертельный ударъ!

Камергерша, повидимому, не придала особаго значенія этимъ извѣстіямъ.

— Дорогая графиня,—сдерживала ту Ожаровская,—не всѣ этимъ интересуются.

— Да, это должно быть очень важно... Я, дѣйствительно, въ этомъ мало что понимаю. Мой двоюродный братъ Северъ Зарембa,— представила она его смущенно.

— Но васъ это должно интересовать?—обратилась къ нему графиня.

Онъ поклонился въ знакъ согласія и слушалъ съ большимъ вниманіемъ, а она, обрадовавшись, что нашла слушателя, разсказывала все оживленнѣе, сильно жестикулируя, мѣняя выраженіе лица, сверкая глазами.

Камергерша съ Ожаровской отошли немного въ сторону, занятыя своими нарядами и о чемъ-то шепчась.

— Графъ Морелли, мой кузенъ, королевскій камергеръ, получилъ сегодня утромъ экстренную почту,—поспѣшила заявить графиня.—Такимъ образомъ мы имѣемъ извѣстія изъ самаго вѣрнаго источника. Я была уже въ костелѣ, чтобы возблагодарить Бога за эту радость. Но, хотя извѣстія и вполнѣ достовѣрны, я едва могу повѣрить, что этотъ подлый убійца короля, этотъ врагъ Бога и людей, этотъ воплощенный дьяволъ въ самомъ дѣлѣ убитъ. Его убила нѣкая Шарлотта Кордэ. Повидимому, Богъ ее избралъ орудіемъ своей справедливости. Напишу въ Парижъ, чтобы мнѣ прислали портретъ этой новой Орлеанской Дѣвы, — воскликнула она съ энтузіазмомъ, закатывая къ небу глаза.—И почти въ то же время изъ Майнца выгнали французскихъ революціонеровъ. Прусскій король торжествуетъ. Какъ должны радоваться бѣдные изгнанники—князья! Наконецъ добро одерживаетъ верхъ. Прусскіе полки уже выбиваютъ изъ Майнцскихъ клубистовъ якобинскіе принципы. Не понимаю только, съ какой стати выпустили изъ города революціонныя войска. Надо было устроить имъ республиканскія крестины въ Рейнѣ,—она мстительно засмѣялась, и черные глаза блеснули, какъ штилеты.—Эти первыя удачи охладятъ кровь и вашимъ дрезденскимъ заговорщикамъ и членамъ варшавскихъ клубовъ.

— Но у васъ, графиня, громадная опытность въ политическихъ дѣлахъ!—воскликнулъ Зеремба съ притворнымъ восхищеніемъ.

— Я повторяю только то, чему меня научилъ мой кузенъ,— скромно отвѣтила она и перешла къ мелочамъ гродненской жизни, и расхваливая польское гостепріимство, образованность, красоту женщинъ и галантность мужчинъ. Много говорила она еще о великодушіи, необыкновенномъ умѣ и благородствѣ короля.

Онъ ни въ чемъ не противорѣчилъ ей и при всякомъ удобномъ случаѣ старался показать, что онъ держится священныхъ принциповъ и врагъ всякаго новаторства.

Графиня экзаменовала его все съ большимъ удовольствіемъ, окидывая при этомъ томными взглядами, такъ какъ кавалеръ казался ей очень милымъ и красивымъ. Свѣтлые, пепельно-сѣрые волосы, подстриженные à la Titus, орлиный взглядъ, ростъ высокій,

плечи широкія, фигура тонкая, выраженіе лица гордое, движенія сильныя и ловкія, голосъ мелодичный, глаза синіе съ длинными черными рѣсницами и строго изогнутыми на бѣломъ челѣ бровями.

Онъ отвѣчалъ ей съ изысканной вѣжливостью, но глядѣлъ гордо и проницательно. Одѣтъ онъ былъ по послѣдней модѣ во фракъ вишневаго цвѣта съ длиннымъ хвостомъ, короткой таліей и отложнымъ воротникомъ. Шея была обвязана бѣлымъ платкомъ съ голубымъ горошкомъ. Платокъ былъ такъ высоко завязанъ, что доходилъ до половины подбородка. Жилетъ былъ свѣтло-голубой, съ шитыми золотомъ цвѣтами, штаны желтые, узкіе, до самыхъ щиколокъ, а на ногахъ туфли безъ пряжекъ. Въ рукахъ онъ держалъ трость съ золотой шишкой на концѣ, на двухъ цѣпочкахъ отъ часовъ при каждомъ движеніи звенѣлъ цѣлый пучокъ печатокъ, привѣшенныхъ на тонкихъ цѣпочкахъ.

Пани Ожаровская, прислушивавшаяся нѣкоторое время къ тому, что онъ говорилъ, вдругъ спросила со снисходительной улыбкой:

— Вы всегда носите цвѣта камергерши?

— Да, это замѣчательно,—шепнула графиня, обводя глазами ихъ обоихъ.

— Это только странное совпаденіе.

Онъ покраснѣлъ, какъ дѣвушка.

Дамы стали смѣяться. Камергерша, дѣйствительно, была одѣта въ платье того же цвѣта, что и его фракъ, только оно было какъ бы усѣяно золотыми блестками, а казакинъ былъ голубой съ золотыми полосками, обшитый кружевами.

— Удивительное совпаденіе!—иронически повторила Ожаровская.

Северъ, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, спросилъ, гдѣ панна Тереня.

— Исполняетъ должность мамки при камергерѣ. Поглядите, видъ неподражаемый!—засмѣялась Иза, указывая черезъ окно въ садъ.

Въ тѣнистой аллеѣ, испещренной яркими солнечными бликами, стоялъ камергеръ, широко раскрывъ ротъ, а Тереня, приподнявшись на цыпочки, вливала въ него ложечкой какое-то лѣкарство.

Раздался смѣхъ, посыпались довольно грубыя замѣчанія дамъ. Зарембѣ это не понравилось и онъ сталъ собираться уходить.

— Куда вы торопитесь?—шепнула графиня, удерживая его руку.

— На сеймъ. Я долженъ явиться во-время, иначе меня не пропустятъ.

— Тамъ нѣтъ ничего интереснаго. Крики патріотовъ и немного прусской водицы.

— Гетманъ сегодня опять будетъ говорить о снабженіи войска. Не знаю только, будутъ ли дебаты происходить при публикѣ или нѣтъ?

— Господи, какъ мнѣ надоѣли эти сеймы, политики, трактаты и весь этотъ вздоръ,—простонала камергерша съ нескрываемымъ отвращеніемъ.—Скука прямо-таки смертная!

— А развѣ мало безумствуютъ въ Гроднѣ? Вѣдь здѣсь постоянный праздникъ и балы!—довольно горячо произнесъ Заремба, но, видя въ ея глазахъ недовольство, сталъ мраченъ и едва догадался поблагодарить Ожаровскую, которая пригласила его на свои собранія и затѣмъ милостиво предостерегла:

— Веселитесь, сударь, а проповѣди оставьте попамъ.

— И не забывай о завтрашнемъ пикникѣ,—добавила камергерша.

Онъ вышелъ на улицу, полный противорѣчивыхъ чувствъ и мыслей, вызванныхъ этимъ визитомъ и слышанными извѣстіями. Въ особенности огорчало и безпокоило его паденіе Майнца и торжество прусскаго короля.

— А для красавицы все это скучно,—вспоминалъ онъ съ грустью и гнѣвомъ.

День былъ знойный. Гродно тонуло въ горячихъ солнечныхъ лучахъ, въ облакахъ пыли и было полно непрестаннымъ грохотомъ, такъ какъ на улицахъ царило довольно большое движеніе. Въ особенности на главной, тянувшейся отъ Гродницы къ Нѣману, на Замковой, на рынкѣ и около Бернардинскаго монастыря было безчисленное множество людей, экипажей и лошадей.

Мимо приземистыхъ домиковъ, по узкимъ мосткамъ и камнямъ, положеннымъ здѣсь во время дождей, проходила многочисленная пестрая толпа, прижимаясь къ стѣнамъ и заборамъ, такъ какъ то и дѣло по улицамъ бѣшено проносились четверки, скакали лошади, маршировали вооруженные солдаты, тащились высокіе возы съ фуражемъ, проѣзжали рысью казаки.

По мѣрѣ того, какъ время близилось къ четыремъ часамъ, когда было назначено засѣданіе сейма, шумъ и движеніе на улицахъ возрастали. Уже появились красно-голубыя кареты, на козлахъ которыхъ сидѣли красные жокеи, везли ихъ англійскія лошади въ сбруѣ, кованной серебромъ.

Иногда общее вниманіе привлекалъ старинный ковчегъ, покачивавшійся на ремняхъ, весь стеклянный и золотой, запряженный шестеркой громадныхъ желтовато-сѣрыхъ лошадей, съ ливрейными лакеями въ парикахъ на запяткахъ и верховымъ, скакавшимъ впереди.

То, какъ вихрь, проносились двухколесные кабріолеты, запряженные въ двѣ пары лошадей, одна передъ другой, въ мѣдныхъ бубенцахъ, перьяхъ и сѣткахъ. Такъ ѣздили офицеры, которые, стоя въ экипажахъ, какъ въ колесницахъ, бѣшено проносились по улицамъ,—лишь слышалось еканіе селезенокъ у лошадей, и все передъ ними въ страхѣ бѣжало.

Иногда проѣзжалъ какой-нибудь важный генералъ, окруженный драгунами, сметавшими все съ пути его. Неслись зеленыя каретки экстренной почты, пролагая себѣ путь хриплыми звуками рожковъ. Проѣзжали верхомъ дамы и кавалеры, окруженные зелеными и красными егерями. Иногда грохотала по ухабистой мостовой желтая бричка съ ксендзомъ въ бѣломъ плащѣ и соломенной шляпѣ, или тащились вереницей перепуганныя крестьянскія лошаденки съ телѣгами и возами; ихъ ежеминутно сгоняли на бокъ, часто кнутами, если онѣ недостаточно быстро съѣзжали съ дороги.

Такъ же оживленно было и пѣшее движеніе. По бокамъ улицъ протекали шумные бурливые потоки всевозможныхъ контушей, накидокъ, фраковъ, военныхъ куртокъ, полотняныхъ кителей, модныхъ остроконечныхъ шляпъ. Были здѣсь и убогіе кафтаны, и бритыя головы монаховъ, и цвѣтныя ливреи, и обращавшія на себя вниманіе иностранныя одѣянія, и черные блестящіе халаты, и еврейскія лисьи шапки.

Вертѣлись въ толпѣ мѣщанки въ чепцахъ и другихъ головныхъ уборахъ, какія-то расфранченныя дамочки строили прохожимъ глазки, а нарядившіяся по-праздничному еврейки стояли въ воротахъ и на порогахъ домовъ. Но здѣсь не было дамъ изъ высшаго общества, онѣ появлялись на улицахъ города только въ экипажахъ и въ сопровожденіи мужчинъ.

Дѣло не обошлось безъ нищихъ. На всѣхъ перекресткахъ раздавался ихъ жалобный вой, слѣпые гнусаво пѣли свои пѣсни. Какая-то огромная ярмарка залила весь городъ, всюду былъ крикъ, давка, передвигались безчисленныя толпы.

Гродно было небольшимъ городомъ, въ немъ насчитывалось всего четыре тысячи постоянныхъ жителей, но по случаю сейма было неимовѣрное переполненіе. Не было ни одного дома, сарая, самаго ничтожнаго строенія, гдѣ бы не квартировали люди. Дошло до того, что въ садахъ наскоро строили шатры и шалаши изъ досокъ и вѣтвей, тамъ помѣщались лошади, экипажи, прислуга, разные профессіоналы и бѣдняки. А на болѣе широкихъ улицахъ и площадяхъ, какъ, напримѣръ, у іезуитовъ, на рынкѣ, на Замковой улицѣ, возникъ другой городъ, состоявшій изъ мясныхъ лавокъ, шатровъ, балагановъ, будокъ, гдѣ торговали купцы всевозможныхъ націй: жирные нѣмцы, бородатые москвичи, черные армяне, рыжіе англичане, персы въ пестрыхъ халатахъ, косоглазые татары изъ Казани, не считая цѣлаго роя евреевъ и польскихъ торгашей, пріѣхавшихъ изъ Вильна, Люблина и Варшавы. Не разрѣшили торговать только французамъ, которыхъ считали агентами якобинскихъ газетъ и распространителями революціонныхъ идей. Такъ власти сейма мотивировали, съ разрѣшенія Сиверса, свой отказъ.

Разрѣшеніе пріѣхать на время пребыванія въ Гроднѣ сейма получила только извѣстная Ла-Ду изъ Варшавы, славившаяся своими модами и красотой своихъ мастерицъ. Передъ ея квартирой, недалеко отъ каѳедральнаго костела, по цѣлымъ днямъ стояли экипажи знатнѣйшихъ дамъ, а передъ окнами толпились кавалеры, запускавшіе журавля къ красивымъ француженкамъ. А такъ какъ и въ сосѣднихъ домахъ, почти въ каждомъ окнѣ виднѣлись изящныя шляпницы, вышивальщицы и швейки, то молодежь, въ особенности военная, простаивала и прогуливалась передъ ними цѣлые дни. Не обходилось и безъ скандаловъ, которые часто доходили до самого Сиверса, такъ какъ офицериковъ здорово били при каждомъ удобномъ случаѣ.

Дальше — большія золотыя кисти винограда обозначали виноторговцевъ, сапоги, поддерживаемые медвѣжьими лапами, — сапожниковъ, колеса—столяровъ и колесниковъ, пучки золотой пряжи— позументщиковъ, косы, сплетенныя изъ конскихъ волосъ, — парикмахеровъ, жестяныя сабли — оружейныхъ мастеровъ. Тамъ блестѣли на солнцѣ тарелки цырюльниковъ, ножницы портныхъ, за стеклами виднѣлись чудеса моды, оплачиваемыя на вѣсъ золота. Были даже книжные магазины: Яховича и Бѣльскаго, и стараго Боруха въ воротахъ дворца Радзивилловъ. У Бѣльскаго, въ домѣ Любецкихъ, кромѣ книгъ нравственнаго содержанія и рѣчей на сеймѣ продавались также англійскія гравюры, портретъ послѣдняго французскаго короля, саксонскій фарфоръ, сѣмена голландскаго клевера, а также мазь для красоты лица и великолѣпныя средства отъ зубной боли.

На каждомъ шагу всего было такъ много, что Заремба позабылъ въ сутолокѣ о своихъ мысляхъ и съ удивленіемъ разсматривалъ это море людей, экипажей, лошадей, перекатывавшееся съ грохотомъ по тѣснымъ, крутымъ улицамъ, между жалкими домиками города, среди которыхъ лишь кое-гдѣ возвышались дворцы, вѣковыя деревья, и бѣлѣли высокія стѣны и башни костеловъ.

Его ошеломило это движеніе и этотъ несмолкаемый шумъ. Онъ шелъ все медленнѣе и остановился на углу Замковой улицы. Здѣсь передъ кофейней стояла группа франтовъ въ модныхъ разноцвѣтныхъ фракахъ, въ остроконечныхъ шляпахъ, съ подбородками, спрятанными въ бѣлые хомуты платковъ и съ тросточками въ рукахъ. Во главѣ ихъ стоялъ Война, отпускавшій то и дѣло какія-то словечки, вызывавшія взрывы смѣха. Молодежь занималась разсматриваніемъ лицъ, проѣзжавшихъ въ экипажахъ, не скупясь при этомъ на злыя остроты и сильно сгущая краски. Говорили, перебивая другъ друга, все, что взбредетъ на умъ.

— Смирно! Подкомориха ѣдетъ! — командовалъ Война. — Смотрите, какъ поглядываетъ на Корсака. Малъ слишкомъ, и ножки у него уже заплетаются!

— Старенькая панна Решке! Ежедневно причащается и разъ въ годъ моется.

— Панна Волловичъ! Подъ охраной четырехъ гайдуковъ и тетки монашки, хотя нѣтъ охотниковъ на эту добродѣтель.

— Корсаченокъ! Прячься въ кусты, гувернеръ ищетъ!

— Прошу безъ шутокъ, — грозно проворчалъ юнецъ невысокаго роста въ коричневомъ фракѣ.

— Chapeaux bas, господа! Приближается ея величество съ усами, столѣтняя испытанная добродѣтель и милліоны польскихъ золотыхъ годового дохода, пани Огинская.

— Преклоняюсь передъ величествомъ, готовъ поклясться въ вѣчномъ уваженіи ея добродѣтели, пусть только отдастъ мнѣ остальное.

На перекресткѣ образовалась страшная давка, экипажи проѣзжали шагомъ, и молодежь острила нѣсколько тише, но еще безпощаднѣе.

— Панна Скирмунтъ, говорятъ, имѣетъ все въ порядкѣ, только вмѣсто зубовъ старыя клавиши.

— Цицiановъ выѣхалъ на прогулку съ какой-то рыжей обезьяной.

— Заколдованная княжна. Я видѣлъ ее на представленіи, ходила по веревкѣ. Очень красива. Но подумайте, какъ распишетъ ей бѣлую кожицу нагайка князя. Вѣдь эту бѣдную Юзю Виріонъ едва вылѣчилъ.

— Разскажу вамъ исторію этой княжны. Князь выигралъ ее сегодня ночью у Анквича, была оцѣнена въ сто дукатовъ. Анквичъ вчера выигралъ ее у Дивова. Дивовъ третьяго дня...

— Довольно, Война, а то, въ концѣ-концовъ, окажется, что имя княжны — Ройза, и можно ее покупать у Файги на рынкѣ за дукатъ.

— Мелкая рыбешка, смирно! Щуки, Жабы и Карпы плывутъ.

— Много что-то сегодня этихъ рыбъ! А сзади комары гудятъ.

— Преклоняйтесь, господа! Дочери виночерпія Рачковскаго, чудо въ четырехъ лицахъ! Браво!

И какъ въ театрѣ они стали хлопать, склоняя головы передъ четырьмя красавицами, ѣхавшими съ сѣдой солидной матроной.

— Коссаковскіе! Носачи съ бородавками! — крикнулъ Корсакъ, но остальные словно онѣмѣли отъ звука этого имени.

Кто-то быстро заговорилъ:

— Что-то не видать нашихъ богинь и царицъ.

— Онѣ сегодня у посла. На десертъ послѣ обѣда нунцію и епископамъ.

— Еловицкая! Святость, возносящаяся живьемъ къ небу.

— Три разведенныя жены съ этимъ хромымъ Карвовскимъ! Nec Hercules contra plures!

— Мошковская и Зелинская! Не знаю только этой третьей, полной блондинки.

— Эта всѣхъ перещеголяетъ. Перемѣнила уже трехъ мужей и дюжинъ пять любовниковъ, а дѣти ея страннымъ образомъ похожи на начальниковъ станцій варшавскаго почтоваго тракта.

— Любитъ путешествовать съ трубачемъ. Я знаю также случай, когда у нея родился мальчикъ не только похожій на мѣстнаго священника, но даже въ рясѣ и съ выбритой маковкой, какъ у францисканцевъ.

— Новаковская въ такомъ нѣжномъ настроеніи, кажется, съ новымъ ami.

— У нея постоянные, на каждое время дня и года. Политика ея мужа требуетъ, чтобы были изъ всѣхъ партій, а вдобавокъ офицера сосѣднихъ державъ.

— Смотрите, Ваньковичъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ женой старо́сты. Это нѣчто новое.

— Могла ли она остаться безчувственной, когда онъ вчера выигралъ нѣсколько тысячъ?

Всѣ замолкли, такъ какъ съ Мостовой улицы донесся свистъ и грохотъ барабановъ. Толпа вдругъ заволновалась и стала прижиматься къ стѣнамъ и наполнять сѣни домовъ. Экипажи съѣзжали въ сторону, такъ какъ посрединѣ улицы проѣзжали егеря сплошной зеленой стѣной, покрытой цѣлымъ лѣсомъ блестящихъ штыковъ. Земля гудѣла подъ твердыми сильными ударами лошадиныхъ копытъ, а впереди огромный дѣтина въ пестрой одеждѣ размахивалъ золоченой тростью съ насаженной на конецъ куклой въ лентахъ и бубенцахъ, подбрасывалъ ее вверхъ и ловилъ, затѣмъ онъ гаркнулъ какую-то забіяцкую пѣсенку и сталъ бѣшено отплясывать трепака. Ему сталъ вторить пронзительный свистъ, вой, визгъ, барабанный грохотъ, и нѣсколько солдатъ бросилось за нимъ въ присядку, не задерживая движенія всего отряда. Поднялся дикій ревъ необузданнаго разгула, свистъ, хохотъ, крики.

— Идутъ оцѣплять замокъ, — прервалъ молчаніе Война.

Но никто не спѣшилъ поддержать разговоръ. Молодежь стояла хмурая, какъ-то невесело глядя на проходившее мимо войско, словно вмѣстѣ съ пылью, которая подымалась за отрядомъ, на души ложилась туча тайныхъ угрызеній.

Война пытался шутить, но, не сумѣвъ никого разсмѣшить, подошелъ къ Зарембѣ, котораго увидѣлъ въ толпѣ, и они пошли вмѣстѣ къ замку.

— Я оставилъ твоему слугѣ тысячу дукатовъ, это твоя часть выигрыша. Но мой долгъ я удержалъ на дальнѣйшую игру. Согласенъ?

— Если счастье тебѣ еще не измѣнило, будемъ играть дальше,— отвѣтилъ тотъ, обрадованный выигрышемъ, и сталъ разсказывать новости, привезенныя графиней Камелли.

— Ей можно вѣрить, — шепнулъ Война, — она знаетъ всю секретную почту короля. Можетъ-быть, отъ Сиверса, такъ какъ старикъ въ нее очень влюбленъ, а можетъ-быть, и отъ Бухгольца, съ которымъ она тоже близка. Это птичка! Она здѣсь не даромъ вертится и не затѣмъ только, чтобы очаровать своимъ ловкимъ щебетаніемъ.

— Отсюда выводъ, что дамочка причастна къ политикѣ. Теперь понимаю, откуда она знаетъ обо всемъ, что у насъ творится, и почему такъ обрадовалась смерти Марата и паденію Майнца. Но кому она служитъ?

— Есть нѣкоторыя данныя думать, что ее подослалъ Зубовъ слѣдить за Сиверсомъ, но я полагаю, что въ дѣйствительности ея работа оплачивается только англійскимъ золотомъ. Питтъ оплачиваетъ коалицію противъ Франціи, но не спускаетъ глазъ и съ милыхъ союзниковъ. Ловкая игра?

— Я только знаю, что паденіе Майнца — наше пораженіе. Торжествующій король Пруссіи теперь всѣ силы направитъ противъ насъ. А смерть Марата — это ударъ всему человѣчеству.

— Я думаю, что не ударъ, а освобожденіе. Это—кровопійца и демагогъ.

— Онъ былъ одинъ во всей революціи, который смѣлъ!

— Женить Людовика съ мамзель Гильотинъ? Что же, если ихъ бракъ безплодный!

— Это мы вскорѣ увидимъ! — произнесъ Заремба, таинственно улыбаясь.

Задѣтый этой улыбкой, Война взялъ его подъ руку и раздраженно прошепталъ:

— Такъ и вы смѣйте! Мнѣ уже надоѣли ваши кольца, треугольники, катихизисы, слова, открывающія входъ въ заговорщицкій рай. Пора бы начать дѣйствовать!

— И это будетъ. Всякое большое дѣло должно надѣть маску и имѣть свой ритуалъ для посвященныхъ. Ты нашъ? — спросилъ онъ уже прямо.

— Я только свой, — гордо отвѣтилъ Война.

Заремба смутился, ему стало досадно, что онъ сказалъ лишнее.

— Зачѣмъ собака въ церкви, если молитвъ не знаетъ, — засмѣялся Война. — Кому охота подставлять голову, я не мѣшаю, но самъ предпочитаю фараонъ и бутылки. Меня природа сдѣлала волонтеромъ Вакха, и я не противлюсь.

— Ты знаешь наши знаки и не состоишь членомъ? — волновался Заремба.

— Знаю, и даю тебѣ честное слово, что тебѣ первому сказалъ объ этомъ.

Они вошли на Замковую площадь, переполненную экипажами, слугами и солдатами. На срединѣ площади, въ тѣни громад-

ныхъ деревьевъ стояли пушки, покрытыя зеленымъ брезентомъ, изъ-подъ котораго выглядывали мѣдныя жерла, направленныя на замокъ. Солдаты въ узкихъ зеленыхъ курткахъ и черныхъ блестящихъ фуражкахъ съ ружьями, поставленными прикладомъ на землю, преграждали входъ на площадь съ сосѣднихъ улицъ и не пропускали тѣснившейся толпы, другіе занимали мѣста около ящиковъ и фургоновъ за пушками, на мосту и на окнахъ замка.

— Выводы, которые союзники сдѣлаютъ изъ рѣчей патріотовъ, — произнесъ Заремба, глядя на пушки.

— Это исключительно ради блага Рѣчи Посполитой и спокойствія сейма, — смѣялся Война, ежеминутно кланяясь сановникамъ и посламъ, ѣхавшимъ на засѣданіе.

Замокъ стоялъ на высокомъ берегу Нѣмана. Башенки, мансарды, куполъ часовни, статуи надъ главнымъ фронтономъ—образовали цѣлый рядъ ступеней. Со стороны города замокъ былъ окруженъ глубокимъ рвомъ, на краю котораго росли въ одинъ рядъ высокіе тополи. Черезъ ровъ былъ перекинутъ каменный широкій мостъ съ перилами, украшенными мраморными вазами и амурами. Высокія каменныя ворота, заканчивавшіяся наверху аллегорической группой изъ цвѣтного фарфора, красиво окованныя желѣзомъ и украшенныя золочеными гербами, вели на большой дворъ, окруженный зданіями всевозможной архитектуры, ремонтированными ко времени сейма.

Большая красная хоругвь съ орломъ и всадникомъ колебалась надъ воротами въ знакъ присутствія короля и засѣданія сейма.

Король квартировалъ въ замкѣ вмѣстѣ съ семьей, немногочисленной свитой и канцеляріями. Лишь нѣсколько отрядовъ Коронной и Литовской гвардіи и артиллерія, задачей которой было, какъ говорили остряки, палить во время тостовъ, размѣстились въ старыхъ сараяхъ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ замка.

Въ замкѣ помѣщались и обѣ палаты сейма.

Весь замокъ окружала густая цѣпь егерей подъ командой лучшихъ офицеровъ. Любезность ихъ была такъ велика, что всякій разъ, какъ къ мосту подъѣзжалъ какой-нибудь сановникъ, раздавался громкій крикъ команды, гремѣли барабаны и войско отдавало честь.

— Не скупятся на почести! — шепнулъ Заремба, видя, какой пріемъ былъ устроенъ Ожаровскому.

— Они покоряютъ тремя способами: золотомъ, предательствомъ и поглаживаніемъ по головкѣ. И всѣ три одинаково дѣйствуютъ.

— Неужели и Новаковскій состоитъ посломъ? — удивился Заремба, видя, какъ его старый товарищъ вылѣзаетъ изъ экипажа передъ мостомъ въ новомъ воеводскомъ контушѣ.

— Игельстрёмъ его назначилъ, а дукаты избрали, — иронически пояснилъ Война. — Это вліятельная особа, горячій миротворецъ,

незамѣнимый тамъ, гдѣ нуженъ какой-либо компромиссъ, поэтому онъ постоянно является делегатомъ отъ сейма и къ Бухгольцу, и къ Сиверсу. Онъ такъ горячо служитъ родинѣ, что ужъ совсѣмъ пересталъ обращать вниманіе, платятъ ли ему за это рублями или талерами.

— Я знаю его по разсказамъ и составилъ о немъ опредѣленное мнѣніе.

Они перешли черезъ мостъ и, миновавъ ворота, остановились на крыльцѣ сейма передъ открытой въ большія сѣни дверью, гдѣ было шумно и полно людей.

У дверей, которыя вели въ залъ засѣданій сейма и въ другія помѣщенія, сегодня была на караулѣ Коронная гвардія, но съ ружьями безъ штыковъ и безъ патроновъ.

— Идетъ ломжинскій Катонъ, кривоустый Скажинскій. Я васъ познакомлю, пусть онъ передъ тобой поцицеронствуетъ, а я не любитель его ораторской околесицы.

Скажинскій, знатокъ государственныхъ дѣлъ, извѣстный ораторъ и патріотъ, очень любезно поздоровался съ Войной, а Зарембѣ сказалъ, что давно зналъ его отца, но прежде, чѣмъ они успѣли разговориться, Скажинскаго подхватила группа пословъ и увлекла въ конецъ сѣней, гдѣ былъ столъ съ холодными закусками, такъ какъ засѣданія сейма часто затягивались до поздней ночи.

Заремба, не смущаясь этимъ, пошелъ за ними и остановился неподалеку.

— Кого ты здѣсь созерцаешь? — спросилъ Новаковскій, неожиданно появляясь передъ нимъ.

Заремба глазами указалъ на компанію вокругъ Скажинскаго.

— Почтенная компанія! — презрительно засмѣялся тотъ, отводя его къ окну. — Мазурскіе крикуны. Ты себѣ и представить не можешь, кто это. Вѣдь это тѣ завзятые патріоты, печальная слава которыхъ уже разносится по всей Рѣчи Посполитой.

— Впервые ихъ вижу, — поспѣшилъ заявить Заремба.

— Такъ узнай же: этотъ лысый пьяница съ физіономіей голоднаго судейскаго писца — это Краснодембскій-Ливскій. Рядомъ съ нимъ притаился неугомонный крикунъ сейма Микорскій-Вышеградскій. Далѣе распустилъ перья провинціальный Цицеронъ Шидловскій-Цехановскій. А этотъ панокъ въ потертомъ контушѣ, съ саблей на веревкѣ — это Цемневскій-Ружанскій, завзятый якобинецъ, осмѣлившійся на сеймѣ говорить дерзости самому королю. А тамъ, у стѣны, высокій, съ просѣдью, самоувѣренный — это Скажинскій-Ломжинскій, прозванный кривоустымъ. Словно сама природа заклеймила его за клеветничество и гордость. А тотъ, послѣдній, высокій, черный, съ лицомъ острымъ, какъ ножъ, и съ крючковатымъ носомъ, — это Кимбаръ-Упитскій, достойный наслѣдникъ проклятаго Сцинскаго, — онъ перечислялъ съ та́кой ненавистью,

что временами задыхался и нездоровый румянецъ заливалъ веснушчатыя щеки.—Компанія пока не въ полномъ составѣ, но всѣ они отвратительные крикуны, узколобые, партійные демагоги. Я еще долженъ тебѣ сообщить, что всѣ они избраны на сеймъ за московскія деньги, — шепнулъ онъ тише и злобнѣе, — кромѣ того, многихъ изъ нихъ Игельстрёмъ долженъ былъ одѣть на свой счетъ и дать путевыя въ Гродно. Зато они всѣхъ, кто не раздѣляетъ ихъ убѣжденій, считаютъ и объявляютъ предателями. Чернь ихъ обожаетъ, потому что они корчатъ изъ себя Катоновъ и Коріолановъ, и если бы не наши усилія, то уже давно бы разогнали сеймъ на всѣ четыре стороны, изъ-за этихъ крикуновъ. Къ счастью, есть еще настоящіе патріоты, — говорилъ онъ, все болѣе увлекаясь, но не забывая при этомъ выказать свои большія заслуги передъ родиной.

Заремба былъ очень недоволенъ этими изліяніями на глазахъ у всѣхъ, тѣмъ болѣе, что Скажинскій подозрительно на него поглядывалъ, а сторонникъ Игельстрёма, исчерпавъ до дна государственныя темы, сталъ яростно говорить о частной жизни болѣе вліятельныхъ фигуръ на сеймѣ, съ особымъ удовольствіемъ роясь въ различныхъ мелкихъ подробностяхъ.

— Все это очень любопытно, но меня не интересуетъ, —перебилъ его Заремба, потерявъ терпѣніе.

Новаковскій снисходительно улыбнулся и многозначительно произнесъ:

— Но кто располагаетъ такими свѣдѣніями, тотъ при случаѣ можетъ нажать тайную пружину и повести, кого слѣдуетъ, на веревочкѣ.

— Конечно, это имѣетъ значеніе въ разныхъ дѣлахъ.—Онъ поглядѣлъ на часы.

— Ждемъ епископовъ, они поѣхали на обѣдъ къ Сиверсу, — заявилъ Новаковскій.

— Они не торопятся на засѣданіе. Я бы хотѣлъ послушать пренія.

— Я поведу тебя на галлерею. Думаю, что сегодня маршалъ не прогонитъ публики.

Онъ провелъ Зарембу по крутой лѣстницѣ и по узкимъ коридорамъ, освѣщеннымъ кое-гдѣ сальными свѣчами, воткнутыми въ прибитые къ стѣнѣ подсвѣчники.

— Прошеніе я тебѣ уже составилъ, надо только подписать его и подать въ канцелярію. Что же ты подумалъ относительно моего совѣта? — спросилъ онъ, какъ бы невзначай.

— Попытаюсь сначала у короля, — отвѣтилъ тотъ неопредѣленно.

— Какъ хочешь. Вчера опять два кадета, бывшіе Фрейкуры, получили у Циціанова капитанскій чинъ и хорошія подъемныя. Если бы ты обратился къ нему, результатъ былъ бы самый лучшій.

— Познакомь меня съ нимъ! — воскликнулъ Заремба, осѣненный какой-то новой идеей.

— Охотно. Все очень хорошо складывается. Онъ сегодня будетъ у меня, такъ я тебя захвачу съ собой послѣ засѣданія. Поужинаемъ вмѣстѣ. Ты себѣ и представить не можешь, какой это умный человѣкъ и какъ онъ расположенъ къ намъ. Къ тому же это правая рука Сиверса.

— Тѣмъ легче будетъ мнѣ его полюбить, — отвѣтилъ Заремба, пожимая руку Новаковскаго, но когда тотъ удалился, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и сталъ разсматривать помѣщеніе сейма.

Залъ былъ очень высокій и длинный, бѣлыя стѣны были прорѣзаны высокими окнами, что дѣлало его похожимъ на костелъ; сходство усиливалъ сводчатый потолокъ съ раскрашенными на немъ голубыми розетками, отъ которыхъ спускались внизъ золоченыя цѣпи съ четырьмя мѣдными люстрами, въ пятьдесятъ восковыхъ свѣчей каждая. Въ промежуткахъ между окнами висѣли портреты королей въ коронаціонныхъ одеждахъ.

Дубовая галлерея, на колоннахъ, раскрашенныхъ подъ мраморъ, окружала залъ съ трехъ сторонъ, а въ четвертой стѣнѣ, въ полукругломъ углубленіи, въ видѣ красивой, расписанной золотомъ раковины, стоялъ пьедесталъ, покрытый краснымъ сукномъ, и на немъ высокое золоченое кресло короля.

Въ противоположномъ концѣ зала, тоже на возвышеніи, только болѣе низкомъ и покрытомъ зеленой матеріей, стоялъ столъ маршала сейма, секретарей и мѣста писцовъ, записывавшихъ рѣчи. По бокамъ зала и во всю длину тянулись посольскія скамьи, обтянутыя зеленой матеріей, съ пюпитрами для тетрадей и чернильницъ. Посрединѣ былъ широкій проходъ, а у стѣнъ, въ тѣни галлереи, были оставлены лишь узкія дорожки къ дверямъ, гдѣ помѣщались служителя сейма.

Въ раковинѣ за золоченымъ кресломъ была дверь, прикрытая краснымъ занавѣсомъ, а надъ дверью бѣлѣло овальное окно, откуда, говорятъ, за засѣданіями сейма довольно часто слѣдилъ Сиверсъ.

Галлерея была уже переполнена, и Заремба съ удивленіемъ разсматривалъ публику, какой онъ никогда не видалъ ни на засѣданіяхъ, ни на собраніяхъ. Это былъ всевозможный сбродъ, встрѣчающійся на народныхъ гуляніяхъ, въ костелахъ или во время осенняго базара, когда подписываютъ контракты. И среди этой толпы вертѣлись какія-то хитрыя лисьи головы, прислушиваясь къ разговорамъ, сновали какія-то заплатанныя рясы и аскетическія лица, какіе-то голодные люди въ поношенныхъ военныхъ курткахъ, какія-то здоровенныя фигуры съ разбойничьими лицами. Были здѣсь и дамы, ѣвшія конфеты, и переодѣтые московскіе офицеры, и лакеи въ разноцвѣтныхъ ливреяхъ, громко говорившіе о своихъ господахъ, и люди всевозможныхъ профессій.

Шумъ царилъ неимовѣрный. Нѣсколько пословъ бесѣдовало на скамьяхъ и въ проходахъ, иные стояли у стола маршала и вполголоса читали протоколъ послѣдняго засѣданія и списокъ очередныхъ дѣлъ. Появлялись все новые послы, галлерея встрѣчала ихъ благосклоннымъ ропотомъ или злымъ смѣхомъ, а иногда такимъ ядовитымъ прозвищемъ, что раздавался взрывъ всеобщаго смѣха и топотъ ногъ. Тогда откуда-то изъ угла гудѣлъ чей-то басъ:

— Милостивые государи! тише! Милостивые государи!

Это кричалъ толстый Рохъ, начальствовавшій надъ служителями сейма. Но онъ не могъ водворить порядка среди расхрабрившейся публики, а только вызывалъ градъ прозвищъ и остротъ по своему адресу.

— Ррохъ! Ррохъ! Жрри горррохъ! — заворковали ко всеобщему удовольствію какіе-то остряки, подражая горлицамъ.

Но болѣе всего удивился Заремба, увидѣвъ здѣсь жену подкоморія Гробскаго.

Она сидѣла въ средней галлереѣ, надъ столомъ маршала, одѣтая въ черное, съ вѣеромъ въ рукахъ. За ней стоялъ негритенокъ, помахивавшій надъ ней вѣеромъ, такъ какъ въ залѣ было жарко.

Она тоже замѣтила его и настойчиво подзывала къ себѣ.

Онъ выразилъ удивленіе, что встрѣчаетъ ее здѣсь, но она хвастливо отвѣтила:

— Я не пропустила ни одного засѣданія. Спросите у солдатъ, сколько разъ меня отсюда прогоняли. Маршалъ и эти сеймовые шулера не любятъ, чтобы имъ заглядывали въ карты, и при каждомъ удобномъ случаѣ гонятъ публику прочь. Садитесь, сударь, ближе, поддержите въ случаѣ надобности. Я здѣсь не одна. Направо сидитъ красавица Юля Потоцкая съ сыновьями, рядомъ съ ней эта старая курица—Огинская. Есть здѣсь и кастеланша Платеръ съ заплѣсневѣвшей дочкой Бадени, той самой, что изъ монастыря св. Бригиды. Часто сидитъ здѣсь и жена маршала Ценскаго со своими красивыми служанками. Это все горячія патріотки.

Она вдругъ понизила голосъ и, закрывшись вѣеромъ, шепнула ему на ухо:

— Вы пренебрегли мною на балу, но я вамъ это прощаю, только не прикидывайтесь добродѣтельнымъ Іосифомъ, я вѣдь не Путифара,—засмѣялась она.

— Дѣйствительно, вѣдь и я не слѣпой! — выпалилъ онъ въ отвѣтъ, окидывая ее безцеремоннымъ взглядомъ. Ему понравилась ея бойкость и красота.

— Я больше всего люблю военныхъ,—шепнула она сладкимъ голосомъ, — Война, хоть у него и злой языкъ, разсказалъ мнѣ объ васъ очень добросовѣстно.

— Война любитъ все преувеличивать ради шутки или ради краснаго словца.

— Скромность должна всегда отличать вѣжливаго кавалера. Почему вы такъ смотрите туда?

— Мнѣ показалось, что мелькнуло въ толпѣ знакомое лицо, но потомъ я потерялъ его изъ виду.

— Можетъ-быть, поручикъ Закшевскій? Онъ какъ разъ на насъ смотритъ.

— Вы его знаете?

— Мы даже дальніе родственники, я ему прихожусь какой-то теткой и поэтому опекаю его. Но малый лѣнтяйничаетъ и не слушается.

— Зато, должно-быть, невѣсту слушаетъ.

Она сдѣлала порывистое движеніе, закрыла лицо вѣеромъ и произнесла:

— Говорилъ онъ мнѣ что-то объ этомъ, но я не помню.

Голосъ у нея измѣнился.

— Дочь полковника королевскихъ улановъ Кенига въ Козеницахъ.

— Ахъ, та, съ розовой мордочкой, молоко на губахъ не обсохло! — Она овладѣла собой и продолжала говорить насмѣшливымъ тономъ. — Мартинъ въ приданое за ней получитъ развѣ только уланскій барабанъ да старое сѣдло. Выборъ не совсѣмъ удачный.

— Не знаю его чувствъ, но, говоря откровенно, думаю, что изъ этого брака толкъ будетъ, — сказалъ онъ, не обращая вниманія на ея волненіе.

Она молчала, поглощенная какой-то внутренней борьбой.

— Ужасная публика! — шепнула она, подымая сверкающіе глаза на Закшевскаго, который выдвинулся изъ толпы и вдругъ нырнулъ въ нее обратно.

— И чернь начинаетъ уже интересоваться дѣлами родины,— осторожно замѣтилъ Заремба.

— Только изрѣдка, какъ миндаль въ пряникѣ, виденъ въ этой толпѣ благородный! Ну, конечно, люди изъ общества скучаютъ отъ преній на сеймѣ, они предпочитаютъ совѣщанія у посла и встрѣчи съ кокотками. Что для нихъ родина! — Въ ея тонѣ была горечь, полныя губы дрожали тайнымъ страданіемъ.

Заремба глядѣлъ и не могъ понять этой внезапной перемѣны. Подумалъ, что она представляется, и не придалъ этому особаго значенія.

Она напудрила потное лицо, надушилась, и, впившись въ него пылающимъ взглядомъ удивительно нѣжныхъ глазъ, прошептала многозначительно:

— Вы сюда пріѣхали по дѣлу конфедераціи полковъ?

Онъ выдержалъ ея взглядъ, выразивъ на лицѣ только безграничное удивленіе.

— Мальчикъ можетъ не бояться, не требую секретовъ. —

Она кокетливо оперлась на его руку. — Ясинскій мнѣ что-то говорилъ, если что будетъ, я готова итти на все. Но подъ вашей командой! — нѣжно добавила она.

— Ради Бога! Здѣсь стѣны имѣютъ уши! Въ другой разъ поговоримъ... — молилъ онъ въ испугѣ.

— Въ такомъ случаѣ не ждите церемонныхъ приглашеній и приходите ко мнѣ, когда пожелаете. Я всегда вамъ рада.

Часы гдѣ-то пробили пять, и на скамьяхъ вдругъ что-то зашептали.

— Король идетъ! Тише, господа! Король! — загудѣлъ басъ Роха.

Наступила выжидательная тишина, всѣ взоры обратились къ красному занавѣсу.

Широко открылась дверь, гвардейцы встали по бокамъ, держа ружья у ноги. На порогѣ появился король, за нимъ шли два кадета въ парадныхъ мундирахъ, въ шишакахъ со страусовыми перьями и съ обнаженными шпагами.

Король шелъ медленно, обводя сонными глазами покорно сгибавшіяся передъ его величествомъ фигуры. На головѣ были сѣдые завитые локоны, лицо блѣдное, какъ бы немного опухшее, носъ правильный и красивый, губы подкрашенныя, все тѣло небольшое.

Онъ былъ одѣтъ въ будничный синій мундиръ съ красными обшлагами, бѣлые панталоны, чулки и ботинки съ золотыми пряжками. Кружевныя жабо колебались на груди, какъ бѣлая пѣна, блестя алмазными пряжками, по бѣлому жилету шла наискось красная лента ордена, лѣвая рука покоилась на золотой рукояткѣ шпаги, въ правой онъ держалъ перчатки.

Шагъ его былъ какъ будто пугливъ и неувѣренъ, взглядъ неспокоенъ, а во всѣхъ движеніяхъ видно было желаніе казаться красивѣе и торжественнѣе.

Онъ непринужденно сѣлъ на золоченое кресло. Кадеты, спрятавъ шпаги въ ножны, заняли мѣста по бокамъ, секретарь принесъ красный портфель, ключъ отъ котораго король носилъ на часовой цѣпочкѣ, лакей положилъ около него на столикѣ платокъ и табакерку.

Въ первую очередь подошли епископы, еще красные послѣ пира у Сиверса, и что-то докладывали, при чемъ Массальскаго такъ душилъ смѣхъ, что ряса прыгала на жирныхъ бокахъ его, а Коссаковскій кисло улыбался, обводя залъ скучающимъ взглядомъ.

Великій канцлеръ и маршалы — коронный, литовскій и сеймовый — остановились въ сторонкѣ, ожидая своей очереди.

Послы заняли свои мѣста, затихшая галлерея словно окаменѣла, надъ баллюстрадой чернѣли неподвижные ряды головъ и глазъ, тревожно всматривавшихся въ сенаторовъ и короля.

Заремба видѣлъ короля прямо передъ собой и впился въ него орлинымъ взглядомъ, словно пытаясь сорвать съ лица эту добродушную маску и заглянуть въ глубину души, но онъ видѣлъ лишь его вялую улыбку, какъ бы порожденную пустотой и безплодностью сердца, мутные взгляды и искусственную, выработанную манеру величія.

— Человѣческій трупъ, выкрашенный наподобіе короля! — думалъ онъ, раздраженный этимъ видомъ. — Живая кукла! Рыцарь, умѣющій только капитулировать! Гетманъ народа, получающій жалованіе отъ злѣйшихъ враговъ этого народа! Король кокотокъ,— шепталъ онъ съ возраставшимъ чувствомъ стыда и возмущенія.— Тебѣ короной заплатили за согласіе на первый раздѣлъ, а теперь какое вознагражденіе ты получишь? — Его израненная душа мутилась. И вспомнилъ онъ вдругъ всѣ бѣдствія и обиды, нанесенныя народу, весь позоръ и униженіе, словно эти разрубленныя части Рѣчи Посполитой, истекавшія живой кровью, громко кричали, раздирая ему сердце остротой своихъ жалобъ. Его охватилъ безумный гнѣвъ и, не въ силахъ вынести этой душевной муки, онъ горячо заговорилъ, обращаясь къ пани Грабовской:

— Я видѣлъ, какъ королевская голова полетѣла изъ-подъ ножа гильотины, а палачъ взялъ ее за волосы и показывалъ народу.

Онъ весь посинѣлъ отъ волненія.

— Что съ вами? Вы больны? — испуганно спросила она, не понимая его безсвязныхъ словъ и дикихъ, пылающихъ взглядовъ.— Выйдемъ на свѣжій воздухъ, здѣсь жарко, у васъ кровь приливаетъ къ головѣ, — ее искренно безпокоило его состояніе, и она предложила ему какія-то соли.

Онъ немного успокоился, но не захотѣлъ уйти изъ сейма и вскорѣ снова погрузился въ бездну горькихъ размышленій. Холоднымъ взглядомъ обводилъ онъ головы сенаторовъ и сановниковъ, нѣкоторыя долго разсматривалъ, иныя какъ бы откладывалъ въ сторону, но большинство изъ нихъ отмѣчалъ тяжелымъ, какъ топоръ палача, словомъ: виновенъ!

И мысленно бросалъ эти головы, истекавшія кровью, въ корзину на бѣлыя опилки.

Вдругъ въ его мозгу блеснула ослѣпительная мысль:

— Всѣ виновны!

Онъ сидѣлъ, какъ молніей пораженный, но не отступилъ передъ ужасной мыслью и неумолимо продолжалъ ее развивать:

— Всюду разореніе, гниль, эгоизмъ. Всюду гибель и мракъ. Тина вѣчнаго позора, преступленій и подлости. Проклятіе дѣтямъ, продающимъ въ рабство родную мать! Проклятіе!

Онъ мысленно упалъ на колѣни передъ закрытымъ лицомъ неумолимой судьбы и всѣми силами наболѣвшей, любящей души молилъ о спасеніи.

На галлереѣ сталъ раздаваться шопотъ и туда, къ этимъ худымъ лицамъ, нечесанымъ головамъ, грубымъ чертамъ и фигурамъ черни, обратились его взгляды. Одно мгновеніе онъ парилъ надъ ними, какъ орелъ надъ стадомъ, но какой-то вихрь подхватилъ его душу и понесъ по необъятнымъ пространствамъ, по деревнямъ и городамъ, въ эти человѣческія массы, придавленныя къ землѣ, вѣчно голодныя, порабощенныя, лишь внѣшнимъ образомъ похожія на людей.

— Къ оружію! Къ оружію! — звучалъ его голосъ, полный отчаянія.

И съ трепетомъ сердца ждалъ онъ ихъ отклика. Услышатъ ли, поймутъ ли, пожелаютъ ли?

Вѣдь эта гибнущая родина была для нихъ только вѣчнымъ плѣномъ!

Могутъ ли они отдать свою жизнь, защищая собственныя оковы и порабощеніе?

— Вы, сударь, хотите во что бы то ни стало испугать меня своимъ мрачнымъ настроеніемъ,—жалобно сказала жена подкоморія, нѣжно заглядывая ему въ глаза.

— Такія кошмарныя мысли овладѣли мной, что не могу отъ нихъ освободиться.

— Надо исповѣдаться, я охотно дамъ вамъ разрѣшеніе отъ грѣховъ.

Но уже не было времени на исповѣдь и нѣжныя разрѣшенія отъ грѣховъ. Сеймовый маршалъ Бѣлинскій, трижды ударивъ тростью, открылъ засѣданіе и согласно регламенту, а главнымъ образомъ приказанію Сиверса, строго проговорилъ, обращаясь къ публикѣ, занимавшей галлерею:

— Господа, прошу удалиться!

Но хотя и толстый Рохъ въ голубомъ кафтанѣ съ золотыми нашивками стучалъ своей тростью, окованной серебромъ и грозно повторялъ то же, никто не двинулся съ мѣста.

Тенгоборскій, секретарь сейма, громкимъ голосомъ прочелъ списокъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію.

Вслѣдъ за тѣмъ маршалъ поставилъ на очередь вопросъ о полномочіяхъ делегаціи, которая должна была вести переговоры съ Бухгольцомъ, и спросилъ, желаетъ ли сеймъ, чтобы былъ прочтенъ актъ полномочій.

— Нѣтъ! Долой полномочія! Не надо! Не позволимъ! Не желаемъ!

Раздались громкіе протесты на посольскихъ скамьяхъ, и галлерея вторила имъ шопотомъ и крикомъ.

Коронный канцлеръ Сулковскій поднялся со своего кресла вблизи короля и сталъ объяснять скрипучимъ голосомъ, что довѣрительная грамота делегаціи, составленная согласно постановленію

сейма, уже вручена епископу Массальскому. Копію ея онъ предложилъ секретарю прочесть вслухъ.

Но снова раздались крики, съ десятокъ пословъ настойчиво требовали слова, а галлерея производила такой ужасный шумъ, что Тенгоборскій, нѣсколько разъ встававшій и начинавшій читать, долженъ былъ замолчать.

— Сейчасъ насъ разгонятъ штыками,—волновался Заремба, поглядывая на дверь.

— Противъ прусскаго короля можно возставать, но попробуйте-ка поступить такъ съ нашими союзниками,—шепнула она, прикрываясь вѣеромъ.

Маршалъ стучалъ изо всѣхъ силъ тростью по столу, король хмурилъ брови, сенаторы теряли терпѣніе, и, лишь когда сталъ говорить Карскій-Плоцкій, вдругъ наступила тишина.

Затѣмъ говорилъ Скажинскій-Ломжинскій, за нимъ и Краснодемскій - Ливскій, всѣ одно и то же: что постановленіе сейма имѣло въ виду изготовленіе лишь проекта полномочій, но не предоставленіе ихъ делегаціи.

— Спорятъ изъ-за пустыхъ словъ,—злился Заремба.

— Хотятъ затянуть дѣло, а вовсе не рѣшить его,—отвѣтила она, хлопая Краснодембскому, за ней, какъ по командѣ, захлопала вся публика.

— А теперь слушайте внимательно,—предупредила она, глядя въ лорнетъ.

Вышелъ Гостковскій-Цехановскій, мужчина среднихъ лѣтъ, худощавый, одѣтый въ мозавецкій темно-синій контушъ и золотисто-желтый жупанъ. Волосы его были подбриты, лицо худое, съ сильнымъ загаромъ, глаза голубые, усы свѣтлые, подстриженные надъ губами.

Онъ сразу сталъ критиковать составленный актъ, говоря о томъ, что тамъ пропущенъ пунктъ, запрещающій делегаціи уступать прусскому королю Торнъ и Данцигъ.

— Ни одной пяди польской земли, ни одного камня изъ Торна и Данцига!—горячо повторялъ Гостковскій.—Насиліе, подлость и интрига хотятъ поработить всю Рѣчь Посполитую! Милостивый король! Высокочтимый сеймъ!—взывалъ онъ искренно взволнованнымъ голосомъ—не будьте причастны увеличенію стоновъ и обидъ нашихъ братьевъ, не дайте восторжествовать насилію и измѣнѣ, чтобы будущія поколѣнія не сказали, что мы добровольно, изъ подлаго страха и постыдной медлительности отдали себя въ рабство.

Прусскій король съ лисьей хитростью лгалъ намъ и клялся, что будетъ нашимъ союзникомъ и другомъ, и первый позорно измѣнилъ намъ.

— Не можетъ быть никакихъ переговоровъ съ такимъ клятвопреступникомъ! Никакихъ соглашеній! Не заключаютъ договора съ бѣшеной собакой, которая кусаетъ и разноситъ заразу, но, кто только живъ, хватаетъ, что попало въ руку, камень, желѣзо, или колъ изъ забора, и бьетъ, бьетъ, пока врагъ дышитъ, бьетъ досмерти! — закончилъ онъ.

Поднялась цѣлая буря аплодисментовъ, галлерея дрожала отъ шума и крика.

— Не вступать въ соглашеніе! Бить пруссаковъ! Долой ихъ!

Ненависть горѣла во всѣхъ сердцахъ при воспоминаніи о прусскихъ клятвахъ и прусскомъ вѣроломствѣ.

Маршалъ, не въ силахъ прекратить шума ни звонкомъ, ни призывами къ порядку, покинулъ свое мѣсто. Король тоже исчезъ за красной занавѣской. Тогда съ трескомъ открылась дверь на галлерею, раздался тяжелый топотъ солдатъ и блеснулъ лѣсъ низко наклоненныхъ штыковъ.

Въ одно мгновеніе егеря вытѣснили съ балконовъ кричавшую толпу, оставивъ только дамъ, своихъ офицеровъ и Роха, охрипшаго отъ крика.

Заремба, захваченный толпой, бѣжавшей передъ штыками, самъ не замѣтилъ, какъ очутился во дворѣ замка.

Онъ приводилъ въ порядокъ свой сильно помятый фракъ и размышлялъ, какъ бы пробраться обратно на галлерею, какъ вдругъ къ нему подбѣжалъ Новаковскій.

— Ищу тебя. Можемъ ѣхать домой! — Онъ былъ золъ и взволнованъ.

— Король отложилъ собраніе до понедѣльника?

— Нѣтъ, еще, но сегодня тамъ уже ничего интереснаго не будетъ.

Они сѣли въ экипажъ, ожидавшій на площади, лошади сразу рванули.

Городъ уже погружался во тьму, лишь кое-гдѣ блестѣли кресты костеловъ и золотились полосы на небѣ. Съ полей вѣяло холодомъ, на холмахъ горѣли лагерные огни, въ переулкахъ мычали коровы и кричали гуси. Улицы были уже почти пусты, только на перекресткахъ и площадяхъ увеличилось число конныхъ и пѣшихъ патрулей.

— Ты слышалъ этого мудреца Цехановскаго? — спросилъ Новаковскій.

— Ловкій игрокъ. Зналъ, чѣмъ растрогать. Произвелъ впечатлѣніе даже на пословъ.

— Говори такимъ здраво́, умно, такъ засыпаютъ, а мели всякій вздоръ о священной шляхетской свобо́дѣ, о равенствѣ съ королями, объ Александрѣ Македонскомъ, произноси черезъ каждыя два слова — добродѣтель, черезъ три — честь, черезъ пять — служеніе обществу, черезъ десять — свѣтлѣйшій сеймъ, кричи притомъ,

сколько силъ хватитъ, маши руками, какъ вѣтряная мельница, — тогда они расчувствуются до слезъ, готовы будутъ носить тебя на рукахъ и объявить спасителемъ отечества.

Заремба молчалъ, стараясь угадать, почему онъ такъ раздраженъ.

— Но избави Богъ полагаться на ихъ энтузіазмъ. Завтра сами будутъ возставать противъ того, что сегодня рѣшили, а всякаго, кто имъ воспротивится, назовутъ предателемъ или глупцомъ.

Онъ на время замолкъ, такъ какъ они ѣхали по очень ухабистой мостовой.

— И опять оттягиваются переговоры съ Бухгольцомъ, — произнесъ онъ раздраженно. — Будутъ ждать, пока Меллендорфъ займетъ Варшаву, тогда только начнется жалобный плачъ.

Заремба понялъ, что его такъ возмущало, и въ утѣшеніе отвѣтилъ:

— Игельстрёмъ не допуститъ. Онъ прочитъ Варшаву императрицѣ.

Они остановились передъ двухъэтажнымъ домомъ. Открытыя окна были освѣщены, слышался говоръ многочисленныхъ голосовъ.

Въ темныхъ, широко открытыхъ воротахъ дежурилъ парень съ взъерошенной головой, въ старой ободранной ливреѣ, но сейчасъ же явился одѣтый въ черный костюмъ камердинеръ французъ съ зажженнымъ канделабромъ и, подобострастно кланяясь, повелъ ихъ по лѣстницѣ, покрытой ковромъ.

— Много гостей?—спросилъ Новаковскій, входя въ небольшую комнату.

— Четыре столика ломбра и фараонъ. Остальные въ залѣ.

— Прости, я долженъ переодѣться; будетъ съ меня этого маскрада, — указалъ онъ на свой контушъ и скрылся въ сосѣдней комнатѣ.

Заремба съ любопытствомъ разсматривалъ комнату, которая была канцеляріей и въ то же время складомъ окованныхъ сундуковъ, крѣпкихъ шкатулокъ, разставленныхъ на столахъ, упряжи, лежавшей по угламъ и ливрей всевозможныхъ цвѣтовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ. Были здѣсь и складныя кровати и какія-то ширмы.

Вошелъ Новаковскій въ модномъ рыжеватомъ фракѣ, въ чулкахъ и туфляхъ. Камердинеръ съ важностью обвязалъ ему шею бѣлымъ платкомъ и, подавъ табакерку, съ достоинствомъ отошелъ въ сторону.

— Я его купилъ вмѣстѣ съ мебелью полковника Стемповскаго,— хвалился вполголоса Новаковскій. — Кажется, даже какой-то «de» или еще что-то повыше, бѣжалъ отъ революціи. Князь Циціановъ предлагалъ мнѣ за него четверку англійскихъ лошадей съ полной упряжью.

— Любопытно поглядѣть этого князя, — насмѣшливо произнесъ Заремба.

— Помни, что князь въ очень хорошихъ отношеніяхъ со старшимъ Зубовымъ, теперешнимъ фаворитомъ.

Онъ взялъ Зарембу подъ руку, и они пошли по узкимъ коридорамъ. Французъ съ канделабромъ свѣтилъ имъ.

— Понимаешь, что за фигура? — И шепнулъ тише, какъ бы по секрету: — Мы съ нимъ такъ дружны, что онъ мнѣ разсказывалъ даже о своихъ любовныхъ неудачахъ.

— Еще не помирился съ камергершей? — провацировалъ его Заремба.

— Какое! Она не желаетъ его видѣть, отсылаетъ письма не распечатавъ, неприступна, какъ королева, а онъ попросту обезумѣлъ отъ горя. Знаешь... геніальная мысль!.. Помоги ему!

— Какимъ образомъ? — Заремба сразу понялъ, къ чему тотъ клонитъ.

— Если бы ты, какъ близкій кузенъ, какъ-нибудь при случаѣ выяснилъ ей, что примиреніе съ княземъ необходимо для блага родины...

— Соли, да не пересаливай! — засмѣялся Заремба.

— Честное слово, я говорю совершенно серьезно. Не забывай, Петербургъ глядитъ на насъ его глазами. Его благожелательныя донесенія могутъ тамъ имѣть большое значеніе. И тебѣ пригодится протекція такого вліятельнаго лица. Онъ безумно влюбленъ въ камергершу и сумѣлъ бы тебя отблагодарить за услугу. Повѣрь мнѣ, вліятельный другъ и опекунъ — большое счастіе для человѣка маленькаго. Разъ мы уже разговорились объ этихъ дѣлахъ, сообщу тебѣ, что пріѣзжаетъ младшій Зубовъ.

— Это тоже кандидатъ въ фавориты?

— Политическія соображенія заставляютъ насъ устроить балъ въ его честь. Графъ Анквичъ и гетманъ Коссаковскій уже этимъ занялись. Двадцать пять дукатовъ съ персоны, избранное общество, красивѣйшія дамы. Я многимъ отказалъ, но тебя могу записать.

— Съ удовольствіемъ. Порой на собачьей свадьбѣ дружки лучше всѣхъ веселятся, — издѣвался Заремба.

— Все должно быть безукоризненно, въ особенности дамы. Зубовъ долженъ вывезти изъ Польши самыя пріятныя воспоминанія. И ради этого тоже желательно примиреніе князя съ камергершей. Она была бы украшеніемъ бала. Понимаешь?

Заремба такъ хорошо понималъ, что охотно свистнулъ бы его по рыжей физіономіи, но вмѣсто этого онъ только улыбнулся и, попирая свои чувства, обѣщалъ помирить эту парочку.

— Пусть любятъ другъ друга для блага Польши! Пусть любятъ! — говорилъ онъ, съ какимъ-то дикимъ упорствомъ, издѣваясь надъ собственнымъ сердцемъ. — Попытаюсь убѣдить ее.

Они вошли въ залъ, великолѣпно меблированный и залитый свѣтомъ.

Хозяйка въ красномъ дезабилье покоилась въ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ съ бѣлой собачкой на груди и золотымъ флакономъ въ рукахъ, изъ котораго то и дѣло нюхала; она была окружена молодыми людьми, очень модно одѣтыми въ одинаковые коричневые фраки, узкіе панталоны, со шляпами на колѣняхъ и толстыми тростями въ рукахъ. Ихъ было трое, лица у нихъ были, какъ свѣжія булочки, волосы свѣтлые, завитые вокругъ головъ въ букли, глаза выцвѣтшіе, физіономіи задорныя; всѣ трое назывались Кротовскіе, были сыновьями одной матери, воспитанниками одного гувернера и владѣли сообща двадцатью мужицкими душами. Они, повидимому, разсказывали что-то очень веселое, такъ какъ хозяйка покатывалась отъ смѣха и, подавъ Зарембѣ руку для поцѣлуя, даже не взглянула на него.

Дама была, какъ спѣлая слива, которая слаще всего, когда ее немного подморозитъ осень. Она была еще красива и привлекательна. На напудренномъ лицѣ были мушки, глаза блестѣли, голова была завита въ черные локоны, похожіе на вылущенные стручки, на груди было безконечное декольте, говорила она хриплымъ голосомъ и постоянно облизывала губы жирнымъ языкомъ. Въ гостиныхъ она говорила только по-французски, обожала Руссо, ѣздила всюду съ прирученнымъ барашкомъ, мечтала о сельской жизни на зеленыхъ «риважахъ», подъ соломенной кровлей, а пока что испытывала вѣрность «бержеровъ» и дома ругалась, какъ торговка, била прислугу, не отказывалась отъ анисовки и читала египетскій сонникъ.

Новаковскій повертѣлся и ушелъ въ сосѣднія комнаты, гдѣ ежеминутно вспыхивали споры игроковъ. Зарембой занялся какой-то старый шляхтичъ въ контушѣ и, спустя нѣкоторое время, сталъ съ нимъ вполнѣ откровененъ.

— А я вамъ ручаюсь, что все уже погибло. Нѣтъ Литвы, нѣтъ Руси, нѣтъ коронной Польши. Единственное спасеніе въ благородной гуманности императрицы. Я и такъ и этакъ думалъ, а выходитъ одно, что только...

Лакей доложилъ о прибытіи Циціанова. Его приняли торжественно и съ такимъ почетомъ, что даже хозяйка встала ему навстрѣчу.

Новаковскій о чемъ-то долго разговаривалъ съ нимъ въ сторонкѣ, послѣ чего князь, имѣвшій очень кислый видъ, значительно оживился, милостиво подалъ Зарембѣ руку и, сказавъ ему нѣсколько любезныхъ словъ, сѣлъ играть въ карты.

Хозяйка снова усѣлась въ кресло, молодые люди продолжали прерванный разсказъ, Новаковскій принималъ все прибывавшихъ многочисленныхъ гостей. Заремба одиноко блуждалъ, не зная, что

дѣлать. Хотѣлъ бѣжать, но рыбьи безцвѣтные глаза Циціанова какъ бы приковывали его къ себѣ.

Онъ разсматривалъ князя со всѣхъ сторонъ и размышлялъ все съ большей ненавистью.

Три зала были уже переполнены. Играли на многихъ столикахъ. Дымъ изъ трубокъ прикрылъ все синеватымъ облакомъ, изъ-за котораго слышался звонъ пересыпавшагося золота, названія картъ, цифры, разговоры о сеймѣ, анекдоты, сдержанныя проклятія и подзываніе вертѣвшихся съ полными бутылокъ подносами ливрейныхъ лакеевъ.

— Вспомните, сударь, Сроковскій вамъ говоритъ: все погибло!

Заремба бѣжалъ отъ этого карканія и снова наблюдалъ за княземъ, или присаживался къ боковымъ столикамъ, гдѣ пили вино и спорили о политикѣ, но нигдѣ не могъ долго выдержать.

Въ немъ возбуждало отвращеніе это странное общество, состоявшее изъ какихъ-то подозрительныхъ фигуръ, московскихъ офицеровъ, извѣстныхъ пьяницъ и шулеровъ, какъ Подгорскій, Лобажевскій, Юзефовичъ, съ королемъ развратниковъ, Міончинскимъ, во главѣ.

Они возбуждали въ немъ чувство гадливости и ненависть.

Отвратительными казались ему эти великолѣпныя залы, похожія на какую-то монастырскую корчму, такъ странно были здѣсь перемѣшаны почтенные остатки дворцовъ со всякимъ сбродомъ и сволочью.

Онъ сталъ пробираться къ выходу, какъ вдругъ передъ нимъ очутился князь и шепнулъ:

— Я бы желалъ съ вами поговорить, но въ этомъ домѣ нѣтъ возможности.

— Можемъ выйти на улицу.

Его неожиданно охватила дрожь.

— Поѣдемте ко мнѣ. Я квартирую въ штабѣ на Городницѣ.

Заремба еще колебался, но, вспомнивъ приказъ Ясинскаго, согласился.

Они вышли, почти никѣмъ не замѣченные.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

О Некрасовѣ.

Всякій знаетъ, какъ неисправно собраніе сочиненій Некрасова, имѣющееся въ настоящее время въ продажѣ, какъ оно неполно даже въ сравненіи съ вышедшими еще въ 1879 году томами подъ редакціей С. И. Пономарева. Время отъ времени перепечатывались забытыя стихотворенія, извлекались изъ журналовъ произведенія, неизвѣстныя и присяжнымъ словесникамъ, и снова уходили изъ сознанія любителей некрасовской поэзіи, погребенныя въ газетахъ, журналахъ. Настоящаго Некрасова мы продолжаемъ не знать. А какъ много цѣннаго, значительно дополняющаго знакомые мотивы его поэзіи, скрывается въ этихъ полузабытыхъ матеріалахъ!.. За послѣднее время въ нихъ пристально сталъ заглядывать г. В. Евгеньевъ и каждая его статья («Народническія настроенія и общественное міросозерцаніе Некрасова» — *Завѣты*, 1912, № 9; «Народъ и интеллигенція въ произведеніяхъ Некрасова» — *Жизнь для всѣхъ*, 1913, № 1; «Некрасовъ и редакція 60—70 г.» — *Завѣты*, 1913, № 2; «Предсмертныя думы Некрасова»—*Завѣты*, 1913, № 6; «Некрасовъ въ роли редактора-издателя «Современника» — *Современникъ*, 1913, № 6; «Цензурныя мытарства Некрасова» — *Русское Богатство*, 1913, № 8) даетъ любопытные штрихи, новыя указанія о личности и произведеніяхъ «печальника горя народнаго». Пользуясь нерѣдко неизданными матеріалами, изслѣдователь то разсѣиваетъ утвердившіяся сужденія о Некрасовѣ, какъ человѣкѣ, вводя новыя объясненія, то углубляетъ пониманіе характерныхъ мотивовъ некрасовской лирики, впервые опубликовывая сохранившіяся въ нѣкоторыхъ архивахъ стихотворенія. Мы сочли необходимымъ познакомить читателя съ этими неизвѣстными данными [1]).

---

[1]) См. выше статью Евгеньева «Некрасовъ и его отецъ».

Въ концѣ 50-хъ годовъ Некрасовъ, подобно другимъ современникамъ, былъ одушевленъ самыми радужными ожиданіями, горячо вѣрилъ, что Россія при новомъ государѣ вступитъ на новый путь, что «шарманка», которой вертѣлъ «ярый шарманщикъ», пришла въ окончательную негодность и «сыну» (Александру II), на плечи котораго онъ взвалилъ ее, «вертѣть ее невмочь, да и не въ охоту»: «и ужъ какъ ты ни верти, а чинить придется! Благо — есть теперь досугъ, взяться бы за разумъ. Хуже будетъ, если вдругъ распадется разомъ». «Вѣщее сердце» поэта «ликуетъ и умиляется до дна», блуждая подъ небомъ народнымъ; онъ такъ воображаетъ себѣ родину:

Тиха, какъ сонная, наружно,
Внутри жива и горяча,
Неутомимо, бодро, дружно,
Ты вся работаешь съ плеча.
Къ добру разумное стремленье
Животворитъ твоихъ дѣтей,
Въ права вступаетъ просвѣщенье,
Уходитъ мракъ... Кругомъ свѣтлѣй,
И быстро царство молодое
Шагаетъ по пути добра,
Какъ въ дни великіе Петра...

Но идиллическое настроеніе поэта быстро растаяло. Уже манифестъ 19 февраля заставилъ его пережить минуты глубокаго разочарованія въ долго жданной «волѣ», послѣдующія реформы казались мало дѣйствительными, а усиленіе реакціи окончательно понизило вѣру въ цѣнность преобразованій Александра II, вызвало признаніе, что нѣтъ «въ бѣдной отчизнѣ слѣдовъ обновленія»:

Тѣ же напѣвы, тоску наводящіе,
Съ дѣтства знакомые намъ.
И о терпѣніи новомъ молящіе,
Тѣ же попы по церквамъ.
Въ жизни крестьянина, нынѣ свободнаго,
Бѣдность, невѣжество, мракъ...

Кто же виноватъ въ этомъ? Почему «шарманку» опять завертѣли «справа да налѣво»? Первое время Некрасову казалось, что причина гибели плана реформъ Александра II кроется не въ личныхъ свойствамъ царя, а въ томъ, что, подъ вліяніемъ застращиванія окружающей придворной камарильи, онъ отдалъ дѣло преобразованій въ руки представителей бюрократической рутины, отстранивъ отъ всякаго участія въ немъ передовые демократическіе элементы тогдашняго общества. Поэма «Притча» именно такъ и рисуетъ дѣло: царь, безкорыстно любившій народъ и страну, задумалъ на мѣстѣ стараго сгнившаго храма, гдѣ хранились царства святыни, но гдѣ давно ужъ не хватало мѣста для многихъ народныхъ святынь, построить новый храмъ, достойный народа и вѣка.

Отрекся отъ свѣта царь, сдѣлался молчаливъ, нелюдимъ и началъ надъ планомъ великимъ своимъ работать въ тиши кабинета.

И Богъ помогалъ ему: планъ поражалъ
Изяществомъ, стройной красою.

Кое-кто изъ приближенныхъ указалъ, что «слишкомъ широки размѣры», но царь ничего измѣнять не хотѣлъ.

И только что слухи о планѣ его
Прошли по обширному краю, —
На каждую отрасль громадныхъ работъ
Нашлися способные люди.
И двинулись дружной семьей въ походъ
Съ запасомъ рабочихъ орудій.
Давно они были согласны вполнѣ
Съ царемъ—устроителемъ края,
Что новый палладіумъ нуженъ странѣ,
Что старый — руина гнилая.
И шли они съ гордо поднятымъ челомъ,
Исполнены честнаго жара;
Ихъ мускулы были развиты трудомъ,
И лица черны отъ загара.
И вѣра сіяла въ очахъ ихъ, горя
Ко славѣ отчизны любовью,
Они вдохновенному плану царя
Готовились жертвовать кровью.

Пришли въ столицу рабочіе люди, «иные у стараго храма легли, иные присѣли и ждали». Но никто не зоветъ ихъ; царь и вельможи проѣхали мимо — ни слова. И скучно имъ стало праздно сидѣть, привыкшимъ трудиться до поту.

Оказывается: вельможи испугались пришельцевъ и стали отговаривать царя, указывая, что суровость лицъ пришедшихъ на работу пророчитъ что-то недоброе, что ихъ надо подальше держать отъ столицы. Въ концѣ-концовъ, имъ удалось добиться, что царь поручилъ постройку храма «старымъ испытаннымъ слугамъ».

И вышелъ указъ... И за дѣло тогда
Взялись празднолюбцы и воры...
А люди, сгоравшіе жаждой труда
И рвеньемъ, сдвигающимъ горы,
Связали котомки свои и пошли.
Стыдомъ неудачи палимы,
И скорбь вавилонскую въ сердцѣ несли,
Ни съ чѣмъ уходя, пилигримы.
И цѣлая треть не вернулась домой:
Иные въ пути умирали,
Иные бродили по царству съ сумой
И смуты въ умахъ поселяли,
Иные скитались по чуждымъ странамъ...

А тѣ новые строители, служившіе только собственнымъ цѣлямъ, быстро «благотворную мысль низвели до уровня ветоши скудной».

Всякаго, кто посмѣлъ указывать на ихъ рутинное дѣло и пустые эффекты, они убирали съ своей дороги. Однажды по ихъ настоянію даже былъ казненъ «старецъ маститый, по мужеству — воинъ, по жизни — монахъ и сѣятель правды суровой, рѣзко открывшій глаза царю и напомнившій библейское слово «о новомъ

винѣ и о старыхъ мѣхахъ». По всей странѣ пошла паника, всѣ головы долу склонили: и строилось зданье въ нѣмой тишинѣ, какъ будто попалась могила... А когда царь увидалъ выстроенный храмъ, онъ грустно поникъ головой: ни въ цѣломъ, ни въ малой, отдѣльной чертѣ онъ не встрѣтилъ отрады. Добрый по природѣ своей, онъ раздалъ награды, но приказалъ всѣмъ разойтись,

А самъ, передъ капищемъ сидя,
О планѣ великомъ своемъ тосковалъ,
Его воплощенья не видя...

Идеализованное представленіе о личности Александра II слишкомъ замѣтно выступаетъ въ этой поэмѣ, указывая, какъ далекъ былъ ея авторъ въ извѣстный періодъ своей жизни отъ радикальнаго настроенія, позднѣе не покидавшаго его. Ходъ событій неминуемо велъ Некрасова къ иной оцѣнкѣ личности Александра II; если въ первоначальномъ текстѣ стихотворенія «На покосѣ» одинъ изъ молодыхъ крестьянъ говорилъ — «кабы больше намъ землицы... за Царя бы я прилежно Господа молилъ», то впослѣдствіи вторая часть этой фразы измѣнена была авторомъ такъ: «я работалъ бы прилежно и поменьше пилъ»... Но если Некрасову и казалось, что виной крушенія великихъ реформъ была бюрократическая рутина приближенныхъ Царя, то не въ одномъ этомъ все же онъ видѣлъ причину превращенія плана о чудномъ храмѣ въ «скудную ветошь»; онъ осуждалъ свое поколѣніе за дряблость, за недостаточный гражданскій пылъ, за отсутствіе тѣхъ данныхъ, которыя могутъ заставить «жизнь свою *всецѣло* отдать на *борьбу*». Покаянное самообличеніе и укоризны поэта по адресу дворянской интеллигенціи извѣстны, но одно, до сихъ поръ остававшееся не напечатаннымъ стихотвореніе, еще разъ подчеркиваетъ, какъ больно сознавалъ Некрасовъ изъяны своего поколѣнія, его слабость и противорѣчія жизни. Вотъ какой итогъ подвелъ онъ (въ 1867 г.) людямъ «добраго стремленія и безпутнаго житья»:

... отразился мало
На мнѣ тотъ полудикій вѣкъ:
Когда безчинство процвѣтало,
Я велъ себя, какъ человѣкъ.
Я время проводилъ не въ ссорахъ,
Не въ кутежахъ тогдашнихъ дней,
Но въ безкорыстныхъ разговорахъ
О меньшей братіи моей.
Съ крестьянъ, завѣщанныхъ отцами,
Взималъ умѣренный оброкъ,
Не бралъ сушеными грибами
И не копилъ полотенъ въ прокъ...
Писалъ стихи, писалъ не мало,
Не только взятокъ я не бралъ,
Но шепотомъ, какъ подобало,
Я противъ нихъ протестовалъ...
Когда прогрессъ на сцену вышелъ,
Я велъ себя, какъ либералъ,
Плодъ накопившагося горя —
Писалъ статьи о старомъ злѣ,

Съ уставней грамотой не споря,
Не погребалъ ее въ столѣ.
Хоть и не свыше данной нормы
Я тотчасъ утвердилъ надѣлъ;
Хвалилъ судебныя реформы,
Быть членомъ земства я хотѣлъ.
Не вижу зла въ свободной прессѣ,
Шаговъ попятныхъ не хочу,
Но спотыкнулись мы въ прогрессѣ,
Я выжидаю и молчу...
Долженъ я бы
Вести себя, *какъ гражданинъ*,
Но, милый другъ, всѣ люди слабы,
Какъ разъ останешься одинъ.

Интеллигенція, лишь пассивно реагирующая на событія жизни «бездѣйственной фразистою любовью», лишенная той крѣпости убѣжденій, при которой только и могутъ «порывы переходить въ дѣло», потеряла всякую цѣну въ глазахъ поэта, когда онъ увидѣлъ «факты противоположнаго свойства» въ средѣ иной общественной группы, въ рядахъ разночинной демократіи, вступившей въ активную борьбу съ реакціоннымъ засильемъ правящихъ круговъ. Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній Некрасовъ набросалъ широкую и яркую картину пореформенной Россіи, мѣтко зачертивъ значеніе и роль въ общественной жизни отдѣльныхъ сословій, опредѣленно выражая свое негодованіе однимъ и горячія симпатіи по адресу тѣхъ, кто готовъ былъ «кровью запечатлѣть свою доблесть». «Что новаго?» спрашиваетъ поэтъ:

Администрація — беретъ
И очень скупо выпускаетъ,
Плутократія — деретъ
И ничего не возвращаетъ.
По приглашенію властей
Дворяне ловятъ демагоговъ;
Крестьяне отъ земли, кормилицы своей,
Бѣгутъ подъ бременемъ налоговъ,
Пропиваются въ конецъ по кабакамъ,
И пьянымъ по колѣно море...
Да будетъ стыдно намъ, да будетъ стыдно намъ
За невѣжество и горе!..

Не менѣе безотрадно выступаетъ русская дѣйствительность въ другомъ стихотвореніи, тоже до сихъ поръ неизвѣстномъ, — «Путешественникъ»:

Въ городѣ волки по улицамъ бродятъ,
Ловятъ дѣтей, гувернантокъ и дамъ,
Люди естественнымъ это находятъ,
Сами они подражаютъ волкамъ.
Въ городѣ волки, и волки на дачѣ.
А ужъ какая ихъ тьма на Руси!
Скоро ужъ тамъ не останется клячи...
Ѣхать въ деревню? теперь-то? Merci!

Прусскій баронъ, опоясавши выю
Бѣлымъ жабо въ три вершка ширины,
Ѣздитъ одинъ, наблюдая Россію,
По захолустьямъ несчастной страны;
— Какъ у васъ хлѣбушко? «Нѣтъ ни ковриги!»
— Гдѣ у васъ скотъ? «Отъ заразы подохъ!»
А заикнулся про школы, про книги —
Прочь побѣжали. — «Помилуй насъ Богъ!
Книгъ намъ не надо — неси ихъ къ жандару!
Въ третьемъ году у проѣзжихъ людей
Мы ихъ купили по гривнѣ за пару,
А натерпѣлись на тыщу рублей!»
Думаетъ нѣмецъ: «ужъ я не оглохъ ли?
Къ школѣ привѣшенъ тяжелый замокъ,
Нивы посохли, коровы подохли,
Какъ эти люди заплатятъ оброкъ?»
«Что наблюдать? Что записывать въ книжку?»
Въ грусти баронъ самъ съ собой говоритъ...
Дай ты имъ гривну да хлѣба коврижку
И наблюдай, нѣмчура, аппетитъ...

Живо реагировалъ Некрасовъ и на другія событія современной ему жизни (см. «Бунтъ», «Отецъ твой, какъ бездѣльникъ»), въ изобиліи дававшей матеріалъ для граждански настроенной музы; «Хожденіе въ народъ», широко охватившее интеллигенцію 70 годовъ, вызвало въ душѣ Некрасова и горячій откликъ сочувствія, и чувство тревоги о судьбѣ молодежи, и надежду, что борьба ея закончится побѣдой. Подъ впечатлѣніемъ процесса землевольцевъ (1877), обвинявшихся въ устройствѣ демонстраціи у Казанскаго собора, вылилось стихотвореніе:

Есть и Руси чѣмъ гордиться,
Съ нею не шути!
Только славнымъ поклониться
　　Далеко итти.
Вестминстерское аббатство
　　Родины твоей,
Міръ подземнаго богатства
　　Снѣговыхъ степей.

Опредѣленное настроеніе звучитъ и въ слѣдующихъ строкахъ, помѣченныхъ 1876 г. (дек.):

Не за Якова Ростовцова
Ты молись, не за Милютина,
. . . . Ты молись
О всѣхъ, въ казематахъ сгноенныхъ,
О солдатахъ, въ полкахъ засѣченныхъ,
О повѣшенныхъ ты молись...

Пламеннымъ сочувствіемъ къ «активному народничеству» проникнуто и третье неизвѣстное стихотвореніе:

За желанье свободы народу
Потеряемъ мы сами свободу,
За святое стремленье къ добру
Намъ въ тюрьмѣ отведутъ конуру.

Некрасовъ самъ понималъ, что всѣ отмѣченныя стихотворенія не могутъ быть пропущены цензурой, и писалъ ихъ «не для печати». Но сознаніе, что иное не дойдетъ до читателя, застрянетъ въ цѣпкихъ рукахъ цензурнаго вѣдомства, парализовало творческую энергію его, мѣшало писать. «Трудно измыслить что-нибудь цензурное», писалъ Некрасовъ въ 1876 г. въ редакцію «Новаго Времени» и говорилъ обычно, что пишетъ меньше, нежели ему хочется, такъ какъ при одномъ воспоминаніи о невозможности все сказать въ печати мысль о пьесѣ, уже начинавшей слагаться, невольно скрывается, подавляется. Какъ много могъ бы сказать поэтъ своимъ современникамъ — видно изъ отрывковъ отдѣльныхъ стихотвореній, только теперь сдѣлавшихся извѣстными. Живое чувство кровной связи съ русской жизнью, ея былью и мечтами, при иныхъ, болѣе свободныхъ условіяхъ, еще ярче заставило бы Некрасова вліять на людей своего времени, еще крѣпче связало бы его съ тѣми, кто способенъ былъ зажигаться отъ искры его «суроваго, неуклюжаго» стиха, кто не могъ равнодушно глядѣть на его «блѣдную, въ крови, кнутомъ изсѣченную Музу».

Если новыя открытія некрасовскихъ произведеній будутъ такъ же интересны, какъ матеріалы, опубликованные г. Евгеньевымъ, безспорно, прочно сложившееся представленіе о Некрасовѣ станетъ еще значительнѣй, творчество его еще болѣе выиграетъ въ своей жизненной дѣйствительности.

Надѣемся, что г. Евгеньеву удастся докончить нелегкую работу архивныхъ розысковъ и дать читателю *знаніе подлиннаго Некрасова*.

Н. Бродскій.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

I. Новое о Вѣнскомъ Конгрессѣ.

Намъ приходилось уже знакомить читателей съ интереснымъ этюдомъ проф. Фурньера, посвященнымъ дѣятельности австрійскаго политическаго сыска и «черныхъ кабинетовъ» во время Вѣнскаго Конгресса. Недавно полковникъ Вейль, авторъ крупной монографіи о Мюратѣ, опубликовалъ часть своей новой работы Congrés de Vienne et la police secréte, которая должна появиться въ концѣ этого года. Неутомимый изслѣдователь австрійскихъ архивовъ посвящаетъ этотъ отрывокъ двумъ сіятельнымъ авантюристкамъ, вышедшимъ изъ среды высшей русской аристократіи. (Вейль. Вокругъ Вѣнскаго Конгресса. Княгиня Багратіонъ, герцогиня де Саганъ и австрійская тайная полиція. Revue de Paris juin. 1913 г.). Вдова знаменитаго Багратіона, дочь графа Скавронскаго и племянницы великолѣпнаго князя Тавриды, Екатерины Васильевны Энгельгардтъ, Екатерина Павловна Багратіонъ вскорѣ послѣ пріѣзда въ Вѣну явилась одной изъ самыхъ яркихъ звѣздъ шумнаго міркa государей и дипломатовъ. Ея соперницей по красотѣ и притягательности была герцогиня де Саганъ, старшая изъ дочерей герцога Курляндскаго Петра и графини Медемъ. Ко времени Вѣнскаго Конгресса де Саганъ успѣла уже дважды развестись и

была эксъ-княгиней Трубецкой. Около этихъ двухъ обольстительныхъ гетеръ безпрестанно снуютъ знатные шпіоны добровольцы, состоящіе на службѣ у начальника политическаго сыска барона Гагера. Интимная жизнь обѣихъ высокопоставленныхъ дамъ тщательно наблюдается въ надеждѣ выжать интересныя свѣдѣнія о планахъ посѣщающихъ ихъ салонъ высокопоставленныхъ друзей. Особеннымъ вниманіемъ пользуются посѣщенія императора Александра I. Шпіоны Nota и XX тщательно отмѣчаютъ время пріѣзда (поздно вечеромъ), и отъѣзда (далеко за полночь). Коллекціонируются мельчайшіе отрывки разговоровъ Багратіонъ съ императоромъ. Записки шпіоновъ ярко рисуютъ намъ закулисную кампанію, начатую императоромъ Александромъ противъ всесильнаго Меттерниха. На нѣкоторое время салонъ Багратіонъ дѣлается ратнымъ станомъ непріятелей Меттерниха. Но скоро императору Александру удается завоевать салонъ и ея соперницы де Саганъ. Онъ умѣетъ возстановить противъ Меттерниха и другихъ красавицъ венгерской знати. При этомъ онъ не забываетъ главной цѣли— удержать за собой великое герцогство Варшавское. Въ февралѣ 1815 года отношенія императора Александра и Багратіонъ охладѣваютъ, и она утѣшается съ принцемъ Виртембергскимъ, не брезгая другими молодыми графами и князьями. Саганъ, въ свою очередь, утѣшается съ англійскимъ посломъ Стюартомъ. Бѣгство Наполеона съ Эльбы разгоняетъ «танцующій» Конгрессъ. Все стремится въ Баденъ; стремятся туда и двѣ львицы Конгресса, но удается поспѣть ранѣе де Саганъ. Ей спѣшатъ сообщить первыя донесенія о ходѣ дѣлъ противъ Наполеона и Стюартъ и даже «Желѣзный герцогъ» Веллингтонъ. Багратіонъ сидитъ въ Вѣнѣ, угрожаемая долговой тюрьмой, и лишь съ большимъ трудомъ успѣваетъ сладить съ кредиторами.

II. Люди первой половины XIX вѣка по мемуарамъ.

Э. Додэ. Среди недавно вышедшихъ мемуаровъ. Revue des deux Mondes. 1913 г. 1 авг.; Мемуары графа Р. Аппоньи, 1834 г.; Городъ и дворъ при Людовикѣ-Филиппѣ.—R. de Deux Mondes. іюнь (и отдѣльно т. II); Ш. Бенуа. Человѣкъ 1848 года — іюль.).

Съ обычной эрудиціей, но также и неизмѣннымъ пристрастіемъ историкъ - легитимистъ Э. Додэ знакомитъ насъ съ выдержками изъ наиболѣе интересныхъ новыхъ мемуаровъ. На первый планъ совершенно справедливо ставитъ онъ «Воспоминанія женщины пятидесяти лѣтъ» (1758 — 1815). Маркиза де ла Туръ дю Пэнъ начала свои мемуары въ 1820 году и далеко не закончила предъ смертью. Она вводитъ читателя своимъ яснымъ безыскусственнымъ разсказомъ въ трагическую исторію революціи и Наполеоновскую эпопею. Дочь одного изъ видныхъ аристократовъ, ирландскихъ эмигрантовъ Диллоновъ, она хорошо знакома съ жизнью французской придворной знати, и даетъ яркую картину нравственнаго распада высшихъ классовъ французскаго общества. Она съ горечью говоритъ о своемъ дѣтствѣ: оставленная родной матерью, заброшенная отцомъ и мачехой — она предоставлена была попеченіямъ няньки, взбалмошной бабушки и жуира — дядюшки. 10-лѣтняя дѣвочка слушала самыя нечистыя бесѣды въ домѣ дядюшки, блестящаго архіепископа Нарбонскаго, гдѣ ежедневно нарушались всѣ

правила нравственности и религіи и не было даже священника, чтобы причастить умирающую. «Чѣмъ болѣе старѣюсь,—пишетъ она,—тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что революція 1789 года—неизбѣжный результатъ и справедливое наказаніе за пороки высшихъ классовъ». Среди любовныхъ интригъ родителей, грязи и пошлости «маленькая дурнушка» сумѣла сохранить нравственную чистоту и практическій здравый смыслъ. Главной опорой ея оказалась нянька, простая неграмотная дѣвушка 25 лѣтъ. «Сколько разъ я мысленно ставила самыхъ высокихъ лицъ въ свѣтѣ на одну чашку вѣсовъ, а мою добрую Маргариту—на другую, и всегда послѣдняя перевѣшивала»... Съ этимъ вѣрнымъ другомъ она сумѣла уклониться отъ навязчиваго вниманія 85-лѣтняго волокиты герцога Бирона и найти себѣ мужа въ будущемъ маркизѣ дю Пэнъ. Затѣмъ мрачные годы революціи, эмиграціи и, наконецъ, примиренія съ имперіей. Любопытна картина представленія Наполеону 60 дамъ: ихъ строятъ по ранжиру и послѣ строгаго «равняйсь»—Наполеонъ проходитъ между собравшимися.

«Мемуары графа Монбеля», бывшаго министра временъ реставраціи, переносятъ насъ къ «3-мъ достославнымъ днямъ» 1830 года. Провинціальный депутатъ, искусный и краснорѣчивый ораторъ правой въ 1827 г., министръ внутреннихъ дѣлъ *по приказу* короля въ кабинетѣ Полиньяка, онъ счастливо успѣваетъ бѣжать за границу во время іюльскихъ дней и благополучно послѣ долгихъ мытарствъ пробирается въ Вѣну. Здѣсь онъ является горячимъ заступникомъ интересовъ изгнаннаго короля Карла X. Но всѣ его ухищренія не могли склонить Меттерниха къ отказу признать Людовика-Филиппа. Ловкій дипломатъ ссылался на настроеніе умовъ и отношеніе къ перевороту народныхъ массъ въ Англіи. Легитимныя соображенія стараго монархиста и послушаніе льстиваго царедворца отступили предъ логикой дипломата: «Мы признали монархію Людовика-Филиппа, какъ необходимое зло, но меньшее, чѣмъ анархія. Если бы мнѣ предложили быть повѣшеннымъ или колесованнымъ, я бы предпочелъ висѣлицу (Меттернихъ)». «Мемуары (бывшаго члена конвента) Тибодо» возвращаютъ насъ снова къ Наполеону. Старый якобинецъ, отвернувшійся отъ террора и содѣйствовавшій его гибели, дѣлается искреннимъ слугой императора. Но, несмотря на всѣ свои таланты и неподкупную честность и прямоту, онъ до конца имперіи не могъ побѣдить въ Наполеонѣ инстинктивнаго недовѣрія къ прошлой карьерѣ цареубійцы, члена Конвента. Въ разгаръ этого процесса короля Людовика XVI и вводятъ насъ мемуары Т. Ламета. Извѣстный дѣятель революціи, эмигрировавшій за границу, онъ вернулся съ опасностью для жизни хлопотать за короля предъ выдающимися вождями горы во время процесса. Ярки и красочны его воспоминанія о свиданіи съ Дантономъ, террористомъ Моморо и Демуленомъ. Отъ Дантона онъ добивается двусмысленнаго обѣщанія, отъ гнѣва Моморо едва спасается, благодаря вмѣшательству жены послѣдняго. Неудаченъ отказывается и визитъ къ Камиллу Демулену.

Нельзя обойти въ высшей степени живые и обильные бытовыми картинками мемуары графа Р. Аппоньи (вышелъ II томъ). Тотъ же легкомысленный прожигатель жизни, фатъ и любезникъ (см. нашу статью № 7), онъ умѣетъ, однако, подмѣтить и занести много интересныхъ сценокъ и фактовъ. Картины жестокаго разстрѣла защитниковъ баррикадъ 1834 года въ Парижѣ дополняются

цѣннымъ сообщеніемъ о Ліонскихъ ужасахъ, полученныхъ Аппоньи изъ устъ самого Людовика-Филиппа: взятіе приступомъ четырехъ церквей, гдѣ заперлись участники Ліонскаго возстанія, отчаянная борьба съ солдатами на крышахъ домовъ — передаются авторомъ мемуаровъ съ хладнокровіемъ сторонняго человѣка и точностью дипломата иностранной державы. Кровавыя событія не могутъ убить въ немъ галантности и желанія посмѣяться надъ глуповатымъ испанскимъ посломъ. Блестящими картинками придворной жизни, выѣздовъ, интимныхъ конфиденцій переполнены эти главы записокъ.

Естественно, что Шарль Бенуа, давно уже посвящающій свои этюды изученію кризиса современнаго государственнаго строя, на основаніи такой массы опубликованныхъ новыхъ матеріаловъ — мемуаровъ, административныхъ донесеній — попытался дать типическій портретъ «человѣка 48-го года» — разрушителя монархіи Людовика Филиппа. Въ сущности, Бенуа возобновилъ лишь старый методъ И. Тэна и со всѣми его достоинствами и недостатками.

Парижскій рабочій Drevet изъ предмѣстья, храбро сражавшійся въ теченіе трехъ славныхъ дней, чуточку знавшій книжку Бонаротти, едва слышавшій о карбонерствѣ, послѣ революціи почувствовалъ себя лишнимъ «пролетаріемъ» (слово Амара въ 1817 г) и «несобственникомъ» (Б. Констанъ). Всю власть захватилъ буржуа—и въ честь его слагаютъ хвалу даже офиціальные идеологи, говоря, что буржуазія унаслѣдовала всю власть отъ старой аристократіи, даетъ всему жизнь и движеніе, ибо у нея деньги и власть (Жербэ). Но съ 1831 г. недовольный демократъ-буржуа насаждаетъ тайныя республиканскія общества. Робеспьеръ и революція 93 года окружается ореоломъ. И вотъ добрякъ Древэ, прежде ходившій въ патріотическія общества, манифестируетъ на похоронахъ республиканцевъ, благодушно улыбается процессіямъ сенсимонистовъ, внимательно слушаетъ рѣчи ихъ въ защиту «невольниковъ труда», кричитъ: «дорогу факелу, пикѣ и топору». Студенты привлекаютъ интеллигентныхъ рабочихъ въ клубы. Быстро растетъ Общество правъ человѣка: въ одномъ Парижѣ оно насчитываетъ до 163 секцій съ выразительными кличками: «Пролетарій», «Организація труда» etc. Циркуляры общества проникнуты явными соціалистическими тенденціями и проповѣдують борьбу съ капиталомъ. Въ Дижонѣ зарождается мысль объ Интернаціоналѣ. Растутъ и общества уже явно съ активно-революціоннымъ характеромъ, которыя организуютъ большую забастовку 1833 года. Рядъ брошюръ адресуется къ рабочему. Въ политическихъ процессахъ все чаще попадаются рабочіе. Видно, какъ рабочій обуянъ ненасытной жаждой читать, учиться, онъ гордится своей библіотечкой, которую старательно подобралъ въ лавкѣ букиниста. На его этажеркѣ лежать брошюры, говорящія о 93 годѣ: тутъ и «указатели» и «цивическіе катехизисы» и копеечные памфлеты, «Таблица правъ человѣка» Дежардина, рѣчи Робеспьера и С.-Жюста, перепечатки конституцій, сочиненія Руссо, брошюрки Общества Правъ Человѣка. Вь уголкѣ объявленія о скоромъ выходѣ новыхъ зажигательныхъ брошюрокъ. Въ сторонкѣ IV тома «Революціоннаго Парижа» и 2 тома «Исторіи 30-го года» Кабэ. На полу валяются отдѣльные номера сенсимонистскихъ журналовъ, различныхъ республиканскихъ газетокъ. Отсюда рабочій Древэ и Надо̀ познаютъ свое соціальное положеніе и черпаютъ свои политическія программы. Начинается рядъ террористическихъ актовъ. Суровое подавленіе Ліонскаго возстанія,

строгія мѣры противъ «Общества правъ человѣка», новые законы объ обществахъ и союзахъ заставляютъ уйти въ подпольную работу: тайныя общества превращаются въ архитайныя и подчиняются суровой дисциплинѣ. 1835 — 39 годы работы активныхъ революціонеровъ Бланки, Барбеса, М. Бернара. Вступленіе въ общества «Семей», «Временъ года» принимаетъ таинственный характеръ масонскаго ритуала, но вопросы новичку проникнуты рѣзкимъ классовымъ духомъ и намѣчаютъ вполнѣ опредѣленную программу соціальнаго переворота. Такъ настроеніе поднимается до крайняго напряженія, до революціонной экзальтаціи. Древэ стремится вступить въ общество, преслѣдующее активное выступленіе, сдѣлаться однимъ изъ «Воскресеній» — т.-е. командиромъ «Недѣли» (семерки), или какимъ-нибудь мѣсяцемъ — напр. «Іюлемъ» — т.-е. командиромъ 4 «Недѣль» — наконецъ «Весной» (время года) — командиромъ трехъ мѣсяцевъ, оставляя постъ «агента революціи» старымъ вожакамъ. Преждевременное выступленіе Барбеса и Бланки въ маѣ 1839 года измѣняетъ направленіе движенія.

А. Васютинскій.

Статьи въ текущихъ журналахъ.

I. Всеобщая исторія.

«Автобіографія Франц. Петрарки». Въ перев. и съ предислов. **М. Гершензона**. (*«Соврем.»* № 9). **Сырцовъ, А. И.** «Изъ неизданныхъ произведеній Лейбница». (*«Ж. Мин. Нар. Пр.»* № 9). **М. Острогорскій.** «Конституціонная эволюція Англіи». (*«В. Ев.»* № 9). **Майскій, В.** «Авг. Бебель». (*«Рус. Бог.»* № 9). **Ардашевъ, Н. Н.** «Третій международный конгрессъ историковъ въ Лондонѣ». (*«Ж. Мин. Нар. Пр.»* № 9).

II. Русская исторія.

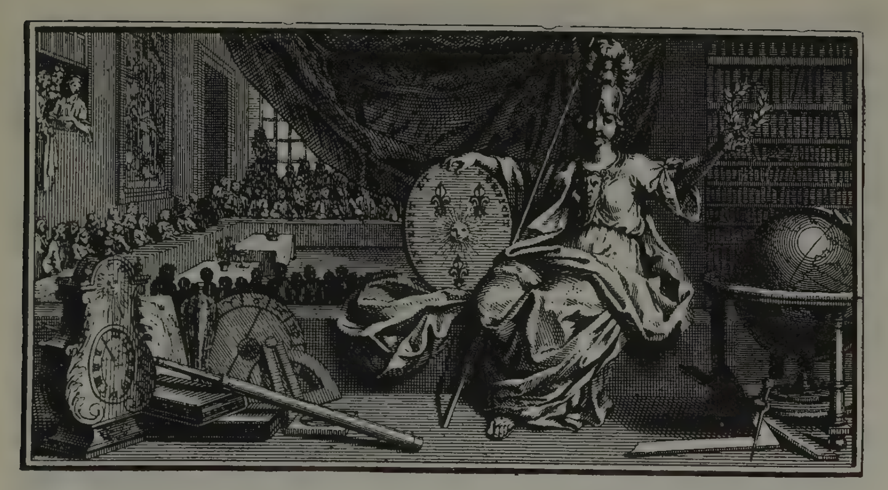
Смирновъ, Н. П. «О началѣ Уложенія и земскаго собора 1648—1649 гг.». (*«Ж. Мин. Нар. Пр.»* № 9). **Всеволодскій-Гернгроссъ, В.** «Театръ въ Россіи при имп. Аннѣ Іоанновнѣ». (*«Ежег. Имп. Театр.» вып.* IV). **Мякотинъ, В.** «Форма землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII — XVIII в.» (*«Рус. Бог.»* № 9). Декабристы на поселеніи. (*«Совр.»* № 9) «Переписка **А. Н. Верстовскаго** съ **А. М. Гедеоновымъ**. 1843—1844 гг. (*«Ежег. Им. Т.» вып.* IV). **Изгоевъ, А. С.** «Кающійся дворянинъ». Въ дополненіе къ воспоминаніямъ Н. А. Морозова въ «Гол. Мин.» сообщаются данныя о Н. И. Цакни. (*«Рѣчь»* № 236). **Либровичъ, С. Ф.** «Земля и воля и Маврикій Вольфъ». «Разсказъ объ обыскѣ въ типографіи Вольфа въ 1879 году». (*«Изв. кн. м. Вольфъ»* № 9). **Барановъ, А.** «Изъ воспоминаній о Мудтанскомъ дѣлѣ». (*«В. Евр.»* № 9). **К. Зелевскій.** «Польско-еврейскій конфликтъ». (*«В. Ев.»* № 9). **С. Лаврентьевъ.** «Свѣтлый лучъ». Изъ воспоминаній о Т. П. Пассекъ. (*«Рус. Ст.»* № 10).

III. Исторія литературы.

«Письмо В. А. Жуковскаго Имп. Николаю Павловичу». (*«Соврем.»* № 9). **Барсовъ, А.** «Литература послѣ Гоголя. Генезисъ литературныхъ типовъ». (*«Педаг. Сборн.»* № 9). **Пантелѣевъ, Л.** «Странички изъ воспоминаній. О псевдо-Крестовскомъ». (*«Рѣчь»* № 242). «Письмо **П. Ф. Якубовича.** (*«Рус. Бог.»* № 9). Изъ литовской литературы. Литовская писательница Ю. Жемайте. Предисл. **Ю. Булата.** (*«Соврем.»* № 9). **Погодинъ, А. Л.** «Современная болгарская поэзія» (*«Рус. М.»* № 9). **Тасинъ, Н.** «Бульварный романъ во Франціи». (*«Совр. М.»* № 9). Воспоминанія *И. Л. Толстого* и *А. М. Горькаго*—печатаются въ «Рус. Словѣ».

IV. Исторія искусствъ.

Лукомскій, Г. «Волынская старина». (*«Искусство»* № 7—8).

L'Academie des Sciences.

Критика и библіографія.

Проф. *С. Ѳ. Платоновъ.* Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Изд. второе. С.-Петерб. 1913 г. 474 стр. Ц. 3 р.

Черезъ 25 лѣтъ изслѣдованіе проф. С. Ѳ. Платонова появляется безъ всякихъ перемѣнъ, съ очень небольшимъ количествомъ библіографическихъ дополненій. Нова только вторая часть Предисловія, напримѣръ, замѣтка автора о своихъ критикахъ.

Оказывается, что «въ мнѣніи В. О. Ключевскаго автору невольно видѣлась нѣкоторая требовательность къ тѣмъ сторонамъ изслѣдованія, которыя критику гораздо легче было намѣтить, чѣмъ изслѣдователю выполнить». Вѣроятно, какъ отвѣтъ на замѣчанія критики, проф. Платоновъ приводитъ теперь свою рѣчь на магистерскомъ диспутѣ 11 сент. 1888 г.

«Было два пути къ разрѣшенію принятой мною задачи. Во-1-хъ, возможно было заняться критикою отдѣльныхъ извѣстій, находящихся въ сказаніяхъ о Смутѣ, и при этомъ отодвинуть на задній планъ изученіе литературной исторіи произведеній. А во-2-хъ, возможно было сосредоточить свое вниманіе именно на литературной исторіи сказаній... Во второмъ случаѣ работа явилась бы сводомъ литературныхъ характеристикъ и опредѣлила бы только *общую степень достовѣрности* каждаго сказанія... Моя книга свидѣтельствуетъ, что я выбралъ второй путь... Провѣрка небольшой части одного «Иного сказанія» отняла у меня нѣсколько мѣсяцевъ и показала мнѣ, что, работая съ подобными пріемами, я рискую не кончить книги и въ десять лѣтъ... Тема историческая перешла въ историко-литературную рядомъ постепенныхъ, для меня не всегда даже сознательныхъ, измѣненій».

Въ сущности признаніе такой перспективы въ своей работѣ противорѣчитъ итогамъ, подведеннымъ въ концѣ самой книги: «Въ цѣли настоящаго изслѣдованія не входило, однако, *полное* изученіе памятниковъ съ ихъ литературной стороны. Сказанія о Смутѣ служили и служатъ до сихъ поръ гораздо болѣе источникомъ историческихъ свѣдѣній, чѣмъ предметомъ историко-литературныхъ наблюденій. Это обстоятельство

налагало на изслѣдователя обязанность опредѣлить прежде всего степень исторической достовѣрности сказаній» (стр. 432).

Итакъ, по оцѣнкѣ самого автора, его книга *не* выполняла *вполнѣ* ни критико-исторической, ни историко-литературной задачи изслѣдователя. Со времени перваго изданія 1888 г. прошло не десять, а 25 лѣтъ. Авторъ напечаталъ съ тѣхъ поръ «Памятники Древней Русской письменности, относящіеся къ Смутному времени» (Русская Ист. Библіотека т. XIII) и «Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII вв.» Заслуги проф. С. Ѳ. Платонова передъ исторіей Смутнаго времени поистинѣ велики. Однако молодые историки, какъ бы стоя у него на плечахъ, все-таки рано или поздно должны довести до конца ту историко-критическую работу, отъ которой пришлось уклониться въ свое время самому автору этихъ трудовъ.

На нѣкоторыхъ примѣрахъ изъ эпохи Бориса Годунова и Димитрія мы постараемся показать, что даже «общая степень достовѣрности каждаго сказанія» не можетъ быть опредѣлена безъ «свода отдѣльныхъ историко-критическихъ замѣтокъ о тѣхъ фактахъ, о которыхъ случайно упоминаютъ сказанія». Только перекрестный огонь всѣхъ свидѣтельствъ объ отдѣльныхъ фактахъ и извѣстіяхъ, находящихся въ сказаніи, можетъ освѣтить достовѣрность его въ частности для каждаго мѣста и момента, а въ итогѣ и общую его надежность.

Особенную важность проф. Платоновъ придаетъ первой части «Иного Сказанія», написанной предположительно лѣтомъ 1606 г.: «Рѣдкій офиціальный актъ можетъ, по словамъ автора, сравниться съ повѣстью количествомъ свѣдѣній о первоначальныхъ похожденіяхъ Отрепьева. Поэтому повѣсть въ этихъ своихъ показаніяхъ объ Отрепьевѣ должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди прочихъ источниковъ». Это утвержденіе проф. Платонова и фактически, и методологически мы въ правѣ назвать въ настоящее время прямо-таки невѣрнымъ. Методологически это—ложный кругъ, приравнивать свѣдѣнія повѣсти къ извѣстіямъ офиціальныхъ актовъ, потому что достовѣрность сказаній повѣряется именно объективными (какъ имена и годы) данными офиціальныхъ актовъ. Фактически проф. Платоновъ въ перечисленіи «Важнѣйшихъ актовъ, говорящихъ объ Отрепьевѣ до его перехода въ Польшу» пропускаетъ здѣсь всѣ наиболѣе обстоятельные акты. Авторъ называетъ всего только четыре документа, а именно:

1) Письменное объявленіе, данное сенаторамъ Польскимъ отъ россійскихъ посланниковъ кн. Григорія Волконскаго и дьяка Андрея Иванова въ декабрѣ 1606 г. (Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. II). Но вѣдь этотъ актъ долженъ быть дополненъ изо всего статейнаго списка посольства съ 1 іюня 1606 г. по февраль 1607 г. (Моск. Арх. Мин. Ин. Д., Польскія дѣла, № 26). Въ другихъ частяхъ здѣсь прямо указано, что *постригалъ* Отрепьева съ Вятки игуменъ Трифонъ, что протопопъ Успенскаго собора Евѳимій ходатайствуетъ за него передъ архимандритомъ Чудова монастыря Пафнутіемъ, будущимъ Крутицкимъ митрополитомъ, то-есть многое, чего нѣтъ въ «Иномъ Сказаніи».

2) Документъ № 24 у Щербатова. «Ист. Росс.» т. VII, ч. 3. Для судебъ Отрепьева до бѣгства за рубежъ онъ ничего не даетъ, а его извѣстія о дѣятельности Димитрія и его пособниковъ въ Польшѣ обстоятельнѣе изложены въ письмѣ Бориса къ Сигизмунду III (Сборникъ кн. Оболенскаго, № 7) и въ оправданіяхъ польскихъ пословъ 1606 и 1608 гг., Олесницкаго и друг. («Акты Зап. Россіи», т. IV. Новаковскій).

3) Посланіе россійскихъ владыкъ къ князю Вас. Конст. Острожскому, іюнь 1606 г. Оно дѣйствительно даетъ для жизни Отрепьева то же

что и «Иное Сказаніе», но проф. Платоновъ совершенно опускаетъ такіе акты, которые сообщаютъ намъ теперь нѣсколько или гораздо болѣе, какъ, напримѣръ, письмо Бориса къ имп. Рудольфу II, гдѣ (ноябрь, 1604 г.) указывается на службу Юшки у Михаила Романова, или матеріалы по родословію Отрепьевыхъ.

4) Грамоту патріарха Іова въ Сольвычегодскій монастырь отъ 14 января 1605 г. Но она даетъ не только версію «Иного Сказанія» о побѣгѣ Григорія Отрепьева съ чернецами Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ, но и имя Венедикта изъ другой версіи бѣгства.

Всѣ перечисленные нами офиціальные акты заключаютъ въ себѣ объ Отрепьевѣ и традицію Бориса—Іова, и редакцію Василія Шуйскаго, а въ общемъ приводятъ столько подробностей о его молодости, что «Иное Сказаніе», какъ сжатое отраженіе правительственныхъ документовъ, рядомъ съ ними вовсе даже и не можетъ считаться тутъ независимымъ историческимъ источникомъ. Историкъ въ состояніи обойтись безъ него, и долженъ считаться лишь съ письмами Бориса Годунова, Статейнымъ спискомъ Вас. Шуйскаго и свидѣтельствомъ польскихъ пословъ 1608 и 1606 гг. (у Новаковскаго). Наконецъ надо выслушать и обвиняемаго. Показаніе о себѣ самого Димитрія въ собственноручномъ письмѣ къ папѣ Клименту VIII отъ 18 апр. 1604 г., гдѣ онъ сознается, что пребывалъ между чернецами. Но и литературная исторія текста «Иного Сказанія» обслѣдована у С. Ѳ. Платонова, какъ намъ кажется, не до корней. По словамъ автора, «Повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ — представляетъ собою сокращеніе первой части «Иного Сказанія» съ нѣкоторыми вставками». Теперь эта краткая «Повѣсть» *плавно* разсказываетъ о бѣгствѣ Отрепьева въ Литву съ тремя иноками — Мисаиломъ Повадинымъ, Венедиктомъ и Леонидомъ; въ Кіевѣ, у Успенія Богородицы въ Печерскомъ монастырѣ Отрепьевъ «повелѣ тому Леониду зваться своимъ именемъ, Гришкою Отрепьевымъ, а самъ ложно наименова собя царевичемъ Дмитріемъ». Напротивъ, пространное «Иное Сказаніе» прерываетъ здѣсь органическую плавность разсказа вставкой «Извѣта Варлаама» и слѣдуетъ версіи Бориса—Іова о двухъ спутникахъ Отрепьева—Мисаилѣ и Варлаамѣ.

По окончаніи вставки и здѣсь продолжается дальше, какъ въ краткой «Повѣсти», плавный разсказъ (со словъ: «Слышаху тогда то въ Кіевѣ Литовстіи людіе и Запорожстіи казачея» etc.); но потомъ вдругъ и въ «Иномъ Сказаніи» неожиданно поминается «старецъ именемъ Леонидъ, который съ нимъ шелъ до Путимля, а назывался его именемъ Гришкинымъ Отрепьевымъ». Вѣроятно, что отношеніе между «Инымъ Сказаніемъ» и «Повѣстью, како восхити» сложнѣе, чѣмъ это представляетъ себѣ проф. Платоновъ. Для насъ, напримѣръ, правдоподобнѣе, что первоначально и въ пространной редакціи, то-есть «Иномъ Сказаніи», стояла версія изъ дней Василія Шуйскаго о бѣгствѣ Отрепьева съ Венедиктомъ и Леонидомъ, но затѣмъ эта часть плавнаго разсказа была вырѣзана и замѣнена «Извѣтомъ Варлаама», дошедшимъ до насъ и отдѣльно и старающимся версію Бориса — Іова о Мисаилѣ и Варлаамѣ соединить съ указаніями слѣдствія при В. Шуйскомъ. Изъ актовъ В. Шуйскаго нѣсколько фразъ могли попасть и въ «Извѣтъ», и въ краткую «Повѣсть». Свѣдѣнія, объявленныя 30 мая, н. с. 1606 г. о данныхъ слѣдствія при В. Шуйскомъ, находятся у иностранцевъ, въ особенности у Уильяма Росселя (W. Russel, The Reporte etc. London, 1607 или La légende de Démétrius, Amsterd. 1606) и у Массы.

Проф. Платоновъ могъ бы для оцѣнки достовѣрности «Иного Сказанія» прибѣгнуть еще и къ испытанію его хронологическихъ данныхъ. Вѣдь

«Извѣтъ Варлаама» относитъ бѣгство Отрепьева къ первой половинѣ 1602 г.; Борисъ относилъ его побѣгъ даже ко второй половинѣ этого года или къ 1603 г., но польскіе послы точно указывали на появленіе Димитрія въ ихъ царствѣ еще въ 1601 г.; съ этимъ показаніемъ совпадаетъ и отзывъ кн. Януша Острожскаго о продолжительности своего знакомства съ Димитріемъ на Волыни.

Отношеніе проф. С. Ѳ. Платонова къ углицкимъ событіямъ уклончиво. По его словамъ, оцѣнить разсказъ «Иного Сказанія» объ убіеніи царевича Димитрія особенно трудно: «критика источника въ данномъ случаѣ не можетъ опереться ни на какое прочное основаніе. Въ 1591 г. офиціально былъ установленъ фактъ нечаяннаго самоубійства Димитрія; въ 1605 и 1606 г. офиціально же утверждалось въ данномъ случаѣ убійство со стороны Годунова. Наша повѣсть впервые переноситъ это утвержденіе изъ области офиціальныхъ увѣреній и народныхъ толковъ въ область литературы». Однако, если Вас. Шуйскій и патріархъ Іовъ въ 1606—7 гг. сами взяли назадъ и опровергли свои заключенія 1591 года о фактѣ самоубійства, то отсюда еще не получается пустое мѣсто: просто углицкое дѣло изъ офиціальнаго приговора патріарха и Освященнаго собора превращается въ матеріалъ для исторической критики. Въ другомъ мѣстѣ, по поводу «Повѣсти о убіеніи» изъ списка Бычкова, проф. Платоновъ самъ признаетъ, что изъ слѣдственнаго дѣла, опираясь на показанія Михаила Нагого, можно вынести и убѣжденіе въ наличности убійства.

И безъ отреченія кн. В. Шуйскаго и патр. Іова знакомство со всѣмъ слѣдствіемъ 1591 г. не внушало бы довѣрія къ конечному выводу Освященнаго собора. Слѣдствіе велось явно неискренне. Царица-мать вовсе не призвана къ допросу. Вопросъ о болѣзни царевича считался предрѣшеннымъ, и свидѣтелямъ заранѣе влагался въ ротъ этотъ отвѣтъ: «что его болѣзнь была?» Рана осталась необслѣдованной, была ли она колотая или рѣзаная. Изслѣдованіе проф. Платонова оставляетъ невѣрное впечатлѣніе, будто бы всѣ обстоятельные разсказы о фактѣ убійства въ Угличѣ относятся, какъ и «Иное Сказаніе», къ годамъ послѣ обрѣтенія мощей царевича при Вас. Шуйскомъ. Признакомъ такой поздней версіи служитъ упоминаніе «орѣшковъ» у Димитрія.

Но вѣдь есть и другая версія (Новый Лѣтописецъ), для которой типично указаніе на ожерелье или воротъ царевича. Правда, ожерелье упомянуто и въ описаніи мощей, но уловка Волохова—добраться до шеи царевича подъ предлогомъ любопытства къ ожерелью напоминаетъ одно иностранное извѣстіе изъ 1605 г. Ѳома Смитъ (Voyage, London, 1605), передавая легенду изъ круговъ, очевидно, близкихъ къ Богдану Бѣльскому, признаетъ подмѣну царевича въ Угличѣ сыномъ попа; этотъ лже-царевичъ будто бы и убитъ товарищемъ по игрѣ, который подъ предлогомъ поправить ножомъ косо стоявшій на шеѣ воротокъ, перерѣзалъ ему глотку. Горсэ, со словъ Аѳанасія Нагого, бѣжавшаго тотчасъ же послѣ убійства изъ Углича, передаетъ, будто бы одинъ изъ жильцовъ (some one of his pages) на дыбѣ сознался, что былъ склоненъ къ участію въ убійствѣ Борисомъ. Итакъ, есть слѣды традиціи, идущей еще изъ 1591—1605 гг.

При обсужденіи сказанія Авраамія Палицына проф. Платоновъ, повидимости, совершенно опускаетъ изъ виду, что рядомъ съ обязательнымъ для писателя XVII вѣка моральнымъ обоснованіемъ Смуты, келарь Троице-Сергіева монастыря подробно развиваетъ ея соціально-политическія причины. Раздвоеніе Руси въ дни Смуты явилось въ глазахъ Палицына итогомъ сословной и колонизаціонной политики Московскаго государства,

содѣйствовавшей обособленію и противоположенію центра и окраины. А между тѣмъ двѣ значительныя главы въ «Очеркахъ по исторіи Смуты» проф. Платонова, «Области Московскаго Государства» и «Кризисъ второй половины XVI вѣка» представляются намъ только развитіемъ идей Палицына и Тимоѳеева, обильно иллюстрируемыхъ данными изъ актовъ. По вопросу о достовѣрности Сказанія Палицына С. Ѳ. Платоновъ только резюмируетъ предыдущую полемику: «г. Забѣлинъ склоненъ былъ вовсе отвергать годность «Сказанія», какъ историческаго источника, Костомаровъ же не соглашался только съ рѣзкостью такого осужденія... Кедровъ считаетъ «Сказаніе» искреннимъ и правдивымъ произведеніемъ».

Проф. Платоновъ и тутъ уклоняется отъ собственной оцѣнки достовѣрности «Сказанія»: разборъ и пересмотръ высказанныхъ относительно Палицына взглядовъ «вывели бы насъ далеко изъ предѣловъ нашего изслѣдованія». Освѣдомленность келаря и его умѣнье многое сказать между строкъ стоило бы освѣтить нѣсколькими примѣрами.

Въ обслѣдованіи Хронографа 2-ой редакціи 1617 года проф. Платоновъ пріостановился передъ очень важнымъ вопросомъ. Его «наблюденія надъ слогомъ Хронографа приводятъ къ мысли, что, при разнородномъ характерѣ его составныхъ частей, эти части (съ 161-ой главы) связаны болѣе или менѣе въ одно цѣлое повѣствованіемъ самого собирателя Хронографа». Обращаясь «къ вопросу объ ихъ исторической цѣнности», С. Ѳ. Платоновъ говоритъ: «Если авторъ писалъ не по памяти, которая ему измѣняла, а по показаніямъ другихъ лицъ, то мы въ его произведеніи встрѣчаемся съ мнѣніями не одного лица, а всей той среды, которая ему внушила его взгляды... Это даетъ важность его показаніямъ при изученіи взглядовъ на Смуту русскаго общества XVII вѣка». Тутъ ждешь, но тщетно, критическаго разбора на примѣрахъ изъ Хронографа важнаго вопроса, насколько сама эта «среда» вѣрно представляла себѣ ходъ Смуты. Ограничимся однимъ образцомъ.

Отчасти уже по «Иному Сказанію», а вслѣдъ за нимъ въ особенности по Хронографу Борисъ Годуновъ стремился ради укрѣпленія собственной династіи истребить бояръ Романовыхъ, какъ родъ царской породы. Отсюда, по Хронографу, негодованіе противъ него чиноначальниковъ русской земли, которое, въ свою очередь, вызываетъ Смуту и конецъ царствованію Бориса. Напротивъ, Маржеретъ утверждаетъ, что, какъ разъ наоборотъ, преслѣдованія противъ бояръ начались лишь послѣ появленія слуховъ о самозванцѣ въ 1600 г. Въ томъ же смыслѣ говорили и польскіе послы въ 1608 г. Въ настоящее время это разногласіе можетъ быть съ полной достовѣрностью разрѣшено въ пользу Маржерета и противъ составителя Хронографа 1617 г. Изъ переписки Андрея Сапѣги въ Оршѣ съ Кристофомъ Радзивилломъ извѣстно, что вѣсти о подготовкѣ самозванца ходили по Москвѣ и въ Смоленскѣ уже въ 1598 г. передъ избираніемъ Бориса на царство (Архивъ Сапѣговъ, т. I). Между тѣмъ опала Бѣльскаго и дѣло Романовыхъ относятся къ лѣту и осени 1600 г., въ 1601 г. слѣдуютъ ссылка Романовыхъ и опала Вас. Щелкалова. Для бѣгства Григорія Отрепьева въ Польшу польскіе послы 1608 года принимали 1600—1601 г. (7, 109 г. С. М. годъ сотворенія міра). Итакъ, обнаруженіе подстановки Дмитрія предшествуетъ гоненію на Романовыхъ.

Для исчерпывающей критики «Сказаній и Повѣстей о Смутномъ времени» проф. С. О. Платонову въ 1888 г. недоставало *дипломатарія* эпохи. Но и теперь, даже послѣ его «Очерковъ по исторіи Смуты», чувствуется настоятельная потребность въ *регестахъ* Смутнаго времени,

то-сть въ изложенiи въ хронологическомъ порядкѣ инвентаря всѣхъ фактовъ, устанавляемыхъ источниками для эпохи, съ критическимъ конспектомъ извѣстій о каждомъ такомъ фактѣ.

Евгеній Щепкинъ.

K. Waliszewski. Le fils de la grande Catherine Paul I-er, empereur de Russie. Sa vie, son règne et sa mort. 1754—1801 d'après des documents nouveaux et en grande partie inédits. 4-e édition. P. 1912, VIII+698 p.

Казалось бы, послѣ трудовъ Д. Ѳ. Кобеко, Н. К. Шильдера, Е. С. Шумигорскаго и нѣкоторыхъ другихъ не легко дать новыя данныя для личной характеристики имп. Павла. Но, благодаря использованiю массы источниковъ и пособій (списокъ ихъ занимаетъ 11 страницъ), и знакомству съ неизданными документами многихъ архивовъ какъ въ Россіи, такъ и за границей автору удалось дать значительныя дополненія для біографіи Павла и исторіи его иностранной политики. Сгруппировано много данныхъ и о бѣломъ террорѣ этого царствованія, слѣдуетъ только отмѣнить фальшивость и, можно сказать, завѣдомую лживость часто повторяемаго авторомъ сравненія этого террора съ краснымъ терроромъ французской революціи (стр. 154 — 156, 158, 165, 214). Дѣятелямъ этой послѣдней приходилось бороться съ искорененіемъ монархическаго строя и съ надвигающеюся опасностью нашествія иностранныхъ армій, задавшихся цѣлью возстановленія стараго режима. Въ Россіи не было ничего подобнаго, и для Павла была возможность, даже и устранивъ кое-что, ему не нравившееся въ системѣ правленія его матери, не оттолкнуть отъ себя русское общество и сдѣлать многое на пользу народа.

Всего слабѣе въ сочиненіи г. Валишевскаго исторія законодательства этого времени. Хотя въ спискѣ источниковъ и фигурируетъ Полное Собраніе Законовъ, но авторъ пользуется имъ въ минимальной дозѣ, совершенно недостаточной для мало-мальски полнаго изображенія этой важной стороны изучаемой имъ эпохи. Хорошо начитанный въ литературѣ мемуаровъ (хотя и тутъ есть пропуски — такъ, онъ не пользуется, напр., воспоминаніями Мертваго и декабриста М. А. Фонъ-Визина), авторъ недостаточно знакомъ съ русскою научною литературою, а она помогла бы ему избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ или гораздо полнѣе разработать тотъ или другой вопросъ. Такъ, напр., ему не показалось бы новымъ и неожиданнымъ средствомъ избавленія отъ заштатныхъ церковниковъ сдача ихъ въ солдаты (240 — 241), если бы ему было извѣстно прекрасное сочиненіе проф. П. Знаменскаго о сельскомъ духовенствѣ: онъ увидѣлъ бы, что это средство многократно практиковалось въ XVIII в. Онъ подробнѣе изложилъ бы мѣры Павла относительно дворянства, если бы зналъ извѣстное сочиненіе объ этомъ сословіи проф. С. А. Корфа. Онъ не сталъ бы говорить, что низшимъ классамъ общества не приходилось жаловаться на новое царствованіе, если бы онъ ознакомился съ сочиненіями по исторіи крестьянъ этого времени. Не сталъ бы онъ говорить и о благосклонномъ отношеніи Павла къ народу, если бы подробнѣе остановился на пожалованіяхъ населенныхъ имѣній, на суровой расправѣ съ волнующимися крестьянами, съ подающими ему жалобы дворовыми. Запрещеніе продажи крестьянъ въ Малороссіи безъ земли не было «крупнымъ шагомъ» на пути освобожденія (стр. 235): и раньше, послѣ прикрѣпленія крестьянъ въ Молороссіи въ 1783 г., не была дозволена тамъ ихъ безземельная продажа. Этимъ указомъ Павелъ только остановилъ попытку сената распространить и на Малороссію общій порядокъ безземельной продажи крестьянъ, какъ онъ былъ при

Екатеринѣ II распространенъ на Бѣлоруссію. Напрасно думаетъ авторъ, что въ глубинѣ России не знали о нуждѣ правительства въ деньгахъ, объ административной неурядицѣ, напрасно думаетъ онъ, что изъ 36 мил., по крайней мѣрѣ, 33 имѣли основаніе благословлять государя (стр. 542 — 543, 544 — 545). Для этой идиллической картины слишкомъ мало основаній; крестьяне чувствовали на своей шкурѣ всѣ тяготы современнаго государственнаго строя. Довольство солдатъ имп. Павломъ (543) также болѣе, чѣмъ спорно, несмотря на нѣкоторыя свидѣтельства въ этомъ направленіи. Если бы авторъ прочелъ воспоминанія Мертваго («Рус. Арх.» 1867 г.), то онъ, конечно, не такъ мягко отозвался бы о генералъ-прокурорѣ Обольяниновѣ (стр. 190).

Лучшій отдѣлъ книги—ея третья часть («Катастрофа», стр. 523—658).

Если бы это сочиненіе г. Валишевскаго, по примѣру многихъ другихъ его трудовъ, пожелали издать въ русскомъ переводѣ (авторъ напоминаетъ, что сохраняетъ за собою всѣ литературныя права на основаніи закона 20 марта 1911 г.), то нельзя не выразить желанія, чтобы переводъ былъ проредактированъ спеціалистомъ по русской исторіи, который сдѣлалъ бы необходимыя дополненія и оговорки, касающіяся внутренней исторіи царствованія Павла, или снабдилъ бы его введеніемъ, какъ это сдѣлано было съ однимъ изъ переводовъ сочиненія Брикнера о смерти имп. Павла.

Въ заключеніе еще два слова о томъ, что разсматриваемое сочиненіе г. Валишевскаго въ подлинникѣ не продается полностью, а лишь съ вырѣзкою какой-то страницы или какихъ-то строчекъ. Это не малая нелѣпость! Репутацію имп. Павла рѣшительно нельзя испортить, и нѣтъ ни малѣйшей надобности заставлять русскую публику, интересующуюся исторіею этого времени, подавать прошеніе въ комитетъ иностранной цензуры и увеличивать цѣну книги (и безъ того немалую) расходами на оплату гербоваго сбора за это прошеніе. Пора бы иностранной цензурѣ бросить эту мелочную придирчивость! При той относительной свободѣ научнаго изслѣдованія, которая все же существуетъ, хотя и покупается цѣною тяжелыхъ репрессій, комитетъ цензуры иностранной могъ бы сократить свое усердіе въ очень значительномъ размѣрѣ. Общественное спокойствіе ни мало не пострадало бы, если бы онъ и вовсе былъ упраздненъ.

В. Семевскій.

П. Е. Щеголевъ. Историческіе этюды. Спб. Изд. Шиповникъ. 1913.

Первая печатная работа П. Е. Щеголева, по крайней мѣрѣ, изданная отдѣльною книгою, появилась, какъ видно изъ списка, имъ самимъ оглашеннаго, въ 1899 г. Это были «Очерки исторіи отреченной литературы», насколько намъ извѣстно, единственный его трудъ, посвященный древнерусской письменности. Всѣ остальныя его работы — очерки изъ исторіи русской литературы и русской исторіи XVIII и XIX столѣтій. Авторъ много и успѣшно работалъ надъ Пушкинымъ, онъ далъ весьма значительную характеристику декабриста П. Г. Каховскаго, а въ «Историческихъ этюдахъ» собралъ свои статьи, въ которыхъ рѣчь идетъ: объ одномъ моментѣ литературной дѣятельности Радищева—его участіи въ журналѣ «Бесѣдующій Гражданинъ» (1789 г.), о декабристахъ кн. Ѳ. П. Шаховскомъ и Вл. Ѳ. Раевскомъ, объ отношеніяхъ къ декабристамъ А. С. Грибоѣдова, о женахъ декабристовъ и ихъ юридическихъ правахъ, о Семенѣ Олейничукѣ — крестьянинѣ малороссѣ, заключенномъ при имп. Николаѣ I за рукописное сочиненіе въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ, и наконецъ о дѣтствѣ Гоголя. Послѣдняя статья, одна

изъ самыхъ раннихъ, наименѣе интересна. По словамъ самого автора, «перепечатка статей, появившихся ранѣе въ различныхъ изданіяхъ, представлялась не лишнимъ дѣломъ уже потому, что для своихъ работъ авторъ пользовался архивными матеріалами, которые и по сіе время остаются неизданными». Это совершенно справедливо: П. Е. Щеголевъ талантливый изслѣдователь, и къ появленію его очерковъ въ отдѣльномъ изданіи слѣдуетъ отнестись вполнѣ сочувственно, тѣмъ болѣе, что при перепечаткѣ онъ подвергаетъ ихъ нѣкоторымъ дополненіямъ, хотя иногда далеко не исчерпывающимъ предмета [1]).

Въ заключеніе два слова pro domo sua. На стр. 356 своего очерка г. Щеголевъ касается вопроса объ авторѣ прокламаціи, напечатанной мною въ статьѣ «Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 г.» и говоритъ: «несмотря на рѣшительное отсутствіе какихъ-либо указаній на руководящую роль будущихъ декабристовъ въ этомъ волненіи (а отсутствіе свѣдѣній уже само по себѣ краснорѣчиво) въ показаніяхъ на слѣдствіи, въ позднѣйшей литературѣ мемуаровъ, В. И. Семевскій все же не отказывается отъ предположенія хоть о томъ, что прокламація вышла изъ-подъ пера будущихъ декабристовъ, а именно С. И. Муравьева». Въ дѣйствительности я вовсе не приписываю декабристамъ «руководящей роли» въ волненіи Семеновскаго полка. Я, напротивъ, говорю: «нельзя сомнѣваться въ томъ, что семеновскіе офицеры» (въ числѣ которыхъ были члены тайнаго общества братья Муравьевы-Апостолы и Тютчевъ) не были виновниками, по крайней мѣрѣ, сознательно (т.-е. «не одними разговорами при солдатахъ о жестокостяхъ Шварца, которыя и безъ того имъ были прекрасно извѣстны) волненія въ Семеновскомъ полку» [2]). Но затѣмъ я задаюсь вопросомъ: «Быть-можетъ, *послѣ* событія, *послѣ* ареста всего полка кто-нибудь изъ нихъ могъ составить приведенную прокламацію», и высказываю такое предположеніе: «Весьма возможно, что прокламація, найденная на улицѣ послѣ происшествія въ Семеновскомъ полку, вышла изъ кружка наиболѣе редикальныхъ членовъ Союза Благоденствія; *если авторами прокламаціи былъ кто-нибудь изъ декабристовъ*, то всего скорѣе ими могли быть С. И. Муравьевъ-Апостолъ и М. П. Бестужевъ-Рюминъ», который во время волненія также служилъ подпрапорщикомъ въ Семеновскомъ полку. Такимъ образомъ я вовсе не приписываю безусловно авторство прокламаціи декабристамъ вообще и въ частности С. И. Муравьеву. Въ числѣ соображеній за авторство С. Муравьева-Апостола я указываю на то, что онъ нашелъ даже нужнымъ войти въ сношенія съ арестованными солдатами, и на разговоръ его объ имп.

---

[1]) Нужно замѣтить, впрочемъ, что г. Щеголевъ довольно небрежно печатаетъ нѣкоторые важные документы. Такъ, напр., въ помѣщенномъ имъ на стр. 324 — 327 «Любопытномъ разговорѣ» Никиты Муравьева мы нашли, по провѣркѣ съ рукописью Государственнаго Архива, немало ошибокъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ: на стр. 326, вмѣсто *въ благости* напечатано: *въ области*, вмѣсто *постановлены* — *поставлены*, вмѣсто *вѣчеваго* — *вѣчнаго*, вмѣсто *требовали* — *передавали*; на стр. 327 напечатано: *покровительствовать тиранной* ихъ власти, а должно быть — *покорствовать тиранской* ихъ власти, далѣе напечатано: *послужили*, а должно быть: *покорили* и проч. Есть и пропуски словъ.

[2]) Моя статья «Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 г.» въ журналѣ «Былое» 1907 г. № 2, стр. 88 и въ моей книгѣ: «Политическія и общественныя идеи декабристовъ» 1909 г., стр. 159.

Александрѣ съ Гречемъ въ первой половинѣ ноября 1820 г., вызвавшій у Греча мысль, что Муравьевъ «что-то недоброе замышляетъ». Но что я не считаю этого предположенія неподлежащимъ сомнѣнію, видно изъ того, что нѣсколькими строками ниже я говорю: «Однако возможно, что авторъ воззванія, будучи военнымъ, принадлежа къ простому классу, былъ распропагандированъ членами Тайнаго Общества» и, сославшись на свидѣтельство В. Н. Каразина (въ его доносѣ министру Кочубею) о существованіи среди нижнихъ чиновъ людей весьма развитыхъ, что, кромѣ чтенія газетъ, объясняется вліяніемъ пребыванія гвардіи за границей, добавляю. «Если это такъ, то весьма замѣчательно, что наиболѣе живое слово по поводу Семеновской исторіи могло быть сказано самими нижними чинами» (стр. 88, 90 и 91 моей статьи). Приведенныя слова мои совсѣмъ не соотвѣтствуютъ утвержденію П. Е. Щеголева, что я не отказываюсь «отъ предположенія хоть о томъ, что прокламація вышла изъ-подъ пера будущихъ декабристовъ». Я выставляю не одно, а два различныхъ предположенія и оставляю вопросъ открытымъ. П. Е. Щеголевъ желаетъ имѣть «какое-либо фактическое указаніе на такой важный фактъ, какъ авторство прокламаціи». Но если бы такое указаніе существовало, то не было бы и никакого вопроса, а именно потому, что прямого свидѣтельства нѣтъ, и приходится дѣлать предположенія, но, повторяю, я выставилъ не одно, а *два* предположенія, и слѣдовательно не считалъ несомнѣннымъ ни то, ни другое.

В. Семевскій.

В. К. Николай Михаиловичъ. Письма Высочайшихъ особъ графинѣ А. С. Протасовой. СПБ. 1913 года.

Графиня А. С. Протасова — весьма важная, но мало заслуживающая уваженіе персона при русскомъ дворѣ Екатерины II, Павла I и Александра I, предметъ презрѣнія и насмѣшки однихъ и, наоборотъ, предметъ лести и заискиванія другихъ. Она была близка къ Екатеринѣ, и, по словамъ современниковъ, государыня никогда не заводила новаго фаворита, не посовѣтовавшись съ ней насчетъ его качествъ, полагаясь въ этомъ отношеніи на ея вкусъ. Недаромъ ее итальянскій поэтъ Касти называетъ въ своемъ поэтическомъ памфлетѣ: «amazzone di venere e d'Amore. Безобразная по наружности, она отличалась не меньшей нравственной распущенностью, чѣмъ и остальныя дамы Екатерининскаго двора. По словамъ современника, многіе изъ молодыхъ придворныхъ «дѣлали куры немолодой и некрасивой невѣстѣ, чтобы заручиться при нуждѣ ея протекціей». При преемникахъ Екатерины гр. Протасова не играла ужъ никакой роли. Ея сторонились и даже относились съ ней съ нѣкоторой брезгливостью. Однако происшедшей перемѣны А. С. Протасова не понимала или не хотѣла понять и всячески старалась напомнить Высокимъ особымъ о своемъ существованіи, забрасывая ихъ письмами по случаю тѣхъ или другихъ событій. Конечно, А. С. Протасова получала отвѣты на свои письма. Эти отвѣты не были тайной для постороннихъ. А. С. Протасова всегда старалась показать ихъ постороннимъ, дабы ими создать иллюзію своей близости къ Высочайшему двору. Теперь эта переписка издана съ той же роскошью, съ какой вообще издаются сочиненія в. к. Николая Михайловича. Но изданіе ихъ совершенно безполезно для всѣхъ любителей русской исторіи. Переписка не представляетъ ни малѣйшаго историческаго значенія. Это обыкновенныя шаблонныя свѣтскія письма, въ которыхъ Высочайшія особы интересуются только событіями придворной жизни. О Россіи нѣтъ даже и упоминанія. Написаны письма большею

частью по-французски. Только письма Ел. Ал. написаны чаще по-русски, хотя языкомъ довольно далекимъ отъ правильности. Выпущенное изданіе уже стало библіографической рѣдкостью. Несомнѣнно многіе изъ цѣнителей изданій В. К. Николая Михайловича постарались пріобрѣсти и это изданіе, но ихъ ждетъ жестокое разочарованіе: въ сборникѣ писемъ много словъ и никакого содержанія [1]).

В. Пичета.

А. Де-Рибасъ. Старая Одесса. Историческіе очерки и воспоминанія. Од., 1913 г., стр. 379.

Исторія Одессы крайне интересна; служа какъ бы бассейномъ для непрерывнаго притока разнородныхъ иноземныхъ элементовъ, она представляла пестрый калейдоскопъ національностей, языковъ, нарѣчій, культуръ; непрерывный притокъ новыхъ свѣжихъ силъ, оживленная торговая дѣятельность, близость къ Западу, рядъ талантливыхъ администраторовъ, воспитавшихся не въ русскихъ канцеляріяхъ и атмосферѣ крѣпостныхъ институтовъ, способствовали быстрому и скорому культурному и матеріальному росту. Теперь старожилъ г. Одессы, старый журналистъ и широко извѣстный въ общественныхъ кругахъ Одессы, вспоминаетъ старую Одессу; вспоминаетъ жизнь и типы, уличныхъ чудаковъ и салонныхъ львицъ, танцующихъ и веселящихся; тружениковъ сцены и газеты; оперу и драму; даетъ старые портреты людей именитыхъ и обыкновенныхъ хорошихъ людей; вспоминаетъ авторъ прежнихъ людей и прежніе нравы; передъ читателемъ воскресаетъ старая Одесса въ своей будничной обстановкѣ; въ бытовыхъ условіяхъ жизни; мемуаристъ одинаково внимательно слѣдитъ за жизнью на шумной улицѣ и въ людномъ салонѣ; это все миніатюры, небольшія картины; авторъ беззавѣтно влюбленъ въ старую Одессу, она безконечно мила его сердцу, и какъ влюбленный, очарованными глазами смотритъ на все, не замѣчая пятенъ или игнорируя ихъ, быть-можетъ, намѣренно, чтобы не разсѣивать приподнятаго настроенія; общественная жизнь, ея интересы остались внѣ поля зрѣнія автора, и тѣ общественныя теченія, которыя переживала Одесса, прошли незамѣченными. Добродушный и ласковый, А. де-Рибасъ всѣ свои воспоминанія окуталъ нѣжнымъ, лирическимъ чувствомъ, сквозь которое прорывается тихая скорбь, это воспоминаніе старца о юношескихъ восторженныхъ годахъ; горящіе любовью глаза, одухотворенное любовью сердце дышитъ съ каждой строки книги, и это самое цѣнное и привлекательное. Прошлое было прекрасно, и жили какъ-то уютно, и любили, и печалились не такъ, какъ въ наши дни, однимъ словомъ, и люди и нравы были лучше, чѣмъ теперь, и сравненія, постоянныя не въ пользу настоящаго, печалятъ автора; измѣнились люди, исчезла патріархальность, и не разъ онъ восклицаетъ съ сердцемъ: «удивительно уютно жилось въ старой Одессѣ! Дома были прочные, стѣны толстыя, мебель вмѣстительная; чулановъ, погребовъ, «минъ» и всякихъ закоулковъ въ домѣ столько, что можно было много добра припасти про черный день»; «нѣтъ старой Одессы и нѣтъ болѣе веселыхъ танцевъ»; «о флиртѣ, какъ о чемъ-то скользящемъ по поверхности любви, никто въ старой Одессѣ не имѣлъ понятія. Любили такъ любили, а не баловались»; «не было въ старой Одессѣ

---

[1]) Въ небольшомъ введеніи в. к. Николая Михаиловича, перепечатанномъ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями изъ «Русскихъ Портретовъ», есть нѣсколько любопытныхъ чертъ для характеристики придворныхъ нравовъ.

Ред.

такого множества газетъ, какъ сейчасъ, и поэтому новости передавались отъ человѣка къ человѣку, изъ устъ въ уста. И люди волновались, горячились, спорили, приходили въ ужасъ или въ восхищеніе, выражая свои настроенія въ возгласахъ и жестахъ. И никто не могъ сдержать въ себѣ ни узнанной новости ни вызваннаго этою новостью чувства. Одесса говорила... Одесса пѣла. А теперь? Теперь живую бесѣду замѣнило молчаливое чтеніе газетъ. Вмѣсто своего мнѣнія о драмѣ или музыкѣ, мы читаемъ мнѣніе критика. Но я не знаю, стали ли мы отъ этого болѣе понимающими искусство. Во всякомъ случаѣ, Одесса, это очень грустно, перестала говорить и пѣть. Вмѣсто этого она читаетъ и пишетъ, а въ промежуткахъ искривляетъ себѣ челюсти отъ зѣвоты». «Городъ Одесса строился, какъ вавилонская башня. Но, хотя строители говорили на разныхъ языкахъ, они прекрасно понимали другъ друга и одинъ другому не мѣшали».

Сим. Аваліани.

С. Булгаковъ. Очерки по исторіи экономическихъ ученій. Вып. I. Стр. 232. Изд. автора. М. 1913 г.

«Въ основу этихъ очерковъ,—пишетъ авторъ въ предисловіи,—положенъ курсъ лекцій, читаемый студентомъ Московскаго коммерческаго института. Курсъ не вполнѣ обыченъ по своей программѣ. Не тѣмъ, что С. Н. Булгаковъ много вниманія удѣляетъ писателямъ и общественнымъ теченіямъ того времени, когда политической экономіи, какъ особой дисциплины, не существовало; первый выпускъ—единственный, который до сихъ поръ изъ литографированной формы перешелъ въ печатную—заканчиваетъ изложеніе на «реформаціи и ея значеніи для экономическаго міросозерцанія». Курсъ необыченъ въ другомъ отношеніи. Онъ ставитъ себѣ оригинальную и глубоко интересную задачу. Иногда формулируетъ ее такъ: «рядомъ съ вопросомъ о цѣлесообразности методовъ хозяйства всталъ вопросъ о самомъ смыслѣ хозяйственной дѣятельности, о ея цѣнности. Хотя человѣкъ борется за свое существованіе, но по свойству своему онъ борется не просто за свое существованіе, но за достойное существованіе, не за животное прозябаніе, а за человѣческую жизнь, и, хотя онъ скованъ нуждой, но не отдается ей въ плѣнъ, не спрашивая и не разсуждая,—онъ дѣйствуетъ всегда какъ разумное существо, способное къ разсужденію, оцѣнкѣ, къ построенію идеаловъ. Другими словами, человѣкъ всегда имѣетъ извѣстную философію хозяйства, т.-е. извѣстную систему оцѣнки, нормъ и идеаловъ въ примѣненіи къ хозяйственной жизни» (стр. 396). И далѣе: «Политическая экономія изучаетъ фактическую сторону хозяйства, философія же хозяйства изучаетъ хозяйство, какъ цѣнность, какъ задачу, какъ добро или зло. На основаніи сказаннаго вытекаетъ ближайшее опредѣленіе задачи нашего курса—«исторіи экономическихъ ученій»... Въ болѣе узкомъ смыслѣ исторія экономическихъ ученій понимается какъ изложеніе различныхъ теченій въ наукѣ политической экономіи. Политическая же экономія, какъ наука, существуетъ не болѣе 150—100 лѣтъ. Но возможно болѣе широкое трактованіе этого предмета — изученіе исторіи не только политической экономіи, но экономическихъ міровоззрѣній. Мы будемъ понимать исторію экономическихъ ученій именно во второмъ,болѣе широкомъ и общемъ смыслѣ, какъ исторію соціально-политическихъ міровоззрѣній или исторію философіи хозяйства, при чемъ исторія политической экономіи, какъ наука, войдетъ сюда лишь какъ отдѣльная глава» (стр. 11).

Этимъ поставлена задача. Она не отличается, правда, абсолютной новизной. У большинства курсовъ и изслѣдованій по исторіи политической экономіи мы находимъ не только оцѣнку отдѣльныхъ теоретическихъ построеній, но и характеристику того, что С. Н. Булгаковъ называетъ «философіей хозяйства». Оригинально въ курсѣ Булгакова то, что экономическія міровоззрѣнія онъ выдвигаетъ на первый планъ и даже болѣе того: для времени до XVIII вѣка онъ стремится сдѣлать ихъ единственнымъ предметомъ изложенія. Намъ думается, что исторія экономическихъ міровоззрѣній, полно и проникновенно написанная, составила бы дѣйствительно одну изъ интереснѣйшихъ книгъ въ экономической и исторической литературѣ. Этого С. Н. Булгаковъ, однако, не далъ. Его курсъ — только шагъ въ указанномъ направленіи, только попытка, которая заслуживаетъ признанія, но еще далека отъ поставленной цѣли. Авторъ намѣчаетъ общія очертанія картины. Но на полотнѣ остается слишкомъ много незаполненныхъ мѣстъ.

Охарактеризовать экономическое міросозерцаніе націи — это значить разрѣшить огромной сложности психологическую проблему. Обозрѣть авторовъ, писавшихъ на экономическія и соціальныя темы, для этого, конечно, недостаточно. Для того, кто хотѣлъ бы уразумѣть экономическое міровоззрѣніе англичанъ средины прошлаго вѣка, проштудировать Диккенса было бы не менѣе важно, чѣмъ изучить Милля. Вся литература и, можетъ-быть, беллетристика даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ какая-либо другая часть ея — должна служить матеріаломъ для историка «философіи хозяйства». И первый недостатокъ очерковъ С. Н. Булгакова, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что привлеченный имъ матеріалъ недостаточно широкъ.

Затѣмъ С. Н. Булгаковъ какъ будто самъ не вполнѣ проникся своею основной задачей. Глава V его очерковъ носитъ заголовокъ: «Экономическая мысль у римлянъ». Начинается она такъ: «Римскіе писатели по экономическимъ вопросамъ не даютъ систематически разработаннаго ученія о народномъ хозяйствѣ». И ровно страницею дальше авторъ продолжаетъ: «Гораздо большій интересъ, нежели экономическая теорія, представляютъ экономическія судьбы римскаго государства. Большой очеркъ этихъ судебъ пусть восполнитъ недостаточный матеріалъ по исторіи экономической мысли». С. Н. Булгаковъ словно упускаетъ изъ виду, что обѣщана была не исторія экономическихъ теорій, а исторія экономическихъ міросозерцаній. У римлянъ могло не быть писателей-экономистовъ въ современномъ смыслѣ слова. Но экономическое міросозерцаніе-то у нихъ во всякомъ случаѣ было. И даже не одно. Тысячелѣтняя исторія античнаго Рима безспорно видѣла смѣну различныхъ «философій хозяйства». Ссылка на отсутствіе «систематически разработаннаго ученія» не является поэтому законнымъ отвѣтомъ, такъ какъ читатель ищетъ въ книгѣ другого, другое ему было обѣщано. И отчасти обѣщанное могло быть выполнено болѣе полно: такъ, напримѣръ, объ экономическомъ міросозерцаніи творцовъ римскаго права въ монографической литературѣ можно было найти достаточный матеріалъ.

Намъ, кажется, наконецъ, что не достаточно оттѣнено въ очеркахъ С. Н. Булгакова слѣдующее обстоятельство. Всякая эпоха, знающая соціальныя противорѣчія, имѣетъ не одно экономическое міровоззрѣніе. Господствующіе и подчиненные классы живутъ и хозяйствуютъ, руководясь различными экономическими идеями. Рѣчь идетъ, конечно, не о соціально-экономическихъ программахъ тѣхъ и другихъ. Самый «духъ» можетъ быть различенъ и претворяться въ различныя «философіи хозяйства», Булгаковъ же лишь изрѣдка противопоставляетъ одно другому

міровоззрѣнію одной и той же эпохи, одновременныя философіи хозяйства.

Мы отмѣтили нѣсколько дефектовъ новой книги Булгакова. Но мы тѣмъ болѣе настойчиво считаемъ необходимымъ подчеркнуть ея достоинства. Они лежатъ не только въ глубоко интересной постановкѣ задачи, они лежатъ и въ ея выполненіи. Главы о раннемъ христіанствѣ и среднихъ вѣкахъ написаны превосходно. И по всей книгѣ разбросаны цѣнныя характеристики и замѣчанія.

Л. Юровскій.

Новости по византійской исторіи.

Византійская исторія представляетъ до сихъ поръ поле, мало воздѣланное. Самые важные вопросы остаются неразработанными, многіе нужные документы и источники все еще неизданы. Въ библіотекахъ хранятся сочиненія самаго интереснаго византійскаго философа Іоанна Итала, отлученнаго отъ церкви за сьои взгляды на міръ и человѣка. Поэтому и на Западѣ и у насъ въ Россіи продолжается изданіе византійскихъ источниковъ. Папирусы, неожиданно найденные въ Египтѣ, составили цѣлое открытіе. Въ нихъ оказался рядъ цѣнныхъ документовъ, начиная съ древней Птоломеевой эпохи и вплоть до византійской. Папирусы попали въ разные музеи, были разобраны учеными разныхъ странъ и опубликованы въ множествѣ изданій. Теперь эти разбросанные документы собраны воедино въ капитальномъ четырехтомномъ изданіи извѣстныхъ нѣмецкихъ ученыхъ Миттейса и Вилькена (L. Mitteis und U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. Leipzig, 1912). Большинство актовъ относится къ эпохи до-византійской, но по нѣкоторымъ вопросамъ невозможно поставить рѣзкую грань между эпохами. Византія унаслѣдовала крѣпостное право отъ Рима и для выясненія хода закрѣпощенія крестьянъ и податной системы папирусы представляютъ совсѣмъ новый и очень цѣнный матеріалъ. Для дальнѣйшей судьбы Византіи чрезвычайно важны аѳонскіе акты, печатающіеся въ приложеніяхъ къ «Византійскому Временнику». Тутъ находимъ мы писцовыя книги, купчія, царскія грамоты, на основаніи которыхъ мы можемъ установить (преимущественно для XIII—XIV вв.) цѣну на пахотную землю и виноградникъ, арендную плату и размѣры барщины. Все это сырой матеріаль для соціальной исторіи, доступный только спеціалистамъ и совершенно неразработанный. Для исторіи византійской литературы интересенъ памятникъ, впервые изданный извѣстнымъ знатокомъ греческаго языка, академикомъ В. В. Латышевымъ (B. Latycheff, «Menologii byzantini quae supersunt». Petrop., 1912). Это минея, прозванная царской и написанная не раньше конца X вѣка, по всей вѣроятности въ XI. Каждое житіе оканчивается воззваніемъ къ святому и мольбою даровать многолѣтіе царю нашему православному и побѣды надъ безбожными агарянами, подъ которыми разумѣли печенѣговъ, сельджуковъ и другихъ нехристіанскихъ народовъ.

Работниковъ на византійской нивѣ мало, и нельзя не привѣтствовать всякаго вновь появляющагося. Съ удовольствіемъ увидѣли мы статью молодого ученаго А. Е. Черноусова (страница изъ культурной исторіи Византіи въ «Запискахъ Харьковскаго университета» за 1913 г.) и пожалѣли, что онъ такъ неудачно выбралъ тему для своего труда. Въ то время какъ множество документовъ остаются совершенно не обслѣдованными, г. Черноусовъ занялся новеллой объ учрежденіи юридической шко-

лы въ Константинополѣ, которая въ свое время была изложена В. Г. Васильевскимъ и разработана Фишеромъ, Скабалановичемъ и Ѳ. И. Успенскимъ. Правда, молодой ученый доказалъ, что онъ справляется съ труднымъ юридическимъ языкомъ, но дальше изложенія законодательнаго памятника онъ не пошелъ. По неопытности, вполнѣ естественной для начинающаго, онъ не усмотрѣлъ, какъ много риторики въ византійской новеллѣ, и всѣ громкія слова принималъ за чистую монету. Въ спеціальной статьѣ мнѣ недавно пришлось указывать, какимъ пустословіемъ занимались составители византійскихъ новеллъ. («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1913 г., іюнь). Г. Черноусовъ написалъ свою статью съ цѣлью доказать, что Гиббонъ неправильно называлъ исторію Византіи исторіей упадка и разрушенія. Но изъ того факта, что въ Константинополѣ учреждена была юридическая школа, никакъ не слѣдуетъ, что византійская исторія въ общихъ чертахъ была исторіей прогресса, а не исторіей упадка. Въ виду того, что соціальная исторія Византіи остается почти нетронутой, очень пріятно отмѣтить статью англійскаго ученаго Эшбернера, посвященную такъ называемому Земледѣльческому Закону, дающему намъ нѣкоторое представленіе о свободныхъ крестьянахъ и формахъ землевладѣнія (The journal of hellinic studies XXXII, p. 68—95). Хотя этимъ памятникомъ занимались такіе выдающіеся ученые, какъ Цахаріэ, Павловъ и Васильевскій и въ послѣднее время Панченко, для его изученія далеко не все сдѣлано; думали, что Земледѣльческій Законъ возникъ подъ вліяніемъ славянскаго права, однако положительныхъ данныхъ въ пользу этого предположенія никто не привелъ. Англійскій ученый впервые указалъ на источники римскаго права, легшіе въ основаніе Земледѣльческаго Закона.

Западные ученые по большей части занимаются отдѣльными царствованіями и удѣляютъ всего больше вниманія политической исторіи. Извѣстный историкъ Бёри посвятилъ монографію IX вѣку (I. Bury, «A history of the eastern roman empire from the fall of Irene to the accession of Basil I». London, 1912). Это время, когда возникало и приняло христіанство первое болгарское царство, когда славяне вторглись въ теперешнюю Грецію, когда въ патріаршество Фотія произошелъ первый раздоръ между восточной церковью и Римомъ. Не давая ничего существенно новаго, Бёри воспользовался всей новѣйшей литературой, въ томъ числѣ русской, и книга его представляетъ вполнѣ научное изложеніе интересной эпохи. Любопытно, что изъ семи императоровъ, о которыхъ говоритъ англійскій ученый, только два вступили на престолъ мирнымъ путемъ, всѣ остальные были узурпаторами. Алиса Гарднеръ написала монографію о Никейской имперіи (A. Gardner, «The Lascarids of Nicaea». London, 1912). Послѣ предварительной главы, въ которой говорится о причинахъ четвертаго крестоваго похода и отношеніяхъ Запада къ Востоку, авторъ переходитъ къ изложенію царствованій никейскихъ императоровъ изъ семейства Ласкарей, Ѳеодора I, Іоанна Ватаци, женатаго на его дочери, и Ѳеодора II. Въ заключительной главѣ мы находимъ очеркъ литературы и искусства въ эпоху Ласкарей. Г-жа Гарднеръ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что писатель не признавалъ народнаго языка, на которомъ всѣ говорили, и что искусственный литературный языкъ, до сихъ поръ существующій въ Греціи, не былъ понятенъ массѣ.

Молодой румынскій ученый Тафраль написалъ изслѣдованіе о Солуни въ XIV вѣкѣ (O. Tafrali, «Thessnlonique au quatorziéme siécle». Paris, 1913). Онъ выбралъ такую тему, потому что Солунь была крупнымъ коммерческимъ и культурнымъ центромъ. Работа его имѣетъ общій интересъ. Онъ указываетъ на одну изъ причинъ, почему пала Византій-

ская имперія. Исторія Солуни въ XIV вѣкѣ, говоритъ авторъ въ заключеніи своего основательнаго труда, это важная глава общей исторіи Византійской имперіи въ періодъ ея упадка. Въ этомъ городѣ начался конфликтъ всемогущественнаго монашества съ ренессансомъ; въ этомъ городѣ особенно ярко проявилась борьба бѣдныхъ съ богатыми. Въ исторіи народа Солунь сыграла значительную роль. Бѣдные, подвергавшіеся эксплуатаціи богатыхъ и правителей, попробовали сбросить свое иго. Ихъ нищета грозила, дѣйствительно, опасностью. Но правящіе классы не отдавали себѣ въ этомъ отчета. Знатные и богатые презирали народъ, видѣли въ немъ своихъ естественныхъ враговъ. И когда народъ возмутился и началъ рѣзать своихъ угнетателей, это сочли за необъяснимое безуміе. Правительство, состоявшее изъ людей знатныхъ и богатыхъ, не способно было понять, въ какомъ тяжкомъ положеніи находилось внутренне состояніе имперіи. Оно не принимало никакихъ мѣръ въ защиту бѣдныхъ и не въ силахъ было остановить анархію, вызванную нищетой народа, анархію, которая все возрастала и довела, наконецъ, Византійскую имперію до паденія.

Чѣмъ больше изслѣдуютъ Византію, тѣмъ яснѣе становятся античныя основы византійской культуры и вліяніе Востока. Г. Владимірскій занялся епископомъ Немесіемъ, жившимъ въ V вѣкѣ и написавшемъ сочиненіе о природѣ человѣка («Антропологія и космологія Немесіи». Сергіевъ Посадъ, 1913). Историку интересно прослѣдить, какъ на православномъ епископѣ отразилась языческая философія и какъ христіанская догматика сочеталась со взглядами Платона и Аристотеля. По словамъ автора — почти все философское міросозерцаніе Немесіи коренится въ идеяхъ древне-классической науки. Антропологія его основана почти исключительно на врачѣ Галенѣ, а ученіе о соединеніи души съ тѣломъ и ихъ взаимодѣйствіи имѣетъ свои источники и корни въ неоплатонической философіи. Трактатъ Немесіи—интересный опытъ критической обработки языческой философіи и антропологіи для апологетическихъ и научныхъ цѣлей христіанскаго богословія и нравоученія. Французскій ученый Коллинэ подходитъ къ Юстиніанову своду законовъ съ исторической стороны ч освѣщаетъ его съ новой точки зрѣнія (P. Collinet, «Etudes historiques sus le droit de Justinien». T. I., Paris, 1912). Авторъ задался цѣлью выяснить восточный характеръ нововведеній, сдѣланныхъ Юстиніаномъ. Сводъ Юстиніана, хотя и написанный по-латыни, былъ произведеніемъ византійскимъ, а не римскимъ. Въ немъ отразилось восточное вліяніе, подъ которымъ, однако, не слѣдуетъ разумѣть основъ персидскихъ, вавилонскихъ, сирійскихъ или египетскихъ. Нововведенія восточнаго характера въ Юстиніановомъ правѣ сводятся къ вліянію эллинскому или эллинистическому, сильно сказавшемуся въ византизмѣ. Къ этому присоединилось римское право въ томъ видѣ, какъ оно распространено было на Востокѣ и воспринято было Востокомъ. Авторъ указываетъ на формы конституціи, введенныя въ Юстиніаново законодательство подъ вліяніемъ эллинскихъ обычаевъ, и на нормы, введенныя въ Юстиніаново законодательство, подъ вліяніемъ эллинизованнаго римскаго права. Сравнивая византійскій сводъ съ рецепціей римскаго права на Западѣ, Коллинэ доказываетъ, что преимущество на сторонѣ Юстиніана. Съ точки зрѣнія развитія права варварскія государства Запада, воникшія въ началѣ средневѣковья, были долго безплодной пустынею, а восточная имперія оставалась плодоносной землей.

П. Безобразовъ.

Интимный кабинетъ исторіи, т. I. Р. Динкеръ. Король Солнце. Любовная идиллія Людовика XIV. Изд. «Современныя проблемы». Перев. М. Кадишъ. М. 1913. Стр. 333. Цѣна 2 руб.

Первая мысль читателя,—что передъ нимъ одно изъ многочисленныхъ произведеній историковъ «королевской спальни». Много изощряется въ настоящее время такъ называемыхъ «ученыхъ» въ раскапываніи королевскаго грязнаго бѣлья. Иные даже составили себя имя, какъ, напримѣръ, Флейшманъ, Альмерасъ. Но ближайшее знакомство показываетъ, что передъ нами сентиментальная мелодрама съ жестокими эффектами, пылкое подражаніе А. Дюма старшему. Влюбчивый король и добродѣтельная любовница, кончающая свои дни въ монастырѣ, — таково все содержаніе идилліи. Конечно, необходится безъ «черной мессы» и сценокъ, разсчитанныхъ на любителей эротики. И все это грубо, пошло и безвкусно.

А. Васютинскій.

Исторія западной литературы (1800—1910). Подъ редакціей проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Москва, т-во «Міръ», выпускъ I—III.

Передъ нами первые три выпуска новаго капитальнаго коллективнаго труда о западной литературѣ XIX в. Читатель найдетъ здѣсь слѣдующія статьи: «Наканунѣ XIX в.» (проф. Ѳ. Д. Батюшкова), «Гёте на рубежѣ двухъ столѣтій» (Вяч. Иванова), «Философія первой половины XIX в.» (проф. Э. Л. Радлова), «Послѣднія драмы Шиллера» (акад. А. Н. Веселовскаго), «Нѣмецкій романтизмъ» (проф. Ѳ. А. Брауна), «Патріотическая поэзія наполеоновской эпохи» (прив.-доц. К. Ѳ. Тіандера), «Э. Т. А. Гофманъ» (М. А. Петровскаго), «Англійскій романъ первой четверти XIX в.» (К. Ѳ. Тіандера), «Вальтеръ Скоттъ» (его же). Уже этотъ перечень статей вполнѣ характеризуетъ богатство предлагаемаго читателю матеріала, а имена авторовъ (въ большинствѣ случаевъ) служатъ надежнымъ ручательствомъ научнаго характера изданія. Въ такомъ большомъ и къ тому же коллективномъ трудѣ недочеты, разумѣется, неизбѣжны. Такъ, напр., о нѣкоторыхъ фактахъ говорится дважды (о «романѣ ужаса» во вступительной статьѣ и въ статьѣ объ англійскомъ романѣ), зато не говорится совсѣмъ о другихъ фактахъ, тоже весьма существенныхъ (напр., о томъ, что ужасы и фантастика царили не только въ англійскомъ романѣ, но и въ лирикѣ и въ драмѣ). Можетъ ввести читателя въ недоумѣніе иногда и терминологія, а порой и не удовлетворитъ опредѣленіе терминовъ. Подъ «романтизмомъ», съ одной стороны, подразумѣвается вся эпоха конца XVIII и начала XIX в. (см. оглавленіе на обложкѣ I вып.). Подъ этотъ терминъ подводятся, стало-быть, такія разнородныя явленія, какъ, напр., морализующіе бытовые романы миссъ Edgeworth и страшные романы Редклифъ, патріотическія пѣсни Шенкендорфа и фантастическіе разсказы Гофмана и т. д. Ясно, что при такихъ условіяхъ терминъ «романтизмъ» теряетъ всякое опредѣленіе содержанія, превращаясь въ простую хронологическую рамку. А въ такомъ случаѣ было бы лучше обойтись совсѣмъ безъ этого термина въ данномъ его примѣненіи, такъ какъ онъ встрѣчается еще и въ другомъ значеніи, въ приложеніи къ извѣстной группѣ нѣмецкихъ писателей, при чемъ онъ опредѣляется въ данномъ случаѣ, какъ «блестящая вспышка философскаго и художественнаго идеализма», опредѣленіе, съ одной стороны, слишкомъ, неопредѣленное, а съ другой—слишкомъ произвольное, такъ какъ не считается со многими другими не менѣе характерными для этихъ писателей настроеніями и идеями. Замѣчается и нѣкоторая невыдержанность основной точки зрѣнія на

исторію литературы, нѣкоторое отсутствіе методологическаго единства. Одни авторы разсматриваютъ творчество писателей внѣ окружавшей ихъ жизни (напр., въ статьѣ о Гёте не принято во вниманіе вліяніе придворно-монархической среды на его взгляды и образы, или при изложеніи его соціальной утопіи не указана связь ея съ нѣмецкой дѣйствительностью). Тѣмъ отраднѣе видѣть, что другіе авторы стараются привести литературныя явленія въ связь съ соціальными факторами, хотя, къ сожалѣнію, и не проводятъ эту точку зрѣнія послѣдовательно до конца. Когда читатель прочтетъ статью «Наканунѣ XIX в.», гдѣ при анализѣ англійской литературы XVIII в. то и дѣло говорится о буржуазномъ романѣ, о буржуазной драмѣ, о буржуазіи, игравшей все болѣе видную роль, то у него невольно является мысль, не слѣдовало ли вообще исходить изъ факта восшествія этого класса (или вѣрнѣе разныхъ группъ этого класса), строившаго жизнь и искусство по своему образу и подобію? Когда читатель перейдетъ къ статьѣ объ англійскомъ романѣ, то авторъ увѣритъ его, что будетъ разсматривать свою тему съ «соціологической точки зрѣнія». Но не будетъ ли читатель нѣсколько разочарованъ, когда узнаетъ, что эта «соціологическая точка зрѣнія» сводится къ тому, что въ Англіи конца XVIII в. и начала XIX в. существовалъ одинъ (!) только классъ читателей—«капиталисты и помѣщики», что романисты приспособлялись къ ихъ потребностямъ и вкусамъ и потому или рисовали ихъ бытъ и идеалы (романъ современныхъ нравовъ съ моральной тенденціей) или же развлекали ихъ (романъ фантастическій и культурно-историческій). Но если изъ изложенія еще видно, почему «капиталисты и помѣщики» могли увлекаться романами миссъ Edgeworth, то остается невыясненнымъ, почему же они должны были непремѣнно зачитываться таинственно ужасными повѣствованіями, и болѣе чѣмъ спорной покажется, вѣроятно, квалификація «культурно-историческаго романа», какъ чтенія для «времяпрепровожденія», точно реставрація старины не отвѣчала никакимъ болѣе серьезнымъ и насущнымъ, хотя, быть-можетъ, и скрытно дѣйствовавшимъ интересамъ и потребностямъ извѣстныхъ классовъ и слоевъ общества. Несмотря на подобные недочеты новая коллективная исторія западной литературы XIX в. заслуживаетъ, конечно, живѣйшаго вниманія, какъ превосходное и незамѣнимое пособіе для всѣхъ интересующихся всеобщей литературой.

В. Фриче.

Юрій Веселовскій. Этюды по русской и иностранной литературѣ. Т. I. Кн-во «Звѣзда». М. 1913 г. Стр. 163. Цѣна 50 коп.

Въ составъ этого тома вошли пять научно-популярныхъ этюдовъ Ю. А. Веселовскаго по русской литературѣ.

Одинъ изъ нихъ, вызванный пятидесятилѣтней годовщиной крестьянской реформы и озаглавленный «Къ характеристикѣ литературныхъ отголосковъ крѣпостного права», примыкаетъ къ длинной серіи подобныхъ юбилейныхъ статей и не даетъ ничего новаго ни въ смыслѣ матеріала ни въ смыслѣ освѣщенія его. Преимущественное вниманіе авторъ останавливаетъ на вопросѣ о деморализаціи дѣтей, воспитанныхъ въ условіяхъ крѣпостного быта [1]).

---

[1]) На стр. 27—28 очерка фигурируетъ Сумароковъ въ качествѣ автора «Хора къ превратному свѣту». Теперь эта ошибка Новикова уже разъяснена, и авторомъ «Хора» нужно считать Ѳ. Г. Волкова (ср. въ статьѣ В. А. Филиппова, «Голосъ Минувшаго», іюнь, стр. 35).

Два этюда посвящены Бѣлинскому: въ одномъ систематизируются взгляды критика на творчество Пушкина, а въ другомъ выясняется его отношеніе къ французской трагедіи. Послѣдній этюдъ мы считаемъ болѣе интереснымъ, можетъ-быть, самымъ интереснымъ во всей книгѣ. Прослѣживая взгляды Бѣлинскаго на Пушкина, Ю. А. Веселовскій ослабляетъ значеніе своихъ выводовъ, отказываясь отъ мысли ставить сужденія критика въ связь съ его общимъ философскимъ и общественнымъ міросозерцаніемъ: вѣдь оцѣнки Бѣлинскаго далеко не сводятся къ одной эстетикѣ и, слѣдовательно, не обусловливаются исключительно его художественнымъ чутьемъ, допустимъ даже, всегда непогрѣшимымъ и неизмѣннымъ: различія въ его сужденіяхъ о Пушкинѣ едва ли можно объяснить однимъ только «развитіемъ и углубленіемъ» его критическаго дарованія (напр., въ оцѣнкѣ пушкинскаго «Демона», съ его «идеей сомнѣнія», или въ характеристикѣ Ленскаго; ср. оговорки самого Ю. А. Веселовскаго на 61 страницѣ: «подчасъ», «нерѣдко»). Съ заключительнымъ мнѣніемъ автора, что критика Бѣлинскаго не есть «послѣднее слово критическаго анализа творчества Пушкина», разумѣется, нельзя не согласиться. Статья «Бѣлинскій и французская трагедія» весьма удачно освѣщаетъ важную, но мало разработанную сторону въ критическихъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго. Изслѣдователь пришелъ къ заключенію, что рѣзкія нападки Бѣлинскаго на французскую классическую трагедію объясняются прежде всего «недостаточнымъ знакомствомъ критика съ произведеніями Корнеля, Расина и другихъ авторовъ классическаго періода французской литературы; Бѣлинскій въ этомъ случаѣ повторялъ лишь то, что говорилось въ періодъ борьбы съ «псевдо-классицизмомъ» и въ періодъ господства нѣмецкаго идеализма. Справедливо также и то, что именно Бѣлинскій много содѣйствовалъ укрѣпленію у насъ огульно-отрицательнаго отношенія къ французскимъ писателямъ XVII в. Вмѣстѣ съ этимъ Ю. А. Веселовскій не забылъ отмѣтить и нѣкотораго поворота въ отношеніи Бѣлинскаго къ французскимъ классикамъ. Словомъ, разсматриваемый этюдъ служитъ полезнымъ дополненіемъ къ существующей литературѣ о Бѣлинскомъ.

Въ двухъ остальныхъ статьяхъ, вошедшихъ въ составъ «Этюдовъ», мы находимъ оцѣнку творчества Надсона и гр. Е. П. Ростопчиной. Вдумчиво написанный очеркъ о Надсонѣ даетъ отчетливое представленіе объ основныхъ мотивахъ его поэзіи. Въ этюдѣ о гр. Ростопчиной авторъ стремится реабилитировать эту поэтессу и доказать, что въ области «чистой лирики» ей должно принадлежать видное мѣсто, и что главную прелесть ея творчества составляетъ «безумная, безпокойная душа, любящая грезы больше, чѣмъ дѣйствительность, неудовлетворенная, страстно рвущаяся къ чему-то далекому, можетъ-быть, ей самой неясному» (19 — 20). «Хочется вѣрить,—пишетъ Ю. А. Веселовскій (18),— что къ Ростопчиной еще вернутся, что она снова найдетъ читателей». Этимъ надеждамъ едва ли суждено сбыться, но, несомнѣнно, имя гр. Ростопчиной не должно быть забыто въ исторіи русской поэзіи, и въ весьма скудной литературѣ о ней этюду Ю. А. Веселовскаго будетъ принадлежать существенное значеніе.

П. Сакулинъ.

Изъ текущей литературы.

Изъ исторіи русской общественности и русской литературы.

(Юбилейный сборникъ «Русскихъ Вѣдомостей».)

Въ напечатанныхъ выше статьяхъ, посвященныхъ юбилею «Русскихъ Вѣдомостей», обращено уже вниманіе на тотъ богатый матеріалъ, который даетъ только что выпущенный редакціей «Рус. Вѣд.» «Сборникъ». Наиболѣе интересными для исторіи русской общественности являются въ ней, несомнѣнно, данныя, въ которыхъ выясняется постепенный ростъ вліянія газеты, первоначально небольшого листка, выходившаго три раза въ недѣлю; повѣствованіе о томъ, какъ прогрессивные представители московскаго общества искали себѣ органа, въ которомъ можно было бы давать отпоръ нападкамъ на нихъ изъ реакціоннаго лагеря, какъ они нашли его въ новой московской газетѣ, какъ газета все болѣе и болѣе принимаетъ тонъ, отличавшій впослѣдствіи «Русскія Вѣдомости», какъ черезъ 10 лѣтъ послѣ основанія газеты, въ 1873 году, группа молодыхъ сотрудниковъ начертила стройную общественную и политическую программу, провозгласивъ, что главной политической цѣлью русское прогрессивное общество должно поставить себѣ — добиваться конституціи, какъ на почвѣ этой программы въ дальнѣйшемъ шла проповѣдь газеты и достигался ея авторитетъ въ широкихъ кругахъ — все это заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны читателей. Но на эту тему (въ связи съ другими матеріалами, почерпнутыми изъ скалоновскаго архива) немало уже говорится и въ редакціонной статьѣ и въ статьѣ С. П. Мельгунова. Настоящая замѣтка поэтому обращается къ другого рода даннымъ, заключающимся въ юбилейномъ «Сборникѣ»; цѣль ея указать прежде всего, хотя бы въ общихъ чертахъ, на то, что представляется тамъ наиболѣе цѣннымъ съ точки зрѣнія чисто литературной; т.-е. на рядъ новыхъ свѣдѣній по исторіи творчества крупныхъ писателей, помѣщавшихъ въ «Рус. Вѣд.» свои произведенія, которыя служили лучшимъ ея литературнымъ украшеніемъ.

На первой планъ здѣсь надо поставить статьи В. А. Розенберга о Толстомъ, Щедринѣ и Гл. Успенскомъ, какъ сотрудникахъ [1]) «Рус. Вѣд.», «Черточку изъ автобіографіи» Вл. Г. Короленка и рядъ біографическихъ и библіографическихъ указаній, напечатаннымъ во второй части «Сборника» — словарѣ сотрудниковъ [2]).

18 произведеній [3]) Салтыкова помѣщены были въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» за періодъ 1884—1887 г. — главнымъ образомъ, «Сказки», и за это время немало писемъ адресовано имъ было редактору газеты В. М. Соболевскому. Мрачное настроеніе сатирика, вызванное его болѣзнью, и тяжелой реакціей и слишкомъ пассивнымъ отношеніемъ общества къ ней, ярко отражается въ этой перепискѣ. Вотъ, напр., письмо его о переговорахъ съ издательствомъ «Сѣв. Вѣстн.»: «Вчера у меня была г-жа Е., редакторъ «Сѣвернаго Вѣстника», для переговоровъ о сотрудничествѣ. Переговоры кончились, разумѣется, ничѣмъ, но исторія возникновенія «Сѣв. Вѣстн.» не лишена интереса. Ѳеоктистовъ положительно отка-

---

[1]) «Сборникъ», стр. 178—266. Раньше эти статьи печатались въ фельетонахъ газеты за послѣдніе годы.

[2]) См. 2-ю часть «Сборника-словаря сотрудниковъ», стр. 156.

[3]) Среди этихъ автобіографій заслуживаетъ быть отмѣченной интересная автобіографія А. В. Пѣшехонова. *Ред.*

залъ въ разрѣшеніи журнала; но г-жа Е. нашла путь къ Плеве и при его посредствѣ получила-таки желаемое. Но при этомъ ей поставлено три условія: а) что журналъ будетъ подцензурнымъ, б) что въ редакціи не будутъ участвовать дѣятели «Отеч. Зап.» и в) что въ числѣ сотрудниковъ не будутъ профессора Московскаго университета Гольцевъ, Ковалевскій и Муромцевъ. И она эти условія приняла. Вотъ нынче какія условія ставятся и какія принимаются. Недостаетъ одного: кого-нибудь убить. Я и предложилъ этотъ вопросъ г-жѣ Е., но она увѣряетъ, что это совсѣмъ не то, и что на убійство она бы не пошла. Ну, и слава Богу».

Суровый къ подобнаго рода явленіямъ общественной «уступчивости», Щедринъ въ то же время весьма заботился, чтобы не поставить въ затруднительное положеніе редакцію, и готовъ былъ итти на исправленіе написаннаго, а иногда самъ находилъ опаснымъ пускать въ свѣтъ свое произведеніе, предназначенное къ печати, изъ опасенія навлечь придирчивость цензуры и озлобленные доносы «Московскихъ Вѣдомостей». Такъ, одну свою статейку, уже отправленную въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей», онъ взялъ обратно въ виду случившейся въ Москвѣ студенческой исторіи. «Напрасно вы такъ безпокоитесь по поводу моей статейки, — писалъ онъ огорченному этимъ редактору.—Я самъ первый призналъ печатаніе ея неудобнымъ въ настоящій моментъ и особенно въ газетѣ, издающейся въ Москвѣ, въ которой все цензурное вѣдомство находится подъ пяткой у Каткова. Послѣдній, безъ сомнѣнія, не замедлилъ бы указать, и газетѣ вашей, навѣрное, грозила бы непріятность». Въ другихъ случаяхъ онъ соглашается на редакторскія смягченія и измѣненія. Что касается отношеній его самого къ своимъ писаніямъ, то они поражаютъ своей мнительностью и часто своимъ пессимизмомъ. До Салтыкова дошелъ, напр., отзывъ предсѣдателя главнаго управленія по дѣламъ печати Ѳеоктистова о сказкѣ «Чижиково горе», что ««скучнѣе и интимнѣе этой сказки ничего онъ не знаетъ». «Выходитъ — прибавляетъ Салтыковъ,—что ежели я цензурно пишу, то никуда не гожусь, а ежели нецензурно, то меня имѣютъ въ виду». Отзывъ этотъ Щедринъ, видимо, принялъ близко къ сердцу, и уже въ одномъ изъ писемъ къ Соболевскому онъ повторяетъ: «Я чувствую, что два - три «Чижиковыхъ горя», и репутація сказокъ будетъ значительно подорвана. Ѳеоктистовъ, можетъ быть, правду сказалъ, что партикулярныя дѣла для меня не подходятъ». Еще строже его отношеніе къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ его твореній — «Пошехонской старинѣ». «Заглянувши въ октябрьскую книжку «Вѣстника Европы», вы сами убѣдитесь, — пишетъ онъ Соболевскому, — что я уже далеко не тотъ, что прежде, и, хотя я готовлю продолженіе, но, кажется, это будетъ послѣдняя статья, на которой я и покончу свое литературное поприще. Выходитъ нескладно, безумно, безобразно, юморъ совсѣмъ исчезъ, а онъ всегда былъ моею главною силой. Словомъ сказать, голова совсѣмъ перестала работать, и становится совѣстно передъ читателемъ. Только какое-нибудь чудо можетъ возвратить меня снова къ литературной дѣятельности, но — увы! — въ наше время чудесъ не бываетъ». Эти строки написаны въ сентябрѣ 1887 года; въ началѣ 1888 г. въ письмѣ къ тому же адресату онъ не менѣе мрачно отзывается о «Пошехонской старинѣ». «Какъ вы живете? Давно я не посылалъ вамъ ничего, но, читая «Пошехон. стар.», врядъ ли вы жалѣете объ этомъ. Плохо пишется, очень плохо»... Можно бы привести еще весьма большое количество выдержекъ изъ писемъ Салтыкова, весьма цѣнныя для его характеристики и пониманія его психологіи въ послѣд-

ніе годы жизни. Здѣсь и отклики на событія русской жизни и литературы, нерѣдко выражаемое недовольство на что-нибудь, не понравившееся сатирику въ газетѣ (напр., онъ очень обидѣлся, когда его очеркъ въ «Вѣстникѣ Европѣ» корреспондентъ «Русск. Вѣд.» назвалъ фельетономъ), его проекты и предположенія по части изданія сочиненій, покупки имѣнья; есть также великолѣпная «Смерть отъ телеграммы» (трагедія), въ которой онъ шутливо упрекаетъ Соболевскаго за опозданіе съ отвѣтными письмами и т. д. и т. д.

Много цѣннаго даютъ и письма Успенскаго къ редакторамъ «Рус. Вѣд.»—В. М. Соболевскому и А. С. Посникову. Успенскій еще ближе, чѣмъ Салтыковъ, сталъ къ редакціи «Русск. Вѣд.» (его сотрудничество въ газетѣ началось съ 1874 года и особенно дѣятельнымъ стало 1885 г.). Насколько писатель чувствовалъ себя близкимъ къ «Рус. Вѣд.», хорошо показываетъ его трогательное письмо къ А. С. Посникову, написанное незадолго до его болѣзни, въ 1893 г. — «...Я глубоко счастливъ,—пишетъ онъ,—искренними отношеніями къ вамъ, Вас. Мих., и ко всему кругу людей, именующемуся «Русскія Вѣдомости». Н. К. [1]) да Салтыковъ — вотъ всѣ, кромѣ васъ всѣхъ, отнеслись внимательно и снисходительно, когда надо, и вообще сочувственно. Я даже не могу и высказать, что такое въ моей нравственной жизни значатъ «Русск. Вѣд.» и что бы я былъ, если бы не имѣлъ этого теплаго пристанища». Писемъ Успенскаго приводится очень много; интересны очень и приведенныя въ статьѣ В. А. Розенберга двѣ редакціи [2]) одного разсказа Гл. Успенскаго («Пока-что»). Въ первоначальномъ видѣ, въ «Рус. Вѣд.» Успенскій изображаетъ сцену на пароходѣ; идетъ разговоръ на тему о томъ, что небогатымъ людямъ, людямъ изъ низшихъ классовъ, стали ставить всяческія преграды для обученія ихъ дѣтей (это было время, когда появился извѣстный циркуляръ Делянова о «кухаркиныхъ дѣтяхъ»). Въ разговорѣ правительственныя мѣропріятія весьма живо обсуждаются и осуждаются, и собесѣдники приходятъ къ выводу, что «за дѣло обновленія русскаго народа наукой и знаніемъ должно взяться само общество». Изъ цензурныхъ соображеній редакція не рѣшилась пропустить разсказа, и впослѣдствіи онъ въ другомъ, уже «мимическомъ» видѣ (слова замѣнены оживленной мимикой), появился на свѣтъ Божій. Это — въ высшей степени выразительный и интересный примѣръ того, какъ творчество писателя должно было изощряться, чтобы, оставивъ въ неприкосновенности основной нервъ своего произведенія, лавировать между Сциллами и Харибдами «творчества» цензурнаго.

Цензура и особенно убійственная цензура 80 и 90 годовъ заставляла редакцію газеты прибѣгать къ разнообразнымъ мѣрамъ для скрытія «подозрительныхъ» писателей, и сами подозрительные писатели, подобно Салтыкову, прилагали всяческія усилія, чтобы какъ-нибудь неосторожностью не навлечь на редакцію цензурныя кары и административные скорпіоны. Въ этомъ отношеніи крайне любопытны страницы «Сборника», посвященныя участію въ газетѣ П. Л. Лаврова. Для громаднаго большинства читателей будетъ неожиданнымъ сюрпризомъ, когда они прочтутъ, что эмигрантъ, имя котораго остерегались произносить въ печати, могъ дѣятельно сотрудничать въ редакціи въ теченіе болѣе десятка лѣтъ. Въ словарѣ сотрудниковъ подробная библіографія напечатаннаго Лавровымъ съ 1886 по 1897 г. (по всей вѣроятности писать въ газетѣ онъ началъ раньше) занимаетъ довольно много мѣста. Статьи Лаврова по-

---

1) Т.-е. Н. К. Михайловскій.

2) «Сборникъ», стр. 235—538.

священы англійской жизни, онъ былъ «лондонскимъ корреспондентомъ» газеты, но корреспондировалъ изъ Парижа. Понятно, что сотрудничество его держалось въ строгой тайнѣ; онъ даже письма свои, не предназначаемыя для печати, никогда не подписывалъ полнымъ именемъ. Переписка велась черезъ разныхъ лицъ, часто притомъ мѣнявшихся. «Мы,— писалъ Лавровъ Соболевскому въ 1894 г. изъ Парижа,—живемъ хотя и въ республикѣ, однако въ такое время, что надо быть съ мечтою республики «свободы, равенства и братства» очень осторожными. А потому посылаю письмо черезъ М. М. Предоставляю вамъ судить по мѣстнымъ удобствамъ, предпочтете ли вы отвѣтить мнѣ прямо или тѣмъ же путемъ». Интересна и другая, проводимая въ «Сборникѣ» выдержка изъ письма Лаврова [1]), гдѣ онъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Англіи и Америкѣ Якутской исторіей, и о невозможности для него, «лондонскаго корреспондента», упомянуть въ своихъ корреспонденціяхъ о лондонскихъ митингахъ по этому поводу.

Лавровъ не выходилъ изъ опредѣленныхъ рамокъ. Дѣйствовала тутъ, конечно, и цензура. Но довольно строгія рамки ставились и редакціей, уже независимо отъ цензурныхъ соображеній. Еще въ ту пору, когда «Русскія Вѣдомости» «становились» вліятельной газетой, въ ней опредѣлился тотъ «отвѣтственный» тонъ, котораго они строго держались. Писатели, сотрудничавшіе въ газетѣ, подчинялись этому общему тону, и, поскольку дѣло не не касалось чисто-художественныхъ произведеній, должны были слѣдовать категоріямъ мысли, установленнымъ коллективной душой» «Русскихъ Вѣдомостей». О воздѣйствіи этого тона, этихъ категорій въ «Сборникѣ» находимъ рядъ интересныхъ страницъ. Самой интересной изъ нихъ, несомнѣнно, является разсказъ В. Г. Короленка о своихъ первыхъ попыткахъ публицистики въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ упомянутой уже чудесно написанной «Черточкѣ изъ автобіографіи». Первую публицистическую свою замѣтку онъ послалъ туда, уже составивъ себѣ крупное имя своими беллетристическими выступленіями. «Первая же моя корреспонденція или замѣтка (не помню), — разсказываетъ Короленко, — вернулась ко мнѣ съ краткимъ извѣщеніемъ, что редакція, къ сожалѣнію, воспользоваться ею не можетъ. Это меня очень огорчило, такъ какъ я придавалъ значеніе этой сторонѣ своей работы. Правильно или неправильно было такое раздвоеніе,—но я никогда не представлялъ себѣ иначе своей литературной работы... Я сознавалъ, что мой стиль, слишкомъ задорный и плохо забронированный, не подходилъ къ тону «профессорской газеты». Мнѣ это было досадно и, пожалуй, обидно. О моихъ разсказахъ уже много говорили, а между тѣмъ оказывалось, что я не умѣю написать простой замѣтки или корреспонденціи для столичной газеты. Изъ самолюбія я пытался объяснить эти неудачи излишней «сухостью» редакціи, ея «осторожностью», непривычной къ индивидуальнымъ особенностямъ стиля. Можетъ-быть, порой у иныхъ редакторовъ это отчасти и было. Но все же, когда я бралъ въ руки нумеръ газеты и читалъ въ ней иную передовицу или статью по острымъ и опаснымъ вопросамъ минуты или берлинскую корреспонденцію Іоллоса, — я не могъ не чувствовать, что, несмотря на крайнюю сдержанность изложенія, подъ этими строчками бьется и трепещетъ приподнятое и горячее гражданское чувство. Правда, порой, дѣйствительно, въ ровномъ теченіи этой умной коллективной рѣчи исчезала индивидуальность, но зато сильнѣе звучала общая доминирующая нота. И я все настойчивѣе стучался въ редакцію любимой газеты,

[1]) «Сбор.», стр. 79.

чувствуя, что въ этихъ попыткахъ я дѣйствительно прохожу строгую школу, вырабатывая «отвѣтственный» слогъ подъ вліяніемъ такихъ писателей, какъ Соболевскій и Посниковъ, Чупровъ, Іоллосъ и весь тѣсно спѣвшійся отрядъ «Русскихъ Вѣдомостей». Въ результатѣ, «быть-можетъ, въ концѣ нѣкотораго компромисса» статьи стали проходить цѣликомъ». «Благодаря участію въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»,—заканчиваетъ В. Г. Короленко,—я прошелъ строгую публицистическую школу, дававшую тонъ всей провинціальной прессѣ.

Подобнаго же рода свидѣтельства исходятъ и отъ другихъ авторовъ, давшихъ свои воспоминанія для «Сборника» — И. П. Бѣлоконскаго [1]), проф. Соболева.

Цѣлый рядъ другихъ фактовъ, интересныхъ каждому историку и просто любителю русской литературы, можно найти еще въ настоящемъ «Сборникѣ». Любопытно, напр., отмѣтить, что свою литературную дѣятельность послѣ ссылки Чернышевскій началъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», помѣстивъ тамъ въ 1885 г. [2]) большую статью «Характеръ человѣческаго знанія», подписавъ ее псевдонимомъ Андреева. Любопытна исторія созданія «Слѣпого музыканта», первую главу котораго (не думая еще о послѣдующемъ), Короленко отправилъ въ «Русскія Вѣдомости» и неожиданно для себя увидѣлъ ее въ печати. «Возможно, что безъ этого недоразумѣнія, — вспоминаетъ Короленко, — мой бѣдный музыкантъ такъ и остался бы у меня въ видѣ начала». Необходимо указать и на статьи, спеціально посвященныя В. М. Соболевскому — С. Я. Елпатьевскаго, В. Г. Короленка («эпизодъ»), статьи о немъ въ «словарѣ». Эти статьи, равно какъ и письма Соболевскаго, приведенныя въ статьѣ С. П. Мельгунова, и разные клочки воспоминаній, разбросанные въ рядѣ другихъ статей «Сборника», только теперь открываютъ широкой публикѣ привлекательныя черты человѣка, 30 лѣтъ стоявшаго во главѣ «Русскихъ Вѣдомостей», и пути къ пониманію его очень сложной, разносторонней, подчасъ противорѣчивой психологіи, совмѣщавшей и глубокое щепетильное уваженіе къ печатному слову и ироническое отношеніе ко всему, что появляется въ печати (см. письмо его Елпатьевскому: «Развѣ можно писать правду, когда знаешь, что она будетъ напечатана?», неуклонное веденіе газеты въ демократическомъ духѣ и большой скептицизмъ къ народу. Одно выступаетъ со всей яркостью—это чувство достоинства личности, «джентльменство натуры Соболевскаго, какая-то органическая неспособность сдѣлать какой-нибудь некрасивый, неджентльменскій шагъ...

Въ заключеніе остановлюсь еще на сообщаемыхъ «Сборникомъ» курьезахъ, касающихся крамольнаго прошлаго нынѣ высоко стоящихъ лицъ. В. А. Маклаковъ, вспоминая въ своей автобіографіи [3]) о студенческихъ безпорядкахъ 1887 г. разсказываетъ, какъ они отразились на судьбѣ его брата, Н. А. Маклаковѣ, нынѣшнемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ. «Такъ, будучи еще гимназистомъ, сталъ по моему подстрекательству собирать деньги на помощь герою дня Синявскому, ударившему Брызгалова, попался и едва не былъ исключенъ изъ гимназіи». Нечуждъ былъ крамолы и нынѣшній государственный секретарь С. Е. Крыжановскій, какъ можно видѣть изъ автобіографическаго очерка кн. Д. И. Шаховского. Онъ принималъ участіе въ студенческихъ безпорядкахъ (въ Петербургѣ) 1882 г. и былъ арестованъ полиціей. «На

---

[1]) Въ его воспоминаніяхъ еще неточности. Жаль, что редакція «Сборника» ихъ не устранила. *Ред.*

[2]) См. «Словарь сотрудниковъ».

[3]) «Словарь сотрудниковъ», стр. 108, 109.

вопросъ полиціи, кто устроилъ сходку, С. Е. Крыжановскій сказалъ: «Полиція и попечитель», а на два другіе вопроса отвѣтилъ не менѣе остроумно и вызывающе».

Н. Губскій.

Зубатовщина.

А. Морской. Зубатовщина. Страничка изъ исторіи рабочаго вопроса въ Россіи. Стр. 213. Москва, 1913. Цѣна 75 коп.

Заглавіе этой книги невольно заинтересовываетъ читателя. «Зубатовщина»—явленіе чрезвычайно крупное и съ политической и съ общественно-экономической, даже соціологической точки зрѣнія, какъ попытка овладѣть помощью средствъ полицейскаго государства широкимъ общественнымъ, въ частности рабочимъ движеніемъ, направивъ его по нейтральному въ политическомъ отношеніи руслу. Изслѣдованіе такого явленія не можетъ не интересовать читателя, но, къ сожалѣнію, книга г. Морского далеко ниже своей темы. Авторъ прежде всего суживаетъ понятіе «зубатовщины», пріурочивая его исключительно къ массовому рабочему движенію, тогда какъ Зубатовъ внесъ «новые пріемы» во всю практику охраннаго отдѣленія. Затѣмъ и вообще къ своему предмету г. Морской подходитъ съ совершенно спеціальной цѣлью—его заботитъ не изслѣдованіе даннаго явленія, какъ таковаго, а нѣчто совсѣмъ иное. Именно книжка г. Морского стремится къ той апологіи гр. С. Ю. Витте, которую авторъ «Зубатовщины» давно уже сдѣлалъ своею спеціальностью. Такая завѣдомо предвзятая позиція не могла, конечно, не отразиться на всей работѣ г. Морского. Напр., для г. Морского вся «зубатовщина» порождена просто междувѣдомственнымъ столкновеніемъ двухъ бюрократическихъ учрежденій, Министерства Внутреннихъ дѣлъ и Министерства Финансовъ. Министръ финансовъ при этомъ игралъ роль Ормузда, прозорливо предугадывавшаго событія, а министръ внутреннихъ дѣлъ—роль Аримана, въ результатѣ чего Россія едва не погибла въ революціонномъ омутѣ 1905 года. Односторонность всей этой концепціи бросается въ глаза при первомъ же взглядѣ, ибо едва ли гр. Витте относился такъ ужъ отрицательно, если не ко всей «зубатовщинѣ», то, по крайней мѣрѣ, лично къ Зубатову, котораго, однако, очень трудно отдѣлить отъ его системы. Мы говоримъ это на основаніи показаній самого Зубатова, полагая, что ему можно столько же вѣрить, сколько и первоисточникамъ г. Морского. «При всемъ томъ,—утверждаетъ Зубатовъ въ одномъ изъ своихъ попавшихъ въ печать писемъ,—я почтительно отклонилъ лестныя для меня приглашенія возвратиться къ дѣламъ, сдѣланныя мнѣ по очереди кн. Святополкъ-Мирскимъ, Д. Ф. Треповымъ и гр. С. Ю. Витте». Это было писано въ концѣ 1906 года, но самыя приглашенія дѣлались, очевидно, нѣсколько раньше и, если это вѣрно, то почему въ книжкѣ г. Морского мы не находимъ объ этомъ ни одного слова?...

Несмотря, однако, на односторонность и примитивность своей общей точки зрѣнія, книжка г. Морского далеко не безынтересна, правда, не своими выводами и обобщеніями, а лишь тѣмъ сырымъ матеріаломъ, которымъ авторъ располагалъ и который онъ, повидимому, далеко не полностью использовалъ въ своей новой работѣ. Прежде всего читатель здѣсь найдетъ цѣлый рядъ документовъ, характеризующихъ *бюрократическую* борьбу разныхъ вѣдомствъ изъ-за «зубатовщины». Многія мѣста въ этихъ документахъ способны навести читателя на очень серьезныя размышленія, хотя и не тѣ, которыя имѣетъ въ виду г. Морской.

Затѣмъ г. Морской приводитъ цѣликомъ докладную записку Зубатова о рабочемъ движеніи и способахъ его обезвреживанія. Это та самая записка, о которой Зубатовъ въ своихъ упоминавшихся только что письмахъ говоритъ такъ: «Событія выдвинули рабочій вопросъ. Я написалъ о немъ громадный докладъ. Треповъ возился съ нимъ цѣлую недѣлю. Черезъ недѣлю онъ выкроилъ изъ доклада записку. Мысли доклада стали его мыслями, онъ говорилъ о нихъ вездѣ, особенно въ высшихъ сферахъ и въ столичномъ по фабричнымъ дѣламъ присутствіи и съ вѣдомствами велъ изъ-за нихъ жестокую войну». «Громадный докладъ» Зубатова читатель найдетъ на стр. 52 — 70 книжки г. Морского. Для тѣхъ сферъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ цитированномъ отрывкѣ, 18 страницъ крупной печати казались уже чѣмъ-то «громаднымъ». Такого же «громаднаго» напряженія потребовалъ отъ ген. Трепова, вѣроятно, и уставъ общества механическихъ рабочихъ г. Москвы», воспроизведенный тоже въ книгѣ нашего автора. Однако «Уставъ» этотъ (собственно «проектъ устава») написанъ не Зубатовымъ, какъ то выходитъ по изложенію г. Морского, а Львомъ Тихомировымъ. Тому же Льву Тихомирову принадлежитъ напечатанная въ приложеніи къ книжкѣ г. Морского «Записка объ учрежденіи профессіональныхъ союзовъ, представленная генералу Д. Ф. Трепову», размѣромъ въ цѣлыхъ двадцать страницъ. Записка эта очень любопытна для изученія взглядовъ нашихъ ретроградовъ на рабочій вопросъ, но еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи другое произведеніе того же Тихомирова, его статья «Значеніе 19 февраля 1902 г. для московскихъ рабочихъ», написанная имъ по поводу извѣстной демонстраціи московскихъ рабочихъ передъ памятникомъ Александру II. Статьи этой, къ сожалѣнію, у г. Морского нѣтъ. Г. Морской вообще черезчуръ затѣняетъ сотрудниковъ Зубатова, особенно Льва Тихомирова, который былъ такимъ же «консультантомъ генерала Трепова», какъ и Зубатовъ. Эта несправедливость по отношенію къ нынѣшнему редактору «Московскихъ Вѣдомостей» тѣмъ болѣе для насъ непонятна, что все должное за его сотрудничество воздалъ ему въ своихъ письмахъ самъ Зубатовъ [1]).

Кромѣ указанныхъ матеріаловъ, читатель найдетъ въ книжкѣ г. Морского чрезвычайно любопытныя данныя о томъ, какъ реагировало именитое московское купечество на зубатовскую политику по отношенію къ рабочимъ (см. стр. 88—108). Найдетъ также небезынтересный очеркъ того, во что обратилась зубатовская практика среди рабочихъ Минска и Одессы, хотя изложеніе г. Морского требуетъ въ этомъ случаѣ цѣлаго ряда поправокъ и комментарій. Есть также у г. Морского краткій очеркъ гапоновщины, а равно и нѣсколько словъ о комиссіи сен. Шидловскаго. Между прочимъ, учрежденіе комиссіи сен. Шидловскаго испугало г. Морского своимъ радикализмомъ, такъ какъ г. Морской увидѣлъ тутъ проявленіе пагубной мысли «будто упорядоченіе промышленной

---

[1]) Вотъ что именно говоритъ объ этомъ Зубатовъ: «Къ Льву Александровичу я вынужденъ былъ обратиться за помощью тотчасъ же, какъ только обнаружилось, что большія книжки по рабочему профессіональному движенію рабочіе читаютъ плохо и нуждаются въ популярномъ и краткомъ изложеніи дѣла. Принялъ меня Левъ Ал. весьма нерадушно—мое служебное положеніе его весьма шокировало. Но... я претерпѣлъ въ интересахъ дѣла непріятное чувство при сношеніи съ нимъ и послѣ нѣсколькихъ свиданій сдалъ ему рабочихъ, а его самого—Трепову».—«Вообще, прибавляетъ Зубатовъ, главною точкою преткновенія въ легализаціи рабочаго движенія былъ вопросъ: а не ляжетъ ли эта организація на голову самого же правительства. Долго колебавшійся Треповъ, наконецъ, воскликнулъ: «Ну, да штыковъ у насъ хватитъ. Будемъ дѣлать какъ велитъ наша совѣсть и разумъ».

жизни страны слѣдуетъ осуществлять путемъ предоставленія рабочимъ самыхъ широкихъ уступокъ» (172). По мнѣнію же самого г. Морского — «броженіе можетъ быть прочно устранено лишь постепенно путемъ отвѣчающаго потребностямъ жизни фабрично-заводскаго законодательства и благожелательнаго и дѣятельнаго правительственнаго почина къ постепенному улучшенію быта рабочихъ въ предѣлахъ, доступныхъ современному развитію промышленности» (стр. 176). Здѣсь особенно интересна послѣдняя фраза объ улучшеніи быта рабочихъ въ предѣлахъ, доступныхъ современному развитію промышленности. Дѣло въ томъ, что при «предоставленіи рабочимъ самыхъ широкихъ уступокъ», можно ожидать — «учащенія самыхъ несуразныхъ претензій, какъ, напр., удалить такого-то приказчика или мастера, поправить или устроить тамъ-то лѣстницу, зажигать фонарь на такомъ-то мѣстѣ, разрѣшить при работахъ куреніе табаку... предоставлять пособія забеременѣвшимъ женщинамъ и дѣвушкамъ и т. д. безъ конца» (стр. 103), а все это, разумѣется, не подсилу современному развитію промышленности. Но если помимо этого дѣло состоитъ лишь въ постепенномъ и благожелательномъ починѣ, хотя бы и безъ разныхъ «несуразныхъ претензій», то не столь уже удивительно приглашеніе на службу Зубатова графомъ С. Ю. Витте...

Евгеній Колосовъ.

Русскій дворъ начала XIX в. по воспоминаніямъ доктора Франка.

(Pamiętniki D-ra Józefa Franka zrancuskiego przetlumaczyt wstępem uwagami opatzyt d-r Wladyslaw Zahorski. Wilno 1913).

Мемуары доктора Франка, появившіеся теперь на польскомъ языкѣ, имѣютъ двольно длинную исторію. Знаменитый въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. вѣнскій докторъ Петръ Франкъ, бывшій придворнымъ врачомъ австрійскаго императора, обидѣвшись на вѣнскій дворъ, принялъ приглашеніе поступить на русскую службу. Сначала онъ занялъ мѣсто профессора Виленскаго университета и директора клиники въ Вильнѣ, а затѣмъ (въ 1805 г.) переведенъ былъ въ Петербургъ и назначенъ ректоромъ Медико-хирургической академіи и лейбъ-медикомъ обѣихъ императрицъ. Онъ пробылъ въ этой должности до 1809 г., когда покинулъ Петербургъ. Сынъ Петра Франка, Іосифъ Франкъ, тоже врачъ, послѣдовалъ за отцомъ въ Россію и послѣ перевода послѣдняго въ Петербургъ занялъ его мѣсто въ Вильнѣ.

Онъ то и писалъ мемуары, описывая поѣздку съ отцомъ въ Россію, жизнь свою и отца въ Вильнѣ и Петерубргѣ. Мемуары эти написаны докторомъ І. Франкомъ по французсски (Memoires biografiques de Jean Piérre Frank et de Joseph son fils, redigées par ce dernier), но на французскомъ языкѣ они не были изданы. Докторъ Франкъ передалъ рукопись другу своему доктору Карро, поручивъ ему издать ее, но Карро порученія этого не исполнилъ, и въ 1855 г. передалъ рукопись «Виленскому медицинскому обществу» («Wilenskie Towrzystwo Lekarskie»), основателемъ котораго и былъ докторъ Іосифъ Франкъ. Виленское общество врачей тоже не издало этой рукописи, представляющей, по описанію д-ра Загорскаго, 6 томовъ формата почтовой бумаги, изъ которыхъ одинъ томъ исчезъ. Дважды—въ Варшавѣ въ 1863 г. и въ Краковѣ въ 1872—были опубликованы извлеченія изъ этихъ мемуаровъ. Въ настоящее время докторъ Владиславъ Загорскій — историкъ Виленскаго общества

врачей предпринялъ изданіе этихъ мемуаровъ въ польскомъ переводѣ съ французской рукописи. Предназначая свое изданіе для польскаго читателя, д-ръ Загорскій взялъ изъ мемуаровъ лишь тѣ части, которыя относятся къ пребыванію обоихъ Франковъ въ Вильнѣ и Петербургѣ.

Въ безыскусственномъ разсказѣ Франка много любопытныхъ чертъ, характеризующихъ бытъ того времени и самого разсказчика—лойяльнаго «русскаго нѣмца», который, перейдя на русскую службу, еще не научившись русскому языку, проникся благоговѣйнымъ отношеніемъ къ русскимъ властямъ. Разсказы его по большей части вращаются въ области профессіональной: онъ говоритъ объ условіяхъ докторской практики, объ отношеніи публики къ врачамъ, больницахъ, благотворительныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, преподаваніи медицины и т. д. Благодаря тому, что Франкъ-отецъ былъ и лейбъ-медикомъ, и профессоромъ Медико-хирургической академіи, и директоромъ клиникъ, и частнопрактикующимъ врачомъ, кругъ его наблюденій былъ очень великъ. Привожу изъ воспоминаній Іосифа Франка нѣсколько отрывковъ, относящихся къ его придворнымъ связямъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1806 г., молодой Франкъ, какъ сынъ лейбъ-медика и тоже извѣстный врачъ, былъ принятъ при дворѣ.

Императоръ Александръ I поинтересовался узнать мнѣніе Франка о петербургскихъ больницахъ.

— Видѣли ли вы какую нибудь изъ моихъ больницъ?—спросилъ императоръ.—Скажите откровенно, могутъ ли онѣ выдержать сравненіе съ австрійскими?

— Можно ли сравнивать день съ ночью? Я могъ бы развѣ сравнить ихъ съ англійскими лазаретами, но я долженъ сказать, что эти послѣдніе обычно не велики и ихъ не трудно довести до той степени совершенства, какой отличаются петербургскіе военные госпитали, несмотря на ихъ большіе размѣры.

— Дѣйствительно ли вы не находите въ нихъ никакихъ недочетовъ?

— Я желалъ бы только, Ваше Величество, чтобы больные были поменьше ростомъ, потому что видѣлъ, какъ торчатъ ихъ ноги изъ кроватей.

— Я васъ понялъ и обращу на это вниманіе.

«Признаюсь,—продолжаетъ Франкъ,—что, когда я первый разъ очутился въ маленькомъ кабинетѣ съ глазу на глазъ съ величайшимъ на землѣ монархомъ, то почувствовалъ себя очень смущеннымъ, но скоро оправился благодаря несравненной обходительности государя. Я осмѣлился даже съ чувствомъ величайшаго благоговѣнія поднять глаза, чтобы сохранить въ памяти его черты, но послѣ я укорялъ себя за то, что полученное впечатлѣніе не находилось въ соотвѣтствіи съ тѣмъ чувствомъ признательности, какое я долженъ былъ испытывать за столь милостивый пріемъ. Особенно выраженіе глазъ показалось мнѣ неискреннимъ»... Въ другой разъ Франкъ по порученію вдовствующей императрицы осматривалъ учебныя и благотворительныя заведенія, находящіяся въ ея вѣдѣніи.

Вскорѣ послѣ этого онъ былъ приглашенъ на обѣдъ въ Павловскъ.

«Послѣ окончанія обѣда,—разсказываетъ Франкъ,—императрица предложила мнѣ вопросы, на которые я уже имѣлъ заготовленные отвѣты. Давъ доказательства того, что я все осмотрѣлъ со знаніемъ дѣла, я позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно недостаточнаго, какъ мнѣ казалось, питанія дѣвицъ въ институтѣ св. Екатерины. Императрица, улыбаясь, отвѣтила:

— «Ахъ ужъ это нѣмецкое чревоугодіе. Вы не знаете русскихъ. Среди хорошихъ качествъ ихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ умѣренность въ ѣдѣ. Я не хотѣла бы приложить руку къ уничтоженію этой добродѣтели.

«Я отвѣтилъ на это: Можетъ, я плохо понялъ, но мнѣ говорили, что завтракъ состоитъ изъ одного липоваго чая и что этимъ ограничиваются отъ 7-ми ч. утра до обѣда.

— «Вамъ вѣрно сказали. Напитокъ изъ липоваго цвѣта—замѣчателенъ, и я увѣрена, что если бы цвѣтъ этотъ былъ изъ Китая, то мы предпочитали бы его чаю.

«Я не смѣлъ больше настаивать на своемъ, но я не жалѣлъ, что говорилъ откровенно. Впослѣдствіи я встрѣчалъ дамъ, которыя окончили институтъ св. Екатерины, и всѣ признавались мнѣ, что умирали тамъ отъ голода».

Не лишенъ интереса и слѣдующій разсказъ Франка, относящійся уже къ придворной службѣ его отца:

«Императрица разрѣшилась отъ бремени великой княжной. Все окончилось благополучно. Ея императорское величество хотѣла сама кормить ребенка, но отецъ мой рѣшительно этому воспротивился. Это очень не понравилось императрицѣ, которая оставалась глухой на всѣ доводы. Одинъ только доводъ убѣдилъ ее и заставилъ послѣдовать совѣту отца. Онъ спросилъ императрицу: «Увѣрены ли вы, ваше величество, что ничто не смутитъ покоя вашей души, а покой этотъ необходимъ во время кормленія ребенка? Современное положеніе Европы (это было въ 1806 г.) не способно ли причинить безпокойство, которое можетъ отразиться на здоровьѣ?» Когда, въ концѣ-концовъ, рѣшено было взять кормилицу, отецъ мой былъ очень удивленъ, узнавъ, что приказано выбрать ее среди крестьянокъ. Онъ полагалъ, что каждая дама сочла бы за честь исполнять эту обязанность, и казалось ему очень неудобнымъ, чтобы великая княжна брала грудь рабыни. Но зато среди крестьянокъ отецъ выбралъ такую здоровую кормилицу, что она могла бы считаться царицей кормилицъ. Обрядъ крестинъ совершенъ былъ чрезвычайно торжественно. Подарки, какіе получилъ согласно обычаю отецъ мой, хотя и великолѣпные, не возмѣщали ему однако убытковъ, какіе онъ понесъ отъ прекращенія практики на время, пока безвыходно находился во дворцѣ. Но вскорѣ онъ вознаградилъ себѣ эту потерю, получивъ отъ графа Шереметьева 400 червонцевъ».

Д-ръ Франкъ очень много говоритъ о матеріальныхъ условіяхъ врачебной практики и, между прочимъ, замѣчаетъ, что открытіе д-ра Дженнера (прививка оспы) причинило большой ущербъ врачамъ, и въ подтвержденіе этого Франкъ приводитъ слѣдующій примѣръ. Одинъ врачъ, который лѣчилъ больного оспой ребенка изъ царской семьи, получилъ за это 10 т. рублей, тогда какъ отцу Франка за прививку оспы, сдѣланную подъ его наблюденіемъ великой княжнѣ Елизаветѣ, подаренъ былъ лишь перстень цѣною въ 600 р. «Зато,—утѣшается Франкъ,—гр. Шереметьевъ заплатилъ отцу двѣ тысячи рублей за излѣченіе его маленькой дочери отъ рожи и сверхъ того подарилъ ему прекрасный экипажъ». Экипажъ этотъ, впрочемъ, чуть не стоилъ жизни Франку-отцу. Однажды, когда онъ ѣхалъ на Аптекарскій островъ, сломалась ось и экипажъ опрокинулся, и Франкъ, падая, ударился головой о мостовую. «Съ большимъ трудомъ освободили его изъ-подъ экипажа,—разсказываетъ Франкъ-сынъ,—и то лишь благодаря тому, что оказалось на мѣстѣ происшествія нѣсколько знакомыхъ нѣмцевъ, толпа же, которая собралась вокругъ вовсе не спѣшила на помощь. Эти же нѣмцы подняли и

кучера и хотѣли отнести его въ лавку какого-то русскаго купца, но послѣдній, думая, что они несутъ трупъ, не пустилъ ихъ къ себѣ. Объяснялъ онъ тѣмъ, что полиція послѣ покоя не дастъ допросами, и придется платить ей».

Практика въ богатыхъ купеческихъ домахъ тоже была очень выгодна, и Франкъ говоритъ, что нигдѣ не встрѣчалъ такой роскоши, какъ у петербургскихъ банкировъ.

Говоритъ Франкъ, конечно, и о придворныхъ докторахъ—товарищахъ отца, при чемъ онъ очень рѣзко отзывается о д-рѣ Вилье, выражая удивленіе, что «такой государь, какъ Александръ I, могъ довѣрять такому глупцу, какъ докторъ Вилье».

Въ своихъ отзывахъ о современникахъ Франкъ зачастую сводитъ личные счеты, свои или отца, и довѣрять ему не весегда можно. Вообще въ въ его мемуарахъ, повидимому, анекдоты переплетаются съ фактами. Но тѣмъ не менѣе въ нихъ очень много матеріала, цѣннаго для характеристики жизни и отношеній того времени.

Л. Козловскій.

Нѣкоторыя черты нравовъ и быта XVII в.

Изданные въ недавнее время С. Б. Веселовскимъ «Акты писцоваго дѣла» даютъ, кромѣ богатѣйшаго матеріала для спеціалиста-историка финансоваго строя московскаго государства, и цѣлый рядъ фактовъ, очень выразительно рисующихъ ту бытовую обстановку, въ которой московскому правительству приходилось проводить въ жизнь свои финансовыя задачи. Чаще всего мы встрѣчаемся здѣсь съ жалобами агентовъ правительства (писцовъ, дозорщиковъ, межевщиковъ и т. д.) на то сопротивленіе, которое они встрѣчали со стороны населенія при выполненіи своихъ задачъ. Такъ, напр., когда межевщики, посланные въ Калугу въ 1625 году для размежеванія луговъ помѣщика Ладыгина и луговъ посадскихъ людей, приступили къ выполненію своей задачи, то самъ помѣщикъ явился на мѣсто межеванья. Онъ пріѣхалъ не одинъ, а съ цѣлымъ войскомъ: съ нимъ былъ его братъ и его челядинцы «въ саадакахъ и съ саблями», привелъ онъ и много своихъ крестьянъ, вооруженныхъ «копьями, рогатинами и ослопами». Пользуясь этой вооруженной силой, помѣщикъ не позволилъ межевать землю, изругалъ всячески писцовъ и въ заключеніе добавилъ: «Государь того и не вѣдаетъ, что васъ послали въ города писать и межевать, то думали дьяки на Москвѣ своимъ воровствомъ для своей бездѣльной корысти, а вамъ,— сказалъ онъ въ заключеніе,—до той земли дѣла нѣтъ, та земля дана мнѣ въ помѣстье, хотя бы лишь дано за 20 чети и 500 чети, а вамъ, ворамъ, дѣла нѣтъ». Жалоба писцовъ на это сопротивленіе вызвала со стороны центральной администраціи только крайне неопредѣленное рѣшеніе: ослушникамъ было приказано «учинить государевъ указъ по государеву указу». Не всегда, однако, помѣщики оказывали только сопротивленіе, иногда они производили и прямое нападеніе на писцовъ. Въ 1624 году дозорщики Бѣжецкой пятины. Новгородской области дозирали помѣстье Осипа Страхова. При сравненіи документовъ, представленныхъ помѣщикомъ, съ официальными свѣдѣніями, бывшими въ распоряженіи писцовъ, обнаружилось, что за помѣщикомъ числится лишнее количество земли. Писцы потребовали помѣщика къ себѣ «на станъ», для того, чтобы онъ представилъ оправдательные документы на владѣніе этой землей. Тотъ, несмотря на неоднократныя требованія, на станъ не пріѣхалъ, тогда писцы, руководствуясь даннымъ имъ наказомъ, отпи-

сали эту лишнюю землю на государево имя. Послѣ отписки разсердившійся помѣщикъ пріѣхалъ на станъ къ писцамъ, но не для объясненій, а «съ разбоемъ». Съ толпой вооруженныхъ копьями и рогатинами людей, онъ послѣ обычной предварительной ругани, выломалъ ворота, ворвался во дворъ, избилъ «до полусмерти» писцовъ, разграбилъ ихъ имущество и грозился «убить ихъ до смерти». Спасшіеся бѣгствомъ писцы «отсидѣлись» отъ ретиваго помѣщика въ съѣзжей избѣ, которую послѣдній, какъ учрежденіе офиціальное, брать штурмомъ не рѣшился. Къ сожалѣнію, нѣтъ конца этого дѣла, и мы не знаемъ, какому наказанію подвергся этотъ помѣщикъ. Но, вообще говоря, московское центральное правительство не примѣняло къ такимъ высокопоставленнымъ ослушникамъ суровыхъ мѣръ, какъ показываютъ тѣ же «Акты писцоваго дѣла».

Но если ослушникамъ-помѣщикамъ наказаніе полагалось малое или его даже и вовсе не было, то иначе дѣло обстояло съ ослушниками крестьянами. Въ 1614 году въ Вологодскую волость, Сольвычегодскаго уѣзда, были посланы дозорщики описать тѣ пахотныя земли, которыя прибыли у крестьянъ, въ цѣляхъ увеличенія обложенія. Дозорщики встрѣтились здѣсь съ упорствомъ цѣлаго міра. Прежде всего крестьяне не прислали къ нимъ цѣловальниковъ, которые, по принятому обычаю, должны были сопровождать дозорщиковъ. А одинъ изъ этихъ цѣловальниковъ собралъ въ деревнѣ цѣлый мірской сходъ со всей почти волости, и этотъ сходъ, вооруженный луками, пищалями, и рогатинами, продолжался цѣлыхъ два дня, обсуждая, повидимому, вопросъ о наилучшемъ способѣ сопротивленія дозорщикамъ. Когда же писцы обратились къ нему съ требованіемъ дать сотныя грамоты, а выборнымъ явиться на станъ, то вооруженный сходъ во главѣ съ зачинщиками явился на станъ «съ великимъ шумомъ и бранью», производить дозора не позволилъ, а дозорщиковъ грозилъ «побить и въ воду посажать». Дозорщики рѣшили дѣйствовать мѣрами увѣщанія: они пригласили «лучшаго человѣка» одного изъ приходовъ и уговаривали его успокоить міръ. Но и этотъ «лучшій» (т.-е. богатый, вліятельный) человѣкъ стоялъ крѣпко за мірской интересъ и отвѣчалъ имъ дерзостью. «Воленъ де Богъ,—сказалъ онъ, — да многой міръ», а «твоего царскаго имени,—добавляютъ дозорщики,—ни къ чему не поминаютъ». Въ отвѣтъ на донесеніе писцовъ объ этомъ непослушаньи было приказано отправить противъ ослушниковъ 30 стрѣльцовъ подъ командой сына боярскаго «добра», арестовать ихъ и посадить въ Сольвычегодскую тюрьму «до государева указу», а «самыхъ пущихъ воровъ» велѣно было «привести въ Москву сковавъ»...

Сопротивленіе населенія правительственнымъ агентамъ и недовѣріе къ нимъ имѣло свои глубокія основанія. Примѣръ этому можно найти въ этихъ же актахъ. Въ своей челобитной крестьяне Уходской волости, Бѣлозерскаго уѣзда, жалуются на злоупотребленія писцовъ. Писцы, описавшіе ихъ волость въ 1618 году, взяли у нихъ платежныя росписки за предыдущіе три года, взяли деньги еще за одинъ годъ и, не давши на эти деньги росписки и не возвративши взятыхъ за прежніе годы, уѣхали изъ Бѣлоозера. Отъѣхавши отъ Бѣлоозера верстъ за 50, они послали къ воеводѣ роспись, по которой съ крестьянъ нужно было взыскать оброчныя деньги за всѣ тѣ четыре года, за которые у нихъ были взятыя у крестьянъ росписки. Такъ какъ крестьяне не могли оправдаться, не имѣя на то росписокъ, то имъ и пришлось либо уплачивать деньги, либо стоять на правежѣ. Конецъ дѣла неизвѣстенъ, но судя по тому, что оно тянулось въ московскихъ приказахъ 2 года, врядъ ли крестьяне получили полное удовлетвореніе.

А. Гнѣвушевъ.

Отвѣтъ М. Н. Покровскому.

(Письмо въ редакцію).

Въ іюньской книжкѣ «Голоса Минувшаго» г. Покровскій удостоилъ мою книгу («Исторія русскаго народнаго хозяйства», т. I) обширной рецензіей (стр. 270—282).

Къ основной части своей рецензіи г. Покровскій подходитъ издалека. Онъ заявляетъ, что собирается разсмотрѣть «идейное содержаніе» книги (275); затѣмъ онъ навязываетъ мнѣ задачу, которую я не собирался выполнить, — онъ полагаетъ, что я долженъ прослѣдить les origines экономическаго строя (276): совершенное недоразумѣніе, ибо на стр. 38 я опредѣленно заявляю—и стараюсь доказать всей моей книгой, что вопросы первичнаго хозяйства не входятъ въ мои задачи, потому что наши извѣстія о начальной исторіи русскихъ славянъ представляютъ ихъ уже вышедшими изъ этой стадіи развитія. Установивъ посвоему задачу изслѣдованія, г. Покровскій заявляетъ, что у меня нѣтъ «никакихъ слѣдовъ знакомства съ Шурцемъ и всей новѣйшей, послѣ Бюхера, литературой по эмбріологіи народнаго хозяйства». Это далеко не такъ, о чемъ свидѣтельствуютъ *многія* страницы книги; затѣмъ повторяю, что эмбріологія хозяйства не входитъ въ задачи моей книги, но во всякомъ случаѣ послѣ столь рѣзкаго замѣчанія рецензента читатель могъ бы ожидать *основательнаго подтвержденія* его словъ. Ничего подобнаго не случилось, никакого обязательства оправдать свои замѣчанія г. Покровскій не чувствуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ дальнѣйшемъ онъ указываетъ по этому предмету только три книги. Двѣ изъ нихъ принадлежатъ Шурцу, изъ коихъ одна касается общаго вопроса о происхожденіи денежныхъ знаковъ, другая посвящена промышленности африканскихъ дикарей, третья книга—книга Гана, посвященная вопросу о происхожденіи земледѣльческой культуры. Даже по заглавіямъ этихъ книгъ можно видѣть, что эти три книги могли бы мнѣ понадобиться, въ лучшемъ случаѣ, для указанія параллелей. Вотъ къ чему свелось мое «незнакомство» со «всей новѣйшей литературой».

Я вообще былъ очень далекъ отъ стремленія засорять свою книгу ненужными параллелями и ссылками. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ г. Покровскій выказываетъ неосвѣдомленность въ русской литературѣ: ознакомившись съ нумизматическими работами г. Трутовскаго и друг., онъ понялъ бы, почему я не ссылаюсь на Шурца. Вообще г. Покровскому очень нужно, чтобы моя книга находилась подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ иностранныхъ авторовъ, независимо отъ того, нужно ли мнѣ за ними слѣдовать или нѣтъ. Его, напримѣръ, безпокоитъ, что на моей книгѣ незамѣтно «никакихъ слѣдовъ вліянія Пейскера», хотя я цитирую этого автора. Этотъ упрекъ г. Покровскій посылаетъ мнѣ въ примѣчаніи на стр. 277, а въ подлежащемъ мѣстѣ текста онъ самъ заявляетъ, что выводы Пейскера слѣдуетъ ограничить. Въ нѣсколькихъ случаяхъ онъ съ удивленіемъ указываетъ на то, что мнѣ «не помогъ Зомбартъ», хотя этотъ авторъ, по его же наблюденіямъ, мнѣ хорошо извѣстенъ и т. д.

Пока это все общія замѣчанія. Г. Покровскій посвящаетъ нѣсколько страницъ своей рецензіи конкретному разбору нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ въ моей книгѣ. На стр. 276 — 277, запасшись готовыми выводами нѣмецкаго ученаго Гана, онъ подсказываетъ то, что,

по его словамъ, мнѣ «въ голову не приходитъ». Г. Покровскій вычиталъ о періодѣ мотыжнаго хозяйства. Надо его открыть у русскихъ славянъ. Онъ съ гордостью указываетъ, что въ раскопкахъ графа Уварова были найдены мотыки вмѣстѣ съ предметами *неолитическаго* періода, и г. Покровскому уже рисуются «этапы» древне-русскаго земледѣлія,—виловатый сукъ, каменная мотыка, соха (277). Вся тирада г. Покровскаго на указанныхъ страницахъ его рецензіи, во-первыхъ, къ дѣлу, къ содержанію текста моей книги, не относится, ибо, конечно, историкъ зачатковъ русскаго земледѣлія отстранится отъ пользованія фактами неолитической культуры неизвѣстнаго народа. Далѣе, во-вторыхъ, критика г. Покровскаго относится къ тѣмъ страницамъ моей книги (стр. 222—4), которыя имѣютъ въ виду выяснить зачатки земледѣльческой промышленности у русскихъ славянъ, а не зачатки техники земледѣлія. Первичная техника меня совершенно не интересовала и не должна была интересовать: не слѣдовало засорять книгу различными отступленіями. О техникѣ земледѣлія я говорю въ другомъ мѣстѣ (стр. 225), уже касаясь періода достаточнаго развитія земледѣльческой промышленности. Наконецъ, въ-третьихъ, эта тирада г. Покровскаго ничего новаго и неожиданнаго собой не представляетъ, ибо вопросъ о пріоритетѣ мотыки сравнительно съ сохой трактовался въ нѣмецкой литературѣ со времени «Исторіи плуга Рау», въ русской литературѣ это предположеніе отвергается, мотыкѣ противопоставляется древне-русское рало (напр., Зеленинъ и др.) и т. д.

Г. Покровскій нападаетъ на мои взгляды о соотношеніи скотоводства и землевладѣнія: «отмѣчаемый нашимъ авторомъ фактъ, что скотъ древней Руси былъ рѣдокъ и дорогъ (см., напр., стр. 327—328 и въ др. мѣстахъ), является однимъ изъ любопытныхъ образчиковъ архаичности древне-русскаго экономическаго строя, точно такъ, какъ явственные слѣды «материнскаго права» въ древне-русскихъ памятникахъ служатъ признаками архаичности тогдашняго строя юридическаго. Но г. Довнаръ-Запольскій и тутъ, устанавливая фактъ, не дѣлаетъ изъ него никакихъ выводовъ, видимо, и не подозрѣвая, какіе выводы можно сдѣлать» (стр. 277). Прежде всего замѣчу, что столь суровый рецензентъ долженъ былъ бы въ своихъ ссылкахъ соблюдать абсолютную корректность. На страницѣ 327—8 я говорю о *цѣнѣ* на скотъ въ связи съ цѣнами на другіе продукты, слѣдовательно, мнѣ здѣсь и не нужно касаться вопроса о значеніи скотоводства и земледѣлія. Объ этомъ я говорю въ *своемъ мѣстѣ*. Но, признаюсь, связывать теоріи о материнствѣ съ основами древне-русскаго хозяйства я не рѣшаюсь, хотя бы уже потому, что со времени выхода сочиненія Вестермарка, Гильдебранда и др. вопросъ о правѣ материнства подвергнутъ сильному сомнѣнію. Да и вообще это къ дѣлу не относится, такъ какъ весь вопросъ входитъ въ область этнологіи. Самъ г. Покровскій въ вопросѣ о соотношеніи скотоводства и землевладѣнія то, съ одной стороны, ссылается на С. Мэна, отмѣтившаго для древней Ирландіи (sic!) значеніе ссудъ скотомъ,—что тоже къ дѣлу не относится,—то упрекаетъ меня въ недостаточномъ уясненія соотношеній древне-русскаго землевладѣнія и скотоводства,—именно, что скотъ составлялъ «необходимую принадлежность древне-русскаго земледѣльческаго инвентаря». Однако черезъ нѣсколько строкъ г. Покровскій отмѣчаетъ, что какъ разъ этотъ выводъ мною установленъ — правда, «мимоходомъ» (стр. 278). Съ моей точки зрѣнія вопросъ о скотоводствѣ въ его соотношеніи съ древне-русскимъ хозяйствомъ мною въ достаточной мѣрѣ введенъ въ мою книгу, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ достаточно выдвинутъ и вообще въ русской исторической наукѣ.

Приступая къ разсмотрѣнію все той же 8 главы, г. Покровскій предпосылаетъ тираду о выводахъ «послѣднихъ» нѣмцевъ по вопросу о les origines земледѣлія и приписываетъ мнѣ слѣдующее: «Читаете и убѣждаетесь, что для г. Довнара самой проблемы не существуетъ. По-прежнему, какъ 30 лѣтъ назадъ думали люди, онъ думаетъ, что «первичное хозяйство было исключительно охотничьимъ и рыболовческимъ», со ссылкой на 224 стр. Затѣмъ г. Покровскій говоритъ: «Само собою разумѣется, что теперь, при современномъ состояніи исторіи народнаго хозяйства, это не значитъ, какъ значило бы 50 лѣтъ тому назадъ, что первые славянскіе поселенцы стояли на очень высокомъ культурномъ уровнѣ: мы теперь знаемъ, что люди начинаютъ съ земледѣлія, рядомъ съ охотой, и что позже всего имъ удалось приручить животныхъ» (276 и 277). Рецензентъ, казалось бы, долженъ сознавать отвѣтственность такого рода утвержденія. Прежде всего я укажу на первый попавшійся примѣръ. Очень авторитетный профессоръ А. А. Кауфманъ совсѣмъ не давно, въ 1910 г., выпустилъ книжку о формахъ хозяйства, въ которой стоитъ на прежней точкѣ зрѣнія о пріоритетѣ охотничьяго хозяйства сравнительно съ земледѣліемъ. Но худо то, что въ приведенномъ выше текстѣ взята моя фраза безъ соотвѣтствія съ контекстомъ и въ неполномъ видѣ. Отсюда получается совершенно несоотвѣтствующее впечатлѣніе. Приводимыя г. Покровскимъ со страницы 224 мои слова о первичномъ хозяйствѣ читаются въ книгѣ такъ: «Это первичное хозяйство было исключительно охотничьимъ и рыболовческимъ, знало нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, и лишь въ слабой мѣрѣ было знакомо съ земледѣліемъ, хотя этотъ вопросъ еше остается открытымъ». Какъ видитъ читатель, мое замѣчаніе имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ. Далѣе, оно относится къ *конкретному факту*,—къ описанію археологическихъ раскопокъ городища финскаго происхожденія, на что и указываетъ начало фразы—«*это* первичное хозяйство». Между тѣмъ на страницѣ 223, разсматривая данный вопросъ, я категорически заявляю: «Все это не значитъ, что земледѣліе было совершенно неизвѣстно. Это означаетъ лишь то, что оно не играло среди промысловъ первенствующую роль» и т. д. Какъ разъ на этой страницѣ я доказываю, что у русскихъ славянъ не могло быть скотоводческаго періода. Между тѣмъ г. Покровскій выдергиваетъ фразу изъ контекста и преподноситъ мнѣ мысль, проводимою мною въ книгѣ.

На стр. 280—281 рецензентъ довольно неожиданно обрушивается на автора книги за то, что онъ считаетъ необщепризнаннымъ проводимый въ книгѣ взглядъ на хозяйственный строй древней Руси: «Основная мысль всѣхъ этихъ главъ резюмирована авторомъ на стр. 351: «Вся древнерусская жизнь была проникнута интересами торга, промысла». (Кстати, замѣтимъ, что и въ данномъ случаѣ г. Покровскій частную мысль выдвигаетъ въ качествѣ общаго тезиса книги). Мысль эту авторъ не считаетъ «общепризнанной»: «Проводимый нами взглядъ нуждается еще въ сильной защитѣ,—говоритъ онъ (стр. 342).—Можно сказать, однако, прежде всего, что взглядъ этотъ весьма не новъ: онъ идетъ еще отъ Шторха (конецъ XVIII вѣка) и считаетъ въ числѣ своихъ защитниковъ, хотя безъ столь грубыхъ преувеличеній, какъ у нашего автора,—никого другого, какъ В. О. Ключевскаго. А такъ какъ по курсу послѣдняго училась, можно сказать, вся Россія, то въ этомъ отношеніи нашъ авторъ долженъ былъ найти весьма благодарную, хорошо подготовленную почву». На подлежащихъ страницахъ я выясняю, почему считаю необходимымъ защищать проводимый мною взглядъ, и указываю, почему для меня курсъ Ключевскаго не можетъ служить единственной почвой. «Такъ, проф. Ключевскій въ своемъ курсѣ и въ своей монографіи

о Боярской Думѣ, слѣдуя за работами Савельева, Бѣляева, Хлѣбникова и друг., высоко ставитъ экономическое развитіе нашей древности и дѣлаетъ изъ своихъ наблюденій рядъ весьма интересныхъ выводовъ. Но это общій эскизный обзоръ, не охватывающій всего матеріала». Понятно поэтому, что многіе изъ новѣйшихъ самостоятельныхъ ученыхъ, какъ проф. Удинцевъ, Рожковъ, Лященко и нѣкоторые другіе выступили съ иными взглядами на экономическій строй нашей древности (стр. 242—244). Я все это выясняю, именно потому, что новѣйшія теченія въ нашей наукѣ оказались противоположными тѣмъ взглядамъ, которые были сказаны еще въ половинѣ XIX вѣка и за которыми пошелъ курсъ Ключевскаго. Отсюда мнѣ казалось совершенно справедливымъ, что развиваемый мною взглядъ, притомъ основанный на многихъ новыхъ фактическихъ данныхъ, нуждается еще въ защитѣ. Замѣчу еще, что называть курсъ Ключевскаго «почвой» къ данному вопросу—значитъ не знать предшествующей литературы вопроса.

Остановимся на отношеніи г. Покровскаго къ источникамъ. Вотъ любопытный образчикъ. Лѣтопись, акты, Печерскій Патерикъ и многія литературныя произведенія говорятъ о богатствѣ отдѣльныхъ лицъ. Доказательство существованія капитала въ древности, очевидно, не входитъ въ схему понятій г. Покровскаго: апріорно «послѣдній нѣмецъ» не допускаетъ такихъ предположеній. Поэтому всѣ такого рода сообщенія нашихъ источниковъ г. Покровскій просто называетъ «росказнями монаховъ» (274) (терминъ и пріемъ исторической критики, напоминающій школу Каченовскаго). Надо было бы, конечно, доказать, что цѣлый рядъ памятниковъ содержитъ въ себѣ пустыя росказни, надо было бы доказать, что и археологическія данныя не подкрѣпляютъ этихъ литературныхъ источниковъ. Но допустимъ, что все это «росказни монаховъ», но тогда необходимо отвергать ихъ показанія и въ другихъ случаяхъ. А то получится, напримѣръ, такая картина: Патерикъ Печерскій разсказываетъ о портныхъ, объ иконописцахъ. Главу книги о ремесленникахъ г. Покровскій одобряетъ. Значитъ, тутъ на «розсказни монаховъ» можно опираться. Но тотъ же Патерикъ говоритъ о богатствѣ Шимона Варяга: этому разсказу уже вѣрить нельзя.

На страницѣ 299—305 я провожу мысль о развитіи мелкой собственности въ древней Руси. Мой рецензентъ одобряетъ постановку и развитіе мною этого вопроса, но ему все же не хочется признать моей заслуги въ этомъ отношеніи, а потому онъ прибавляетъ: «правда, фактическій матеріалъ, приводимый имъ, крайне скуденъ» (278). Гдѣ же доказательства этого упрека? Надо доказать, что именно изъ матеріаловъ мною опущено, и надо доказать, что опущенное именно имѣетъ существенное значеніе. Этого г. Покровскій не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать по состоянію источниковъ.

На стр. 279 г. Покровскій одобряетъ въ общемъ главу X о ремеслѣ, но полагаетъ, что относительно организаціи ремесла «тѣ бѣглыя замѣчанія на этотъ счетъ, которыя онъ (читатель) находитъ на стр. 279—283 его едва ли удовлетворятъ». Рецензентъ заявляетъ еще, что собрать извѣстія памятниковъ «не трудно», что вопросъ о работѣ «для рынка остался здѣсь неосвѣщеннымъ».

Страннымъ считаю замѣчаніе о томъ, что вопросъ о работѣ для рынка остался неосвѣщеннымъ: на указываемой г. Покровскимъ страницѣ я вовсе не касаюсь этого вопроса, а посвящаю ему стр. 264—267, почему-то незамѣченныя рецензентомъ. Протестую я и противъ опредѣленія моихъ замѣчаній о ремеслѣ, составляющихъ цѣлую главу, словомъ «бѣглыя». Рецензентъ подъ этимъ опредѣленіемъ разумѣетъ не-

достаточное использованіе матеріала, но вѣдь это безапелляціонное заявленіе, ничѣмъ не подтверждаемое.

Вообще я останавливаюсь съ недоумѣніемъ предъ той легкостью, съ которою г. Покровскій бросаетъ мнѣ упреки. Онъ разбираетъ, напримѣръ, главу VI о внутренней торговлѣ (стр. 280), невѣрно характеризуетъ ея содержаніе и, наконецъ, заявляетъ: «Вопросъ о характерѣ, формахъ и размѣрахъ собственно внутренняго обмѣна остается мало освѣщеннымъ». Между тѣмъ этому вопросу посвящена особая VII глава.

Я не отрицаю, что въ моей книгѣ есть недостатки. Кромѣ частныхъ недостатковъ, которые, вѣроятно, весьма значительны, я отчетливо сознаю и трудность общей позиціи. Какъ бы то ни было, но все же мнѣ пришлось впервые поставить вопросъ общаго обзора народнаго хозяйства древнѣйшаго періода. Съ одной стороны, я ввелъ въ научный обиходъ новый матеріалъ, ранѣе не привлекаемый, съ другой стороны, я принужденъ былъ касаться многихъ вопросовъ такихъ, на которые источники не даютъ отвѣта или даютъ отвѣтъ, который различно можетъ быть понимаемъ. Безспорно, трудность моей позиціи заключается и въ томъ, что, изучивъ литературу вопроса—поскольку это было возможно—я не могъ примкнуть къ какой-нибудь опредѣленной схемѣ народно-хозяйственнаго развитія, потому что мнѣ казалось, что мои источники на это меня не уполномачиваютъ. Конечно, было бы проще и спокойнѣе слѣдовать за какой-либо установленной схемой—прикрытіе нѣмецкаго или иного авторитета послужило бы щитомъ отъ нападковъ критики и облегчило бы мою задачу. Въ этомъ случаѣ глубоко правъ г. Покровскій, упрекая меня въ томъ, что мнѣ «не помогъ» какой-либо авторитетъ, напримѣръ, Зомбартъ и др., хотя и извѣстный мнѣ, по признанію самого рецензента.

М. Довнаръ-Запольскій.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Bloch, J., д-ръ мед. «Исторія проституціи». Авторизир. пер. съ нѣм. П. И. Лурье-Гиберманъ, т. I. Изд. К. Риккера. Ц. 5 руб.

Венгеровъ, С. А. «Собраніе сочиненій». Т. II. Писатель-гражданинъ—Гоголь. Изд-во «Прометей». Ц. 1 р. 25 к.

Гомперцъ, Теодоръ. «Греческіе мыслители». Пер. съ нѣм. Т. II. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Дельвигъ, А. И., бар. «Мои воспоминанія». Т. III. Изд. Имп. Московск. и Румянцевскаго музея. Ц. 3 р.

Карѣевъ, Н. «Революціонные комитеты парижскихъ секцій» (1793–1795). Съ приложеніями неизданныхъ документовъ. Изд. М. М. Стасюлевича. Ц. 40 к.

«Книга для чтенія по древней исторіи». Ч. II. Римъ—Республика. Изд. «Задруга». Ц. 1 р. 60 к.

Коноваловъ, Ф. П. «Борьба съ сектантствомъ въ Балашовскомъ уѣздѣ». (Процессъ хлыстовъ). Изъ стараго уголовнаго дѣла Сарат. окр. суда (1869—1872 г.)

Loutchisky, J. Quelques remarques sur la vente des Biens Nationaux Bibliot. de la Revolution et de l'Empire. VIII. Paris.

Муравьевъ, А. Г. Emphyteuticario iure et libellario nomine. (Изъ исторіи земельныхъ отношеній въ средней Италіи IX—XIII в. в.).

Муромцевъ, С. А. Предсѣдатель Первой Государственной Думы. Съ бюстомъ С. А. Муромцева. Изд. «Задруга». Ц. 10 к.

Перцевъ, В. Н. Девятнадцатый вѣкъ. Историческіе очерки. Кн-во «Польза». В. Антикъ и К°. Ц. 20 к.

Стасюлевичъ, М. М. и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакц. М. К. Лемке. Т. V. Ц. 3 р.

Толстой, Л. Н. «Война и миръ». Т. II и III. Подъ редакц. и съ примѣчаніями П. И. Бирюкова, съ рисунками А. П. Апсита. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Цѣна не обозначена.

Филипповъ, І. «Неумирающія темы». Литературные очерки. Изд. Г. Н. Навроцкаго. Ц. 50 коп.

Эфруси, Э. «Учебникъ по исторіи евреевъ». Ч. I. Древнѣйшій или библейскій періодъ. Ц. 50 к.

Новыя книги.

Аваліани, С. А. «Крестьянскій вопросъ въ Закавказьѣ». Т. II. Крестьянская реформа въ Мингреліи, Сванетіи и Сухумскомъ отдѣлѣ.

Александровъ, Н. «Исторія христіанской Церкви». Вып. I.

Амфитеатровъ, А. В. «1812 г.». Очерки изъ исторіи русскаго патріотизма.

Веселовскій, А. Н. «Собраніе сочиненій». Поэтика. (1870—1899).

Евреиновъ, Н. «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи».

Ивановъ, И. И. С. Тургеневъ. «Жизнь, Личность. Творчество». Ц. 5 р.

«Историческій очеркъ образованія и развитія полицейскихъ учрежденій въ Россіи».

Лангель, Іос. «Картины по исторіи».

«Письма гр. Л. Н. Толстого къ женѣ». 1862—1910 г. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго.

Познанскій, Б. С. «Воспоминанія».

Въ издательствѣ Emil Felber въ Берлинѣ вышелъ I т. Corpus Hamleticum, многотомнаго коллективнаго изслѣдованія, посвященнаго исторіи легендъ о Гамлетѣ. (Аполлонъ № 6).

Новости Зап.-Европейскія.

Mario Krammer. Das Kurfürstenkolleg von seinen Anfängen bis zum Zusammenschluss in Rheiner Kurverein des Jahres 1338. Авторъ подводитъ итогъ своимъ многочисленнымъ изслѣдованіямъ о коллегіи курфюрстовъ. *(Lit. Zentralbl.)*.

Berzeviczy, Al. M. Beatrice d'Aragon, Reine de Hongrie (1457—1508). T. I и II. Paris, 1911—12. Прекрасно написанная, богатая выдержками изъ источниковъ, книга В. умѣло ставитъ въ связь личныя судьбы венгерской королевы, высокообразованной для своего времени меценатки, съ состояніемъ образованности въ Венгріи на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени и даетъ прекрасную картину изъ исторіи проникновенія итальянскаго гуманизма въ Венгрію. *(Lit. Zentralbl.)*

Allgemeines Lexicon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. hg. von Thieme u. Becker. 7. B. Leipzig. Новый томъ труда, весьма цѣннаго для всѣхъ, интересующихся искусствомъ. Особенно цѣнны біографіи Колантоніо, Корреджіо, Пьетро де Кортона и Лоренцо Коста. Встрѣчаются лишь нѣкоторыя погрѣшности въ біографіяхъ представителей Нидерландскаго искусства.

Germain Martin avec la collaboration de **Marcel Besançon.** L'histoire du crédit en France sous le regne de Louis XIV. T. I. Paris, 1913. Первый томъ книги дижонскаго профессора касается только общественнаго кредита при Людовикѣ XIV. *(Bibl. de France.)*

Brunétière (F.). Bossuet. Préface de V. Giraud. P. 1913. Съ обычнымъ мастерствомъ написанная біографія. Примѣчательно введеніе проф. Жиро.

Madelin. France et Rome. Историческій очеркъ отношеній Франціи и Ватикана со времени прагматической санкціи до конкордата 1801 года включительно по старымъ источникамъ.

Cahen. L. Les querelles religieuses et parlementaires sous Louis XV. Прекрасный образчикъ высокаго достоинства изданія Histoire par les contemporains. Солидное введеніе автора хорошо рисуетъ положеніе парламентовъ и духовенства въ началѣ XVIII вѣка.

Caron. P. Bibliographie des travaux publiés de 1866—1897 sur l'histoire de France depuis 1789. P. 1912. Нѣсколько запоздавшее выходомъ въ свѣтъ весьма полезное библіографическое пособіе, необходимое для историка Франціи.

Clapham, I. The Abbe Sieyés, an essay in the politics of the French revolution. Lond. 1912. Біографія Сіейса, построенная не на новыхъ матеріалахъ. *(R. Hist.)*.

Bilard. (P.). Les conventionnels régicides, d'après des documents officiels et inédits. P. 1913. Интересный сводъ данныхъ о членахъ конвента. Не вполнѣ безпристрастенъ.

XIX в.

S. Askenasy. Fürst Joseph Poniatowsky, 1913 (рисунки). Нѣмецкій переводъ извѣстной книги краковскаго историка. *(Lit. Zentralbl.)*.

Holland Rose. The personality of Napoleon. Lond. 1912. Восемь этюдовъ о Наполеонѣ. Прибавляютъ сравнительно мало новаго къ прежнимъ трудамъ англійскаго историка. *(Rev. Hist.)*.

August Fournier. Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress; 1913. Собраніе интереснѣйшихъ документовъ о роли секретной полиціи во время Вѣнскаго конгресса, снабженное введеніемъ. *(Lit. Zentralbl.)*.

George et Hubert Bourgin. Les patrons, les ouvriers, l'Etat. Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830. T. I, 1814—1821. Paris, 1912. Собраніе текстовъ и матеріаловъ для характеристики положенія французской промышленности во время реставраціи. Очень важно и какъ пособіе для политической исторіи: имѣются документы, характеризующіе настроеніе рабочихъ. *(R. Hist.)*.

Albert Cremieux. La censure en 1820 et 1821; 1912. Попытка изобразить внутреннюю связь между оппозиціоннымъ движеніемъ и развитіемъ печати въ періодъ реставраціи. *(Lit. Zentralbl.).*

Léon Séché. Alfred de Vigny. T. I. La vie litteraire, politique et religieuse. T. II. La vie amoureuse. Красивое по внѣшности изданіе съ портретами, приноровленное къ 50-лѣтію со дня смерти де Виньи. Наиболѣе интересенъ первый томъ, посвященный отношеніямъ къ Виньи современныхъ ему корифеевъ литературы и критики.

Mönckmeier, Friedr. Die Rhein-und Moselzeitung, Bonn, 1912. Эта газета въ 30-хъ и 40-хъ гг. XIX в. была руководящимъ органомъ политическаго католицизма въ области Рейна. Но авторъ не разрѣшилъ трудной задачи дать картину развитія и общественнаго значенія вліятельной газеты. *(Lit. Zentralbl.).*

Ludwig Bergsträsser. Die Verfassung des deutschen Reiches vom Jahre 1849. Bonn 1913. Текстъ конституціи франкфуртскаго парламента со всѣми позднѣйшими измѣненіями и проектами вплоть до Эрфуртскаго парламента. Очень цѣнное изданіе для обзора. *(R. Hist.).*

Gaertner, A. Der Kampf um den Zollverein zwischen Oesterreich und Preussen von 1849 bis 1853. Strassburg i. E., 1912. Книга Gaertner'a даетъ подробное, обильное интересными новыми данными изложеніе борьбы между Австріей и Пруссіей изъ-за таможеннаго союза. *(Lit. Zentralbl.)*

Fleischmann, H. Napoléon III et les femmes. P. 1913. Обычный «очередный» трудъ мастера «скандальной исторіи». Есть интересные обрывки фактовъ изъ мемуаровъ, памфлетовъ и сатирическихъ журналовъ.

L'époque boulangiste. Essai d'histoire 1886—1890 par Francis Laur. Авторъ, принимавшій участіе въ буланжистскомъ движеніи, обѣщалъ отнестись къ нему съ полной объективностью и безпристрастіемъ. Пока вышло 10 выпусковъ его труда. Въ нихъ онъ, несмотря на свои симпатіи къ Буланже, все же остается на высотѣ поставленной задачи и къ поступкамъ генерала, какъ политическаго дѣятеля, относится съ полной независимостью. Факты изложены ясно и методически. Вставленные въ разсказъ анекдоты разсказаны съ большимъ остроуміемъ и дѣлаютъ книгу еще болѣе занимательной *(Temps).*

Stubbs, W. Histoire constitutionnelle de l'Angleterre par prof. C. Petit-Dutaillis. t. 2. 1913. Томъ 2-ой извѣстнаго труда Стёбба, съ примѣчаніями подъ цѣнной редакціей прекраснаго знатока англійской исторіи.

Письма и воспоминанія.

Edme de la Chapelle. Souvenirs. Простая записная книжка офицера временъ монархіи. Авторъ говоритъ о драматическихъ эпизодахъ, въ которыхъ ему приходилось участвовать; объ избраніи депутатовъ въ Генеральные Штаты, о первыхъ вспышкахъ революціи, взятіи Бастиліи, дняхъ 20 іюня и 10 августа, объ осадѣ Ліона, наконецъ объ отправленіи съ полкомъ въ Англію. Передъ отъѣздомъ онъ отдалъ свои «Воспоминанія» другу, и теперь наслѣдники опубликовали ихъ. *(Revue bleue).*

E. Picard d. Tuetey. Correspondanse inédite de Napoleon I. T. IV. 1811. Продолженіе документальнаго изданія, основаннаго на тщательномъ использованіи военныхъ архивовъ.

Correspondance du duc d'Enghien. (1801—1804) et documents sur son enlevement et sa mort publiés par le Cte Boulay de la Meurthe. Tome IV. Paris 1913. Въ IV-мъ томѣ этой переписки заключены добавленія къ предыдущимъ частямъ и актамъ: о почестяхъ, которыя велѣлъ воздать Людовикъ XVIII останкамъ своего убитаго родственника и свидѣтельства самого герцога Энг. объ его участіи въ лѣтнемъ походѣ 1796 г. Общее впечатлѣніе отъ переписки—то, что Наполеонъ самъ сознавалъ юридическую несправедливость возведеннаго на герцога обвиненія; но устранить его Наполеону было необходимо изъ политическихъ видовъ. *(Lit. Zentralbl.)*

Souvenirs du comte de Montbel. (1787—1831). Министръ Карла X хорошо изображаетъ провинціальную жизнь во время революціи и Дворъ Реставраціи съ его интригами.

Briefe von und an Friedrich von Genz. III Band: schriftwechsel mit Metternich, I. Teil, 1803—1819, München, 1913. Этотъ томъ переписки австрійскаго государственнаго дѣятеля представляетъ особый интересъ, пот. что въ немъ собраны письма Генца къ Меттерниху. Главнымъ недостаткомъ этого тома является отсутствіе въ немъ писемъ Меттерниха къ Генцу до самаго 1819 г. Кромѣ переписки съ Меттернихомъ въ этотъ томъ включено еще три письма отъ Адама Мюллера и одно письмо къ нему.

Россія.

Pernet. Pierre le
1913. Объемистый трудъ, нуждающійся въ критикѣ русскихъ историковъ.

ХРОНИКА.

† Гуго Винклеръ.

(1863 — 1913 гг.).

Въ лицѣ Берлинскаго профессора древневосточной филологіи и исторіи Г. Винклера умеръ едва ли не единственный безусловно авторитетный представитель Панвавилонизма, того направленія въ востоковѣдѣніи, которое пыталось было вывести изъ міровоззрѣнія древнихъ вавилонянъ, въ частности изъ вавилонскихъ представленій о звѣздномъ небѣ, начала всякой культуры у племенъ Стараго и даже Новаго Свѣта.

Послѣ Винклера осталось нѣсколько обширныхъ цѣльныхъ трудовъ, какъ «Исторія Вавилоніи и Ассиріи» (Geschichte Babyloniens und Assyriens) «Исторія Израиля» (Geschichte Jsraels), а его спеціальныя изслѣдованія собраны въ Alttestamentliche Untersuchungen и въ многотомныхъ Altorientalische Forschungen. Кромѣ того, онъ издалъ много клинообразныхъ текстовъ, какъ, наприм., надписи Саргона, Тиглатъ-Пилесера I, Ассурбанипала и т. п. Изъ раскопокъ Винклера наиболѣе удачнымъ и важнымъ открытіемъ было установленіе имъ въ 1906 г. въ Малой Азіи древней столицы племени Хетитовъ въ Богаскёи близъ Ангоры. Наконецъ онъ же вмѣстѣ съ Циммерномъ обработалъ для 3-го изданія классическую книгу Эб. Шрадера «Клинопись и Ветхій Завѣтъ» (Die Keilinschriften und das alte Testament). Но въ широкихъ кругахъ историковъ и читателей вообще Г. Винклеръ сталъ наиболѣе извѣстенъ своими блестящими, но не удержавшимися въ наукѣ, гипотезами, всего болѣе своимъ увлеченіемъ идеями Панвавилонизма.

Въ области египетской исторіи Г. Винклеръ выступилъ съ новой попыткой объяснить происхожденіе преданій Ветхаго Завѣта объ Іосифѣ и о пребываніи Израиля въ Египтѣ. Винклеръ исходитъ изъ твердо установленнаго факта, что съ Аменготеповъ (около 1400 г. д. Р. Х.) и до Рамзеса III свыше двухъ сотъ лѣтъ длится господство Египта надъ Палестиной. Но далѣе онъ по догадкѣ допускаетъ въ Ветхомъ Завѣтѣ смѣшеніе двухъ географическихъ названій — Мисраимъ для Египта и Мусри, какъ для долины Нила, такъ и для областей къ В. отъ Египта, т.-е. для части Аравіи и, м.-б., даже Южной Палестины. Въ такомъ случаѣ пре-

даніе объ Іосифѣ передаетъ вѣрный историческій фактъ пребыванія подъ египетскимъ игомъ Израиля, кочевавшаго между Египтомъ, Аравіей и Палестиной, но только ошибочно перемѣщаетъ эту зависимость Израиля изъ Мусри въ Мисраимъ, то-есть въ настоящій Египетъ на берегахъ Нила. Эта гипотеза Винклера не нашла признанія у трезвыхъ историковъ, которые попрежнему въ египетскихъ памятникахъ останавливаютъ свое вниманіе на слѣдахъ пребыванія семитовъ, можетъ-быть, какого-либо племени Іакова въ самомъ Египтѣ.

Второе увлеченіе Г. Винклера связано опять-таки съ открытымъ имъ теперь общепризнаннымъ фактомъ, что въ Богаскёи среди именъ боговъ, призываемыхъ въ качествѣ охранителей договора между Хеттами и Митани, найдены въ числѣ боговъ какой-то группы среди племени Митани арійскія имена Митры, Варуны, Индры и Насатья, то-есть Ашвиновъ. Со свойственной ему живостью фантазіи Г. Винклеръ готовъ былъ видѣть здѣсь не просто вліяніе и слѣды примѣси арійцевъ-завоевателей, можетъ-быть, арійской династіи, но признаки индоевропейскаго происхожденія цѣлаго слоя населенія, арійцевъ «Харри», пожалуй, тождественныхъ съ Хоритами, населявшими Палестину до семитовъ. Обѣ преувеличенныя догадки, о Мусри внѣ Египта и объ арійскомъ населеніи около 1400 г. до Р. Х. въ Сѣверной Месопотаміи, благодаря авторитетности Винклера, породили еще болѣе смѣлые домыслы среди его научно менѣе закаленныхъ послѣдователей.

Однако самымъ излюбленнымъ увлеченіемъ Винклера все-таки оставался Панвавилонизмъ. Свою астральную формулу для развитія міровой культуры изъ астрономическихъ воззрѣній древняго Вавилона Г. Винклеръ развивалъ, кромѣ какъ въ «изслѣдованіяхъ по древнему Востоку», еще и въ рядѣ общедоступныхъ статей («Die altbabylonische Kultur», 1901.; «Himmels-und Weltenbild», 1903; «Die Weltanschauung des Alten Orients»,, 1904. etc.).

У самыхъ разнообразныхъ племенъ древняго Востока классическаго міра, даже въ Америкѣ, Г. Винклеру бросаются въ глаза яко бы тождественныя миѳологическія и астральныя воззрѣнія. Свести ихъ къ итогамъ одинаковаго для всѣхъ людей духовнаго развитія, проходящаго въ сходныхъ условіяхъ природы звѣзднаго неба однѣ и тѣ же фазы, Винклеръ отказывается въ виду того, что будто бы природа-то слишкомъ различна, а совпаденія въ міровоззрѣніи не ограничиваются сущностью, но особенно поразительны въ безразличныхъ мелочахъ и въ самой своей формѣ, въ своихъ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Къ тому же вся эта миѳологія и легенды коренятся почему-то исключительно въ наблюденіяхъ надъ движеніемъ созвѣздій и высоко подымаются надъ уровнемъ общей культуры иныхъ изъ отсталыхъ или рано застывшихъ племенъ. Итакъ, остается только всѣ эти сходства выводить изъ когда-то единой, затѣмъ разсыпавшейся и разлетѣвшейся системы астрономическаго міропониманія, созданнаго теоретическимъ разумомъ въ одномъ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ и въ извѣстный моментъ времени на памяти исторіи, а именно въ древнемъ Вавилонѣ въ началѣ 3-го тысячелѣтія до Р. Х. [1]).

Апріорный, конструктивный *характеръ этой* формулы ясенъ самъ собой. Панвавилонизмъ — это проявленіе въ наукѣ о Востокѣ монистическихъ теченій нашего времени, то-есть стремленія всю древнюю культуру человѣчества вывести изъ единаго начала. Вліяніе вавилонскихъ наблюденій на греческихъ астрономовъ — внѣ сомнѣнія, но эти астрономическія свѣдѣнія вавилонянъ относятся къ позднему времени, къ VIII—III. вв. до Р. Х. (721—229 до Р. Х.); ссылки на нихъ встрѣчаются въ т. н. Альмепестѣ

---

[1]) Подробное развитіе точекъ зрѣнія панвавилонистовъ можно теперь найти по-русски въ книжечкѣ Г. Винклера «Вавилонская Культура» въ переводѣ подъ редакціей Н. Никольскаго. См. нашу же рецензію въ отдѣлѣ критики и библіографіи.

Клавдія Птоломея. Изъ Вавилона греки заимствовали раздѣленіе эклиптики на 12 знаковъ зодіака, вавилонскій типъ козерога съ рыбьимъ хвостомъ, дѣленіе сутокъ на 12 двойныхъ часовъ, дѣленія на 60 минутъ и 60 секундъ. Куглеръ нашелъ даже слѣды вавилонскихъ наблюденій въ астрономіи индусской и китайской.

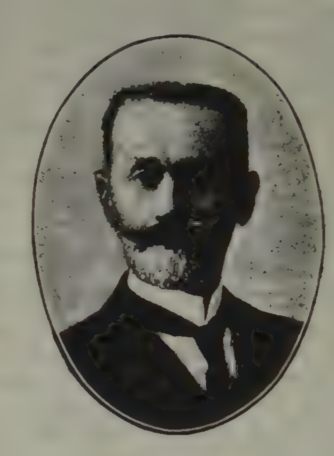
Въ Вавилоніи была сдѣлана попытка согласовать лунный годъ съ солнечнымъ, былъ принятъ лунносолнечный годъ то въ 12, то въ 13 мѣсяцевъ, каждый мѣсяцъ то въ 29, то въ 30 дней. Но наиболѣе точныя согласованія 12 лунъ съ солнечнымъ годомъ (періоды въ 8 лѣтъ и циклъ въ 19 лѣтъ) возникли въ Вавилонѣ только въ VI—IV вв. до Р. X. Въ этомъ коренится главная роковая ошибка Винклера, что точную астрономію вавилонянъ послѣднихъ вѣковъ до Р. X. онъ отодвигаетъ въ глубь тысячелѣтій и подводитъ ее тамъ подъ миѳологію... Его попытки толковать изъ астральнаго міровоззрѣнія вавилонянъ преданія Ветхаго Завѣта страдаютъ натянутостью и приводятъ только къ такимъ пустопорожнимъ схемамъ, что Авраамъ—луна, а Іосифъ—солнце.

Винклеръ въ своихъ изслѣдованіяхъ исчерпалъ всѣ тѣ стороны древнихъ культуръ Востока и Запада, гдѣ только можно еще искать вавилонскихъ вліяній, и въ этомъ его вѣчная заслуга. Но все-таки послѣ критической оцѣнки и самостоятельныхъ работъ Ф. Куглера, Колера, Эд. Мейера, приходится писать некрологъ не только покойному Берлинскому оріенталисту, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его Панвавилонизму.

Евгеній Щепкинъ.

† Владиславъ Лозинскій.

На поприще историка польскаго быта, искусства и старой польской культуры Лозинскій выступилъ въ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ, уже со славой популярнаго беллетриста, автора историческихъ и бытовыхъ повѣстей, проложившихъ въ значительной степени дорогу произведеніямъ Сенкевича. Отъ этого вида своего творчества онъ рѣзко отказался въ пору наибольшаго расцвѣта польской исторической повѣсти, въ 80-хъ гг. минувшаго вѣка.

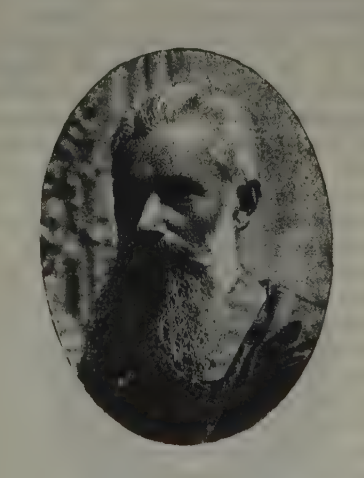

По его собственному, передаваемому проф. Финкелемъ въ послѣднемъ номерѣ Kwartalnika Historycznego признанію, онъ, услыхавши въ лѣсу пѣснь соловья, замолкъ, не желая уподобляться тѣмъ грубымъ птицамъ, которыя стараются своимъ визгомъ заглушать соловьиную трель. Но гармоническое сочетаніе большого художественнаго таланта съ чутьемъ и проникновенностью историка дало возможность Лозинскому примѣнить свои силы во многихъ другихъ областяхъ. Онъ заинтересовался исторіей Львова, минувшимъ блескомъ этого стараго города, являвшагося весьма важнымъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ Востока съ Западомъ, и въ 1889 г. выпустилъ нѣсколько спеціальную работу о золотыхъ дѣлъ мастерствѣ въ старомъ Львовѣ, а черезъ годъ большое сочиненіе о львовскомъ патриціатѣ и мѣщанствѣ въ XVI — XVII столѣтіяхъ, сочиненіе, весьма привѣтливо встрѣченное на второмъ съѣздѣ польскихъ историковъ и отмѣченное въ качествѣ программнаго, открывающаго новые горизонты, въ столь различныхъ рефератахъ, какъ рефератъ Бобржинскаго о внутреннемъ строѣ Польши, Семковича объ архивныхъ изда-

ніяхъ гор. Львова и Соколовскаго о работахъ по исторіи торговли въ Польшѣ. Слѣдующимъ крупнымъ трудомъ Лозинскаго были очерки по бытовой исторіи Червонной Руси въ царствованіе Сигизмунда III (Prawem i lewem, 1903, 2-ое изд. 1904). По замыслу автора работа эта должна была заключать лишь «изложеніе бытового содержанія» актовъ русскаго воеводства, изслѣдованныхъ имъ во львовскомъ архивѣ; автору пришлось въ данномъ случаѣ оперировать съ сырыми городскими и земскими актами, съ мутными судебными показаніями, неправильно отражающими жизненныя явленія; но даже строгіе критики, принимающіе эту работу съ извѣстными оговорками и указывающіе на нѣкоторое смѣшеніе авторомъ больныхъ и ненормальныхъ явленій червоннорусской жизни съ естественными и здоровыми и на недостаточное отмежеваніе спорадическихъ фактовъ отъ хроническихъ и типовъ отъ индивидуумовъ, и они должны все же признать полную побѣду изслѣдователя надъ грудами этого труднаго матеріала и подчеркнуть тонкій инстинктъ историка, присущую ему силу правды, вѣрность психологическаго анализа, жизненность и художественность изложенія. Послѣдовательно переходя отъ изученія отдѣльнаго цеха къ изученію цѣлаго класса, а затѣмъ цѣлой области, Лозинскій приступилъ, наконецъ, къ монументальной своей работѣ — изображенію польскаго быта XVI—XVIII стол., всѣхъ существеннѣйшихъ чертъ характера и темперамента польскаго народа, его «повседневной жизни и праздничнаго парада», «дома и свѣта», великопанскихъ резиденцій и шляхетскихъ двориковъ, костюмовъ и драгоцѣнностей (Życie polskie w dawnych wiekach. 1907, 2-ое изд. 1908, 3-е — 1912). Опираясь на обширный матеріалъ, извлеченный изъ старинныхъ инвентарей, замковъ и дворцовъ, изъ дневниковъ, записокъ, писемъ, изъ гродскихъ и земскихъ актовъ разныхъ польскихъ областей, онъ далъ яркую и живую картину этой странной и причудливой жизни въ странной, полной противорѣчій, странѣ, воскресилъ давно погибшее, забытое или совсѣмъ незнакомое, сблизилъ и сроднилъ читателя съ прошлымъ своего народа, своихъ буйныхъ и своевольныхъ предковъ.

Умеръ Лозинскій во Львовѣ, 20 мая, на 70-мъ году жизни.

И. Рябининъ.

† В. Е. Гориновичъ.

19 сентября въ лечебницѣ д-ра Абрамовича въ Москвѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался Василій Елисѣевичъ Гориновичъ, участникъ Алданской и Сибиряковской экспедицій и одинъ изъ видныхъ дѣятелей революціоннаго движенія въ Россіи въ концѣ 70 и въ началѣ 80 гг.

В. Е. происходилъ изъ дворянской семьи, когда-то богатой, а потомъ обѣднѣвшей. Родился онъ въ 1859 г. въ Житомирѣ, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе, а потомъ поступилъ въ Учительскій институтъ въ г. Глуховѣ. Въ институтѣ начались его сношенія съ партійными людьми, на которыхъ его открытая, благородная и отважная натура не могла ни произвести благопріятнаго впечатлѣнія. Несмотря на то, что на брата В. Е. Николая была наброшена густая тѣнь

недовѣрія и сомнѣнія [1]) В. Е. пользовался глубокимъ и безспорнымъ довѣріемъ. Исторія съ братомъ помѣшала В. Е. получить аттестатъ объ окончаніи курса въ Учительскомъ институтѣ: одинъ изъ воспитанниковъ позволилъ вслухъ высказать подозрѣнія относительно Николая Гориновича, и В. Е. далъ ему пощечину, за что и былъ исключенъ изъ института. Затѣмъ В. Е. поселился въ Кременчугѣ, гдѣ служилъ чертежникомъ и всецѣло посвятилъ себя партійной дѣятельности. В. Е. не признавалъ себя членомъ партіи «Народной Воли», а считалъ примыкающимъ къ ней. Несмотря на это, ему довѣряли отвѣтственныя дѣла и давали серьезныя порученія. Въ свое время нашумѣло дѣло о расклейкѣ прокламацій въ Кременчугѣ, за которое уѣздный предводитель дворянства Булюбашъ вынужденъ былъ даже уѣхать въ Сибирь. Расклейку организовали Гориновичъ съ Преображенскимъ. Булюбашъ заподозрѣлъ одного поднадзорнаго студента, жившаго въ Кременчугѣ, и донесъ на него. Студентъ привлекъ Булюбаша за клевету. Судъ приговорилъ предводителя дворянства къ тюремному заключенію, которое онъ не отбывалъ только потому, что студентъ, уступая просьбамъ, простилъ Булюбаша. Но не простило его общественное мнѣніе, и Булюбашъ вынужденъ былъ просить о переводѣ его на службу въ Сибирь. Послѣ Кременчуга В. Е. былъ вольнослушателемъ университета въ Кіевѣ, гдѣ исполнялъ разныя порученія исполнительнаго комитета. Послѣ 1-го марта онъ содержалъ въ Москвѣ конспиративную квартиру и паспортное бюро. Къ этому моменту В. Е., Богдановичъ и Теллаловъ являлись главными московскими организаторами.

Арестовали В. Е. въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1881 г. на бульварѣ. Свой арестъ онъ объяснялъ предательствомъ, потому что его, переодѣтаго купчикомъ, арестовали послѣ того, какъ онъ поговорилъ съ одной дамой. Въ 3-мъ отдѣленіи купчику не придали особеннаго значенія и обращали настолько мало вниманія, что онъ успѣлъ уничтожить компрометирующіе его документы и даже, вышелъ за ворота дома и могъ бы скрыться. Но вспомнивъ обвиненія противъ брата Николая и опасаясь, что побѣгъ изъ тогдашней охранки могутъ объяснить оскорбительными для него предположеніями, В. Е. вернулся къ жандармамъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не знали, кто такой арестованный купчикъ и, когда установили личность В. Е., то его отправили въ Кіевъ, гдѣ онъ судился въ 1883 г. вмѣстѣ съ Бычковымъ, Левинсономъ, А. Богдановичемъ и др.; по этому дѣлу Гориновича осудили на 8 лѣтъ каторги, которую онъ отбывалъ на Карѣ. Во время отбыванія наказанія В. Е. потерялъ жену и дочь, и эта смерть такъ поразила его, что товарищи боялись самоубійства В. Е. и слѣдили за нимъ. Послѣ Кары В. Е. на время поселился въ Читѣ и предполагалъ устроиться на изысканіяхъ по проведенію Забайкальской желѣзной дороги. Начальникъ изысканій инженеръ кн. Вяземскій оцѣнилъ трудоспособность и знанія В. Е. (въ Кременчугѣ Гириновичъ служилъ на жел. дор. чертежникомъ) и хлопоталъ о немъ. Но ходатайство кн. Вяземскаго не уважили и В. Е. отправили въ Улусы, Якутской области. Въ Якутской области Гориновичъ занялся лѣченіемъ якутовъ, и скоро его извѣстность, какъ врача, настолько широко распространилась, что его пригласили даже къ больной дочери губернатора. Въ концѣ-концовъ, ему разрѣшили поселиться въ Якутскѣ и заняться фотографіей. Его снимки экспонировались на нижегородской выставкѣ. Въ 1894 г. Гориновичъ принялъ участіе въ работахъ Алданской экспедиціи Сикорскаго и составилъ топографическую съемку мѣстности. Когда организовалась Сибиряковская экспедиція для изслѣдованія быта населенія Якутской области, Гориновичъ принялъ участіе и въ этой экспедиціи по отдѣлу «Жили-

---

[1]) Отношенія Николая къ партіи и къ противоположному лагерю—темныя и до сихъ поръ остаются невыясненными.

ще, домашній бытъ и медицина». Въ Якутскѣ онъ, занятый добываніемъ средствъ къ существованію, не успѣлъ обработать собранные матеріалы, а заключилъ обработку ихъ незадолго передъ кончиной. Изъ Якутской области онъ писалъ въ газеты, и въ «Восточномъ Обозрѣн.» былъ напечатанъ рядъ его корреспонденцій и статей по общественнымъ и др. вопросамъ.

Послѣ Сибиряковской экспедиціи В. Е. поступилъ на службу къ А. И. Громовой и плавалъ въ качествѣ капитана на ея пароходахъ по Ленѣ. И въ это время онъ оказывалъ услуги различнымъ экспедиціямъ и, между прочимъ, ѣздилъ разоружать яхту «Зарю», подаренную Громовой за услуги, оказанныя экспедиціямъ бар. Толля. Колчака и др. Онъ, никогда не плававшій въ морѣ, не устрашился на своей лодочкѣ пуститься въ Ледовитый океанъ, гдѣ стояла яхта, и блестяще выполнилъ задачу.

Въ Якутскѣ В. Е. пользовался большимъ авторитетомъ; онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ общества приказчиковъ, а передъ первой Гос. Думой его, несмотря на то, что онъ не имѣлъ правъ, не шутя намѣчали въ депутаты. Въ 1905 г. В. Е. принималъ дѣятельное участіе въ освободительномъ движеніи, организовалъ собранія, участвовалъ въ Якутскомъ союзѣ, выступалъ на митингахъ, проводя народническія тенденціи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ вернулся въ Россію и служилъ въ Одессѣ по транспортному дѣлу. Жизнь—полная треволненій и тяжелыхъ испытаній, надорвала крѣпкій организмъ В. Е.; онъ сталъ прихварывать, а мѣсяца полтора тому назадъ окончательно слегъ въ постель и скончался послѣ тяжелыхъ страданій.

Гориновичъ былъ типичный интеллигентъ рубежа 80-хъ гг., свято сохранившій идеалъ юности. Онъ до конца дней вѣрилъ въ русскій народъ и русскую интеллигенцію; онъ скорбѣлъ о раздѣленіи этой интеллигенціи на народниковъ, марксистовъ и др. толки. Считая себя ученикомъ Н. К. Михайловскаго, слѣдуя его завѣтамъ, онъ всѣ свои помыслы на лучшее будущее базировалъ на союзѣ народа и интеллигенціи. Глубоко принципіальный человѣкъ, онъ не считалъ возможнымъ, напр., работать въ одномъ журналѣ съ тѣми, кто отрицаетъ значеніе и роль русскаго крестьянства, кто посягаетъ на Михайловскаго и отрицаетъ то движеніе, духовнымъ вождемъ котораго былъ послѣдній. Отъ природы скромный, молчаливый, нѣсколько застѣнчивый, строго требовательный къ себѣ, В. Е. Гориновичъ оставилъ свѣтлую память о себѣ во всѣхъ знавшихъ его.

И. Поповъ.

† П. М. Головачевъ.

Петръ Михайловичъ Головачевъ родился въ 1860 г. въ захолустномъ городкѣ Томской губ., Кузнецкѣ, воспитывался въ Томской гимназіи, по окончаніи курса въ который онъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета. На студенческой скамьѣ онъ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ, какъ дѣльный, способный, много работающій и интересующійся наукой студентъ. Подъ вліяніемъ Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и др. сибиряковъ, съ которыми П. М. былъ близокъ, онъ сталъ заниматься исторіей Сибири и собирать матеріалы по этому вопросу. Кандидатской его работой было сочи-

неніе: «Сибирь и Екатерининская комиссія».

Окончивъ университетъ, П. М. не остался при немъ, какъ ему предлагали, а поѣхалъ учителемъ исторіи, географіи и французскаго языка въ женскую гимназію въ Енисейскъ, а затѣмъ перевелся въ реальное училище въ Тюмень. Въ Енисейскѣ и Тюменѣ Головачевъ много работалъ по интересующему его вопросу—исторіи Сибири, готовился къ магистерскому экзамену и писалъ въ газетахъ и журналахъ, преимущественно въ «Восточн. Обозр.» и «Сибирскомъ Сборникѣ». Здѣсь былъ напечатанъ рядъ его интересныхъ историческихъ работъ, а также статьи по общественнымъ вопросамъ.

Въ Московскомъ университетѣ П. М. держитъ магистерскій экзаменъ, получаетъ званіе приватъ-доцента по русской исторіи и открываетъ спеціальный курсъ «Исторіи Сибири». Но къ защитѣ магистерской дисертаціи онъ, по протесту департамента полиціи, допущенъ не былъ. Репутація неблагонадежнаго за нимъ установилась, благодаря его знакомству съ казненнымъ государственнымъ преступникомъ минусинцемъ Ошпановымъ.

Лишившись возможности составить ученую карьеру, П. М. уходитъ съ головой въ журналистику и работаетъ во многихъ журналахъ и газетахъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ. Въ то же время онъ не оставляетъ и любимыхъ имъ предметовъ. Прекрасно зная романскіе языки, онъ спеціализируется на изученіи испанской литературы и исторіи Испаніи, для чего нѣсколько разъ ѣздилъ въ Испанію. Занятія публицистикой, изученіе романскихъ литературъ не отвлекаютъ П. М. отъ той цѣли, которую онъ намѣтилъ для себя еще на студенческой скамьѣ. Сибирь попрежнему привлекаетъ главное его вниманіе. Онъ то и дѣло печатаетъ свои статьи по Сибири, откликаясь, какъ на злобу дня, такъ и разрабатывая историческія темы. Послѣ него остался рядъ историческихъ изслѣдованій. Не имѣя возможности перечислить всѣхъ его работъ, мы укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, вышедшія отдѣльными изданіями: «Сибирь — природа, люди и жизнь» (изд. Ю. И. Базановой), «Историческіе очерки сибирскихъ городовъ Иркутска и Томска», «Описаніе Сибири въ изданіи «Великая Россія», «Сборникъ «Сибирь» и мн. др. Въ скоромъ времени будетъ закончена печатаньемъ его «Экономическая географія Сибири», а также П. М. была почти закончена большая работа — «Сибирская Библіографія». Имъ же были составлены біографіи декабристовъ въ извѣстномъ изданіи М. М. Зензинова «Декабристы». Въ своихъ историческихъ работахъ П. М. приводитъ выдержки изъ цѣнныхъ, часто рѣдкихъ матеріаловъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ П. М. редактировалъ въ Петербургѣ журналъ «Сибирскіе вопросы», завѣдывалъ внутреннимъ отдѣломъ въ газ. «Сынъ Отечества», а также печатался въ «Русск. Вѣдом.», «Русск. Словѣ», «Утрѣ Россіи», «С.-Петерб. Вѣдом.» и др. газетахъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Совѣтъ Томскаго университета предложилъ П. М. завѣдывать богатѣйшей университетской библіотекой, но злополучное знакомство съ Ошпановымъ и здѣсь помѣшало. И только въ н. г. пресловутая неблагонадежность П. М. была оставлена и его пригласили читать курсъ исторической географіи въ Московскомъ археологическомъ институтѣ.

Въ лицѣ П. М. историческая наука потеряла виднаго работника, журналистика — отзывчиваго публициста, а Сибирь—виднаго общественнаго дѣятеля и преданнаго интересамъ окраины изслѣдователя.

И. Поповъ.

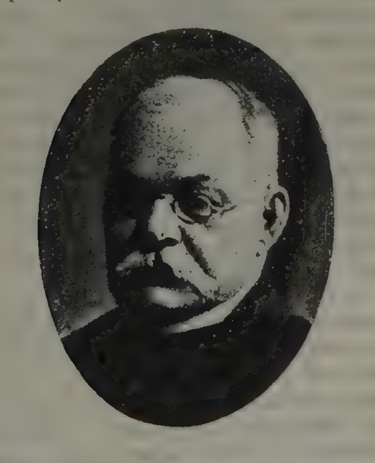
† И. В. Цвѣтаевъ.

(1847—1913).

Со смертью Ивана Владимировича Цвѣтаева сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ старыхъ русскихъ ученыхъ. Вѣроятно, рѣдко теперь можно найти людей, которые не встрѣчали появленіе его главной работы—«Сборника Осскихъ надписей съ очеркомъ фонетики, морфологіи и глоссаріемъ» (Кіевъ, 1877),

обратившаго на себя вниманіе западныхъ ученыхъ.

Ближайшіе его труды касались вопросовъ, лежавшихъ въ той же области («Италійскія надписи», «Журналъ Мин. Нар. Пр.» за 1882, 1883, 1886 гг.; «Inscriptiones Italiae mediae dialecticae», Lpz., 1884, «Inscriptiones Italiae inferioris dialecticae», M. 1886). Но уже въ семидесятыхъ годахъ, собирая Осскія надписи въ Неаполитанскомъ музеѣ, И. В. обратился своимъ интересомъ къ античному искусству. Ему онъ отдалъ вторую половину своей жизни. Его работы въ этой сферѣ выразились, въ концѣ-концовъ, въ мысли создать въ Москвѣ музей Изящныхъ Искусствъ, который могъ бы служить научнымъ занятіемъ искусству. Съ рѣдкою настойчивостью и умѣніемъ, среди всевозможныхъ административныхъ невзгодъ и болѣзни, постоянно дѣятельный и неуклонно идущій къ своей цѣли, онъ возводилъ зданіе своего музея и ему выпало на долю рѣдкое счастье видѣть свой трудъ завершеннымъ.

Музей Изящныхъ Искусствъ вышелъ изъ Нумизматическаго кабинета при Московскомъ университетѣ. Многіе, вѣроятно, помнятъ, что представлялъ собою этотъ кабинетъ въ своемъ прежнемъ видѣ. Большая комната, заставленная книжными шкафами, облупившійся крашеный полъ, витрина съ монетами, стеклянная витрина съ коленкоровыми выцвѣтшими занавѣсками, въ которой стояло собраніе греческихъ вазъ университета, у входа въ комнату два гипсовыхъ слѣпка надгробныхъ плитъ, кажется, изъ Керчи. Пособіемъ для занятій по искусству служилъ тогда учебный атласъ античнаго ваянія, атласъ фотографій, подобранныхъ И. В. Цвѣтаевымъ (М. 1896). Педагогическая дѣятельность ко времени, отъ котораго идутъ мои личныя воспоминанія о покойномъ, видимо мало привлекала Ивана Владимировича, и мнѣ мало пришлось пользоваться его непосредственными уроками. Вспоминаются они какъ живая бесѣда, въ которой онъ умѣлъ разсказать не только ученую схему или оцѣнку памятника, но и то, какъ этотъ памятникъ можно найти, отыскать, до него добраться: живой отголосокъ его манеры изложенія можно найти въ его книгѣ «Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 гг». Онъ уже всецѣло былъ поглощенъ музеемъ и охотно знакомилъ насъ съ новыми для него пріобрѣтеніями; впослѣдствіе онъ съ такою же охотою взбирался на лѣса строющагося зданія, чтобы показать какъ къ проволочной сѣткѣ прикрѣпляются его скульптурныя украшенія. Его письма отъ этого времени содержатъ детальнѣйшіе отчеты о ходѣ работъ въ музеѣ.

Его руководительство ученою работою было также далеко отъ всего, что дѣлаетъ эти занятія профессіей. Онъ желалъ найти въ ученикѣ умѣнье взять, умѣнье найти въ извѣстныхъ, можетъ-быть, черезчуръ узко поставленныхъ рамкахъ то, что могло вызвать дѣйствительный интересъ къ памятнику. Возможно, что при этомъ обнаруживалось нѣкоторая неустойчивость его теоретическихъ взглядовъ на искусство, но его уроки были полны поистинѣ мудрыхъ и очень жизненныхъ совѣтовъ. Онъ былъ врагъ той науки, которая запирается въ ученые кабинеты и библіотеки. «Работая въ такомъ дивномъ ученомъ кабинетѣ, какъ библіотека нѣмецкаго археологическаго института, —писалъ онъ мнѣ, студенту 3-го курса въ Римъ,—щадите свое здоровье и не упускайте случая какъ можно больше гулять и ходить по Риму, его улицамъ, площадямъ, его музеямъ, галлереямъ,

дворцамъ и вилламъ. Свѣжесть теперешнихъ впечатлѣній уже не воротится потомъ, сколько бы разъ вы въ Римъ потомъ не пріѣзжали». Музей Изящныхъ Искусствъ отражаетъ собою личность своего основателя.

Строгая эстетическая критика осудила это учрежденіе, но живой интересъ, вызванный музеемъ, лучше всего говоритъ намъ о томъ, насколько и здѣсь Иванъ Владимировичъ сумѣлъ понять художественныя нужды нашего времени. Въ дѣлѣ строительства художественной культуры Россіи музей займетъ, конечно, не послѣднее мѣсто. Музей не разъ зажжетъ живую искру интереса къ искусству и за эту живую искру интереса и за помощь научному изученію искусства, которое до него было загнано въ пыльную комнату съ ободраннымъ поломъ, мы должны почтить имя покойнаго благодарнымъ воспоминаніемъ,

Мих. Сергѣевъ.

† К. Ѳ. Головинъ (Орловскій).

Вслѣдъ за В. Г. Авсѣенкомъ сошелъ въ могилу и Константинъ Ѳедоровичъ Головинъ, писавшій подъ псевдонимомъ Орловскаго. Они были сверстниками (Авсѣенко родился въ 1842 г., а Головинъ въ 1843 г.), и оба долгое время подвизались на страницахъ «Р. Вѣстника» въ качествѣ реакціонныхъ беллетристовъ и публицистовъ. Окончивъ Петербургскій университетъ, Головинъ поступилъ на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и въ 1878 г. дебютировалъ въ катковскомъ журналѣ повѣстью «Серьезные люди». Въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ имъ напечатанъ въ томъ же «Р. Вѣстникѣ» и въ «Р. Обозрѣніи» рядъ беллетристическихъ произведеній («Внѣ колеи», «Блудный братъ», «Дядюшка Михаилъ Петровичъ», «Молодежь», «Чья вина», «Погромъ», «На вѣсахъ», «Медовый мѣсяцъ» и пр.), въ которыхъ явно реакціонный замыселъ не мѣшалъ, однако, пробиваться правдѣ жизни. Головинъ не былъ узкимъ реакціонеромъ и, подобно Авсѣенку, къ концу 90-хъ годовъ мы видимъ его уже въ числѣ сотрудниковъ «Вѣстника Европы» («Андрей Мологинъ», «Баловень счастья» и пр.). Беллетристика Орловскаго издана Марксомъ въ 12 томахъ.

Серьезную извѣстность пріобрѣлъ себѣ Головинъ книгой «Русскій романъ и русское общество», которая въ первомъ изданіи (1897 г.) была удостоена пушкинской преміи. Несмотря на присущій автору консерватизмъ, онъ старается стоять на объективно - исторической точкѣ зрѣнія, и его сочиненіе, охватывающее развитіе идейныхъ и литературныхъ теченій на протяженіи отъ Пушкина до Максима Горькаго, сохранятъ свое значеніе и теперь, даже рядомъ съ другими работами аналогичнаго содержанія.

Къ 1879 г. относится начало публицистической дѣятельности Головина. Его интересовали вопросы нашей экономической и соціальной жизни. Здѣсь слѣдуетъ назвать его работы: «Сельская община въ литературѣ и дѣйствительности» (1887), «Соціализмъ, какъ положительное ученіе» (1892) и «Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика. Къ вопросу объ экономическомъ матеріализмѣ» (1896). Въ общественно - политическихъ воззрѣніяхъ Головина чувствуются блѣдные отголоски запоздалаго славянофильства, мечтающаго о законосовѣщательномъ народномъ представительствѣ при самодержавномъ монархѣ. На этой почвѣ въ послѣдніе годы вокругъ Головина объединился кружокъ такихъ «государственныхъ дѣятелей», какъ Гурко и Стишинскій.

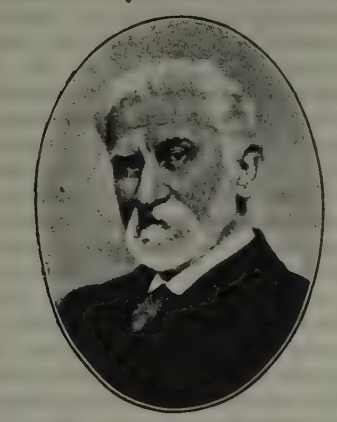
Нѣкоторый интересъ (главнымъ образомъ, можетъ быть, какъ матеріалъ для характеристики самого автора) представляютъ мемуары Головина, вышедшіе подъ заглавіемъ «Мои воспоминанія за 35 лѣтъ» (т. I. Спб. 1908; т. II, Спб. 1910) и доведенные до 1894 г. Въ печати уже сообщалось, что имъ начатъ, но не законченъ и третій томъ воспоминаній.

Юбилей Д. Н. Анучина.

27 августа с. г. исполнилось семьдесятъ лѣтъ со дня рожденія Дмитрія Николаевича Анучина.

Юбилейный день являлся праздникомъ русской науки и былъ отмѣ-

ченъ многочисленными знаками вниманія и глубокаго уваженія къ юбиляру, какъ со стороны его товарищей по наукѣ, такъ и обширнаго круга его почитателей и учениковъ. Совѣтъ Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи учредилъ при Обществѣ золотую медаль имени Дмитрія Николаевича, выдаваемую за ученыя труды по географіи, антропологіи и этнографіи. Кромѣ того, Общество издаетъ «Сборникъ въ честь 70-лѣтія Д. Н. Анучина», въ который войдутъ статьи его товарищей и учениковъ.

Дмитрій Николаевичъ принадлежитъ къ числу немногихъ у насъ дѣятелей науки, съ именемъ которыхъ связана цѣлая область научнаго знанія. Его научная и общественная дѣятельность поражаетъ своимъ разнообразіемъ и продуктивностью: почетный членъ Академіи Наукъ, заслуженный профессоръ университета, почетный и дѣйствительный членъ безконечнаго ряда русскихъ и иностранныхъ научныхъ обществъ и просвѣтительныхъ организацій, президентъ Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, тов.-предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества, редакторъ журнала «Землевѣдѣнія», долголѣтній сотрудникъ и редакторъ газеты «Русскія Вѣдомости», авторъ многочисленныхъ ученыхъ работъ по географіи, антропологіи, этнографіи и археологіи.

Было бы слишкомъ долго перечислять работы Д. Н. во всѣхъ областяхъ географіи, антропологіи, этнографіи и археологіи,—число его работъ исчисляется сотнями,—но необходимо отмѣтить, что никогда Д. Н. не былъ, несмотря на все разнообразіе своей дѣятельности, диллетантомъ, берущимъ у науки ея общіе выводы. Онъ подходилъ къ этимъ наукамъ вплотную, глубоко проникая въ суть ихъ содержанія, всюду оставляя глубокій слѣдъ своими строго-методическими изслѣдованіями. Не мудрено, что именно на долю Д. Н. выпало формулировать у насъ задачи и цѣли всѣхъ названныхъ наукъ. Д. Н. написалъ статью: «О задачахъ русской этнографіи», которой открывалось 25 лѣтъ тому назадъ первая книжка «Этнографическаго Обозрѣнія»; Д. Н. принадлежитъ статья «Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи», въ первой книжкѣ «Русскаго антропологическаго журнала»; и Антропологія, ея задачи и методы», въ «Рус. Вѣд.» въ 1879 г. Д. Н. написана вступительная статья къ 1-ой кн. жур. «Землевѣдѣніе»: «Нѣсколько словъ о развитіи русскаго землевѣдѣнія и задачахъ географическаго кружка въ Москвѣ»; имъ же написана: «Историческій очеркъ дѣятельности русскихъ археологическихъ съѣздовъ», въ «Истор. запискѣ Имп. Моск. Арх. Общ.», въ 1890 г.

Особенно много сдѣлалъ Д. Н. для географіи, которая обязана ему не только своимъ развитіемъ, но и своимъ положеніемъ въ широкихъ кругахъ общества и въ университетскомъ преподаваніи.

Д. Н. является первымъ въ Москвѣ профессоромъ географіи, каѳедра которой была введена уставомъ 1884 г. на историко-филологическомъ факультетѣ; здѣсь онъ читалъ курсы по общему землевѣдѣнію, по географіи и этнографіи Россіи, по древней географіи и исторіи землевѣдѣнія. Съ 1888 года каѳедра географіи была переведена на физико-математическій фикультетъ, на которой и сосредоточилась исключительно вся послѣдующая профессорская дѣятельность Дм. Ник. Онъ долженъ былъ завоевать для новой области знанія подобающее положеніе.

долженъ былъ организовать внѣшнюю сторону преподаванія, собрать библіотеку, необходимыя пособія и коллекціи. И все это было блестяще выполнено Д. Н. Устроенная имъ въ 1892 г. въ Москвѣ «Географическая Выставка», положила основаніе географическому музею при университетѣ; къ этому же времени относится и образованіе библіотеки, которая пополняется, главнымъ образомъ, пожертвованіями самого Дм. Ник.

Нѣтъ, кажется, ни одного существеннаго отдѣла географіи, которому Дм. Ник. не посвятилъ бы обстоятельной работы,—работы, не утратившей и досихъ поръ своего руководящаго значенія. Достаточно упомянуть, хотя бы такія работы его: «Рельефъ поверхности Европейской Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленія», «Землетрясенія и вулканическія изверженія послѣдняго времени» и т. д.

Д. Н. является также первымъ въ Россіи преподавателемъ антропологіи, курсъ которой былъ прочитанъ имъ впервые въ 1880 г. И хотя съ введеніемъ устава 1884 года каѳедра антропологіи была уничтожена, Д. Н., перенеся свою профессорскую дѣятельность на физ.-мат. фак., почти ежегодно читаетъ курсъ антропологіи, превращая его иногда въ курсъ общей этнологіи. Въ 1894 г. Д. Н. былъ основанъ при университетѣ Антропологическій Музей, который стараніями Д. Н. обогатился прекрасными коллекціями по этнографіи, археологіи и является лучшимъ учебнымъ музеемъ по антропологіи въ Россіи. Въ области антропологіи Д. Н. далъ рядъ выдающихся работъ, давшихъ ему европейскую извѣстность и служащихъ образомъ монографическихъ и строго-методическихъ изслѣдованій. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть его магистерскую диссертацію: «О нѣкоторыхъ аномаліяхъ человѣческаго черепа и преимущественно объ ихъ распространеніи по расамъ», а также «Матерьялы для антрспологіи Восточной Азіи. Племя айновъ». «О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи», «Антропологическія обезьяны и низшія расы челѣчества»

Изъ работъ по археологіи упомянемъ «Лукъ и стрѣлы», археолого-этнографическій очеркъ, «Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда», «Древнее русское сказаніе «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ», «Слѣды бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ по раскопкамъ Ф. Д. Нефедова», Амулетъ изъ человѣческой кости и трепанація череповъ въ древнія времена въ Россіи», «Къ исторіи искусства и вѣрованій у Пріуральской чуди», «Доисторическая Москва» и т. д. Огромная заслуга Дм. Ник. состоитъ въ томъ, что онъ не только поднялъ цѣлый циклъ науки на должную высоту научнаго преподаванія, но своей общественной и академической дѣятельностью сумѣлъ внушить интересъ къ этимъ наукамъ въ самыхъ широкихъ слояхъ русскаго общества. Своими лекціями, изданіемъ журнала «Землевѣдѣніе», многочисленными статьями въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» Дм. Ник. сумѣлъ привить интересъ къ наукѣ и выяснить ея огромное культурное значеніе для жизни. Въ своихъ, всегда глубоко продуманныхъ и содержательныхъ лекціяхъ и статьяхъ, онъ умѣетъ излагать сущность новѣйшихъ ученій и теорій въ такой доступной и ясной формѣ, что его можетъ понимать самый неподготовленный слушатель или читатель.

Если засѣданіи Общества любителей естествознанія, антроп. и этнографіи перестали быть замкнутыми и охотно посѣщаются публикой, если въ Москвѣ образовался кружокъ географовъ и антропологовъ, если въ Москву стали пріѣзжать учиться и защищать диссертаціи по географіи и антропологіи изъ другихъ университетовъ,—то всѣмъ этимъ мы обязаны Дмитрію Николаевичу Анучину.

Его доступность, его умѣнье привлекать людей, его отзывчивость и бережное отношеніе къ людямъ, его разносторонность и глубокій интересъ къ вопросамъ современности—вотъ что объединило многіе сотни его учениковъ и почитателей, которые привѣтствовали его въ день семидесятилѣтія его жизни.

Мы чтимъ и привѣтствуемъ въ лицѣ Дм. Ник. человѣка, умѣвшаго сочетать преданность научной работѣ съ неустанной общественной дѣятельностью.

Диспутъ Кагарова.

6 декабря въ университетѣ состоялся диспутъ Е. Е. Кагарова, защищавшаго диссертацію «Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ древней Греціи», представленную на соисканіе степени магистра греческой филологіи. Въ «Голосѣ Минувшаго» уже отмѣчалось важность затронутой диссертантомъ темы; цѣль книги г. Кагарова, какъ тогда указывалось, — доказать, что и древніе греки въ свое время пережили, какъ и всѣ первобытные народы, періодъ фетишизма и культа растеній и животныхъ; пережитки этого культа въ разнообразныхъ и многочисленныхъ формахъ сохранились и въ историческое время; диссертантъ поставилъ своею задачею собрать ихъ съ возможною полнотою. Во вступительной рѣчи диссертантъ сдѣлалъ краткій очеркъ исторіи изученія религіозной жизни первобытныхъ народовъ, остановившись болѣе подробно на филологической и антропологической школахъ. Первый официальный оппонентъ (проф. Н. И. Новосадскій) призналъ, что авторъ совершилъ огромную работу по сводкѣ матеріала, относящагося къ вопросу о культѣ фетишей, растеній и животныхъ. По полнотѣ этого матеріала диссертація представляетъ выдающееся явленіе не только въ русской, но и въ западно-европейской литературѣ. Но этотъ матеріалъ представленъ г. Кагаровымъ въ недостаточно стройномъ и разработанномъ видѣ; онъ расчлененъ по чисто внѣшней схемѣ—по видамъ предметовъ почитанія, но даже и эта внѣшняя схема недостаточно выдержана. По отношенію къ взглядамъ другихъ ученыхъ, касавшихся того же предмета, въ трудѣ диссертанта преобладаетъ простое изложеніе ихъ, а не оцѣнки; поэтому критическую часть работы надо признать слабой. Кромѣ того, диссертантъ не точенъ въ своихъ ссылкахъ на первоисточники и часто невѣрно ихъ переводитъ. Въ своихъ возраженіяхъ диссертантъ указывалъ, что представить весь собранный имъ матеріалъ въ стройномъ и схематическомъ видѣ трудно и даже невозможно, въ виду того, что культъ различныхъ растеній нельзя пріурочить къ опредѣленнымъ божествамъ и что самый матеріалъ очень сложенъ и не поддается группировкѣ по внутреннимъ признакамъ. Что же касается до критическаго отношенія къ другимъ авторамъ, то оно заключено въ скрытой формѣ въ его собственныхъ опредѣленіяхъ и выводахъ. Второй официальный оппонентъ проф. С. И. Соболевскій указалъ, что диссертація г. Кагарова носитъ болѣе историческій, чѣмъ филологическій характеръ; въ трудѣ диссертанта много шаткихъ гипотезъ и мало филологическаго вниманія къ самому тексту источниковъ; есть и прямыя ошибки въ цитатахъ и въ пониманіи ихъ. Диссертантъ въ погонѣ за полнотой свѣдѣній довольно безразборчиво собиралъ всякаго рода свидѣтельства безъ различія источниковъ, на достовѣрные и недостовѣрные, и безъ достаточной критики ихъ. Отсюда шаткость выводовъ г. Кагарова. Источники, на которые онъ опирается, или недостаточно надежны, или невѣрно поняты; аналогіи, взятыя изъ фольклора другихъ народовъ, поддаются самымъ различнымъ толкованіямъ и, какъ всякія сравненія, ненадежны; лингвистическія данныя не даютъ никакихъ указаній; археологическіе памятники относятся къ микенскому времени, т.-е. ко времени, когда на Балканскомъ полуостровѣ жили, какъ можно думать, не греки. Это подрываетъ вѣру въ основной тезисъ книги г. Кагарова, именно, что *у грековъ* существовало обожествленіе растеній и животныхъ, и что было время, когда *греки* переживали періодъ фетишизма; вѣрнѣе, что все это существовало лишь у праарійцевъ, и тѣ пережитки культа фетишей, растеній и животныхъ, которые авторъ находитъ въ исторической Греціи, являются пережитками не гре-

ческихъ, а праарійскихъ вѣрованій. Авторъ самъ не даетъ прямыхъ доводовъ въ пользу существованія культа растеній и животныхъ въ древней Греціи, и его диссертацію правильнѣе бы назвать: «роли растеній и животныхъ въ культѣ боговъ», а не «культомъ растеній и животныхъ», ибо таковаго въ древней Греціи не было. Съ такой оговоркой диссертація имѣетъ свое значеніе, и ее, несмотря на указанные недостатки, можно назвать *хорошей* диссертаціей. Въ своихъ возраженіяхъ диссертантъ отмѣчалъ, что для него было цѣнно всякое указаніе на близость греческихъ религіозныхъ представленій къ обожествленію предметовъ неорганическаго и органическаго міра; его цѣлью было лишь показать, что извѣстныя представленія не были чужды греческому религіозному міровоззрѣнію, и поэтому онъ съ большимъ вниманіемъ относился ко всякому извѣстію, содержащему хотя бы отдаленный намекъ на культъ растеній и животныхъ. Что же касается до микенскаго времени, то онъ держится того мнѣнія, что тогда жили греки, а не какой-либо другой народъ. Изъ неофиціальныхъ оппонентовъ въ диспутѣ принимали участіе проф. Грушка, указавшій на то, что авторъ пользовался больше учеными XX столѣтія, чѣмъ первоисточниками, и др. Постановленіемъ факультета, признавшаго большія заслуги за диссертантомъ, подвергшимъ разработкѣ наименѣе разработанные въ наукѣ вопросы на широкой исторической основѣ, г. Кагаровъ удостоенъ искомой степени.

В. Перцевъ.

Диспутъ Бутенко.

1-го октября въ С.-Петербургскомъ университетѣ происходила защита магистерской диссертаціи прив.-доц. В. А. Бутенко подъ заглавіемъ «Либеральная партія во Франціи въ эпоху Реставраціи». Офиціальными оппонентами выступили профессора Н. И. Карѣевъ и Э. Д. Гриммъ. Первый поставилъ въ заслугу выборъ интересной и нужной темы, обработку ея на почвѣ общей исторіи эпохи, прекрасное знакомство съ литературой предмета и критическое къ ней отношеніе, строгій историческій объективизмъ, стройность плана и литературность изложенія, равно какъ то, что г. Бутенко извлекъ изъ архивовъ много совершенно свѣжаго матеріала. Въ упрекъ онъ поставилъ диспутанту отсутствіе общей характеристики архивныхъ источниковъ, которыми онъ пользовался, нѣкоторые пропуски въ исторіографическомъ очеркѣ изученія реставраціи (напр. Луи Блана и особенно нѣмецкихъ историковъ Гервинуса и Альфреда Штерна), больше же всего—невключеніе въ книгу анализа соціальныхъ отношеній эпохи, который авторъ цѣликомъ рѣшилъ включить только во второй томъ. Сдѣлано было и нѣсколько частныхъ замѣчаній, между прочимъ, по поводу названія партіи либераловъ, исключенія г-жи Сталь изъ числа писателей либеральнаго лагеря и принимаемаго авторомъ вліянія конституціи 1791 г. на сенатскую конституцію 1814 г. и конституцію палаты представителей эпохи «ста дней». Второй оппонентъ, проф. Гриммъ, заявилъ, что присоединяется къ общей характеристикѣ, данной труду г. Бутенко первымъ оппонентомъ, но прибавилъ, что затрудняется судить объ общей конструкціи книги, разъ это только первый томъ. И онъ выразилъ сожалѣніе, что авторъ отложилъ разсмотрѣніе соціальнаго состава либеральной партіи до втораго тома и тѣмъ лишилъ себя возможности болѣе реально представить ея отношенія къ разнымъ злобамъ дня, которыя вообще мало освѣщены въ книгѣ (напр., отношеніе къ клерикализму). Этимъ, какъ выразился оппонентъ, диспутантъ до извѣстной степени «обезкровилъ» изложеніе.

(Рус. Вѣд.)

Французскій критикъ объ „Александрѣ I" Д. С. Мережковскаго.

Во второй августовской книжкѣ «Revue des deux Mondes» извѣстный критикъ и историкъ Визева, хорошо

знакомый съ русской литературой, посвятилъ интересную статью последнему роману Д. С. Мережковскаго, появившемуся недавно и во французскомъ переводѣ.

По мнѣнію г. Визевы, на всемъ протяженіи романа авторъ непрестанно примѣняетъ литературную манеру Толстого «до такой степени, что намъ положительно могло бы казаться будто мы читаемъ чужое продолженіе «Войны и Мира», если бы слишкомъ часто добросовѣстныя усилія имитатора не заставляли насъ противопостовлять простое и сильное мастерство его образца». Такая подражательность—существеный недостатокъ романа Мережковскаго. Другой недостатокъ еще ощутительнѣе. Дѣло въ томъ, что «г. Мережковскій не умѣлъ извлечь пользы изъ примѣненія «аналитическаго» метода, заимствованнаго имъ у Толстого». Толстой даетъ намъ «кусочки» изъ жизни своихъ героевъ; но при чтеніи каждый новый сцены, гдѣ опять появляется кн. Андрей, напр., или Пьеръ Безуховъ, мы не только чувствуемъ, что это одно и то же лицо, но самый характеръ его становится съ каждый сценой все болѣе и болѣе для насъ понятнымъ, какъ будто мы все глубже проникаемъ въ тайники его души. У г. Мережковскаго, напротивъ, совсѣмъ нѣтъ «развитія» характеровъ; главныя фигуры его романа при каждомъ новомъ своемъ появленіи выступаютъ въ какомъ-то новомъ освѣщеніи, и авторъ не даетъ намъ возможности найти единство въ этихъ различныхъ, даже противоположныхъ чертахъ. «Отчасти такой недостатокъ,—говоритъ г. Визева,—объясняется глубокимъ философскимъ скептицизмомъ г. Мережковскаго или лучше сказать его глубокимъ презрѣніемъ къ нашей жалкой человѣческой природѣ, и я не удивился бы, если бы авторъ «Александра I» кое-гдѣ сознательно усилилъ поражающія насъ противорѣчія въ характерѣ его героевъ; для того только, чтобы явственнѣе показать, какія это жалкія существа, съ ихъ случайными мыслями, чувствами и дѣйствіями». Но больше всего повинно здѣсь отсутствіе той увѣренной и сильной творческой ясности, какая отличаетъ произведенія Толстого и Достоевскаго. Этого таинственнаго дара творчества всегда недоставало г. Мережковскому въ его историческихъ романахъ. Когда авторъ разсказываетъ намъ о жизни Леонардо-да-Винчи, Петра Великаго или Александра I, то легко можно подумать, что критикъ искусства, историкъ или философъ развлекается тѣмъ, что окружаетъ романической фабулой идеи и чувства, близкія его сердцу. Въ общемъ французскій критикъ признаетъ, что «Александръ I» выше предыдущихъ историческихъ романовъ Мережковскаго, что тамъ меньше модернизацій и меньше анахронизмовъ [1]).

[1]) Разбору романа Мережковскаго съ исторической стороны въ «Гол. Мин.» будетъ посвящена особая статья С. П. Мельгунова.

О подпискѣ на „Голосъ Минувшаго“.

Подписка на $^1/_2$ года—**4** руб., на годъ (безъ №1)—**7** р., **50** к., 9 мѣсяцевъ съ апрѣля—**6** р. **50** к., 1 мѣсяцъ—**1** р., за границу—**10** р. принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверская, 48; **тел. 5-39-39;** въ Петербургѣ и др. городахъ, въ отдѣленіяхъ **Т-ва И. Д. Сытина.**

Редакція проситъ гг. подписчиковъ своевременно извѣщать контору о каждой перемѣнѣ адреса, прилагая на 20 коп. марокъ.

Содержаніе вышедшихъ книгъ „Голоса Минувшаго“:

№ 1. (Январь).

I. Статьи:

Руссо—гражданинъ Женевы, М. М. Ковалевскаго.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій (біограф. очеркъ), В. И. Семевскаго.

Театръ и зрители. 1. Русскіе зрители XIX в., И. Н. Игнатова.

Королев Луиза и Александръ I, А. К. Дживелегова.

Народничество Н. Н. Златовратскаго, П. Н. Сакулина.

II. Воспоминанія:

А. В. Поджіо. Записки декабриста, съ предисловіемъ А. И. Яковлева.

Изъ далекихъ воспоминаній, К. К. Арсеньева.

III. Матеріалы:

Л. Н. Толстой о Наполеонѣ (письма Л. Н. Толстого къ А. И. Эртелю), П. И. Бирюкова.

М. Е. Салтыковъ въ Ниццѣ (изъ неизданной переписки съ Н. А. Бѣлоголовымъ), В. А. Розенберга.

Новые матеріалы о М. А. Бакунинѣ и А. И. Герценѣ, В. Я. Богучарскаго и М. О. Гершензона.

IV. Критика и библіографія:

Новая работа объ Александрѣ I (по поводу изслѣдованія великаго князя Николая Михайловича), С. П. Мельгунова.

V. Обзоръ журналовъ:

Статьи нѣмецкихъ авторовъ по русской исторіи въ нѣмецкомъ журналѣ Теодора Шимана, А. А. Кизеветтера.

Изъ иностранныхъ журналовъ, А. М. Васютинскаго.

Значеніе эпохи Отечественной войны (по поводу статьи г. Корнилова), М. Н. Покровскаго.

VI. Хроника:

Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка, Ѳ. Д. Батюшкова.

Памяти В. Е. Якушкина, В. И. Семевскаго.

П. И. Бартеневъ, В. В. Каллаша.

П. И. Щукинъ, А. В. Орѣшникова.

Артуръ Гергей, А. К. Дживелегова.

П. А. Крапоткинъ, какъ историкъ французской революціи.

М. Ѳ. Казаковъ, И. Е. Бондаренко.
Акварель E. Lami въ Румянцевскомъ музеѣ, Н. И. Романова.

Музей Александра III въ Москвѣ, В. Е. Степановой.

Выставка 1812 года, Е. Ѳ. Корша.

Хроника научныхъ обществъ и мелкія сообщенія.

VII. **Приложеніе:**

„Письма маркизы", романъ Лили Браунъ (изъ второй половины XVIII в., переводъ Э. К. Пименовой).

VIII. **Рисунки:**

Акварель E. Lami, поморскіе лубки (сатира на театръ), портреты: А. В. Поджіо, В. Е. Якушкина, П. И. Щукина, П. И. Бартенева, Т. Корзона, С. Кшеминскаго, М. Ѳ. Казакова.

№ 2. (Февраль).

I. **Статьи:**

В. И. Пичета. Смутное время въ русской исторіографіи.
А. А. Чебышевъ. Драма въ Мангеймѣ (убійство Коцебу).
Л. С. Козловскій. Польскіе романтики „украинской школы".
И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. I. Зрители нач. XIX в.
В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

II. **Воспоминанія:**

Дневникъ Дюмона 1803 г. (съ портретомъ). Съ предисловіемъ С. М. Горяинова.
Записки А. В. Поджіо.
П. Д. Боборыкинъ. „За полвѣка".

III. **Матеріалы:**

Дѣло о декабристѣ (кн. В. М. Голицынѣ).
М. О. Гершензонъ. Н. П. Огаревъ.
Изъ дневника А. И. Эртеля.

IV. **Критика и библіографія.**

V. **Обзоръ журналовъ:**

1) С. П. Мельгуновъ. „Настоящая Россія" (по поводу статьи А. А. Кизеветтера о Растопчинѣ).
2) Н. Л. Бродскій. Изъ исторіи русской литературы.
3) А. М. Васютинскій. „Французское общество въ началѣ второй имперіи. Новое о Стендалѣ".
4) В. Н. Перцевъ. „Новое этнологическое освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ греческой культуры".

VI. **Хроника.**

М. А. Дьяконовъ. Н. Е. Энгельманъ.
Ч. Вѣтринскій. Архивныя комиссіи.
К. С. Кузьминскій. Зауэрвейдъ (по повод. помѣщаемыхъ рисунковъ).
В. Н. Тукалевскій. Выставка въ память И. И. Срезневскаго.
Н. И. Херасковъ. Конгрессъ общества экономической исторіи революціи.

VII. **Романъ:**

Лили Браунъ. Письма маркизы.

№ 3. (Мартъ).

I. **Статьи:**

А. К. Дживелеговъ. „Памяти Т. Н. Грановскаго".

М. М. Покровскій. Греческіе, римскіе и новѣйшіе гуманисты о женщинѣ и ея образованіи.

В. Викторовъ-Топоровъ. „Светозаръ Марковичъ" (изъ исторіи общественнаго движенія въ Сербіи).

А. Е. Грузинскій. Источники разсказа Л. Н. Толстого „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ".

В. И. Семевскій. М. В. Петрашевскій-Буташевичъ (характеристика).

II. **Воспоминанія:**

Дневникъ Дюмона 803 г. Сообщ. С. М. Горяиновъ.
Записки Поджіо (окончаніе). Сообщ. А. И. Яковлевъ.
Записки Л. В. Дубельта. Сообщено Л. Ѳ. Пантелѣевымъ. Съ предисловіемъ С. П. Мельгунова.
П. Д. Боборыкинъ. „За полвѣка".

III. **Матеріалы:**

1) Изъ неизданной переписки Н. В. Гоголя. Сообщ. В. В. Каллашомъ и П. Н. Сакулинымъ. 2) „Грановскій и Шевыревъ" Ю. Соколова. 3) Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи. Сообщ. В. И. Семевскимъ. 4) „Забота о довѣріи об-ва къ суду". Сообщ. В. Богучарскимъ.

IV. **Обзоръ журналовъ:**

А. А. Кизеветтеръ. „Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова". 2) Н. С. Русановъ. „Воспоминанія г. Вырубова о П. Л. Лавровѣ". 3) Н. Л. Бродскій. „Изъ исторіи русской литературы". 4) А. М. Васютинскій. „Тайная полиція во Франціи и Австріи въ эпоху реставраціи. Мемуары гр. Аппоньи".

V. **Критика и библіографія.**

VI. **Хроника:**

Т. И. Полнеръ. „В. В. Самойловъ". Съ рисунками.

V. Обзоръ журналовъ:

И. М. Херасковъ. Изъ жизни французской провинціи въ 790—91 г.

VI. Критика и библіографія.

VII. Хроника:

А. П. Левицкій. Памяти С. М. Блеклова. Б. И. Сыромятниковъ. Проф. Эсменъ. Шекспиръ и Бокэнъ.

VIII. Приложеніе:

Лили Браунъ. Письма маркизы.

IX. Рисунки:

Портреты Черносвитова, Гощинскаго, Залѣсскаго, Тимоѳея Зайца (на отдѣльныхъ листахъ); въ текстѣ — Щепкина, Тургенева, Блеклова. Факсимиле драмъ Тургенева и рукописи Зайца. Заставки заимствованы изъ рукописныхъ евангелій XVI в. въ собраніи А. А. Титова. Концовки изъ иллюстрированной азбуки XVIII в. въ томъ же собраніи.

№ 9. (Сентябрь).

I. Статьи:

Н. П. Сидоровъ. Н. В. Станкевичъ (къ столѣтію со дня рожденія). Марія Веселовская. Старшіе и одинокіе новой бельгійской литературы. А. А. Чебышевъ. Арестъ Грунера. И. И. Игнатовичъ. Продовольственный вопросъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ наканунѣ освобожденія.

II. Воспоминанія:

Н. А. Морозовъ. Во имя братства. Анри Рошфоръ. Изъ воспоминаній. Съ пред. А. К. Дживелегова. С. А. Левитинъ. Изъ встрѣчъ съ Бебелемъ. А. Л. Колянковскій. Воспоминанія о проф. Брикнерѣ. Эпизодъ изъ посѣщенія Берлина Петромъ Великимъ (изъ воспоминаній маркграфини Вильгельмины Байретской). Перев. С. Клейнеръ.

III. Романъ:

Владиславъ Реймонтъ. 1794 годъ. Ч. I, гл. II. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Историческая повѣсть. Переводъ единственный, разрѣшенный авторомъ, Е. М. Загорскаго.

IV. Матеріалы:

М. Н. Коваленскій. Неизданные университетскіе курсы Грановскаго.

В. В. Каллашъ. 1) Гоголь о Петрашевцахъ; 2) Гоголь о Пушкинѣ. В. И. Семевскій. Письма М. Н. Муравьева къ А. А. Зеленому. (Сообщ. Н. I. Шатиловымъ.) П. И. Бирюковъ. Изъ переписки М. С. Башилова съ Л. Н. Толстымъ. (По поводу иллюстраціи „Войны и мира".) Л. С. Козловскій. Изъ прошлаго польско-еврейскихъ отношеній.

V. Обзоръ журналовъ:

И. И. Поповъ. Воспоминанія Г. Н. Потанина.

VI. Критика и библіографія:

Рецензіи М. Н. Гернета, Ю. В. Готье, П. В. Мокіевскаго, В. М. Фриче, А. М. Васютинскаго, проф. В. Завитневича, С. М., А. М. Гнѣвушева. **Изъ текущей литературы:** А. А. Кизеветтера, С. В. Петлюры, Ч. Вѣтринскаго. Письмо въ редакцію—Г. В. Плеханова.

VII Хроника:

А. К. Дживелегова. А. Бебель. Ю. А. Веселовскій. Камиллъ Лемонье. Б. Ставэно. Ал-ръ Яблоновскій, † Станиславъ Мендельсонъ, „Леся Украинка", В. Г. Авсѣенко. В. Е. Степанова. „Золотой домъ" Нерона.

VIII. Рисунки:

Иллюстраціи къ „Войнѣ и миръ" Толстого М. С. Башилова (на отдѣльн. листахъ): 1) кн. Лиза Болконская, 2) кн. Анна Михайловна, 3) Пьеръ, 4) гр. И. А. Ростовъ и Марія Дмитріевна, 5) Билибинъ; портреты въ текстѣ: Н. В. Станкевича, Анри Рошфора, М. Н. Муравьева, Авг. Бебеля, Ал-ра Яблоновскаго, Леси Украинки, проф. А. Г. Брикнера и В. Г. Авсѣенки. Заставки и концовки изъ издан. 1677 г. и 1730 гг.

№ 6. (Іюнь).

I. Статьи:

К. Н. Успенскій. Юстиніанъ и крупное землевладѣніе сенатской знати.
В. А. Филипповъ. Факты и легенды въ біографіи Ѳ. Г. Волкова.
В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.
Е. Е. Колосовъ. М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ.

II. Воспоминанія:

Изъ воспоминаній пажа Людовика XVI. Переводъ съ франц. Е. П. Чалѣевой.
В. М. Хижняковъ. Изъ разсказовъ бабушки.
В. М. Максимовъ. Автобіографическія записки.

III. Матеріалы:

Казанскій заговоръ 1863 г. Эпизодъ изъ польскаго возстанія. Сообщ. А. Ершовъ.
Письмо фонъ-Тиле по поводу проекта „Уставной грамоты“ Новосильцева. Съ пред. И. С. Рябинина.

IV. Обзоръ журналовъ:

Н. П. Сидоровъ. Ломоносовъ, Новиковъ, Радищевъ.

V. Критика и библіографія:

Новый трудъ по экономической исторіи Россіи. М. Н. Покровскаго.

VI. Некрологъ:

В. М. Соболевскій, — А. Н. Максимова, И. П. Бѣлоконскаго.

VII. Рисунки:

Портретъ В. М. Соболевскаго, Джабадари Максимова. Празднества въ Версалѣ (изданіе конца XVII в.).

VIII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма маркизы“.

№ 7. (Іюль).

I. Статьи:

С. А. Корфъ. Павелъ I и дворянство М. Коноплева. Марія Семеновна Жукова. Л. П. Карсавинъ. Церковь и религіозныя движенія XII — XIII вѣковъ въ Зап. Европѣ.

II. Воспоминанія:

В. М. Хижняковъ. Изъ разсказовъ бабушки (окончаніе). В. Н. Ольнемъ. Изъ репортерскихъ воспоминаній. Ѳ. Е. Коршъ. Изъ воспоминаній. — Изъ воспоминаній пажа Людовика XVI. Пер. съ фр. Е. П. Чалѣевой.

III. Матеріалы:

А. К. Дживелеговъ. Черты провинціальной жизни на рубежѣ XIX в. Письма А. И. Герцена. Сообщ. М. О. Гершензонъ. А. Ершовъ. Казанскій заговоръ (окончаніе). А. Чертковъ. Изъ исторіи гоненій духоборцевъ въ Закавказьѣ.

IV. Обзоръ журналовъ:

1) В. И. Пичета. В. Кн. Константинъ Павловичъ и Кн. Елена Любомирская; 2) С. П. Мельгуновъ. Еще о Ростопчинѣ, Изъ крѣпостного быта; 3) С. Г. Сватиковъ. Проекты народнаго представительства въ Россіи въ 1882 г.; 4) Л. Ф. Пантелѣевъ. О Гаршинѣ.

V. Критика и библіографія.

VI. Хроника:

60 лѣтъ В. Г. Короленко и пр.

VII. Рисунки:

Портретъ М. С. Жуковой, В. Г. Короленко (дуплексъ), празднества въ Версалѣ. Въ текстѣ портр. Ѳ. Е. Корша, С. В. Соловьева, С. Н. Шубинскаго, Г. М. Фриденсона, И. Я. Франка.

VIII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма маркизы“.

№ 8. (Августъ).

I. Статьи:

В. А. Михайловскій. Великій русскій актеръ (къ 50-лѣтію со дня кончины М. С. Щепкина, 11 августа 1863 года). Л. С. Козловскій. Польскіе романтики „Украинской школы“. II. Богданъ Залѣсскій. В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій

II. Воспоминанія:

Н. А. Морозовъ. Во имя братства. В. Н. Ольнемъ. Изъ записокъ репортера. Тимоѳей Заяцъ. Записки. Съ предисловіемъ А. К. Чертковой.

III. Романъ:

Владиславъ Реймонтъ. 1794 годъ. Ч. I. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Историческая повѣсть. Переводъ единственный, разрѣшенный авторомъ Е. М. Загорскаго.

IV. Матеріалы:

Ч. Вѣтринскій. Щепкинъ и Герценъ. И. С. Тургеневъ. Стѣно. Драматическая поэма, 834 г. Съ послѣсловіемъ М. О. Гершензона. А. С. Попельницкій. Письмо И. С. Тургенева императору Александру II, 859 г.

Л. И. Гальберштадтъ. „Къ юбилею Румянцевскаго музея".
М. С. Сергѣевъ. „Выставка древне-русскаго искусства".
В. Н. Щепкинъ. „Миніатюра Сійскаго Евангелія 1339 г." (къ рисунку).
И. Н. Романовъ. „Литографія Э. Манэ «La Barricade». (Рисунокъ).

VII. Романъ.

Лили Браунъ. Письма маркизы.

№ 4. (Апрѣль).

I. Статьи:

В. М. Фриче. „К. Гольдони" (обществ. значеніе его комедій).
И. Н. Игнатовъ. „Театръ и зрители II. Послѣ Отечественной войны".
Н. О. Лернеръ. „Пушкинъ, Фотій и гр. Орлова".
К. Н. Левинъ. „Два эпизода изъ жизни А. И. Герцена". (По неизданнымъ матеріаламъ).
В. И. Семевскій. „М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. Пятницы Петрашевскаго въ 845—48 гг.".

II. Воспоминанія:

„Дневникъ Э. Дюмона. 803 г.". Сообщ. С. М. Горяиновъ.
Максимовъ, В. М. „Автобіографическія записки". Съ предисловіемъ И. Е. Рѣпина.
Бѣлоконскій, И. П. „Отрывки изъ воспоминаній".

III. Матеріалы:

„Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи". Сообщ. В. И. Семевскій. „Къ біографіи Т. Н. Грановскаго". Сообщ. Д. М. Щепкинъ. „Неизвѣстная сатира". Сообщ. Н. П. Кашинъ.

IV. Критика и библіографія.

V. Обзоръ журналовъ:

С. П. Мельгуновъ. 1) „Изъ исторіи русскаго самосознанія. Защита Мережковскимъ Александра I. Новое о декабристахъ". 2) Н. Л. Бродскій. „Новое о Пушкинѣ". 3) И. В. Лучицкій. „О феодализмѣ при Людовикѣ XVI". 4) А. М. Васютинскій. „Дж. Мадзини на защитѣ римской республики 1849 г. Новый варіантъ Мефистофеля. Фаустъ въ балаганѣ".

VI. Рисунки:

Портреты (дуплексъ): Гольдони; Н. А. Спѣшнева и В. М. Максимова. Картина И. Е. Рѣпина. „Арестъ" (въ краскахъ). Заставки изъ изданій Струйскаго XVIII в.

VII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма маркизы".

№ 5. (Май).

I. Статьи:

И. И. Шрейдеръ. Джузеппе Мадзини о національномъ вопросѣ. R. „Валеріанъ Лукасинскій".
Е. Колосовъ. М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ.

II. Воспоминанія:

В. М. Максимовъ. Автобіографическія замѣтки (продолженіе).
И. П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминанія (оконч.).
Н. М. Іорданскій. Изъ недавняго прошлаго.
Проф. I. А. Артоболевскій. Воспоминанія о В. О. Ключевскомъ.
Н. Н. Степаненко. Воспоминанія о Засодимскомъ. Автобіографическая замѣтка П. В. Засодимскаго. Сообщ. Ч. Вѣтринскій.

III. Матеріалы:

С. П. Мельгуновъ. Московскій университетъ въ 1894 г. (по поводу записокъ проф. Боголѣпова).
Черткова, А. К. Л. Н. Толстой и его знакомство съ духовно-православной литературой (по письмамъ и личнымъ воспоминаніямъ о немъ).
Письма. В. О. Ключевскаго.
Гершензонъ, М. О. О способахъ распространенія „Колокола".
(Письмо неизвѣстнаго къ А. И. Герцену). Гр. В. Н. Панинъ о Герценѣ.

IV. Обзоръ журналовъ:

1) Н. Л. Бродскій. Новое о Гаршинѣ.
2) А. М. Васютинскій и А. К. Дживелеговъ. М-ль Сталь, вел. кн. Екатерина Павловна и Наполеонъ.

V. Критика и библіографія.

VI. Рисунки.

Портретъ В. Лукасинскаго. Картины Максимова.

VII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма маркизы".